UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00306668 5

12/X/18

Самиъ - ор Ерие

Библіотека Русскихъ Писателей,
подъ общей редакціей профессора
Е. В. Аничкова.

И. С. НИКИТИНЪ.

II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧ. ГРАФИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА БР. ЛУКШЕВИЦЪ
5-я РОЖДЕСТВЕНСКАЯ УЛ. № 44.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. С. НИКИТИНА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. М. ГОРОДЕЦКАГО.

Текстъ обработанъ по рукописямъ, 1-ымъ изданіямъ и журналамъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Русское Книжное Товарищество „Дѣятель".

PG
3337
N7
1910
t. 2

LIBRARY
SEP 8 1966
UNIVERSITY OF TORONTO

1116873

Эпосъ Никитина.

Вступительный очеркъ.

Въ поэзіи Никитина, которой преждевременная смерть поэта не дала возможности раскрыться до всѣхъ своихъ предѣловъ, наряду съ лиризмомъ, имѣющимъ часто оттѣнокъ философическаго раздумья, наряду съ драматизмомъ, вытекавшимъ изъ противорѣчія гуманистически настроенной души поэта съ окружавшей его дѣйствительностью, видное мѣсто занимаетъ эпосъ, настолько видное, что можно назвать его первенствующимъ. Стихія эпоса, замѣтная въ самыхъ раннихъ стихотвореніяхъ Никитина, наростала по мѣрѣ его развитія: это она удлиняла лирическія пьесы, это она заставляла разростаться описанія въ пьесахъ съ сюжетомъ явно драматическимъ, это она разливалась мощно и торжествовала, когда поэтъ завѣдомо бралъ полотно шире обычнаго, какъ напр., въ стихотвореніяхъ, близкихъ къ поэмамъ, „Купецъ на пчельникѣ" или „Ночлегъ извозчиковъ".

Въ настоящемъ томѣ объединены всѣ крупныя эпическія произведенія Никитина, съ поэмою „Кулакъ" во главѣ.

И несмотря на то, что поэма эта имѣетъ два основныхъ чтенія, не считая сложной сѣти поправокъ, что авторъ самъ издалъ ее въ свѣтъ въ томъ ея чтеніи, которое дается здѣсь первымъ, послѣ мучительной и кропотливой работы сочтя ее законченной, — отъ всего эпическаго клада, оставленнаго по этомъ, создается впечатлѣніе, что огромная работа была только начата, что къ величавой задачѣ русскаго эпика поэтъ только подошелъ, что главное осталось несвершеннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, только двѣ поэмы „Кулакъ" и „Тарасъ" Никитинымъ были закончены. Отъ поэмы „Городской Голова" мы имѣемъ лишь осколокъ, извѣстный подъ заглавіемъ „Поѣздка на хуторъ". Для широко задуманной повѣсти изъ се-

минарскаго быта написанъ только сырой „Дневникъ Семинариста“, какъ первоначальный этюдъ этой повѣсти. Кромѣ „Дневника Семинариста“, для характеристики Никитина, какъ художника-прозаика, оказалось возможнымъ извлечь изъ писемъ два короткихъ отрывка, цитированные де Пуле: „Назадъ тому недѣли три“ и „Городъ нашъ бѣлится“. Этимъ и исчерпывается эпическій кладъ Никитина. Главное въ этомъ кладѣ—произведеніе „Кулакъ“, какъ въ увеличительномъ стеклѣ, собрало всѣ недостатки поэзіи Никитина, присоединивъ къ нимъ еще всѣ промахи, свойственные, какъ вообще всякому крупному начинанію, такъ особенно первому большому эпическому опыту,—и въ этомъ морѣ недостатковъ и несообразностей, какъ пѣна разбушевавшихся валовъ, всплыли тѣ рѣдкія красоты и драгоцѣнныя качества, которыя въ концѣ концовъ и вводятъ Никитина въ ряды великихъ русскихъ эпиковъ.

Чего не было ему отъ природы дано, такъ это чувства архитектурности, обладанія тайной распредѣленія массъ и подчиненія крупнѣйшему крупнаго, крупному мелкаго, мелкому мельчайшаго. Да и откуда же взяться у русскаго, степного человѣка чувству архитектурности, когда распластанъ онъ въ двухъ измѣреніяхъ неба и степи, гдѣ навсегда ширина совпала съ длиной? Безпредѣльно уводитъ степь зоркій глазъ своего наблюдателя и никакому иному обращенію съ пространствомъ научить его не можетъ, какъ нанизыванію впечатлѣній на одну прямую.

Такъ и строилъ ранніе свои стихи Никитинъ, вытягивая въ одну линію всѣ многоцвѣтныя жемчужины чуткихъ своихъ наблюденій, переходя отъ картины къ картинѣ, то маскируя переходы случайнымъ какимъ-нибудь соединяющимъ признакомъ, то просто ставя союзъ „и“, то подымая душу читателя, то роняя ее, то заставляя любоваться какимъ нибудь особенно близкимъ къ жизни описаніемъ, то мучая прозаизмомъ, заслоняя однимъ образомъ другой, налагая краску на краску и памятуя, главнымъ образомъ, силу очередного мѣста. Вотъ, напр., его „Русь“ и слѣдованіе начальныхъ ея картинъ: 1) голубое небо и степь; 2) темныя тучи и горы; 3) опять степь, рѣки и дороги по ней. („Подъ большимъ шатромъ голубыхъ небесъ, вижу, даль степей зеленѣется. И на граняхъ ихъ, вы-

ше темныхъ тучъ, цѣпи горъ стоятъ великанами. По степямъ въ моря рѣки катятся, и лежатъ пути во всѣ стороны".) Еще не окрѣпъ въ сознаніи такъ ярко данный образъ безоблачнаго синяго свода, какъ являются уже темныя тучи, приведенныя для лучшаго представленія горъ, еще не окрѣпъ образъ горъ, какъ опять являются степи, потому что по нимъ катятся рѣки, и тутъ же, по контрасту, какъ сухопутныя пути сообщенія,—дороги.

За исключеніемъ только нѣкоторыхъ случаевъ, когда взрывъ лирическихъ силъ былъ настолько силенъ, что опрокидывалъ обычныя формы творчества, и пѣсня сама выпирала въ слово,—стихотворенія Никитина не являются организмами. Оттого и работа надъ стихами носила у Никитина такой мучительный характеръ и сводилась къ перестановкамъ и частичнымъ измѣненіямъ, которыя Добролюбовъ опредѣлилъ, какъ свидѣтельствующія „о кропотливомъ, мозаическомъ подборѣ фразъ, о мозольномъ, почти библіографическомъ трудѣ".

Былъ путь, идя по которому, Никитинъ довольно легко могъ бы освободиться отъ нанизыванія образовъ, — это путь сосредоточиванія на одномъ какомъ-нибудь облюбованномъ образѣ. У Никитина была несомнѣнная склонность къ этому, и учителемъ своимъ онъ въ этомъ смыслѣ имѣлъ никого иного, какъ Гоголя. Онъ могъ выращивать образъ до того момента, когда этотъ образъ оживалъ и начиналъ шевелиться, то слагаясь въ формы смутно намѣчаемаго миѳологическаго существа, то просто становясь тѣмъ чудовищемъ-вещью, которыми населялъ свой художественный міръ Гоголь. Намеки на эту способность можно видѣть довольно часто въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ напр., „Въ чистомъ полѣ тѣнь шагаетъ". Достаточно явно развертывалась эта способность и на обширномъ полотнѣ „Кулака", но слишкомъ яростно она вытравлялась литературными совѣтчиками Никитина, и печальную исторію зарожденія и умерщвленія гоголевскихъ образовъ мы даемъ въ примѣчаніяхъ къ этому тому.

Эта пригнетенная способность оживлять образъ является только слѣдствіемъ того основного дара Никитина, на которомъ покоится вся его поэтическая дѣятельность. Это — даръ

видѣть вещи, свойственный всѣмъ русскимъ писателямъ, предопредѣлившій типичный для русской литературы методъ реализма.

Даръ видѣть вещи у Никитина былъ силенъ и своеобразенъ. Необычайная зоркость, дѣловитость и хозяйственность были въ его взглядѣ. Любовь къ точному перечисленію подробностей умѣрялась скупостью и сухостью, а хорошая память, ревниво хранящая общій обликъ предмета, умѣла во время остановить потокъ наблюденій. Если остановиться на анализѣ перваго появленія Лукича въ поэмѣ „Кулакъ", какъ оно описывается первоначально (см. вар.), затѣмъ какъ оно дается въ 1-ой ред. (**118**,13—24) и, наконецъ, въ послѣдней (**8**,2—9), то можно увидѣть, съ какой яркостью излучалъ предметъ въ глаза Никитина свои признаки, какъ поэтъ бился съ ихъ безпорядочными волнами, бился только однимъ оружіемъ, перестановками, и какъ все-таки онъ выходилъ побѣдителемъ, достигая иногда, какъ въ данномъ случаѣ (гдѣ, впрочемъ, чувствуется помощь образца, а именно пушкинскаго описанія появленія Петра передъ войсками въ „Полтавѣ"), почти скульптурности въ изображеніи.

Загорѣлое лицо, угрюмый и зоркій взглядъ, щетина бровей, морщины на лбу, черные волосы, сѣдая борода, средній ростъ, широкія плечи, жилистыя руки, расплющенный и засаленный картузъ, сюртукъ до пятъ — вотъ планъ перваго изображенія, т. е. описаніе тѣла: голова и фигура, описаніе одежды: голова и фигура. Здѣсь больше аналитическаго изученія, чѣмъ общаго ощущенія предмета. Здѣсь признаки рѣзки и остры.

„Сравненіе бровей со щетиною неудачно", говорятъ Никитину, убивая единственный взятый образно признакъ. Никитинъ убираетъ щетину и смягчаетъ всѣ краски; признакъ угрюмости даетъ бровямъ (вмѣсто щетины), а взглядъ дѣлаетъ только „строгимъ, умнымъ"; волосы—„темными"; картузъ „ни рыжимъ, ни чернымъ". Послѣдняя замѣна особенно интересна: отнявъ у картины главный пластическій образъ щетины, Никитинъ почувствовалъ, что пластическій признакъ расплющенности картуза и тактическій— его засаленности уже неумѣстны, уже кричатъ на новомъ, смягченномъ фонѣ, и замѣнилъ ихъ

признаками цвѣтовыми. Вся картина ослабѣла и потускнѣла. Нужна новая работа, и поэтъ переставляетъ описаніе тѣла и одежды Лукича, начиная теперь со второй и кончая первымъ. Удачно замѣняя эпитетъ „умный" (взглядъ)—„хитрымъ", удаляя излишнюю подробность — описаніе рукъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ признакъ широкоплечести, перенося его съ тѣла на одежду и давая тѣмъ самымъ вмѣсто коренастаго старика—сухощаваго, на которомъ платье болтается. Но въ общемъ, все-таки получается сжатый, нѣсколько суховатый образъ, производящій должное дѣйствіе.

Первоначальныя впечатлѣнія настолько крѣпко въѣдались въ глаза поэта, что онъ не могъ уже, отдѣлавшись отъ нихъ, взглянуть на этотъ же предметъ снова, освѣженнымъ взглядомъ. Онъ могъ въ дальнѣйшей работѣ только умственно подбирать болѣе подходящее и дѣлалъ изъ нея себѣ мученія, въ то время какъ радостнымъ и сильнымъ должно было бы, по свойствамъ своимъ, быть его творчество, если бы онъ все вниманіе и всю напряженность обращалъ на выявленіе перваго же буйнаго натиска впечатлѣній.

Эти два основныхъ свойства никитинской поэзіи: отсутствіе умѣнья располагать массы и удивительная реалистическая зоркость, на основѣ гуманистическаго міровоззрѣнія поэта и, помимо его воли, ставшаго драматическимъ ощущенія жизни предопредѣляютъ оцѣнку поэмы „Кулакъ".

Въ своемъ родѣ она является произведеніемъ единственнымъ: настолько оригинальна въ русскомъ стихотворчествѣ ея тема, и настолько высоко соціальное значеніе гуманистическаго въ духѣ русскаго всепрощенія разсказа о самомъ раннемъ, можетъ быть, типѣ городского мелкаго мѣщанства. Если же прибавить сюда, что въ намѣреніе Никитина входило дать галлерею типовъ: и безпечнаго помѣщика Долбина, и плута-подрядчика изъ служилыхъ людей Скобѣева, и скупого святоши купца Пучкова, и профессора-взяточника Зорова, и доброхотныхъ даятелей провинціаловъ священника и дьякона, и скопидома-лавочника Тараканова, т. е. чуть ли не новыя „Мертвыя Души" написать, и если принять во вниманіе, что намѣреніе это выполнено именно такъ, какъ надо было ожидать, т. е. въ общемъ недостаточно стройно, а по отдѣльнымъ

картинамъ, съ точки зрѣнія реалистическаго письма, блестяще, то значеніе поэмы „Кулакъ“ предстанетъ во всю свою крупную величину, и это произведеніе займетъ свое мѣсто въ ряду великихъ опытовъ русскаго эпоса.

Нестройность поэмы зависитъ главнымъ образомъ отъ метода раскрытія темы все по той же одной прямой линіи, картина за картиной, изъ которыхъ каждая зоветъ вниманіе именно къ себѣ; но большую роль сыграло тутъ и отсутствіе сюжета, объединяющаго всю вещь, или, вѣрнѣе говоря, замѣна единаго главнаго сюжета рядомъ, не очень длинныхъ, притомъ мелкихъ завязокъ, сцѣпляемыхъ между собой случайно или недостаточно, въ смыслѣ художественной концепціи, убѣдительно. Выдача замужъ дочери выдѣляется среди этихъ завязокъ, но на высоту главнаго сюжета не поднимается. Въ то же время авторъ ни на минуту не хочетъ признать за собой права просто разсказать по порядку жизнь кулака, что допустимо вполнѣ въ эпосѣ, но хочетъ хранить видимость существованія сюжета въ поэмѣ.

Для соединенія отдѣльныхъ частей поэмы ему приходится прибѣгать или къ общей картинѣ города, даваемой въ разные моменты, (глава первая, конецъ шестой, начало десятой, начало тринадцатой, начало восемнадцатой), или къ принципу deus ex machina, когда авторъ просто выводитъ за руку своихъ героевъ и свои событія на сцену, восклицая: „хозяйка добрая, здорово!“, „Вотъ и зима“, „Вотъ входитъ Саша“, „Вотъ и столяръ“ и т. д. Къ послѣднему, строго говоря, относится и большинство вставныхъ сценъ, какъ напр., Скобѣевъ и Долбинъ, Лукичъ и сборщикъ податей, Зоровъ и даятели, и даже всѣ сцены Лукича съ кредиторами, потому что такіе обстоятельные портреты, какъ Пучковъ, Зоровъ и Скобѣевъ, требуютъ, по своей значительности, большей и тѣснѣйшей связи съ сюжетомъ, чѣмъ желаніе героя занять у нихъ деньги. Правда, мы и Коробочку, и Плюшкина, и всѣхъ иныхъ безсмертныхъ нашихъ знакомыхъ этого рода узнали только потому, что Павелъ Ивановичъ ихъ объѣзжалъ. Но вѣдь Павелъ Ивановичъ только и дѣлалъ, что объѣзжалъ, и вотъ этого-то единства художественной рѣшимости и побѣждающей авторской смѣлости въ „Кулакѣ“ нѣтъ.

Перспективы времени и перспективы смысла тутъ нѣтъ совсѣмъ. Появляясь на сцену, все равно какой, важный или второстепенный, образъ уже однимъ своимъ появленіемъ пріобрѣтаетъ право на полное къ себѣ вниманіе и на полное своихъ всѣхъ качествъ выявленіе. Дѣтство Пучкова описано тѣми же пріемами, какъ и дѣтство героя поэмы Лукича, сваха описываетъ комнаты Тараканова такъ же, какъ самъ авторъ — комнаты Пучкова, фигура Скобѣева при первомъ ея появленіи показана такъ же точно, какъ и фигура Лукича, только прическа да костюмъ другіе, сновидѣнія и воспоминанія даются въ той же плоскости, какъ и дѣйствительность. Ужъ таково было свойство увидѣвшаго всю эту исторію глаза: видѣть рѣзко и разсматривать съ одинаковой обстоятельностью.

Но если отрѣшиться отъ высшихъ требованій стройности, и съ простой, ничѣмъ не занятой, готовой къ длинной лентѣ картинъ душой прочесть „Кулака", если притомъ привыкнуть не замѣчать нѣкоторую пестроту языка, получившуюся отъ слишкомъ щедраго фиксированія обычныхъ въ мѣщанскомъ говорѣ вступительныхъ междометій, восклицаній и всякихъ иныхъ подсобляющихъ частицъ, если завѣдомо отдаться въ полную власть невзыскательной воли автора,—то способность видѣть вещи и показывать ихъ поразитъ своею яркостью, удивитъ и ослѣпитъ подчасъ, взволнуетъ въ драматическомъ мѣстѣ и въ лирическомъ убаюкаетъ.

Всякій разъ, какъ сквозь путы сюжетовъ и переходныхъ мѣстъ авторъ прорывается къ предмету, къ вещи, гдѣ вся художественная задача заключается въ томъ, чтобы этотъ предметъ показать, задача, неосложняемая притомъ заботами о перспективѣ и разнообразіи письма, — мы присутствуемъ при удивительно энергичной и по своему вдохновенной работѣ. Вещи въ „Кулакѣ", всѣ эти мѣщанскіе столы, стулья, лавки, диваны, шкапы, картинки въ рамкахъ, мисы, корытца, чашки, горшки, корчаги, боченки, кувшины, лыки, ведра, ушаты, лотки, лопаты, всякія постройки, амбары, дома и заборы, всякая снѣдь и питія, гуси, утки, поросята, пироги, хлѣба и квасы, всякая одежда, сюртуки, халаты, полушубки, рубахи, кички, картузы, и всякая мелочь, будь то дѣтская гремушка

или помѣщичій чубукъ,—показываются такъ, что чувствуется большая власть художника надъ ними, дающаго полную художественную жизнь каждой изъ нихъ и полную осязательность для читателя, но въ то же время не позволяющаго всей этой вереницѣ вещей хоть на минуту ускользнуть отъ художнически-хозяйскаго глаза, перепутаться, вырваться на волю и завалить картину. Скупясь на эпитеты, но, если давая ихъ, такъ давая крѣпко, обходясь часто одной только разстановкой,—но такой, чтобъ ничто не затерялось, умѣя приласкать вещь уменьшительнымъ названіемъ, Никитинъ непревосходимъ въ свободѣ и властности обращенія съ вещами. Эти качества не измѣняютъ ему и тогда, когда онъ берется за картины болѣе широкія, за описанія пейзажей, за очерки фигуръ.

Будетъ-ли это видъ вечерняго города, ночной садъ, ярмарка или Дворянская улица, весенній, утренній садъ или рѣка въ полдень, или опять городъ въ ночной тишинѣ или на разсвѣтѣ, осень или зима,—пейзажи Никитина захватываютъ воображеніе и дѣйствуютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ проще пріемы, чѣмъ менѣе тѣснитъ поэтъ литературными устремленіями пѣвучую свою душу, а фигуры, очерчиваемыя быстро и вѣрно, съ перваго же своего появленія оживаютъ въ сознаніи и движутся.

Но эта чудесная способность поэта видѣть и показывать то, что происходитъ или существуетъ сейчасъ, нѣсколько меркнетъ, когда надо сжато разсказать о рядѣ событій. Дѣтство Лукича, дѣтство Пучкова, исторія Воронежа загромождены подробностями, теченіе образовъ неравномѣрно, мелкимъ загораживается крупное. И если въ первыхъ двухъ задача поэта осложнена была общей тенденціей поэмы, требовавшей изысканія въ условіяхъ жизни, если не оправданія, то объясненія характеровъ, сложившихся отрицательно, то тѣмъ яснѣе выступаютъ недостатки, о которыхъ говорилось выше, въ исторической части описанія Воронежа. Невозможно переходить отъ татарской эпохи къ петровской при помощи фразы „но вдругъ все жизнью закипѣло“ и о купцѣ, выстроившемъ часовню въ память Петра, говорить громче, чѣмъ о самомъ Петрѣ.

Одной изъ сильныхъ сторонъ поэмы „Кулакъ“ является ея драматизмъ. Сама тема ея настолько предрасполагаетъ къ драматизму, настолько часто требуетъ коллизій, схватокъ и противопоставленій, что драматическимъ элементомъ въ „Кулакѣ“ значительно заслонена глубокая, изначальная близость поэта къ стихіи эпическаго спокойствія, къ мирному идиллизму, и именно эти эпическія стороны его таланта здѣсь не могли найти не только полнаго своего приложенія, но даже такой хотя бы силы выявленія, какъ напр., въ „Ночлегѣ извозчиковъ“. Если только перечислить парами имена героевъ, такъ или иначе сражающихся другъ съ другомъ или, наоборотъ, стремящихся другъ къ другу, но встрѣчающихъ на этомъ пути препятствія, съ которыми сражаться надо, то получится рядъ немалый: Саша и Лукичъ, Саша и Столяръ, Саша и Таракановъ, Лукичъ и Пучковъ, Лукичъ и Зоровъ, Лукичъ и Таракановъ — это только главные конфликты, а второстепенныхъ еще больше.

Переводя неоднократно повѣствованіе на діалогъ, умѣя ставить противниковъ лицомъ другъ противъ друга и не боясь называть всѣ причины конфликтовъ тутъ-же, своими или своихъ героевъ устами, Никитинъ достигаетъ большой драматической силы, медленно и ясно надвигаетъ столкновеніе и разрѣшаетъ его быстро, кратко.

Характерной подробностью, типичной для Никитина, являются лирическія сентенціи. Вполнѣ законно ощущая необходимость для поэмы, кромѣ одѣленія лирикой описаній, частыхъ лирическихъ отступленій, а въ то же время не вполнѣ, повидимому, довѣряя свою тему чисто художественнымъ образамъ, Никитинъ перегружаетъ разсудочностью иныя лирическія отступленія и понижаетъ ихъ своеобразную цѣнность. Таково, напр., мѣсто **12**,24—**13**,12, гдѣ и доказательства, и лесть (**12**,36—37), и агитація и аппеляція къ первому грѣхопаденію, или **106**,9—20. Гораздо сильнѣе тѣ мѣста, гдѣ чистота лирическаго элемента поддерживается только силой чувства, глубоко пережитого, какъ напр., **98**,2—9, или полное высокаго подъема заключеніе поэмы.

Гуманистическій реализмъ, какъ можно опредѣлить методъ „Кулака“, придаетъ своеобразный оттѣнокъ и сатирѣ въ

этой поэмѣ, которой здѣсь открывалось достаточно широкое поле при изображеніи отрицательныхъ типовъ, а ихъ большинство.

Вдумчивость автора ни разу не даетъ сатирѣ стать угловатой, а глубокая проникновенность взглядомъ, выраженнымъ въ эпиграфѣ изъ Шекспира: „все благо и прекрасно на землѣ, когда живетъ въ своемъ опредѣленьи", особенно усиливаетъ оттѣнокъ высокой печали.

Написанный четырехстопнымъ ямбомъ съ свободнымъ чередованіемъ мужскихъ и женскихъ риѳмъ, „Кулакъ" по формѣ производитъ нѣсколько однообразное впечатлѣніе, благодаря довольно скупой ритмикѣ и слишкомъ частымъ глагольнымъ и однопадежнымъ риѳмамъ. Это однообразіе во многихъ мѣстахъ искупается обиліемъ свѣжихъ для поэзіи бытовыхъ словъ и оборотовъ и особенно смѣлостью нѣкоторыхъ риѳмъ — именно тѣхъ, гдѣ Никитинъ риѳмуетъ такія слова, какъ: изголовье—приволье, вечеръ—вѣтеръ, старость—радость, торговли — оглобли, горько — только, цѣпкій — вѣтки.

Послѣ кропотливой работы надъ „Кулакомъ" Никитинъ принялся за вторую крупную вещь,—поэму „Городской Голова", но не довелъ ея до конца, уничтожилъ, что было написано, и только по небольшому отрывку „Поѣздка на хуторъ" мы можемъ судить о новомъ его замыслѣ.

Повидимому, здѣсь полнѣй и ярче могли бы раскрыться эпическіе таланты поэта. Положительные типы, творящія силы русской жизни стали его темой, но или эта жизнь давала слишкомъ мало для задуманнаго, или душа поэта была уже слишкомъ надломлена и утомлена годами борьбы,—поэма была не дописана, а написанное—уничтожено.

„Необъятная гладь! Неоглядный просторъ!" — эта строка сказалась именно въ „Поѣздкѣ на хуторъ". Развернулась-ли эта тема или осталась только названной, потеряли ли мы драгоцѣнный рядъ обликовъ вольныхъ сыновъ степей, или онъ не создавался вовсе, — осталось тайной. Но даже въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ чувствуется вѣянье стихіи болѣе свободной, чѣмъ создавшая „Кулака". Написанъ отрывокъ тѣмъже четырестопнымъ ямбомъ, но описаніе степи сдѣлано четырехстопнымъ, а вторая часть трехстопнымъ анапестомъ. Въ

концѣ отрывка употребленъ амфибрахій. Разнообразію метрическому сопутствуетъ болѣе богатая ритмика.

Всѣ четыре фигуры отрывка: Евграфъ, Семенъ, Марія и Ѳедотъ, отмѣчены полнотой, яркостью ощущенія жизни. Сдержанная женская страсть, которая такъ горячо чаруетъ въ обликѣ чернички изъ „Дневника Семинариста", дана въ Марьѣ сухими, жаркими штрихами. Любовь къ землѣ, къ лошадямъ, къ хлѣбу, вспыльчивое и отходчивое сердце хорошаго хозяина такъ-же даны въ Евграфѣ. Заря вечерняя въ степи съ фигурой мчащагося всадника и приближеніе ночи, нарисованное миѳологически,—принадлежатъ къ лучшимъ созданіямъ никитинской кисти. Воспоминаніе Евграфа о дѣтствѣ повторяетъ уже извѣстную картину, но разсказъ Семена о томъ, какъ былъ онъ актеромъ у помѣщика, свѣжъ и веселъ. Когда же Евграфъ на ночь открываетъ Шекспира, и внезапно поэтъ нѣжной и крѣпкой рукой рисуетъ Дездемону, — обликъ его героя получаетъ неожиданное углубленіе, и въ жизнесильномъ степнякѣ, другѣ земли и славномъ хозяинѣ, проглядываютъ черты трогательнаго своимъ простосердечіемъ гуманиста.

„Поѣздка на хуторъ" показываетъ, что въ „Городскомъ Головѣ" русская литература потеряла одну изъ яркихъ своихъ страницъ.

Небольшая поэма „Тарасъ", которой Никитинъ на протяженіи пяти лѣтъ даетъ три обработки, довольно цѣльно рисуетъ типъ „сороки", непосѣды, крестьянина, которому не сидится на землѣ, котораго тянетъ въ „чужую даль". Эта тяга въ даль яснѣе чувствуется въ двухъ раннихъ варіантахъ, но послѣднему присуща большая стройность. За простой тягой въ даль чувствуется иная тяга: отъ жизни-каторги въ нуждѣ и грязи, которая съ такимъ жестокимъ контрастомъ въ пейзажѣ („Все старыя избенки" — „золотые дворцы по надъ лѣсомъ") показана въ началѣ поэмы,—къ жизни-празднику, къ жизни-раздолью. И сокровеннѣйшая тема Никитина заставляетъ слетать съ его лиры звуки звонкіе, то ярко-манящіе, то безысходно-печальные. Тарасъ гибнетъ, онъ вѣренъ своей стихіи. Но громче гибели Тараса звучитъ вопросъ, обращенный къ черной, потной, закабаляющей навѣкъ жизни: „А радости?" „Иль нѣтъ ихъ въ темной долѣ?" „Трудись,

трудись... но жить когда?“ Этотъ властный голосъ жизни, желающей быть свободной и прекрасной, раздавшійся изъ устъ степного поэта, составляетъ, быть можетъ, главную, и до сихъ поръ не достаточно еще понятую тему его поэзіи, тему, которой предстоитъ власть надъ сердцами поколѣній болѣе прочная, чѣмъ темамъ гражданскаго плача. Эта тема и выдвигаетъ „Тараса“ такъ далеко впередъ, что кажется эта небольшая поэма знаменемъ, на которомъ начертанъ завѣтный лозунгъ. Не имѣя полнаго эпическаго раскрытія этой темы и зная всю возможность такого раскрытія, тѣмъ восторженнѣй созерцаемъ возгласъ этого знамени.

Было бы странно, если бы реалистъ такого типа, какъ Никитинъ, не попробовалъ силъ своихъ и въ прозѣ. Строго говоря, мы не имѣемъ ни одной законченной прозаической вещи его. Но на самомъ дѣлѣ, контрабандой мы получили кладъ необычайной цѣнности. Дѣло въ томъ, что между природнымъ художественнымъ дарованіемъ Никитина и его произведеніями, какими они должны были-бы быть, стояла цѣпкая, придирчивая застава литературныхъ мнѣній и вкусовъ того кружка, къ которому поэтъ принадлежалъ. Охарактеризовать эти мнѣнія и вкусы можно, какъ провинціальный эстетизмъ, бывшій отголоскомъ развившихся послѣ Пушкина столичныхъ вкусовъ, требовавшихъ отъ литературы законченности и совершенства и удовлетворявшихся формальнымъ minimum'омъ удовлетворенія этихъ требованій. Вмѣсто того, чтобъ развивать въ себѣ внутреннюю поэтическую силу и форму подчинить порыву, Никитинъ сосредоточивался на чисто литературной, редакціонной работѣ, и такіе новооткрытые для насъ перлы своей поэзіи, какъ „Ковыль, моя травушка“, повидимому, склоненъ былъ недооцѣнивать. Въ силу этого, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, не полногласна его поэзія.

И вотъ какъ разъ проза даетъ намъ то, чего нѣтъ въ стихахъ: полную свободу отъ тисковъ литературности. „Дневникъ Семинариста“, писавшійся именно, какъ таковой, самимъ Никитинымъ квалифицированъ, какъ работа подготовительная къ литературной. Два другихъ прозаическихъ отрывка—просто части писемъ, гдѣ тоже не могло быть мѣста литературности.

Итакъ, въ прозѣ было гдѣ разыграться всѣмъ силамъ никитинскаго таланта и хорошимъ, и дурнымъ.

И, дѣиствительно, даже для формы дневника „Дневникъ Семинариста“ является слишкомъ нестроинымъ чередованіемъ событій и воспоминаній сценъ и картинъ.

Необходимо принять во вниманіе, что „Дневникъ Семинариста“ писался съ тенденціеи, а именно выявить недостатки тогдашняго семинарскаго быта, и самъ Никитинъ неоднократно (см. примѣч.) подчеркивалъ общественное, а отнюдь не художественное значеніе этого повѣствованія, и что, слѣдовательно, обычныя качества его реализма, вглядчивость и близость къ вещи, имѣли здѣсь возможность усилиться до послѣдней степени.

„Дневникъ Семинариста“ подтверждаетъ эти ожиданія. Благодаря существованію леитмотивовъ въ поэзіи Никитина, мы имѣемъ возможность сравнивать не только отдѣльные мотивы въ прозаическомъ и стихо ворномъ ихъ изображеніи, но даже цѣлые сюжеты, какъ напр., сцена между профессоромъ и даятелями. И, конечно, типъ Ѳедора Ѳедоровича К., профессора изъ „Дневника Семинариста“, богаче яркими подробностями, оттѣнками и вообще полнокровнѣе, чѣмъ типъ Зорова, профе сора изъ „Кулака“.

Также и типъ красавицы, этотъ дивный никитинскій типъ сдержаннои и рвущеися женскои силы, прекрасно намѣченный въ образѣ Марьи изъ „Поѣздки на хуторъ“, гораздо сильнѣе, гуще и красочнѣй обрисованъ въ образѣ чернички изъ „Дневника Семинариста“, и простои, но глубокій романъ между героемъ и ею принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ въ русскои литературѣ изображеніямъ первой любви.

Цѣлыи рядъ сюжетовъ, изъ которыхъ каждый могъ бы послужить типичнои основой для никитинскаго стихотворенія, щедро разсыпанъ по „Дневнику Семинариста“. Дьяконица, засаженная мужемъ подъ бочку, пьяница, замерзающій въ полѣ съ блиномъ за пазухой, помѣщикъ въ краснои ермолкѣ, насвистывающіи марши, разъѣздъ семинаристовъ въ снѣжныя поля, весенняя роща—все это описано какъ будто болѣе свободнымъ перомъ и окинуто взоромъ, видящимъ все до конца. Какъ будто тотъ расплющенный и засаленный картузъ, кото-

рый все-таки былъ убранъ въ этомъ своемъ видѣ изъ послѣдней редакціи „Кулака“, возведенъ здѣсь на тронъ и принимаетъ всѣ почести отъ имени реализма, воцарившагося полновластно.

И надо сказать, что успѣхъ никитинскаго замысла былъ полный. Достаточно было ему снять литературные очки со своихъ зоркихъ глазъ, чтобъ увидѣть и показать картину, обладающую громадной силой воздѣйствія на волю читателя. Конечно, типы педагоговъ, духовенства и семинарства, показанные съ близостью къ натурѣ, отъ фотографичности спасаемой только природнымъ художественнымъ даромъ показывающаго, вызываютъ больше желанія что-то дѣлать, мѣнять разрушать и творить, чѣмъ поданные въ литературной обработкѣ типы „Кулака“. Странное дѣло! Написанное съ явной тенденціей произведеніе „Дневникъ Семинариста“ въ концѣ концовъ оказывается въ чисто-художественномъ смыслѣ дѣйственнѣй написаннаго только литературно „Кулака“! Такъ тяжки оковы литературности, и такъ благодатно освобожденіе отъ нихъ, покупаемое даже дорогой цѣной. И не лучшей ли наградой подарила Никитина его душа, работавшая надъ „Дневникомъ Семинариста“ свободно, давъ ему возможность написать именно здѣсь, въ текстѣ этого дневника то стихотвореніе, которое многіе и многіе считаютъ вѣнцомъ всей его поэтической дѣятельности, стихотвореніе „Вырыта заступомъ яма глубокая“?..

А какіе плоды могли быть дальше отъ этой впервые, можетъ быть, съ полной, принятой за методъ, искренностью исполненной работы, скрыла навсегда преждевременная смерть поэта.

Ред.

Поэмы, проза и письма.

Кулакъ.

Все благо и прекрасно на землѣ,
Когда живетъ въ своемъ опредѣленьи;
Добро вездѣ, добро найдешь и въ злѣ.
Когда жъ предметъ пойдетъ по направленью
Противному его предназначенью,
По сущности добро, онъ станетъ—зломъ.
Такъ человѣкъ: что добродѣтель въ немъ
То можетъ быть порокомъ.

Шекспиръ (Ромео и Юлія).

I.

День гаснетъ. Облаковъ громада
Покрыта краской золотой;
Отъ луга влажною струей
Плыветъ душистая прохлада,
Надъ алымъ озеромъ тростникъ
Сквозной оградою поникъ.
Порой куда-то пронесется
Со свистомъ стая куликовъ,
И снова тишь. Въ тѣни кустовъ
Рыбачій челнъ не покачнется.
Вдоль гати тянется обозъ;
Скрипятъ колеса. За волами
Шагаютъ чумаки съ кнутами;
Кипитъ народомъ перевозъ.
Паромъ отчалили лѣниво,
Ушами лошади пугливо
Прядутъ; рабочіе кричатъ,
И плещетъ по водѣ канатъ.
Шлагбаумъ, съ образомъ часовня,
Избушки, бани, колокольня

Съ крестомъ и галкой на крестѣ
И на прибрежной высотѣ
Плетни, поникнувшія ивы —
Все опрокинуто въ рѣкѣ.
Бѣлѣютъ мойки вдалекѣ, 5
Луками выгнулись заливы:
А тамъ — кусты, деревня, нивы,
Да чуть примѣтный, сквозь туманъ,
Среди поля чистаго курганъ.

Тому давно, въ глуши суровой, 10
Шумѣлъ тутъ грозно лѣсъ дубовой,
Съ пустыннымъ вѣтромъ рѣчи велъ,
И плавалъ въ облакахъ орелъ;
Синѣла степь безгранной далью,
И, притаясь за валъ, съ пищалью, 15
Зажечь готовый свой маякъ,
Татаръ выглядывалъ казакъ.
Но вдругъ все жизнью закипѣло,
Въ лѣсу желѣзо зазвенѣло, —
И падалъ дубъ; онъ отжилъ вѣкъ.. 20
И, вмѣсто звѣря, человѣкъ
Въ пустынѣ воцарился смѣло.
Проснулись воды, и росли,
Гроза Азова, корабли.
Тѣ дни прошли. Уединенно 25
Теперь, подъ кровлей обновленной,
Стоитъ на островѣ нагомъ
Безмолвный прадѣдовскій домъ,
Цейхгаузъ старый. Тихи воды.
Гдѣ былъ Петра пріютъ простой, 30
Купецъ усердною рукой
Одинъ почтилъ былые годы —
Часовню выстроилъ и въ ней
Затеплилъ набожно елей.
Но городъ выросъ. Въ изголовье 35
Онъ положилъ степей приволье,
Плечами горы придавилъ,

Болота камнями покрылъ.
Одно пятно: въ семьѣ громадной
Высоко-поднятыхъ домовъ,
Какъ нищіе въ толпѣ нарядной,
5 Торчатъ избенки бѣдняковъ;
Въ дирявыхъ шапкахъ, съ костылями,
Онѣ ползутъ по крутизнамъ
И смотрятъ тусклыми очами
На богачей по сторонамъ;
10 Того и жди, — гроза подуетъ,
И полетятъ онѣ въ оврагъ...
Таковъ домишко, гдѣ горюетъ
Съ женой и дочерью кулакъ:
На крышѣ старыя заплаты,
15 Пріютъ крикливыхъ воробьевъ,
Карнизъ обрушиться готовъ;
Стѣна крива; заборъ досчатый
Подпертъ осиновымъ коломъ;
Дворъ тѣсный смотритъ пустыремъ;
20 Ростетъ трава вокругъ крылечка;
Но садъ... Въ садъ послѣ завернемъ;
Теперь мы въ горенку войдемъ.
Она свѣтла. Икона, печка,
Съ посудой шкапъ, сосновый столъ,
25 Скамейка, красный стулъ безъ спинки,
Комодъ пузатый подъ замкомъ —
Все старина, зато соринки
Тутъ не замѣтишь ни на чемъ.

II.

Хозяйка добрая, здорово!
30 Ты вѣчно съ варежкой въ рукѣ,
И въ этомъ бѣломъ колпакѣ,
И все молчишь! Порою слово
Промолвишь съ дочерью родной,
И вновь разбитый голосъ твой

Умолкнетъ. Бѣдная Арина!
Повысушили до поры
Нужда да тяжкая кручина
Тебя, какъ травушку жары;
Поникла голова, что колосъ, 5
И посѣдѣлъ твой русый волосъ,
Одна незлобная душа
Осталась въ горѣ хороша.

И ты, красавица, съ работой
Сидишь въ раздумьи подъ окномъ; 10
Одной привычною заботой
Всю жизнь вы заняты вдвоемъ...
Глядишь на улицу тоскливо,
Румянецъ на лицѣ поблекъ,
И спицы движутся лѣниво, 15
Лѣниво вяжется чулокъ.
О чемъ тоска? откуда скука?
Коса, что черная смола,
Какъ бѣлый воскъ рука бѣла...
Душа болитъ? Неволя мука?... 20
Что дѣлать! подожди, пока
Прогонитъ вѣтеръ облака.

„Охъ, Саша! полно сокрушаться!
Вотъ ты закашляешь опять...
Промолвила старушка-мать: 25
Ну, въ садъ пошла бы прогуляться,
Вишь, вечеръ чудо!“
— Все равно!
И тутъ не дурно: вотъ въ окно
Свѣтъ Божій виденъ — и довольно! —

„Глядѣть-то на тебя мнѣ больно! 30
Блѣдна, вотъ точно полотно...“
И мать качала головою
И съ Саши не сводила глазъ,
„Поди-ты! сокрушаетъ насъ

Старикъ! надъ дочерью родною
Смѣется... Чѣмъ бы не женихъ
Столяръ-сосѣдъ? Уменъ и тихъ.
Три раза сваха приходила,
Ужъ какъ вѣдь старика просила!
Одинъ отвѣтъ: на-дняхъ приди...
Подумать надо... погоди...
Ты вотъ что, Саша: попытайся,
Съ отцомъ сама поговори,
Чуть будетъ веселъ."
—Дожидайся!
Я думаю, въ ногахъ умри, —
Откажетъ... —
Мать не отвѣчала,
Поникнувъ грустно головой.
— Чуть будетъ веселъ... Боже мой!
За что же я-то потеряла
Веселье? Вѣдь къ чужимъ прійдешь,
Тамъ свѣтъ иной, тамъ отдохнешь;
А при отцѣ языкъ и руки —
Все связано! когда со скуки
Въ окно глядишь, и тутъ запретъ!
Ужъ и глазамъ-то воли нѣтъ!

„Все осуждать его не надо.
Извѣстно — старъ, кругомъ нужда,
На рынкѣ хлопоты всегда,
Вотъ и беретъ его досада.
Онъ ничего... вѣдь онъ не золъ:
На часъ вспылитъ, и гнѣвъ прошелъ."
— Я такъ... я развѣ осуждаю?
И день — печаль, и ночь — тоска,
Тутъ поневолѣ съ языка
Сорвется слово. —
„Знаю, знаю!
Какъ быть; живи, какъ Богъ велѣлъ,
Знать, положенъ таковъ предѣлъ."

Заря погасла. Мѣсяцъ всходитъ,
На стекла блѣдный свѣтъ наводитъ;
За лѣсъ свалились облака;
Въ туманѣ городъ и рѣка;
Не шевельнетъ листомъ осина; 5
Лишь гдѣ-то колесо гремитъ,
Да соловей въ саду свиститъ.
Молчатъ и Саша и Арина,
Ихъ спицы бѣдныя однѣ
Не умолкаютъ въ тишинѣ. 10

Какъ хорошо лицо больное
Старушки сгорбленной! Оно,
Какъ изваяніе живое,
Все мѣсяцемъ освѣщено.
Въ рукахъ на мигъ уснули спицы, 15
Глаза на дочь устремлены,
И неподвижныя рѣсницы
Слезой докучной смочены.
Сверкаетъ небо огоньками,
Не видно тучки въ синевѣ, 20
А у старушки облачками
Проходятъ думы въ головѣ:
Безъ дѣтокъ грусть, съ дѣтьми не радость!
Сынокъ въ землѣ давно лежитъ,
Осталась дочь одна подъ старость — 25
И эту горе изсушитъ.
Ну, что ей дѣлать, если свахѣ
Старикъ откажетъ? Какъ тутъ быть?
Я чаю, легче бы на плахѣ
Бѣдняжкѣ голову сложить! 30
И безъ того ужъ ей несладко:
Работа, скука, нищета...
Всю жизнь свою, моя касатка,
Что въ клѣткѣ птица, заперта.
Когда и выдти доведется, 35
Домой придетъ — печальнѣй домъ...
Глядишь, на грѣхъ старикъ напьется,

О-охъ, бѣда мнѣ съ старикомъ!
Ну, та ль она была съ-измала?
Бывало, пѣла и плясала,
На мѣстѣ часу не сидитъ,
5 Вотъ словно колокольчикъ звонкій,
Веселый смѣхъ и голосъ тонкій
Въ саду иль въ горенкѣ звенитъ!
Бывало, чуть съ постельки встанетъ,
Посмотришь — куколки достанетъ,
10 Толкуетъ съ ними: „Ты вотъ такъ
Сиди, ты глупая дѣвчонка...
Вотъ и братишко твой дуракъ,
Вамъ надо няню.“ И ручонкой
Начнетъ ихъ эдакъ тормошить...
15 Возьметъ — подастъ имъ на бумажкахъ
Водицы въ желудевыхъ чашкахъ.
„Ну, вотъ, молъ, чай, извольте пить!“
— Уймися, говорю, вострушка, —
Отецъ прикрикнетъ: — посѣку! —
20 Бѣдняжка сядетъ въ уголку,
Наморщитъ лобикъ, какъ старушка,
И хмурится. Отецъ съ двора —
Опять потѣшная игра.

И мать работу положила,
25 Печной заслонъ впотьмахъ открыла,
Достала щепкой уголекъ
И стала дуть. Вдругъ огонекъ
Блеснулъ — и снова замираетъ.
Вотъ щепка вспыхнула едва, —
30 Изъ мрака смутно выступаетъ
Старушки блѣдной голова.

III.

Ужъ столъ накрытъ, и скудный ужинъ
Готовъ. Покой старушкѣ нуженъ,
Заснуть бы время, — мужа ждетъ;

Скрипитъ крылечко, — онъ идетъ.
Сюртукъ до пятъ, въ плечахъ просторенъ,
Картузъ въ пыли, ни рыжъ, ни черенъ,
Спокоенъ строгій, хитрый взглядъ,
Густыя брови внизъ висятъ, 5
Угрюмо супясь. Лобъ широкой
Изрытъ морщинами глубоко,
И теменъ волосъ, но сѣда
Подстриженная борода.

„Усталъ, Лукичъ?“ жена спросила: 10
„Легко ль, чуть свѣтъ ушелъ съ двора!
Садись-ко ужинать: пора!“
— Не каплетъ сверху... заспѣшила! —
Отвѣтилъ мужъ: — успѣешь, другъ!
И, снявъ поношенный сюртукъ, 15
На гвоздь повѣсилъ осторожно,
Рубашки воротъ распустилъ,
Лицо и руки освѣжилъ
Водою. — Ну, теперь вотъ можно
За щи приняться. — 20
„Вишь, родной!
Старушка молвила: не спится!
Всю ноченьку провеселится,
Поди, какъ свищетъ!“
— Кто такой?
Отвѣтилъ мужъ скороговоркой,
Ломая хлѣбъ съ сухою коркой. 25
„Соловьюшекъ у насъ въ саду.“
— Сытъ, стало. Коли бъ зналъ нужду,
Не пѣлъ бы. Мнѣ вотъ не поется,
Какъ хлѣбъ-атъ потомъ достается...
Ты, Саша, ужинала что ль? — 30
„Мы ждали васъ“.
— Подай мнѣ соль. —
Дочь подала.
— За ужинъ сѣла,
Такъ ѣшь! Ты что не весела? —

„Я ничего“.
— Гм... дурь нашла!
Такъ, такъ! —
Старушка поглядѣла
На Сашу. Саша поняла
И ложку нехотя взяла.
— Охъ, эта дѣвичья кручина!
Отецъ, нахмурясь, продолжалъ
И мокрой ложкой постучалъ
Объ столъ: — все блажь! Подбавь, Арина,
Мнѣ каши!.. да! все блажь одна!
Я знаю, отъ чего она,
Смотри! —
„Опять не угодила!
За смѣхъ — упрекъ, за грусть — упрекъ...
Ну, грустно, — что жъ тутъ за порокъ?
Что за бѣда?“
— Заговорила!
Языкъ прикусишь! берегись!
Вишь ты!.. — И жилы напряглись
На лбу отца. Гроза сбиралась.
Но Саша знала старика,
Словамъ дать волю удержалась —
И пронеслися облака
Безъ грома.
Чашка опустѣла.
Лукичъ усы свои утеръ
И, помолившись, кинулъ взоръ
На Сашинъ хлѣбъ. „Ломтя не съѣла...
Сердита, значитъ... Прибирай!
Есть квасъ-то на ночь?“
— Есть немного. —
„Ну принеси. Сейчасъ ступай!“
— Куда жъ идти? Теперь порога
Не сыщешь въ погребѣ: не день... —
„Ну, ну! пошевельнуться лѣнь!“
Дочь вышла. На лицѣ Арины
Слегка разгладились морщины.

Старикъ, молъ, трезвъ... Иль онъ любви
Не знаетъ къ дѣтищу родному?
Скажу про Сашу... не чужому...
Что жъ! Господи благослови!
И подлѣ мужа робко сѣла. 5
„Лукичъ!“
— Ну, что тамъ? —
„Я хотѣла
Того... съ тобой поговорить...
Не станешь ты меня бранить?“
— За что? —
„Начать-то я не смѣю.“
— Ну, ладно, ладно! говори. — 10
„Вишь, мы вотъ стары, я болѣю,
Совсѣмъ свалюсь, того смотри,
Обрадуй ты меня подъ старость —
Отдай ты дочь за столяра!“
— Обрадуй... что же тутъ за радость? 15
Вотъ ты, къ примѣру, и стара,
А дура!.. стало, есть причина,
Зачѣмъ я медлю... Эхъ, Арина!
Пора бы, кажется, умнѣть! —
„Какъ мнѣ на Сашу-то глядѣть? 20
Она часъ отъ часу худѣетъ.
Вѣдь я ей мать!“
— Повеселѣетъ!
Ты знаешь, дѣвичья слеза,
Что утромъ на травѣ роса:
Пригрѣетъ солнце и — пропала. — 25
„Пусть я отрады не видала,
Хоть ей-то, дочери, добра
Ты пожелай!“
— Въ постель пора!
Оставь, пока не разсердился! —

Старушка въ спальню побрела. 30
Тамъ передъ образомъ свѣтился
Огонь. Въ углу кровать была,

Безъ полога. Подушекъ тѣни
Какъ будто спали на стѣнѣ.
Арина стала на колѣни,
И долго, въ чуткой тишинѣ,
5 Передъ иконою святою
Слеза катилась за слезою.

Межъ тѣмъ Лукичъ окно открылъ
И трубку медленно курилъ;
Сквозь дымъ глаза его безъ цѣли
10 На кудри яблоней глядѣли.
„Ну, завтра ярмарка. Авось
На хлѣбъ добуду. Плохо стало!
Ходьбы и хлопотни не мало,
А прибыли отъ нихъ — хоть брось!
15 Другимъ, къ примѣру, удается:
Казна валится, точно кладъ;
Ты, право, грошу былъ бы радъ,
Такъ нѣтъ! Гдѣ тонко, тутъ и рвется.
Порой что въ домъ и попадетъ,
20 Нужда метлою подмететъ.
Вотъ дочь невѣста... все забота!
И сватаютъ, да нѣтъ разсчета:
Сосѣдъ нашъ честенъ, всѣмъ хорошъ,
Да голь большая — вотъ причина!
25 Что честь-то? коли нѣтъ алтына,
Далеко съ нею не уйдешь.
Безъ денегъ честь — плохая доля!
Согнешься нехотя кольцомъ
Передъ зажиточнымъ плутомъ:
30 Нужда — тяжелая неволя!
Мнѣ дочь и жаль! я человѣкъ,
Отецъ, къ примѣру... да не вѣкъ
Мнѣ мыкать горе. Я не молодъ.
Лукичъ — кулакъ! кричитъ весь городъ.
35 Кулакъ... Душа-то не сосѣдъ,
Сплутуешь, коли хлѣба нѣтъ
Будь зять богатый, будь помога,

Не выйди я изъ-за порога,
На мѣстѣ дай мнѣ Богъ пропасть,
Коли подумаю украсть!
А есть женихъ, навѣрно знаю...
Богатъ, не долженъ никому. 5
И Саша нравится ему.
Давно я сваху поджидаю."

Такъ думалъ онъ. А вѣтерокъ
Его волосъ едва касался,
И въ трубкѣ красный огонекъ 10
Подъ сѣрымъ пепломъ раздувался.
Порой катилася звѣзда,
По небу искры разсыпала
И гасла. Ночь благоухала,
И бѣлыхъ облаковъ гряда 15
Плыла на сѣверъ. Жадно пили
Росу поникшіе листы
И звуки смутные ловили.
При свѣтѣ мѣсяца, кусты,
Бросая трепетныя тѣни, 20
Казалось, въ царство сновидѣній
Перенеслись. Межъ ихъ вѣтвей
Въ потемкахъ щелкалъ соловей.

Быть можетъ, съ дѣтства взятый въ руки
Разумной матерью, отцомъ, 25
Лукичъ избѣгъ бы жалкой муки —
Какъ нынѣ, не былъ кулакомъ.
Великъ, кто взросъ среди порока,
Невѣжества и нищеты,
И остается безъ упрека 30
Жрецомъ добра и правоты;
Кто видитъ горе, знаетъ голодъ,
Усталый, чахнетъ за трудомъ,
И крѣпкой волей вѣчно молодъ,
Всегда идетъ прямымъ путемъ! 35
Но пусть, какъ мученикъ, сквозь пламень
Прошелъ ты, полный чистоты,

Остановись, поднявши камень
На жертву зла и нищеты!
Корою грубою закрытый,
Быть можетъ, въ грязной нищетѣ
5 Добра зародышъ неразвитый
Горитъ, какъ свѣчка въ темнотѣ!
Быть можетъ, жертвѣ заблужденья
Доступны рѣдкія мгновенья,
Когда казнитъ она свой вѣкъ
10 И плачетъ, сердце надрывая,
Какъ плакалъ передъ дверью рая
Впервые падшій человѣкъ!

IV.

Еще ребенкомъ, не стѣсненный
15 Въ привычкахъ жизни обыденной,
Лукичъ бездѣлье полюбилъ.
Своимъ Карпушкой занятъ былъ
Торгашъ, отецъ его, немного,
Хоть и твердилъ сынишкѣ строго:
20 „А вотъ, Господь дастъ, доживемъ,
Мы поглядимъ, какимъ добромъ
Воздашь отцу за попеченье.
Тутъ можно человѣкомъ быть:
Съ-измала началось ученье —
25 Псалтырь и все... тутъ можно жить!
Я и читать вотъ не учился,
Да вышелъ въ люди: сытъ, обутъ...“
И подъ хмелькомъ всегда бранился:
„Ты, дескать, баловень! ты плутъ!..“
30 И сына за вихоръ поймаетъ,
Такъ ни за что... „Ну, вотъ, молъ, знай!“
Деретъ, деретъ — до слезъ таскаетъ,
И молвитъ: „Ну, ступай, играй!“
А мать свое хозяйство знала,
35 Въ печи дрова со счетомъ жгла,
Горшки да чашки берегла.

И ей заботы было мало,
Когда зимой по цѣлымъ днямъ,
Забросивъ книжку и указку,
Сынокъ катался по горамъ.
Раздолье!.. легкія салазки 5
Со скрипомъ по снѣгу летятъ,
На нихъ бубенчики звенятъ.
„Какъ смѣлъ ты утромъ не являться?“
Ему учитель говорилъ.
— У насъ молебенъ въ домѣ былъ, 10
Мнѣ батюшка велѣлъ остаться. —
„Ты до обѣда гдѣ ходилъ? —
Кричалъ отецъ: часъ цѣлый ждали.“
— Учитель не пускалъ домой,
Зады сидѣли повторяли... — 15
Бывало, лѣтнею порой,
Тайкомъ залѣзетъ въ садъ чужой,
Румяныхъ яблокъ наворуетъ,
Тащитъ ихъ къ матери. „Гдѣ взялъ?“
— А это мнѣ Сенюшка далъ, 20
Вотъ ѣшь! — И мать его цѣлуетъ:
Поди, молъ, родила сынка,
Не съѣстъ безъ матери куска!
Порой грачей въ гнѣздѣ поймаетъ:
„Эй, Сенька! у меня грачи! 25
Давай мѣнять на калачи!“
— Не надо! — Сенька отвѣчаетъ.
„Ну, и не надо... вотъ имъ! вотъ!“
И головы грачамъ свернетъ,
Парнишку больно оттаскаетъ 30
И прибѣжитъ домой, реветъ.
„О чемъ ты?“ мать въ испугѣ спроситъ.
— Да вотъ Сенютка, — сынъ голоситъ:
Моихъ грачей закинулъ въ ровъ
И надавалъ мнѣ тумаковъ. — 35

Карпушка на ноги поднялся
И все безъ дѣла оставался,

Покамѣстъ вздумалось отцу
Въ науку мудрую къ купцу
Его отдать. Тутъ всѣ разсчеты,
Торговыхъ плутней извороты
5 Онъ изучилъ и кошелекъ
Казной хозяйскою, какъ могъ,
Наполнилъ. Годы шли. Скончался
Его отецъ; угасла мать.
Невѣсту долго ли сыскать?
10 И сынъ женился. Распрощался
Съ купцомъ; заторговалъ мукой;
И какъ по маслу годъ-другой
Все шло. Но вдругъ за пень задѣло:
Тутъ неудача, тамъ сплошалъ...
15 Спустилъ, какъ воду, капиталъ
И запилъ: горе одолѣло!
Искать мѣстечка — стыдъ большой;
Искать рѣшился — отказали,
А ремеслу не обучали;
20 Подумалъ — и махнулъ рукой:
— „Тьфу, чортъ возьми! да что за горе!
Пойду на рынокъ поутру,
Такъ вотъ и деньги! Рынокъ — море!
Тамъ рыба есть, умѣй ловить,
25 Достанетъ какъ-нибудь прожить!“
И съ той поры, лѣтъ тридцать сряду,
Онъ всякой дрянью промышлялъ,
И Лукича весь городъ зналъ
По разнымъ плутнямъ, по наряду,
30 По вѣчной худобѣ сапогъ
И по загару смуглыхъ щекъ.

V.

Флагъ поднятъ. Ярмарка открыта.
Народомъ площадь вся покрыта.
На море пестрое головъ
35 Громада бѣлая домовъ

Глядитъ стеклянными очами;
Недвижная, затоплена
Вся солнца золотомъ она.
Людъ Божій движется волнами...
И кички съ острыми углами, 5
Подолы красные рубахъ,
На черныхъ шляпахъ позументы
И вѣтромъ въ дѣвичьихъ косахъ
Едва колеблемыя ленты —
Вся деревенская краса 10
Вотъ такъ и мечется въ глаза!
Изъ лавокъ, хитрая приманка,
Высматриваютъ кушаки,
И разноцвѣтные платки,
И разноцвѣтная серпянка. 15
Тутъ груды чашекъ и горшковъ,
Корчагъ, боченковъ, кувшиновъ;
Тамъ — лыки, ведра и ушаты,
Лотки, подойники, лопаты,
Колеса... „Гдѣ! Какая дрянь? 20
Ты вотъ на ступицу-то глянь!“
Торгашъ плечистый повторяетъ
И бойко колесомъ вертитъ.
А парень крендель доѣдаетъ,
— Сложи полтину, говоритъ: 25
Возьму и дегтю, вотъ мазницы... —
„Нѣтъ, врешь! отдай за рукавицы!
Ты гамонокъ-то свой не прячь!“
Кричитъ налѣво бородачъ.
Здѣсь давка: спорятъ съ мужиками 30
За клячу пѣгую купцы,
И Лазаря поютъ слѣпцы,
Сбирая мѣдными грошами
Дань съ сострадательныхъ зѣвакъ.
Набитъ биткомъ толпой гулякъ 35
Пріютъ разгула и кручины,
Подъ кровлею изъ парусины.
„Охъ, православные, я пьянъ!“

Въ бумажномъ колпакѣ и блесткахъ,
Кривляясь съ бубномъ на подмосткахъ,
Народъ дурачитъ шарлатанъ
И корчитъ рожу... „Какъ!? обманъ?“
5 Повертывая головою,
Цыганъ проносится съ божбою:
„Коню не двадцать лѣтъ, а пять,
Жены, дѣтей мнѣ не видать!“
Веселый говоръ, крикъ торговли,
10 Пискъ дудокъ, пѣсни мужичковъ
И ранній звонъ колоколовъ —
Всё въ гулъ слилось. Межъ тѣмъ оглобли
Приподнялись поверхъ возовъ,
Какъ лѣсъ безъ вѣтокъ и листовъ.

15 Лукичъ на ярмаркѣ съ разсвѣта,
Успѣлъ ужъ выпить, закусить,
Купить два старыхъ пистолета
И съ барышомъ кому-то сбыть.
Теперь онъ съ бабою хлопочетъ,
20 Руками уперся въ бока,
Лицо горитъ, чуть не соскочитъ
Картузъ съ затылка, — рѣчь бойка.
„Ты вотъ что, умная молодка,
По сторонамъ-то не смотри,
25 Твой холстъ къ примѣру, не находка...
Почемъ аршинъ-то? говори.“
— По гривнѣ, я тебѣ сказала;
Вонъ и другіе такъ берутъ.—
„Не ври! куда ты указала!
30 Тамъ по три гроша отдаютъ!“
— И, що-ты! аль я одурѣла!
Поди-ко цѣну объявилъ!
Купецъ четыре мнѣ сулилъ,
Да я отдать не захотѣла...—
35 Вонъ онъ стоитъ... —
„Ха, ха! ну такъ!
Отдай! и ты не догадалась!

Эхъ, дура, съ кулакомъ связалась!
Вѣдь онъ обмѣряетъ! кулакъ!
А я на совѣсть покупаю...
Эй, голова! почемъ пенька?"
Остановивши мужика, 5
Онъ закричалъ.
— Спасибо! знаю...—
„Должно, нашъ братъ училъ тебя!"
Лукичъ подумалъ про себя.
И снова съ бабою заспорилъ,
Голубушкою называлъ, 10
Разъ десять къ чорту посылалъ,
И напослѣдокъ урезонилъ.
Изъ-подъ полы аршинъ досталъ,
Разъ!... разъ!... и смѣрена холстина.
„Гляди вотъ: двадцать три аршина." 15
— Охъ-ма! тутъ двадцать семь какъ разъ! —
„Что, у тебя иль нѣту глазъ?
Аршинъ казенный, понимаешь!
Вотъ на... не видишь, два клейма!"
— Да какъ же такъ!— 20
„Не довѣряешь?"
— Я дома мѣрила сама. —
„Тьфу! провались ты! я сумѣю
Безъ краденой холстины жить!
Глаза что ль ею мнѣ накрыть?
Такъ я, къ примѣру, крестъ имѣю!" 25
И кошелекъ онъ развязалъ,
На гривну бабу обсчиталъ
И торопливо отвернулся:
Прощай, молъ, вѣрно!... недосугъ!
Пошелъ было въ толпу — и вдругъ 30
Съ помѣщикомъ въ очкахъ столкнулся.
„Мое почтенье, Климъ Кузьмичъ!
Не купите ли, сударь, бричку?
Отличный сортъ!"
— Ба, ба! Лукичъ!
Ты не забылъ свою привычку — 35

Прислуживаешь, братецъ, всѣмъ? —
„Что дѣлать, сами посудите,
Я тоже хлѣбъ, къ примѣру, ѣмъ...
А бричка дешева-съ! купите!“
— Нѣтъ, я на бричку не купецъ.
Не попадется ль жеребецъ?
Вотъ не найду никакъ, мученье!
А нуженъ къ пристяжнымъ подъ шерсть —
Караковый. —
„Есть, сударь, есть!
Рысакъ! А бѣгъ — мое почтенье!“
И онъ прищелкнулъ языкомъ:
„Да-съ! одолжу, молъ, рысакомъ!“
— Ты плутъ естественный, я знаю;
Смотри, Лукичъ, не обмани! —
„Ну вотъ-съ, помилуйте! ни-ни!
Я васъ съ другими не сравняю.
Тутъ... Вамъ Скобѣевъ незнакомъ?“
— Нисколько. —
„Онъ, сударь, кругомъ
Въ долгахъ: весь въ карты проигрался,
Теперь рысакъ одинъ остался...
Ну, конь! Глазами, ваша честь,
Вотъ такъ, къ примѣру, хочетъ съѣсть!
Чортъ знаетъ! просто заглядѣнье!“
— Да правда ль? —
„Недалеко домъ,
Коли угодно, завернемъ,
Посмотримъ.“
— Сдѣлай одолженье!
А помнишь ли, купилъ ты мнѣ
Собаку какъ-то по веснѣ? —
„Плохенька развѣ?“
— Околѣла!
Не взялъ бы чортъ знаетъ чего! —
„Охотиться не захотѣла...
Поможемъ, сударь, ничего!
Ахъ! тутъ вотъ есть у офицера

Собака... кличку-то забылъ,
Вчера деньщикъ и говорилъ...
Ну, и животное, къ примѣру:
Брось въ воду гривенникъ — найдетъ!
Вотъ вамъ купить бы." 5
— Радъ душою!
Но для чего жъ онъ продаетъ? —
„Что дѣлать станете съ нуждою!
Наслѣдство дядя обѣщалъ,
А при смерти не завѣщалъ,
Ѣсть нечего... семья большая..." 10
— А! вотъ что! — баринъ отвѣчалъ
И, гибкой тросточкой играя,
Поглядывалъ по сторонамъ
И напѣвалъ: „тири-та-рамъ..."

VI.

„Вотъ-съ, двухъэтажный, съ мезониномъ..." 15
Лукичъ помѣщику сказалъ
И домъ Скобѣева, аршиномъ
Махнувъ направо, показалъ.
„Эй, кучеръ! соня!"
Кучеръ плотный,
Безсмысленно разинувъ ротъ, 20
Дремалъ на камнѣ у воротъ.
„Иль ночь-то не спалъ, беззаботный?"
Лукичъ у кучера спросилъ.
Тотъ вздрогнулъ и глаза открылъ,
Досталъ тавлинку изъ кармана 25
И сильно въ ноздри потянулъ.
„Гдѣ баринъ?
— Ась? А... чхи! Татьяна
Мнѣ говорила... чхи!.. пьетъ чай. —
„Потише ротъ-то разѣвай!
Вишь, зачихалъ. Эхъ, ты, пріятель! 30
На рысака вотъ покупатель..."
— Ну, что же? стало показать? —

„Вѣдь не заочно покупать.“
— А баринъ?“ —
„Выводи, онъ знаетъ.“
И кучеръ скрылся. „Климъ Кузьмичъ! —
Сказалъ вполголоса Лукичъ:
5 Снаровка дѣлу не мѣшаетъ —
Ему на водку надо дать...“
— Ну, дураку-то! —
„Какъ узнать!
Бываетъ, и дуракъ годится.
Онъ, рыжій чортъ, не постыдится
10 И господину понавретъ,
Что нашъ-де конь намъ не подходитъ,
И кормъ-де въ прокъ ему нейдетъ.
Ей Богу-съ! Этотъ хамскій родъ
Господъ частенько за носъ водитъ!“
15 Помѣщикъ смѣхомъ отвѣчалъ
И два четвертака досталъ.
Лукичъ въ конюшню торопливо
Вошелъ и молвилъ: „живо! живо!“
Въ карманъ свой деньги опустилъ
20 И кнутъ у кучера спросилъ.
— Вонъ на стѣнѣ... не тутъ... правѣе.
Статья-то, слышь, не подойдетъ:
Вѣдь конь съ запаломъ — зареветъ. —
„Ты не крути, держи умнѣе,
25 А ну-ка, дорогой рысакъ,
Подставь бока... Вотъ такъ! Вотъ такъ!
Прр! Прр! На дворъ его скорѣе!..“

И бѣдный конь черезъ порогъ
Вдругъ сдѣлалъ бѣшеный скачокъ,
30 Глазами дико покосился
И началъ землю рыть ногой.
Лукичъ, смѣясь, посторонился,
Вишь, дескать, бойкой сталъ какой.
Помѣщикъ подошелъ. Рукою
35 Коня по шеѣ потрепалъ

И съ лоскомъ гривою густою
Полюбовался. Холку взялъ,
Поправилъ на бокъ, осторожно
Ощупалъ ноги, мышки, грудь
И молвилъ: „надобно взглянуть 5
На зубы.“ — Оченно возможно, —
Кудрявый кучеръ отвѣчалъ
И зубы рысаку разжалъ.
„Э! Конь-то молодой! три года...
Лишь сталъ окраины ронять... 10
А ну, нельзя ли пробѣжать?
Стой! Стой! Да, недурна порода!“
— А бѣгъ-то, бѣгъ-то, Климъ Кузьмичъ!
А шея! — говорилъ Лукичъ:
Позвольте-съ, вотъ и самъ хозяинъ. — 15

Хозяинъ былъ румяный баринъ,
Съ усами, съ трубкою въ рукѣ,
Въ фуражкѣ, въ черномъ сюртукѣ,
Со знакомъ службы безпорочной,
Обритъ отлично, сложенъ прочно, 20
Взглядъ строгъ, на выкатѣ глаза
И подъ гребенку волоса.

„Скобѣевъ, сударь. Честь имѣю...
А вы-съ? коли спросить я смѣю...“
Онъ покупателю сказалъ. 25
— Долбинъ, помѣщикъ. Я узналъ,
Что рысака вы продаете... —
„Такъ точно“.
— Дорого ль возьмете?—
„Позвольте въ домъ васъ попросить.“
— Зачѣмъ же? можно тутъ рѣшить. — 30
„Четыреста. Коню три года...“
— Я видѣлъ. А чьего завода? —
„Орловой“
— Дорого-съ... Не дамъ.
А вотъ за триста — по рукамъ. —

„Я не торгашъ, предупреждаю.
Три съ половиною даютъ,
Придти хотѣли — и придутъ.“
— Все вретъ! Лукичъ подумалъ: знаю...
И молвилъ: „я и приводилъ.“
— Ну! ну! Скобѣевъ перебилъ.
„Я не обидѣлъ васъ словами;
Что жъ! наше дѣло сторона.
Не дорогая, молъ, цѣна,
Я вотъ что...“ и старикъ руками
Развелъ.
Хозяинъ былъ упрямъ,
И плохо подвигалась сдѣлка.
„Ударьте, сударь, по рукамъ!
Лукичъ, какъ бѣсъ, шепталъ украдкой
Помѣщику: — вѣдь, дѣло гадко!
Скобѣевъ спятится вотъ-вотъ...
Кончайте! сотня не разсчетъ!“

Долбинъ стоялъ въ недоумѣньи,
Поглядывалъ на рысака, —
Картина-конь! на старика, —
Тотъ весь дрожалъ отъ нетерпѣнья:
Усами шевелилъ, мигалъ,
Къ карману руку прикладалъ...
Не прозѣвай, молъ! Что ты смотришь?
Покаешься, да не воротишь.
Мнѣ что! я не желаю зла...
И сдѣлка кончена была.

Кому не святъ обычай русской!
И вотъ за водкой и закуской
Скобѣевъ и Долбинъ сидятъ.
Червонцы на столѣ звенятъ;
Лицо хозяина сіяетъ,
Онъ залпомъ рюмку выпиваетъ,
Остатки въ потолокъ — вотъ такъ,
Дескать, попрыгивай, рысакъ!

Долбинъ поморщился немного,
Но тоже выпилъ. У порога
Лукичъ почтительно стоялъ
И очереди ожидалъ;
Хватилъ и молвилъ: „захромаю 5
Съ одной-съ...“
Скобѣевъ не слыхалъ;
Бесѣду съ гостемъ продолжалъ:
„Такъ вотъ что, Климъ Кузьмичъ! я знаю
Имѣнье ваше... проѣзжалъ...
Земли довольно...“ 10
— Рукъ немного!
Душъ тридцать. Впрочемъ, не бѣда:
На мѣсячинѣ всѣ. —
„Ахъ, да!
Мысль не дурна.“
— Но надо строго
Слѣдить. Внимательность нужна. —
„Лѣнятся?“ 15
— Ужасъ! Разоряютъ!
Заставишь сѣять, сѣмена
За голенища засыпаютъ,
Порою въ землю зарываютъ! —
„Неужто?“
— Просто, нѣтъ души!
Хоть колъ на головѣ теши, 20
Не убѣдишь!... Я разъ гуляю...
Гляжу — нырнулъ мальчишка въ рожь...
Эй! погоди, молъ, не уйдешь!
И что же, сударь, открываю? —
„Ну-съ?“ 25
— Онъ колосья воровалъ!
Шапченку верхомъ ихъ набралъ!
На что, молъ? Хлопаетъ глазами,
Да хнычетъ. —
„Этакой развратъ!
Ужасно! и отцы молчатъ?“
— Нашли тутъ! научаютъ сами... 30

Не наѣдятся, чортъ возьми!
Что хочешь, какъ ихъ ни корми! —
„Вотъ саранча!
— Да-съ! наказанье!
Вы какъ? на службѣ? —
„Да... служилъ...
Въ коммиссіи подъ лямкой былъ.“
— Такъ... Вышли? —
„Родилось желанье
Окончить, знаете, свой вѣкъ
Покойно: грѣшный человѣкъ,
Усталъ трудиться.“
— Охъ, Создатель!
Лукичъ подумалъ: вотъ и вѣрь!
Не скажетъ вѣдь, за что теперь
Онъ подъ судомъ... хорошъ пріятель!
Давно ль деревню-то купилъ?
А говоритъ подъ лямкой былъ. —

Помѣщикъ всталъ и распростился.
Онъ къ воротамъ, Лукичъ во слѣдъ.
„За трудъ, сударь“, и побожился:
Коню-то вѣдь цѣны, молъ, нѣтъ.
— Вотъ два цѣлковыхъ. —
„Что вы-съ! мало!
Какъ можно! это курамъ смѣхъ!
Гм!.. время, значитъ, такъ пропало...“
— Ну сколько же? —
„Да пять не грѣхъ.“
Долбинъ заспорилъ.
„Воля ваша,
Хоть не давайте ничего!
Мы, стало, служимъ изъ того...
А все, къ примѣру, глупость наша:
Добра желаешь.“
— Эхъ, какой!
Одинъ прибавлю. Да! постой!
На счетъ собаки... —

„Что жъ, извольте!
Оно, — вы скупы, да пойдемте:
Я не сердитъ, служить готовъ.“
— Теперь я занятъ. —
„Мы съ двухъ словъ!“
— Нѣтъ, нѣтъ! до завтра. Срокъ не дологъ —
„Упустимъ: часъ въ торговлѣ дорогъ!“ 5
— Пустое! Кучеръ! Эй! за мной!
Веди коня! —
„Ну, Богъ съ тобой!“
Лукичъ подумалъ: „заскупился.
Вотъ покупатель-то явился!
Вѣдь, съ виду смотритъ молодцомъ: 10
Очками, тростью щеголяетъ
И на спинѣ колпакъ съ махромъ,
Чортъ знаетъ для чего, таскаетъ;
А хорошенько разберешь —
Выходитъ такъ себѣ... какъ глина, 15
Что хочешь изъ нея сомнешь.
Эхъ, плачетъ по тебѣ дубина!
Добру сумѣла бъ научить,
Да некому дубиной бить!
Ни то дуракъ... развѣсилъ уши, 20
Разинулъ ротъ и вѣритъ чуши,
Скобѣевъ будто задолжалъ,
Все, значитъ, въ карты проигралъ,
Какъ разъ! Ему и проиграться!
Да онъ удавится за грошъ!“ 25

„Эй, старый хрычъ! кого ты ждешь?
Пора въ-свояси убираться!“
Съ крыльца Скобѣевъ забасилъ.
Лукичъ за козырекъ хватился,
Картузъ подъ мышку положилъ 30
И молвилъ: — ну, сударь, трудился!
Весь лобъ въ поту! —
„Платокъ возьми,
Утрись“.

— Утремся. Я дѣтьми
За вашу клячу-то божился,
Не грѣхъ за хлопоты мнѣ взять.
„Вишь, старый хрычъ, чѣмъ похвалился!
Я бъ безъ тебя съумѣлъ продать.
Взялъ съ одного, ну, знай и мѣру...
А много заплатилъ Долбинъ?“
— Съ него возьмешь! хоть бы алтынъ,
Такая выжига, къ примѣру! —
„Все лжешь!“

— Бываетъ, что и лгу,
А передъ вами не могу:
Не хватитъ духу. —

„Это видно!..
Я бъ далъ, нѣтъ мелочи въ дому...“
— Да не шутите, сударь, стыдно! —
„Не забываться, ротъ зажму!“
— Благодаримъ: не вы ли сами
Просили вашу клячу сбыть? —
„Взялъ съ одного, ты съ барышами —
И полно!..“

— Что и говорить!
Вотъ щедрость! Гм!.. мое почтеніе!
Останься съ рюмкою вина...
Ну, дорогое угощенье! —
„Вишневка какъ? вѣдь не дурна?“
— Хоть рубль-то дайте! —

„Чести много,
Пожалуй, на вотъ четвертакъ.“
— Себѣ возьмите, коли такъ!
Эхъ, баринъ, не боишься Бога! —
„Я говорилъ тебѣ — молчать!“
— Потише! можно испугать!..
Онъ четвертакъ, къ примѣру, вынулъ,
Вишь умникъ, дурака нашелъ...

И свой картузъ Лукичъ надвинулъ,
Съ досады плюнулъ — и ушелъ.

Горятъ огни зари вечерней.
Въ туманѣ прячутся деревни,
И все темнѣй, темнѣй вдали. 5
За пашнями изъ подъ земли
Выходитъ пламя полосами
И начинаетъ тутъ и тамъ
Краснѣть по темнымъ облакамъ,
По синевѣ надъ облаками, 10
И смотришь — неба сторона
Виситъ въ огнѣ потоплена.
Сквозь сумракъ поле зеленѣетъ;
Угрюмо на краю небесъ
Насупился кудрявый лѣсъ, 15
Едва примѣтный, онъ синѣетъ,
Какъ будто туча приплыла
И въ полѣ ночевать легла,
Соха на пашнѣ опочила,
Дорожка торная мертва. 20
Вдругъ началъ перепелъ: вва! вва!
И смолкъ.

Но пыль, какъ дымъ, покрыла
Весь городъ; такъ и ѣстъ глаза!
Дворянской улицы краса,
Поникли тополи печально, 25
Наводитъ грусть ихъ жалкій видъ;
На стеклахъ кое-гдѣ горитъ
Зари румяной лучъ прощальный,
Напоминая цвѣтъ лица
Полуживого мертвеца. 30
Угрюмо смотритъ съ тротуара
Чугунныхъ пушекъ рядъ нѣмой,
Угрюмо ходитъ часовой
На каланчѣ, и вѣсть пожара —
И днемъ, и ночью черный флагъ 35

Готовъ онъ вздернуть. Что ни шагъ
Все вывѣски. Вотъ подъѣзжаетъ
Телѣга, вдругъ, какъ изъ земли,
Рука и палка выростаетъ,
Телѣга скрылася вдали.
Уже прохладенъ воздухъ сонный,
И мѣсяцъ отраженъ рѣкой,
Но камень, солнцемъ раскаленный,
Доселѣ тепелъ подъ ногой.

Лукичъ въ свой домикъ возвращался.
Прищуривъ мутные глаза,
Онъ шелъ одинъ, безъ картуза,
И сильно въ стороны шатался,
И вслухъ несвязно бормоталъ:
„А вамъ-то что? Вы что такое?
Вишь умники! ну, погулялъ!
Вѣдь, на свое, не на чужое!..
Слышь, Климъ Кузьмичъ, каковъ рысакъ?
Плохонекъ? ну, впередъ наука!
На то, къ примѣру, въ морѣ щука,
Чтобъ не дремалъ карась... да, такъ!
Ты вѣрилъ на слово, и ладно,
Выходитъ дѣло, ты и глупъ!
А мнѣ-то что? мнѣ не накладно,
Мнѣ благо, что купецъ не скупъ.
Э! А собаку-то, пріятель!
Молчишь, сердитъ за рысака...
Да, ты теперь не покупатель,
И не нуждаюся пока.
Да гдѣ я?.. Что за чертовщина!
Постой-ка, осмотрюсь кругомъ...
Я помню отъ угла мой домъ
Четвертый... экая причина!
Дай сосчитаю: вотъ одинъ,
Другой и третій... больше нѣту...
Тутъ пустошь и какой-то тынъ.
Да какъ же прежде пустошь эту

Я здѣсь ни разу не видалъ?..
Тьфу, пропасть! ничего не знаю!
А! догадался! понимаю!
Не въ эту улицу попалъ."

VII.

Аринѣ сердце предвѣщало, 5
Что пьянъ и грязенъ мужъ придетъ;
Чуть раздавался скрипъ воротъ,
Въ ознобъ и жаръ ее кидало.
Свѣча горѣла. За чулкомъ
Грустила Саша подъ окномъ. 10
Заботамъ чуждъ, какъ уголь, черный,
Не унывалъ лишь котъ проворный;
Клубкомъ старушки на полу
Игралъ онъ весело въ углу.
„Иду!.. — раздался на крылечкѣ 15
Знакомый крикъ: — огня подать!"
И Саша бросилася къ свѣчкѣ,
Отца готовая встрѣчать.

Дверь распахнулась, онъ явился:
Лобъ сморщенъ, дыбомъ волоса, 20
Дирявый галстухъ на бокъ сбился,
И кровью налиты глаза.
„Безъ картуза!" всплеснувъ руками,
Старушка молвила.
— Молчать!
Я дамъ вамъ дружбу съ столярами!.. 25
Тсс!.. смирно!.. рта не разѣвать!.. —
„Постойте! Саша говорила:
Я васъ раздѣну."
— Раздѣвай!
Ну, да! и галстукъ... все снимай!..
А ты о чемъ вчера грустила? — 30
„Такъ, скучно было."

— Врешь! не такъ!
Ты думаешь, отецъ дуракъ...
Цѣлуй мнѣ руку! —
Дочь стояла
Недвижно; только по лицу,
Сквозь блѣдность, краска выступала.
— Не стою?.. А! поцѣловала!
Противно, значитъ... да! отцу!
Едва губами прислонилась! —
„Ну, началось!“ сказала дочь
И отошла съ досадой прочь.
— Разуй меня! куда ты скрылась? —
Но Саша медлила.
— Идешь?..
Ну, ладно. Тише! что ты рвешь!
Не надо! —
„Полно издѣваться!
Давайте!“
— Цыцъ! —
„Вѣдь, брошу!“
— Какъ?
Ну, брось!.. ну, брось!.. отецъ дуракъ,
Ну, что жъ? не грѣхъ и посмѣяться...
А я заплачу... не впервой...
Вотъ плачу... смѣйся! Богъ съ тобой! —
„Да лягъ! промолвила старушка:
Хоть тутъ — на лавкѣ. Вотъ подушка.“
— Чего? учи-ко дочь свою!
А вотъ я пѣсню запою:
Лучина... —
„Полно, старичина!
Грѣшно! какая тамъ лучина!“
— Молчать! я хлѣба мало ѣлъ!
Вотъ это кто добыть умѣлъ? —
И серебро свое онъ вынулъ,
И на полу его раскинулъ.
„На что жъ бросать-то?“

— Стой, не тронь!
Не подбирай! туши огонь! —
„Да лягъ! потушимъ!“
— А! потушишь!
Украсть хотите? нѣтъ, постой! —
„Изъ-за чего ты насъ все крушишь?
Ну, пьянъ, и спалъ бы, Богъ съ тобой!“ 5
— Кто пьянъ? — ты мужу такъ сказала?
Куда? не спрячешься! найду! —
„Оставьте, Саша умоляла:
Она ушла, ушла! въ саду.“
— Прочь отъ двери! Ты что пристала? 10
А кто тебѣ вотъ это сшилъ? —
И дочь онъ за рукавъ схватилъ.
— Ну, что жъ, къ примѣру, замолчала? —
У Саши загорѣлся взоръ,
И все лицо, что коленкоръ, 15
Вдругъ побѣлѣло. „Не кричите!“
— Кто сшилъ? —
„Сама!“

— Вотъ разъ! вотъ два! —
И половина рукава
Упала на полъ.

„Рвите! рвите! —
За то, что для себя и васъ 20
За дѣломъ не смыкаю глазъ!
За то, что руки вамъ цѣлую
И добываю хлѣбъ иглой,
Или, какъ нынче, въ ночь глухую,
Вотъ такъ терплю!.. И вы родной! 25
И вы отецъ!“

Старикъ смутился,
Какъ ни былъ пьянъ, но спохватился
И плюнулъ дочери въ глаза,
И вѣрно бъ грянула гроза,
Но Саша за отцомъ слѣдила, 30

Вмигъ отъ удара отскочила
Назадъ — и бросилася вонъ.

Лукичъ въ сонъ крѣпкій погруженъ.
Свѣча погасла. Все сидѣли
И мать и дочь въ саду густомъ,
И звѣзды радостнымъ огнемъ
Надъ головами ихъ горѣли.
Но грозно, въ синей вышинѣ,
Стояла туча въ сторонѣ,
Сверкала молнія порою —
И садъ изъ мрака выступалъ,
И вновь во мракѣ пропадалъ.
Старушка робкою рукою
Крестилась, вся освѣщена
На мигъ, и пробудясь отъ сна,
На вѣткѣ вздрагивала птичка,
А по дворамъ шла перекличка
У пѣтуховъ.
„Не спишь, дитя? —
Старушка молвила, кряхтя: —
Я что-то зябну... охъ! поди-ты,
Какъ грудь-то больно!“
— Вотъ платокъ;
Покройтесь. —
„Что ты, мой дружокъ!
И будутъ у самой открыты
До свѣта плечи!“
— Мнѣ тепло. —
„Нѣтъ, нѣтъ! не надо! все прошло!“

Но дочь старушку убѣдила,
И грудь и шею ей покрыла
Платкомъ. Сама, какъ часовой,
Бродила по травѣ сырой.
Прогулка грустная не грѣла
Ея продрогнувшаго тѣла.
Тутъ горе... горе впереди,

Теперь и прежде... и въ груди
Досада на отца кипѣла.
Потрясена, раздражена,
Вдыхала съ жадностью она
Холодный воздухъ, хоть и знала 5
Что безъ того больной лежала
Не такъ давно. Теперь опять
Хотѣла слечь — и вновь не встать.

Въ саду зеленомъ блескъ и тѣни.
На солнцѣ искрится роса; 10
Веселыхъ птичекъ голоса
Перекликаются въ сирени;
Прохлада свѣжая давно
Плыветъ въ открытое окно.
Старушка стекла вытираетъ. 15
Подъ потолокъ пуская паръ,
Кипитъ нагрѣтый самоваръ,
И Саша чайникъ наливаетъ,
Сидитъ съ поникшей головой,
Подпертой бѣлою рукой. 20

И вотъ Лукичъ отъ мухъ проснулся,
Зѣвнулъ, лѣниво потянулся.
Взглянулъ на столъ — тамъ серебро;
Повѣрилъ — цѣло; ну, добро!
Онъ вспоминалъ, хоть и неясно, 25
Что пошумѣлъ вчера напрасно;
Ну, молъ, бѣда не велика,
Не тронь, уважатъ старика.
„Охъ, голова болитъ, старуха!
А что вчера я смирно легъ?“ 30
— Чуть не прибилъ насъ. Видитъ Богъ,
За что. Такая-то сокруха!
И понаслушались всего... —
„Гм! жаль, не помню ничего!“
— Въ саду сидѣли до разсвѣта...
Грѣшно, Лукичъ! Въ мои ли лѣта

Такъ жить! —
„Ну, ну! не поминай.
Ты пьянаго не раздражай.
Давай-ка поскорѣе чаю,
Быть-можетъ, голова... того...
А я жду сваху.“
— Отъ кого? —
„Про это я, выходитъ, знаю:
Что думалъ, сбудется авось.“
— Смотри, тужить бы не пришлось...
И-ихъ старикъ! —
„И-ихъ, старуха!
Не забывается сосѣдъ!
Вѣдь я сказалъ, къ примѣру: нѣтъ!
Ну, плеть не перебьетъ обуха!“
— Мнѣ замужъ, батюшка, нейти, —
Чуть слышно Саша отвѣчала,
И съ чаемъ чашка задрожала
Въ ея рукѣ.
„Ты безъ пути
Того... не завирайся много!“
— Я правду говорю. —
„Ну, врешь!
Велю — за пастуха пойдешь.“
И, поглядѣвъ на Сашу строго,
Отецъ прибавилъ: „да, велю,
И баста! споровъ не люблю.“
— Конечно, такъ. Я кукла, стало,
Иль тряпка... и куда попало
Меня ни бросить, все равно,
Подъ лавку или за окно. —
„Да что, къ примѣру, ты въ умѣ ли?
Ты съ кѣмъ изволишь разсуждать?“
— Вотъ если бъ эту чашку взять
Разбить, вы вѣрно бъ пожалѣли! —
„Ну что жъ изъ этого?“
— Да такъ,
Вы сами знаете — пустякъ:

Вамъ чашка дочери дороже. —
„Смекаю. Ты-то за кого
Меня сочла? за куклу тоже?
Да ты отъ взгляда моего,
Не то что словъ, должна дрожать! 5
А ты... ты хлѣбомъ попрекать
Отцу! Ты что вчера сказала?
Для васъ, дескать, моя игла...“
— Я виновата, попрекала.
Да если бъ камнемъ я была, 10
Тогда бъ промолвила! Вѣдь горько!
Иной собакѣ лучше жить,
Чѣмъ мнѣ: ее не станутъ бить,
Гнать изъ конуры... —
„Дальше!“
— Только.
Что жъ, мало этого? — 15
„Молчать!
И слышишь ты, не поминать
Сосѣда! моего порога
Не смѣй онъ знать! Вишь, рѣчь нашла!
Благодари, къ примѣру, Бога,
Что у тебя коса цѣла!“ 20

Старушка вышла изъ терпѣнья.
Въ душѣ за дочь оскорблена,
Всѣ слезы, годы униженья,
Все горе старое она
Припомнила — и поблѣднѣла, 25
И мужу высказать хотѣла,
Какой, молъ, есть ты человѣкъ?
Крушилъ жену свою весь вѣкъ
И крушишь дочь. Побои, пьянство...
Вѣдь, это мука, молъ! тиранство! 30
Ты въ этомъ Богу дашь отчетъ!..
И не рѣшилась. Нѣтъ, нейдетъ:
Вспылитъ. Немного помолчала
И грустно дочери сказала:

„Пей, Саша, чай-то, онъ простылъ.
Что жъ плакать?„
— Гм! ей чай не милъ.
Сгубилъ сосѣдъ твою голубку,
Заплачь и ты, — оно подъ стать! —
Промолвилъ мужъ и началъ трубку
Объ уголъ печки выбивать.

Межъ тѣмъ въ калиткѣ обветшалой
Кольцо желѣзное стучало.
Лукичъ прислушался: „Стучатъ,
Подъ чай, къ примѣру, норовятъ...“
Въ окно Арина поглядѣла:
— Старуха чья-то. Охъ, Лукичъ,
Не сваха ли? кому опричь?
„Что жъ! примемъ.“ Саша поблѣднѣла.
Отецъ на кухню указалъ
И Сашѣ выйти приказалъ.
Она не трогалася съ мѣста.
„Опять упрямство! слышь, невѣста,
За косу выведу, гляди!“
— Иди, душа моя, иди!
Сказала мать: охъ, мука, мука! —
„Ну, ну! не мука, а наука...
Васъ плетью бъ нужно обучать.“
И онъ сюртукъ сталъ надѣвать.

VIII.

Дверь заскрипѣла, отворилась,
И гостья, кашляя, вошла,
Святымъ иконамъ помолилась
И чуть не въ поясъ отдала
Поклонъ хозяину съ хозяйкой.
На гостьѣ былъ нарядъ простой:
Покрытый синею китайкой
Шушунъ, кокошникъ золотой
И сарафанъ. Взглядъ ястребиный,

Лукавый. На лицѣ морщины,
И тонкій носъ загнутъ крючкомъ.

„Челомъ вамъ, золотые, бьемъ!
Здоровы ли, мои родные?
Ну, жаръ! насилу доплелась! 5
Да пыль отъ вѣтру поднялась, —
Измучилася, золотые!“
— Садись-ко, матушка, садись, —
Сказалъ Лукичъ: — вотъ чашку чаю... —
„Давай родной. Уста спеклись. 10
Шестой десятокъ доживаю.
Насилу бродишь. Ну, и жаръ!“
— Жена! долей-ко самоваръ.
Привѣтимъ гостью дорогую,
Чѣмъ Богъ послалъ. — 15
И-и родной!
Привѣть хоть лаской-то одной
Да потрудись на рѣчь простую
Мнѣ, старой бабѣ, отвѣчать.“
— Изволь. Послушаемъ въ чемъ дѣло. —
„Кажись, вамъ времячко приспѣло 20
Живой товаръ свой съ рукъ сбывать;
Есть у меня купецъ; не знаю,
Хорошъ ли будетъ онъ для васъ.“
— А! понимаю, понимаю!
Товаръ, къ примѣру, есть у насъ, 25
Да кто купецъ-то? —
„Таракановъ
Тарасъ Петровичъ.“
— Это онъ!
Лукичъ подумалъ: — въ руку сонъ!
Его и ждалъ. —
„Пять балагановъ
Своихъ на рынкѣ... голова!“ 30
— Прибавила. И всѣхъ-то два. —
„И, нѣтъ!.. Красавецъ! и бровями,
И темнорусыми кудрями, —

Всѣмъ взялъ! хоть въ рамку, золотой!“
— Намъ красотой не любоваться!
А былъ бы съ умной головой,
Умѣлъ бы дѣломъ заниматься —
5 Вотъ это лучше красоты! —
„Охъ, батюшка,—ума палата!
А домъ-атъ поглядѣлъ бы ты,
Уже нечего!.. не наша хата!
Пять комнатъ, сударь мой, просторъ!
10 На окнахъ бѣлыя гардины,
Въ простѣнкахъ разныя картины,
А дворъ-то, что это за дворъ!
Кругомъ дубовые амбары,
И лѣсъ старинный, прочный лѣсъ!
15 Въ одномъ углу большой навѣсъ,
Въ амбарахъ всякіе товары...
Что, золотой, и говорить:
Добра возами не свозить!“
— Ну, тутъ прикрасы не у мѣста;
20 Ты о приданомъ рѣчь веди. —
„Рѣчь о приданомъ впереди,
Для жениха нужна невѣста.
Ее онъ видѣлъ гдѣ-то разъ,
Да на-вотъ! Кругомъ закружился!
25 И хлѣба, золотой, лишился,
И ночью не смыкаетъ глазъ —
Все ею грезитъ. Да и мнѣ-то
Совсѣмъ покою не даетъ.
Тутъ мочи нѣтъ, а онъ придетъ,
30 Все умоляетъ: какъ бы это
Сходила ты къ невѣстѣ въ домъ
Поговорить съ ея отцомъ?“
— Ну, да, однако, что же надо? —
„Такъ что-нибудь, хоть для обряда:
35 Четыре головныхъ платка,
Ну-съ... три-четыре перстенька,
Три нитки жемчугу на шею
(Ужъ много я просить не смѣю),

Салопъ на бѣличьемъ мѣху,
Сукна на чуйку жениху,
Три шали, восемь платьевъ новыхъ,
Кровать, комодъ и самоваръ,
Ну-съ... чайныхъ чашекъ пять-шесть паръ 5
И — денегъ, судырь, сто цѣлковыхъ...“
— Выходитъ дѣло, не взыщи!
Съ приданымъ этакимъ, гдѣ знаешь,
Иную дѣвушку ищи. —
„И, золотой, ты обижаешь! 10
Ты покажи товаръ купцу;
Нельзя: такое заведенье!
Не сразу торгъ, не вдругъ рѣшенье,
Сказать: здорово и — къ вѣнцу.“
— Ну, да! вотъ эта рѣчь умнѣе! 15
Смотрушки завтра. Попозднѣе
Прошу покорно вечеркомъ
Пожаловать къ намъ съ женихомъ. —-
„Всенепремѣнно. Ваши гости.
Повѣришь ли, что я скажу? 20
Состарились мои всѣ кости:
Лѣтъ тридцать свахою хожу,
И счетъ-то свадьбамъ потеряла,
А и доселѣ, мой родной,
Всѣ, для кого я хлопотала, 25
Осталися довольны мной.
Кому какой таланъ отъ Бога!
За то, куда вѣдь ни придешь —
И ласку и хлѣбъ-соль найдешь...
Однимъ нехорошо немного: 30
Иные выжиги за трудъ
По уговору не даютъ.
Ну, имъ и достается горько:
Начнешь по городу звонить,
То тѣмъ, то сѣмъ ихъ обносить — 35
И свадьба врозь! да мнѣ-то только
Отъ этихъ выжигъ барыша!“
— Охъ, свашенька, моя душа, —

Хозяйка, сморщившись, сказала:
Не грѣхъ ли отъ такихъ затѣй? —
„И, нѣтъ, родная! я слыхала
(Старшой мой сынъ-то грамотей,
Надъ Библіей и засыпаетъ):
За око — око...! вотъ вѣдь что!
Коли тебя обидѣлъ кто,
Не кланяйся: не подобаетъ!“

Лукичъ любилъ потолковать.
И у него вплоть до обѣда
Со свахой длилася бесѣда.
„Дочь надо замужъ выдавать
Умно, дескать. Смотри тутъ въ оба!
Тутъ думу думай не шутя:
Не шашка кровное дитя,
Дашь промахъ разъ, — бѣда до гроба!“
Но сваха не была плоха.
Да, да! разсказывай, молъ, сказки!
И не жалѣла яркой краски,
Рисуя бойко жениха.

IX.

Покамѣстъ гостья толковала,
Невольно Саша ей внимала,
И, ѣдкой горечи полна,
Рукою трепетной она
Взялась за дверь; была готова
Ее нежданно отворить,
Явиться предъ отцомъ и снова
Отказъ отъ брака повторить.
Старикъ вспылитъ. Въ пылу досады
Не будетъ отъ него пощады...
Что жъ! такъ и быть! Но, Боже! мать
Грозой семейной испугать,
Заставить плакать... развѣ мало
Она слезъ горькихъ пролила?

У Саши силы недостало,
И глупымъ бредомъ назвала
Порывъ свой дѣвушка.

Какъ сладко
Въ саду малиновка поетъ!
И какъ не пѣть! въ глуши живетъ, 5
Въ кустѣ гнѣздо свила украдкой,
Въ гнѣздѣ малютки.. любо ей!
Міръ Божій свѣтелъ. Надъ землею
Раздолье утренней порою
Купаться въ золотѣ лучей. 10

Весна! весна! Души отрада!
Блеститъ на солнцѣ зелень сада,
Въ избыткѣ жизни каждый листъ
Трепещетъ. Въ чащѣ пискъ и свистъ,
Въ травѣ жужжанье. Дятелъ цѣпкій, 15
По ивѣ ползая, стучитъ;
Вокругъ его сухія вѣтки
Торчатъ, какъ пальцы. Грачъ глядитъ
Лукаво съ вѣковой березы;
Тамъ крикъ галчатъ на днѣ дупла, 20
Тутъ въ чашечку душистой розы
Вползаетъ желтая пчела
За медомъ. Вѣтерка дыханье
Едва касается травы,
Надъ головою дня сіянье — 25
И ширь бездонной синевы.

Но вотъ и Саша. Торопливо
Къ плетню сосѣдскому идетъ,
Сама рукой нетерпѣливой
То сломитъ вѣтвь, то отведетъ. 30
Порою яркими лучами
Ей солнце брызнетъ на плечо,
Пригрѣетъ щеку горячо,
Межъ тѣмъ неслышными шагами

За нею тѣнь ея спѣшитъ.
Плетень все ближе. Онъ увитъ
Весь хмелемъ. Дѣвушка подходитъ,
Кудрявый хмель рукой отводитъ
И на сосѣдскій дворъ глядитъ.
Онъ пустъ. Зеленая крапива
На зноѣ нѣжится лѣниво,
Да у крыльца кусокъ стекла
Сверкаетъ. Даромъ ты пришла,
Бѣдняжка! не видать сосѣда!
И ждать нельзя: пора обѣда, —
Старушка дочь свою зоветъ:
— Иди, иди! отецъ, молъ, ждетъ!

Лукичъ былъ веселъ и за щами
Шутилъ надъ Сашей и женой:
„Вотъ, дескать, скоро пиръ честной.
Готовьтесь! погуляемъ съ вами!“
Дочь шутокъ вынесть не могла
И за водой съ двора ушла.

Полдневный воздухъ жаромъ пышетъ.
Съ открытой грудью спитъ, не дышетъ
Въ постели свѣтлая рѣка.
На желтой полосѣ песка
Бѣлѣетъ камень. Одиноко
За бѣлымъ камнемъ грачъ сидитъ,
Крыло повисло, клювъ раскрытъ.
Покрытый влажною ссокой
Къ крутому берегу приросъ
Недвижной лодки черный носъ.
Вдали барахтаются смѣло
Мальчишки. Весело волнѣ
Ласкать ихъ молодое тѣло...
И видны головы однѣ
Да руки крикуновъ. Толпою
Идутъ коровы къ водопою;
Усталый, щелкая кнутомъ,

Пастухъ тащится босикомъ,
Въ рубашкѣ.

Саша отдохнула
У камня. Тихо и жара...
Воды прозрачной два ведра
Съ краями вровень почерпнула —
И оглянулась: „Гдѣ жъ онъ былъ?“
Столяръ навстрѣчу къ ней спѣшилъ.

Сосѣдъ-столяръ высокъ и строенъ,
Не очень смуглъ, не слишкомъ бѣлъ,
Веселый взглядъ его спокоенъ
И простодушно твердъ и смѣлъ;
Въ обтяжку казакинъ изъ нанки,
Рубашка красная чиста;
Не въ тяготу ему рубанки
И не въ кручину бѣднота.

„Вотъ, Саша, встрѣча-то! здорово!
Эхъ, мѣсто дрянь! народъ вонъ есть...
Поцѣловалъ бы... право слово!
Ну, жаль! глаза бъ ему отвесть,
Да не умѣю.“
— Горя много,
Не до того... —
„О чемъ грустить?
Что горе? въ горѣ Богъ помога;
Вѣкъ горевать, такъ что и жить!“
— Куда ходилъ? —
„Да тутъ скончался
Старикъ знакомый. Тамъ сиротъ!
Нѣтъ гроба... голосьба идетъ...
Я приготовить обѣщался,
Теперь снялъ мѣрку. Жаль до слезъ!
Спасибо, есть готовый тесъ...
Ну, что отецъ?“
— Терпѣть устала!

Не въ мочь! — и Саша разсказала
О свахѣ.
„Эдакой старикъ!“
И головой столяръ поникъ,
Подумалъ — и встряхнулъ кудрями.
5 „Все вздоръ! не надо унывать!
Повѣрь, все кончится словами...“
— Да, хорошо! легко сказать!
Защита гдѣ? Отецъ-то воленъ...
Смотрушки завтра. Онъ сказалъ.
10 Чтобъ ты двора его не зналъ. —
„Вотъ человѣкъ! упрямствомъ боленъ!
Вѣдь за тобою у него
Не требую я ничего...
Я бѣденъ! этого боится?
15 Такъ мой топоръ не залежится;
Отнимется одна рука,
Вотъ есть другая... безъ куска
Сидѣть не станемъ...“
— Это знаетъ
Онъ самъ. —
„Такъ что и горевать!“
20 — Нѣтъ, Вася, сердце предвѣщаетъ,
Что намъ въ разлукѣ свѣковать! —
„Въ разлукѣ! Господи, помилуй!
Да развѣ твой отецъ палачъ?
Хоть заживо ложись въ могилу, —
25 Онъ не дрогнетъ? Ну, рвись и плачь
Проси, покуда станетъ силы,
Рѣчей и слезъ!“
— Все такъ, мой милый!
Все это было и не разъ...
Ты знаешь, онъ каковъ у насъ?
30 Жаль мать, не то хоть утопиться:
Попрекъ, ругательство да споръ. —
„Ну, чтожъ теперь и согласиться?
Подставить шею подъ топоръ?..
Послушай: старику извѣстно,

Что я не плутъ и въ словѣ твердъ.
Ему, навѣрно, вотъ что лестно —
Женихъ богатъ... Лукичъ вѣдь гордъ!
Ну, и разсчетъ: онъ, молъ, надёжа
Въ нуждѣ, то-есть... Такъ помогу, 5
Мой другъ, и я. Ей-ей не лгу!
Хлѣбъ надобенъ? Возьми! Одёжа —
Дамъ и одёжу! пусть лежитъ
Хоть на печи, все будетъ сытъ!
Скажи ему." 10
— Онъ посмѣется,
А смѣхъ во зло меня введетъ...
Ты не повѣришь, — сердце рвется,
Когда онъ подъ хмелькомъ придетъ,
Да зашумитъ! Сама вѣдь знаю,
Что грубость — грѣхъ, не утерплю, 15
Забудусь. Послѣ проклинаю
Себя же... Я его люблю,
Да что... недостаетъ терпѣнья! —
„Эхъ, руку бъ далъ на отсѣченье,
Да не поможешь!.. мой совѣтъ — 20
Поудержись: грубить не слѣдъ.
Что дѣлать! болѣе терпѣла,
Дождемся счастья..."
Но грустна
Стояла Саша. Думъ полна,
На воду тихую глядѣла 25
Глазами мутными она.
Лазурь небесъ тамъ отражалась;
Рѣка, свободна и свѣтла,
Ее привѣтливо, казалось,
Въ свои объятія звала. 30

— —

X.

Мерцаютъ звѣзды. Городъ сонный
Какъ будто вымеръ, — такъ онъ тихъ!

Сквозь сумракъ камни мостовыхъ
Бѣлѣютъ смутно. Мѣсяцъ полный
Свободу далъ своимъ лучамъ:
По крышамъ лазятъ, по стѣнамъ;
5 Одинъ въ окно слезу подмѣтитъ;
Другой, какъ хитрый чародѣй,
Въ тюрьму проникнетъ безъ ключей
И цѣпь колодника освѣтитъ;
Неслышно церковь навѣститъ,
10 Окладъ иконъ посеребритъ;
Не зная страха и запрета,
Войдетъ въ алтарь, осмотритъ полъ,
Скорбящій ликъ Владыки свѣта, —
И дерзко ляжетъ на престолъ.
15 Иль въ чащу сада проберется,
По темной зелени блеснетъ,
Росинку на листѣ найдетъ, —
Росинка искрою зажжется.
Порой, по улицѣ пустой
20 Безсонный сторожъ молча ходитъ
И въ доску бьетъ, и эхо вторитъ;
Тѣнь позади на мостовой
Махаетъ, какъ и онъ, рукой.
И снова тихо... Звѣздъ сіянье
25 Такъ чудно! Вдругъ въ лицо пахнетъ...
Что это? Вѣтерка дыханье,
Иль духа горняго полетъ?

Спитъ Божій людъ. Столяръ доселѣ
Не успокоился въ постели.
30 Лежитъ онъ подлѣ верстака,
Отдѣлкой гроба утомленный;
Подушка — локоть обнаженный,
Подъ локтемъ — жесткая доска.
Печально смотритъ мастерская:
35 Смолистый запахъ изливая,
Бѣлѣютъ стружки на полу,
Сосновый гробъ стоитъ въ углу,

Топоръ въ березовый обрубокъ
Воткнулся носомъ. На стѣнѣ
Чернѣетъ старый полушубокъ.
Пила при трепетномъ огнѣ
Блеститъ и меркнетъ. На скамейкѣ, 5
Въ платкѣ и желтой душегрѣйкѣ,
Семьи сварливая глава,
Сидитъ дородная вдова
И молча карты раскладаетъ:
Про сынинъ бракъ она гадаетъ. 10
Но сбивчивъ глупый ихъ отвѣтъ:
То выйдетъ — да, то выйдетъ — нѣтъ.
Вотъ, напримѣръ: печаль, дорога,
Постель больная, интересъ...
Да тутъ и навыкъ не помога, 15
Богъ знаетъ, — просто темный лѣсъ!
Межъ тѣмъ съ гремушкою въ ручонкѣ,
До вечера проспавшій днемъ,
Въ штанишкахъ, въ синей рубашонкѣ,
По стружкамъ скачетъ босикомъ 20
Ея сынишка краснощекой,
И, православныхъ избъ жилецъ,
Извѣстный на Руси пѣвецъ,
Сверчокъ стрекочетъ одиноко
Подъ печью. 25
„Вотъ, сказала мать:
Вотъ, пиковый король... постылый:
Онъ твой злодѣй, мой Вася милый,
Посмотришь, свадьбѣ не бывать,
Ни, ни! Я прежде это знала:
Намедни, помнится, во снѣ 30
Все бисеръ да жемчугъ низала —
И доведется плакать мнѣ.“

Сынъ улыбнулся беззаботно,
Не слишкомъ довѣряя снамъ,
Одной надеждѣ безотчетно 35
Онъ предавался: „Пусть упрямъ

Старикъ-сосѣдъ, все знаетъ Бога...
Ну, будетъ, вѣдомо, тревога:
Лукичъ браниться молодецъ,
Да все же дѣтищу отецъ,
Не камень... сжалится... но диво,
Что ноетъ сердце такъ тоскливо...“
И тяжело столяръ вздыхалъ,
Въ раздумьи кудри расправлялъ.

„Мнѣ то досадно, — мать сказала: —
Что Лукичу я уважала!
Давно ль жена его у насъ
Брала утюгъ... дескать, на часъ,
Два дня держала, — я ни слова,
Я подѣлиться, молъ, готова
Съ сосѣдомъ! Сальную свѣчу
Взаемъ на красной горкѣ взяли
И до сихъ поръ не отдавали...
Ништо! покуда помолчу...
А если онъ насъ одурачитъ,
Я за себя не поручусь,
Ни, ни! я такъ съ нимъ расплачусь,
Что любо!“
— Это ссора, значитъ... —
Отвѣтилъ сынъ: — бѣды-то нѣтъ.
Безъ шума дѣло обойдется. —
„Какъ свистнешь, такъ и отзовется.
Мнѣ эдакъ дорогъ твой сосѣдъ,
Что вонъ немытая тряпица...
Ну, Саша, точно, не въ него:
Скромна, работать мастерица...“
— И не дурна? —
„Да, ничего.“
— А ну-ко, Ваня, плясовую! —
„Какую, братецъ? А? какую?“
Мальчишка весело спросилъ
И ножками засеменилъ
Столяръ запѣлъ:

Какъ у насъ во садочку,
Какъ у насъ во зеленомъ...
Люшунки-люли!..

Вдова смѣялась
На пляску. Пѣсня продолжалась
Недолго. Сердце столяра
Опять заныло. — Спать пора,
Оставь-ко, Ваня! —
„Право слово
Я ничего! я не усталъ!“
Но братъ не слушалъ и молчалъ.
И принялась за карты снова
Вдова. Кудрявый Ваня сѣлъ
На лавку и въ окно глядѣлъ.
— Эхъ, какъ звѣзда-то покатилась!
Смотрите! — вдругъ онъ закричалъ.
Столяръ съ улыбкою сказалъ:
„Лови!“ Вдова перекрестилась.
— Знать, умеръ кто... кто ни умретъ,
Такъ, говорятъ, звѣзда спадетъ...
Э, Вася! я и не спросила:
За гробъ-то дорого ль ты взялъ? —
„Да какъ сказать? Не въ этомъ сила.
Вѣдь я покойника-то зналъ.
Чудакъ! онъ жилъ въ своемъ домишкѣ
Такъ — въ старой мазанкѣ! Ходилъ
Зимой и лѣтомъ въ халатишкѣ,
Щегловъ, чижей, синицъ ловилъ.
Бывало, раннею зарею,
Въ лѣсъ проберется съ западнею
Да съ сѣтью — холодъ нипочемъ.
Разставитъ сѣть, а съ птицей клѣтку
На сукъ повѣситъ иль на вѣтку.
И насторожѣ за кустомъ
Дрожитъ въ снѣгу... Одну заботу,
Покуда кончился, имѣлъ:
Не во-время, молъ, заболѣлъ,
Теперь — вотъ въ лѣсъ бы на охоту...

Сталъ умирать, какъ закричитъ:
„Жена! пусти на волю дѣтокъ!“
— Какихъ тамъ дѣтокъ? — говоритъ.
„Моихъ-то вонъ, моихъ! изъ клѣтокъ!“
5 — Какихъ на свѣтѣ нѣтъ людей!
И твой отецъ чудилъ не мало,
(Ты въ люлькѣ былъ тогда) бывало,
Чуть свѣтъ — гоняетъ голубей.
Бѣдняжки съ крыши встрепенутся.
10 Куда! подъ облака взовьются!
Ему-то радость! вверхъ глядитъ
А самъ свиститъ! а самъ свиститъ! —

Столяръ задумался печально.
Давно ли въ этой мастерской
15 Лежалъ отецъ его больной?
Онъ вспомнилъ взглядъ его прощальный,
Взглядъ грустный, впалые глаза,
Полусѣдые волоса
И эту рѣчь: „Нужда нуждою, —
20 Ты, Вася, честь свою храни,
Честь пуще золота цѣни,
Ее нельзя добыть казною!
А коли честно ты живешь, —
Все хорошо! и свѣтъ хорошъ,
25 И будетъ ласковъ людъ съ тобою,
Обидитъ, — Богъ съ нимъ! не суди!
Ты, знай, своимъ путемъ иди!
— Охота не укоръ. Намъ стыдно
И грѣхъ покойника корить!
30 Такимъ и я желалъ бы быть...
Ну, Ваня, наплясался, видно,
Глаза слипаются... вставай
Да Богородицу читай
На сонъ грядущій. —

35 И ребенокъ
Молитву началъ. Чистъ и звонокъ

Былъ дѣтскій голосъ. Братъ стоялъ,
Его ошибки поправлялъ.
Локтями упершись въ колѣни,
Вдова внимала въ тишинѣ;
Огонь мигалъ, — и братьевъ тѣни 5
Передвигались на стѣнѣ.

XI.

Въ рубашкѣ, съ трубкой закуренной,
И разгорѣвшимся лицомъ,
Упрямствомъ дочери взбѣшенный, 10
Лукичъ сидѣлъ передъ окномъ,
И высоко приподнималась
Отъ гнѣва грудь его. Жена
Вздохнуть и кашлянуть боялась,
Прижавшись въ уголъ, и блѣдна 15
Стояла Саша.
„Ну, мученье!
Отецъ раздумывалъ: дивлюсь!
Я жениху не покажусь!..
Вотъ дочка! вотъ повиновенье!
За косы взяться? Визгъ пойдетъ... 20
И жаль! рука не налегнетъ...
Поговорю заблаго съ нею,
Все лучше, можетъ-быть, успѣю.“
„Эхъ-ма! таланъ ты мой худой! —
Промолвилъ онъ, махнувъ рукой: 25
И самъ отрады я не видѣлъ,
И дочери, знать, въ горѣ жить...
Ну, Саша! послѣ не тужить!
Не говорить: старикъ обидѣлъ!
Ты умница, ну — такъ и такъ! 30
Выходитъ дѣло, — я дуракъ...
Не стану спорить, Богъ съ тобою!
А вспомнишь всѣ мои слова,
Когда пойдешь ходить съ сумою,

Разумная ты голова!“
— Мнѣ бѣдность, батюшка, знакома!
Къ работѣ я привыкла дома
А къ горю... мужнина казна
Не дастъ мнѣ счастья. —
„Ненужна!
Столяръ дороже... ну, вѣстимо,
Ты безъ кручины и заботъ
Съ нимъ проживешь; заботы — мимо,
Къ вамъ счастье съ неба упадетъ...
Эхъ, дура!“
— Сжальтесь надо мною!
За что я молодость свою
Съ немилымъ сердцу загублю?
За что несчастной сиротою
Покину я порогъ родной?
Какъ мнѣ просить васъ? Боже мой! —
„Я говорю — добра желаю,
Оставь упрямство! слышишь ты?
Мнѣ что! тебя же избавляю
Отъ голода, отъ нищеты!
У столяра одна избенка,
Казны — ни гроша, мать — бабенка
Сварливая, всегда ворчитъ,
Ей и святой не угодитъ!
А Таракановъ — смѣтливъ, ловокъ,
Богатъ, торговый человѣкъ...
Онъ надаритъ тебѣ обновокъ
До свадьбы-то на цѣлый вѣкъ!“
— Нѣтъ, дорогими лоскутами
Меня ужъ поздно утѣшать!
Я не дитя!.. Не вы ли сами
Любили это повторять? —
„Лукичъ! — жена ему сказала:
Столяръ ей по сердцу.“
— Ну, да!
А знаешь, какова нужда?
Ты на себѣ не испытала?

Въ утѣху ли любовь - совѣтъ,
Когда къ обѣду хлѣба нѣтъ? —
„И-ихъ старикъ! онъ силенъ, молодъ,
Не глупъ...“
— А если заболитъ,
Да годъ въ постели пролежитъ, 5
И дочь твоя узнаетъ голодъ,
Ты, значитъ, какъ? поможешь ей?
Смотри, тогда не пожалѣй! —
„Охъ, бѣдность! я ль ея не знаю!
Какъ хочешь, Сашенька, гляди... 10
Я принуждать не принуждаю,
А про нужду по мнѣ суди:
И мать твоя была здорова,
И весела, и молода.
Теперь... теперь упасть готова 15
Отъ вѣтра... Охъ, тяжка нужда!“
— Что жъ! рада ль я себѣ? моя ли
Вина? Не вы ли столяра
Въ свой домъ, какъ сына, принимали?
Не тутъ ли, батюшка, подчасъ 20
Съ родными шла у васъ бесѣда,
Что хорошо бы за сосѣда
Отдать вамъ дочь? А я отъ васъ
Таилась развѣ? Вы вѣдь знали,
Что мы другъ къ другу привыкали! 25
Вы это видѣли! —
„Молчать!
Ну!..“
— Воля ваша принуждать,
А я не выйду за другого. —
„Не слушаться? отца родного?
Нѣтъ, подожди, къ примѣру, врешь! 30
Какъ! я не властенъ надъ тобою?
Не властенъ? Стало, ты не мною
Воспитана и рождена?
Ты мнѣ за это не должна
Повиноваться? 35

— И не жалко,
Не грѣхъ вамъ дочь свою губить? —
„Ты... ты не смѣй меня учить!
Всѣ ребра изломаю палкой!“
— Что жъ! бейте! мнѣ одинъ конецъ!
Кто васъ осудитъ? Вы — отецъ!
Вы властны! стало-быть, я стою!..
О, Господи! да скоро ль я
Навѣкъ глаза свои закрою? —
И покатились въ два ручья
У Саши слезы.
„Вонъ отсюда!
Ступай! вѣнчайся съ столяромъ!
Ты мнѣ не дочь! и живъ покуда,
Я не пущу тебя въ свой домъ!“
— Лукичъ, — старушка зарыдала: —
Опомнись! кровь твоя!.. —
„Молчать!
Умѣла твари потакать,
Теперь казнись! Чего жъ ты стала?
Вонъ, говорятъ тебѣ!“
— Постой!
Куда жъ идти мнѣ? Боже мой! —
„Хоть къ чорту!“
— Батюшка! —
„Ни слова!
Скажу одно въ послѣдній разъ:
Готова слушаться?“
— Сейчасъ,
Сейчасъ скажу... —
„Ну, что жъ готова?
Ты масломъ не зальешь огня,
Не хныкай! вотъ что!“
— Погодите...
Въ глазахъ мутится у меня... —
„Я жду!“
— О чемъ вы говорите? —
„Забудешь ты сосѣда?“

— Нѣтъ!
Нѣтъ, не могу! —
„Одинъ отвѣтъ.
Такъ будь ты проклята отнынѣ!“
— Какъ! Сашу, Сашу проклинать?.. —
И вздрогнула старушка-мать,
Какъ листъ на трепетной осинѣ. 5
— Она моя! я буду ночь
Такъ — на колѣняхъ... Саша! дочь!
Дитя мое!.. скажи — согласна...
Не отнимай руки, не дамъ...
Я поцѣлую... я несчастна!.. 10
И ты! и ты!.. о, горе намъ!.. —
„Согласна“, Саша отвѣчала
И на полъ замертво упала.
— Охъ, ты мучитель нашъ!.. —
„Ну-ну!
Лукичъ прикрикнулъ на жену: 15
Воды скорѣе!.. не хотѣла
Учить красавицу путемъ,
Вотъ довела ее до дѣла, —
До грубости передъ отцомъ!“

XII.

Едва блеснувшій лучъ разсвѣта 20
Засталъ Арину въ хлопотахъ;
Она была уже одѣта
И грѣла воду въ чугунахъ.
Старушка ставней не открыла
И въ горенкѣ, какъ тѣнь, бродила, 25
Тревожить шумомъ не хотя
Всю ночь неспавшее дитя.
Вотъ утро. Саша не гуляетъ,
Къ смотрушкамъ въ домѣ прибираетъ,
Все принимаетъ новый видъ, 30
Сіяетъ, лоснится, блеститъ...
Окно на солнышкѣ сверкаетъ,

Икона радостно глядитъ,
А за окномъ, на вѣткахъ ивы,
И крикъ и споръ нетерпѣливый
У любопытныхъ воробьевъ:
Смотрите, молъ... мытье половъ,
Возня, тревога... дѣло худо!
И котъ вонъ тутъ! скорѣй отсюда!
И птицы дружно поднялись
И вдаль въ испугѣ понеслись.
Невесела одна невѣста,
Неспоръ и трудъ въ ея рукахъ:
Пойдетъ съ ведромъ—и вдругъ—ни съ мѣста...
Стоитъ, глядитъ — туманъ въ глазахъ...

Лукичъ былъ тоже озабоченъ.
Всталъ рано, чуть не на зарѣ,
Замѣтилъ, что заборъ непроченъ,
Двѣ щепки поднялъ на дворѣ
И отдалъ въ кухню на топливо.
Хозяйствомъ грѣхъ пренебрегать.
Онъ зналъ, что надо терпѣливо
И неусыпно собирать
Добро домашнее. Бывало,
Когда домой идетъ не пьянъ,
Что подъ ноги ему попало —
Подковка, гвоздикъ — все въ карманъ.
Прошелся по саду отъ скуки,
Червей на яблонѣ сыскалъ
И, снявъ ихъ, про себя сказалъ:
„Ахъ, вы, анаѳемскія штуки!
Не давитесь чужимъ добромъ!“
И, наконецъ, покинулъ домъ.
На перекресткѣ помолился
На церковь; нищей поклонился;
Откуда, чья она — спросилъ, —
И грошъ ей въ чашку положилъ
Не по любви и состраданью
Къ подобному себѣ созданью,

Онъ просто вѣрилъ, что Господь
За подаяніе святое
Ему сторицею пошлетъ...
Желанье, кажется, благое
И основательный разсчетъ. 5
Купилъ на площади торговой
Осенней шерсти два мѣшка
У горемыки-мужика,
О всходахъ проса, гречи новой
Потолковалъ съ нимъ напередъ 10
И крѣпко побранилъ господъ:
„Народъ, молъ, да! работай втрое,
Изъ жилъ тянись — имъ все не въ честь!“
Мужикъ былъ тронутъ за живое,
Заговорилъ, забылъ про шерсть: 15
— Вотъ то, дескать!.. и то, и въ праздникъ. —
„Такъ! трудъ чужой кладутъ въ бумажникъ!..“
Лукичъ, нахмурясь, отвѣчалъ
И, вѣся шерсть, на рубль укралъ.

Домъ Лукича горитъ огнями, 20
Кругомъ ночь черная лежитъ,
Отъ красныхъ оконъ полосами
Свѣтъ въ сонной улицѣ виситъ.
Гостями горенка набита.
Женихъ высокъ, румянъ, курчавъ, 25
Веселый взглядъ его лукавъ;
Невѣста бѣдная убита,
Разноситъ чай, а гости пьютъ
Да рѣчи умныя ведутъ.
Съ досадой женщины толкуютъ, 30
Что оплошалъ гостиный рядъ:
Товары завалью глядятъ,
Купцы безсовѣстно плутуютъ,
На шаляхъ мало пестроты,
На ситцахъ блѣдные цвѣты; 35
Старушки съ грустью вспоминаютъ

О сарафанахъ съ галуномъ,
О серьгахъ съ крупнымъ жемчугомъ,
И прихоть моды обвиняютъ.
Хозяинъ судитъ съ женихомъ
5 О разныхъ выгодахъ торговли,
О недостаткѣ рыбной ловли
Въ ихъ городѣ, и сознаетъ,
Что рѣчь разумно онъ ведетъ.
Какъ мраморъ блѣдная, невѣста
10 Уже не разъ вставала съ мѣста
Гостей сластями обносить
И свой нарядъ перемѣнить.
Женихъ и мать его съ роднею
Перемигнулись межъ собою:
15 „Пора, молъ!“ и пошли на дворъ
Надъ Сашей кончить приговоръ.
„Каковъ женихъ? не молодчина?“
Шепталъ Лукичъ: „Не плачь, Арина!
Ты, Саша, удались пока;
20 Начнется торгъ, такъ не рука
Тутъ быть невѣстѣ...“ Сваха входитъ,
Поклонъ — другой, и рѣчь заводитъ:
„Ну, батюшка, товаръ хорошъ,
Купца похвалишь ли не знаемъ.“
25 — Ты честь товару отдаешь,
И мы купца не охуждаемъ;
Разсчетъ въ приданомъ. —
„И, родной!
Не просимъ лишняго.“
— Постой!
Твой разговоръ, къ примѣру, красенъ...
30 Ты слушай вотъ что: жемчугу
И денегъ дать я не могу,
А насчетъ платья — я согласенъ. —
„Нѣтъ, нѣтъ! копеечки одной
Мы не уступимъ, золотой!“
35 — А я и нитки не прибавлю! —
И завязался жаркій споръ.

„Пустѣйшій, значитъ, разговоръ: —
Сказалъ женихъ: — я все поправлю.
Дочь ваша, смѣю доложить,
Не то что... да-съ! Ей-ей, безъ лести!
Извольте насъ благословить, 5
Коли я нравлюсь ихней чести,
Намъ деньги — пыль-съ!“
— Выходитъ рокъ!
Жена! утирку и платокъ! —

Старушка плача суетилась.
Невѣста снова появилась, 10
Подносъ у матери взяла
И жениху, съ боязнью тайной,
На немъ подарокъ обручальной,
Глотая слезы, подала.
Женихъ утерся имъ легонько, 15
Невѣстѣ молча возвратилъ;
Утерлась и она.

„Ну, только!
Теперь Господь васъ съединилъ,“
Съ поклономъ сваха имъ сказала
И поцѣлуемъ приказала 20
Обрядъ закончить, рядомъ сѣсть
И полюбовно рѣчи весть.

И гости весело шумѣли.
Подруги Саши пѣсни пѣли;
Простой напѣвъ ихъ грустенъ былъ, 25
Тоску и думу наводилъ.
Вино лилось. Съ улыбкой сладкой
Женихъ невѣсту цѣловалъ,
Арина плакала украдкой,
Лукичъ безъ устали плясалъ. 30
Межъ тѣмъ невзгода бушевала:
Вылъ вѣтеръ, молніи струя,
Сквозь ливень крупнаго дождя,

По темнымъ стекламъ пробѣгала,
За нею вслѣдъ катился громъ,
И вздрагивалъ непрочный домъ.

Невѣста блѣдная сидѣла,
Всему чужда, едва жива;
Какъ въ полымѣ, у ней горѣла
Потупленная голова.
Не въ радость былъ ей пиръ веселый,
Звонъ рюмокъ и напѣвъ подругъ.
Нѣтъ! Сашу мучилъ бредъ тяжелый!
Надъ садомъ звѣзды. Тишь вокругъ...
Припавъ щекой къ плечу сосѣда,
Она подъ ивой съ нимъ стоитъ.
Чуть внятный шопотъ — ихъ бесѣда,
Да громко сердцу говоритъ...
Какъ темны листья сонной ивы!
Какъ ясенъ мѣсяцъ молчаливый!
Вотъ полдень. Жарко. Вѣтеръ спитъ.
Горячъ песокъ. Рѣка блеститъ.
Сосѣдъ на берегу; онъ блѣденъ.
„Что жъ, — говоритъ: — я, Саша, бѣденъ!
Все вздоръ! отецъ твой не палачъ!
Проси, мой другъ! и рвись и плачь!“

„Гуляй, бѣднякъ! богатымъ будешь!“
Хозяинъ пьяный закричалъ
И Сашѣ на ухо сказалъ:
„Сосѣда что ли не забудешь?
Взгрустнулось!.. Жениха займи!
Не то я... прахъ тебя возьми!
Гм! понимаешь?..“ Дочь вздрогнула,
Въ испугѣ на отца взглянула,
Въ отвѣтъ полслова не нашла,
Но тутъ подруга подошла,
Вся въ бѣломъ, бойкая, живая,
И, Сашѣ, руку пожимая,
Шепнула: „не круши себя!

Я знаю!.. выручу тебя!..“
Прищурила глаза лукаво
И сѣла рядомъ съ женихомъ.
„Какъ жарко!“
— Да-съ! —
„Досадно, право!..
Вы танцы любите?“ 5
— Съ трудомъ,
Такъ-съ малость самую танцую. —
„Зачѣмъ же?“
— Какъ бы вамъ сказать?..
Ногами вензеля писать
Мнѣ некогда-съ! вѣдь я торгую. —
„Вы курите?“ 10
— Ни, Боже мой!
И не къ чему-съ: расходъ пустой! —
„Зимой катаетесь?“
— Бываетъ,
На Сырной. Это ничего-съ!
Вотъ жалко, вздорожалъ овесъ!
Конь, знаете, не понимаетъ, 15
Что жерновъ, мелетъ Божій даръ. —
„Скажите!“
— Да-съ! Вотъ самоваръ
Въ семействѣ нуженъ. Не скрываю,
Съ ребячества привыкъ я къ чаю,
Сначала просто пью, потомъ 20
Употребляю съ молокомъ, —
Не покупать-съ: своя корова. —
„Конечно. Съ молокомъ здорово...
У васъ цѣпочка не дурна.“
— Четыре серебромъ дана, 25
По случаю-съ. —
„А! вы счастливы!“
— Цыганки тоже говорятъ,
Таланъ все, знаете, сулятъ...
Все чепуха-съ! на грушѣ сливы. —
„Какъ? вы гадали?“ 30

— Да-съ, гадалъ.
Я сумасшедшаго знавалъ;
Ахъ! тотъ угадывалъ отлично!
Бывало, дичь несетъ, несетъ,
Подчасъ и слушать неприлично!
Да вдругъ такой намекъ ввернетъ,
Что просто... да-съ! ей-ей чудесно! —
Даръ, значитъ: все ему извѣстно! —
„Нѣтъ, не люблю я ворожить!
Иное дѣло — говорить,
Вотъ это такъ. Сама не знаю,
Чуть на минуту умолкаю,
Мнѣ скучно... даже зло беретъ...
Поговоришь — и все пройдетъ.
Я надоѣмъ и вамъ ужасно:
Все говорю и говорю,
Болтушка, — скажете...“
— Напрасно!
Чувствительно благодарю! —

Усердной пляской утомленный,
Забившись въ уголъ отдаленный,
Лукичъ покрикивалъ сквозь сонъ:
„Молчать!.. покой мнѣ дайте... вонъ!“
— Прощайте, батенька, прощайте! —
Женихъ съ улыбкой отвѣчалъ
И руку Лукича пожалъ.
„Ты что за птица?“
— Угадайте. —
„Пожалуй. Помоги мнѣ встать.
Ты кто?“
— Вашъ нареченный зять. —
„Подай свѣчу... вотъ такъ... не знаю!..
Столяръ что ль? Нѣтъ, онъ не таковъ...“
— Я, батенька, Тарасъ Петровъ. —
„А! вспомнилъ, вспомнилъ! понимаю!
Ну, поцѣлуй меня... Вотъ такъ!
А я, ей Богу, не дуракъ!

И Саша вотъ... дитя родное...
Мнѣ, значитъ, жаль... продумалъ ночь...
И столяры... и все такое...
А ты вѣдь можешь мнѣ помочь?
На совѣсть, честно поторгую! 5
И ты, выходитъ, чуть сплутую...“

Женихъ давно за дверью былъ,
Но все свое Лукичъ твердилъ.

XIII.

Востокъ краснѣетъ. Кровли зданій,
Дождемъ омытыя, блестятъ. 10
По небу синему летятъ
Огнемъ охваченныя ткани
Прозрачно блѣдныхъ облаковъ,
И тихій звонъ колоколовъ
Ихъ провожаетъ. Паръ волнами 15
Плыветъ надъ сонными домами.
Онъ влаженъ. Свѣжій воздухъ чистъ.
Дышать легко. Румяный листъ
Трепещетъ, каплями покрытый.
По улицѣ ручей сердитый 20
Журчитъ, доселѣ не затихъ.
Межъ бѣлыхъ камней мостовыхъ
Вода во впадинахъ алѣетъ.
Порою вѣтерокъ повѣетъ, —
И грудь невольно распахнешь, 25
Цвѣтовъ и травъ дыханье пьешь.
Проснися, Божій людъ! не рано!
Вотъ кормитъ ласточка дѣтей,
Несутся стаи голубей
Въ поля. Лучъ солнца изъ тумана 30
Уже сквозитъ, — и Божій людъ
Проснулся весело на трудъ.

Столяръ сидитъ съ нѣмой тоскою,
Поникъ кудрявой головою,
И не поетъ его пила:
Кручина руки отняла.
Халатомъ старенькимъ покрытый,
Его братишко, какъ убитый,
Раскинувъ руки, сладко спитъ,
И неразлучная игрушка,
Его любимая гремушка,
Безъ дѣла подъ бокомъ лежитъ.
Дверь настежь, — и вдова вбѣжала,
Съ усильемъ духъ перевела,
Руками бойко развела
И вскрикнула: „Не угадала?
Нѣтъ, карты, батюшка, не лгутъ!
Вотъ твой Лукичъ-то! вотъ онъ плутъ.
О-охъ, родимые! устала!
Дай, сяду... охъ... терпѣнья нѣтъ!..
Отдѣлали! хорошъ сосѣдъ!“
— Нельзя ли, матушка, безъ шуму?
Невесело и безъ того! —
„Ну, славно! славно! ничего!
Сиди вотъ сиднемъ! думай думу!
А Сашка-то исподтишка
Вонъ подцѣпила женишка...
Сейчасъ съ нимъ у воротъ прощалась,
Ужъ цѣловалась, цѣловалась!
Ну-ну! безстыжіе глаза!
Да что вѣдь — на меня взглянула —
И головою не кивнула...
А!.. каково? не чудеса?“
— Да ладно! мнѣ-то что за дѣло! —
„Благодарю! благодарю!
Ну, извини, что надоѣла
И не у мѣста говорю...
Нѣтъ дѣла! думаешь не штука?
Съ тобою матери-то мука:
Дѣвчонкой, дурой проведенъ!

Понравилась! околдовала!
Вишь роза! гдѣ и расцвѣтала!“
И мать съ досады вышла вонъ.

Ей нужды было очень мало,
Что сынъ невѣсту потерялъ, 5
Да самолюбіе страдало:
Сосѣдъ, бѣднякъ — и отказалъ.
Обидно, главная причина!
И оскорбленная вдова
Сердилась на себя, на сына, 10
На цѣлый свѣтъ... она едва
Кота полѣномъ не убила
За то, что въ кухнѣ захватила
Его надъ чашкою съ водой:
Ты, молъ, не пей, такой-сякой! 15

Услышавъ вечеромъ случайно
У Лукича напѣвъ печальной,
Столяръ промучился всю ночь.
Кого винить: отца, иль дочь,
Рѣшить хотѣлъ онъ и терялся, 20
Ходилъ впотьмахъ по мастерской,
Въ постелю жесткую кидался
И слушалъ бури свистъ и вой,
И блескомъ молніи порой
Его лобъ блѣдный освѣщался, 25
Постелю снова покидалъ,
Свѣчу безъ нужды зажигалъ.
Теперь сомнѣнья не осталось:
Онъ Сашу видѣлъ изъ окна:
Толпой гостей окружена, 30
Средь смѣха пьянаго, казалось,
Она подъ ножъ подведена.
„Ахъ, Саша, Саша!“ и тоскливо
Глядѣлъ онъ на широкій дворъ,
Поросшій жгучею крапивой, 35
На кровли, на чужой заборъ...

И смутно передъ нимъ мелькали
Его прожитыя лѣта —
Перенесенныя печали,
Безропотная нищета,
5 О домѣ, о семьѣ забота,
Работа днемъ и по ночамъ,
Трудъ изъ-за хлѣба, трудъ до пота,
Едва не съ кровью пополамъ;
Вся горечь жизни обыденной,
10 Все, что язвитъ и мучитъ насъ,
Что отравляетъ жизнь подчасъ,
Весь воздухъ, пищу, сонъ покойной,
Все, что давно ужъ пронеслось, —
Закопошилось, поднялось,
15 Дыханье въ горлѣ захватило
И свѣтъ туманомъ позакрыло...
„Эхъ! пропадай ты голова!..“
— Куда ты? — крикнула вдова,
Глазами сына провожая
20 Съ крыльца, но сынъ не отвѣчалъ,
Калиткой хлопнулъ — и пропалъ.

Пора обѣда наступила,
И все нейдетъ столяръ домой.
Кручина молодца сломила,
25 Ввела въ кабакъ, виномъ поила,
Поила отроду впервой.
И пѣлъ онъ пѣсни, — и смѣялась
Толпа гулякъ средь кабака, —
Пѣлъ громко, а змѣя-тоска
30 Кольцомъ холоднымъ обвивалась
Вкругъ сердца.

„Охъ, не утерплю!“
Сказалъ дѣтина худощавый
И, скинувъ съ плечъ халатъ диравый,
Пошелъ плясать. „Вотъ такъ! люблю!“
35 Зѣваки пьяные шумѣли,

Дѣтина соловьемъ свисталъ,
Привскакивалъ и присѣдалъ.
На полкахъ шкалики звенѣли.
„Нѣтъ, пой, кто хочетъ! я усталъ!“
Столяръ съ отчаяньемъ сказалъ, 5
Ладонью въ лобъ себя ударилъ
И грустный на скамейку сѣлъ,
И думалъ думу... вдругъ расправилъ
Густыя кудри и запѣлъ...
Пѣлъ про туманъ на синемъ морѣ 10
Да про худой таланъ и горе...
И пѣснь лилась, пѣвецъ блѣднѣлъ.
Казалось, все: тоску разлуки,
И плачъ любви, и грусти стонъ
Изъ сердца съ кровью вырвалъ онъ 15
И воплотилъ въ живые звуки...
И каждый звукъ былъ полонъ слезъ;
То съ поражающею силой
Онъ несся въ высь, все росъ и росъ,
Какъ будто съ свѣтомъ, съ жизнью милой 20
Прощался, въ небѣ утопалъ;
То падалъ, за сердце хваталъ
И гасъ, какъ свѣточъ, постепенно...
Пѣвецъ умолкъ и застоналъ:
„Охъ, душно, братцы!..“ и мгновенно 25
Рубашки воротъ разорвалъ.
„Вина!“
Сидѣлецъ засмѣялся:
— Клади, молъ, денежки-то намъ. —
„А въ долгъ?“
— Проваливай! —
„Отдамъ!“
— Спасибо! экъ онъ разгулялся! — 30
„Проклятый! на, вотъ, казакинъ!“

Но вдругъ картина измѣнилась:
Въ слезахъ и блѣдная, явилась
Мать столяра... „И ты мнѣ сынъ?

Святитель! Николай-Угодникъ!
Да гдѣ я? Охъ! подъ сердцемъ жжетъ!
Шла мимо... съ рынка... сынъ поетъ...
Все Сашка!.. Такъ!.. сосѣдъ-разбойникъ!
5 И запилъ! Ахъ, дуракъ, дуракъ!"
Сынъ стиснулъ поднятый кулакъ...
„Ха, ха! доходитъ до расправы!"
Сказалъ дѣтина худощавый:
„Къ чертямъ старуху! проучи!"
10 Столяръ схватилъ его: — Молчи! —
И грянулъ объ полъ. „Стой, ребята!
Связать его! позвать солдата!"
Сидѣлецъ крикнулъ. „Вотъ, онъ, другъ!"
И въ молодца впились шесть рукъ.
15 Но молодецъ сверкнулъ глазами,
Тряхнулъ могучими плечами —
И всѣ разсыпались. Вдова
Перепугалась. „Голова!
Перекрестись! ну, что ты! Стыдно!
20 Опомнись! съ улицы вонъ видно!
Эхъ, соколъ, соколъ! какъ теперь
Изъ этой пропасти за дверь
Ты выйдешь? А? Побойся Бога!
Ты пропадешь!.."
— Туда дорога! —
25 „Я знаю, знаю, отъ чего
Ты выпилъ! Ну, и ничего...
Я — мать... Мнѣ, думаешь, отрада?
Ну, брось! забудь! такъ, стало, надо!
Знать не судьба твоя!.."
— Забудь!
30 Да ножъ-то, ножъ-то прямо въ грудь
Засѣлъ!.. Оставь меня, родная! —
„Пойдемъ, голубчикъ мой, пойдемъ!
Братишко плачетъ, отпертъ домъ...
Все пусто... да! и мастерская...
35 Топоръ тамъ... все... ну, пошалилъ...
Ты вспомни, какъ отецъ-то жилъ!

Что завѣщалъ-то!.. Власть не наша!
Перенеси!“
— Ахъ, Саша Саша!
Навѣкъ пропали мы шутя! —
Столяръ заплакалъ, какъ дитя.

XIV.

Со дня помолвки измѣнился
Невѣсты скромный уголокъ;
Въ немъ съ утра до ночи тѣснился
Веселыхъ дѣвушекъ кружокъ.
Ихъ занимало на досугѣ
Шитье приданаго подругѣ,
Мелькнувшій мимо пѣшеходъ,
Подъ вечеръ пѣсни у воротъ,
Порою сновъ истолкованье,
Въ саду горѣлки и гулянье,
Но вечеринокъ блескъ и шумъ
Сильнѣе занималъ ихъ умъ.
Двѣ скрыпки, въ домѣ освѣщенье,
Отъ стука крѣпкихъ каблуковъ
Дрожанье стульевъ и столовъ,
Смѣхъ молодцовъ, ихъ объясненье:
Насчетъ того-съ... мое почтенье...
Горячихъ поцѣлуевъ звукъ,
Украдкою пожатье рукъ —
Вотъ вечеринка; остальное
Не новость: сборище ночное, —
Подъ окнами толпа зѣвакъ,
Въ окрестномъ мракѣ лай собакъ.

Отцу суровому послушна,
Всегда задумчива, тиха,
Свою печаль отъ жениха
Таила Саша. Равнодушна
Въ толпѣ подругъ она была;
Порой казалась весела,

Шутить, смѣяться начинала,
Но вдругъ, средь смѣха, умолкала
И уходила въ садъ, — и тамъ,
Въ зеленой чащѣ одиноко
5 Садилась на скамьѣ широкой
И накопившимся слезамъ
Давала волю...

„Слава Богу!“
Отецъ невѣсты разсуждалъ:
„Теперь на ровную дорогу
10 Я выйду: зятя отыскалъ...
Не столяру чета! Онъ, вѣрно,
Поможетъ тестю... Вотъ что скверно —
Никакъ приданымъ не собьюсь!
Бѣда, къ примѣру! смерть боюсь!
15 Что, если свадьба разойдется?
Чортъ знаетъ, просто сбился съ ногъ!
Навязываю домъ въ залогъ —
И тутъ заемъ не удается!
Не скажутъ прямо: деньги есть
20 Не про твою, къ примѣру, честь,
Помучатъ болтовней, разспросомъ,
На что, молъ, — и отправятъ съ носомъ:
Свои-де нужды, извини...
Вотъ богачи-то! вотъ они!
25 Вотъ правда!.. Или попытаться
Пойти къ Скобѣеву? Вѣдь жидъ!
Просить не стоитъ... и сердитъ...
Да Богъ съ нимъ! Мнѣ равно шататься!
Ужъ занимать не миновать,
30 Глядишь, уважитъ, — какъ узнать?“

И черезъ часъ, проситель скромной,
Онъ у Скобѣева въ пріемной
Ждалъ милости. Лакея нѣтъ,
Налѣво двери въ кабинетъ,
35 Тамъ разговоръ.

„Такъ все готово?“
Звучалъ густой хозяйскій басъ
(Лукичъ узналъ его за разъ):
— Да, мнѣ дано честное слово, —
Разбитый голосъ отвѣчалъ: —
Вчера и нынѣ хлопоталъ 5
Въ комиссіи. —
„А! вы оттуда...
Прекрасно! стало, нашъ подрядъ...“
— Все подвигается покуда;
Подмазать надо, говорятъ.
Вы какъ? не прочь? — 10
„Весьма пріятно!
На вещи цѣну-то того...
Вы понимаете?“
— Понятно.
Да не опасно ль? —
„Ничего!
А по бумагамъ безусловно
Въ подряды вы: я подъ судомъ.“ 15
— Какъ ваше дѣло въ уголовной? —
„Пустякъ! конечно, подъ сукномъ...
Жаль, нѣтъ войны! подряды мелки,
Отъ мира мало намъ добра!“
— Ну, грѣхъ сказать! — 20
„Все вздоръ! бездѣлки!
Нѣтъ, батюшка, не та пора!
Тамъ видишь груды серебра!
Бывало сердце разгорится...
Эхъ, молъ, равно! Господь проститъ,
И хватишь смѣло, — ну и сытъ: 25
Сундукъ трещитъ, какъ говорится!“

Лукичъ затылокъ почесалъ
И долго головой качалъ:
— Ну, хороши, молъ! —
„Вы къ обѣду
Ко мнѣ?“ Скобѣевъ забасилъ 30

И гостю двери отворилъ.
— Не знаю... можетъ-быть, пріѣду, —
Въ раздумьи бородачъ сказалъ.
Скобѣевъ громко засвисталъ.
5 Едва свистъ барина раздался,
Худой и блѣдный казачокъ
Вбѣжалъ, въ испугѣ заметался
И гостю лысому помогъ
Надѣть шинель.

„Зачѣмъ явился?“
10 Скобѣевъ Лукича спросилъ,
Въ карманы руки заложилъ
И въ мягкомъ креслѣ развалился.
„Эй! Васька! трубку! Ну, зачѣмъ?„
— Что, сударь, обнищалъ совсѣмъ!
15 Просваталъ дочь, нужна помога,
Цѣлковыхъ этакъ сто взаемъ,
Я заложилъ бы вамъ свой домъ...
Не откажите, ради Бога! —
„Просваталъ дочь... А что она
20 Молоденькая? не дурна?“
Румяный баринъ улыбнулся,
Прищурился и потянулся.
— Вы все изволите шутить...
Тутъ горе! смѣю доложить. —
25 „Все врешь! когда вашъ братъ горюетъ?
Привыкъ къ бездѣлью, пьетъ вино,
Да ѣстъ и спитъ, или плутуетъ,
И только. Знаю васъ давно!“
— Всѣ люди грѣшные, конечно...
30 Я заплачу вамъ черезъ годъ;
Проценты вычтите впередъ,
Ей-ей, васъ не забуду вѣчно! —
„Пожалуй, почему не такъ.
Ты мнѣ заслужишь, я надѣюсь...“
35 — Послѣднихъ силъ не пожалѣю-съ.
Вотъ благодѣтель! —

„Вотъ дуракъ!
Ха-ха! шучу! Я съ кулаками
Не связываюсь никогда!“
Лукичъ остолбенѣлъ...
— Да, да!
Мы, значитъ, черви передъ вами.
И насъ, какъ плюнуть, раздавить... 5
Эхъ-ма! —
„Поменьше говорить!“
Старикъ взбѣсился.
— Ваша воля!
Прикажете, мы замолчимъ.
Мы что за люди! Наша доля
Терпѣть. На этомъ и стоимъ. — 10
„Не притворяйся сиротою?
Меня не скоро проведешь.“
— Куда мнѣ съ глупой головою
Васъ проводить? Тутъ не найдешь,
Къ примѣру, слова... Вы богаты, 15
Вы баринъ, честная душа,
Я плутъ, на сюртукѣ заплаты
И въ кошелькѣ-то ни гроша,
Куда мнѣ!.. Стало, не дадите? —
„Не разживешься, признаюсь“. 20
— Я и за это поклонюсь
Благодарю васъ! извините,
Что безпокоилъ. —
„Краснобай!
Ну, ну! не кланяйся, ступай!
А ты — мошенникъ, старичина, 25
Тварь хитрая!“
— Благодарю!
За рысака-то вамъ дарю,
Раздайте нищимъ. —
„Вонъ, скотина!“
— Испортишь кровь. Ну, что кричать!
Вѣдь лѣкаря придется звать...— 30
Скобѣевъ бранью разразился:

„Эй, люди! въ кнутья наглеца!..“
Старикъ съ широкаго крыльца
Сходилъ себѣ, не торопился, —
Не скоро дворня собралась,
И перебитой разошлась.

Дулъ сильный вѣтеръ. Дождикъ лился.
Согнувшись, въ обуви худой,
Старикъ печально шелъ домой.
На перекресткѣ онъ столкнулся
Съ торговкой, что-то проворчалъ,
Посторонился, поскользнулся
И чуть средь лужи не упалъ.
Старуха шамкая сказала:
„Хрѣнку, родимый, не возьмешь?“
— Ну, ну! проваливай! пристала,
Безъ хрѣну горько невтерпежъ!.. —
Межъ тѣмъ по улицѣ широкой,
Подъ ливнемъ, гнали въ край далекой
Толпу преступниковъ въ цѣпяхъ,
Съ остриженными головами,
Съ зловѣщимъ знакомъ на спинахъ.
Конвой съ примкнутыми штыками
Ее угрюмо окружалъ,
И барабанъ не умолкалъ.
„Пошелъ народецъ на работку!
Лукичъ подумалъ: да! ступай!
Поройся тамъ руды въ охотку
И не въ охотку покопай...
Подать хоть гривну... сердце ноетъ...
Поди, Скобѣевы живутъ,
Ихъ въ кандалы не закуютъ;
Казна не шутка! Все прикроетъ!
Ну, вотъ тебѣ и взялъ взаемъ!
Постой! постой... вѣдь этотъ домъ
Купца Пучкова... Э, почтенный!
Я про тебя и позабылъ!
Пучковъ... да! я ему служилъ;

Святоша, человѣкъ смиренный...
Гм... мастеръ, нечего сказать,
Горячій уголь загребать
Чужой рукой!“

— — — —

XV.

Угрюмъ и проченъ
Пучкова домъ. На кровлѣ тесъ 5
Зеленой плѣсенью поросъ.
Желѣзомъ накрестъ заколоченъ
Закрытый ставень кладовой.
Косматый сторожъ, песъ цѣпной
Лежитъ въ конурѣ у забора; 10
Амбары въ сторонѣ стоятъ,
Ихъ двери крѣпкія отъ вора
Замки тяжелыя хранятъ.
Безлюдно въ комнатахъ просторныхъ
(Хозяинъ не имѣлъ дѣтей 15
И рѣдко принималъ гостей),
Висятъ картинки въ рамкахъ черныхъ,
Пыль на полахъ и по столамъ,
И паутина по угламъ.
Но спальня, съ желтыми стѣнами, 20
Свѣтла, опрятно убрана,
Весь уголъ занятъ образами,
Лампадка вѣчно зажжена,
Кровать покрыта простынею,
И полонъ шкапъ церковныхъ книгъ, 25
Иныхъ терпѣть не могъ старикъ
И называлъ ихъ чепухою,
Потѣхой праздныхъ болтуновъ,
Соблазномъ молодыхъ годовъ.

Въ суровой школѣ горькой нужды 30
Пучковъ съ ребячества окрѣпъ;
Его отецъ былъ старъ и слѣпъ,
И сынъ, изнѣженности чуждый,

Переносилъ морозъ и зной,
Шатаясь по міру съ сумой.
Порой калѣкой притворялся,
За крендель колесомъ катался,
5 И на крестѣ всегда берегъ
Съ казной холстинный кошелекъ.
Одинъ купецъ, старикъ бездѣтный,
Полубольной и безотвѣтный,
Его за бойкость полюбилъ,
10 Одѣлъ и въ лавку посадилъ.
Пріемышъ росъ, добру учился,
Поклоненъ, расторопенъ, тихъ.
За дѣломъ въ лавкѣ не лѣнился,
А ночью Житія Святыхъ
15 Читалъ хозяину отъ скуки.
Святыхъ мужей слова и муки —
Все помнилъ, но изъ чудныхъ строкъ, —
Увы! урока не извлекъ!
Читалъ, читалъ, — и за услугу
20 Купца ограбилъ, наконецъ,
Не вынесъ бѣдный мой купецъ:
И пилъ, и плакалъ, спился съ кругу,
И ночью, пьяный и больной,
Застылъ средь улицы зимой.
25 Чужого золота наслѣдникъ,
Пучковъ себя не уронилъ:
Глядѣлъ смиренникомъ и былъ
О чести строгой проповѣдникъ;
Не кушалъ рыбы по постамъ,
30 Молился долго по ночамъ.
На церковь подавалъ грошами,
Передъ нетлѣнными мощами
Большія свѣчи зажигалъ,
Но плутовства не покидалъ.
35 И странно! плутъ не лицемѣрилъ:
Онъ искренно въ святыню вѣрилъ.
Да! совѣсть надо очищать!
Что дѣлать! страшно умирать!

Пучковъ объ адѣ начитался...
И какъ же онъ чертей боялся!
На полчаса вздремнуть не могъ,
Три раза „Да воскреснетъ Богъ“
Не повторивъ. Теперь угрюмый, 5
Въ очкахъ, псалтырь читалъ онъ вслухъ,
Но врагъ добра, лукавый духъ
Мутилъ его святыя думы,
И вдругъ — съ духовной высоты
На рынокъ полный суеты 10
Ихъ низводилъ.

Лукичъ явился,
Передъ Пучковымъ извинился:
„Я, молъ, читать вамъ помѣшалъ
И полъ вотъ грязью замаралъ...“
Хозяинъ поглядѣлъ пытливо 15
На гостя, поднялся лѣниво,
Бумажкой книгу заложилъ,
Зѣвнулъ, молитву сотворилъ
И отвѣчалъ: „Да, дождь сегодня.
Все хорошо: все власть Господня. 20
Ты здѣшній?“
— Здѣшній мѣщанинъ.
Не угадали?.. Карпъ Лукинъ. —
И рѣчь повелъ онъ стороною:
Я, молъ, извѣстенъ вамъ давно,
И позабыть меня грѣшно: 25
Служилъ, какъ надобно. Нуждою
Теперь убитъ. Имѣю дочь...
И разсказалъ Лукичъ, въ чемъ дѣло.
„Гм... жаль, что не могу помочь!
Мое богатство улетѣло, 30
Какъ дымъ въ трубу. Все разошлось
По добрымъ людямъ. Да авось
Промаюсь... Старъ... гляжу въ могилу...
И время! Господи помилуй!“
— Нельзя ли, сударь, пожалѣть? 35

Вы сомнѣваетесь, извѣстно...
Вотъ образъ — заплачу вамъ честно!
Безъ покаянья умереть,
Коли солгу! —
„Зачѣмъ божиться?“
— Да тошно! Кажется, готовъ
Сквозь землю лучше провалиться,
Чѣмъ эдакъ вотъ изъ пустяковъ
Просить и мучиться напрасно! —
„Охъ, милый, вѣрить-то опасно!“
И тонко намекнулъ купецъ:
Обманъ, молъ, всюду; всякъ — хитрецъ:
Наскажетъ много, правды мало...
Да, время тяжкое настало!
Немудрено взаемъ-то дать,
Но каково-то получать!

Напрасно тѣломъ и душою
Лукичъ божился, умолялъ,
Въ закладъ домишко предлагалъ...
Кремень-купецъ махнулъ рукою:
„Эхъ, ну, тебя! закладъ не тотъ!
Твой домъ не каменный! нейдетъ!“
— Несытая твоя утроба!
Ну, стало, голову мнѣ снять
И подъ залогъ тебѣ отдать?
Вѣдь ты глядишь подъ крышку гроба!..
Кому казну-то ты копишь? —
„Опомнись! съ кѣмъ ты говоришь?“
— Съ тобою, старый песъ, съ тобою!
Ты вмѣстѣ воровалъ со мною!
Клади мнѣ денежки на столъ!
Дѣлись! я вотъ зачѣмъ пришелъ! —
„И ты мнѣ могъ? и ты мнѣ смѣешь?“
— Кто? я-то?.. Ты не подходи!
И въ грѣхъ, къ примѣру, не вводи,
Убью, вотъ тутъ и околѣешь! —

Пучковъ оцѣпенѣлъ. Нѣмой,
Стоялъ онъ съ поднятой рукой,
Огнемъ глаза его сверкали,
И губы синія дрожали.
Лукичъ захохоталъ. — Ну, что жъ! 5
Ударь, попробуй! что жъ не бьешь? —
„Вонъ извергъ!“
— Не бранись со мною.
Я выйду честью! не шуми!
Не то я... прахъ тебя возьми!..
Не стоитъ, правда... Богъ съ тобою. — 10

Пучковъ стоналъ. Онъ гадокъ былъ:
Безсильный гнѣвъ его душилъ.
— Прощай! садись опять за книги,
Копи казну, надѣнь вериги,
Все, значитъ, о душѣ печаль... 15
А жаль тебя, ей-Богу жаль! —

„Нѣтъ, не дождаться мнѣ помоги!“
Грустилъ дорогою бѣднякъ.
„Не вѣрятъ мнѣ. Я — голь! кулакъ!
Вотъ и ходи, считай пороги, 20
И гнись, и гибни ни за что.
На то, молъ, голь! кулакъ на то!
Гм... да! Упрекъ-то, вѣдь, забавный!
Эхъ, ты — народецъ православный!
Не честь тебѣ лежачихъ бить, 25
Безъ шапки сильныхъ обходить!
Кулакъ... да мало ль ихъ на свѣтѣ?
Кулакъ катается въ каретѣ,
Изъ грязи да въ князья ползетъ
И кровь изъ бѣднаго сосетъ... 30
Кулакъ во фракѣ, въ полушубкѣ,
И съ золотымъ шитьемъ, и въ юбкѣ,
Гдѣ и не думаешь — онъ тутъ!
Не мелочь, не грошовый плутъ,
Не намъ чета, — подниметъ плечи, 35

Прикрикнетъ — не найдешь и рѣчи,
Рубашку сниметъ, — все молчи!
Господь суди васъ, палачи!
А ты, къ примѣру, въ горькой долѣ
5 На грошъ обманешь поневолѣ,
Тебя согнутъ въ бараній рогъ.
Бранятъ, и бьютъ-то, и смѣются...
Набей карманы, — видитъ Богъ,
Въ пріятели всѣ назовутся!
10 Будь воромъ, — скажутъ: не порокъ!
Вотъ гадость! тьфу!"
И шагъ широкой
Старикъ съ досадой ускорилъ.
Но вдругъ его остановилъ
Стукъ рамы. Смотритъ — домъ высокой,
15 Съ кудрявымъ вензелемъ балконъ
Густой сиренью окруженъ.
Заклятый врагъ ученыхъ споровъ,
Его жилецъ, профессоръ Зоровъ,
Съ сигарой подъ окномъ стоялъ
20 И старика рукою звалъ.

XVI.

Ученой бурсы отпечатокъ
Невольно Зоровъ сохранилъ:
Зналъ букву, глубже не ходилъ.
Былъ въ разговорахъ простъ и кратокъ
25 И словомъ вотъ ихъ украшалъ;
Безъ нужды кашлялъ. Богъ создалъ
Его не злымъ, но... впрочемъ, мимо:
Подчасъ молчать необходимо...
Деньжонки славно наживалъ.

30 Лукичъ былъ встрѣченъ благосклонно,
Обласканъ — и немудрено:
У старика, тому давно,
Мальчишка, труженикъ безсонной,

Путь тяжкій Зоровъ начиналъ, —
Латинью умъ свой притуплялъ.
Плоды науки не пропали.
Бѣднякъ Лукичъ дивился имъ.
Мальчишка выросъ. Передъ нимъ 5
Теперь просители стояли:
Священникъ, старичокъ больной,
И дьяконъ тучный и рябой.
Священникъ кланялся. Съ досадой
Ученый мужъ рукой махалъ: 10
— Вашъ сынъ дуракъ! Вотъ и пропалъ...
И выгнали... хмъ, такъ и надо:
Зазнался. —

Священникъ.

Въ чемъ же? Ради Бога,
Скажите. Онъ изъ лучшихъ былъ.

Профессоръ.

А вотъ: воротнички носилъ, 15
Да возраженій дѣлалъ много
Наставникамъ: я, молъ, уменъ,
Въ журналы, въ чтенье погруженъ,
Исчерпалъ мудрость всю!..

(Священникъ хочетъ возразить).

Молчите!
Замѣтили, — онъ ничего: 20
Все то жъ! Понизили его!..

(Священникъ снова хочетъ возразить).

Хмъ, погодите! погодите!
Понизили по спискамъ, — онъ того...
Ученьемъ занялся небрежно...
Ну, вотъ, за то и исключенъ!.. 25

Священникъ.

Онъ молодъ. Онъ былъ оскорбленъ
Сперва учился онъ прилежно.

Профессоръ.

По насъ хоть звѣзды онъ хватай!
Будь скроменъ! носъ не поднимай!
Онъ кто? Воспитанникъ духовной —
Вотъ помни! Бойкость не нужна!
А свѣтскость вздоръ, она вредна!
Сказалъ наставникъ, — безусловно
И вѣрь! вы думаете какъ?
На это власть!

Священникъ.

Извѣстно такъ.
Прошу васъ, сжальтесь! Два-три слова
Сказать вамъ стоитъ — примутъ снова...
Позвольте мнѣ наединѣ
Вамъ объяснить.

Профессоръ.

Не время мнѣ!
А впрочемъ, если вы хотите,
Пожалуй... вотъ сюда подите.

И за ученымъ мужемъ вслѣдъ
Вошелъ проситель въ кабинетъ.
О чемъ они тамъ толковали,
Однѣ нѣмыя стѣны знали.
Дверь отворилась, наконецъ,
Священникъ просто былъ мертвецъ,
Такъ блѣденъ! „Вы побойтесь Бога...
Я бъ больше... бѣдность... негдѣ взять.“
— Хмъ, Полно, полно толковать! —
Ученый мужъ замѣтилъ строго.
Несчастный попъ махнулъ рукой
И дверь захлопнулъ за собой
Съ проклятьемъ. Зоровъ улыбнулся.
„Хорошъ! А попъ!.. Что нужно вамъ?“
И къ дьякону онъ обернулся.
— Да вотъ-съ по разнымъ клеветамъ,

Мой сынъ... замѣтило начальство,
Что якобы онъ любитъ пьянство...
„Дубковъ?“
— Да-съ.
„Знаю я его!
Исключатъ. Больше ничего.“
— За что же? можетъ-быть ошибкой 5
Не то что выпилъ, пошалилъ... —
И рѣчь проситель измѣнилъ
Такъ странно, что Лукичъ съ улыбкой
Подумалъ: круто своротилъ!
Хитеръ! 10
— Я слышалъ стороною,
Что вы нуждаетесь въ конѣ...
Такъ все равно-съ. Позвольте мнѣ...
Продамъ охотно. — И съ божбою
Плечистый дьяконъ увѣрялъ:
— Конь добрый! я на немъ пахалъ! — 15
„Взглянуть, пожалуй, не мѣшаетъ.
Вы приведите-ка его...
Не норовистъ онъ?“
— Ничего.
Узду, случается, скидаетъ:
Извѣстно, наши батраки 20
Лѣнтяи или дураки.
Какой присмотръ! —
„Хмъ, Знаю, знаю!
Пусть поисправится вашъ сынъ.
Вы вотъ что, я предупреждаю,
Вѣдь я зависимъ... не одинъ, 25
Тутъ нужно...“
— Какъ же-съ! понимаю! —
И тучный дьяконъ вышелъ вонъ,
Отдавъ почтительный поклонъ.

Профессоръ.

Ну что, Лукичъ, не надоѣло
Стоять да слушать? Извини... 30

Лукичъ.

Помилуйте!

Профессоръ.

Вотъ мы одни...
Садись.

Лукичъ *(садится)*.

Вы звали. Вѣрно, дѣло...

Профессоръ.

Хмъ, я коня хотѣлъ купить,
Раздумалъ. Надо погодить.

Лукичъ *(лукаво улыбаясь)*.

Такъ-съ.

Профессоръ.

Хорошо ли поживаешь?

Лукичъ.

По старому-съ! и такъ и сякъ.

Профессоръ.

Ну, а, бываетъ, выпиваешь?

Лукичъ.

Ни капли, что я за дуракъ!
Да какъ живете вы отлично!
Полы подъ лакомъ, хоть глядись,
Диваны, кресла...

Профессоръ *(смѣется)*.

Хм!.. Прилично...
Нельзя, деньжонки завелись!

Лукичъ *(вздыхая).*

Да-съ! Вы попали на дорогу.
И правда, что ученье свѣтъ:
Поитъ и кормитъ... Я вотъ сѣдъ,
И все дуракъ! Бѣда, ей Богу!
Тутъ бѣдность!.. 5

Профессоръ.

Ты бы мнѣ сказалъ.
Ты знаешь, я не скупъ; я бъ далъ.

Лукичъ.

Сказалъ бы, сударь... какъ-то стыдно!

Профессоръ.

Хмъ, вотъ пустякъ! забылъ ты, видно,
Какъ у тебя я въ домѣ жилъ,
Уроки-то въ саду училъ! 10

Лукичъ
(смотритъ на дипломъ профессора).

Я все гляжу, спросить не смѣю,
На этотъ листъ... вотъ-съ на стѣнѣ...

Профессоръ
(самодовольно смѣется).

Прочти.

Лукичъ.

Нѣтъ, сударь, не сумѣю.
Написано-то не при мнѣ.

Профессоръ.

Вотъ слушай: 15
(встаетъ и читаетъ)

Ecclesiasticae Academiae conventus
pro potestate sibi concessa
Dominum Zorow

. . . . . .

Magistrum sanctiorum humaniorumque
litterarum solenni hoc diplomate declarat
honoremque ei ac privillegia concessa,
decrevisse ac contulisse publice testatur.

Понялъ?

Лукичъ
(съ улыбкою почесывая затылокъ).

Хоть бы слово!
Кого Господь-то умудритъ!
Гм!.. диво! Вижу въ рамкѣ новой
Съ большой печатью листъ виситъ —
И только. Правда, что наука!

Профессоръ *(смѣется).*

Вотъ то-то! Въ немъ-то вся и штука!

Лукичъ *(переминаясь).*

А что бы васъ я попросилъ...
И тутъ старикъ заговорилъ
О свадьбѣ Саши, о заемѣ,
О закладной на домъ, о домѣ,
И на лицѣ своемъ потомъ
Горячій потъ отеръ платкомъ,
Вздохнулъ и низко поклонился.
Ученый мужъ не отвѣчалъ,
Въ раздумьи медленно шагалъ
И кашлялъ, — вдругъ остановился.
„Ты вотъ что, ты отдашь мнѣ въ срокъ?"
— Не выйди я за вашъ порогъ!.. —
„Изволь! сегодня я разстроенъ:
Дѣлъ пропасть..."
— Значитъ, до утра?
Такъ я въ надеждѣ. —
„Будь покоенъ!
Я дамъ".
А! сынъ пономаря!..
Изъ грязи вышелъ, — не забылся!
Лукичъ подумалъ — и простился.

XVII.

Все рѣшено. Осталась ночь.
Заря надъ лѣсомъ догорала,
По желтымъ жнивьямъ тѣнь бѣжала.
Увы! измученная дочь
День свадьбы грустно ожидала, 5
Въ послѣдній разъ теперь рыдала
Въ объятьяхъ матери, — и мать
Ее не смѣла утѣшать.
Онѣ другъ друга понимали,
Что впереди, о томъ молчали, 10
А горе прожитыхъ годовъ
Такъ живо было, что безъ словъ
Душа рвалась и въ мукахъ ныла.
Но эти муки дочь таила,
Нѣма съ отцомъ своимъ была, 15
Межъ ними пропасть вдругъ легла
И Сашу навѣкъ отдѣлила
Отъ старика... и тѣмъ больнѣй
Была тоска послѣднихъ дней,
Тяжеле рядъ ночей безсонныхъ, 20
Невѣстой въ пыткѣ проведенныхъ!..

И вотъ пиръ свадебный умолкъ.
Утихъ о немъ сосѣдей толкъ.
Угомонились пересуды;
Средь улицъ гости не поютъ, 25
Не пляшутъ и въ домахъ посуды
Подъ пѣсни пьяныя не бьютъ.
Арина вдругъ осиротѣла.
Груститъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Чуть скрипнетъ дверь, — она вздрогнетъ, 30
И слушаетъ, и Сашу ждетъ.
Безъ Саши горенка скучнѣе,
И время кажется длиннѣе,
И котъ не веселъ: спитъ въ углу,

Не поиграетъ на полу
Клубкомъ старушки. Чуть смеркаетъ,
Она калитку запираетъ,
И съ робостью обходитъ дворъ —
5 Не притаился ли гдѣ воръ,
И мужа ждетъ, и спицамъ снова
Въ ея рукахъ покоя нѣтъ...
Едва покажется разсвѣтъ,
Работа прежняя готова;
10 Старушкѣ не съ кѣмъ говорить,
Тоски и грусти раздѣлить:
Рѣчь мужа, какъ всегда, сурова...
Но Саша блѣдная придетъ,
Арина такъ и обовьетъ
15 Ея руками: „Ахъ, родная,
Здорова ли? Присядь, присядь!
Здорова ль?“ повторяетъ мать,
Съ улыбкой слезы утирая:
„Легко ль! недѣлю не была!
20 Ужъ я тебя ждала, ждала!
Ну, какъ живешь?“ И осторожно
О всякой мелочи ничтожной
Ее разспроситъ. „Ты смотри,
Ты не таись, молъ, говори...
25 Все хорошо? Ну, слава Богу!“
И въ лавочку черезъ дорогу
Съ копейкой трудовой спѣшитъ
И Сашу чаемъ угоститъ.
Свой садъ старушка позабыла:
30 Мать столяра ей досадила
Упрекомъ, бранью каждый день
Черезъ изломанный плетень:
— Здорово, другъ! въ саду гуляешь?
Хозяйка! яблоки считаешь?
35 Ты не пускай къ намъ куръ на дворъ,
Поймаю, — прямо подъ топоръ! —
Арина головой качала
И ничего не отвѣчала.

Она не зла, молъ... это такъ:
Всему причина — Сашинъ бракъ.

Лукичъ на рынкѣ ежедневно
Встрѣчался съ зятемъ. Всякій вздоръ
Входилъ въ ихъ длинный разговоръ, 5
Оканчиваясь непремѣнно
Разумнымъ толкомъ о дѣлахъ:
О добротѣ хлѣбовъ въ поляхъ,
О томъ, что мужички умнѣютъ,
Не такъ легко въ обманъ идутъ, 10
Что краснорядцы богатѣютъ:
За рубль по гривнѣ отдаютъ...
Лукичъ смѣялся: „просто — чудо!
Глупа ты, матушка Москва!
Всѣмъ вѣришь!“ — Этимъ и жива. 15
Не ошибется... А не худо
Того-съ... — зять добрый замѣчалъ
И тестя къ чаю приглашалъ.

„Онъ, видно, мнѣ не довѣряетъ, —
Тесть думалъ: — право не поймешь... 20
И чаемъ вдоволь угощаетъ,
И льститъ, — а толку ни на грошъ.
Я говорю, къ примѣру, буду
Тебѣ въ торговлѣ помогать,
Чужихъ равно, молъ, нанимать... 25
— Извольте-съ! я васъ не забуду.
У насъ торговый оборотъ
Зимою-съ... вотъ зима придетъ.
Посмотримъ, какъ зима настанетъ...
Ну, если онъ меня обманетъ, 30
И я останусь въ дуракахъ,
Безъ дома, съ сумкой на плечахъ?
За что же такъ? Дитя родное
Принудилъ. Самъ теперь въ долгу...
Нѣтъ, это черезчуръ! пустое! 35
Нельзя! и думать не могу!“

XVIII.

Настала осень. Скученъ городъ...
Дожди, туманы, рѣзкій холодъ,
Ночь черная и сѣрый день,
И по нуждѣ покинуть лѣнь
Свой теплый уголъ. Вечерами
Вороны, галки надъ садами
Кричатъ, сбираясь на ночлегъ.
Порой нежданный, мокрый снѣгъ
Кружится, кровли покрываетъ,
Къ лицу и платью пристаетъ,
И снова мелкій дождь пойдетъ,
И вѣтеръ свистомъ досаждаетъ.
Куда ни глянешь, — ручейки
Да грязь и лужи. Окна плачутъ,
И, морщась, пѣшеходы прячутъ
Свои носы въ воротники.

Лукичъ съ досадой молчаливой
Поглядывалъ нетерпѣливо
На небо, снѣга поджидалъ
И непогоду проклиналъ.
На рынкѣ нечѣмъ поживиться:
Дороги плохи, нѣтъ крестьянъ;
Ходи, глотай сырой туманъ,
Пришлось хоть воздухомъ кормиться!
На зло кулакъ-молокососъ
Надъ нимъ трунитъ: „Повѣсилъ носъ!
Неволя по грязи шататься!
Не молодъ, время отдохнуть
И честнымъ промысломъ заняться!
Сидѣлъ бы съ чашкой гдѣ-нибудь...“
Сюртукъ въ дырахъ, сквозь крышу льется,
Въ окошки дуетъ, печь худа,
На что ни взглянешь, — сердце рвется,
Хоть умереть, такъ не бѣда!

Дождь каплетъ. Темными клоками,
Рѣдѣя, облака летятъ.
Вороны на плетнѣ сидятъ,
Такъ мокры, жалки! Подъ ногами
Листы поблеклые шумятъ. 5
Садъ тихъ. Деревья почернѣли;
Стыдясь невольной наготы,
Въ туманѣ прячутся кусты;
Грачей пустыя колыбели
Качаетъ вѣтеръ, и мертва 10
Къ землѣ припавшая трава.

Лукичъ стоитъ подъ старой ивой,
Въ рукѣ топоръ, въ глазахъ печаль.
Пришлось бѣднягѣ на топливо
Рубить деревья, — крѣпко жаль, 15
Да надо: все дровамъ замѣна,
Ихъ въ цѣломъ домѣ ни полѣна...
И засучилъ онъ рукава.
Что жъ выбрать? Эти дерева
Своей рукой отецъ покойный 20
Ему на память посадилъ;
Подъ этой ивой онъ любилъ
Вздремнуть на травкѣ въ полдень знойный...
„Эхъ-ма! нужда!“ Топоръ стучитъ;
Съ плетня вороны улетаютъ, 25
А щепки воздухъ разсѣкаютъ,
И ива, падая, скрипитъ.

Старушка печку затопила,
Лукичъ на коникѣ прилегъ.
„О чемъ грустишь?“ жена спросила. 30
— Такъ, что-то мочи нѣтъ, продрогъ. —
„Что зять-то? какъ?“
— Смотри за щами,
Въ мужское дѣло не входи! —
„О-охъ, не ошиблись, гляди,

Домъ золожилъ... что будетъ съ нами,
Когда не выкупимъ?“
— Опять!
Нельзя, къ примѣру помолчать?
Дверь отворилась, и горбатый,
5 Въ халатѣ, съ палкой суковатой,
Длиннобородый мужичокъ
Сказалъ съ поклономъ: „Встань, дружокъ!
Хозяинъ умный, тароватый!
Явился гость, — и ты не радъ,
10 И я, соколъ, не виноватъ.“
— Мы погодя побалагуримъ.
Ты кто? Зачѣмъ? —
„Да встань-ко, встань?
— Не погоняй! кнута не любимъ...
Теперь подушное достань.“
15 — Ты, знать, отъ старосты? Разсыльный? —
„Узналъ, сударикъ мой, узналъ!“
— Присядь: ты, кажется, усталъ...
Ну, что сегодня? Вѣтеръ сильный?..
Я, знаешь, все въ избѣ сижу,
20 На дворъ, къ примѣру, не хожу,
Нога болитъ. —
„Хе-хе! проказникъ!
Испилъ воды на свѣтлый праздникъ!
Болитъ съ похмелья голова...
Хитеръ на красныя слова!“
25 — Чего! ей-ей, болитъ! безъ шутокъ!
Вотъ видишь!.. Охъ!.. не наступлю! —
„Хе-хе, сударикъ мой, люблю!
Нужда горька безъ прибаутокъ...
Достань-ко деньги-то, родной,
30 Инъ — къ старостѣ пойдемъ со мной.“
— Да я бы радъ! недугъ проклятый!
Какъ быть? —
„Подушное платить!
Я вотъ старикъ, и самъ-девятый
Живу — плачу!.. не стать-тужить.

Шесть душъ дѣтей, жена седьмая
Да я съ горбомъ... Пойдемъ, пойдемъ!
Какая тамъ нога больная!"
— Скажи, что дома не засталъ,
Изъ города, молъ, отлучился... —
И въ кошелькѣ Лукичъ порылся.
Послѣдній гривенникъ досталъ
„Хе-хе, сударикъ, маловато!"
— Ей-Богу, больше гроша нѣтъ! —
„Ну, за тобою, дѣло свято...
Прощай покудова, мой свѣтъ!"
„Теперь на хлѣбъ добудь, гдѣ знаешь!"
Лукичъ подумалъ — и вздохнулъ,
И кошелекъ на столъ швырнулъ.
„Не радъ хромать, да захромаешь!
Попробуй-ка пожить вотъ-такъ...
А вѣдь кричатъ: кулакъ! кулакъ!..."

XIX.

Вотъ и зима. Трещатъ морозы.
На солнцѣ искрится снѣжокъ.
Пошли съ товарами обозы
По Руси вдоль и поперекъ.
Ползетъ, скрипитъ дубовый полозъ,
Рѣка ли, степь ли, — нѣтъ нужды:
Вездѣ проложатся слѣды!
На мужичкѣ бѣлѣетъ волосъ,
Но веселъ онъ: идетъ—кряхтитъ,
Казну на холодѣ копитъ.

Кому путекъ, кому дорога —
Аринѣ дома дѣла много!
Вставая съ раннею зарей,
Она ходила за водой,
Порой бѣлье чужое мыла:
Дескать, работа не порокъ,
Все будетъ хлѣбушка кусокъ;

Порою и дрова рубила,
Когда Лукичъ на печкѣ спалъ,
Похмелье храпомъ выгонялъ.
Отъ стужи кашляла, терпѣла
5 И напослѣдокъ заболѣла.
Лежитъ недѣлю — легче нѣтъ;
Уста спеклись, все тѣло ноетъ;
Едва глаза она закроетъ,
Живьемъ изъ мрака прежнихъ лѣтъ
10 Встаютъ забытыя видѣнья...
Вотъ вспомнилась съ грозою ночь:
Въ густомъ саду шумятъ деревья,
Изъ теплой колыбели дочь
Головку въ страхѣ поднимаетъ
15 И громко плачетъ и дрожитъ,
А мужъ неистово кричитъ
И стулъ, шатаясь, разбиваетъ...
Вдругъ тихо. Вотъ ея сынокъ,
Малютка, убранный цвѣтами,
20 Покоится подъ образами;
Блеститъ въ лампадѣ огонекъ,
Въ углу кадильница дымится;
Столъ бѣлой скатертью накрытъ.
Подъ кисеей младенецъ спитъ,
25 Она отъ вѣтра шевелится,
А солнце въ горенку глядитъ,
На трупѣ весело играя...
И мечется въ жару больная;
Въ ушахъ звенитъ, въ глазахъ темно,
30 Изъ глазъ ручьями слезы льются.
Межъ тѣмъ какъ съ улицы въ окно
Къ ней звуки музыки несутся, —
Тамъ, свадьбу празднуя, идетъ
Съ разгульнымъ крикомъ пьяный сбродъ...
35 Въ борьбѣ съ мучительнымъ недугомъ,
Смотря безсмысленно кругомъ,
Старушка встанетъ и потомъ,
Вся потрясенная испугомъ,

Со стономъ снова упадетъ
И дочь въ безпамятствѣ зоветъ.

Лукичъ измучился съ больною:
Самъ кой-какъ печку затоплялъ
И непривычною рукою 5
Себѣ обѣдъ приготовлялъ.
Спѣшилъ на рынокъ, съ рынка снова
Жену провѣдать приходилъ,
Малиной теплою поилъ:
Вспотѣешь, будешь, молъ, здорова, 10
И снова домъ свой покидалъ,
Куска насущнаго искалъ.

Вотъ входитъ Саша. Мать больная,
Кряхтя, ей дѣлаетъ упрекъ:
„Ты рѣдко ходишь, мой дружокъ! 15
Я умираю, дорогая...
Охъ! тошно! такъ и давитъ грудь!
Хоть бы на солнышко взглянуть,
Все снѣгъ да снѣгъ...“
— Я къ вамъ хотѣла
Вчера прійти, да то дѣла, 20
То гости... — Саша солгала:
Свекровь ей просто не велѣла,
Не приказалъ и мужъ: авось,
Еще, молъ, свидишься, небось!
Старушка ложь подозрѣвала, 25
По голосу ее узнала,
А голосъ Саши грустенъ былъ!
„Дитя мое, я... Богъ судилъ...
Дай руку!.. дай, моя родная!
Такъ... крѣпче жми! ну, вотъ теперь 30
Легко...“ И плакала больная,
Рыдала дочь. Безъ шума въ дверь
Входила смерть.

Былъ темный вечеръ.
Порывистый, холодный вѣтеръ

Въ трубѣ печально завывалъ.
Лукичъ встревоженный стоялъ
У ногъ Арины. Дочь глядѣла
На умирающую мать
5 И все сильнѣй, сильнѣй блѣднѣла.
Старушка стала умолкать
И постепенно холодѣла,
И содроганья ногъ и рукъ,
Послѣдній знакъ тяжелыхъ мукъ,
10 Ослабѣвали. Вдругъ рыдая,
Упала на колѣни дочь:
„Благослови меня, родная!“
— Отецъ твой... нищій... ты помочь
Ему... нашъ домъ... и рѣчь осталась
15 Неконченной, — и тихій стонъ
Смѣнилъ слова. Но вотъ и онъ
Умолкъ. Развязка приближалась:
Въ тоскѣ подъятая рука,
Какъ плеть, упала. Грудь слегка
20 Приподнялась и опустилась,
Дыханье рѣже становилось,
Взоръ неподвижный угасалъ,
По тѣлу трепетъ пробѣжалъ,
И стихло все... Не умолкалъ
25 Лишь бури вой.
„Одинъ остался!
Одинъ, какъ перстъ!“ Лукичъ сказалъ,
Закрылъ лицо — и зарыдалъ...

30 Уснуло доброе созданье!
Жизнь кончена. И какъ она
Была печальна и бѣдна!
Стряпня и вѣчное вязанье,
Забота въ домѣ приглядѣть
35 Да съ голоду не умереть!
На пьянство мужа тайный ропотъ,
Порой побои отъ него,
Про бытъ чужой несмѣлый шопотъ

Да слезы... больше ничего!
И эта мелочь мозгъ душила
И человѣка въ гробъ свела!
Страшна ты, роковая сила
Нужды и мелочнаго зла! 5
Какъ громъ, ты не убьешь мгновенно,
Войдешь ты, — полъ не заскрипитъ,
А душишь, душишь постепенно,
Покуда жертва захрипитъ!

Съ разсвѣтомъ буря замолчала. 10
Арина на столѣ лежала.
Въ лампадѣ огонекъ сіялъ;
Онъ какъ-то странно освѣщалъ
Лицо покойницы-старушки,
И неподвижной и нѣмой, 15
И бѣлые углы подушки,
Прижатой мертвой головой.
Убитый горемъ и тоскою,
Передъ иконою святою
Лукичъ всю ночь псалтырь читалъ. 20
Унылъ и тихъ его былъ голосъ;
Отъ страха жесткій, черный волосъ
На головѣ не разъ вставалъ.
Казалось, строго и сурово
Глядѣла блѣдная жена; 25
Раба доселѣ, съ жизнью новой
Вдругъ измѣнилася она,
Свою печаль припоминала
И мужу казнью угрожала...
Старикъ внимательнѣй читалъ 30
И ничего не понималъ.
Всѣ буквы, мнилось, оживали,
Плясали, разбѣгались вдругъ...
При оборотѣ издавали
Листы какой-то чудный звукъ... 35

Межъ тѣмъ сосѣдки понемногу
Набились въ горенку. Однѣ

Вздыхали и молились Богу,
Другія въ грустной тишинѣ
Съ тяжелой думою стояли,
Иль объ усопшей толковали,
5 Что, вотъ-де, каковы дѣла —
Жила, жила, — да умерла!
Мать столяра въ углу стояла,
Съ кумой любимою шептала:
„Вѣдь, на покойницѣ платокъ,
10 Что тряпка... ай-да муженекъ!
Убралъ жену, кулакъ проклятый!
О платьѣ и не говорю —
Я вчужѣ отъ стыда горю:
Съ заплатой, кажется съ заплатой!...
15 А дочь слезинки не прольетъ...
Вотъ срамъ-то! инда зло беретъ!
Ахъ, я тебѣ и не сказала!
Она за сына моего
Хотѣла выйти... каково?
20 Да я-то шишъ ей показала!
И мать-то, помянуть не тѣмъ,
Глупа была, глупа совсѣмъ!“

Сосѣди вышли. Сталъ совѣта
Отецъ у дочери просить:
25 „Ну, Саша! мать вотъ не отпѣта,
Гдѣ деньги? чѣмъ мнѣ хоронить?
— Мой мужъ поможетъ. Попросите
Здѣсь посидѣть кого-нибудь
И вслѣдъ за мною приходите.
30 „Да! надо, надо шею гнуть!
И по-дѣломъ мнѣ! охъ, какъ стою!“
И крѣпко жилистой рукою,
Остановя на трупѣ взоръ,
Свой блѣдный лобъ старикъ потеръ.

XX.

Румянъ, плечистъ, причесанъ гладко.
Тарасъ Петровичъ за тетрадкой
Въ рубашкѣ розовой сидѣлъ,
На цифры барышей глядѣлъ
И улыбался. Подъ рукою 5
Сіяли проволоки счетъ;
Зеленый плющъ надъ головою
Висѣлъ съ окна. Полна заботъ,
За чаемъ Саша хлопотала;
Пѣлъ пѣсни свѣтлый самоваръ; 10
Въ лежанкѣ загребенный жаръ
Краснѣлъ; струей перебѣгало
По углямъ полымя. И вдругъ
Часы издали странный звукъ,
Шипѣли долго и лѣниво, 15
И, съ пятнышками вмѣсто глазъ,
Кукушка сѣрая тоскливо
Прокуковала восемь разъ.

Лукичъ вошелъ, — и сердце сжалось
У Саши. Жалокъ былъ отецъ! 20
Оборванъ, блѣденъ... грусть, казалось,
Его убила, наконецъ.
Едва старикъ перекрестился,
Румяный зять его вскочилъ
И сожалѣнье изъявилъ, 25
Что доброй тещи онъ лишился.
„Мнѣ, молъ, жена передала,
Святая женщина была!..“
— Вотъ надо справить погребенье...
Нѣтъ гроба... сдѣлай одолженье... 30
Дай пòмочь!
„Отъ добра не прочь,
Зачѣмъ родному не помочь?..
Гм!.. жаль! я думаю — простуда?..

— Богъ знаетъ что, да умерла. —
„Я полагаю-съ смерть пришла...
Вотъ выпейте чайку покуда.“
— Благодарю! Не до того.
5 „Напрасно-съ, это не мѣшаетъ.
Онъ эдакъ грудь разогрѣваетъ...“
— Да я не зябну. Ничего...
Не позабудь, къ примѣру, въ горѣ! —
„Вотъ ключъ позвольте отыскать...
10 Я много не могу вамъ дать,
Не то что... да-съ! Нѣтъ денегъ въ сборѣ.“
— Не добивай! Я такъ убитъ! —
„О томъ никто не говоритъ!
На счетъ того-съ... оно, конечно,
15 Родню позабывать грѣшно,
Да, вѣдь, грѣшно и жить безпечно,
Да-съ! поскользнетесь неравно!
На васъ вотъ тулупишко рваный,
Изъ сапоговъ носки глядятъ,
20 А вы намедни были пьяны...
Выходитъ, кто же виноватъ?“
— Охъ, знаю, другъ мой! Все я знаю!
Вѣдь, пьетъ неволя иногда!
Ты думаешь мнѣ нѣтъ стыда,
25 Что плутовствомъ я промышляю,
Хитрю, ѣмъ хлѣбъ чужой, какъ воръ? —
„Разсчетъ въ торговлѣ не укоръ...
Все это пустяки и только,
На печкѣ хочется лежать!
30 На рынкѣ горько промышлять,
Ну-съ, а просить теперь не горько?“
— Вѣстимо... если бы ты зналъ!
Осмѣянъ всѣми, обнищалъ,
Тутъ совѣсть не даетъ покою...
35 Зять! не пусти меня съ сумою!
Дай мнѣ подъ старость отдохнуть!
Поставь меня на честный путь!
Дай дѣло мнѣ! Господь порука,

Не буду пить и плутовать! —
„Привыкли-съ. Трудно перестать!
Вотъ, значитъ, вамъ впередъ наука...
На похороны помогу,
Насчетъ другого-съ, — не могу.“ 5
— И съ бородою посѣдѣлой
Опять мнѣ грабить мужичковъ?
Пойми ты, доброе ли дѣло!
Неужто воръ я изъ воровъ!
Зять! Богомъ, значитъ, умоляю... 10
Подумай! Выручи! —
„Опять!
Охота вамъ слова терять!
Нельзя-съ! По чести завѣряю...
Рубль серебра, извольте, дамъ.“
— Такъ я, выходитъ, по домамъ 15
На тѣло мертвое сбираю...
Ну, есть ли стыдъ въ тебѣ и честь?
Вѣдь я не нищій! я твой тесть!
Вѣдь я прошу не подаянья, —
Взаемъ! Ты слышишь или нѣтъ? — 20
„А я даю изъ состраданья,
Не то что... да-съ! и мой совѣтъ:
Не надо брезгать.“
Саша встала.
Негодованія полна,
Казалось, выросла она 25
И мужу съ твердостью сказала:
„Я свой салопъ отдамъ въ закладъ —
И мать похороню!“
— Чудесно-съ!
Гм!.. дочка нѣжная... извѣстно-съ...
Хэ, хэ! Бываетъ — не велятъ! — 30
„Ну, если такъ, найду другое...
Вотъ обручальное кольцо...“
И Саши блѣдное лицо
Покрылось краскою.
— Пустое!

Не смѣешь, значитъ! —
„Саша, Саша!
Оставь! схоронимъ какъ-нибудь!“
Отецъ сказалъ.
— Нѣтъ, воля ваша!
Ужъ у меня изныла грудь
5 Отъ этой жизни... я молчала...
Онъ мягко стелетъ, жестко спать...
Пусть бьетъ! я не хочу скрывать!
Больною мать моя лежала,
Я мать провѣдать не могла!
10 Боится — столяра увижу... —
„Столяръ мнѣ что? молва была...
Онъ плутъ! плутовъ я ненавижу.
Мужъ, хоть и лыкомъ сшитъ, — люби,
Да знай стряпню, да не груби,
15 На то жена!“
— О, будь увѣренъ!
Я буду стряпать и молчать!
Но подъ замкомъ себя держать
Я не позволю!..
„Не намѣренъ...
Нельзя-съ, законная жена...
20 А мужа ты любить должна —
Вотъ только!“
Саша улыбнулась.
Мужъ отъ улыбки поблѣднѣлъ,
Но вмигъ собою овладѣлъ.
„Все вздоръ! изъ пустяковъ надулась!
25 Объ этомъ мы поговоримъ
Наединѣ-съ... А вотъ роднымъ
Поможемъ. Нужно — и дадимъ.
Держите, батенька, Богъ съ вами!“

Тесть, молча, подаянье взялъ
30 И точно память потерялъ:
Пошевелилъ слегка губами,
На зятя кинулъ мутный взоръ

И крупный потъ на лбу отеръ.
„А вамъ пора за умъ приняться!“
Прибавилъ зять: „вы нашъ родной,
Не съ поля вихорь, не чужой,
А съ пьянымъ нечего мнѣ знаться!“ 5

Старикъ съ поклономъ вышелъ вонъ.
О чемъ-то, бѣдный, думалъ онъ?
Но вѣрно думою печальной
Былъ возмущенъ: на рынокъ шелъ
И, Богъ вѣсть почему, забрелъ 10
Въ какой-то переулокъ дальной.
Опомнившись, взглянулъ кругомъ
И зятя назвалъ подлецомъ.

Добычи рыночной остатокъ
Давно Лукичъ рублей десятокъ 15
Въ жилетѣ плисовомъ берегъ.
Теперь вотъ зять ему помогъ,
На все достало, слава Богу!
Купилъ онъ ладану, свѣчей,
Изюму, меду, калачей, 20
Вина, — конечно, понемногу:
Поденщиковъ приговорилъ
Могилу рыть и гробъ купилъ,
Принесъ его въ свою избушку,
Перекрестился, крышку снялъ, 25
На днѣ холстину разостлалъ,
Съ молитвой положилъ старушку,
Съ молитвою свѣчу зажегъ
И сѣлъ въ раздумьи въ уголокъ.
Курился ладонъ. Все молчало. 30
Играло солнце на стѣнѣ,
Бѣлѣлись свѣчи на окнѣ,
Стекло алмазами сверкало,
Старушка, мнилося, спала, —
Такъ въ гробѣ хороша была! 35
„Вотъ, думалъ онъ, вотъ жизнь-то наша!

Не даромъ сказано, что цвѣтъ
Ногою смялъ, его и нѣтъ.
Умру и я, умретъ и Саша,
И ни одна душа потомъ
5 Меня не вспомнитъ... Боже, Боже!
А вѣдь и я трудился тоже,
Весь вѣкъ и худомъ и добромъ
Сбивалъ копейку. Зной и холодъ,
Насмѣшки, брань, укоры, голодъ,
10 Побои, — все переносилъ!
Изъ-за чего? Ну, что скопилъ?
Тулупъ остался да рубаха,
А кралъ безъ совѣсти и страха!
Охъ, горе, горе! Вѣдь метла
15 Годится въ дѣло! что же я-то?
Что я-то сдѣлалъ, кромѣ зла?
Вотъ свѣчи... гробъ... гдѣ это взято?
Крестьянинъ, мужичокъ-бѣднякъ
На пашнѣ потомъ обливался
20 И продалъ рожь... а я, кулакъ,
Я, пьяница, не побоялся,
Не постыдился никого,
Какъ воръ безсовѣстный, обмѣрилъ,
Ограбилъ, осмѣялъ его
25 И смертной клятвою увѣрилъ,
Что я не плутъ!.. Все терпитъ Богъ!..
Вотъ зять, какъ нищему помогъ...
Въ глазахъ мутилось, сердце ныло,
Я въ поясъ кланялся, просилъ!..
30 А вѣдь и я добро любилъ,
Оно вѣдь дорого мнѣ было!
И смѣлъ и молодъ, помню разъ
Въ грозу и непогодь весною
Я утопающаго спасъ.
35 Когда онъ съ мокрой головою,
Нагой на берегу лежалъ,
Открылъ глаза, пошевелился
И крѣпко руку мнѣ пожалъ...

Я, какъ ребенокъ, зарыдалъ
И радостно перекрестился!
И все пропало! Все забылъ!...“

И голову онъ опустилъ,
И, задушить его готова, 5
Вся мерзость прожитая, снова
Съ укоромъ грознымъ передъ нимъ
Стояла призракомъ нѣмымъ.

Бѣднякъ! бѣднякъ! печальной доли
Тебя урокъ не вразумилъ! 10
Своихъ цѣпей ты не разбилъ,
Послушный рабъ безсильной воли!
Ты понималъ, что честный трудъ
И путь иной тебѣ возможенъ,
Что ты, добра живой сосудъ, 15
Не совершенно уничтоженъ;
Ты плакалъ и на помощь звалъ...
Подхваченный нужды волнами,
Въ послѣдній разъ взмахнулъ руками —
И въ грязномъ омутѣ пропалъ. 20

XXI.

Бѣгутъ часы, идутъ недѣли,
Чредѣ обычной нѣтъ конца!
Кричитъ младенецъ въ колыбели,
Несутъ въ могилу мертвеца.
Живи, трудись, людское племя, 25
Вопросы мудрые рѣшай.
Сырую землю удобряй
Своею плотью... Время, время!
Когда твоя устанетъ мочь?
Какъ страшный жерновъ день и ночь, 30
Вращаясь силою незримой,
Работаешь неудержимо
Ты въ Божьемъ мірѣ. Дѣла нѣтъ

Тебѣ до нашихъ слезъ и бѣдъ!
Ихъ доля — вѣчное забвенье!
Ты дашь широкій оборотъ —
И ляжетъ прахомъ поколѣнье,
Другое очереди ждетъ!

Прошло два года. Дымъ столбами
Идетъ изъ трубъ. Снѣгъ порошитъ.
Чуть солнце сквозь туманъ глядитъ,
Не грѣя блѣдными лучами.
Старушка добрая, зима,
Покрыла шапками дома,
Заутро Рождество Святое.
Санями рынокъ запруженъ,
Торговлей шумной оживленъ.
Желудка рабъ, какъ все живое,
Народъ кишитъ вокругъ цыплятъ,
Гусей, свиней и поросятъ.

„Пошелъ налѣво!“ торопливо
Скобѣевъ кучеру кричитъ
И палкой нищему грозитъ:
„Ты что присталъ?“ Но вдругъ учтиво
Кивнулъ кому-то головой.
„Деревня Долбина за мной!
Съ торговъ... поздравьте...“ Ой, пропала!
Ахъ, чтобъ вамъ не было добра!
Вотъ мужичье!... — Мать столяра
Едва подъ лошадь не попала,
Къ горшкамъ съ кумою отошла,
Бесѣду снова повела:
— И говорю я это сыну:
„Оставь, молъ, ты свою кручину!“
Нѣтъ, долго Сашу вспоминалъ!
И вотъ что было — запивалъ!
Теперь ни-ни! Взялся за дѣло...
Поди ты! не женю никакъ,
Прошу, прошу; — такой дуракъ!

Вишь, рано... время не приспѣло...
Да вретъ онъ! Это ничего!
Ужъ уломаю я его! —

Вотъ и столяръ. Его походка
Размашиста. Тулупъ косматъ. 5
Пробилась русая бородка,
И веселъ соколиный взглядъ;
Лицо отъ холода краснѣетъ;
На кудряхъ иней. Впереди
Толпа зѣвакъ. Она густѣетъ. 10
Бѣднякъ-Лукичъ посереди.
Мужикъ съ курчавой бородою,
Взбѣшенный, жилистой рукою
Его за шиворотъ держалъ,
И больно билъ, и повторялъ: 15
„Вотъ эдакъ съ вами! эдакъ съ вами!“
Старикъ постукивалъ зубами,
Халатъ съ разорванной полой
Отъ вѣтра въ воздухѣ мотался,
И кровь на бородѣ сѣдой 20
Застыла каплями...
„Попался!“
Кричалъ народъ: тряхни его!
Тряхни получше! ничего!“
— Не бей по шапкѣ! одурѣетъ!
„Не смѣетъ бить! На это судъ, 25
Расправа, значитъ... бить не смѣетъ!“
— Валяй! Тамъ послѣ разберутъ!
Но вдругъ столяръ рукою смѣлой
Толпу раздвинулъ: „Стой! за что?“
— А не обвѣшивай! за то... 30
Мужикъ отвѣтилъ: наше дѣло!
Я продалъ шерсть, а онъ того...
Обвѣсилъ — вонъ-що!
„Брось его!
Ты кто? Разбойникъ? Смѣешь драться?
Не знаешь, — отдерутъ кнутомъ! 35

Чего ты, Карпъ Лукичъ? Пойдемъ!
— Проваливай! Не станемъ гнаться!
Вотъ не замай онъ покряхтитъ:
Въ бокахъ-то у него лежитъ! —

„Эхъ, съ этимъ не дошло до драки!
Жалѣли, расходясь, зѣваки:
А молодецъ куда горячъ!
И статенъ! То-то, чай, силачъ!

„Сосѣдъ! ну, какъ тебѣ не стыдно!“
Столяръ дорогой говорилъ:
„Весь помертвѣлъ... лица не видно...
Что завтра? Вспомни!“
— Согрѣшилъ...
Обвѣсилъ... не во что одѣться...
Озябъ и нечѣмъ разговѣться. —
„А зять?...“
— Мошенникъ! Охъ, продрогъ! —
„Ну, Саша?“
— Саша помогаетъ...
Въ постели... кровью все перхаетъ...
Охъ, больно! заложило бокъ... —
„Эхъ, Карпъ Лукичъ!“
— Молчи! я знаю!
Сгубилъ я дочь свою, сгубилъ! —
„Нѣтъ я не то... не попрекаю.
Мнѣ жаль тебя: сосѣдомъ былъ...
Бѣдняга! Выгнали изъ дома...
Да ты идешь едва-едва...
Квартира гдѣ?
— У Покрова.
Нетоплена. Постель — солома.
Привыкъ, къ примѣру... Охъ, продрогъ! —
„Слышь, Карпъ Лукичъ! Ты не сердися!
Вотъ деньги есть... Не откажися,
Возьми на праздникъ. Видитъ Богъ,
Даю изъ дружества. Вѣдь хуже
Обманывать, дрожать на стужѣ...

Возьми, пожалуйста, сосѣдъ!
Ну, хоть взаемъ... какъ знаешь!“
— Нѣтъ!
Я виноватъ передъ тобою:
Ты съ Сашей росъ... 5
„Оставь! пустякъ!
Угодно было Богу такъ...
Возьми! Ты слышь, не спорь со мною,
Въ карманъ насильно положу.
Вотъ на!... и руки подержу“.
— Покинь! Мнѣ стыдно! 10
„Знаю, знаю.
А ты не вынимай назадъ;
Я, что родному, помогаю,
Не то что, значитъ... чѣмъ богатъ!
Утри-ко лучше кровь полою,
Неловко... Стой! Господь съ тобою! 15
Ты плачешь?“
— Ничего, пройдетъ.
Я такъ. Озябъ... Вода течетъ...
Сегодня въ воровствѣ поймали,
Прибили... милостыню дали...
А дочь... Проклятый зять! Прощай. — 20
„Да брось его! не поминай
Вотъ завтра праздникъ, дѣлъ-то мало,
Ты завернешь въ мой уголокъ,
Мы потолкуемъ, какъ бывало,
Ну, да! Присядемъ за пирогъ... 25
Ты просто приходи къ обѣду,
Равно!“ и старому сосѣду
Онъ руку дружески пожалъ
И на прощанье шапку снялъ.

Лукичъ съ разорванной полою 30
Побрелъ одинъ. Взглянулъ кругомъ, —
Знакомыхъ нѣтъ; махнулъ рукою
И завернулъ въ питейный домъ.

Прощай Лукичъ! Не разъ съ тобою,
Когда мой домъ объятъ былъ сномъ,
Сидѣлъ я, грустный, за столомъ,
Подъ гнетомъ думъ, ночной порою!
5 И мнѣ по твоему пути
Пришлось бы, можетъ-быть, идти,
Но я избралъ иную долю...
Какъ узникъ, я рвался на волю,
Упрямо цѣпи разбивалъ!
10 Я свѣта, воздуха желалъ!
Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно!
Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой!
Во благо ль? Небесамъ извѣстно...
15 Но блага я просилъ у нихъ!
Не ради шутки, не отъ скуки,
Я, какъ умѣлъ, слагалъ мой стихъ,
Я воплощалъ боль сердца въ звуки!
Моей душѣ была близка
20 Вся грязь и бѣдность кулака!
Мой братъ! никто не содрогнется,
Теперь взглянувши на тебя!
Пройдетъ, быть-можетъ, посмѣется,
Потѣху пошлую любя...
25 Ты сгибъ. Но велика ль утрата?
Васъ много! Тысячи кругомъ,
Какъ ты, погибли подъ ярмомъ
Нужды, невѣжества, разврата!
Придетъ ли, наконецъ, пора,
30 Когда блеснутъ лучи разсвѣта?
Когда зародыши добра
На почвѣ, солнцемъ разогрѣтой,
Взойдутъ, созрѣютъ въ свой чередъ
И принесутъ сторичный плодъ;
35 Когда минетъ проказа вѣка,
И воцарится честный трудъ,
Когда увидимъ человѣка, —
Добра божественный сосудъ?..

Кулакъ.

1-я редакція.

I.

Садится солнце. Тучъ громада
Покрыта краской золотой.
Рѣка зардѣлась. Жаръ дневной
Смѣняетъ вечера прохлада.
Вдоль гати тянется обозъ, 5
Пестрѣютъ сѣно и солома,
Рубахи, шапки... У парома
И шумъ, и крикъ за перевозъ.
Кругомъ безлюдье. Свѣтлой сталью
Блеститъ, заснувшая въ тиши, 10
Вода озеръ сквозь камыши,
Идутъ луга зеленой гладью,
За ними поле разлеглось,
Краями въ небо уперлось.
Вотъ глушь-то наша, глушь родная! 15
Въ поляхъ просторъ, что дымъ, туманъ,
Въ туманѣ лѣсъ, село, курганъ,
Березка, тучка дождевая,
Дорога, нива да трава,
Небесъ пожаръ и синева... 20

И ты, рѣка, давно знакома.
Бывало, вырвешься изъ дома, —
Скорѣй сюда! Прилегъ въ траву,
И снятся дивы на яву:

Тамъ коршунъ плылъ подъ облаками,
И словно замеръ въ вышинѣ;
А тутъ, въ прозрачной глубинѣ,
Ракиты шевелятъ листами,
5 Макушками всѣ внизъ ростутъ,
Мартышки, ласточки снуютъ,
И съ золочеными крестами
Повисли церкви... Рай земной!
Вдругъ — слышишь — шумъ: надъ головой
10 Мгновенно утка промелькнула
И камнемъ въ озеро нырнула,
А въ озерѣ и рыбы плескъ,
И отъ воды и солнца блескъ...
О, дѣтство, дѣтство!.. Прочь съ дороги,
15 Украдкой прожитая быль!
Не подымай въ душѣ тревоги,
Не отряхай забвенья пыль!..
Вонъ, въ сторонѣ бѣлѣетъ зданье, —
Оно глядѣло въ свой чередъ
20 На небывалое созданье —
Въ степной глуши рожденный флотъ.
Въ тѣ дни здѣсь много было шуму,
Здѣсь клалъ печать великій вѣкъ,
Здѣсь думалъ царственную думу
25 Неутомимый человѣкъ.
Тотъ шумъ утихъ... Гдѣ жизнь кипѣла,
И былъ царя пріютъ простой,
Купецъ усердною рукой
Одинъ почтилъ святое дѣло:
30 Часовню выстроилъ и въ ней
Затеплилъ набожно елей.
Всему пора. Идутъ постройки,
Какъ въ старь, и въ наши времена:
По берегамъ бѣлѣютъ мойки,
35 Скирдами шерсть навалена.
Подросъ и городъ. Въ изголовье
Онъ положилъ полей приволье,
Плечами горы придавилъ,

Ногой на берегъ наступилъ,
И, ближнихъ селъ дешевой данью,
До пояса отъ головы,
Покрылся каменною тканью,
На мѣсто грязи и травы. 5
Но грустно, что въ семьѣ громадной
Высоко поднятыхъ домовъ,
Какъ нищіе въ толпѣ нарядной,
Торчатъ избенки бѣдняковъ.
Въ дирявыхъ шапкахъ, съ костылями 10
Онѣ ползутъ по крутизнамъ
И смотрятъ тусклыми очами
На богачей по сторонамъ.
Того и жди: гроза подуетъ,
И полетятъ онѣ въ оврагъ... 15
Таковъ и домикъ, гдѣ горюетъ
Знакомый давній мой, кулакъ.
Туда пѣшкомъ идти — далеко.
Развернемъ самолетъ-коверъ
И прямо отъ рѣки широкой 20
Перелетимъ къ нему на дворъ.
Ну, съ Богомъ въ путь! Въ глазахъ мелькая,
Назадъ несется пестрота:
Заборы, кровли, ворота,
Оврагъ, тропинка, мостовая, 25
Крестъ церкви, будка, каланча,
Телѣга съ гробомъ, двѣ дѣвчонки,
Зеленый садъ, стѣна, избенки...
Стой! Вотъ и домикъ Лукича.

Онъ старъ и набокъ покосился, 30
Карнизъ подгнилъ и опустился,
Потрескалась, куда ни глянь,
На крышѣ скорченная дрань;
Растрепанными волосами,
Повисла пакля вдоль стѣны; 35
Изъ-подъ дирявой пелены,
Натасканная воробьями,

Солома съ перьями торчитъ.
Одно окошко внизъ глядитъ,
Другое, — нѣтъ отъ крыши воли, —
Взвилось бы прямо къ облакамъ.
Въ немъ половинки красныхъ рамъ,
Что вѣки, красныя отъ боли,
Мигаютъ въ вѣтеръ, глазъ — да вотъ!
Однѣхъ рѣсницъ не достаетъ...
Ростетъ трава вокругъ крылечка.
Но садъ... Въ садъ послѣ завернемъ,
Теперь мы въ горенку пойдемъ.
Она чиста. Икона, печка,
Съ посудой шкапъ, сосновый полъ,
Кровать подъ пологомъ, да столъ,
Скамейка, лавка, стулъ безъ спинки,
Комодъ пузатый подъ замкомъ, —
Все старина, за то соринки
Тутъ не примѣтишь ни на чемъ.

II.

Хозяйка добрая, здорово!
Ты вѣчно съ варежкой въ рукѣ
И въ этомъ бѣломъ колпакѣ!
И все молчишь. Промолвишь слово
Отъ скуки съ дочерью родной,
Да и поникнешь головой.
Печаль, домашнія невзгоды,
Нужда тяжелая, да годы
Повысушили до поры
Тебя, какъ травушку жары.
Поникла голова, что колосъ,
И посѣдѣлъ твой русый волосъ,
Одна незлобная душа
Осталась въ горѣ хороша.

И ты, красавица, съ работой
Сидишь въ раздумьи предъ окномъ:

Одной привычною заботой
Вы вѣчно заняты вдвоемъ.
Глядишь на улицу тоскливо;
Румянецъ яркій на щекахъ,
Но спицы движутся сонливо, 5
И дремлетъ варежка въ рукахъ.
О чемъ тоска? Откуда скука?..
Глаза — огонь, коса — смола,
Какъ бѣлый воскъ, рука бѣла...
Простору нѣтъ? Неволя — мука?.. 10
Постой, старушка говоритъ:
„Гдѣ поминанье-то лежитъ,
Не знаешь, Сашенька?“
— Не знаю. —
„Вотъ надо на погостъ сходить
И панихиду отслужить, 15
То некогда, то забываю...“
— За даромъ служатъ-то... —
„Все Богъ!
Я варежки продамъ!“
— Богаты!..
А у меня вездѣ заплаты
Да башмаки скочили съ ногъ; 20
Пошла бы въ церковь, ради скуки,
Сиди!
„Отъ этого не стать
Родителей не поминать:
Покуда есть глаза, да руки,
Нужда не смертная бѣда...“ 25

И мать умолкла. Тучъ гряда
Въ огнѣ зари понакалилась,
Свернулась въ кучу, поплыла
И, померкая, за поля
Горою темною скатилась. 30
Неслышно тѣни подошли,
Въ окошко медленно вползли,
Въ углы и за кроватью стали.

И мать и дочь давно молчали.
Блеснулъ и мѣсяцъ, вѣстникъ сна.
Но звуки спицъ не умолкали:
Имъ незнакома тишина.

Поди ты, думала старушка:
Скучаетъ дочь, не весела...
Вѣдь, вотъ ребенкомъ-то была
Такая бойкая рѣзвушка, —
И не уймешь ее никакъ!
Бывало, утро чуть настанетъ,
Плутовка куколки достанетъ,
Толкуетъ съ ними: „ты вотъ такъ
Сиди; ты глупая дѣвчонка;
Ты барыня, сиди вотъ тутъ,
А ты прислуга, старый плутъ,
Давай имъ чаю...“ И рученкой
Начнетъ ихъ эдакъ тормошить.
Возьметъ подастъ имъ на бумажкахъ
Водицы въ желудовыхъ чашкахъ
И скажетъ: „ну, извольте пить.
Вотъ чай...“ А вечеромъ, бывало,
Къ себѣ подружекъ соберетъ,
Болтаетъ съ ними, что попало,
Хохочетъ, бѣгаетъ, поетъ.
Вотъ словно колокольчикъ звонкой,
Веселый смѣхъ и голосъ тонкой
Въ обѣихъ горенкахъ звенитъ.
Отецъ, бывало, закричитъ:
„Уймися, говорю, вострушка,
Не то я больно посѣку!“
Она присядетъ въ уголку
И лобикъ сморщитъ, какъ старушка,
И все молчитъ... Отецъ съ двора,
Опять потѣшная игра!
Со стороны глядѣть — отрада...
Да правда, какъ и не скучать·
Ей не съ кѣмъ слова-то сказать,

Куда мы ходимъ? Тутъ досада,
Сосѣдъ къ намъ сваху засылалъ,
Старикъ зачѣмъ-то отказалъ;
А дѣвка-то была какъ рада!
Женихъ съ-измала ей знакомъ, 5
О-охъ, бѣда мнѣ съ старикомъ!
Однако темно. Надо свѣчку.
И, вставъ, она открыла печку,
Лучину тонкую взяла
И дуть на уголь начала. 10

Черезъ минуту заскрипѣло
За дверью шаткое крыльцо.
Хозяинъ въ горенкѣ. Лицо
Отъ зноя солнца загорѣло.
Спокоенъ строгій, умный взглядъ, 15
Густыя брови внизъ глядятъ,
Угрюмо супясь. Лобъ широкой
Изрытъ морщинами глубоко,
И теменъ волосъ, но сѣда
Подстриженная борода. 20
Ростъ не великъ, въ плечахъ просторенъ,
Упруги жилы крѣпкихъ рукъ,
Картузъ въ пыли, ни рыжъ, ни черенъ
До пятокъ нанковый сюртукъ.

„Небось, усталъ, жена сказала: 25
Поди-ка руки-то умой,
Вотъ полотенце. Да водой
Не брызгай на полъ.“
Саша встала,
Въ ведеркѣ квасу принесла
И въ чашкѣ луку натолкла. 30
Лукичъ за столъ не торопился;
Сюртукъ на лавку положилъ,
Да сверху картузомъ накрылъ,
Снялъ галстухъ, сапоги, умылся
И сѣлъ съ семьею. 35

„Экой квасъ!..“
Старушка, сморщившись, сказала:
— Разборчива ты съ дочкой стала,
Не угодитъ самъ чортъ на васъ! —
Отвѣтилъ мужъ.
„Перекрестися!
За хлѣбомъ такъ не говорятъ“
— Вѣстимо. Ну сама трудися,
Я старъ, всѣ кости ужъ болятъ,
Покуда я кормить васъ стану! —
„Ну вотъ и хлѣба жаль теперь,
А сваху проводилъ за дверь...
Намъ меньше было бы изъяну
Вдвоемъ-то жить.“
— Хорошъ совѣтъ!
Богатъ, къ примѣру, твой сосѣдъ. —
„Намъ богача-то дожидаться,
Вѣкъ Сашѣ дѣвкою остаться.“
— Дождемся, можетъ-быть, не плачь:
На наше поле сядетъ грачъ.
„Все такъ старикъ. Да не грѣшно ли...“
— Ну, дальше!.. —
„Дочь-то принуждать.“
— Пересолила!.. Слышишь, мать?
Ну, да! Въ квасу-то много соли... —
„Пошло!.. Вы дайте хоть поѣсть!
Сказала дочь: попрекъ, да ссора,
Минуты не пройдетъ безъ спора...
Вы думаете, вамъ и честь.“
— Молчать! не во время запѣла,
Смотри, языкъ не прикуси...
Поди вотъ кашу принеси...
Вишь, умница! понаторѣла! —

Оконченъ ужинъ: каши нѣтъ,
Зато былъ съ кашею обѣдъ.
Лукичъ привсталъ, перекрестился,
На Сашу крупно побранился,

Зачѣмъ, дескать, досель окно
На улицу отворено,
И легъ. Но занятый заботой,
Онъ думалъ думу съ полчаса,
Смыкая нехотя глаза, 5
Полуобъятые дремотой:
Ну завтра ярмарка. Авось
На хлѣбъ добуду. Плохо стало,
Хлопотъ, что дровъ въ лѣсу, не мало,
А прибыли отъ нихъ — хоть брось. 10
Другимъ, къ примѣру, удается:
Казна валится, точно кладъ,
А ты копейкѣ былъ бы радъ,
Такъ нѣтъ, гдѣ тонко, тутъ и рвется,
Порой что въ домъ и попадетъ, 15
Нужда метлою подмететъ.
Вотъ дочь невѣста... Все забота...
И сватаютъ, да нѣтъ разсчета:
Сосѣдъ нашъ честенъ, всѣмъ хорошъ,
Да голь большая, вотъ причина! 20
Что честь-то? Коли нѣтъ алтына,
Далеко съ нею не уйдешь,
Безъ денегъ честь — плохая доля,
Согнешься нехотя кольцомъ
Передъ зажиточнымъ плутомъ, 25
Нужда великая неволя...
Мнѣ дочь и жаль! Я человѣкъ,
Отецъ, къ примѣру... да не вѣкъ
Мнѣ мыкать горе. Я не молодъ...
— „Лукичъ — кулакъ!“ — кричитъ весь городъ: 30
Кулакъ... душа-то не сосѣдъ,
Сплутуешь, коли хлѣба нѣтъ.
Будь зять богатый, будь помога, —
Не выйди я изъ-за порога,
На мѣстѣ дай Богъ мнѣ пропасть, 35
Коли подумаю украсть!
А есть женихъ... навѣрно знаю:
Богатъ, не долженъ никому

И Саша нравится ему...
Съ недѣлю сваху поджидаю...
И тяжело Лукичъ вздохнулъ,
Перевернулся и заснулъ.

— — —

III.

Быть-можетъ, на другой ступени,
Въ иномъ быту, съ инымъ отцомъ,
Кулакъ не зналъ бы праздной лѣни
И просто — не былъ кулакомъ.
Но много-ль тѣхъ, кто полный силы,
Какъ воинъ, правдѣ послужилъ,
Напрягъ всѣ мускулы и жилы
И зло, какъ змія, раздавилъ,
Кто среди грязи, подъ грозою,
Остался чистъ, какъ серебро,
И крѣпкой каменной горою
Стоялъ за правду и добро?
Великъ добра подвижникъ строгій,
Кто велъ всю жизнь борьбу со зломъ
И не свернулъ съ прямой дороги,
Пройдя безстрашно подъ огнемъ!
Но если бы и этотъ пламень
Ты вынесъ, воинъ правоты,
Остановись, поднявши камень,
На жертву зла и нищеты.
Сдержи свое негодованье,
Не будь презрѣннымъ палачомъ:
Твой братъ передъ твоимъ судомъ
Съ правами на твое вниманье.
Быть-можетъ, въ грязной нищетѣ,
Корою грубою закрытый,
Добра зародышъ неразвитый
Горитъ, какъ свѣчка въ темнотѣ.
Быть-можетъ, жертвѣ заблужденья
Доступны рѣдкія мгновенья,
Когда казнитъ она свой вѣкъ

И зло проклятьемъ поражаетъ,
Какъ человѣкъ, въ душѣ страдаетъ
И думаетъ, какъ человѣкъ.

Еще ребенкомъ, не стѣсненный
Въ привычкахъ жизни обыденной, 5
Лукичъ бездѣлье полюбилъ.
Отецъ имъ мало занятъ былъ,
На воспитаніе мальчишки
Торгашъ имѣлъ особый взглядъ:
„Рости, дескать, рости, сынишка, 10
Пойдешь по мнѣ, — я буду радъ;
Я и читать вотъ не учился,
Да сытъ, живу одѣтъ, обутъ...“
Но подъ хмѣлькомъ всегда сердился,
Ты, дескать, баловень, ты плутъ... 15
И сына за вихоръ поймаетъ,
Такъ ни за что! Ну вотъ, молъ, знай!
Деретъ, деретъ, до слезъ таскаетъ
И молвитъ: ну, ступай — играй!
А мать свое хозяйство знала, 20
Въ печи дрова съ разсчетомъ жгла,
Горшки да чашки берегла,
И словъ напрасно не теряла,
Когда зимой, по цѣлымъ днямъ,
Забросивъ азбуку съ указкой, 25
Карпушка лазилъ по горамъ,
Таская за собой салазки,
Иль въ бабки лѣтнею порой
Былъ занятъ вѣчною игрой.
Въ мальчишкѣ рано проявилась 30
Наклонность къ сдѣлкамъ, плутовству,
И мелочному воровству
И постепенно обратилась
Въ привычку. По чужимъ садамъ
Онъ лазилъ смѣло. По полямъ 35
Шатался. Въ рожь зайдетъ, бывало,
Отъ жару потъ съ него течетъ,

И солнце въ голову печетъ. —
Лежитъ себѣ — и нужды мало,
И смотритъ весело кругомъ.
Чуть бабочка на колосъ сядетъ,
Онъ къ ней подкрадется ползкомъ,
Рученку смуглую протянетъ
И разомъ схватитъ. Разглядитъ
Всю спинку, усики и глазки,
На крылышкахъ узоръ и краски,
И, улыбаясь, говоритъ;
„Ага! Вотъ я тебя, плутовку...“
И оторветъ у ней головку.
Или грачей въ гнѣздѣ найдетъ,
На половину острижетъ,
Къ ногамъ веревочки привяжетъ
И мальчику-сосѣду скажетъ:
„Слышь, Ваня! у меня грачи,
Давай мѣнять на калачи.“
И если тотъ пойметъ уловку
И калачи побережетъ,
Карпушка птицъ въ оврагъ швырнетъ
И дастъ сосѣду потасовку,
А послѣ прибѣжитъ домой
И плачетъ. Мать его ласкаетъ:
„О чемъ же ты, голубчикъ мой?“
— Ванюшка, сынъ ей отвѣчаетъ,
Моихъ грачей закинулъ въ ровъ
И надавалъ мнѣ тумаковъ. —

И долго росъ онъ безъ заботы,
Покуда вздумалось отцу
Отдать наслѣдника къ купцу.
Тутъ мелкихъ плутней обороты
Карпушка тонко изучилъ;
Купецъ помощника хвалилъ:
— Торговецъ, ловокъ, не зѣваетъ,
Продастъ, — руки не замараетъ. —
И малый точно не зѣвалъ:

Карманъ свой плотно набивалъ.
Межъ тѣмъ отецъ его скончался,
Пошла и мать за старикомъ
Въ сырую землю. Сынъ остался
Одинъ. Поссорился съ купцомъ 5
И наконецъ его оставилъ;
Снялъ лавку, дегтю накупилъ,
Лопатъ и лыкъ понавалилъ,
Женился, дворъ кругомъ оправилъ
И домикъ за-ново покрылъ. 10
Но счастье не далося въ руки:
Легко нажитый капиталъ
Въ три года онъ проторговалъ,
И запилъ съ горя и отъ скуки...
Искать мѣстечка? Стыдъ большой! 15
Искать рѣшился, — отказали...
А ремеслу не обучали,
Подумалъ и махнулъ рукой:
Тьфу, чортъ возьми! Да что за горе!
Авось безъ хлѣба не умру! 20
Пойду на рынокъ по утру,
Такъ вотъ и деньги. Рынокъ — море,
Тамъ рыба есть, умѣй ловить,
Небось, достанетъ чѣмъ прожить...
И съ той поры лѣтъ тридцать сряду 25
Онъ всякой дрянью промышлялъ,
И кулака весь городъ зналъ
По разнымъ плутнямъ, по наряду
И загорѣлому лицу.
Онъ покупалъ ягнятъ, щетину, 30
Пеньку и нитку, и холстину,
Коня знакомому купцу,
Овесъ, — и все, что попадалось,
И что надѣялся онъ сбыть
Другому съ выгодой. Случалось 35
И попустому проходить
На рынкѣ съ ночи до разсвѣта
И, не поужинавъ заснуть,

Зато кулакъ умѣлъ блеснуть
Подъ-часъ серебряной монетой.
Когда, бывало, мужичекъ
Цѣны товара не сбавляетъ,
Онъ выхватитъ свой кошелекъ,
На воздухѣ имъ помотаетъ
И крикнетъ: Ты вотъ — посмотри!
Вѣдь у тебя купецъ торгуетъ,
Иной алтынникъ, да надуетъ,
А тутъ, братъ, денежки бери!

IV.

Флагъ поднятъ. Ярмарка открыта.
Безоблаченъ и жарокъ день.
Изъ ближнихъ селъ и деревень
Народомъ площадь вся покрыта,
Толпа безъ устали кишитъ.
Тутъ пестрота! Въ глазахъ рябитъ!
Понявы, кички, бисеръ, ленты,
Сережки съ пухомъ, позументы,
Раструбистые кафтаны,
Рубахи, шапки, зипуны,
Доска на шляпѣ съ калачами,
Сѣдой старикъ со связкой лыкъ;
Со шпагой красный воротникъ, —
Все копошится за дѣлами!..
Въ рукахъ-то! Боже мой, товаръ!
Щетина, гребни, веретены,
Индѣйки, перья, холстъ крученый,
Безъ носа желтый самоваръ,
На палкѣ сапоги съ гвоздями,
Тутъ смѣси! Въ лавкахъ напоказъ,
Приманка хитрая для глазъ,
Развѣшенъ ситецъ полосами,
Мотаются тесьма, платки,
Развернутые кушаки
И шали съ яркими цвѣтами.

И каждый цвѣтъ глядитъ живьемъ
Подъ жгучимъ солнечнымъ лучемъ.
За лавками — лотки, лопаты,
Разсохи, улица горшковъ,
Колеса, лыки и ушаты 5
И груды ведеръ и ковшовъ.
Вотъ парень къ чашкамъ понагнулся,
Одну беретъ и обернулся,
Глядитъ, — и чашка передъ нимъ
Сверкаетъ краемъ золотымъ. 10
Стой! Давка!.. Спорятъ съ мужиками
За клячу пѣгую купцы,
И Лазаря поютъ слѣпцы,
Сбирая мѣдными грошами
Дань съ сострадательныхъ зѣвакъ. 15
Ну, мимо! Чернью окруженный,
Подъемлетъ флагъ свой испещренный
Холстомъ обтянутый кабакъ.
За нимъ какой-то шарлатанъ,
Весь въ розовомъ, въ мишурныхъ блесткахъ, 20
Кривляясь бойко на подмосткахъ,
Зоветъ въ свой грязный балаганъ
Толпу веселаго народа
Смотрѣть на рожи обезьянъ
И пляску кукольнаго сброда; 25
А влѣво, на конѣ верхомъ,
Труситъ цыганъ въ рубахѣ красной
И божится: „а лгешь напрасно,
Ему не двадцать лѣтъ, а пять,
Жены, дѣтей мнѣ не видать...“ 30
Веселый говоръ, шумъ торговли,
Визгъ поросятъ и дудокъ пискъ,
И смѣхъ, и пѣсни, брань и крикъ —
Все въ гулъ слилось. Межъ тѣмъ оглобли
Глядятъ на тысячу головъ, 35
Какъ лѣсъ безъ вѣтокъ и листовъ.

Кулакъ на площади съ разсвѣта,

Успѣлъ ужъ выпить, закусить,
Купить два старыхъ пистолета
И съ выгодой кому-то сбыть.
Теперь близъ бабы загорѣлой,
5 Одѣтой въ бѣломъ зипунѣ,
Онъ мечется, какъ угорѣлой,
Упрямо споря о цѣнѣ
За толстый холстъ:
„А ты, молодка,
По сторонамъ-то не смотри,
10 Твой холстъ, къ примѣру, не находка,
Почемъ аршинъ-то? говори!“
— По гривнѣ, я тебѣ сказала,
Вонъ и другія такъ берутъ. —
„Ну, вотъ! куда ты указала!
15 Тамъ по три гроша отдаютъ.“
— И що ты! Аль я одурѣла!
Да мнѣ четыре за аршинъ
Сулилъ какой-то мѣщанинъ,
И то отдать я не хотѣла. —
20 „Онъ какъ собой-то?“
— Рыжеватъ. —
„Ну такъ! Съ карманникомъ связалась!
Эхъ, дура! Ты не догадалась!
Его ужъ потащилъ солдатъ,
Поймалъ...“
И съ бабою онъ спорилъ,
25 Голубушкою называлъ,
Разъ десять къ чорту посылалъ
И напослѣдокъ урезонилъ,
Изъ-подъ полы аршинъ досталъ,
Разъ!.. разъ!.. и смѣрена холстина.
30 „Гляди вотъ — двадцать три аршина.“
— Охъ-ма! Тутъ двадцать семь какъ разъ. —
„Что у тебя иль нѣту глазъ?
Аршинъ казенный! Понимаешь!
Вотъ — на! Не видишь два клейма...“
35 — Да какъ же такъ? —

„Не довѣряешь!“
— Я мѣрила, родной, сама. —
„Тьфу, грѣхъ какой! Вѣдь я сумѣю
Безъ краденой холстины жить,
Глаза чтоль ею мнѣ накрыть,
Такъ я, къ примѣру, крестъ имѣю...“

И онъ подъ мышку положилъ
Покупку. Въ кошелькѣ порылся,
Пяти грошей не доплатилъ
И съ бабой весело простился. 10
„Эй, голова! почемъ пенька?“
Спросилъ онъ громко мужика.
— Чего кричать-то попустому!
Мужикъ съ досадой отвѣчалъ:
Ты, братъ, намедни покупалъ, 15
Сказалъ себѣ, привелъ къ другому,
А тотъ съ двора меня согналъ. —
Кулакъ смолчалъ и отвернулся,
Прищурясь, поглядѣлъ вокругъ!
Пошелъ было въ толпу, — и вдругъ 20
Съ помѣщикомъ въ очкахъ столкнулся.
„Мое почтенье-съ, Климъ Кузьмичъ!
Не купите ли, сударь, бричку?
Отличный сортъ!“
— Ба, ба! Лукичъ!
Ты не забылъ свою привычку? 25
Попрежнему торгуешь всѣмъ? —
„Что дѣлать! Сами посудите,
Я тоже хлѣбъ, къ примѣру, ѣмъ...
А бричка дешева-съ! Купите.“
— Нѣтъ, я на бричку не купецъ... 30
Не попадется ль жеребецъ?
Вотъ не найду нигдѣ, мученье!
А нуженъ къ пристяжнымъ подъ шерсть...
Караковый. —
„Есть, сударь, есть!
Порода — просто удивленье!“ 35

— Онъ не съ порокомъ ли, Лукичъ,
Ты плутъ естественный, я знаю. —
„Нѣтъ-съ, извините, Климъ Кузьмичъ,
Я васъ съ другими не сравняю.
Тутъ случай, сударь. Дворянинъ,
Къ примѣру, въ карты проигрался,
Весь, какъ въ пуху, въ долгахъ. Остался
У бѣдняка рысакъ одинъ.
Ну, конь! Ей Богу, заглядѣнье!
Вотъ недалеко, сударь, домъ,
Коли угодно, завернемъ,
Посмотримъ."
— Сдѣлай одолженье...
А помнишь ли, купилъ ты мнѣ
Собаку какъ-то по веснѣ? —
„Плохенька развѣ?"
— Околѣла.
Не взялъ бы чортъ знаетъ чего! —
„Охотиться не захотѣла,
Поможемъ, сударь... Ничего!
Охъ, тутъ вотъ есть у офицера
Собака... кличку-то забылъ,
Вчера деньщикъ и говорилъ...
Ну и животное, къ примѣру!
Брось въ воду гривенникъ, — найдетъ!
Вотъ вамъ купить-то..."
— Радъ душою.
А для чего жъ онъ продаетъ? —
„Что дѣлать станете съ нуждою!
Наслѣдство дядя обѣщалъ,
А при смерти не завѣщалъ,
Ѣсть нечего... Семья большая..."
— А, вотъ что! — Баринъ отвѣчалъ
И, гибкой тросточкой играя,
Поглядывалъ по сторонамъ
И напѣвалъ: тири-тарамъ.

V.

„Я говорилъ вамъ, недалеко.“
Кулакъ помѣщику сказалъ.
И съ мезониномъ домъ высокой
Ему аршиномъ указалъ.
„Вонъ кучеръ... Рыжая бородка! 5
Конюшни что ли не видалъ?
Поди сюда!.. Заковылялъ...
Эхъ, ты, утиная походка!
Что баринъ дѣлаетъ?“
— Пьетъ чай. —
„Потише ротъ-то разѣвай... 10
Пьетъ чай! Не кучеръ ты, дубина!
Вишь лѣнь и шляпу приподнять,
Гвоздемъ прибита!..“
— Можемъ снять... —
„Ну то-то можемъ... Эхъ дѣтина!
Поди намъ покажи пока 15
Продажнаго-то рысака.
Вишь ковыляетъ... вотъ потѣха!
А знаете ли, Климъ Кузьмичъ,
(Лукаво продолжалъ Лукичъ)
Сноровка дѣлу не помѣха, 20
Ему на водку надо дать;
Вѣдь и дуракъ подчасъ годится,
Я знаю, онъ не постыдится
При сдѣлкѣ барину сказать,
Что нашъ де конь намъ не подходитъ, 25
И кормъ де въ прокъ ему нейдетъ...
Ей Богу-съ! Этотъ хамскій родъ
Господъ частенько за носъ водитъ.“
— Все смыслишь, баринъ отвѣчалъ,
И кулаку полтинникъ далъ. 30
Старикъ смолчалъ и торопливо
Пошелъ въ конюшню, кнутъ схватилъ,
Въ карманъ полтинникъ опустилъ

И молвилъ кучеру: „ну, живо!“
— Да что, статья не подойдетъ:
Съ запаломъ конь-то, зареветъ. —
„Ты не крути, держи умнѣе...
А ну-ка, дорогой рысакъ,
Держись дружокъ! Вотъ такъ! Вотъ такъ!
Тсс... прр..! на дворъ его скорѣе!“

И бѣдный конь черезъ порогъ
Вдругъ сдѣлалъ бѣшеный скачекъ,
Глазами дико покосился
И началъ землю рыть ногой.
Лукичъ назадъ посторонился:
Вишь, дескать, бойкой сталъ какой!
Помѣщикъ подошелъ. Рукою
Коня по шеѣ потрепалъ,
И съ лоскомъ — гривою густою
Полюбовался, холку взялъ,
Поправилъ на бокъ. Осторожно
Ощупалъ ноги, мышки, грудь
И молвилъ: надобно взглянуть
На зубы. — Оченно возможно. —
Плечистый кучеръ отвѣчалъ
И зубы рысаку разжалъ.
„Э, конь-то молодой... три года,
Лишь сталъ окраины ронять.
А ну, нельзя ли пробѣжать?..
Стой! Стой! Да, недурна порода!“
— А бѣгъ-то? Кладъ, а не рысакъ! —
Лукичъ промолвилъ: право, такъ.
Да вотъ идетъ и самъ хозяинъ.
Мое почтенье-съ... —
„Погоди!
Твое почтенье впереди...“
Замѣтилъ коренастый баринъ,
Въ халатѣ съ трубкою въ зубахъ,
Въ сафьянныхъ желтыхъ сапогахъ.
И, шаркнувъ лѣвою ногою,

Два пальца Клима Кузьмича
Пожалъ онъ жилистой рукою
И забасилъ: „рублю съ плеча,
Безъ церемоній докладаю:
Скобѣевъ, здѣшній старожилъ, 5
Въ Комиссіи подъ лямкой былъ,
Теперь въ отставкѣ прозябаю,
А вы, почтеннѣйшій?..“
— Лукинъ,
Помѣщикъ. —
„Стало — дворянинъ,
Имѣете и родовое?“ 10
— Да, было... есть, да небольшое. —
„Служили гдѣ-нибудь?“
— Въ полку. —
„Не захотѣли?“
— Надоѣло. —
„Ну, въ штатскую! съ перомъ за дѣло!
Въ тепло! А въ тепломъ уголку 15
И благодать васъ не забудетъ...“
— Да лѣнь беретъ и нѣтъ нужды. —
„Ха, ха, люблю! А если будетъ?“
— Ну, по неволѣ за труды. —
„Какъ водится. Пока свобода... 20
Не правда ли?“
— Покуда такъ.
А дорогъ ли у васъ рысакъ? —
„Четыреста... Одна порода
Дороже стоитъ.“
— Можетъ быть.
Нельзя ли сотню уступить? — 25
„Я не торгашъ, предупреждаю...
Четыреста давно даютъ,
Придти хотѣли и — придутъ...“
Все вретъ, Лукичъ подумалъ, знаю...
И молвилъ: „я и приводилъ.“ 30
Молчать! — Скобѣевъ перебилъ.
„Я не обидѣлъ васъ словами,

Какъ знаете: я сторона...
Не дорогая, молъ, цѣна,
Я вотъ что...“
И Лукичъ руками
Развелъ съ досады: вишь, хитритъ...
Меня-то чѣмъ онъ наградитъ?
Я разомъ кончу... и украдкой
Сзади помѣщику сказалъ:
— Скобѣевъ пятится, сплошалъ! —
Лукинъ стоялъ въ недоумѣньи,
Поглядывалъ на рысака, —
Картина-конь! — на кулака, —
Кулакъ былъ въ страшномъ нетерпѣньи:
Усами шевелилъ, мигалъ,
Къ карману руки прикладалъ...
Не прозѣвай, молъ, что ты смотришь?
Покаешься, да не воротишь!
Мнѣ что! я не желаю зла...
И сдѣлка кончена была.

„Покупку спрыснемъ? Надо, надо!
Скобѣевъ весело басилъ:
Да, да! Ахъ, чортъ возьми! Досада!..
Жена на ярмаркѣ... забылъ!
Ключи-то увезла съ собою...“
Вонъ подъ окномъ она сидитъ,
Кулакъ подумалъ: экой жидъ!
— Извольте деньги. Пусть за мною
Ведутъ коня... —
„Да какъ же быть,
И не хотите покурить?“
— Благодарю васъ. Нѣтъ желанья.. —
„Ну, извините. До свиданья.“
Лукинъ къ воротамъ повернулъ
И кулаку рукой махнулъ.
„Цѣлковый за труды... Довольно?“
— Довольно-съ... —
„А Скобѣевъ скотъ!

Онъ, кажется, свиньей живетъ!“
— Свиньею-съ... То-то вотъ и больно:
На карты прочитъ. —
„Гмм... Когда жъ
Ты о собакѣ знать мнѣ дашь?“
— Порою часъ въ торговлѣ дорогъ... 5
Пойдемте, сударь. Я готовъ. —
„Теперь я занятъ...“
— Мы съ двухъ словъ!.. —
„Нельзя. До завтра. Срокъ не дологъ...
Прощай покуда до утра.“

— Ну, слава Богу! съ плечъ гора! 10
Кулакъ подумалъ: развязался!..
Вотъ покупатель-то попался!
Вѣдь съ виду смотритъ молодцомъ,
Очками, тростью щеголяетъ,
И на спинѣ колпакъ съ махромъ, 15
Чортъ знаетъ для чего, таскаетъ;
А хорошенько разберешь, —
Выходитъ такъ себѣ... какъ глина,
Что хочешь изъ нея сомнешь.
Эхъ, плачетъ по тебѣ дубина! 20
Добру сумѣла бъ научить,
Да некому дубиной бить...
Ни то дуракъ... развѣсилъ уши
И слушаетъ, де вѣритъ чуши:
Вотъ тутъ, молъ, баринъ оплошалъ, 25
Продулся въ карты, задолжалъ...
Какъ разъ! Ему и проиграться!
Да онъ удавится за грошъ!..

— Эй, старый хрѣнъ! Кого ты ждешь?
Пора въ свояси убираться. — 30
Съ крыльца Скобѣевъ забасилъ.
Кулакъ за козырекъ хватился,
Картузъ подъ мышку положилъ,
И молвилъ: „ну, сударь, трудился!...

Весь лобъ въ поту."
— Утрись возьми. —
„Утремся баринъ. Я дѣтьми
За вашу клячу-то божился,
Не грѣхъ за хлопоты мнѣ дать."
— Я бъ безъ тебя сумѣлъ продать:
Взялъ съ одного, ну, знай и мѣру...
А много заплатилъ Лукинъ? —
„Съ него возьмешь!.. Хоть бы алтынъ!..
Такая выжига, къ примѣру."
— А врешь! —
„Не времъ безъ барыша:
И въ насъ, сударь, не паръ, — душа."
— Ха, ха, душа! Оно и видно...
Я бъ далъ, — нѣтъ мелочи въ дому. —
„Да не шутите, сударь, стыдно!.."
— Молчать! не то я ротъ зажму! —
„Благодаримъ! не вы ли сами
Просили вашу клячу сбыть?"
— Вѣдь далъ Лукинъ! ты съ барышами;
Ну, и довольнымъ надо быть. —
„Хоть рубль-то дайте..."
— Чести много!...
Пожалуй, на — вотъ четвертакъ. —
„Себѣ возьмите, коли такъ.
Эхъ, баринъ, не боишься Бога!"
— Я говорилъ тебѣ, молчать! —
„Потише, можно испугать...
Онъ четвертакъ, къ примѣру, вынулъ...
Вишь умникъ дурака нашелъ!..."
И свой картузъ Лукичъ надвинулъ,
Съ досады плюнулъ — и ушелъ.

Прохлада. Часъ зари вечерней!
Въ туманѣ прячутся деревни,
И все темнѣй, темнѣй въ дали.
За пашнями изъ подъ земли
Выходитъ пламя полосами

И начинаетъ тутъ и тамъ
Краснѣть по темнымъ облакамъ,
По синевѣ надъ облаками;
И смотришь—неба сторона
Виситъ — въ огнѣ потоплена. 5
Здѣсь просо, дремля, зеленѣетъ,
А тамъ — вонъ, на краю небесъ,
Насупился сердитый лѣсъ,
Едва примѣтный, онъ синѣетъ,
Вотъ — словно туча приплыла 10
И въ полѣ ночевать легла.
Соха на пашнѣ опочила.
Дорога ровная мертва...
Вдругъ — началъ перепелъ: вва, вва! —
И замолчалъ. 15

Но пыль покрыла
Весь городъ. Съ ярмарки народъ
Вдоль улицъ весело снуетъ.
Стучатъ пролетки. За шарманкой
Мальчишки съ хохотомъ бѣгутъ,
Дразня жида. Слѣпцы идутъ; 20
У нихъ и споръ и перебранка.
Шумитъ толпа у кабака
Подъ бойкій топотъ трепака.
Вотъ звуки пѣсни пронеслися,
Все громче, громче... У воротъ 25
Кухарки, кучера сошлися
И сплетничаютъ про господъ.
Тамъ пѣгой жеребенокъ ржетъ,
За нимъ мужикъ бѣжитъ съ арканомъ...
Въ домахъ блеснули огоньки... 30
Вотъ стукъ сторожевой доски
Послышался, и ночь туманомъ
Притихшій городъ залила
И свѣчи на небѣ зажгла...

Кулакъ въ свой домикъ возвращался. 35
Онъ шелъ одинъ, безъ картуза,

Прищуривъ мутные глаза,
И сильно въ стороны шатался,
И вслухъ несвязно бормоталъ:
А вамъ-то что?... Вы что́ такое!...
5 Вишь, умники!... Ну, погулялъ!
Вѣдь на свое!... не на чужое!...
Что, Климъ Кузьмичъ, каковъ рысакъ?
Съ запаломъ?... Ну, впередъ наука!
На то, къ примѣру, въ морѣ щука,
10 Чтобъ не дремалъ карась... Да такъ!
Ты вѣрилъ на слово... И ладно!
Выходитъ дѣло, ты и глупъ!
А мнѣ-то что... Мнѣ не накладно.
Мнѣ благо, что купецъ не скупъ.
15 Э... а собаку-то, пріятель?...
Молчишь... Сердитъ за рысака...
Да! ты теперь не покупатель,
И не нуждаюся пока!
Да гдѣ я?... Что за чертовщина!
20 Постой-ка, осмотрюсь кругомъ...
Я помню, отъ угла мой домъ
Четвертый... Экая причина!
Дай сосчитаю... вотъ одинъ,
Другой и третій... больше нѣту...
25 Тутъ пустошь и какой-то тынъ...
Да какъ же раньше пустошь эту
Я здѣсь ни разу не видалъ?
А! Понимаю... догадался!
Я въ улицу не ту попалъ,
30 Выходитъ дѣло, заплутался...

Добравшись до дому съ трудомъ,
Лукичъ на лавку опустился,
И крупной бранью разразился,
Объ столъ ударя кулакомъ:
35 — Стой! Смирно! Эй, Арина!
Постель готовь мнѣ на полу...
Ты, дочка, что стоишь въ углу?

Картина, стало, а? Картина?...
Ты, значитъ, дочь! Должна разуть!
Вотъ-такъ... не рви! ослабь маленько,
А сапоги-то не забудь
Помазать саломъ хорошенько. — 5

VI.

Веселый день сіялъ давно,
Когда Лукичъ отъ мухъ проснулся,
Зѣвнулъ, лѣниво потянулся
И настежь отворилъ окно.
Старушка, стоя передъ печкой, 10
Рубила свеклу острой сѣчкой
Въ корытцѣ. Желтый самоваръ,
Подъ потолокъ пуская паръ,
При свѣтѣ солнца красовался
Передъ окномъ среди стола 15
И, грѣя чайникъ, потѣшался:
То, какъ рабочая пчела,
Жужжалъ, минуты не смолкая,
То, будто жукъ, гудѣлъ баскомъ
Сердито. Чашки вытирая, 20
Сидѣла Саша за столомъ.
Старикъ припоминалъ неясно,
Что бунтовалъ вчера напрасно,
Водою освѣжилъ лицо
И плюнулъ: „экое винцо! 25
Тошнитъ! Вчера я поздно
Пришелъ?“
— Да! — молвила жена.
„А смирно легъ?“
— Такой-то грозной!
Шумѣлъ, шумѣлъ... подай вина!
Тутъ Саша на глаза попалась... 30
Бѣда! наслушалась всего...
Спасибо въ садъ она прокралась,

Не то... —
„Не помню ничего...
Молитесь съ Сашею-то Богу:
Къ намъ сваха, можетъ-быть, придетъ.“
— Опять на старую дорогу!
5 Ты видишь, дѣвка слезы льетъ,
И-ихъ, старикъ! —
„И-ихъ, старуха!
Не забывается сосѣдъ...
Вѣдь я сказалъ, къ примѣру, нѣтъ!
Ну, — плеть не перебьетъ обуха,
10 И кончено!“
— Они давно
Другъ другу нравятся... —
„Вѣстимо!
Ты съ дочкой-то своей родимой
На всѣ проказы за одно.“
— Неправда, Саша отвѣчала:
15 И нѣтъ, и не было проказъ:
Въ тюрьмѣ росла-то, да отъ васъ
То въ садъ съ постели убѣгала,
То забиралась на чердакъ,
Вотъ вся и радость! —
„Такъ-то такъ...
20 Выходитъ — узелъ не развязанъ —
Кто уступить кому обязанъ.
Ты умница, отецъ дуракъ,
За то, что кормитъ...“
Дочь молчала
И плакала.
— Твой чай простылъ,
25 Старушка дочери сказала:
Пей, Сашенька! —
„Ей чай не милъ.
Сгубилъ сосѣдъ твою голубку,
Поплачь и ты: оно подъ стать.“
И не спѣша набилъ онъ трубку,
30 Потомъ огонь сталъ высѣкать.

— Посмѣйтесь, весело покуда!
Сквозь слезы говорила дочь:
„Когда я вырвуся отсюда?
Не жизнь тутъ, каторга, точь-въ-точь!
Взяла бы вотъ глаза закрыла, 5
Да смерть то горькую забыла. —
„Гмм... гдѣ это табакъ лежалъ?
Отецъ спокойно отвѣчалъ:
Сырой какой-то...“ — Я не знаю. —
„Слышь, — дочкѣ-то не до того, — 10
Подай хоть ты, старуха, чаю,
Жиденекъ, ну, да ничего.“
— И-ихъ, старикъ! Побойся Бога!
Сосѣдъ не пьяница, не мотъ,
Работникъ, и семьи немного, 15
А въ церковь-то когда придетъ...
И вдругъ старушка потерялась,
Какъ будто грома испугалась.
„Что тамъ?“ промолвилъ мужъ.
— Ну, такъ!
Я нынѣ въ церковь-то сходила, 20
А просфору и позабыла
Съѣсть передъ чаемъ, натощакъ... —
„Тьфу ты, къ примѣру! Ну Арина,
Я думалъ... просто вонъ изъ рукъ...“
— Зачѣмъ плюешь-то, старичина? — 25
„Не видишь! Духъ нейдетъ въ чубукъ...
Стой! Кто-то въ ворота стучится...
Ужъ не жидовка ли опять
Сюда съ бѣлилами тащится,
Вотъ я ей!...“ 30
— Перестань кричать!
Пусти, я выгляну въ окошко,
Не сваха ли твоя, Лукичъ...
Ой, сваха! Некому опричь!
Прибрать бы горенку немножко,
Бѣда... Все валится изъ рукъ. 35
Старикъ! надѣнь скорѣй сюртукъ...

И горя нѣтъ, стоитъ, ни съ мѣста! —
„Ну, струсила! Вотъ пусть невѣста
Уйдетъ на время... это такъ;
А я не попаду впросакъ.“

VII.

Дверь заскрыпѣла, отворилась,
И гостья, кашляя, вошла,
Святымъ иконамъ помолилась
И чуть не въ поясъ отдала
Поклонъ хозяину съ хозяйкой.
На гостьѣ былъ нарядъ простой:
Покрытый синею китайкой,
Шушунъ: кокошникъ золотой,
Подарокъ бабушки богатой,
Да сарафанъ, съ кого-то взятый
За сватанье. Широкій носъ
Украшенъ острою горбиной,
Взглядъ смѣтливый и ястребиный,
На красныхъ вѣкахъ капли слезъ:
(Старушка головой страдала
И вѣчно клѣтчатымъ платкомъ
Глаза больные протирала).
„Челомъ вамъ, золотые, бьемъ!
Здоровы ли, мои родные?
Ну, жаръ! На-си-илу доплелась!
Да пыль отъ вѣтра поднялась,
Изму-училася, золотые!“
— Садись-ка, матушка, садись!
Сказалъ Лукичъ: вотъ чашку чаю... —
„Давай, родной: уста спеклись;
Шестой десятокъ доживаю,
Насилу бродишь... ну и жа-аръ!...“
— Долей, Арина, самоваръ,
Привѣтимъ гостью дорогую
Чѣмъ Богъ послалъ. —

„И-и, родной!
Привѣть хоть ласкою одной,
Да потрудись на рѣчь простую
Мнѣ, глупой бабѣ, отвѣчать.“
— Изволь! Послушаемъ, въ чемъ дѣло. — 5
„Кажись, вамъ времячко приспѣло
Живой товаръ свой съ рукъ сбывать...
Есть у меня купецъ, не знаю,
Хорошъ ли будетъ онъ для васъ...“
— А, понимаю, понимаю, 10
Товаръ, къ примѣру, есть у насъ,
Да кто купецъ-то? —
„Таракановъ...“
Такъ! отъ него-то я и ждалъ!
Лукичъ подумалъ и смолчалъ.
„Пенькой торгуетъ въ балаганахъ, 15
Мукою, батюшка, овсомъ,
Имѣетъ, знаешь ты, свой домъ...
А ужъ, красавецъ... И бровями,
И свѣтло-русыми кудрями,
Всѣмъ взялъ, хоть въ рамку, золотой!“ 20
— Намъ красотой не любоваться,
А былъ бы съ умной головой,
Умѣлъ бы дѣломъ заниматься —
Вотъ это лучше красоты! —
„Охъ, батюшка, ума палата! 25
А домъ-атъ, поглядѣлъ бы ты,
Ужъ нечего, не наша хата...
Пять комнатъ, батюшка, просторъ!
На окнахъ, сударь мой, гардины,
Въ простѣнкахъ разныя картины, 30
А дворъ-то, что это за дворъ!
Кругомъ дубовые амбары,
И лѣсъ старинный, прочный лѣсъ!
Въ одномъ углу большой навѣсъ,
Въ амбарахъ всякіе товары, 35
Что, золотой, и говорить,
Добра возами не свозить!“

— Ну, тутъ прикрасы не у мѣста,
Ты о приданомъ рѣчь веди.—
„Рѣчь о приданомъ впереди:
Для жениха нужна невѣста.
5 Ее онъ видѣлъ гдѣ-то разъ,
Да на-вотъ! Кругомъ закружился!
И хлѣба, золотой, лишился,
И ночью не смыкаетъ глазъ,
Все ею грезитъ. Да и мнѣ-то
10 Совсѣмъ покою не даетъ:
Тутъ мочи нѣтъ, а онъ придетъ,
Все умоляетъ: какъ бы это
Сходила ты къ невѣстѣ въ домъ
Поговорить съ ея отцомъ."
15 — Ну, да однако, что же надо? —
„Такъ что-нибудь, хоть для обряда:
Четыре головныхъ платка,
Ну-съ, три — четыре перстенька,
На шею жемчугу три нитки,
20 (Да, золотой мой, безъ поднизки)
Салопъ на бѣличьемъ мѣху,
Сукна на чуйку жениху,
Три шали, восемь платьевъ новыхъ,
Кровать, комодъ и самоваръ,
25 Ну-съ... чайныхъ чашекъ пять-шесть паръ
И денегъ, сударь, сто цѣлковыхъ."
— Выходитъ дѣло, не взыщи!
Съ приданымъ эдакимъ, гдѣ знаешь,
Иную дѣвушку ищи. —
30 „И, золотой, ты обижаешь!
Дай намъ невѣсту поглядѣть,
А тамъ рѣшенье женихово,
Онъ можетъ свой разсчетъ имѣть...
А то вошла, сказалъ — „здорово",
35 Присѣла — и отказъ готовъ."
— Ну да! Вотъ эта рѣчь умнѣе...
Не постоимъ изъ пустяковъ.
Смотрушки завтра. Попозднѣе

Прошу покорно вечеркомъ
Пожаловать къ намъ съ женихомъ. —
„Всенепремѣнно. Ваши гости...
Повѣришь ли, что я скажу,
Состарились мои всѣ кости, 5
Лѣтъ тридцать свахою хожу
И счетъ-то свадьбамъ потеряла
А и досе-елѣ, мой родной,
Всѣ, для кого я хлопотала,
Осталися довольны мной... 10
Кому какой таланъ отъ Бога!
Зато куда вѣдь ни прійдешь,
И ласку и хлѣбъ-соль найдешь...
Однимъ нехорошо немного:
Иные выжиги за трудъ 15
По уговору не даютъ.
Ну, имъ и достается горько!
Начнешь по городу звонить,
То тѣмъ, то сѣмъ ихъ обносить,
И свадьба врозь... Да мнѣ-то только 20
Отъ нихъ проклятыхъ барыша.“
— Охъ, свашенька, моя душа,
Хозяйка, сморщившись, сказала:
Не грѣхъ отъ эдакихъ затѣй? —
„И, нѣтъ, родная! Я слыхала: 25
(Старшой мой сынъ-атъ грамотѣй,
Надъ Библіей и засыпаетъ!)
За око — око! Вотъ вѣдь что!
Коли тебя обидѣлъ кто,
Не кланяйся, не подобаетъ!“ 30
— Вишь, мать моя! Ну, мой старикъ
На рынкѣ, знаешь, все хлопочетъ,
Вонъ святцы есть, — читать не хочетъ,
Я къ дѣлу, говоритъ, привыкъ,
Отъ книгъ намъ прибыли немного. 35
Такое горе! Отъ того
И я не знаю ничего,
И согрѣшаю противъ Бога;

Порою случай припадетъ
Что сдѣлать доброе, — боюся:
А ну-ка, молъ, я ошибуся,
И это къ худу поведетъ...
5 Вотъ тутъ ума и не приставишь,
Подумаешь, да все оставишь.

Лукичъ любилъ потолковать,
И у него вплоть до обѣда
Со свахой длилася бесѣда:
10 Дочь надо замужъ выдавать
Умно, дескать: смотри тутъ въ оба,
Тутъ думу думай, не шутя:
Не шашка кровное дитя,
Дашь промахъ разъ — бѣда до гроба.
15 Но сваха не была плоха.
Да, да! разсказывай, молъ, сказки,
И не жалѣла яркой краски,
Рисуя бойко жениха.

VIII.

Рѣчь свахи даромъ не пропала:
20 Ей дочь хозяйская внимала,
Въ сѣняхъ за дверью притаясь,
Едва дыша, не шевелясь.
Подслушивать — дурное дѣло,
Все это пошло, устарѣло,
25 Наружу вызвано давно,
Разъ тысячу повторено.
Но пошлость, видно, плодовита,
Не вырвешь съ корнемъ, все растетъ,
Приноситъ тайно и открыто
30 Налитый ядомъ горькій плодъ,
Бича насмѣшки не боится,
Ты шагъ впередъ — она у ногъ,
И гадиною шевелится.

Зачѣмъ? Откуда? Видитъ Богъ!
Тутъ Саша не подозрѣвала
Дурного ровно ничего —
Къ двери ли ухо прикладала,
Иль сплетничала про кого. 5
Кому, какое было дѣло
Ей съ малолѣтства докучать:
Вотъ это чёрно, это бѣло...
И для чего! ну, что за стать!
Сидѣть за варежкой, шить платье, 10
Да понимать въ стряпнѣ разсчетъ —
Вотъ были важныя занятья,
Предметъ родительскихъ заботъ.
— Рости, дитя, на волю Божью! —
Созрѣетъ дикій кустъ травы, 15
Посмотришь — и холодной дрожью
Охватитъ съ ногъ до головы...

Ну что ты, бѣдное созданье,
Въ сѣняхъ украдкою стоишь?
Твой домъ — тюрьма, житье — страданье, 20
Сама безъ умолку твердишь:
Женихъ хорошъ, живетъ исправно,
Ты будешь вдоволь ѣсть и спать,
Сидѣть въ теплѣ, ходить нарядно...
За что же сваху проклинать? 25
Сосѣда любишь, горе мучитъ,
Отецъ упрямъ, отецъ разлучитъ,
Тоска въ груди гнѣздо совьетъ,
Съ ума безсонница сведетъ...

Не оскорбляй святыни сердца! 30
Любовь свята: не оскорбляй!
Въ лицѣ весна, душа младенца,
Въ крови огонь, во взглядѣ рай.
Она идетъ и небомъ вѣетъ,
Нечистый помыслъ прочь бѣжитъ, 35
Сырой тюрьмы окно свѣтлѣетъ,

Среди зимы тепло стоитъ,
Въ груди въ минуты сладкой муки
Живой воды ключи кипятъ,
И свѣтъ и тѣнь, цвѣты и звуки
5 Понятно сердцу говорятъ.
Нѣтъ, смыслъ иной въ твоей печали,
Инымъ ты вѣчно занята,
И въ міръ любви тебѣ едва ли
Отворитъ время ворота.

10 Вотъ жениха-то отыскала,
За дверью Саша горевала:
Ну, сваха! Онъ, дескать, богачъ!..
Вотъ и молчи тутъ, и не плачь...
Уродъ какой-нибудь, да скряга,
15 Ѣсть лукъ да тюрю по постамъ...
А! Таракановъ!.. Тьфу, ты, срамъ!
И видно дрянь! Сосѣдъ бѣдняга
Хоть изъ себя-то молодецъ...
У батюшки своя, вишь, думка.
20 А дочь, молъ, что!.. Дороже рюмка...
Все называется отецъ.

И полъ скрыпучій проклиная,
На цыпочкахъ переступая,
Она прокралась по сѣнямъ
25 Къ крыльцу, съ крыльца на дворъ,
а тамъ
Въ зеленый садъ.
Въ саду прохлада
И глушь. Кусты поразрослись,
Поспутались, переплелись;
Непроницаемой оградой
30 Нависла надо рвомъ сирень,
Кидая на дорожки тѣнь.
Какъ снѣгомъ, бѣлыми цвѣтами
Усыпанъ вишенникъ густой.
Тутъ яблоня; тамъ подъ плетнями

Бурьянъ, покрытый воробьями,—
Тропинка межъ травы густой,
Вонъ стволъ березы серебрится,
Она пряма и высока,
Отъ вѣтра шапка шевелится, 5
И вдаль протянута рука.
Въ травѣ кузнечикамъ забота—
Звенятъ, безъ устали куютъ,
Богъ вѣсть, желѣзо гдѣ берутъ;
Тутъ по цвѣтамъ у пчелъ работа, 10
Тамъ, смотришь, дятелъ прилетитъ,
Объ иву носомъ застучитъ.

Но вотъ и Саша. Торопливо
Къ плетню сосѣдскому идетъ,
Сама рукой нетерпѣливой 15
То сломитъ вѣтвь, то отведетъ.
Упрямы вѣтви! не пускаютъ,
За платье, за плечи хватаютъ
И бьютъ, чуть вслухъ не говорятъ:
—Куда! куда! ступай назадъ! 20
Изъ-за чего заторопилась?—
Плетень все ближе. Онъ увитъ
Весь хмелемъ. Саша наклонилась
И хмель раздвинула; глядитъ:
Дворъ пустъ и только посрединѣ 25
Блеститъ стекло на желтой глинѣ...
Одна насѣдка подъ крыльцомъ
Усердно дѣломъ занималась,
Въ сору съ цыплятами копалась,
Да хрюкалъ боровъ подъ плетнемъ... 30
Знать, дожидать сосѣда надо. —
Она подумала съ досадой
И опустилась на траву;
Глядѣла долго на листву,
Вокругъ ромашку обрывала 35
И напослѣдокъ задремала.

IX

Кулакъ на рынкѣ. Тихъ весь домъ,
Отъ мухъ накрытая платкомъ,
Старушка крѣпко почиваетъ,
И котъ съ ней рядомъ на полу,
Одна пчела не умолкаетъ,
Скользя по гладкому стеклу.
Тоскуетъ Саша—ей не спится:
Сосѣда нѣтъ, пока не ждать,
Работать,—праздникъ, не годится;
Въ окно прохожихъ наблюдать,—
Оно пріятно и не трудно,
Да не теперь: кругомъ безлюдно.
Одинъ исходъ помочь тоскѣ—
Пройтиться за водой къ рѣкѣ.

Прогулка скучная, конечно,
Когда въ водѣ и нужды нѣтъ,
Но надоѣстъ и дома вѣчно
Глядѣть въ окно на бѣлый свѣтъ.
У бѣдной дѣвушки-мѣщанки
Не веселъ праздничный денекъ.
Порою зимней, у лежанки,
Смотря на яркій огонекъ,
Она на картахъ погадаетъ,
Сѣмянъ подсолнечныхъ возьметъ,
Пошелушитъ,—и день смеркаетъ,
Обычный ужинъ настаетъ.
Но время лѣтомъ страшно длится!
Подруги въ гости къ ней нейдутъ,
Заснуть приляжетъ—ей не спится,
То жаръ, то мухи не даютъ,
Идетъ бѣдняжка за водою,
Подругу встрѣтитъ на пути,
Ну, какъ тутъ рѣчи не найти!
Знакомый лавочникъ порою

Отвѣситъ поясной поклонъ,—
И день отрадно проведенъ.

Полдневный воздухъ жаромъ пышетъ,
На небѣ нѣтъ ни облачка,
Съ открытой грудью спитъ—не дышетъ 5
Въ постели свѣтлая рѣка;
На берегу бѣлѣетъ камень,
Онъ бѣлъ, какъ снѣгъ, горячъ, какъ пламень;
За бѣлымъ камнемъ грачъ сидитъ,
Крыло повисло, клювъ раскрытъ. 10
Подъ пылью, пестрою толпою,
Идутъ коровы къ водопою,
Усталый, щелкая кнутомъ,
Пастухъ тащится босикомъ.
Приладивъ пузыри подъ мышки, 15
Шумя, купаются мальчишки,
И брызги въ сторону летятъ,
Отъ солнца искрами горятъ;
А вѣрно мать ихъ, въ юбкѣ красной,
Оттерла самоваръ пескомъ 20
И смотритъ: вонъ, дескать, какъ ясно,
Блеститъ, какъ золотцо, кругомъ!...

Вотъ камень. Саша отдохнула.
Все нѣтъ подругъ! И тутъ тоска,
Песокъ, мальчишки да рѣка... 25
Воды студеной почерпнула
И оглянулася: ну, вотъ!
Откуда онъ? Сосѣдъ идетъ.

Сосѣдъ-столяръ высокъ и строенъ,
Не очень смуглъ, не слишкомъ бѣлъ, 30
Веселый взглядъ его спокоенъ
И простодушно-твердъ и смѣлъ;
Опрятенъ казакинъ изъ нанки,

Рубашка красная чиста,
Не въ тяготу ему рубанки
И не въ кручину бѣднота.

„А! за водою приходила?
Ну, что отецъ?... Бѣда прошла?
Обрадуй!.. Вѣрно упросила...“
— Я три часа тебя ждала...—
„Въ саду?.. Да тутъ старикъ скончался,
За мной прислали чуть лишь свѣтъ...
Жена голоситъ: гроба нѣтъ!
Я приготовить обѣщался,
И посидѣлъ тамъ. Жаль до слезъ!
Спасибо, есть готовый тесъ...
Такъ, стало, туча миновала?...“
— Ну, да!—И Саша разсказала
О свахѣ.
„Вѣсть не хороша
Неужто все, моя душа,
Пропало?“
— Батюшко-то воленъ,
Не переспоришь. Онъ сказалъ,
Чтобъ ты двора его не зналъ...—
„Вотъ человѣкъ. Упрямствомъ боленъ!
Вѣдь за тобою у него
Не требую я ничего...
Я бѣденъ? Этого боится?
Такъ мой верстакъ не залежится,
Пока не высохнетъ рука,
Я не останусь безъ куска...
Проси его!... Авось уступитъ...“
— Да какъ просить-то? Чѣмъ помочь?...
„Какъ Бога умоляй! Ты дочь...
Другой на рынкѣ онъ не купитъ...
Ты знаешь, я не говорунъ,
Божиться—не божусь: не лгунъ,
А будешь ты моей женою,—
Не то что за тебя въ нужду,

Или на трудъ ночной порою
Я прямо въ полымя пойду!“

У Саши щеки запылали
Богъ знаетъ, глубоко ль запали,
Ей въ душу рѣчи бѣдняка; 5
Или, какъ говоръ вѣтерка,
По соннымъ листьямъ пробѣжали,
И снова листья сонъ объялъ,
Какъ скоро вѣтеръ замолчалъ.
Она стыдливо отвернулась, 10
Слезу отерла, улыбнулась,
И отвѣчала, что умретъ,
А за другого не пойдетъ.

X.

Смеркалось. Съ трубкой закуренной
И разгорѣвшимся лицомъ, 15
Упрямствомъ Саши разсерженный,
Кулакъ сидѣлъ передъ окномъ,
И думалъ думу. Дочь металась
Въ постели, вся въ жару, въ тоскѣ;
Старушка, съ рюмкою въ рукѣ, 20
Къ больной тревожно наклонялась
И говорила: „Перестань!
Ну, полно охать-то! привстань!
Вотъ уксусъ. Дай-ка, я немного
Тебѣ затылокъ помочу.“ 25
— Не приставайте, ради Бога! —
Дочь отвѣчала: не хочу! —
„Вотъ закоснѣлое упрямство!
Сказалъ отецъ: нѣтъ силъ терпѣть!
Иль встать? и я найду лѣкарство — 30
Ременную, витую плеть.“
— Богъ съ вами! Я вамъ надоѣла...
Вамъ Таракановъ дорогъ...

„Да!
Вонъ мѣтитъ дѣвка-то куда,
Не такъ, къ примѣру, заболѣла!
Ты постыдилась бы людей!
Или отецъ-атъ твой злодѣй?
5 Иль я со зла тебя морочу?
Ну, для кого я хлопочу,
Кому свое добро-то прочу?...
Да что тутъ!... Лучше замолчу.“
Нѣтъ, съ бабами не сладишь скоро,
10 Съ досадою онъ разсуждалъ:
Какъ на пожарѣ я кричалъ,
Поди, вѣдь, не окончилъ спора;
За косы взяться? Визгъ пойдетъ,
И жаль! Постой я знаю средство,
15 Оно вреда не принесетъ,
Эхъ-ма! достался мнѣ въ наслѣдство
Отъ батюшки таланъ худой!
Промолвилъ онъ, махнувъ рукой:
И самъ-то радости не видѣлъ,
20 И дочери, знать, въ горѣ жить...
Ну, Саша! послѣ не тужить!
Не говорить: „старикъ обидѣлъ.“
Ты умница, ну такъ-и-такъ
Выходитъ дѣло — я дуракъ.
25 Не буду спорить, Богъ съ тобою!
А вспомнишь всѣ мои слова,
Когда пойдешь ходить съ сумою,
Разумная ты голова.“
— Пожалуй, дѣлайте догадки...
30 Мнѣ къ бѣдности не привыкать. —
„Такъ! Будешь шить, вязать перчатки..!
А мужъ начнетъ пилить, стругать,
Тамъ явятся, глядишь, дѣтишки,
И дѣвочки, и ребятишки,
35 И повалится въ домъ казна!
Живи, какъ въ маслѣ сыръ катайся!
Капустой, мисой толокна

Въ семьѣ, какъ хочешь, подѣляйся.
Одёжа и въ разсчетъ нейдетъ:
Она къ вамъ съ неба упадетъ."
— Вамъ только!... смѣйтесь надо мною...
Вотъ участь-то! Въ углу родномъ 5
Живу постылой сиротою!
Не скажутъ слова мнѣ добромъ!
Молитву-то читать учили,
Не такъ читала,—розгой били!...
Я отъ чужого не таюсь, 10
Съ отцомъ поговорить боюсь,
Я приласкаться къ вамъ не смѣю..—
„Какъ быть-то! я не виноватъ,
Что нравомъ крутъ... я самъ не радъ.
Вѣдь я люблю тебя, жалѣю.. 15
Мнѣ развѣ хочется кричать!
Тутъ, кажется, ослу понятно,
Ну что жъ, къ примѣру, мнѣ пріятно
За нищаго тебя отдать?
У столяра одна избенка, 20
Казны ни гроша; мать—бабенка
Сварливая, всегда ворчитъ,
Ей и святой не угодитъ,
А Таракановъ—смѣтливъ, ловокъ,
Богатъ, торговый человѣкъ; 25
Онъ надаритъ тебѣ обновокъ
До свадьбы-то на цѣлый вѣкъ!
Теперь коня, вишь покупаетъ,
Для молодой, дескать, жены,
Не тронь,—катается, гуляетъ... 30
Не знаешь людямъ-то цѣны,
Да вздоришь... Вотъ она причина!"
„Ахъ, Саша!" молвила Арина:
„Не спорь, дружочекъ, съ старикомъ,
Я принуждать—не принуждаю, 35
Да по себѣ сужу, и знаю.
Какъ тошно жить за бѣднякомъ...
И ослушаться грѣхъ и стыдно;

Я дочерью сама была
И по приказу замужъ шла,
Такъ, стало, надо...“
„Нынѣ, видно,
Родителямъ-то старикамъ
Почетъ, какъ старымъ сапогамъ...“
Старушка снова продолжала:
„Послушайся, моя душа!
У насъ ты рукъ не покладала,—
Женихъ богатъ, ты хороша,
Ты будешь куколкой рядиться,
Въ саняхъ и дрожкахъ разъѣзжать,
Въ домахъ богатыхъ веселиться,
Гостей почетныхъ принимать...
Ты насъ порадуешь подъ старость,
Ты наша дочка, наша кровь!
Надежда ты моя и радость,
Послушайся, не прекословь!...“
И Сашу крѣпко обнимала
Старушка добрая. Она
Была теперь убѣждена,
Что дѣвушка не понимала,
Какъ мало ждетъ ее добра
Подъ бѣдной кровлей столяра.
„Идите сами на смотрушки,
Не покажусь я никому.“
Дочь отвѣчала: „я съ подушки
Вотъ головы не подыму.“
И Саша охала, крѣпилась,
Больной до полночи была,
Потомъ старушку обняла,
Заплакала—и согласилась.
„Давно бы такъ!“ сказалъ отецъ:
„Вотъ и не спорю, и конецъ!“

XI.

Мерцаютъ звѣзды. Городъ сонный
Какъ будто вымеръ, такъ онъ тихъ.
Сквозь сумракъ камни мостовыхъ
Бѣлѣютъ смутно. Мѣсяцъ полный
Плыветъ. Онъ волю далъ лучамъ: 5
По крышамъ лазятъ, по стѣнамъ,
Одинъ въ окно слезу подмѣтитъ,
Другой, какъ хитрый чародѣй,
Въ тюрьму проникнетъ безъ ключей
И цѣпь колодника освѣтитъ, 10
Неслышно церковь навѣститъ,
Окладъ иконъ посеребритъ,
Не зная страха и запрета,
Войдетъ въ алтарь, осмотритъ полъ
И скорбный ликъ Владыки свѣта, 15
И дерзко ляжетъ на престолъ.
Иль въ чащу сада проберется,
По темной зелени блеснетъ,
Росинку на листѣ найдетъ,
Росинка искрою зажжется, 20
А городъ спитъ себѣ, да спитъ...
Порой по улицѣ широкой
Пройдется сторожъ, постучитъ;
Идетъ онъ молча, одиноко,
А тѣнь сзади на мостовой 25
Махаетъ, какъ и онъ, рукой.
Иль царской службой занесенный
Въ урочный часъ подъ небеса,
Спросонокъ, инвалидъ смиренный
Протретъ на каланчѣ глаза, 30
И съ разстановкой отъ бездѣлья
Посвищетъ въ дудку... Вонъ окно
Вдали огнемъ освѣщено.
Кто тамъ не спитъ?... Разгулъ веселья,
Любовь ли, горе, иль порокъ,— 35
То знаетъ ночь одна, да Богъ.

И ты, столяръ, въ своей постели
Не успокоился доселѣ!
Лежитъ онъ подлѣ верстака,
Отдѣлкой гроба утомленный;
5 Подушка — локоть обнаженный,
Подъ локтемъ — жесткая доска,
Печально смотритъ мастерская;
Смолистый запахъ изливая,
Бѣлѣютъ стружки на полу,
10 Сосновый гробъ стоитъ въ углу,
Топоръ въ березовый отрубокъ
Воткнулся носомъ; на стѣнѣ
Чернѣетъ старый полушубокъ,
Пила блистаетъ при огнѣ.
15 Подъ образами, на скамейкѣ
Въ потертой желтой душегрѣйкѣ
Сидитъ дородная вдова,
Семьи сварливая глава,
И молча карты раскладаетъ,
20 Про сынинъ бракъ она гадаетъ;
Но сбивчивъ глупый ихъ отвѣтъ:
То выйдетъ — да, то выйдетъ — нѣтъ.
Вотъ, напримѣръ: печаль, дорога,
Постель больная, интересъ...
25 Да тутъ и навыкъ не помога,
Богъ знаетъ, просто — темный лѣсъ.
Межъ тѣмъ съ гремушкою въ рученкѣ,
До вечера проспавшій днемъ,
Въ штанишкахъ, синей рубашенкѣ,
30 По стружкамъ скачетъ босикомъ
Ея сынишка краснощекой
И православныхъ избъ жилецъ,
Извѣстный на Руси пѣвецъ,
Сверчокъ, стрекочетъ одиноко
35 Подъ печью.
„Вотъ, сказала мать:
Вотъ, пиковый король... постылый!
Онъ твой злодѣй, мой Вася милый!

Посмотришь, свадьбѣ не бывать,
Ни, ни!.. я прежде это знала:
Намедни, помнится, во снѣ
Жемчугъ да бисеръ я низала.—
И доведется плакать мнѣ." 5

Сынъ улыбнулся беззаботно
Провелъ рукой по волосамъ
И промолчалъ. Не вѣря снамъ,
Онъ вѣрилъ Сашѣ безотчетно.
Конечно, вѣра все для насъ: 10
Въ ней золъ святое примиренье,
Да разувѣришься подчасъ!
Порой разумное творенье,
Бываетъ такъ измельчено,
Испачкано, искажено, 15
Что, право, надобно полвѣка
Его съ любовью изучать
Затѣмъ, чтобъ душу человѣка
Подъ этой грязью отыскать.
Столяръ избѣгъ подобной встрѣчи: 20
Онъ росъ въ нуждѣ, пилилъ, стругалъ,
Не человѣка наблюдалъ.
Но помнилъ онъ отцовы рѣчи
И выросъ съ вѣрою въ добро:
„Вотъ видишь это серебро," 25
Ему отецъ, бывало, скажетъ
И въ головѣ своей сѣдой
На кудри жесткія покажетъ:
„Отъ нуждъ и горя, мой родной,
Все это нажито до срока; 30
Да коли честно ты живешь,
И нѣтъ на совѣсти упрека,
Все хорошо! И свѣтъ хорошъ,
И будетъ ласковъ людъ съ тобою;
Коли обидитъ—промолчи, 35
Не гнѣвайся! Не будь судьею!
Ты пуще вотъ себя учи..."

Не такъ-себѣ, для наставленья,
Твердилъ о совѣсти старикъ,
То не были и строки книгъ,
Плоды избитаго ученья:
Живою книгой самъ онъ былъ,
Изъ жизни слово выносилъ.
Зародышъ книга уронила,
Смерть навсегда ее закрыла,
И въ ящикѣ она лежитъ,
Надъ нею крестъ святой стоитъ.
Но сынъ окрѣпъ. Съ нуждою злою,
Какъ умный мужъ съ дурной женою,
Безъ шума ладить онъ умѣлъ,
Безъ щей оставитъ,—все терпѣлъ.
Не тутъ ты выросъ, дубъ тѣнистый!
Могучей силѣ, какъ твоя,
Просторъ бы нуженъ, воздухъ чистый,
Не эта крыша и семья;
И не съ твоей душой и мочью,
О Сашѣ думать темной ночью,
Да глушь кругомъ, да въ сердцѣ жаръ...
Эхъ, бѣдный, бѣдный мой столяръ!

„Мнѣ тó досадно, мать сказала,
Что Кулаку я уважала!
Давно ль жена его у насъ
Брала утюгъ, дескать, на часъ,—
Три дня держала,—я ни слова!..
Я подѣлиться, молъ, готова
Съ сосѣдомъ. Сальную свѣчу
Взаемъ на красной горкѣ взяли
И до сихъ поръ не отдавали...
Ништó... покуда помолчу,
А если насъ онъ одурачитъ,
Я за себя не поручусь,
Ни, ни! я такъ съ нимъ расплачусь,
Что любо!“

— Это ссора, значитъ,

Отвѣтилъ сынъ: изъ-за чего?..
Безъ шума дѣло обойдется.—
„Какъ свистнешь, такъ и отзовется...
Я не боюся никого,
Мнѣ этакъ дорогъ твой Кулакъ 5
Что вонъ немытая тряпица...
Ну, Саша, точно, не въ него,
Скромна, работать мастерица,
Умомъ-то... правда, ничего.
Ахъ, Вася! я и не спросила: 10
За гробъ-атъ много ли ты взялъ?“
— Да такъ-себѣ... Не въ этомъ сила,
Покойника-то я вѣдь зналъ.
Чудакъ! Онъ жилъ въ своемъ домишкѣ,
Такъ—въ старой мазанкѣ. Ходилъ 15
Зимой и лѣтомъ въ халатишкѣ,
Щегловъ, чижей, синицъ ловилъ.
Бывало, раннею зарею
Въ лѣсъ проберется съ западнею,
Да съ сѣтью,—холодъ нипочемъ! 20
Разставитъ сѣть, а съ птицей клѣтку,
Повѣситъ, знаешь ты, на вѣтку,
И насторóжѣ за кустомъ
Дрожитъ въ снѣгу... Одну заботу,
Покуда кончился, имѣлъ: 25
Охъ-ма! не въ пору заболѣлъ!
Теперь—вотъ въ лѣсъ бы... на охоту...
Кончаться сталъ, какъ закричитъ:
Жена! пусти на волю дѣтокъ!
— Какихъ тамъ дѣтокъ?—говоритъ. 30
— Моихъ-то вонъ, моихъ... изъ клѣтокъ!—
„Какихъ на свѣтѣ нѣтъ людей!
И твой отецъ чудилъ не мало:
Да скоро бросилъ. Все, бывало,
Шестомъ гоняетъ голубей. 35
Тѣ, знаешь, съ крыши встрепенутся,
Куда! подъ облака взовьются...
Ему-то радость. Вверхъ глядитъ,

А самъ свиститъ, а самъ свиститъ!“
—Охота не укоръ. Намъ стыдно
Тревожить кости старика...
Слышь, Ваня, хочешь молока?—
5 „Нѣтъ, братецъ...“
— Покормили, видно.
Ну, хорошо. Сюда поди;
Игрушку брось. Пора молиться.
Смотри же, братъ, не торопиться,
Ты крестъ, какъ надобно, клади —
10 И вотъ дитя перекрестилось;
Огонь головку освѣтилъ;
Мать позади остановилась,
Столяръ молитву говорилъ:

Прости, Господи,
15 Меня грѣшнаго
И весь міръ прости!
Вразуми меня
Своей мудростью,
Научи меня
20 Всему доброму,
Помяни мою
Мать-кормилицу;
Помоги въ нуждѣ
Брату бѣдному,
25 И родителю,
Рабу Пимону
Мѣсто свѣтлое
И покойное
Уготовь. Аминь.

30 — Ну, вотъ спасибо! Братъ сказалъ,
И на руки ребенка взялъ.
Со мною ляжешь спать? —
„Съ тобою“
— А съ матушкою? —
„Не хочу!“

И крѣпко розовой щекою
Припалъ онъ къ братнину плечу.

XII.

Смотрушки искони — забота;
Хозяйки съ трепетомъ ихъ ждутъ:
Чуть не весь день кипитъ работа, 5
Метутъ, и моютъ, и скребутъ,
Едва блеснувшій лучъ разсвѣта
Засталъ Арину на ногахъ;
Она была совсѣмъ одѣта
И грѣла воду въ чугунахъ. 10
Старушка ставней не открыла
И въ горенкѣ, какъ тѣнь, ходила,
Тревожить шумомъ не хотя
Всю ночь не спавшее дитя.
Вотъ утро. Саша не гуляетъ. 15
Нѣмой тоской подавлена,
И молчалива и блѣдна,
Она посуду вытираетъ.
Сборъ разныхъ чашекъ, пузырьковъ,
Графины, рюмки и бутыли 20
Изъ царства темноты и пыли
Пришли омыться отъ грѣховъ.
Звенятъ они, другъ дружкѣ вторятъ:
Ну, что, молъ, если невзначай
Изъ рукъ да на полъ насъ уронятъ?.. 25
И шкапъ, и мы на вѣкъ прощай!
Теперь поламъ пора мученья:
Водой облитые кругомъ,
Они выходятъ изъ терпѣнья,
Скрыпятъ подъ краснымъ кирпичомъ. 30
А подъ окномъ, на вѣткахъ ивы
И крикъ, и споръ нетерпѣливый
У любопытныхъ воробьевъ.
— Смотрите, молъ, мытье половъ,

Возня, тревога... дѣло худо!
И котъ вонъ тутъ! Скорѣй отсюда!—
И птицы дружно поднялись,
И вдаль въ испугѣ понеслись.

5 Лукичъ былъ тоже озабоченъ:
Всталъ рано, чуть не на зарѣ,
Замѣтилъ что заборъ не проченъ,
Двѣ щепки поднялъ на дворѣ
И отдалъ въ кухню на топливо, —
10 Хозяйствомъ грѣхъ пренебрегать.
Онъ зналъ, что надо терпѣливо
И неусыпно собирать
Добро домашнее. Бывало,
Когда домой идетъ не пьянъ,
15 Что подъ ноги ему попало —
Подкова, гвоздикъ,—все въ карманъ.
Прошелся по саду отъ скуки,
На яблонѣ червей сыскалъ
И, снявъ ихъ, про себя сказалъ:
20 „Ахъ, вы, анаѳемскія штуки,
Не давитесь чужимъ добромъ!..“
И, наконецъ, покинулъ домъ.
На перекресткѣ помолился
На церковь. Нищей поклонился,
25 Откуда, чья она, спросилъ
И грошъ ей въ чашку положилъ
Не по любви и состраданью,
Онъ просто вѣрилъ, что Господь
За подаяніе святое
30 Ему сторицею пошлетъ, —
Желанье, кажется, благое
И неубыточный разсчетъ.
Купилъ на площади торговой
Осенней шерсти два мѣшка
35 У горемыки-мужика;
О всходѣ ржи и гречи новой
Потолковалъ съ нимъ напередъ

И крѣпко побранилъ господъ:
„Народъ, молъ, да! работай втрое,
Изъ жилъ тянись, имъ все не въ честь!...“
Мужикъ былъ тронутъ за живое,
Заговорилъ, забылъ про шерсть: 5
Вотъ то, дескать, и то... и въ праздникъ...
„Такъ! трудъ чужой кладутъ въ бумажникъ,“
Лукичъ, нахмурясь, отвѣчалъ
И, вѣся шерсть, на рубль укралъ.
Домой пришелъ съ двумя узлами; 10
Тамъ были булки съ кренделями,
Орѣхи, сладкіе стручки,
Изюмъ и Сашѣ башмаки.
„Вотъ, Саша, на... Ты поскромнѣе
При женихѣ себя веди, 15
Что спросятъ, отвѣчай умнѣе,
Болваномъ, значитъ, не сиди.“

Смотрушки начаты. Огнями
Вся горенка освѣщена.
Гостей толпа, подъ образами 20
Румяный, съ русыми кудрями,
Сидитъ женихъ. Оживлена
Бесѣда. Женщины толкуютъ,
Что оплошалъ гостиный рядъ,
Товары завалью глядятъ, 25
Купцы безсовѣстно плутуютъ,
На шаляхъ мало пестроты,
На ситцахъ блѣдные цвѣты.
Двѣ-три старушки вспоминаютъ
О сарафанахъ съ галуномъ, 30
О серьгахъ съ крупнымъ жемчугомъ,
И прихоть моды обвиняютъ.
Хозяинъ судитъ съ женихомъ
О разныхъ отрасляхъ торговли,
О недостаткѣ рыбной ловли 35
Въ ихъ городѣ и сознаетъ,
Что Таракановъ рѣчь ведетъ

Разумно. Скромная невѣста
Два раза поднималась съ мѣста
Гостей сластями обносить
И свой нарядъ перемѣнить.
Женихъ и мать его съ роднею
Переглянулись межъ собою,
Пора молъ? и пошли на дворъ
Надъ Сашею свой приговоръ
Произнести. „Ну, что, Арина,
Отвѣть, женихъ-то молодчина?“
Шепталъ Лукичъ: чай торгъ идетъ,
Пусть Саша въ кухнѣ подождетъ.“
Но вотъ, съ гостями сваха входитъ,
Поклонъ, другой — и рѣчь заводитъ.
„Ну, батюшка, товаръ хорошъ!
Купца похвалишь ли, не знаемъ.“
— Ты честь товару отдаешь, —
И мы купца не обижаемъ,
Разсчетъ въ приданомъ. —
„И — родной!
Не просимъ лишняго.“
— Постой!
Твой разговоръ, къ примѣру, красенъ..
Ты слушай вотъ что: я согласенъ
Салопъ и все... а жемчугу
И денегъ дать я не могу... —
Безъ жемчуга дойдетъ до дома...
Онъ думалъ: трудно безъ заема.
„Нѣтъ нѣтъ! копеечки одной
Мы не уступимъ, золотой!“
— А я и нитки не прибавлю... —
И закипѣлъ упрямый споръ.
„Пустѣйшій, значитъ, разговоръ;“
Сказалъ женихъ: „я все поправлю.
Дочь ваша, смѣю доложить,
Не то что, да-съ!... Ей-ей, безъ лести!
Извольте насъ благословить,
Коли я нравлюсь ихней чести...

А деньги—пыль-съ...“
— Выходитъ рокъ...
Жена! утирку и платокъ!—

Старушка, плача, суетилась,
Невѣста снова появилась,
Подносъ у матери взяла 5
И жениху, съ боязнью тайной,
На немъ подарокъ обручальной,
Глаза потупивъ, подала.
Женихъ утерся имъ легонько,
Невѣстѣ, молча, возвратилъ. 10
Утерлась и она.
„Ну, только,—
Теперь Господь васъ съединилъ,“
Съ поклономъ сваха имъ сказала
И поцѣлуемъ приказала
Обрядъ закончить, рядомъ сѣсть, 15
И полюбовно рѣчи весть.

Подруги Саши не лѣнились,
Пришли на зовъ и въ тишинѣ
Гостямъ, краснѣя, поклонились,
Краснѣя, сѣли въ сторонѣ 20
И пѣли пѣсни, не смолкали,
Пока слезами не согнали
Румянца яркаго со щекъ...
И скажутъ — слезы не порокъ!

Бесѣда весело кипѣла. 25
Женихъ невѣсту цѣловалъ.
Вино лилось. Лукичъ плясалъ.
Его жена помолодѣла:
Покачивая головой,
Она въ ладони ударяла 30
И мѣрно топала ногой.
Невѣста молча разсуждала,
Что Таракановъ очень милъ;

Учтивъ и молодъ, и съ кудрями,
Въ атласномъ галстухѣ, съ часами.
„Вы танцы любите?“ — спросилъ
Ее женихъ.
— Да-а! Танцую.
А вы? —
„Да какъ бы вамъ сказать,
Ногами вензеля писать
Мнѣ некогда-съ. Вѣдь я торгую.“
— Курите вы? —
„Ни Боже мой!
И не къ чему-съ. Расходъ пустой.“
— Зимой катаетесь? —
„Бываетъ;
На сырной... Это ничего-съ;
Вотъ жалко, вздорожалъ овесъ,
Конь, знаете, не понимаетъ,
Что жерновъ, мелетъ Божій даръ.“
— Скажите! —
„Да-съ! Вотъ самоваръ
Въ семействѣ нуженъ. Не скрываю:
Съ ребячества привыкъ я къ чаю,
Сначала просто пью, потомъ
Употребляю съ молокомъ,
Есть, знаете, своя корова...
Вы вяжете чулки?“
— Вяжу,
И шью, и бисеромъ нижу. —
„Позвольте! Это нездорово,
О бисерѣ я говорю,
Низать нехорошо для зрѣнья.“
— Я кошелекъ вамъ подарю... —
„Своей работы?“
— Безъ сомнѣнья. —
„Чувствительно благодарю.“
Усердной пляской утомленный,
Кулакъ забился въ уголъ темный
И, щурясь, бормоталъ сквозь сонъ:

„Не надо! Убирайтесь вонъ!..“
— Прощайте, батенька, прощайте! —
Женихъ съ улыбкой отвѣчалъ
И руку Лукичу пожалъ.
„Ты что за птица?“ 5
— Угадайте! —
„Изволь, братъ. Пособи мнѣ встать...
Кто ты?“
— Вашъ нареченный зять. —
„Подай свѣчу... Вотъ такъ... не знаю,
Столяръ что ль? Нѣтъ, онъ не таковъ...“
— Я Таракановъ, Глѣбъ Петровъ. — 10
„А! вспомнилъ, вспомнилъ, понимаю...
Ну, поцѣлуй меня... вотъ такъ!..
А я ей Богу не дуракъ,
И Саша вотъ... дитя родное...
Мнѣ, значитъ, жаль... Продумалъ ночь... 15
И столяры, и все такое...
А ты вѣдь можешь мнѣ помочь?...
На совѣсть, честно поторгую!
И ты, выходитъ, чуть сплутую...“
Женихъ давно за дверью былъ, 20
Но все свое Лукичъ твердилъ.

XIII.

Бѣлѣетъ утро. Надъ домами
Дымъ коромыслами встаетъ.
Съ всклокоченными волосами
Выходитъ дворникъ изъ воротъ. 25
Зѣвая, чешетъ грудь, затылокъ
И лѣзетъ ставни открывать.
Бѣжитъ бѣгомъ съ ключомъ на рынокъ
Мальчишка-лавочникъ, а мать
Въ окно кричитъ ему спросонокъ: 30
— Не ѣшь ты дыни, пострѣленокъ,

Побереги ты свой животъ. —
Плетется нищій стороною,
На костыляхъ, съ пустой сумою;
А вотъ семинаристъ идетъ:
Ротъ калачомъ набитъ, подъ мышкой
Тетрадь съ изорванною книжкой.
— Постой, кутейникъ, погоди! —
Голоситъ баба позади,
Таща баранину сырую:
Вотъ я-те, я-те поворую,
Я дамъ тебѣ, какъ лазить въ садъ! —
Торговка, трубочистъ, солдатъ,
Купецъ, корысти недоступный,
Маляръ, чиновникъ неподкупный,
Снуютъ, встрѣчаются, спѣшатъ.
Пойдетъ обычная работа!
Иной и не успѣлъ уснуть!
Всю ночь промучила забота
Получше ближняго надуть.

Столяръ сидитъ съ нѣмой тоскою
Поникъ кудрявой головою,
И не поетъ его пила:
Кручина руки отняла.
Шубенкой матери покрытый,
Его братишка, какъ убитый,
Лицомъ къ стѣнѣ на лавкѣ спитъ,
И неразлучная игрушка,
Его любимая гремушка,
У ногъ забытая лежитъ.
Дверь настежь — и вдова вбѣжала,
Съ усильемъ духъ перевела,
Руками бойко развела
И крикнула: „не угадала!
Нѣтъ, карты, батюшка, не лгутъ...
Вотъ твой Лукичъ-то! Вотъ онъ, плутъ!
О-охъ, родимые, устала!
Дай сяду... Охъ! Терпѣнья нѣтъ!

Отдѣлали! Хорошъ сосѣдъ!“
— Нельзя ли, матушка, безъ шуму?
Не весело и безъ того.—
„Ну, славно, славно! ничего!
Сиди вотъ сиднемъ, думай думу, 5
А Сашка-то исподтишка
Вонъ подцѣпила женишка...
Сейчасъ съ нимъ у воротъ прощалась,
Ужъ цѣловалась, цѣловалась...
Ну, ну! Безстыжіе глаза! 10
Да что вѣдь: на меня взглянула
И головою не кивнула,
А! каково! не чудеса!...“
— Да ладно! Мнѣ-то что за дѣло?—
„Благодарю! благодарю! 15
Ну, извини, что надоѣла
И не у мѣста говорю.
Нѣтъ дѣла! Думаешь не штука...
Съ тобою матери-то мука:
Дѣвчонкой, дурой проведенъ! 20
Понравилась! околдовала!
Вишь роза! Гдѣ и разцвѣтала!“
И мать съ досады вышла вонъ...

Ей нужды было очень мало,
Что сынъ невѣсту потерялъ, 25
Да самолюбіе страдало:
Сосѣдъ, бѣднякъ—и отказалъ!
Обидно—главная причина.
И оскорбленная вдова
Сердилась на себя, на сына, 30
На цѣлый свѣтъ. Она едва
Кота полѣномъ не убила
За то, что въ кухнѣ захватила
Его надъ чашкою съ водой;
Котъ замяукалъ, какъ шальной, 35
Шарахнулся на дворъ, оттуда
Въ садъ Лукича и тамъ пропалъ.

Вражды сосѣдственной покуда
Несчастный котъ не понималъ.

Услышавъ вечеромъ случайно
У Лукича напѣвъ печальной,
Столяръ провелъ безъ сна всю ночь.
Кого винить? Отца иль дочь?
Въ догадкахъ темныхъ онъ терялся...
Сидѣлъ, ходилъ по мастерской,
Бродилъ и по двору порой,
Въ постелю жесткую кидался
И вскакивалъ, или на мигъ
Безъ нужды зажигалъ ночникъ.
Неужто Саша не любила?...
Женихъ богатъ... ее просила,
Быть-можетъ, на колѣняхъ мать—
И дочь не смѣла отказать;
Отцу, быть-можетъ, покорилась:
Старикъ проклятьемъ угрожалъ,
Не разъ прибилъ, съ двора сгонялъ...
Но истина теперь открылась:
Онъ мелькомъ видѣлъ изъ окна—
Его сосѣдка не грустна.
— Такъ вотъ какъ ты меня любила,
Шутила шутки надо мной,
Отца упрямаго винила!
А я и вѣрилъ всей душой!...
Эхъ, Саша, Саша!...—
И тоскливо
Глядѣлъ онъ на широкій дворъ,
Поросшій жгучею крапивой,
На кровли, на чужой заборъ,
И смутно передъ нимъ мелькали
Его прожитыя лѣта:
Перенесенныя печали,
Съизмала трудъ и нищета,
О домѣ, о семьѣ забота,
О Сашѣ думы по ночамъ,

Бесѣды съ ней по вечерамъ;
Отца тяжелая работа
За верстакомъ по смертный часъ,
И при смерти его наказъ—
Жить мирно, честно, помнить Бога... 5
Вся обыденная тревога,
Все, что давно ужъ пронеслось,
Закопошилось, поднялось,
Клещами за сердце схватило...
И свѣтъ туманомъ позакрыло... 10
Столяръ промолвилъ· „экой вздоръ!“
И кулакомъ глаза утеръ.
И со двора пошелъ безъ цѣли.
Погода ясная была.
Дулъ вѣтерокъ. Колокола 15
Неумолкаемо гудѣли:
То церковь-мать дѣтей звала...
Столяръ на церковь помолился,
Подумалъ, твердою ногой
Переступилъ порогъ святой 20
И у столба остановился.
Народу нѣтъ. Окладъ иконъ
Лучами солнца освѣщенъ.
Нѣмые лики смотрятъ строго,
Свѣчей затеплено немного; 25
Подъ сводомъ сумерки лежатъ,
Двѣ люстры на цѣпяхъ блестятъ;
Сѣдой священникъ у престола,
Молясь, чело склонилъ до пола,
Поютъ о Богѣ голоса... 30
Но видятъ столяра глаза
Одно: съ простертыми руками,
Прибитый острыми гвоздями,
Нагой, съ поникшею главой,
Колючимъ терномъ увитой, 35
Недвижный, кровью истекая,
Весь правда и любовь святая,
Посланникъ Божій, въ высотѣ,

Къ Отцу отходитъ на крестѣ.
Бѣднякъ весь вздрогнулъ, страха полный,
Какъ затихающія волны,
Смолкала въ немъ души печаль,
Міръ уходилъ куда-то въ даль,
Огонь охватывалъ все тѣло,
И вдругъ на крестъ онъ взглянулъ смѣло,
Забылъ сосѣдку, мать и домъ —
И слезы хлынули ручьемъ.

XIV.

Со дня помолвки измѣнился
Невѣсты скромный уголокъ:
Въ немъ съ утра до ночи тѣснился
Веселыхъ дѣвушекъ кружокъ.
Ихъ занимало на досугѣ
Шитье приданаго подругѣ,
Мелькнувшій мимо пѣшеходъ,
Подъ вечеръ пѣсни у воротъ,
Порою сновъ истолкованье,
Чужая жизнь — бѣда и грѣхъ,
Въ саду горѣлки и гулянье,
Но больше смѣхъ, невинный смѣхъ!
Такъ онъ однажды разразился,
Когда, измоченный дождемъ,
Въ лохмотьяхъ грязныхъ подъ окномъ
Калѣка-нищій появился
И милостыни попросилъ
Разбитымъ голосомъ. Случалось,
И вечеринка собиралась, —
Вотъ тутъ-то тратилось бѣлилъ,
Румянъ, и мыла, и помады!
Тутъ было въ домѣ хлопотни,
Веселыхъ шутокъ, бѣготни,
Невольной зависти, досады!
Но трудъ не даромъ пропадалъ

Съ иными гость потанцовалъ
И, продавая рукавицы,
Толкуя утромъ съ мужикомъ,
Воображалъ другія лица
И думалъ вовсе о другомъ. 5
„Зѣвай, зѣвай!.. Смотри порядкомъ!
А нынче гдѣ ты ночевалъ?“
Кричалъ хозяинъ за прилавкомъ.
— Чего-съ? На сѣновалѣ спалъ. —
Двѣ скрыпки, въ домѣ освѣщенье, 10
Конфекты, стукъ отъ каблуковъ,
Учтивый говоръ молодцовъ:
„На счетъ того-съ... мое почтенье...
Вы роза, да-съ! Ей-ей, Богъ святъ!“
Вотъ вечеринка. — Виноватъ: 15
Порой веселые зѣваки
Сквозь стекла съ улицы глядятъ,
Хохочутъ и гостей бранятъ,
Межъ тѣмъ сосѣднія собаки
Бѣгутъ въ тревогѣ къ воротамъ 20
И поднимаютъ страшный гамъ.

Быть можетъ, Саша и грустила
О столярѣ въ иные дни,
Но, къ счастью, минули они,
Она разумно разсудила, 25
Что глупо о пустомъ жалѣть;
Немудрено и заболѣть.
И крѣпко на себя сердилась
За то, что встрѣтиться стыдилась
Съ сосѣдомъ. Что, дескать, мнѣ онъ? 30
И стыдъ былъ скоро подавленъ.
Она обновки примѣряла,
Или по городу гуляла
Съ подругами и женихомъ.
Однажды сумасшедшихъ домъ — 35
Большое каменное зданье —
Къ себѣ привлекъ ея вниманье.

„Огромный домъ-съ“, сказалъ женихъ:
„Войдемте, взглянемъ на больныхъ,
Оно пріятно, ради скуки.“
И Саша съ робостью вошла,
Но долго быть тамъ не могла:
— Смѣшно, молъ, очень. Что за штуки! —
Твердила дѣвушка потомъ:
— Кто связанъ этакъ вотъ ремнемъ,
Кто на цѣпи, иные ходятъ,
Да чушь-то, чушь-то какъ городятъ! —
„Нѣтъ-съ“, Таракановъ отвѣчалъ:
„Я сумасшедшаго знавалъ,
Тотъ все угадывалъ отлично...
Бывало, дичь несетъ, несетъ,
Подчасъ и слушать неприлично,
Да вдругъ такой намекъ ввернетъ,
Что просто... да-съ! ей-ей! чудесно!
Даръ, значитъ,—все ему извѣстно.“

Бѣда! раздумывалъ Кулакъ:
Вотъ остается четвертакъ,
Да грошъ... Заемъ не удается.
Ну, если свадьба разойдется?
Родится жъ этакой народъ, —
И подъ залогъ никто не вѣритъ!
Изъ-за чего онъ только лжетъ,
Идетъ на подлость, лицемѣритъ?...
Сказалъ бы прямо: деньги есть,
Не про твою, къ примѣру, честь.
Такъ нѣтъ! И щедрымъ притворится,
И на слово не поскупится:
— Помочь я радъ, дескать, душой...—
Проводитъ за носъ день-другой,
Помучитъ болтовней, разспросомъ:
На что, молъ?... и отправитъ съ носомъ:
Свои-де нужды, извини.
Вотъ богачи-то! Вотъ они!
Чортъ знаетъ... или попытаться

Пойти къ Скобѣеву?.. Вѣдь жидъ,
Просить не стоитъ... и сердитъ.
Мнѣ, правда, что!—равно шататься,
Уважитъ — ладно, поклонюсь,
Толкнетъ — по-свойски разочтусь.“ 5
И черезъ часъ, проситель скромной,
Онъ у Скобѣева въ пріемной
Съ лакеемъ-мальчикомъ шепталъ:
„Что, дома баринъ?“
— Тсс... еще не всталъ.—
„А скоро, думаешь, проснется?“ 10
— Вотъ-вотъ... не кашляй!—
„Отчего?“
— У насъ за это достается.—
„Такъ! Этотъ завтракъ для него?“
— Да, колбасу ѣстъ передъ чаемъ.—
„Всегда?“ 15
— Случается, балыкъ
И ветчину. Вишь такъ привыкъ;
Здорово, стало.—
„Понимаемъ.
Ну, а жена его смирна?“
— Ништо. Да какъ-то все больна,
Тоскуетъ, книжки все читаетъ, 20
Поетъ, да грустно таково,
А баринъ этимъ попрекаетъ. —
„Дѣтишки есть?“
— Ни одного.—
„А вонъ въ гостиной чья дѣвица?“
— Да самъ-атъ говоритъ—сестрица, 25
А дворня говоритъ... ой-ой!..
Проснулся, братъ! потише стой!—
Пока Скобѣевъ всталъ, умылся,
За колбасою посидѣлъ,
Сигару выкурилъ, обрился 30
И кончилъ чай,—Кулакъ глядѣлъ
На кресла, зеркала, картины,
На свѣтлый, выкрашенный полъ,

На складки бѣлой парусины,
Одѣвшей люстру, и на столъ
Съ часами въ бронзовой отдѣлкѣ,
И думалъ: вишь понакупилъ!
Выходитъ, былъ въ своей тарелкѣ,
Когда въ комиссіи служилъ.

„А, грубіянъ! зачѣмъ явился?“
Входя, Скобѣевъ забасилъ
И на диванѣ развалился...
„Эй, Васька! Трубку! Ну, зачѣмъ?“
— Что, сударь, обнищалъ совсѣмъ.
Просваталъ дочь, нужна помога,
Цѣлковыхъ этакъ сто взаемъ;
Я заложилъ бы вамъ свой домъ,
Не откажите, ради Бога!—
„Просваталъ дочь.., а что она
Молоденькая, недурна?“
И плотный баринъ улыбнулся,
Прищурился и потянулся.
— Вы все изволите шутить;
Тутъ горе, смѣю доложить.—
„Да врешь! когда вашъ братъ горюетъ?
Привыкъ къ бездѣлью, пьетъ вино,
Да ѣстъ и спитъ, или плутуетъ,
И только. Знаю васъ давно.“
— Всѣ люди грѣшные, конечно...
Я заплачу вамъ черезъ годъ,
Проценты вычтите впередъ...
Ей-ей, васъ не забуду вѣчно!—
„Процентовъ на сто двадцать пять...“
— Да это, сударь, разоренье!—
„Ха, ха! я думалъ одолженье.
Шучу, дуракъ. Я рукъ марать
Не стану.“
— То-есть просятъ мало?—
„Ну, да! и проситъ-то кулакъ.“
— Смекаемъ, сударь... низко стало...

Одѣтъ, къ примѣру, я не такъ;
Не то—вы крикнули бъ, я знаю,
Эй, Васька, принеси имъ чаю!—
„А хочется?“ — Три раза пилъ,
Въ четвертый васъ я бъ угостилъ, 5
Да не пойдете: горды больно. —
„Дуракъ!.. Пошелъ!..“
— Пойдемъ. —
„Довольно,
Ступай же!..“
— Выйду, говорю...
За рысака-то вамъ дарю, 10
Раздайте нищимъ... —
„Это видишь?“
— Чубукъ хорошъ. —
„Ну, скоро выйдешь?..“
— Съ двумя концами... —
„Такъ держись!“
— Семенъ Ивановичъ пришли-съ! —
Сказалъ лакей. 15
„Проси, чертенокъ!
Нашелъ докладывать о комъ,
Негодный!.. Одурѣлъ спросонокъ!“
И баринъ стукнулъ каблукомъ,
Вскочилъ съ дивана, трубку кинулъ,
Дверь кабинета отворилъ, 20
Къ столу два кресла пододвинулъ,
Усѣлся съ гостемъ и спросилъ:
„Вы изъ комиссіи?“
— Оттуда. —
„Ну что, идетъ ли нашъ подрядъ?“
— Да, подвигается покуда, 25
Подмазать надо, говорятъ... —
„А, знаю... очень, молъ, пріятно...
На вещи цѣну-то того...
Вы понимаете?“
— Понятно. —
„Да не опасно ль?“ 30

— Ничего! —
„А по бумагамъ безусловно
Въ подрядѣ вы: я подъ судомъ.“
— Какъ ваше дѣло въ уголовной? —
5 „Все, слава Богу, подъ сукномъ.
Жаль нѣтъ войны: подряды мелки,
Отъ мира мало намъ добра...“
— Нельзя сказать... —
„Все вздоръ, бездѣлки!
Нѣтъ, батюшка, не та пора.“

10 Кулакъ не очень торопился:
Тутъ разговоръ. Онъ соблазнился:
Его забыли. Кабинетъ
Едва припертъ, лакея нѣтъ...
Чего же лучше? Слушать можно,
15 И онъ подслушалъ осторожно.
„Держися, матушка-казна!
Подрядъ, вишь, плохъ, нужна война...
А гость-то!.. Царь ты мой небесный!
Недавно въ кабакахъ сидѣлъ,
20 Носилъ отрепье, плутъ извѣстный —
Теперь подрядчикъ, фракъ надѣлъ...
Вотъ кулаки-то!..“

Вылъ буйный вѣтръ; дождь ливнемъ лился,
И громъ гремѣлъ. Лукичъ промокъ
25 До нитки, посинѣлъ, продрогъ,
На грязь и непогодь сердился
И пробирался стороной,
Согнувшись, въ обуви худой.
На перекресткѣ онъ столкнулся
30 Съ торговкой, что-то проворчалъ,
Посторонился, поскользнулся,
И чуть-чуть въ лужу не упалъ.
Старуха, шамкая, сказала:
„Хрѣнку, родимый, не возьмешь?“

— Ну, ну! проваливай, пристала...
Безъ хрѣну горько невтерпежъ. —

Межъ тѣмъ по улицѣ широкой
Подъ ливнемъ гнали въ край далекой,
Въ халатахъ сѣраго сукна, 5
Толпу преступниковъ. Она
Шла медленно, гремя цѣпями;
Конвой съ примкнутыми штыками
Ее угрюмо окружалъ,
И барабанъ не умолкалъ. 10
Пошелъ народецъ на работку!
Лукичъ подумалъ: да, ступай!
Поройся тамъ руды въ охотку
И не въ охотку покопай.
Добру ль съизмала не учили, 15
Подросъ ли, люди соблазнили,
Далъ волѣ-матушкѣ разгулъ,
Въ разгулѣ голову свернулъ...
Есть грошъ, достать на подаянье...
Поди, Скобѣевы живутъ, 20
Ихъ въ кандалы не закуютъ,
Не отведутъ на покаянье...
Ну, вотъ тебѣ и взялъ взаемъ!
Постой, постой!.. Вѣдь этотъ домъ
Купца Пучкова... Э, почтенный, 25
Я про тебя и позабылъ!
Пучковъ... да, я ему служилъ,
Святоша, человѣкъ смиренный,
Мукой, къ примѣру, торговалъ,
Парчей, свѣчами восковыми... 30
Ну, такъ! руками-то моими
Частенько жаръ онъ загребалъ...
Зайти къ нему.

XV.

Угрюмъ и крѣпокъ
Пучкова домъ. На кровлѣ тесъ
Зеленой плѣсенью поросъ.
Желѣзо стрѣльчатыхъ рѣшетокъ
5 Чернѣетъ въ окнахъ кладовой.
Сердитый сторожъ, песъ цѣпной,
Лежитъ въ конурѣ у забора;
Амбары въ сторонѣ стоятъ,
Ихъ двери прочныя отъ вора
10 Замки тяжелые хранятъ.
Все тихо въ комнатахъ просторныхъ.
Висятъ картинки въ рамкахъ черныхъ.
Полы скрыпятъ, пыль по столамъ
И паутина по угламъ.
15 Но спальня съ желтыми стѣнами
Свѣтла, опрятно убрана;
Весь уголъ занятъ образами,
Лампада вѣчно зажжена,
Кровать накрыта простынею,
20 И полонъ шкапъ церковныхъ книгъ:
Иныхъ терпѣть не могъ старикъ
И называлъ ихъ чепухою.
Въ простѣнкѣ, трудъ давнишнихъ лѣтъ,
Виситъ на гвоздикѣ портретъ
25 Монаха съ черной бородою,
Съ рукой, подъятой къ небесамъ,
И надписью надъ головою:
Воспомяни, что узришь тамъ.

Проникнутъ думою святою,
30 Въ очкахъ, за Библіей большою
Пучковъ, нахмурившись, сидитъ.
Сюртукъ мерлушками подбитъ,
Подстрижены усы сѣдые,
Бородка жидкая длинна.
35 Грудь впалая, глаза косые,

Какъ мѣсяцъ лысина ясна.
Онъ жилъ съ ребячества трудами:
Водилъ по ярмаркамъ слѣпцовъ,
Ходилъ искусно вверхъ ногами
За крендели зѣвакъ-купцовъ; 5
Порою колесомъ катался,
Порой калѣкой притворялся,
Или нѣмымъ, и кошелекъ
Всегда за пазухой берегъ.
Одинъ добрякъ, старикъ бездѣтный, 10
Полубольной и безотвѣтный,
Его за бойкость полюбилъ,
Одѣлъ и въ лавку посадилъ.
Пріемышъ росъ, добру учился,
Послушенъ, расторопенъ, тихъ! 15
За дѣломъ въ лавкѣ не лѣнился,
А ночью житія святыхъ
Читалъ хозяйну отъ скуки.
(Онъ самоучкой сталъ читать)
И постепенно забралъ въ руки 20
Купца-бѣднягу. Управлять
Умѣлъ имъ кротко и не споря,
За свѣтлый умъ его хвалилъ
И—по міру съ сумой пустилъ.
Купецъ не вынесъ, запилъ съ горя, 25
И ночью, пьяный и больной,
Замерзъ на улицѣ глухой.
Чужого золота наслѣдникъ,
Пучковъ себя не уронилъ:
Глядѣлъ смиренникомъ и былъ 30
О чести строгій проповѣдникъ;
Въ посты и рыбы не вкушалъ
На церковь подавалъ грошами,
Передъ нетлѣнными мощами
Большія свѣчи зажигалъ. 35
И странно! Плутъ не лицемѣрилъ:
Онъ искренно въ святыню вѣрилъ;
Вѣдь совѣсть надо очищать,

Что дѣлать? Страшно умирать!
Пучковъ объ адѣ начитался,
И какъ же онъ чертей боялся!
На полчаса вздремнуть не могъ,
Три раза „Да воскреснетъ Богъ“
Не прочитавъ. Теперь, подъ старость,
Святою ревностью горя,
Своей душѣ и свѣтъ и радость
Онъ почерпалъ изъ псалтиря.

Незваный гость, Лукичъ явился,
Передъ Пучковымъ извинился:
„Я, молъ, читать вамъ помѣшалъ,
И полъ вотъ грязью замаралъ“.
Пучковъ со стула всталъ лѣниво
На Лукича взглянулъ пытливо
Бумажкой книгу заложилъ,
Зѣвнулъ, молитву сотворилъ
И молвилъ: „точно, дождь сегодня.
Все хорошо; все власть Господня...
Ты здѣшній?“
— Да-съ. Я мѣщанинъ,
Слуга вашъ бывшій, Карпъ Лукинъ.—
И рѣчь повелъ онъ стороною,
Я, молъ, извѣстенъ вамъ давно,
И позабыть меня грѣшно,
Служилъ, какъ надо бы... Нуждою
Теперь убитъ. Имѣю дочь...—
И разсказалъ Лукичъ, въ чемъ дѣло.
„Гмм... жаль, что не могу помочь!
Мое богатство улетѣло,
Какъ дымъ въ трубу: все разошлось
По добрымъ людямъ, да авось
Промаюсь. Старъ... гляжу въ могилу.
И время... Господи, помилуй!“
— Нельзя ли, сударь, пожалѣть?
Вѣдь вы не вѣрите, извѣстно...
Вотъ образъ, — заплачу вамъ честно!

Безъ покаянья умереть
Коли солгу! —
„Зачѣмъ божиться?“
— Да тошно! Кажется, готовъ
Сквозь землю лучше бъ провалиться,
Чѣмъ этакъ-вотъ изъ пустяковъ 5
Просить да мучиться напрасно... —
„Охъ, милый! Вѣрить-то опасно!
Иного ссудишь, да не радъ:
Уплаты нѣтъ, — я виноватъ,
Терпи, да жди... Прійдетъ, голоситъ, 10
А не послушаешь, — поноситъ,
Да вытянешь процентъ едва,
Вотъ нынѣ правда какова!“
Кулакъ и тѣломъ и душою
Божился честно заплатить, —
Не могъ Пучкова убѣдить, 15
Онъ морщился, махалъ рукою:
„Нѣтъ, не могу! Закладъ не тотъ;
Твой домъ не каменный... нейдетъ.“
— Несытая твоя утроба!
Ну, стало, голову мнѣ снять 20
И подъ закладъ тебѣ отдать!
Вѣдь ты вотъ-вотъ подъ крышку гроба...
Кому казну-то ты копишь? —
„Опомнись! съ кѣмъ ты говоришь?“
— Съ тобою, старый песъ, съ тобою! 25
Ты вмѣстѣ воровалъ со мною,
Клади мнѣ денежки на столъ,
Дѣлись! Я вотъ зачѣмъ пришелъ! —
„И ты мнѣ могъ... И ты мнѣ смѣешь?..“
— Кто? Я-то?.. Ты не подходи 30
И въ грѣхъ, къ примѣру, не вводи,
Убью! Вотъ тутъ и околѣешь! —
Купецъ оцѣпенѣлъ. Нѣмой
Стоялъ онъ съ поднятой рукой,
Огнемъ глаза его сверкали, 35
Да губы синія дрожали.

Лукичъ захохоталъ. „Ну, что жъ?
Ударь, попробуй!..“
— Вонъ, злодѣй! —
„Пойду, святоша... правый Боже!
И терпишь Ты такихъ людей!
Прощай! Садись опять за книги,
Копи казну, надѣнь вериги,
Все, значитъ, о душѣ печаль...
А жаль тебя, ей Богу, жаль!“
Привелъ Господь считать пороги!“
Кулакъ дорогой горевалъ
И потъ холодный отиралъ.
Пойду. Дождешься тутъ помоги!
Гмм... Кулаку, дескать, дадимъ!
И говорить-то стыдно съ нимъ!
Ну, а вотъ эти, стало, святы —
Набьютъ сундукъ чужимъ добромъ
И вдругъ — банкроты, не при чемъ!
И этотъ чистъ, крючокъ проклятый —
Ограбитъ матушку-казну,
Деревню купитъ на жену?
И тотъ, къ примѣру, помнитъ Бога
И судъ по совѣсти творитъ;
За богача горой стоитъ,
Его выводитъ изъ острога,
Злодѣю волю, путь даетъ,
А кровь изъ бѣднаго сосетъ.
И тотъ вонъ правъ, живетъ въ палатахъ,
Даетъ пиры, а мужики
Въ нуждѣ, въ лохмотьяхъ, въ грязныхъ хатахъ.
Вотъ кулаки, такъ кулаки!
Да гдѣ ихъ нѣтъ? И въ полушубкѣ,
И въ шитомъ золотѣ и въ юбкѣ,
Гдѣ и не думаешь, онъ — тутъ.
Не мелочь, не грошовый плутъ,
Не намъ чета, — подниметъ плечи,
Прикрикнетъ, — не найдешь и рѣчи,
Рубашку сниметъ — все молчи,

Господь суди васъ, палачи!
А ты, къ примѣру, въ горькой долѣ
На грошъ обманешь поневолѣ, —
Тебя согнутъ въ бараній рогъ,
Бранятъ, и бьютъ-то, и смѣются... 5
А разживись я,—видитъ Богъ,
Въ пріятели всѣ назовутся;
Сплутую,—скажутъ: не порокъ...
Тьфу! гадость!

XVI.

Туча миновала; 10
Прошла тревога кулака:
Онъ отыскалъ ростовщика.
Все благо! Саша промѣняла
Родимый домъ на кровъ чужой,
Она прощальною слезой 15
Его, какъ водится, почтила,
Какъ водится, и позабыла.
И вотъ пиръ свадебный умолкъ,
Утихъ о немъ сосѣдей толкъ,
Угомонились пересуды, 20
Забыты пѣсни и вино;
Переколоченной посуды
Осколки убраны давно.
Арина вдругъ осиротѣла,
Груститъ за дѣломъ и безъ дѣла. 25
Чуть скрыпнетъ дверь,—она вздрогнетъ
И слушаетъ и Сашу ждетъ.
Безъ Саши горенка скучнѣе,
И время кажется длиннѣе,
И котъ невеселъ: спитъ въ углу, 30
Не поиграетъ на полу
Клубкомъ старушки. Чуть смеркаетъ,
Она калитку запираетъ
И съ робостью обходитъ дворъ —

Не притаился ли гдѣ воръ,
И мужа ждетъ. И спицамъ снова
Покоя нѣтъ въ ея рукахъ.
И вечеръ тянется. Впотьмахъ
5 Уже заснуть она готова,
Киваетъ головой... Но вдругъ
Съ подворья прилетаетъ жукъ,
Гудя по горенкѣ кружится.
Наткнулся на стѣну—и смолкъ.
10 Старушка и жуковъ боится,
И зажигаетъ огонекъ.
Порою у воротъ отъ скуки
Съ глухой кумой поговоритъ
О томъ, что грудь ея болитъ
15 И ломятъ отчего-то руки,
Что не горитъ щепа въ печи,
Сырая, вѣрно, хоть кричи:
Сегодня каша не упрѣла;
Что посадить она хотѣла
20 Вчера насѣдку, но едва ль
Не поздно, да и яйца жаль;
Что у сосѣда Шестакова
Намедни гусь зажаренъ былъ,
Да мужъ женѣ платокъ купилъ,
25 И отелилася корова, —
Вотъ счастье-то! А дочь придетъ,
Старушкѣ бѣдной тьма заботъ!
„Ахъ, наша гостья дорогая!
Здорова ли? Присядь, присядь!..
30 Здорова ль?—повторяетъ мать,
Съ улыбкой слезы утирая:
Насилу Богъ тебя принесъ...“
И начинается допросъ:
Живетъ ли съ нею мужъ согласно,
35 Привѣтливъ онъ, или сердитъ?
Не ссорится ль когда напрасно,
Не часто ли свекровь ворчитъ?
О всякой мелочи ничтожной

Поразузнаетъ осторожно,
И трудовой пятакъ возьметъ,
Спѣшитъ къ богатому сосѣду
И въ кринкѣ молока къ обѣду
Любимой гостьѣ принесетъ. 5
Свой садъ Арина позабыла:
Мать столяра ей досадила
Упрекомъ, бранью каждый день,
Черезъ изломанный плетень.
„Здорово, мать! Въ саду гуляешь! 10
Хозяйка, яблоки считаешь!..
Ты не пускай къ намъ куръ на дворъ,
Поймаю, прямо подъ топоръ!
Да, зять богатъ! Передъ тобою!
Звоню я, матушка, про васъ... 15
Умна ты съ дочкою своею,
Хотѣла одурачить насъ...
Она де вышла въ садъ зеленый!
Тьфу! На вотъ!..“ И махоръ крученый
Леталъ на колпакѣ вдовы 20
Отъ потрясенья головы.

Лукичъ на рынкѣ ежедневно
Видался съ зятемъ. Всякій вздоръ
Входилъ въ ихъ длинный разговоръ;
Оканчиваясь непремѣнно 25
Разумнымъ толкомъ о дѣлахъ:
О добротѣ хлѣбовъ въ поляхъ,
О томъ, что мужички умнѣютъ,
Не такъ легко въ обманъ идутъ,
Что краснорядцы богатѣютъ, — 30
За рубль по гривнѣ отдаютъ...
Лукичъ смѣялся: просто—чудо!
Глупа ты, матушка-Москва!
Всѣмъ вѣришь... „—Этимъ и жива,
Не ошибется... А не худо 35
Того-съ...“ зять добрый замѣчалъ
И тестя къ чаю приглашалъ.

Мнѣ, видно, зять не довѣряетъ...
Кулакъ подумалъ: не поймешь...
И чаемъ вдоволь угощаетъ
И льститъ, а толку ни на грошъ.
Я говорю, къ примѣру, буду
Тебѣ въ торговлѣ помогать,
Чужихъ равно, молъ, нанимать!
— Извольте-съ! Я васъ не забуду:
У насъ торговый оборотъ
Зимою-съ... Вотъ зима придетъ...
Гм... путь, того и жди, настанетъ.
Ну, если онъ меня обманетъ,
И я останусь въ дуракахъ,
Безъ дома, съ сумкой на плечахъ?
За что же? Такъ? Дитя родное
Принудилъ... Самъ теперь въ долгу...
Покоя ждалъ—а вдругъ... Пустое!
Нельзя! Повѣрить не могу!

Давно ужъ осень. Скученъ городъ.
Дожди, туманы, рѣзкій холодъ,
На сумерки похожій день...
И по нуждѣ покинуть лѣнь
Свой теплый уголъ. Ночи темны
По вечерамъ кричатъ вороны,
Въ лѣса сбираясь на ночлегъ.
Порой нежданный, мокрый снѣгъ
Кружится, кровли покрываетъ,
Къ лицу и платью пристаетъ,
И снова мелкій дождь пойдетъ,
И вѣтеръ свистомъ досаждаетъ.
Куда ни глянешь — ручейки,
Да грязь и лужи. Окна плачутъ
И, морщась, пѣшеходы прячутъ
Свои носы въ воротники.

Кулакъ съ досадой молчаливой
Поглядывалъ нетерпѣливо

На небо, снѣга поджидалъ
И непогоду проклиналъ.
На рынкѣ нечѣмъ поживиться,
Дороги плохи... нѣтъ крестьянъ;
Ходи, глотай сырой туманъ, 5
Пришлось хоть воздухомъ кормиться,
А между тѣмъ кругомъ нужда:
Лежанка въ горенкѣ худа,
Подъ матицей кряхтитъ подставка,
Въ окошкахъ стеколъ недочетъ, 10
Тамъ крыша кое-гдѣ течетъ,
Тутъ сапогамъ нужна отставка,
Сюртукъ заплатками покрытъ,
А галстухъ въ клочья истаскался,
И какъ старикъ не ухитрялся 15
Его сложить, ну все на видъ
Не кстати бахрома виситъ.
На рынкѣ, просто нѣтъ прохода...
Прійдетъ на бѣдняка невзгода!
Какой-нибудь молокососъ 20
Людей и Бога не боится,
Какъ надъ шутомъ, надъ нимъ глумится:
„Ну, что, Лукичъ, повѣсилъ носъ?
Охота здѣсь тебѣ таскаться
И хлѣбъ обманомъ добывать, 25
Подъ старость скверно воровать,
Ей-ей! Безгрѣшнѣй побираться;
Сидѣлъ бы съ чашкой гдѣ-нибудь,
Трудъ, значитъ, легкій, стариковскій,
Да, благо, и сюртукъ таковскій, 30
Вишь — любо-дорого смотрѣть!..“

Свѣтаетъ. Сѣрыми клоками,
Рѣдѣя, облака бѣгутъ.
Невеселъ Лукича пріютъ
Съ его измокшими стѣнами; 35
Въ болото обратился дворъ,
По серединѣ кучи соръ,

Изъ сада гости улетѣли,
Огнемъ онъ точно обожженъ,
Весь почернѣлъ и обнаженъ.
Грачей пустыя колыбели,
5 Качаетъ вѣтеръ, и мертва
Къ землѣ припадшая трава.

Лукичъ стоялъ въ саду подъ ивой,
Въ рукѣ топоръ, въ глазахъ печаль.
Пришлось деревья на топливо
10 Ему рубить, и крѣпко жаль,
Да надо: все дровамъ замѣна,
А на дворѣ ихъ ни полѣна,
И засучивши рукава,
Онъ думалъ: эти дерева
15 Своей рукой отецъ покойный
Ему на память посадилъ.
Подъ этимъ самъ онъ спать любилъ
На свѣжей травкѣ въ полдень знойный!
Нужда—неволя, такъ и быть.
20 И иву началъ онъ рубить.
Старушка печку затопила,
Кулакъ на коникѣ прилегъ.
„О чемъ грустишь?..“ жена спросила.
— Такъ... что-то мочи нѣтъ, продрогъ. —
25 „Что зять-то, какъ?“
— Смотри за щами:
Въ мужское дѣло не входи. —
„Охъ-ма! Не ошибись, гляди...
Домъ заложилъ, что будетъ съ нами,
Когда не выкупишь...“
— Опять!
30 Нельзя, къ примѣру, помолчать!—

Дверь отворилась, и горбатый
Курчавый, рыжій мужичокъ
Въ халатѣ, съ палкой суковатой,
Сказалъ съ поклономъ: „Встань, дружокъ,

Хозяинъ умный, тароватый!
Явился гость,—и ты не радъ,
И я, соколъ, не виноватъ."
—Мы погодя побалагуримъ...
Ты кто? Зачѣмъ?— 5
„Да встань-ко, встань,
Не погоняй, кнута не любимъ...
Теперь—подушное достань."
—Ты, знать, отъ старосты... разсыль-
ный...—
„Узналъ, сударикъ мой, узналъ!"
— Присядь, ты, кажется, усталъ. 10
А что морозъ сегодня сильный?
Я, знаешь, все въ избѣ сижу,
На дворъ, къ примѣру, не хожу:
Нога болитъ.—
„Да, да! Проказникъ!
Испилъ воды на свѣтлый праздникъ, 15
Болитъ съ похмѣлья голова...
Хитеръ на красныя слова!"
— Чего? Ей-ей, болитъ, безъ шутокъ!
Вотъ видишь... охъ, не наступлю!—
„Хе, хе, сударикъ мой, люблю; 20
Нужда горька безъ прибаутокъ...
Достань-ка деньги-то, родной,
Инъ—къ старостѣ пойдемъ со мной."
—Да какъ же быть!.. недугъ проклятый!..
Что дѣлать?— 25
„Деньги заплатить!
Я вотъ, сударикъ, самъ девятый
Живу. Плачу... не стать тужить...
Шесть душъ дѣтей, жена седьмая,
Да я съ горбомъ... Пойдемъ, пойдемъ,
Какая тамъ нога больная!" 30
—Скажи, что дома не засталъ,
Ушелъ, молъ, ленъ скупать въ деревни...—
И гостю гривенникъ послѣдній
Изъ кошелька Лукичъ досталъ,

„Оно ништо... да маловато...“
— Ей Богу, гроша больше нѣтъ!—
„Ну, за тобою... дѣло свято!
Прощай покудова, мой свѣтъ...“
5 „Теперь на хлѣбъ добудь,—гдѣ знаешь!“
Лукичъ подумалъ и вздохнулъ
И кошелекъ на столъ швырнулъ:
„Не радъ хромать, да захромаешь.
Попробуй-ка пожить вотъ такъ!..
10 А вѣдь кричатъ: Кулакъ! Кулакъ!“

XVII.

Зима стоитъ. Трещатъ морозы.
Пошли съ товарами обозы
По Руси-матушкѣ гулять,
Слѣды въ сугробахъ прокладать!
15 Ползетъ, скрипитъ дубовый полозъ,
Рѣка, болото,—всюду мостъ
За тысячу и за двѣ верстъ...
На мужичкѣ бѣлѣетъ волосъ,
Но веселъ онъ! Идетъ-кряхтитъ,
20 Казну на подати копитъ.
Посвистывай теперь на волѣ,
Холодный вѣтеръ въ чистомъ полѣ,
Кружись, сердитая метель,
Стелись пуховая постель!

25 Кому путекъ, кому дорога.
Аринѣ дома дѣла много:
Вставая раннею зарей,
Она ходила за водой,
Порой бѣлье чужое мыла,
30 Дескать, работа не порокъ,
Все будетъ хлѣбушка кусокъ;
Порою и дрова рубила,
Когда Лукичъ на печкѣ спалъ,

Похмѣлье храпомъ выгонялъ,
Отъ стужи кашляла, терпѣла,
И напослѣдокъ заболѣла.
Лежитъ недѣлю,—легче нѣтъ,
Уста спеклись, все тѣло ноетъ, 5
Едва глаза на мигъ закроетъ,—
Живьемъ изъ мрака прежнихъ лѣтъ
Встаютъ нежданныя видѣнья:
Вотъ вспомнилась съ грозою ночь,—
Въ густомъ саду шумятъ деревья, 10
Изъ теплой колыбели дочь
Головку въ страхѣ поднимаетъ
И громко плачетъ и дрожитъ,
А мужъ неистово кричитъ
И стулъ, шатаясь, разбиваетъ... 15
Вдругъ тихо. Вотъ ея сынокъ—
Малютка, убранный цвѣтами,
Покоится подъ образами;
Блеститъ въ лампадѣ огонекъ,
Въ углу кадильница дымится, 20
Столъ бѣлой скатертью накрытъ,
Подъ кисеей младенецъ спитъ,
Она отъ вѣтра шевелится,
А солнце въ горенку глядитъ,
На трупѣ весело играя... 25
И мечется въ жару больная,
Въ ушахъ звенитъ, въ глазахъ темно,
И слезы градомъ льются, льются...
Межъ тѣмъ какъ съ улицы въ окно
Къ ней звуки музыки несутся: 30
Тамъ, свадьбу празднуя, идетъ
Съ разгульнымъ крикомъ пьяный сбродъ.
Въ борьбѣ съ мучительнымъ недугомъ,
Смотря безсмысленно кругомъ,
Старушка встанетъ и потомъ, 35
Вся потрясенная испугомъ,
Со стономъ снова упадетъ
И дочь въ безпамятствѣ зоветъ,

Лукичъ измучился съ больною,
Самъ кой-какъ печку затоплялъ
И непривычною рукою
Себѣ обѣдъ приготовлялъ.
5 Спѣшилъ на рынокъ, съ рынка снова
Жену провѣдать приходилъ,
Малиной теплою поилъ:
— Вспотѣешь, будешь, молъ, здорова...—
И снова домъ свой покидалъ,
10 Куска насущнаго искалъ.

Вотъ дочь пришла. И мать больная
Кряхтя, ей дѣлаетъ упрекъ:
„Ты насъ забыла, мой дружокъ...“
— Нѣтъ, не забыла, дорогая,
15 Блѣднѣя Саша говоритъ:
Вчера весь день былъ мужъ сердитъ.
Убытокъ въ чемъ-то... я не смѣла
Къ вамъ попроситься у него...—
„Ну Богъ съ нимъ! Слушайся его...
20 Ты, другъ мой, что-то похудѣла
Иль жить не ладно?..
— Ничего.
Ахъ, да-бишь! Я и не сказала...
Я пирожекъ вамъ принесла..—
И Саша торопливо встала
25 Къ окну скрыть слезы отошла.

Снѣгъ падалъ хлопьями. Былъ вечеръ.
Порывистый, сердитый вѣтеръ
Въ трубѣ печально завывалъ.
Лукичъ встревоженный стоялъ
30 У ногъ Арины. Дочь глядѣла
На умирающую мать,
И слезы удержать хотѣла.
Старушка стала умолкать
И постепенно холодѣла,
35 И судороги ногъ и рукъ.

Послѣднiй знакъ тяжелыхъ мукъ,
Слабѣли.
„Матушка, родная!
Благослови!...“ сказала дочь,
Въ слезахъ, колѣни преклоняя.
— Отецъ... онъ нищiй... ты помочь 5
Ему... нашъ домъ...—и рѣчь осталась
Неконченной. Невнятный стонъ
Смѣнилъ слова, но вотъ и онъ
Умолкъ. Развязка приближалась.
Въ тоскѣ подъятая рука 10
Какъ плеть упала. Грудь слегка
Приподнялась и опустилась,
Дыханье рѣже становилось,
Взоръ неподвижный угасалъ,
По тѣлу трепетъ пробѣжалъ— 15
И стихло все... Не умолкалъ
Лишь бури вой.
„Одинъ остался,
Одинъ, какъ перстъ!“ Лукичъ сказалъ,
Закрылъ лицо и зарыдалъ.

Уснуло доброе созданье! 20
Жизнь кончена. И какъ она
Была печальна и бѣдна!
Чулковъ и варежекъ вязанье,
Забота печку затопить
Иль день безъ хлѣба не пробыть, 25
Возня съ горшками, да съ насѣдкой,
Подъ праздники мытье половъ,
Отъ скуки разговоръ съ сосѣдкой,
Печаль отъ недостатка дровъ,
На пьянство мужа тайный ропотъ, 30
Порой побои отъ него.
Про бытъ чужой несмѣлый шопотъ,
Да слезы,—больше ничего!
И эта мелочь мозгъ сушила,
И человѣка въ гробъ свела! 35

Страшна ты, роковая сила
Нужды и мелочнаго зла!
Ты не убьешь, какъ громъ, мгновенно,
Войдешь ты—полъ не заскрипитъ,
5 И душишь, душишь постепенно,
Покуда жертва захрипитъ.

Съ разсвѣтомъ буря замолчала.
Арина на столѣ лежала.
Въ лампадѣ огонекъ сіялъ;
10 Онъ какъ-то странно освѣщалъ
Лицо покойницы старушки,
И неподвижной и нѣмой,
И бѣлые углы подушки,
Измятой мертвой головой.
15 Убитый горемъ и тоскою,
Передъ иконою святою
Лукичъ всю ночь Псалтырь читалъ.
Унылъ и тихъ его былъ голосъ,
Отъ страха жесткій, черный волосъ
20 На головѣ не разъ вставалъ...
Казалось, строго и сурово
Глядѣла блѣдная жена,
Раба доселѣ, съ жизнью новой
Вдругъ измѣнилася она,
25 Свою печаль припоминала
И мужу казнью угрожала...
Старикъ внимательнѣй читалъ—
И ничего не понималъ:
Всѣ буквы, мнилось, оживали:
30 То замыкались въ кругъ порой,
То расходились, выростали,
Плясали черною толпой...
Межъ тѣмъ сосѣдки понемногу
Набились въ горенкѣ. Однѣ
35 Вздыхали и молились Богу,
Другія, въ грустной тишинѣ
Съ тяжелой думою стояли,

Иль объ усопшей толковали,
Что, вотъ-де, каковы дѣла:
Жила, жила, да умерла.
Мать столяра въ недоумѣньи
Покачивала головой, 5
Въ углу бесѣдуя съ кумой:
„Вотъ срамъ-то. Просто, удивленье!
Вѣдь, на покойницѣ платокъ,
Что тряпка... ай-да муженекъ!
Убралъ жену, кулакъ проклятый! 10
О платьѣ я не говорю:
Я вчужѣ отъ стыда горю, —
Съ заплатой, милая, съ заплатой!
А дочкѣ горя нѣтъ... сидитъ,
Одной слезы не уронитъ. 15
Ахъ, я тебѣ и не сказала!
Она за сына моего
Хотѣла выйти... каково!
Да я-то шишъ ей показала!
И мать-то, помянуть не тѣмъ, 20
Глупа была, глупа совсѣмъ.“

Сосѣдки вышли. Саша плачетъ,
Отецъ печально говоритъ:
„Не позабудь! я нищій, значитъ...
Ты дочь, вонъ мать твоя лежитъ, 25
Похорони!“
— Да не грустите!
Пойдемте къ намъ. Вы попросите
Здѣсь посидѣть кого-нибудь...
Вамъ не мѣшало бъ и заснуть:
Вишь, вы стоите черезъ силу... — 30
„Итти просить, на гробъ просить,
На свѣчи, Саша, на могилу!“
— Да гдѣ же взять-то? Какъ же быть! —

XVIII.

Зять Лукича сидѣлъ въ рубашкѣ,
Расходъ въ тетрадку заносилъ.
О чемъ-то съ Сашей говорилъ
И морщился. Въ граненой чашкѣ
5 Чай на подносѣ остывалъ,
И сахару кусокъ лежалъ.
Покоенъ взглядъ его и ясенъ,
И густъ румянецъ полныхъ щекъ,
Подстриженный затылокъ красенъ,
10 Мясистыхъ плечъ размѣръ широкъ.
Софа, комодъ, горшокъ съ цвѣтами,
Часы съ кукушкой на стѣнѣ,
Пять стульевъ съ мѣдными гвоздями,
Пеньки образчикъ на окнѣ,
15 Двѣ кучки ржи, одна пшеницы,
Въ чулкѣ оставленныя спицы,
Надъ дверью въ рамкѣ генералъ, —
Вотъ комната, гдѣ онъ писалъ.

Лукичъ вошелъ, перекрестился,
20 Сказалъ, что умерла жена,
Что погребенья ждетъ она,
И зятю въ поясъ поклонился.
„Извольте-съ, отъ добра не прочь;
Зачѣмъ родному не помочь...
25 А жаль! Я думаю, простуда...“
— Богъ знаетъ что, да умерла. —
„Я полагаю-съ — смерть пришла...
Вотъ выпейте чайку покуда.“
— Благодарю, не до того. —
30 „Напрасно-съ! Это не мѣшаетъ:
Онъ этакъ грудь разогрѣваетъ.“
— Да я не зябну, ничего...
Не позабудь, къ примѣру, въ горѣ... —
„Вотъ ключъ позвольте отыскать...
35 Я много не могу вамъ дать,

Не то что, да-съ... нѣтъ денегъ въ сборѣ.“
— Не добивай, я такъ убитъ! —
„О томъ никто не говоритъ,
На счетъ того-съ, оно конечно,
Родню позабывать грѣшно, 5
Да, вѣдь, грѣшно и жить безпечно...
Да-съ, поскользнетесь неравно!
На васъ вотъ тулупишка рваный,
Да пальцы изъ сапогъ глядятъ,
А вы, намедни, были пьяны... 10
Выходитъ, кто же виноватъ?“
— Да знаю, другъ мой, все я знаю!
Неволя пьетъ-то иногда:
Ты думаешь, мнѣ нѣтъ стыда,
Что плутовствомъ я промышляю, 15
Ѣмъ хлѣбъ чужой, какъ подлый воръ?.. —
„Да, да! Для васъ, то-есть, позоръ...
Все это пустяки — и только!
На печкѣ хочется лежать...
На рынкѣ тошно промышлять. 20
Ну-съ, а просить теперь не горько?..“
— Вѣстимо. Если бы ты зналъ!
Осмѣянъ всѣми, обнищалъ,
Тутъ совѣсть не даетъ покою...
Зять, не пусти меня съ сумою! 25
Дай мнѣ подъ старость отдохнуть,
Поставь меня на честный путь,
Дай дѣло мнѣ! Господь порука,
Не буду пить и плутовать! —
„Привыкли-съ! Трудно перестать! 30
Вотъ, значитъ, вамъ впередъ наука...
На похороны помогу,
На счетъ другого-съ, — не могу!“
— И съ бородою посѣдѣлой,
Опять мнѣ грабить мужичковъ?.. 35
Пойми, мое ли это дѣло!
Неужто воръ я изъ воровъ!
Мнѣ стыдно! Богомъ умоляю,

Подумай! Выручи!.. —
„Опять!
Охота вамъ слова терять...
Нельзя-съ! По чести завѣряю...
Рубль серебра извольте — дамъ...“
— Такъ я, выходитъ, по домамъ
На тѣло мертвое сбираю...
Къ чему ты говоришь про честь?
Вѣдь я не нищій, я твой тесть,
Вѣдь я прошу не подаянья,
Взаемъ,—ты слышишь, или нѣтъ?.. —
„А я даю изъ состраданья,
Не то что, да-съ! И мой совѣтъ —
Не надо брезгать...“

Саша встала,
Негодованія полна,
Казалось, выросла она
И мужу съ твердостью сказала:
„Я свой салопъ отдамъ въ закладъ
И мать похороню...“
— Чудесно!
Дочь, то есть, нѣжная, извѣстно...
Ха, ха... бываетъ, не велятъ. —
„Ну если такъ, найду другое.
Вотъ обручальное кольцо...“
И Саши блѣдное лицо
Покрылось краскою.
— Пустое!
Не смѣешь, значитъ... —
„Саша, Саша!
Оставь! Схоронимъ какъ-нибудь.“
Сказалъ отецъ.
— Нѣтъ, воля ваша!
Ужъ у меня изныла грудь,
Отъ этой жизни. Я молчала...
Онъ мягко стелетъ, жестко спать:
Ломтя, крохи не смѣю взять

Безъ спросу. Мать моя лежала
Больной,—я выйти не могла.
Ревнуетъ... Вотъ что я нашла
Въ замужествѣ...“ Она рыдала,
Закрывъ лицо свое платкомъ. 5
— Все лгетъ-съ! не слѣдъ передъ отцомъ...
Отвѣтилъ мужъ ея съ досадой:
Я не ревнивъ, да-съ! И роднымъ
Готовъ помочь. Извѣстно, надо.
Мы понимаемъ и дадимъ... 10
Вотъ-съ, на-те, батюшка, Богъ съ вами. —

Тесть поклонился, покраснѣлъ,
Благодарить онъ не съумѣлъ,
Пошевелилъ слегка губами,
На зятя кинулъ мутный взоръ 15
И крупный потъ на лбу утеръ.
— Пора-съ, пора за умъ приняться, —
Прибавилъ зять:—вы не чужой,
Не то что, да-съ! Вы нашъ родной,
А съ пьянымъ не хочу я знаться! — 20

Старикъ смолчалъ и вышелъ вонъ,
О чемъ, бѣдняга, думалъ онъ?
А вѣрно, думою печальной
Встревоженъ былъ, на рынокъ шелъ
И, Богъ вѣсть, почему, забрелъ 25
Въ какой-то переулокъ дальній;
Опомнившись, взглянулъ кругомъ, —
И назвалъ зятя подлецомъ.

XIX.

Добычи рыночной остатокъ
Давно Лукичъ рублей десятокъ 30
Въ жилетѣ плисовомъ берегъ,
Теперь вотъ зять ему помогъ,
На все достало, слава Богу!
Купилъ онъ меду, калачей,
Вина, говядины, свѣчей, 35

Муки, конечно, понемногу;
Поденщиковъ приговорилъ
Могилу рыть и гробъ купилъ.
Принесъ его въ свою избушку,
Перекрестился, крышку снялъ,
Солому въ немъ и холстъ постлалъ
Съ молитвой положилъ старушку,
Съ молитвою свѣчу зажегъ
И сѣлъ на лавку въ уголокъ,
Скрестивши руки... Бѣлый иней
Сверкалъ отъ солнца на стеклѣ;
Дымился ладонъ на столѣ
Въ курильницѣ,—то, струйкой синей
Колеблясь кверху поднимался, —
То въ кольца тихо завивался.

„Вотъ, думалъ онъ, вотъ жизнь-то наша,
И правда, говорятъ, что цвѣтъ:
Ногою смялъ—его и нѣтъ.
Умру и я, умретъ и Саша,
И ни одна душа потомъ
Меня не вспомнитъ... Боже, Боже!
А вѣдь и я трудился тоже,
Весь вѣкъ и худомъ и добромъ
Сбивалъ копейку... Зной и холодъ,
Укоры, брань, побои, голодъ,
Насмѣшки—все переносилъ!
Изъ-за чего? Ну, что нажилъ?
Тулупъ остался да рубаха,
А кралъ безъ совѣсти и страха!
Охъ, горе, горе! Вѣдь метла
Годится въ дѣло! Что же я-то?
Что я-то сдѣлалъ, кромѣ зла?
Вотъ свѣчи, гробъ!.. Гдѣ это взято?
Крестьянинъ, мужичекъ-бѣднякъ,
На пашнѣ потомъ обливался
И продалъ рожь... А я, кулакъ,
И, пьяница, не побоялся, —

Не постыдился никого,
Ограбилъ, осмѣялъ его,
Не додалъ денегъ и обмѣрилъ,
Да смертной клятвою увѣрилъ,
Что я не плутъ!.. Все терпитъ Богъ! 5
Вотъ зять, какъ нищему, помогъ!..
Въ глазахъ мутилось, сердце ныло,—
Я въ поясъ кланялся, просилъ!
А вѣдь и я добро любилъ,
Оно вѣдь дорого мнѣ было! 10
Со мной, къ примѣру, было разъ,
Давно ужъ... раннею весною
Я утопающаго спасъ.
Когда онъ съ мокрой головою.
Нагой, на берегу лежалъ, 15
Открылъ глаза, пошевелился
И крѣпко руку мнѣ пожалъ,—
Я, какъ ребенокъ, зарыдалъ
И радостно перекрестился...
И все пропало, все забылъ!— 20
И голову онъ опустилъ...
Что думалъ, Богъ про это вѣдалъ...
Насталъ обѣдъ, онъ не обѣдалъ,
И въ два часа, пока сидѣлъ,
Двумя годами постарѣлъ.

Бѣднякъ! бѣднякъ! Печальной доли 25
Тебя урокъ не вразумилъ!
Своихъ цѣпей ты не разбилъ,
Послушный рабъ безсильной воли!
Ты понималъ, что честный трудъ
И путь тебѣ иной возможенъ, 30
Что ты, добра живой сосудъ,
Не совершенно уничтоженъ;
Ты плакалъ, ты на помощь звалъ;
Нужды подхваченный волнами,
Въ послѣдній разъ взмахнулъ руками,— 35
И въ грязномъ омутѣ пропалъ.

Въ семьѣ чужой нашла ли Саша
Любовь и счастье? Какъ сказать!..
И что намъ счастьемъ здѣсь назвать,
Вопросъ мудреный, воля ваша!
5 Есть люди (благодатный родъ):
Цѣль и граница ихъ желанья—
Спокойный ходъ существованья
Безъ слезъ, сомнѣній и заботъ.
Какъ свѣтъ и воздухъ, имъ лишь нужны—
10 Здоровье, сонъ, обѣдъ и ужинъ,
И вѣруютъ они всему,
И счастливы по-своему.
Есть родъ иной: его отрада—
Большая дворня, блескъ палатъ,
15 Причуды моднаго наряда,—
И это счастье, говорятъ.
И есть созданья: нѣтъ покою
Для ихъ души; имъ нуженъ шумъ,
Ихъ сила крѣпнетъ подъ грозою,
20 И постоянною борьбою
Неутомимый манятъ умъ,
Движенья мысли, жажда знанья,
Науки торжество и плодъ,
Стремленье вѣчное впередъ,—
25 Вотъ все ихъ счастье и призванье!
На жизнь у всякаго свой взглядъ;
Кто правъ, Богъ вѣсть, когда рѣшатъ.
У Саши былъ свой міръ любимый:
Мечты завѣтныя, печаль:
30 Сережки, зонтикъ, или шаль.
Или салопъ необходимый
Съ пушистымъ мѣхомъ изъ лисицъ,
Да изъ купеческаго круга,
Для болтовни, въ часы досуга,
35 Пять или шесть знакомыхъ лицъ.
Надежды скромныя съ годами
Осуществятся, можетъ-быть,
Не то легко ихъ замѣнить

Разнообразными трудами:
Она въ домашней тишинѣ
Привыкнетъ къ кухонной стряпнѣ,
Отъ скуки самоваръ согрѣетъ,
Отъ скуки сладостно заснетъ, 5
И постепенно растолстѣетъ,
И вѣкъ безъ горя проведетъ,
Мужъ, человѣкъ неприхотливый,
Ее и нѣжилъ, и любилъ:
Икрой и сельдями кормилъ 10
Тайкомъ отъ матери строптивой;
(Ея бояться сынъ не могъ,
А просто денежки берегъ).
Съ жены не взыскивалъ онъ много,
Одно наказывая строго: 15
По дому хлопотать съ утра,
Беречь посуду, ложки, чашки,
Доить корову, шить рубашки,
Безъ спросу не ходить съ двора.

XX.

Бѣгутъ часы, идутъ недѣли, 20
Чредѣ обычной нѣтъ конца:
Кричитъ младенецъ въ колыбели,
Несутъ въ могилу мертвеца.
Живи, трудись, людское племя,
Вопросы мудрые рѣшай, 25
Сырую землю удобряй
Своею плотью!... Время, время!
Когда твоя устанетъ мочь!
Какъ страшный жерновъ, день и ночь,
Вращаясь силою незримой, 30
Работаешь неудержимо
Ты въ Божьемъ мірѣ. Дѣла нѣтъ
Тебѣ до нашихъ слезъ и бѣдъ;
Ты ихъ не видишь, не считаешь

Даешь веселью краткій срокъ
И тихо, медленно стираешь
Людскія кости въ порошокъ!

Прошло два года.

5 Народъ дождался торжества:
Заутра праздникъ Рождества,
Желудкамъ полная свобода...
Отмститъ за постъ голодный людъ!
На рынкѣ безъ метлы метутъ
10 Добро съѣстное. Поросята,
Индѣйки, мерзлые цыплята
И туши жирные свиней...
Прохода нѣтъ между саней!
Вотъ боровъ съ опаленной мордой
15 Вверхъ брюхомъ на возу лежитъ;
Вотъ гусь живой, онъ смотритъ гордо,
На покупателя шипитъ;
Вотъ крякнулъ селезень. Чиновникъ
Его суетъ въ мѣшокъ пустой:
20 Поди-ка, молъ, сюда, разбойникъ!...
Эхъ, любятъ на Руси святой
Поѣсть и выпить! Намъ не вредны
Излишки. Все на столъ мечи!
Быть-можетъ, въ чемъ другомъ мы бѣдны,
25 Желудкомъ—просто силачи!

Въ тулупѣ, нанкою покрытомъ,
Косматомъ и просторно сшитомъ,
Между возовъ столяръ идетъ.
Онъ веселъ. Поросятъ несетъ.
30 Съ нимъ женщина. Она смѣется,
У ней шубейка на плечахъ
Нѣтъ-нѣтъ отъ вѣтра распахнется...
И что за доброта въ глазахъ!

А въ сторонѣ былъ громкій хохотъ
35 И безтолковый споръ и ропотъ;
Толпу внимательныхъ зѣвакъ

Тамъ тѣшилъ, нехотя, кулакъ.
Мужикъ съ курчавой бородою,
Съ широкимъ лбомъ, аршинъ въ плечахъ,
Въ тулупѣ, шапкѣ и лаптяхъ,
Взбѣшенный, лѣвою рукою 5
Его за шиворотъ держалъ,
А правой билъ и повторялъ:
„Вотъ этакъ, вотъ! Вотъ этакъ съ вами!“
Старикъ постукивалъ зубами.
Халатъ съ разорванной полой 10
Сзади на воздухѣ метался,
И кровь на бородѣ сѣдой
Застыла каплями.
„Попался!“
Кричалъ народъ: „Тряхни его!
Тряхни получше... ничего!“ 15
— Не бей по шапкѣ! одурѣетъ!—
„Не смѣетъ бить, на это судъ,
Расправа, значитъ, бить не смѣетъ...“
— Валяй! тамъ послѣ разберутъ!—
Но вдругъ столяръ рукою смѣлой 20
Толпу раздвинулъ: „стой! за что?“
— А не обвѣшивай... за то!—
Мужикъ отвѣтилъ:—наше дѣло!
Я продалъ шерсть, а онъ того...
Обвѣсилъ, вонъ—що!..— 25
„Брось его!
Ты кто? Разбойникъ? Смѣешь драться?
Не хочешь, отдерутъ кнутомъ?...
Чего ты, Карпъ Лукичъ? пойдемъ!“
— Проваливай! Не буду гнаться...
Вотъ, не замай, онъ покряхтитъ: 30
Въ бокахъ-то у него лежитъ!—
„Эхъ, съ этимъ не дошло до драки!“
Жалѣли, расходясь, зѣваки.
„А въ нанковомъ куда—горячъ!
И статенъ, то-то, чай, силачъ!“ 35
„Сосѣдъ, ну, какъ тебѣ не стыдно!“

Столяръ дорогой говорилъ:
„Весь помертвѣлъ, лица не видно...
Что завтра? Вспомни!“
— Согрѣшилъ...
Обвѣсилъ... не во что одѣться...
5 Озябъ... и нечѣмъ разговѣться.—
„А зять?“
— Мошенникъ!... Охъ, продрогъ!
„Ну, Саша?“
— Саша помогаетъ...
Попреки... водкой попрекаетъ...
10 Ой, больно! заломило бокъ!—
„Бѣдняга! Выгнали изъ дома...
Да ты идешь едва-едва.
Квартира гдѣ?“
— У Покрова.
Привыкъ, къ примѣру... Грязь, солома...
15 Полтинникъ въ мѣсяцъ... Охъ, продрогъ!—
„Зимой безъ шубы, безъ перчатокъ!—
Слышь, Карпъ Лукичъ! вотъ есть остатокъ,
Возьми на праздникъ... Видитъ Богъ,
Даю изъ дружества. Вѣдь хуже
20 Обманывать... дрожать на стужѣ...
Возьми, пожалуйста, сосѣдъ,
Ну, хоть въ заемъ, какъ знаешь...“
— Нѣтъ!..
Я виноватъ передъ тобою...
Ты дочь мою... —
„Пустякъ, пустякъ!
25 Угодно было Богу такъ...
Возьми! Ты, слышь, не спорь со мною:
Въ карманъ насильно положу,
Вотъ-на!.. И руки подержу...“
— Покинь! мнѣ стыдно! —
„Знаю, знаю!
30 А ты не вынимай назадъ...
Я, что родному, помогаю.
Не то что, значитъ... Чѣмъ богатъ!..

Утри-ка лучше кровь полою.
Неловко... Вотъ сюда пойдемъ.
Да, кстати! Ты вѣдь незнакомъ
Съ моею Танею, съ женою,
Люби и жалуй — вотъ она." 5
— А, ты женатъ уже? —
„Недавно;
Живемъ ништо... покуда ладно.
Взялъ сироту. Однимъ дурна:
Я ей обновку покупаю,
Она свое: купи лотокъ, 10
Чугунъ, жаровню да горшокъ..."
— Права: затѣмъ не уступаю! —
Со смѣхомъ молвила жена:
— Обновка вовсе не нужна. —
„Ну, вотъ изволь тутъ... Не досада! 15
И съ матушкою такова:
Найдетъ разумныя слова,
Безъ шума сдѣлаетъ, что надо...
Сосѣдъ, да полно горевать!"
— Я такъ, къ примѣру. Грустно стало... 20
Ты къ намъ, что сынъ родной, бывало,
Прійдешь, сидишь... Теперь мой зять...
Прощай!.. —
„Я даромъ не прощаю!
Ты посѣтишь нашъ уголокъ,
Поговоримъ, напьемся чаю, 25
Разрѣжемъ этакой пирогъ!.."
И весело въ толпу густую,
Столяръ отправился съ женой,
Вотъ снялъ онъ шапку мѣховую
И... нѣтъ, не видно за толпой! 30
Лукичъ съ разорванной полою
Побрелъ одинъ. Взглянулъ кругомъ, —
Знакомыхъ нѣтъ... Махнулъ рукою —
И завернулъ въ питейный домъ.

Прощай, Лукичъ! Не разъ съ тобою,
Когда мой домъ объятъ былъ сномъ,
Я при свѣчѣ, ночной порою,
Сидѣлъ въ раздумьи за столомъ.
5 Несчастный братъ! Мнѣ было больно
За твой позоръ, за твой порокъ,
И не одну слезу невольно
На эти строки ты извлекъ.
Я понималъ твои страданья,
10 И язвы смѣло осязалъ,
Въ моихъ глазахъ ты угасалъ,
Одинъ, въ грязи, безъ врачеванья.
А горько! Вѣрно и теперь,
Едва перешагну за дверь,
15 Иного кулака я встрѣчу
И, можетъ быть, на немъ опять
Порока страшную печать
И язвы новыя замѣчу...
Бѣднякъ! Взглянувши на тебя,
20 Не каждый сердцемъ содрогнется;
Пройдетъ, быть можетъ, посмѣется,
Потѣху пошлую любя.
Кому нужна твоя утрата!
Васъ много! Тысячи кругомъ,
25 Какъ ты, погибли подъ ярмомъ
Нужды, невѣжества, разврата!
Прійдетъ ли, наконецъ, пора,
Когда блеснутъ лучи разсвѣта,
Когда зародыши добра
30 На почвѣ, солнцемъ разогрѣтой,
Взойдутъ, созрѣютъ въ свой чередъ
И принесутъ сторичный плодъ, —
Когда минетъ проказа вѣка,
И воцарится честный трудъ,
35 Когда увидимъ человѣка,
Добра божественный сосудъ.

1854 октябрь —
1856 сентябрь.

Поѣздка на хуторъ.

(Отрывокъ изъ поэмы „Городской Голова").

Ужъ кони у крыльца стояли.
Отъ нетерпѣнья коренной
Сухую землю рылъ ногой;
Порой бубенчики звучали.
Семенъ сидѣлъ на облучкѣ, 5
Въ рубашкѣ красной, кнутъ въ рукѣ;
На упряжь гордо любовался,
Глядѣлъ, глядѣлъ — и засмѣялся,
Вслухъ коренного похвалилъ
И шляпу на бокъ заломилъ. 10
Ворота настежь отворили,
Семенъ присвистнулъ, — туча пыли
Вслѣдъ за конями понеслась,
Не догнала — и улеглась.

По всей степи — ковыль, по краямъ — все туманъ, 15
Далеко, далеко отъ кургана курганъ,
Облака въ синевѣ бѣлымъ стадомъ плывутъ,
Журавли въ облакахъ перекличку ведутъ.
Не видать ни души. Тонетъ въ золотѣ день,
Пробѣжать по травѣ вѣтру сонному лѣнь. 20
А цвѣты-то, цвѣты! какъ живые стоятъ,
Улыбаются, глазки на солнце глядятъ,
Словно рѣчи ведутъ, какъ ихъ жизнь коротка,
Коротка, да безъ слезъ, отъ заботъ далека.
Вотъ и рѣчка... не вѣрь! то подъ жгучимъ лучомъ 25

Отливается тонкій ковыль серебромъ.
Высоко, высоко въ небѣ тучка дрожитъ,
Колокольчикъ веселый надъ степью звенитъ.
Въ ковылѣ гудовень — и поютъ и жужжатъ,
5 Раздаются свистки, молоточки стучатъ;
Средь дорожки глухой пыль столбомъ поднялась,
Закружилась, въ широкую степь понеслась...
На всѣ стороны путь: ни лѣсочка, ни горъ,
Необъятная гладь! неоглядный просторъ!

10 Мчится тройка, изъ упряжи рвется,
Не смолкаетъ бубенчиковъ звонъ,
Облачко за телѣгою вьется,
Ходитъ кругомъ земля съ двухъ сторонъ;
Путь-дорожка назадъ убѣгаетъ,
15 А курганы заходятъ впередъ;
Лучъ горячій на бляхахъ играетъ,
То подкова, то шина блеснетъ.
Кучеръ къ мѣсту какъ будто прикованъ,
Руки вытянулъ, вожжи въ рукахъ,
20 Синей степью сѣдокъ очарованъ;—
Любо сердцу, душа вся въ очахъ!

„Не погоняй Семенъ! устали!“
Хозяинъ весело сказалъ, —
Но кони съ версту пробѣжали,
25 Пока ихъ кучеръ удержалъ.
Лѣниво катится телѣга,
Хруститъ подъ шинами песокъ,
Вздохнетъ и стихнетъ вѣтерокъ;
Надъ головою блескъ и нѣга.
30 Воздушный продолжая бѣгъ,
Сверкаютъ облака, какъ снѣгъ.
Жара. Вотъ оводъ закружился,
Гудетъ, на коренную сѣлъ;
Спросонокъ кучеръ изловчился, —
35 Хвать кнутовищемъ, — улетѣлъ!
Ну, погоди! — Передъ глазами

Мелькаютъ пестрые цвѣты.
Умъ занятъ прежними годами,
Иль праздно погруженъ въ мечты.
Евграфъ вздохнулъ. Воображенье
На память дѣтство привело: 5
Въ просторной комнатѣ свѣтло;
Складовъ томительное чтенье
Тоску наводитъ на него.
За дверью шумъ: отецъ его
Торгуетъ что-то... Слышны споры, 10
О дегтѣ, лыкахъ разговоры,
И серебра и рюмокъ звонъ...
А садъ сіяньемъ затопленъ...
Тамъ зелень, листьевъ трепетанье,
Тамъ лепетъ, пѣнье и жужжанье — 15
И голоса ему звучатъ:
Иди же въ садъ! иди же въ садъ!
Вотъ онъ въ гимназію отправленъ,
Подросъ и умный ученикъ;
Но какъ-то нелюдимъ и дикъ, 20
Кружкомъ товарищей оставленъ.
День сѣрый. Въ классѣ тишина.
Вопросъ учитель предлагаетъ,
Евграфъ удачно отвѣчаетъ,
Восторга грудь его полна. 25
Наставникъ строго замѣчаетъ:
„Мѣщанскій выговоръ у васъ!“
И весело хохочетъ классъ.
Евграфъ блѣднѣетъ. — Вотъ онъ дома:
Ему торговля ужъ знакома. 30
Но, Боже! эти торгаши!..
Но это смрадное болото,
Гдѣ ихъ умомъ, душой, работой
До гроба двигаютъ гроши!
Гдѣ все безсмысленно и грязно, 35
Гдѣ все коснѣетъ и гніетъ!
Тамъ ужасъ сердце обдаетъ!
Тамъ вѣетъ смертью безобразной!..

Но вотъ знакомый изволокъ.
Ужъ виденъ хуторъ одинокой,
Затерянный въ степи широкой,
Какъ въ синемъ морѣ островокъ.
5 Гумно заставлено скирдами.
Передъ избою на шестѣ
Бадья заснула въ высотѣ;
Полусклоненными столбами
Подперта рига. Тамъ, вдали
10 Волы у стога прилегли.
Вокругъ безлюдье. Жизни полны,
Безъ отдыха и безъ слѣда,
Бѣгутъ, бѣгутъ, Богъ вѣсть — куда,
Цвѣтовъ и травъ, и свѣта волны...

15 Семенъ къ крылечку подкатилъ
И тройку ловко осадилъ.
Собака съ лаемъ подбѣжала,
Но дорогихъ гостей узнала,
Хвостомъ махая, отошла
20 И на заваленкѣ легла.
Евграфъ приказчика Ѳедота
Засталъ врасплохъ. За творогомъ
Сидѣлъ онъ съ заспаннымъ лицомъ.
Его печаль, его забота,
25 Жена смазливая — въ углу
Цыплятъ кормила на полу,
Лѣнтяемъ мужа называла,
Но вдругъ Евграфа увидала,
Смутясь, вскочила второпяхъ
30 Съ густымъ румянцемъ на щекахъ.

Приказчикъ бормоталъ невнятно:
„Здоровы ль? Оченно пріятно!“
Кафтанъ поспѣшно надѣвалъ
35 И въ рукава не попадалъ.
„Эй, Марья! Ты бы хоть покуда...
Слѣпа! творогъ-то прибери!

Да пыль-то съ лавки, пыль сотри!..
Эхъ, баба!.. Кши!.. пошли отсюда!
А я того-съ... велѣлъ пахать...
Вотъ гречу будемъ засѣвать."
Евграфъ сказалъ: „давно бы время!" 5
Въ амбаръ приказчика повелъ
И гречу указалъ на сѣмя,
Всѣ закрома съ нимъ обошелъ;
Въ овесъ, и въ просо, и въ пшеницу
Глубоко руку погружалъ, — 10
Все было сухо. Приказалъ
Смѣнить худую половицу
И, выходя, на хлѣвъ взглянулъ,
Ѳедота строго упрекнулъ:
„Эхъ, братъ! навозу по колѣни... 15
За чѣмъ ты смотришь?
— Все дѣла.
Запущенъ, знамо, не отъ лѣни...
Кобыла, жаль, занемогла! —
„Какая шерстью?"
— Вороная... —
Евграфъ конюшню отворилъ, 20
Приказчикъ лошадь выводилъ.
Съ боками впалыми, больная,
Тащилась, чуть переступая.
„Хорошъ присмотръ! опоена!"
— Ему, знать, черти разсказали, 25
Приказчикъ думалъ. — Нѣтъ-съ, едва ли!
Мы смотримъ. Оттого больна —
Не любитъ домовой. Бываетъ,
На ней всю ночь онъ разъѣзжаетъ
По стойлу; поутру придешь, — 30
Такъ у бѣдняжки потъ и дрожь. —
Евграфъ вспылилъ. „Вѣдь, вотъ мученье!
Найдетъ хоть сказку въ извиненье!"

Но, проходя межами въ полѣ,
Казалось, онъ вздохнулъ на волѣ, 35

Свою досаду позабылъ
И всходы зелени хвалилъ.
Приказчикъ разводилъ руками.
„Распашка много-съ помогла...
Вотъ точно пухъ земля была, —
Такъ размягчили боронами!“
— Гдѣ овцы? Я ихъ не видалъ. —
„Вонъ тамъ... гдѣ кустъ-то на курганѣ.“
Но взоръ Евграфа замѣчалъ
Лишь пятна сѣрыя въ туманѣ;
Что жъ, ночью можно отдохнуть —
И онъ къ гурту направилъ путь.

Заснула степь, прохладой дышетъ,
Въ огнѣ зари пол-неба пышитъ,
Пол-неба въ сумракѣ виситъ,
По тучамъ молнія блеститъ,
Проворно крыльями махая,
Съ тревожнымъ крикомъ въ вышинѣ
Степныхъ гостей несется стая.
Маячитъ всадникъ въ сторонѣ,
Промчался конь, — хвостомъ и гривой
Играетъ вѣтеръ шаловливой,
При зорькѣ пыль изъ-подъ копытъ
Румянымъ облакомъ летитъ.
Неслышнымъ шагомъ ночь подходитъ,
Не мнетъ травы, — и вотъ она
Легка, недвижна и темна,
Молчаньемъ чуткимъ страхъ наводитъ...
Вотъ снова блескъ, — и грянулъ громъ,
И степь откликнулась кругомъ.

Евграфъ къ избушкѣ торопился.
Приказчикъ слѣдомъ поспѣшалъ;
Барбосъ ихъ издали узналъ,
Навстрѣчу весело пустился,
Но вдругъ на вѣтеръ поднялъ носъ,
Вдали послышавъ скрипъ колесъ, —

И въ степь шарахнулся.
За щами,
Румянъ и потомъ окропленъ,
Межъ тѣмъ посиживалъ Семенъ,
Его веселыми рѣчами
Была приказчика жена 5
Чуть не до слезъ разсмѣшена.
„Эхъ, Марья Львовна! Ты на волю
Сама недавно отошла,
Ты, значитъ, въ милости была
У барина: и чаю вволю 10
Пила, и все... А я, какъ песъ,
Я, какъ щенокъ, средь дворни росъ;
Ѣлъ, что попало. Съ тумаками
Всей барской челяди знакомъ.
Отецъ мой, знаешь, былъ псаремъ, 15
Да умеръ. Баринъ жилъ на славу:
Давалъ пиры, держалъ собакъ,
Чужой ли, свой ли, — чуть не такъ,
Своей рукой чинилъ расправу.
Жилъ я, не думалъ, не гадалъ, 20
Да въ музыканты и попалъ.
Ну, воля барская, извѣстно...
Ужъ и пришло тогда мнѣ тѣсно!
Одѣли, выдали фаготъ, —
Играй! Бывало — потъ пробьетъ, 25
Что силы дую, — все нескладно!
Растянутъ, выдерутъ изрядно, —
Опять играй! Да цѣлый годъ
Такимъ порядкомъ дулъ въ фаготъ!
И вдругъ въ отставку: не годился! 30
Я радъ — молебенъ отслужилъ,
Да, видно, много согрѣшилъ:
У насъ ахтеръ вина опился —
Меня въ ахтеры... Стало, — рокъ!
Пошла мнѣ грамота не въ прокъ! 35
Бывало, что, рога приставятъ,
Твердить на память рѣчь заставятъ,

Ошибся — въ зубы! Въ гробъ бы легъ, —
Евграфъ Антипычъ мнѣ помогъ.
Я, значитъ, зналъ его довольно,
Ну, вижу — добръ; давай просить:
„Нельзя ль на волю откупить?“
Вѣдь откупилъ! А было больно! —
И пятерней Семенъ хватилъ
Объ столъ. — Эхъ-ма! собакой жилъ!“

Евграфъ за ужинъ не садился;
И не хотѣлъ, и утомился,
И свѣчку сальную зажегъ,
На лавку въ горенкѣ прилегъ.
Разъ десять Марья появлялась,
Скользитъ платокъ съ открытыхъ плечъ,
Лукавы были взглядъ и рѣчь,
Тревожно грудь приподнималась,
Евграфъ лежалъ къ стѣнѣ лицомъ
И думалъ вовсе о другомъ.
Носилась мысль его безъ цѣли,
Едва глаза онъ закрывалъ,
Въ степи ковыль припоминалъ,
Надъ степью облака летѣли;
То снова вздоръ о домовомъ
Въ ушахъ, казалось, раздавался,
Приказчикъ глупо улыбался...
„Гм!.. Знахарь нуженъ-съ... Мы найдемъ...“
Взялся читать — въ глазахъ пестрѣло,
Вниманье скоро холодѣло,
Но, постепенно увлеченъ,
Забылъ онъ все, забылъ и сонъ.

Ужъ пѣтухи давно пропѣли,
Надъ свѣчкой вьется мотылекъ;
Кругъ свѣта палъ на потолокъ,
И тишь и сумракъ вкругъ постели;
По стекламъ красной полосой
Мелькаетъ молнія порой,

И вѣтеръ ставнемъ ударяетъ...
Евграфъ страницу пробѣгаетъ,
Его душа потрясена,
И что за пѣснь ему слышна!

„Вы пойте мнѣ иву, зеленую иву...“ 5
Стоитъ Дездемона, снимаетъ уборъ,
Чело наклонила, потупила взоръ;
„Вы пойте мнѣ иву, зеленую иву...“
Блѣдна и прекрасна, въ тоскѣ замираетъ,
Печальная пѣсня изъ устъ вылетаетъ: 10
„Вы пойте мнѣ иву, зеленую иву!
Зеленая ива мнѣ будетъ вѣнкомъ...“
И падаютъ слезы съ послѣднимъ стихомъ.

Уходитъ ночь, разсвѣтъ блеснулъ.
И, наконецъ, Евграфъ уснулъ. 15

1859 г.

Тарасъ.

I.

Нужда, нужда! Все старыя избенки,
Въ избенкахъ сырость, темнота;
Изъ-за куска и грязной одеженки
Всѣ бьются... прямо нищета!

Не весела ты, глушь моя родная!
Поникли ивы надъ рѣкой,
Молчитъ дорожка, травкой заростая
И бродитъ людъ, какъ испитой.

Вотъ ужъ вечеръ идетъ,
Росой травку кропитъ;
Въ синихъ тучахъ заря
Разыгралась-горитъ.

Золотые дворцы
По-надъ лѣсомъ плывутъ.
Золотые сады
За дворцами растутъ.

Черезъ синюю глубь
Мостъ янтарный виситъ...
Изъ-за темныхъ дубовъ
Ночь-царица глядитъ.

Вздохи — чары и лѣнь
Разлеглись на цвѣтахъ,
Огоньки по травѣ
Зажигаютъ впотьмахъ.

Вотъ за горкой крутой
Колокольчикъ запѣлъ.
На горѣ призатихъ,
Подъ горой прозвенѣлъ.

Прозвенѣлъ по селу, 5
Въ чистомъ полѣ поетъ,
На широкій просторъ
Душу-сердце зоветъ...

Житье, житье! закованъ точно въ цѣпи,
Молчи, да чахни отъ тоски... 10
Эхъ, если бы махнуть мнѣ на Донъ въ степи,
Или на Волгу въ бурлаки!

Такъ изнывалъ Тарасъ отъ думъ-заботы
И, грезя про чужую даль,
Онъ шелъ межами съ полевой работы 15
Домой, на горе и печаль.

II.

Тарасу съ дѣтства приходилось жутко:
Отецъ его былъ строгъ и крутъ,
Женѣ побои называлъ онъ шуткой,
И называлъ наукой кнутъ. 20

Бывало, котъ подъ ноги подвернется,
Кота полѣномъ... „будь уменъ!“
Храни Господь, когда вина напьется,
Бѣги семья изъ дома вонъ!

Пристанетъ къ гостю, крѣпко обнимаетъ, 25
Цѣлуетъ: „другъ мой дорогой!
Я вотъ тебѣ...“ И въ ноги упадаетъ.
Гость скажетъ: „вотъ чудакъ какой!“

— „Кто — я чудакъ? А, ты мужикъ богатый!
Не любишь знаться съ бѣднякомъ! 30
Такъ на-вотъ! помни, лапотникъ проклятый“
И друга хватитъ кулакомъ.

Испуганный, сынишка встрепенется,
Украдкой матери шепнетъ:
„Охъ, мамушка! опять отецъ дерется...
Уйдемъ! онъ и тебя прибьетъ...

— „Ступай-ка за грибами, вотъ лукошко“,
Отвѣтитъ мать: „тутъ хлѣбъ лежитъ“.
И въ темный лѣсъ знакомою дорожкой
Мальчишка бѣгомъ побѣжитъ.

И тамъ онъ ляжетъ на травѣ росистой.
Прохлада, сумракъ... Вотъ запѣлъ
Зеленый чижъ подъ липою душистой;
Вотъ дятелъ на березу сѣлъ

И застучалъ. Вотъ заяцъ по тропинкѣ
Пронесся — и ужъ слѣду нѣтъ.
Тутъ стрекоза вертится на былинкѣ;
По листьямъ жукъ ползетъ на свѣтъ.

Тревожно шепчетъ робкая осина,
Сквозь зелень, видны вдалекѣ
Уснувшихъ водъ зеркальная равнина,
Рыбакъ съ сѣтями въ челнокѣ,

Стада овецъ, луга, пески, заливы,
Въ водѣ и надъ водой лѣса,
За берегами золотыя нивы,
Кругомъ — въ сіяньи небеса.

И очарованъ звуками лѣсными,
Цвѣтовъ дыханьемъ упоенъ,
Ребенокъ грезилъ снами золотыми,
Весь въ слухъ и зрѣнье превращенъ.

Когда корой прозрачною и тонкой
Синѣла въ осень гладь озеръ, —
Иной пріютъ манилъ къ себѣ ребенка, —
Сосѣда постоялый дворъ.

Тамъ бурлаки порой ночлегъ держали,
Порой держали косари,

Про степь и Волгу пѣсни распѣвали
Всю ночь до утренней зари.

И за́ сердце хваталъ напѣвъ унылый.
Вдругъ свистъ... и вскакивалъ бурлакъ —
„Пой веселѣй...“ И пѣсня съ новой силой 5
Неслась, и не смолкалъ трепакъ.

И свистомъ покрывался звукъ жилейки,
И полъ отъ топота гудѣлъ,
И прыгалъ столъ, и прыгали скамейки...
Ребенокъ слушалъ и смотрѣлъ. 10

И брань отца была ему больнѣе,
Когда домой онъ приходилъ,
И уголокъ родной глядѣлъ скучнѣе,
И онъ, Богъ вѣсть, о чемъ грустилъ.

III.

И годы шли. И на дворѣ, и въ полѣ 15
Тарасъ работникъ хоть куда,
И головы не клонитъ въ темной долѣ
Ни передъ кѣмъ и никогда.

Чуть міроѣдъ на бѣдняка наляжетъ, —
Тарасъ ужъ тутъ. Глаза блестятъ, 20
Лицо пылаетъ... „Ты не трогай!“ скажетъ,
„Не бей лежачихъ!... не велятъ!...

Ты кто такой!...“ И мѣряетъ глазами
Нахала съ головы до ногъ.
Отецъ махнетъ съ досадою руками 25
„Не сдобровать тебѣ, сынокъ!

„Подрѣжутъ крылья!... Такъ оно бываетъ...“
Надвинетъ шапку и пойдетъ;
И въ кабакѣ до ночи пропадаетъ,
Домой едва ужъ добредетъ. 30

„Ну, кто тутъ! Эй, зажги лучину!
Я шапку пропилъ... да! смотри.
Весь вѣкъ работалъ... ну, пора и сыну
Работать... чортъ васъ побери!

Весь вѣкъ пахалъ... все нищій... что жъ работа?
Вѣстимо такъ. И хлѣбъ и квасъ —
Мы все добудемъ! Важная забота!
И пью. Никто мнѣ не указъ!

И въ уголокъ свои деньженки спрячетъ,
Забудетъ, — и давай искать;
Кричитъ: „разбой“ и охаетъ, и плачетъ:
„Ты воръ, Тарасъ! не смѣй! молчать!“

„И будь ты проклятъ! сохни какъ лучина!“
Стоитъ, ни слова сынъ въ отвѣтъ;
Въ его глазахъ угрюмая кручина,
Въ его лицѣ кровинки нѣтъ.

Сидитъ на лавкѣ бѣдная старушка,
Лицо слезами облито...
И такъ печальна грязная избушка,
Что не глядѣлъ бы ни на что.

Ужъ разсвѣтаетъ. Тучки краской алой
Покрыты. Закраснѣлся прудъ.
И весело подъ кровлей обветшалой
Пѣвуньи-ласточки поютъ.

Вдали туманъ рѣдѣетъ надъ лугами.
Вотъ слышны: рѣзкій скрипъ воротъ
И голосъ бабы: „поѣзжай межами,
Тамъ перелѣскомъ путь пойдетъ...“

— „Эхъ-ма, ужъ день!“ Тарасъ тряхнетъ кудрями,
„Ну, видно, послѣ, молъ, поспишь“...
И вотъ съ сохою ѣдетъ онъ полями;
Дорога — скатерть, въ полѣ — тишь;

Надъ лѣсомъ солнце золотомъ сверкаетъ.
И птичка въ вышинѣ поетъ,

Звенитъ, поетъ и устали не знаетъ...
И парень пѣсню заведетъ.

И грустно, грустно эта пѣсня льется.
Онъ ѣдетъ лугомъ — будитъ лугъ,
Проѣдетъ лѣсомъ — темный лѣсъ проснется 5
И съ нимъ поетъ какъ старый другъ.

Но вотъ стемнѣло. Кончена работа.
Уснуть бы, кажется, пора,
Да спать-то парню не даетъ забота, —
Коней ведетъ онъ со двора 10

Поить. И шляпу на бекрень надѣнетъ;
Ворота настежъ распахнетъ,
По улицѣ, посвистывая ѣдетъ,
А за угломъ — подруга ждетъ.

Кругомъ безлюдно. Тепелъ лѣтній вечеръ. 15
Рѣка при мѣсяцѣ блеститъ.
И знаетъ только перелетный вѣтеръ,
Что парень съ милой говоритъ.

Печальна жизнь. Печальны съ милой встрѣчи.
Она поникла головой, 20
Въ отвѣтъ на ласки не находитъ рѣчи,
Стоитъ и парень самъ не свой.

„Я самъ не радъ, голубка дорогая!
Какъ мнѣ жениться на тебѣ?
Свяжу тебя, свяжу себя, родная... 25
Гнѣзда не вить ужъ мнѣ себѣ.

„Мнѣ тѣсно тутъ. Не связывай мнѣ воли,
Авось придутъ иные дни...
А сгину гдѣ безъ счастья и безъ доли —
Меня хоть ты-то не кляни!“ 30

— На муку, вѣрно, отвѣчаетъ голосъ:
Да на печаль я рождена,
И пропаду, что одинокій колосъ,
И все молчать, молчать должна!

Отецъ и мать мнѣ попрекнутъ тобою!
Тамъ замужъ... чахни отъ тоски!
И всѣмъ-то будетъ воля надо мною
До гробовой моей доски!...—

5 „Не быть тому! добьюсь до красной доли!
Добьюсь! мнѣ силъ не занимать,
И будешь ты и въ радости, и въ холѣ,
И въ нѣгѣ вѣкъ свой вѣковать.“

Старушка мать все плачетъ да горюетъ:
10 Испорченъ сынъ... куда вѣдь плохъ!
О чемъ онъ только соколъ мой тоскуетъ,
Меня сушитъ и самъ изсохъ.

И ходитъ баба по селу съ кручиной.
Бѣда, молъ, матушки, пришла!
15 Разсталась бы съ послѣднею холстиной,
Коли бъ я знахаря нашла.

IV.

Блестятъ, мерцаютъ звѣзды надъ полями,
Сосѣда грязная изба
Чуть не биткомъ набита косарями,
20 Въ избѣ веселая гульба.

Дымъ тютюна, жара... Весь въ сажѣ черной,
Ночникъ мигаетъ надъ столомъ,
Трещитъ. И ходитъ по рукамъ проворно
Стаканъ, наполненный виномъ.

25 Поютъ и пляшутъ косари степные,
Кафтаны сброшены съ ихъ плечъ,
Растрепаны ихъ кудри молодые,
Бойка и удала ихъ рѣчь.

Тарасъ сидитъ угрюмый и печальный.
30 Онъ друга по-сердцу сыскалъ,
И про свою любовь къ сторонкѣ дальней,
И про тоску поразсказалъ.

„Эхъ, курица!“ товарищъ крикнулъ громко:
„Тебѣ ль летать въ далекій путь!
Связался тутъ съ какою-то дѣвченкой,
Боишься крыльями махнуть!

„Гулялъ бы ты, какъ я, соколъ, гуляю: 5
Три года на Дону прожилъ,
Теперь на Волгу лыжи направляю.
Про домъ и думать позабылъ“.

И долго говорилъ косарь кудрявый,
И все хвалилъ степей просторъ, 10
Красу казачекъ, косарей забавы, —
И пѣсней кончилъ разговоръ.

Тарасъ вскочилъ. Лицо его горѣло!
„Такъ здравствуй ты, чужая даль!
Ну, — въ степь, такъ въ степь! Все сердце изболѣло! 15
Вина! Запьемъ свою печаль!..“

И взялъ онъ паспортъ. Помолился Богу
И отдалъ старикамъ поклонъ:
„Благословите, молъ, родные, на дорогу,
Такъ, значитъ, надобно: законъ.“ 20

Старикъ кричалъ, — ничто не помогало,
И плюнулъ, наконецъ, со зла.
Старушка къ сыну на плечо припала
И оторваться не могла.

— Касатикъ мой, мой голубь сизокрылый! 25
Господь тебя да сбережетъ!...
Заѣлъ тебя, заѣлъ отецъ постылый
Да и меня-то въ гробъ кладетъ.—

„Возьми-ка съ горя объ стѣну убейся,
Сказалъ ей мужъ: вишь обнялись! 30
Ступай, сынокъ! ступай, какъ вихорь вейся,
Какъ вихорь, по свѣту кружись!...—

V.

И, распростясь съ родимыми полями,
Взявъ только косу со двора,
Пошелъ Тарасъ съ котомкой за плечами
Искать и счастья и добра.

Одна заря смѣнялася другою,
За темной ночью день вставалъ,
Все шелъ косарь, все дальше за собою
Поля родныя оставлялъ.

Порой, усталый, на траву приляжетъ,
Горячій потъ съ лица отретъ,
Ремни котомки кожаной развяжетъ
И скудный завтракъ свой начнетъ.

На немъ отъ пыли платье почернѣло,
Въ клочкахъ подошвы сапоговъ,
Лицо его отъ солнца загорѣло,
Но какъ онъ веселъ и здоровъ!

Идетъ мой парень. А надъ нимъ, порою,
Иль журавлей кружится цѣпь,
Иль пролетаютъ облака толпою,
И вотъ онъ углубился въ степь.

„О, Господи! что жъ это за раздолье!
А глушь-то: степь да небеса!
Трава, цвѣты... ужъ, правда, тутъ приволье,
Краса, что рай земной, краса!“

Межъ тѣмъ трава клонилась, поднималась,
Ей вѣтеръ кудри завивалъ,
По этимъ кудрямъ тѣнь переливалась
И яркій лучъ перебѣгалъ.

И весело изъ зелени, какъ глазки,
Цвѣты глядѣли тутъ и тамъ,
По нимъ играли радужныя краски,
И кланялись цвѣты цвѣтамъ.

А голоса безъ умолку звучали.
Жужжанье, пѣсни, трескотня
Со всѣхъ сторонъ неслись и утопали
Въ сіяньи солнечнаго дня.

Смеркается — и говоръ затихаетъ, 5
Край неба въ полыми горитъ,
Ночь темная украдкой подступаетъ,
Степной травы не пробудитъ.

Зажглась звѣзда, зажглось ихъ много, много.
И мѣсяцъ въ сумракѣ блеститъ, 10
И снопъ лучей воздушною дорогой
Идетъ и въ глубь рѣки глядитъ.

Все стихло, спитъ. Но степь какъ будто дышетъ,
Въ дремотѣ звуки издаетъ:
Вотъ, гдѣ-то свистъ далекій ухо слышитъ, 15
И кажется, чумакъ поетъ.

Рѣдѣютъ тѣни. Звѣзды пропадаютъ,
Въ огнѣ несутся облака
И медленно, рѣдѣя, померкаютъ.
Ковыль задвигался слегка. 20

Свѣтло. Вспорхнула птичка. Солнце встало.
Степь тонетъ въ золотомъ огнѣ...
И снова все запѣло, зазвучало
И на землѣ и въ вышинѣ...

Вотъ въ сторонѣ станица показалась, 25
Стекломъ воды отражена,
Сидитъ на берегу. Вся увѣнчалась
Садами темными она.

По зелени некошенной равнины
Разсыпался табунъ коней. 30
Безлюдье, тишь... Холмовъ однѣ вершины
Оглядываютъ ширь степей.

Вошелъ Тарасъ въ станицу и дивится:
Казачка въ пестромъ колпакѣ,

На скакунѣ, ему навстрѣчу мчится
Съ баклагой круглою въ рукѣ.

Желтѣютъ гумна. Домики нарядно
Глядятъ изъ зелени садовъ.
5 Вотъ спитъ казакъ подъ тѣнью виноградной
И какъ румянъ онъ и здоровъ!

Ни грязныхъ бабъ въ поневахъ подоткнутыхъ,
Ни лицъ не видно испитыхъ,
И нѣтъ тутъ нищихъ блѣдныхъ, необутыхъ,
10 Калѣкъ, оборванныхъ слѣпыхъ...

Какъ разъ мой парень подоспѣлъ къ покосу,
Нанялся скоро въ косари.
„Ну, добрый часъ!“ И наточилъ онъ косу
При свѣтѣ утренней зари.

15 Кипи, работа! Въ шляпѣ и въ рубахѣ
Идетъ и машетъ онъ косой,
Коса сверкаетъ, и, при каждомъ взмахѣ,
Трава ложится полосой.

Тамъ въ вышинѣ орелъ иль кречетъ вьется,
20 Иль туча крылья развернетъ,
И темный вихорь мимо пронесется, —
Тарасъ и коситъ и поетъ...

Стога растутъ. Покосъ къ концу подходитъ:
Степь засыпаетъ въ тишинѣ
25 И на сердце, нагая, грусть наводитъ...
Тарасъ не радъ своей казнѣ;

Такъ много нуждъ! Онъ пролилъ сколько пота!
Казны такъ мало накопилъ!
Куда жъ итти? Еще нужна работа;
30 Нужна опять растрата силъ!

И будешь сытъ... такъ до сырой могилы
Трудись, трудись... но жить когда?
Къ чему казна, когда растратишь силы
И надорвешься отъ труда?

А радости? иль нѣтъ ихъ въ темной долѣ,
Въ суровой долѣ мужика?
Иль кѣмъ онъ проклятъ, проливая въ полѣ
Кровавый потъ изъ-за куска?..

Въ степи стемнѣло. Около дороги 5
Горятъ на травкѣ огоньки;
Въ густомъ дыму чернѣются треноги,
Висятъ на крючьяхъ котелки.

Въ водѣ пшено съ бараниной варится
Усѣлись косари въ кружокъ, 10
И слышенъ говоръ: никому не спится,
И слышенъ изрѣдка рожокъ.

Вокругъ молчанье. Мѣсяцъ обливаетъ
Стоговъ верхушки серебромъ,
И при огнѣ изъ мрака выступаетъ 15
Шалашъ, покрытый камышомъ.

„Ну, не къ добру, — сказалъ косарь плечистый,
Умолкъ нашъ соловей степной!..
Тарасъ, а ну... привстань съ травы росистой,
Уважь, лучинушку пропой!“ 20

— Ну, нѣтъ, дружище, что-то не поется.
Гроза бы, что ли ужъ нашла...
Такая тишь! трава не пошатнется!
Нѣтъ, лѣтомъ лучше жизнь была. —

„Домой, пріятель, видно захотѣлось. 25
„Ты говорилъ: тутъ рай въ степяхъ.“
И былъ тутъ рай! Да все ужъ приглядѣлось;
Работы нѣтъ, трава въ стогахъ.

И думалъ онъ: вотъ я и домъ покинулъ...
Была бы только жизнь по мнѣ, 30
Вѣдь, кажется, я бъ гору съ мѣста сдвинулъ —
Да что!.. Заботы все однѣ!..

Живется-жъ людямъ въ нуждѣ безъ печали!
Такъ наши дѣды жизнь вели,

Росли въ нуждѣ, пахали да пахали,
Съ нуждою бились, въ гробъ легли.

И сгнили... Точно смерть утѣха!
Ищи добра, броди впотьмахъ,
Покуда, свѣту Божьему помѣха,
Лежитъ повязка на глазахъ...

Эхъ, ну, васъ къ чорту, горькія заботы!
О чемъ тутъ плакать горячо?
Пойду туда, гдѣ болѣе работы,
Гдѣ нужно крѣпкое плечо.

VI.

Горитъ заря. Румяный вечеръ жарокъ;
Румянецъ по рѣкѣ разлитъ.
Пестрѣютъ флаги плоскодонныхъ барокъ,
И людъ на пристани кишитъ.

Въ высокихъ шапкахъ чумаки съ кнутами,
Татаринъ съ бритой головой;
Въ бешметѣ съ откидными рукавами
Курчавый грекъ; цыганъ сѣдой;

Купецъ дородный съ важною походкой,
И съ самоваромъ сбитенщикъ,
И плутъ еврей съ козлиною бородкой,
Вѣстей торговыхъ проводникъ, —

Кого тутъ нѣтъ! Докучный пискъ шарманокъ,
Смѣхъ бурлаковъ и скрипъ колесъ,
И брань и пѣсни буйныя цыганокъ, —
Все въ гулъ надъ берегомъ слилось.

Куда ни глянь — подъ хлѣбомъ берегъ гнется:
Хлѣбъ въ балаганахъ, хлѣбъ въ бунтахъ...
Не даромъ Русь кормилицей зовется
И почиваетъ на поляхъ.

Вкругъ вольницы веселый свистъ и топотъ;
Народу, — пушкой не пробьешь!
И всюду шумъ, какъ будто моря ропотъ;
Шумъ этотъ слушать устаешь.

„Вотъ гдѣ разгулъ! Вотъ милая сторонка“! 5
Тарасъ кричитъ на берегу:
„Вина, ребята! вотъ моя мошонка!
Да грянемъ пѣсню, помогу!

„Ну, внизъ по матушкѣ по Волгѣ...
дружно!...“ 10
И пѣсня громко понеслась;
Откликнулся на пѣсню лугъ окружной,
И даль рѣки отозвалась...

А небо все темнѣло, померкало,
Шла туча синяя съ дождемъ,
И молнія гладь Дона освѣщала, 15
И перекатывался громъ.

Вдругъ хлынулъ дождь, гроза забушевала,
Народъ подъ кровли побѣжалъ.
„Шабашъ, ребята! Пѣсни, значитъ, мало!“
Тарасъ товарищамъ сказалъ. 20

Пустился къ Дону, жилистой рукою
Челнокъ отъ барки отвязалъ,
Схватилъ весло, и тѣшился грозою,
По гребнямъ волнъ перелеталъ.

И бурлаки качали головами: 25
„Неугомонный человѣкъ!
Вишь, шутъ понесъ помѣриться съ волнами!
Ни за копѣйку сгубитъ вѣкъ.“

VII.

Одѣты сѣрые луга туманомъ;
То дождь польетъ, то снѣгъ летитъ. 30
И глушь и дичь. На берегу песчаномъ
Угрюмо темный лѣсъ стоитъ.

Дождю на встрѣчу мѣрными шагами
Подъ лямкой бурлаки идутъ
И тянутъ барку крѣпкими плечами, —
Слабѣть канату не даютъ.

Ихъ ноги грязью до колѣнъ покрыты,
Шапчонки лѣзутъ на глаза,
Потерлось платье, лапти поизбиты,
Отъ поту взмокли волоса.

„Бери причалъ! ну, живо! аль заснули!“
Продрогшій кормчій закричалъ.
И бурлаки веревки натянули, —
И барка стала на привалъ.

Огонь зажженъ. Дымъ въ клочьяхъ улетаетъ;
Несутся быстро облака,
И вѣтромъ барку на волнахъ качаетъ,
И плещетъ на берегъ рѣка.

Тарасъ потеръ мозолистыя руки
И сѣлъ, задумавшись, на пень.
„Ну, ну! перенесли мы нынче муки!“
Промолвилъ кто-то: „скверный день!

„Убѣгъ бы, да притянутъ къ становому
И отдерутъ...“ — Доволокемъ!
Сказалъ другой: гуляй, пока по дому,
Тамъ будь, что будетъ!... ужъ попьемъ!...

Вотъ мы вчера къ Тарасу приставали,
Куда, — не пьетъ! Такой чудакъ!—
„А что, Тарасъ, ты право крѣпче стали,
Сказалъ оборванный бурлакъ:

Тутъ тянешь, тянешь, — смерть, а не работа,
А ты и ухомъ не ведешь!...
Тарасъ кудрями мокрыми отъ пота
Тряхнулъ и молвилъ: „не умрешь!

Умрешь — зароемъ“. — У тебя все шутки.
О дѣлѣ, слышишь, рѣчь идетъ.

Вѣдь у тебя то пѣсни, прибаутки,
То скука — шутъ тебя пойметъ...

— „Разсказывай! Перебивать не буду...“
Онъ думалъ вовсе о другомъ,
Хоть и глядѣлъ, какъ желтыхъ листьевъ груду 5
Огонь обхватывалъ кругомъ.

И вспомнилъ онъ сторонушку родную
И свой печальный, бѣдный домъ;
Отецъ клянетъ его на-пропалую,
А мать рыдаетъ за столомъ. 10

И вспомнилъ онъ, какъ разставался съ милой,
Зачѣмъ? Что ждало впереди?
Что ждетъ теперь? Ужъ какъ она любила!
И сердце дрогнуло въ груди.

„Сюда, ребята! Плотникъ утопаетъ!“ 15
На баркѣ голосъ раздался:
И по доскамъ толпа перебѣгаетъ
На барку. „Экъ онъ сорвался!“

— Да гдѣ! — „Вонъ тутъ. Ну долго ль
оступиться!“
— Вотъ горе — вѣтеръ-то великъ! 20
„Плыви скорѣй! — Нешто, плыви топиться!...—
„Спасите!“ раздавался крикъ,

И голова мелькала надъ волнами.
Тарасъ ужъ бросился въ рѣку
И во всю мочь размахивалъ руками. 25
„Держись!“ кричалъ онъ бѣдняку.

„Ко мнѣ держись!“ Но громкаго призыва
Товарищъ слышать ужъ не могъ —
И погрузился въ волны молчаливо...
Тарасъ нырнулъ. Ужъ онъ продрогъ 30

И былъ далеко. Глухо раздавался
И шумъ воды и вѣтра вой;
Пловецъ изъ синей глуби показался
И вновь исчезъ. Нѣмой толпой

Стоялъ народъ съ надеждою несмѣлой.
И вынырнулъ Тарасъ изъ волнъ...
Глядятъ, — за нимъ еще всплываетъ тѣло...
И разомъ грянуло: „спасенъ!“

5 И шапками въ восторгѣ замахала
Толпа, забывшая свой страхъ.
А вѣтеръ злился; чайки пропадали,
Какъ точки, въ темныхъ облакахъ.

Усталъ пловецъ. Измученный волнами,
10 Едва плыветъ. Онѣ бѣгутъ
Всѣ въ бѣлой пѣнѣ, дружными рядами.
И все растутъ, и все растутъ.

Хотѣлъ онъ крикнуть, — замерло дыханье...
И въ воздухѣ рукой потрясъ,
15 Какъ будто жизни посылалъ прощанье,
И крикнулъ — и пропалъ изъ глазъ!

1860.

Дневникъ Семинариста.

184... Іюля 18.

Слава тебѣ, Господи! Вотъ и каникулы! Вотъ наконецъ, я и дома... да! Нужно подобно мнѣ позубрить круглый годъ уроки, ежедневно, да еще два раза въ день, за исключеніемъ, разумѣется, праздниковъ, промѣрять отъ квартиры до семинаріи версты четыре или болѣе, потомъ, въ душной комнатѣ, въ кружкѣ шести человѣкъ товарищей, подчасъ въ дыму тютюна, погнуться до полночи надъ запачканною тетрадкою или истрепанною книгой, потвердить греческій и латинскій языки, геометрію, герменевтику, философію, и прочее и прочее, и послѣ броситься съ досадою на жесткую постель и заснуть съ тощимъ желудкомъ, оттого, что какія-нибудь тамъ жиденькія, сваренныя съ свинымъ саломъ щи пролиты на полъ пьяною хозяйкою дома, — нужно, говорю я, все это пережить и перечувствовать, чтобы оцѣнить всю прелесть теплаго, гостепріимнаго, родного уголка... Ухъ! Дай потянусь на этомъ кожаномъ стулѣ, въ этой горенкѣ съ окнами, выходящими въ зеленый, обрызганный росою, садъ, въ этомъ раю, гдѣ я самъ большой, самъ старшой, гдѣ имѣетъ право прикрикнуть на меня только одинъ мой добрый батюшка... А право, здѣсь настоящій рай; тихо, свѣтло. Изъ сада пахнетъ травою и цвѣтами; на яблоняхъ чирикаютъ воробьи, у ногъ моихъ мурлычетъ мой старый знакомецъ, сѣрый котъ. Яркое солнце смотритъ сквозь стекло и золотымъ

снопомъ упирается въ чисто-вымытую и выскребенную ножемъ сосновую дверь. Батюшка мой такой тихій! такой незлопамятный! Если и случается мнѣ что-нибудь набѣдокурить, онъ покачаетъ головою, сдѣлаетъ легкій упрекъ — и только. Между тѣмъ, странное дѣло! я такъ боюсь его оскорбить!.. А вотъ, помню я, былъ у насъ учитель во 2 классѣ училища, Алексѣй Степанычъ, коренастый, съ черными нахмуренными бровями, и такой рябой и корявый, что смотрѣть скверно. Вызоветъ онъ, бывало, тебя на средину класса и крикнетъ: „читай!“ А изъ глазъ его такъ и сверкаютъ молніи. Взглянешь на него украдкою, и начнешь измѣняться въ лицѣ, въ головѣ пойдетъ путаница, и все вокругъ тебя заходитъ: и ученики, и учитель, и стѣны, просто диво! И понесешь такую дичь, что послѣ самому станетъ стыдно. „Не знаешь, мерзавецъ!“ зарычитъ учитель: „къ порогу.“ И начнется, бывало, жаркая баня... Чтожъ вы думаете? Попадались такіе ученики, которые, не жалѣя своей кожи, находили непонятное удовольствіе бѣсить своего наставника. Бывало, иной ляжетъ подъ розги, закуситъ до крови свой палецъ — и молчитъ. Его сѣкутъ, а онъ молчитъ. Его сѣкутъ еще болѣе, а онъ все молчитъ. Алексѣй Степанычъ смотритъ и со зла чуть не рветъ на себѣ волосы... Да мало ли что случалось! Однажды ученикъ дѣлалъ дѣленіе и до того спутался, что никакъ не могъ рѣшить задачи. Стоитъ бѣдняжка у доски, лицо разгорѣлось, по щекамъ текутъ слезы, носъ выпачканъ мѣломъ, руки и правая пола сюртука тоже въ мѣлу. Алексѣй Степанычъ злится, не приведи Господи! „Ну, говоритъ: чтожъ ты!.. рѣшай!..“ И вдругъ повернулся направо. „Богородицкій! какъ ты объ этомъ думаешь?“ Богородицкій вскочилъ со скамьи, вытянулъ руки по швамъ и, вспомнивъ, что въ катихизисѣ есть подобный вопросъ съ надлежащимъ къ нему отвѣтомъ, громогласно и нараспѣвъ отвѣчалъ: „я думаю и разсуждаю объ

этомъ такъ, какъ повелѣваетъ мать наша, Церковь.“ Мы всѣ переглянулись, однакожъ засмѣяться никто не смѣлъ. Алексѣй Степанычъ плюнулъ ему въ глаза и крикнулъ: „на колѣни!“ Ну, въ семинаріи у насъ совсѣмъ не то: розги почти совсѣмъ устранены, а если и употребляютъ въ дѣло, такъ это ужъ за что-нибудь особенное. Наставники обращаются съ нами на вы, къ чему я долго не могъ привыкнуть. Оно въ самомъ дѣлѣ странно: профессоръ, магистръ духовной академіи, человѣкъ, который, Богъ знаетъ, чего не прочелъ и не изучилъ, обращается, напримѣръ, ко мнѣ, или къ моему товарищу, сыну какого-нибудь пономаря или дьячка, и говоритъ: „прочтите лекцію“. Долго я не могъ къ этому привыкнуть. Теперь ничего. И мнѣ становится уже непріятно, иногда и вовсе обидно, если кто-либо говоритъ мнѣ ты; въ этомъ ты я вижу къ себѣ нѣкоторое пренебреженіе. Замѣчу кстати: мнѣ необходимо привыкать къ вѣжливости, или, какъ говоритъ мой пріятель Яблочкинъ, къ порядочности (Яблочкинъ необыкновенно даровитъ, жаль только, что онъ помѣшался на чтеніи какого-то Бѣлинскаго и вообще на чтеніи разныхъ свѣтскихъ книгъ). Батюшка сказалъ, что съ первыхъ чиселъ сентября я буду жить въ квартирѣ одного изъ нашихъ профессоровъ съ тою цѣлію, чтобы онъ имѣлъ непосредственное наблюденіе за моимъ поведеніемъ, слѣдилъ за моими занятіями и, гдѣ нужно, помогалъ мнѣ своими совѣтами. Этотъ надзоръ, мнѣ кажется, рѣшительно меня свяжетъ. Либо ступишь не такъ, либо что скажешь не такъ, вотъ сейчасъ и сдѣлаютъ тебѣ замѣчаніе сначала одно, другое, третье и такъ далѣе. Впрочемъ, можетъ-быть, я и ошибаюсь; батюшка, навѣрно, желаетъ мнѣ добра. Стой! вотъ еще новая мысль: что если этотъ дневникъ, который я намѣренъ продолжать, по какому-нибудь несчастному, непредвидѣнному случаю, попадется въ руки профессора? Вотъ выйдетъ штука... вообра-

жаю!... Да нѣтъ! Быть не можетъ! Во-первыхъ, у меня, какъ и прежде, будетъ въ распоряженіи свой сундучекъ съ замкомъ, въ который я могу прятать все, что мнѣ заблагоразсудится; во-вторыхъ, я стану писать его или въ отсутствіе профессора, или во время его сна, стало-быть, опасенія мои на этотъ счетъ не имѣютъ никакого основанія. Жаль мнѣ бросить эту работу! Записывая все, что вокругъ меня дѣлается, быть-можетъ, я со временемъ привыкну свободнѣе излагать свои мысли на бумагѣ. Притомъ самая окружающая меня жизнь здѣсь, въ деревнѣ, и тамъ, въ городѣ, въ семинаріи, какъ она ни бѣдна содержаніемъ, все-таки не вовсе лишена интереса. Вчера, напримѣръ, мнѣ случилось быть у нашего дьячка Кондратьича. Чудакъ онъ, ей Богу! Лѣтами еще не старъ, лѣтъ этакъ тридцати съ чѣмъ-нибудь, выпить любитъ, а когда выпьетъ, ему никто нипочемъ: и прихожанинъ-мужикъ, и дьяконъ, и даже мой батюшка. Придирки свои онъ, обыкновенно, начинаетъ жалобою на свое незавидное положеніе: „что, дескать, я? дьячокъ — вотъ и все! тварь — больше ничего! Червякъ — и только!...“ И зальется горькими слезами, — и вдругъ изъ слезъ сдѣлаетъ неожиданный переходъ къ такой рѣчи: „да-съ, я червякъ, воистину червякъ! Ну, а ты, смѣю тебя спросить, ты что за птица?...“ Тутъ голосъ его начнетъ возвышаться все болѣе и болѣе. Кондратьичъ засучиваетъ рукава, лѣвую ногу выставляетъ впередъ, правую руку съ сжатымъ кулакомъ бойко замахиваетъ назадъ, словомъ: принимаетъ грозное, наступательное положеніе, и въ эту минуту къ нему не подходи никто, иначе расшибетъ вдребезги; если кулаковъ его окажется недостаточно, пуститъ въ ходъ свои зубы, ужъ чѣмъ-нибудь да насолитъ своему, какъ онъ выражается, врагу-супостату. Жена Кондратьича робкая, загнанная, забитая женщина, вдобавокъ худенькая, маленькая и подслѣповатая, вѣчно плачется на своего мужа,

жизнь свою называетъ мукою, себя мученицею; мужъ называетъ ее слѣпою Евлампіею. Итакъ, говорю я, вчера вечеромъ случилось мнѣ быть у Кондратьича. Когда я вошелъ въ его избу, онъ ходилъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за веревочку, которою былъ опоясанъ и распѣвалъ: „Взбранной воеводѣ побѣдительная, яко избавльшеся отъ злыхъ...“ Посреди избы стояла большая, опрокинутая вверхъ дномъ, кадушка. „А, мое, вамъ почтеніе, Василій Ивановичъ!“ сказалъ Кондратьичъ, замѣтивъ меня на порогѣ: „мое вамъ всенижайшее почтеніе, господинъ философъ, будущій пастырь словесныхъ овецъ... сдѣлайте одолженіе, садитесь... А это что у васъ за мѣшочекъ въ рукѣ?...“ Я совершенно потерялся. Дѣло въ томъ, что батюшка приказалъ мнѣ отнести дьячихѣ немного пшена, но такъ, чтобы мужъ ея этого не замѣтилъ, потому что Кондратьичъ, при всей своей нищетѣ, при всемъ своемъ безобразномъ пьянствѣ, гордъ невыносимо. „Это такъ“, отвѣчалъ я, краснѣя. — „А коли такъ, стало-быть, и пышки въ макъ.“ Мы сѣли. Минуты три прошло въ молчаніи. Вдругъ подъ кадушкою послышалось всхлипываніе. Я взглянулъ на дьячка. Онъ преспокойно поправилъ свою тоненькую, завязанную грязнымъ снуркомъ, косу и отвѣтилъ: „мыши скребутъ.“ Всхлипываніе усилилось. Я вскочилъ, приподнялъ край кадушки, и, къ величайшему моему удивленію, оттуда вышло или, правильнѣе сказать, выползло живое существо—это была жена Кондратьича, блѣдная, безъ платка на головѣ, съ растрепанными волосами. „Что это значитъ?“ спросилъ я дьячка. „Гм... что это значитъ... да-съ!“ И не спѣша, вынулъ онъ свою тавлинку, щелкнулъ по ней указательнымъ перстомъ, потянулъ въ одну ноздрю табаку и съ глубокомысленнымъ видомъ произнесъ: „Жена моя увидала васъ въ окно и, не желая показать молодому юношѣ свою красоту, скрылась въ эту подвижную храмину. Смѣю вамъ доложить, она

у меня прецѣломудренная женщина!...“ Разумѣется, Кондратьичъ говорилъ вздоръ. По справкѣ оказалось, что онъ уже не первый разъ издѣвается такимъ образомъ надъ безотвѣтною бабою. Въ минуту гнѣва и ужъ, конечно, порядочно выпивши, Кондратьичъ опрокидываетъ кадушку тамъ, гдѣ ее находитъ, т.-е. на дворѣ или въ избѣ, и обыкновенно кричитъ женѣ: „слѣпая Евлампія, гряди сѣмо!...“ Бѣдная женщина, не смѣя ему прекословить, подползаетъ подъ такъ называемую подвижную храмину, а дьячекъ ходитъ вокругъ и распѣваетъ: „Взбранной воеводѣ побѣдительная...“ Батюшка мой отчасти прощаетъ ему эти мерзости изъ состраданія къ его женѣ, которая безъ мужа должна будетъ пойти съ сумою, потому что Кондратьичъ, какъ онъ ни плохъ, все же ее кормитъ, отчасти просто по добротѣ своего сердца. Дьячекъ, со своей стороны, умѣетъ заискать кого ему нужно.—На дняхъ, когда благочинный входилъ въ нашу церковь, Кондратьичъ забѣжалъ ему впередъ: „Позвольте, позвольте!...“ — „Что ты, братъ?“ — „А вотъ-съ...“ и, вынувъ изъ своего кармана носовой платокъ, услужливый дьячекъ смахнулъ имъ пыль съ сапоговъ благочиннаго, прежде нежели тотъ успѣлъ ему что-либо возразить. „Каковъ онъ у васъ?“ спросилъ послѣ благочинный у моего батюшки. „Пьетъ иногда и характера не совсѣмъ покойнаго“.—„Ну, что жъ дѣлать! Увѣщевай его Словомъ Божіимъ. Поглядишь, исправится. Одинъ Богъ безъ грѣха...“ Однако пора обѣдать. Послѣ обѣда завалюсь спать и просплю до вечера, просто — наслажденіе!...

Вечеромъ.

Уже смерклось. Съ пастбища возвращается стадо коровъ, покрытое облакомъ пыли. Пастухъ пощелкиваетъ кнутомъ. Гдѣ-то вдалекѣ, вѣроятно, какой-нибудь молодой парень наигрываетъ въ жилейку. На улицѣ слышенъ скрипъ отворяемыхъ и

затворяемыхъ воротъ. Бабы, въ пестрыхъ поневахъ и въ бѣлыхъ рогатыхъ кичкахъ, расходятся въ разныя стороны отъ колодца. — Коромысла мѣрно качаются на ихъ плечахъ, въ желѣзныхъ ведрахъ свѣтится холодная ключевая вода.—Солнце медленно прячется въ синихъ тучахъ за темнымъ лѣсомъ, и его пурпуровый румянецъ горитъ на листьяхъ деревъ, на соломенныхъ кровляхъ бревенчатыхъ избушекъ, на стеклахъ узенькихъ оконъ и на поверхности свѣтлаго озера, окаймленнаго зеленымъ камышомъ.—Славная, право, картина! А ужъ какъ я спалъ послѣ обѣда!... Мнѣ кажется, ударъ грома не могъ бы меня разбудить... Да какъ и не спать?— Пирогъ, щи съ говядиной, подбитыя сметаною, жареная, налитая яйцами, курица, творогъ, каша молочная — вотъ что было у насъ за обѣдомъ. — Маменька потчивала меня, какъ гостя, и я принужденъ былъ съѣсть нѣсколько лишнихъ кусковъ единственно для того, чтобы доставить ей удовольствіе.— Добрая она, право! Говоритъ, что я похудѣлъ въ продолженіе года отъ усиленныхъ занятій науками, и совѣтуетъ мнѣ беречь свое здоровье, въ особенности не читать книгъ по ночамъ, чтобы не испортить зрѣнія. Разумѣется, все это было сказано въ отсутствіе батюшки, который не любитъ потакать лѣни, а главное, не терпитъ, чтобы женщины мѣшались въ дѣло науки. Прямое назначеніе женщинъ, говоритъ онъ, — заботы о семейномъ домашнемъ быту, внѣ котораго онѣ никуда не годны. Взглядъ батюшки еще не такъ строгъ. Другіе смотрятъ на женщину, какъ на аспида и василиска. Правда, я мало читалъ, но изъ всего мною прочитаннаго выходитъ заключеніе такого именно рода, что женщина— аспидъ и василискъ... Кто пробѣжитъ начало моихъ записокъ, безъ сомнѣнія, скажетъ: „Что за наивность! Въ какія странныя разсужденія вдается писавшій эти строки!“—Такъ-то такъ, м. г., сказалъ бы я ему, только вы забываете, что я свя-

занъ по рукамъ и по ногамъ. Если бы я спросилъ о чемъ-либо, не прямо относящемся къ моему дѣлу къ лекціи, кого-либо изъ нашихъ профессоровъ, меня назвали бы дуракомъ; если бы я спросилъ кого-либо изъ моихъ товарищей, болѣе скромный изъ нихъ посмѣялся бы надо мною, болѣе дерзкій послалъ бы меня къ чорту. -На всякій возникающій во мнѣ вопросъ, на всякое рождающееся во мнѣ сомнѣніе я долженъ искать отвѣта только въ самомъ себѣ. За что же лишать меня моей единственной отрады — свободы мысли? Если всюду и передъ всѣми мнѣ приходится скромно потуплять глаза и покорно наклонять свою голову, по крайней мѣрѣ, въ тѣ минуты, когда работаетъ моя голова, когда перо мое не успѣваетъ слѣдить за быстрою мыслью, пусть я буду человѣкомъ, свободно проявляющимъ даръ своего живого слова.—Въ Воронежѣ, говорятъ, появился недавно прасолъ-поэтъ. Жаръ и холодъ пробѣжалъ по моему тѣлу, когда въ одномъ изъ современныхъ журналовъ я прочиталъ эти животрепещущія строки:

Иль у сокола
Крылья связаны?
Иль пути ему
Всѣ заказаны?..

Впрочемъ, изъ нашихъ наставниковъ никто не упомянулъ о немъ, какъ о человѣкѣ, подающемъ какія-либо надежды. — Говорятъ, былъ знаменитый поэтъ Пушкинъ, но я совсѣмъ его не читалъ. Въ словесности, какъ образецъ высокаго слога въ поэзіи, я помню слѣдующіе, выученные мною наизусть, стихи Державина:

Се ты—вѣковъ явленье чудо, —
Сбылось пророчество, сбылось!
Мечъ, возсіявшій изъ-подъ спуда,
Герой мой вновь свой лавръ вознесъ...

Послѣдняго стиха я никогда не могъ произнести свободно, потому что при чтеніи его у меня пере

хватывало въ горлѣ дыханіе. Вотъ Яблочкинъ, такъ ужъ молодецъ по этой части! сколько онъ знаетъ наизусть стиховъ! Предъ моимъ отъѣздомъ сюда онъ читалъ мнѣ поэму „Демонъ". Стихи необыкновенно музыкальны. Передъ глазами одна за другою рисуются картины, когда ихъ слушаешь, но впечатлѣніе, производимое цѣлою поэмою, наводитъ на странныя, невыразимыя мысли... Что, если бы, по окончаніи курса въ семинаріи, удалось мнѣ попасть въ университетъ... да нѣтъ! не съ моими способностями. Яблочкинъ—другое дѣло: онъ хоть сейчасъ выдержитъ университетскій экзаменъ.— „Пѣшкомъ,—говоритъ, — на Христово имя пойду, а ужъ буду въ университетѣ".—Я ему вѣрю: съ его настойчивымъ характеромъ онъ все сдѣлаетъ. А какъ онъ смѣлъ! Однажды въ классѣ, когда профессоръ говорилъ о мѣстопребываніи души въ человѣческомъ тѣлѣ и рѣшилъ этотъ вопросъ тѣмъ, что душа обитаетъ во всемъ нашемъ тѣлѣ, Яблочкинъ неожиданно поднялся со скамьи. „Позвольте предложить вамъ возраженіе", сказалъ онъ профессору.

— Хорошо.—

„Такъ какъ въ сумасшедшемъ человѣкѣ душа не можетъ проявлять разумно своего существованія, а по существу своему недѣятельною она быть не можетъ, то чѣмъ душа эта бываетъ занята въ продолженіе иногда многихъ лѣтъ т. е. до самой смерти сумасшедшаго?"

Профессоръ сталъ втупикъ и, послѣ долгаго молчанія, сурово отвѣтилъ: „Садитесь на мѣсто и впередъ прошу поменьше разсуждать, а слушать внимательно то, что вамъ скажутъ." Яблочкинъ сѣлъ читать какой-то журналъ и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на лекцію профессора, который говорилъ о Сенекѣ, о Сократѣ, о Пиѳагорѣ и, ужъ Богъ знаетъ, о комъ, всѣхъ трудно припомнить... Однако засѣла мнѣ въ голову эта семинарія! О чемъ бы я ни повелъ рѣчь, непремѣнно коснусь

семинаріи... Полно! Мнѣ еще нужно подумать о планѣ заданнаго намъ на каникулярное время разсужденія на тему: „Какимъ образомъ умъ, какъ источникъ идей, можетъ служить средствомъ къ пріобрѣтенію познаній?“ По поводу этой темы Яблочкинъ сказалъ мнѣ: „Подивись, братъ, нашимъ способностямъ. На эту мудреную фразу у насъ пишутъ нѣкоторые по три или по четыре листа самымъ мелкимъ почеркомъ, а простой записки къ знакомому никто изъ насъ не напишетъ толково, мало этого: десяти словъ не свяжутъ въ разговорѣ, какъ слѣдуетъ. Замѣть, братъ, это и намотай себѣ на усъ“. — Однако и ты напишешь, когда прикажутъ,—отвѣчалъ я. „Само собою такъ“.

22.

Цѣлую недѣлю я не брался за перо: не до того было. Наступила рабочая пора—уборка хлѣба. Жары стоятъ нестерпимые. На небѣ нѣтъ ни облачка. Вечеръ горячій. Жницы работаютъ съ разсвѣта до поздней ночи. На подошвахъ ихъ необутыхъ ногъ, которыми онѣ смѣло ступаютъ по срѣзаннымъ стеблямъ ржаного колоса, трескается кожа; на ладоняхъ появляются мозоли, нѣкоторыя величиною въ орѣхъ; лица у всѣхъ покрыты загаромъ и потомъ; на свѣжіе слѣды горячаго пота ложится сухая пыль, образуетъ черныя полосы, которыя, въ свою очередь, покрываются новою пылью, и такъ далѣе, и такъ далѣе... Всѣхъ мучитъ невыносимая жажда, а въ полѣ нѣтъ ни одной капли холодной воды, потому что она на разсвѣтѣ привозится изъ села въ жбанахъ или въ боченкахъ и, по прошествіи 3 — 4-хъ часовъ, дѣлается теплою, совершенно-негодною для питья. Нѣтъ и отрадной тѣни, куда бы можно было приклонить усталую голову и вдохнуть въ себя струю прохладнаго воздуха. Грудныя малютки, которыхъ матери берутъ собою въ

поле, лежатъ подъ снопами на разостланныхъ бѣлыхъ зипунахъ, время отъ времени плачутъ, замолкаютъ—и опять плачутъ. Матери торопливо кормятъ ихъ грудью и снова берутся за серпъ. При дорогѣ сидятъ грачи съ распущенными крыльями и раскрытымъ клювомъ; даже имъ тяжело отъ нестерпимаго жара. Батюшка, несмотря на свой санъ, собственноручно накладываетъ на возъ полновѣсные снопы, подмазываетъ дегтемъ колеса, впрягаетъ лошадь и сохраняетъ при всемъ этомъ невозмутимое спокойствіе: такъ онъ радъ хорошему урожаю! Примѣръ его и на меня дѣйствуетъ благодѣтельно. Только отъ непривычки къ работѣ къ вечеру у меня страшно ломятъ плечи и руки. Ночью сплю, какъ убитый, даже и во снѣ ничего не грезится. Сегодня, часовъ этакъ въ 5-ть, когда жаръ нѣсколько убавился, и работа закипѣла дружнѣе, изъ села прискакалъ верхомъ мальчишка безъ шапки, босоногій, въ оборванной рубашонкѣ, и своимъ дѣтскимъ языкомъ насилу могъ растолковать батюшкѣ, что умираетъ его больная мать, что нужно ее исповѣдать и пріобщить Святыхъ Таинъ. Батюшка поморщился. Сердце мое сжалось, и грѣшный человѣкъ, я осудилъ его въ душѣ. Очевидно, ему жаль было терять золотое, рабочее время. Впрочемъ, нерѣшимость его была минутная: съ моею помощію онъ посбросалъ съ телѣги снопы и крупной рысью отправился въ село. Больная умерла въ сумерки. Вечеромъ, когда мы готовились сѣсть за ужинъ, вошелъ кузнецъ Ѳома, старикъ, бѣлый какъ лунь.

„Здравствуй, отецъ Иванъ! Вотъ я сына хочу женить...“

— Знаю, знаю. Часъ добрый! — сказалъ батюшка.

„Покорнѣйше благодаримъ. Прими-ка вотъ, чѣмъ богатъ.“

Ѳома поклонился и поставилъ на столъ штофъ водки.

— Спасибо, другъ, спасибо! Только напередъ тебѣ самому ее надобно отвѣдать.

„Почему не такъ, коли будетъ на то твоя милость“. Батюшка налилъ стаканъ.

— Выпей-ка на здоровье. —

„Начинай, отецъ Иванъ. За мною дѣло не станетъ.“

— Я бы не отказался; ты знаешь, я не пью.

„Ну и просить не стану. Благослови.“

— Богъ тебя благословитъ. —

Ѳома выпилъ, крякнулъ и вытеръ усы рукавомъ своего сѣраго халата.

„За вѣнчаніе-то, отецъ Иванъ, ты дорого ль съ меня положишь?“

— Сойдемся, другъ, сойдемся. —

„Вѣстимое дѣло. Все-таки мнѣ надо разсчитать, что и какъ...“

Батюшка скоро съ нимъ условился.

„Ну, вотъ, сказалъ Ѳома: спасибо, что не прижимаешь; добрый ты, значитъ, человѣкъ, не то, что нашъ дьячекъ—этакая дрянь, и не глядѣлъ бы на него.“

— Богъ дастъ, исправится. Ну, каково убираетесь съ хлѣбомъ? —

„Убираемся помаленьку. Такъ спѣшимъ, что на-поди!“ И, послѣ непродолжительнаго разговора объ уборкѣ хлѣба, Ѳома поклонился и вышелъ.

„Зачѣмъ вы взяли это вино?“ спросилъ я у батюшки.

— Затѣмъ, чтобъ не обидѣть старика. Таковъ обычай.

„Ну, а зачѣмъ вы его потчивали?“

— Опять таковъ обычай. Вотъ погоди, когда будешь попомъ, да придется тебѣ самому плесть плетни, чинить соху, чистить хлѣвъ, да ходить со двора на дворъ съ просьбою, нельзя ли, молъ, вотъ въ томъ мнѣ помочь, да въ этомъ пособить, тогда ко всему привыкнешь. — И батюшка грустно сѣлъ за столъ, какъ будто вопросы мои пробудили въ немъ тяжелыя мысли.

30.

Полевыя работы идутъ горячо попрежнему, и я почти къ нимъ привыкъ: руки и плечи болятъ у меня уже меньше. Въ прошлое воскресенье мы всѣ порядочно поотдохнули. Время, проведенное мною въ церкви, при слушаніи Божественной Литургіи, показалось мнѣ особенно пріятнымъ. Мужички стояли такъ тихо, такъ благоговѣйно! Ни одинъ человѣкъ не улыбнулся, несмотря на то, что дьячокъ нашъ пѣлъ преотвратительно. При взглядѣ на толпу народа, въ головѣ моей мелькнула нелѣпая мысль: что если бы я былъ ученикомъ богословія? Я могъ бы надѣть стихарь, въ виду всѣхъ стать передъ налоемъ и сказать краснорѣчивое, поучительное слово... По выходѣ изъ церкви, на паперти, меня встрѣтили двѣ чернички, одна старая, другая молодая и прехорошенькая. Онѣ занимаются печеніемъ просфиръ, посѣщаютъ богатыхъ купцовъ въ городѣ, которые надѣляютъ ихъ разными съѣстными припасами, иногда отправляются странствовать по Святымъ мѣстамъ, на счетъ какихъ доходовъ? — положительно сказать не могу. Старую черничку нѣкоторые мужички, въ особенности пожилыя бабы, почитаютъ за святую. Она носитъ на груди засаленную тетрадку: „Сонъ Пресвятыя Богородицы“ и читаетъ ее по складамъ набожнымъ бабамъ; тѣ слушаютъ, подпирая руками голову, вздыхаютъ, нерѣдко плачутъ и награждаютъ читальщицу кусками холстины. Батюшка смотритъ на нихъ подозрительно, но онѣ живутъ, повидимому, такъ безукоризненно, и такъ хорошо съумѣли себя поставить во мнѣніи всѣхъ прихожанъ, что бояться имъ рѣшительно нечего. Эти чернички съ такою настойчивостью и вѣжливостію просили меня къ нимъ зайти, удостоить ихъ, какъ выражались онѣ, моимъ посѣщеніемъ, что мнѣ совѣстно было отказаться. Въ горенкѣ у нихъ необыкновенная чистота. Окна

вымыты и вытерты до того чисто, что, при свѣтѣ солнца, кажутся зеркальными. Гладкій, сосновый полъ тоже вымытъ, выскобленъ ножемъ, и на немъ не видно ни соринки. По угламъ нѣтъ ни одного клочка паутины. Стѣны недавно обѣлены. Столъ накрытъ бѣлою, какъ снѣгъ, скатертью. Передъ иконою, убранною искусственными розовыми цвѣтами и оправленною блестящею фольгою, ярко теплится лампадка. Рогачи поставлены у порога въ уголкѣ, вѣроятно, съ тою цѣлію, чтобы не всякому бросались въ глаза. Ихъ деревянныя рукояти такъ вычищены, что подумаешь, онѣ вышли изъ-подъ рукъ искуснаго столяра. Изъ простыхъ вопросовъ молодой чернички о томъ, что новаго въ городѣ, каково мнѣ тамъ живется, не скучаю ли я въ деревнѣ, я замѣтилъ, что она очень неглупа. Старуха достала между тѣмъ изъ маленькаго сундука графинъ краснаго вина и поставила его на столъ, на кругломъ зеленомъ подносѣ вмѣстѣ съ рюмкою. Несмотря на всѣ мои увѣренія, что я никогда не пилъ и не пью вина, я не могъ не исполнить желанія гостепріимныхъ хозяекъ, когда онѣ сказали, наконецъ, что я ихъ обижаю, что, слѣдовательно, я ими гнушаюсь, если я не хочу выпить того, что предлагается мнѣ отъ души. Молодая черничка сидѣла напротивъ меня и такъ близко, что ея горячее дыханіе касалось моего лица. Черное платье, застегнутое на груди бѣлою перламутровою пуговкой, разстегнулось, и я горѣлъ отъ стыда и еще отъ другого доселѣ незнакомаго мнѣ чувства. Совѣсть моя говорила мнѣ, что я поступаю нехорошо, что мнѣ не слѣдовало долго оставаться въ этой уютной горенкѣ, между тѣмъ непонятная сила удерживала меня на мѣстѣ, случайно занятомъ мною противъ молодой чернички. Приближалась пора обѣда. Я опомнился, схватилъ фуражку и поблагодарилъ хозяекъ за ихъ радушный пріемъ. — Онѣ пригласили меня передъ вечеромъ пить чай. Скажу чистосер-

дечно, я былъ радъ этому приглашенію, хотя и отказывался отъ него изъ приличія.

31 утромъ.

Нѣтъ, я не былъ вчера у черничекъ. Вся эта ночь проведена мною безъ сна, въ странной, мучительной тоскѣ. Полураздѣтый, я ворочался съ боку на бокъ въ своей постели, творилъ молитвы, — и все напрасно: сонъ убѣгалъ отъ моихъ глазъ. Голова моя горѣла, какъ въ огнѣ. Подушка жгла мои щеки, простыня обдавала меня жаромъ. Около полночи я вышелъ изъ терпѣнія и сѣлъ къ открытому окну, думая, что ночная прохлада освѣжитъ мое пылающее лицо и приведетъ въ порядокъ мои мысли. Все было напрасно... Тускло сіяли звѣзды на синемъ небѣ. Въ саду лежалъ непроницаемый мракъ. Порою слышался шопотъ сонныхъ листьевъ, тревожимыхъ перелетнымъ вѣтромъ. Въ этомъ шопотѣ мнѣ чудились звуки ласковой женской рѣчи. Въ темнотѣ ночи передъ моими глазами носился образъ красивой, молодой женщины. Она глядѣла на меня такъ привѣтливо, съ такою любовію манила меня къ себѣ своею бѣлою рукою. Я боялся, что сойду съ ума, вышелъ на крыльцо и началъ лить себѣ на голову воду изъ висѣвшаго тамъ на веревочкѣ глинянаго рукомойника. Эти строки я пишу при блѣдномъ свѣтѣ только что занимающагося утра. На востокѣ загорается красная полоса. Клочки алыхъ, прозрачныхъ облаковъ быстро пролетаютъ въ голубой высотѣ. Въ росистомъ саду изрѣдка слышится шорохъ пробуждающейся птички. Батюшка теперь скоро проснется, и мы всѣ отправимся на работу. Скорѣе бы нужно въ широкое поле: въ этой тѣсной комнатѣ душно, какъ въ раскаленной печи...

1 августа.

Перевозка сноповъ окончилась вчера рано. Я былъ дома еще засвѣтло. При наступленіи сумерекъ я

умылся, почистилъ свое платье и пошелъ побродить по селу. Ужъ не знаю, какъ это случилось, только мнѣ скоро пришлось проходить предъ знакомымъ окномъ, у котораго сидѣла молодая черничка и вязала чулокъ (зовутъ ее, какъ я послѣ узналъ, Натальею Ѳедоровной). „Зайдите къ намъ на минутку", сказала она съ улыбкой, кивая мнѣ головой. Сердце мое сильно забилось. Я остался въ нерѣшимости — и зашелъ. „А я цѣлый день сижу все одна: старуха моя ушла къ знакомой, больной бабѣ, вѣрно, и ночевать тамъ останется. Садитесь, пожалуйста". Разговоръ нашъ шелъ сначала довольно вяло. Но Наталья Ѳедоровна была такъ находчива, что я невольно оживился.

„Ахъ, какая жара!" сказала она, сбросивъ съ своей груди темный платокъ, и сѣла со мною рядомъ. Плечо ея касалось моего плеча.

„Я думаю, руки ваши отъ работы теперь сдѣлались грубѣе, чѣмъ были прежде. Вы были сегодня въ полѣ?"

Она взяла меня за руку и крѣпко ее сжала.

— „Да, былъ", отвѣчалъ я взволнованнымъ голосомъ и дрожа всѣмъ тѣломъ.

„Огонь надо зажечь", сказала она и опустила занавѣску.

Въ комнатѣ стало темно.

„Помогите мнѣ сыскать свѣчу... Никакъ ее не найду", говорила она со смѣхомъ. „Не тутъ ли она стоитъ за вами?..."

И лица моего опять коснулось горячее дыханіе, моего плеча коснулось полуобнаженное, горячее плечо. По всему моему тѣлу пробѣжалъ сладостный трепетъ. Дыханіе мое прервалось. Я крѣпко обвилъ обѣими руками ея тонкій станъ и на губахъ моихъ, первый разъ въ моей жизни, загорѣлся огненный поцѣлуй...

8.

Нѣсколько дней я не брался за перо. Теперь горячка моя поутихла, и я могу спокойнѣе и глубже

заглянуть въ свою душу. Отчего я не обратилъ вниманія на это тревожное чувство боязни, которое отталкивало меня въ минувшее, памятное мнѣ теперь, воскресенье отъ порога черничекъ? Зачѣмъ я скрылъ отъ своего отца мое первое съ ними знакомство? Ясно, что я умышленно закрывалъ свои глаза, чтобы не видѣть того, что я долженъ былъ видѣть заранѣе. Ясно, что я съ намѣреніемъ не давалъ воли своему разсудку... Ну, любезнѣйшій Василій Ивановичъ, помни этотъ урокъ! Нѣтъ, братъ, шалишь!... Теперь каждый свой шагъ ты долженъ строго обдумывать. Изъ каждаго твоего намѣренія, готоваго перейти въ дѣло, ты напередъ обязанъ выводить вѣроятныя послѣдствія. Мнѣ кажется, въ эти дни я постарѣлъ нѣсколькими годами. Я горю со стыда, когда батюшка останавливаетъ на мнѣ свой умный, проницательный взоръ, будто хочетъ сказать: „Ахъ, Вася! нехорошее ты дѣло сдѣлалъ!...“

Какая здѣсь, однако, скука, Боже милостивый! Ни одной книжонки нѣтъ подъ рукою, не только порядочной, и дрянной нѣтъ. Живутъ же тутъ добрые люди, да мало этого, и на жизнь свою не жалуются. На-дняхъ я зашелъ къ нашему сосѣду. Сердце мое сжалось, какъ посмотрѣлъ я на его горемычное житье. Стѣны избушки покрыты копотью; темнота, сырость... Печь растрескалась. Разбитое окно заложено клочкомъ старой рогожи. Полъ земляной. На мокрой соломѣ хрюкаетъ свинья; хозяинъ говоритъ, что она заболѣла, такъ вотъ и взялъ онъ ее въ избу. Подлѣ животнаго ползаетъ маленькая дѣвочка, босоногая, въ изорванной рубашонкѣ. Другое, грудное дитя, лежитъ въ засаленной люлькѣ, повѣшенной на веревкахъ подлѣ печи; во рту у него грязная соска, наполненная жидкою пшенною кашей. Жена сосѣда, желтая и покрытая морщинами, ходитъ точно потерянная. Ротъ постоянно полуоткрытъ; глаза смотрятъ без-

смысленно. Не то, чтобы она была глупа отъ природы, да нужда-то ужъ слишкомъ ее заѣла. Еще одинъ мальчуганъ, лѣтъ 10-ти, неумытый и оборванный, раскинулся на печи, безъ подушки и подстилки, и наигрываетъ въ жилѣйку, утѣшая себя пронзительными звуками. Всю эту картину освѣщала дымная лучина. „Вотъ", сказалъ я, между прочимъ, сосѣду: „сынъ-то у тебя болтается безъ дѣла. Не хочешь ли, я буду учить его грамотѣ, покамѣстъ здѣсь поживу. Я скоро его выучу."

— Э-эхъ, касатикъ! Онъ свиней пасетъ, за это добрые люди хлѣбомъ его кормятъ, а грамота ваша насъ не накормитъ. На что намъ нужна ваша грамота? Богъ съ нею!..."

Противъ этого я не нашелъ возраженій и замолчалъ.

10.

Сегодня съ нашимъ батракомъ Ѳедуломъ, на трехъ телѣгахъ, я ѣздилъ въ лугъ за сѣномъ. Воза такъ были накручены, что лошади едва тащили ихъ по песку. Ѳедулъ шелъ со мною рядомъ, покуривая коротенькую трубку. Я никогда не видалъ такихъ крѣпко-сложенныхъ людей, какъ нашъ батракъ. Росту онъ небольшого, но въ плечахъ необыкновенно широкъ. Черные курчавые волосы, черная, курчавая борода и густыя, нахмуренныя надъ сѣрыми глазами, брови придаютъ лицу его угрюмое выраженіе. Говоритъ онъ вообще мало и никогда не смотритъ на того, съ кѣмъ говоритъ.

„А что, Василій Ивановичъ", неожиданно спросилъ онъ меня: „скажи ты мнѣ на милость, чему васъ въ городѣ учатъ?"

Вопросъ этотъ меня удивилъ.

— Какъ же я тебѣ растолкую, чему насъ учатъ? Вѣдь ты не поймешь.

„Отчего жъ не понять? Пойму."

— Ну, слушай. У насъ изучаютъ риторику, философію, Богословіе, физику, геометрію, разные языки...

„И будто вы знаете все это?“

— Кто знаетъ, а кто и не знаетъ.—

„Такъ. Ну, а прибыль-то какая же отъ вашего ученья?“

— Та прибыль, что ученый умнѣе неученаго.—

„Вотъ что! Однако отецъ Иванъ коситъ и пашетъ не лучше моего. Опять ты вотъ говоришь, что у васъ разнымъ языкамъ учатъ. Отецъ Иванъ, какъ и ты, имъ учился. Отчего жъ онъ не говоритъ на разныхъ языкахъ? Я у васъ 10 лѣтъ живу, пора бы услышать“.

— Да съ кѣмъ же онъ станетъ тутъ говорить?—

„Вѣстимо не съ кѣмъ... Прибыли-то, значитъ, отъ вашего ученья немного. Вотъ, если бы вашъ братъ ученый пріѣхалъ къ намъ да разсказалъ толкомъ: это вотъ такъ надо сдѣлать, это вотъ какъ, и стало бы нашему брату мужику отъ этого полегче, тогда вышло бы хорошо, а то... Ну, карій! чего жъ ты сталъ?..“

Лошади подымались на гору. Карій рѣшительно отказывался итти. Ѳедулъ забѣжалъ ему впередъ. „Ты коли везти, такъ вези, не то я дамъ тебѣ такого тумака по лбу, что искры изъ глазъ посыплются“. Тумака ему однакожъ онъ не далъ, а, упершись своимъ широкимъ плечомъ въ задъ телѣги, крикнулъ: „ну!...“ и карій свободно потянулъ свой тяжелый возъ.

Попадавшіяся мнѣ навстрѣчу молодыя бабы и дѣвки смотрѣли на меня съ какою-то странною улыбкой, и мнѣ не разъ приходилось слышать такого рода привѣтъ: „Гляди молодка, гляди! Поповичъ идетъ... Экой верзила!..“ Правду сказать, наши лихачи-парни тоже отзываются обо мнѣ не слишкомъ вѣжливо и безъ особенной застѣнчивости находятъ во мнѣ кровное родство съ извѣстною породою молодыхъ, домашнихъ животныхъ, которыя обыкновенно бываютъ и красивы и бойки, покуда еще незнакомы съ упряжью. Мнѣ кажется, я никому и ни-

чѣмъ не подавалъ здѣсь повода къ этимъ насмѣшкамъ и никому не сдѣлалъ зла; откуда же взялось это обидное пренебреженіе къ моей личности? Вѣроятно, оно является, благодаря существованію какого-нибудь Кондратьича и ему подобныхъ. Жаль, что нашему брату отъ этого не легче... Нѣтъ, скверно тутъ жить!..

13.

Скука моя растетъ день ото дня. Поутру сверху донизу я перерылъ все въ своемъ сундучкѣ, думая найти въ немъ какую-нибудь забытую книжонку или исписанную тетрадь. Ничего не отыскалъ! Развернешь одно—учебная книга; развернешь другое—знакомыя лекціи: логика, психологія, объясненіе разныхъ текстовъ... все это извѣстно и переизвѣстно. Быть по сему. Буду отъ нечего дѣлать опять продолжать свой дневникъ. Но, если бы пришлось мнѣ пожить здѣсь долгое время, полагаю навѣрное, я ограничился бы тѣмъ, что вносилъ бы въ него слѣдующія краткія замѣтки: сегодня мы были въ полѣ, или сегодня было то же, что вчера, или сегодня ничего особеннаго не случилось, и такъ далѣе, все въ этомъ же родѣ... Что прикажете дѣлать? Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ... Итакъ продолжаю.

Въ домѣ нашемъ идетъ страшная возня: приготовленіе къ храмовому празднику, т. е. ко дню Успенія Пресвятыя Богородицы. Моютъ окна, двери, полы и прочее. Ѳедулъ хлопочетъ на дворѣ: зарѣзалъ нѣсколько куръ, зарѣзалъ трехъ гусей, зарѣзалъ барана, теперь приготовляется снимать кожу съ теленка и по поводу этой рѣзни находится въ отличномъ настроеніи духа, сыплетъ шутками и съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ вонзаетъ свой острый ножъ въ теплое мясо животнаго, умирающаго въ судорогахъ передъ его глазами. Матушка безпрестанно сердится на кухарку, кричитъ, что она лѣнива и ничего не понимаетъ. „Ну, что жъ, лѣ-

нива, такъ и лѣнива!"—отвѣтитъ кухарка и съ такимъ ожесточеніемъ начнетъ скрести ножомъ сосновую дверь, что скрипъ желѣзныхъ петлей становится слышенъ на весь домъ. Или скажетъ: „ну, что жъ, глупа, такъ глупа!"—и сунетъ съ необыкновенною скоростію въ устье печи горшокъ или чугунъ, станетъ къ ней задомъ и время отъ времени тяжело вздыхаетъ; „охъ, хо, хо, житье, житье!.." Батюшка не мѣшается ни во что. Молвитъ иногда матушкѣ: „потише, попадья, потише!" и пойдетъ къ своему дѣлу. Матушка тотчасъ же притихнетъ. Вообще она ему во всемъ безусловно покоряется. Теперь вопросъ: гдѣ взять вилокъ? окончательно ее добиваетъ. У насъ вилокъ одна только пара, а гостей будетъ много. Для благочиннаго, приглашеннаго совершать литургію, рѣшено приготовить его любимое блюдо: жаренаго поросенка, начиненнаго гречневою кашею, съ гусинымъ жиромъ, съ перцемъ, съ лукомъ и еще съ чѣмъ-то, ужъ, право, не знаю. Для гостей второго разряда, за неимѣніемъ особой спальни, очищена баня, въ которой на полу и на полку постлано свѣжее, душистое сѣно. Что касается меня, никакъ не придумаю, на что бы употребить мнѣ свободное время. По крайней мѣрѣ, хотя бы спалось поболѣе, все было бы лучше; такъ нѣтъ: лежишь до полуночи съ открытыми глазами и, радъ не радъ, слушаешь лай или вой голодныхъ собакъ.

17 ночью.

Нашъ храмовой праздникъ окончился. Слава Тебѣ, Господи! Гости разъѣхались. Ворота затворены. Въ домѣ глубокая тишина. Ну, и было же съ ними хлопотъ! Первый обѣдъ, за которымъ присутствовали благочинный и человѣкъ 15 нашей родни, прибывшей съ разныхъ сторонъ, за нѣсколько десятковъ верстъ, прошелъ безъ особенныхъ исторій и шума. За обѣдомъ батюшка выбиралъ для благочиннаго самые лучшіе, самые жирные куски мяса, повторяя:

„покорнѣйше прошу отвѣдать. Сдѣлайте одолженіе, коли что дурно, не осудите, все, знаете, свое домашнее...“ и усердно потчивалъ его виномъ. „Отвѣдаю. отвѣдаю“, говорилъ благочинный: „Пожалуйста, меня не торопи. Тише ѣдешь, дальше будешь...“ И въ самомъ дѣлѣ онъ не торопился: разсказывалъ разные анекдоты, отиралъ крупный потъ на своемъ лицѣ и медленно опоражнивалъ новое блюдо. Матушка измучилась, упрашивая и кланяясь за каждою рюмкою. Гости пили, повидимому, единственно изъ приличія, съ большою неохотою. Но въ половинѣ стола сами начали просить вина разными намеками: гусь-то, молъ, по сухой землѣ рѣдко ходитъ, или утка-то безъ воды не любитъ жить... и тому подобное. Всѣ эти свахи, двоюродныя и троюродныя сестры, и сватовы жены вели неумолкаемый, безтолковый разговоръ, и, по окончаніи обѣда, нѣкоторыя изъ нихъ запѣли пѣсни съ припѣвомъ:

Ай, люли! Ай, люли!
Ай, люшеньки! Ай, люли!..

Тогда въ другомъ углу раздавалось хлопанье ладоней подъ веселую пѣсню:

У воротъ гусли вдарили,
Ой, вдарили, вдарили!
Ой, вдарили, вдарили!

Батюшка чувствовалъ сильную усталость, а между тѣмъ не смѣлъ свободно сѣсть или облокотиться на столъ въ присутствіи своего начальника, внимательно слушалъ его разсказы и почтительно соглашался съ его приговорами: „это совершенная истина! или — какъ вамъ этого не знать! Вамъ лучше нашего это извѣстно...“ Одинъ только мѣщанинъ, дальній родственникъ матушки, держалъ себя независимо и крѣпко ударялъ объ столъ кулакомъ, приговаривая: „мы знаемъ, у кого гуляемъ! Ну, вотъ и все... и мое почтеніе!.. Такъ что-ли отецъ Иванъ? Вѣрно!..“ По выходѣ изъ-за стола, благочинный осматривалъ наше гумно, ригу, огородъ,

на которомъ сѣютъ дыни, и прочія домашнія постройки. Батюшка сопровождалъ его съ открытою головою. Что прикажете дѣлать! Благочинный, говорятъ, самолюбивъ и не задумывается чернить того, кто ему не нравится. Лошади его были накормлены овсомъ до послѣдней возможности. Кучеръ едва ворочалъ языкомъ. Лицо его походило на красное сукно. Съ отъѣздомъ начальника, батюшка повеселѣлъ и сдѣлался разговорчивѣе. Въ сумерки независимый мѣщанинъ такъ насытился, что упалъ среди двора и бормоталъ околесную: „какой безменъ? на безменѣ не обвѣсишь... а вотъ пенька твоя гнилая... Оттого и не доплачено... вѣрно! ступай къ чорту!..“ Батюшка терпѣть не можетъ, когда упоминается дьявольское имя. Онъ подошелъ къ полусонному гостю и сказалъ: „Эй, любезный! любезный! перекрестись!“

— Проваливай къ чорту! — отвѣтилъ мѣщанинъ и перевернулся на другой бокъ. Ѳедулъ еще съ утра былъ навеселѣ — и все приставалъ къ батюшкѣ, чтобы онъ далъ ему денегъ.

„Пожалуйста, выйди вонъ“, отвѣчалъ ему батюшка: „ты видишь у меня чужіе люди“.

— Это ужъ твое дѣло, — говорилъ Ѳедулъ, растопыривъ руки, какъ крылья.—Я сказалъ, что хочу выпить, ну — и кончено!..—

Батюшка далъ ему четвертакъ. Ѳедулъ положилъ его на свою широкую ладонь, подбросилъ вверхъ и такъ крѣпко ударилъ по ней другою ладонью, что одна старушка-гостья плюнула и сказала: „вишь, какъ его окаяннаго разбираетъ!..“ Вечеромъ я вышелъ на крыльцо, но увы!.. сойти съ него не могъ. Ѳедулъ сдвинулъ съ мѣста большой, самородный камень, служившій ступенью, и каталъ его по двору. „Дуракъ, что ты дѣлаешь?“ крикнулъ я на Ѳедула.

— Камень катаю. Человѣка ломать — грѣхъ: не вытерпитъ, а камень вытерпитъ, вотъ я его и ворочаю, да! руки чешутся, оттого и ворочаю.—

„Положи его на мѣсто. Съ ума ты сошелъ!“

Не спѣши. Покатаю и положу. — Онъ такъ и сдѣлалъ.

На слѣдующіе дни повторилась та же исторія ѣды и питья съ небольшими измѣненіями. Очищенная для гостей баня оказалась ненужною: они провели ночь, какъ попало и гдѣ пришлось, т. е. на мѣстахъ, гдѣ кого убилъ наповалъ могучій хмель. Повторяю опять: слава Тебѣ, Господи! Всѣ разъѣхались!

26.

Время, однако, идетъ, да идетъ своимъ чередомъ. Мнѣ уже недолго остается жить въ деревнѣ, бить, какъ говорится, баклуши. Да и пора отсюда. Вѣчно слышишь разговоры о пашнѣ, о посѣвахъ, заботы о томъ: упадетъ ли во-время дождь, сколько мѣръ даетъ изъ копны рожь, сколько греча, и прочее, и прочее. У того-то заболѣла овца. Сосѣда Кузьму видѣли въ новыхъ сапогахъ. Объ этомъ тоже разговариваютъ, и нѣкоторые смотрятъ на Кузьму съ завистью. Тетка Матрена сушила на печи ленъ и чуть не сожгла избы, — все это переходитъ изъ устъ въ уста и возбуждаетъ разные толки. Матушка опечалена предстоящей со мной разлукою, приготовляетъ мнѣ жирныя пышки, сдобные сухари и разные крендели. Отъѣздъ назначенъ завтра. Несмотря на скуку, которая на меня напала здѣсь въ послѣдніе дни, я съ грустью обошелъ знакомыя поля, побывалъ и на лугу, и въ лѣсу, и, — стыдно сказать, — проходя мимо окна черничекъ, остановился въ раздумьи... Окно было занавѣшено. Калитка была заперта. А что если бы Наталья Ѳедоровна сидѣла подъ окномъ и позвала меня въ свою свѣтлую горенку, ужели-бы я отказался съ нею проститься? Признаюсь, во мнѣ все-таки таится задняя мысль, что эти страницы могутъ попасть въ чьи-либо руки. Я не смѣю высказать того, что

творится теперь и что творилось прежде въ моей душѣ... Дорого мнѣ стоило сдержать свое честное слово, много я вынесъ тоски и борьбы, но — я его сдержалъ: я ужъ не видалъ болѣе милой Наташи... Только уѣхать отсюда нужно скорѣе, непремѣнно скорѣе, иначе силы мои упадутъ. Итакъ — въ городъ. И потянется снова однообразная семинарская жизнь. И пойдутъ безконечные уроки, замѣчанія, выговоры и... полно заранѣе горевать! До свиданія, родной мой уголокъ! Спасибо тебѣ за пріютъ, за тотъ покой, которымъ ты меня окружалъ. Быть можетъ, по прошествіи года, снова приведетъ меня Богъ сидѣть у этого, отвореннаго въ садъ, окна, смотрѣть на эту темную зелень и вдыхать запахъ росистой травы и, быть-можетъ, снова войдетъ въ мою комнату, какъ входитъ она теперь, наша молчаливая кухарка и молвитъ, почесывая по привычкѣ спину: „Василій Иванычъ! самоваръ подали. Иди!..“

1 сентября.

Ну, вотъ мы и въ городѣ. Стоимъ покамѣстъ на прежней квартирѣ, въ старомъ домишкѣ сварливой, неопрятной мѣщанки, которая, узнавъ, что я не буду болѣе ея жильцомъ, насчитываетъ на батюшку лишніе два рубля. „Давай“, говоритъ, „давай. Небось, не обѣднѣете! Вы сами дерете съ живого и съ мертваго...“ Батюшка уже былъ у профессора и условился съ нимъ въ цѣнѣ, но что-то хмуритъ брови; вѣрно, моя новая квартира обойдется ему не дешево. Яблочкинъ ушелъ отъ меня недавно. Не знаю, потому ли что я его нѣсколько времени не видалъ, лицо его показалось мнѣ страшно худо и блѣдно. Но какъ онъ бываетъ хорошъ, когда начинаетъ съ увлеченіемъ о чемъ-нибудь говорить! Голубые глаза горятъ, щеки покрываются яркою краскою, бѣлокурые, вьющіеся отъ природы волосы закидываются назадъ и открываютъ бѣлый широкій лобъ. Сообразно настроенію души, черты лица мѣ-

няются ежеминутно. Во время разговора всѣ члены его приходятъ въ движеніе.

„А, Бѣлозерскій!“ воскликнулъ онъ, отворяя дверь въ мою комнату: „пріѣхалъ? ну, молодецъ! Давай руку. Эхъ, дружище! какъ тебя въ деревнѣ-то откормили; вотъ что значитъ батюшкинъ да матушкинъ сынокъ, не то что нашъ братъ, сынъ пономаря и круглый сирота. Какъ поживаешь?

— По-прежнему, — отвѣчалъ я.

„Съ одинаковымъ душевнымъ спокойствіемъ? Ну, и прекрасно. Это въ тебѣ наслѣдственная добродѣтель. Отецъ твой, какъ ты самъ не разъ говорилъ, тоже ничѣмъ не возмущается. Главное, ты умный и добрый малый, за что я отъ души тебя люблю. А знаешь ли что? На-дняхъ я познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, окончившимъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ; онъ служитъ здѣсь чиновникомъ. У него прекрасная библіотека. Хочешь, душа моя, читать? какъ сыръ въ маслѣ будешь кататься“.

— Еще бы не хотѣть! Давай только книгъ получше! —

„Охъ, ты! получше... вкусъ-то у тебя немножко испорченъ. Ну, да исправится со временемъ, ничего.“

— Гдѣ ты провелъ каникулы? —

„Въ деревнѣ одного помѣщика. Училъ его ротозѣя-сынишку первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики. Ну, душа моя, помѣщикъ! Представь себѣ откормленнаго на убой быка, съ черными щетинистыми усами, съ угреватымъ расплывшимся лицомъ—вотъ его портретъ. Чѣмъ, ты думаешь, онъ занимается? Лежитъ на мягкомъ диванѣ, въ вязаной красной ермолкѣ, въ шелковомъ халатѣ, въ пестрыхъ туфляхъ и насвистываетъ разные марши. „Гришка! Подай трубку!...“ Замѣть: столъ стоитъ у его изголовья, на столѣ табакъ и трубка. Чего бы, кажется, кричать? Этотъ Гришка до того за-

гнанъ и запуганъ, что совсѣмъ почти потерялъ даръ слова и движется съ потупленною головою и унылымъ лицомъ, какъ живая кукла. Такой проклятый быкъ, ни одного журнала не выписываетъ! Дочка у него тоже замѣчательное въ своемъ родѣ созданіе: раздавитъ кто-нибудь при ней муху, она чуть не падаетъ въ обморокъ, увидитъ на своемъ платьѣ козявку, поднимаетъ крикъ. Однажды вечеромъ влетѣлъ въ комнату жукъ. Барышня взвизгнула. Сѣнныя дѣвки, съ вѣниками и съ полотенцами въ рукахъ, начали метаться изъ угла въ уголъ за бѣднымъ насѣкомымъ. Наконецъ побѣда была одержана: жукъ вылетѣлъ въ окно. Барышня приняла лавро-вишневыхъ капель и легла въ постель. Въ домѣ все притаило дыханіе; даже быкъ на нѣкоторое время пересталъ насвистывать свои марши...“

— Ну, что жъ, ты не поссорился съ ними?—

„Нѣтъ, выдержалъ. А солоно было! На первыхъ порахъ барину угодно было посылать меня за водой. „Молодой человѣкъ, принесите-ка мнѣ воды!“ Я ограничивался тѣмъ, что передавалъ его приказанія въ переднюю: Григорій! баринъ требуетъ воды. Или: „молодой человѣкъ, набейте мнѣ трубку!“ Я опять отправлялся въ переднюю: Григорій! баринъ требуетъ трубку. И тому подобное. Съ этого времени барская спесь перестала разсчитывать на мою холопскую услужливость. Однажды я читалъ стихотворенія Шенье. Одно изъ нихъ произвело на меня такое впечатлѣніе, что я позабылся и сказалъ вслухъ: „Что это за прелесть!“ „Чѣмъ вы восхищаетесь?“ спросила меня слабонервная барышня. Я показалъ ей прочитанныя мною строки. „Въ самомъ дѣлѣ, очень мило“.—„Переведи, Наташа, по русски“, промычалъ быкъ: „я послушаю“. Наташа попробовала перевести и не смогла. „А ну-ка вы, г. учитель“. Я перевелъ. Быкъ взбѣсился. „Какъ, чортъ возьми! Какой-нибудь кут... (онъ хотѣлъ сказать: кутейникъ, но поправился), какой-нибудь молодой человѣкъ,

учившійся на мѣдныя деньги, свободно владѣетъ французскимъ языкомъ, а у насъ 5 лѣтъ жила француженка, и ты не можешь перевести стихотворенія, а?... Послѣ этого пусть дьяволъ возьметъ всѣхъ вашихъ гувернантокъ! Вотъ что!..“ Барышня долго на меня дулась за то, что я будто бы хотѣлъ порисоваться передъ ея папашею... Нѣтъ ли у тебя чего-нибудь покурить?“

— Ничего нѣтъ. Ты знаешь, я почти не курю. —

„Скупишься, душа моя, это скверно!“

— Чтожъ дѣлать! Батюшка и безъ того жалуется на большіе расходы. Поздравь меня, Яблочкинъ: я буду жить у нашего профессора К.

„Будто? Ты не шутишь?“

— Нисколько. Такъ угодно моему батюшкѣ. —

„Жаль. Вѣрно старикъ твой еще не утратилъ раболѣпнаго уваженія къ бурсѣ и думаетъ, что всякій профессоръ есть своего рода свѣтило — vir doctissimus“.

— Что жъ ты находишь тутъ дурного?—

„А то, что въ квартирѣ своего наставника ты займешь должность камердинера, разумѣется, если ему понравишься, а не понравишься – займешь должность лакея.“

— Ну, далеко хватилъ! Увидимъ.

„Увидишь, душа моя, увидишь! Во всемъ этомъ я вижу только одну хорошую сторону: квартира твоя какъ разъ противъ моей, стало быть, ты можешь навѣщать меня, когда тебѣ вздумается. У меня теперь пропасть дѣла. Старушка-чиновница, у которой я живу и съ сынсмъ которой приготовляюсь вмѣстѣ поступить въ университетъ, ежедневно мнѣ повторяетъ: „Трудитесь, молодой человѣкъ, трудитесь! Поѣдете, Богъ дастъ, съ моимъ Сашенькою въ Москву, я и тамъ васъ не забуду“. Такая добрая!“

— Итакъ, ты навѣрное ѣдешь въ университетъ? —

„Навѣрное. Совѣтую и тебѣ то же сдѣлать“.

— Я бы не прочь. Батюшка не позволитъ. Онъ не хочетъ, чтобы я выходилъ изъ духовнаго званія.—

„Врешь! Доброй воли у тебя недостаетъ — вотъ и все! Проси, моли, плачь... что жъ дѣлать! Не позволитъ!.. Я круглый сирота, а видишь не вѣшаю головы!.. Горько иногда мнѣ приходится, но когда подумаю, что я пробиваю себѣ дорогу безъ чужой помощи, одинъ, собственными своими силами, что кусокъ хлѣба, который я ѣмъ, добытъ моимъ трудомъ, что перо, которымъ я пишу, куплено на мою трудовую копейку, что я никому не обязанъ и ни отъ кого независимъ,—и на глазахъ моихъ выступаютъ радостныя слезы... Развѣ это не отрадно?.. Однако прощай! Мнѣ некогда“.

Послѣ этого разговора я долго сидѣлъ въ раздумьи и ничего не могъ придумать. Я знаю, что батюшка меня не послушаетъ. А такой непреклонной воли, такой энергіи, какъ у Яблочкина, у меня нѣтъ. Вѣрно мнѣ придется итти безпрекословно по той дорогѣ, которою идутъ другіе, подобные мнѣ, труженики.

2.

Утромъ, вмѣстѣ съ батюшкою, я былъ у профессора Ѳедора Ѳедоровича К. Признаюсь, сердце сильно забилось въ моей груди отъ какой-то глупой робости, когда въ первый разъ я переступилъ порогъ его передней. О насъ доложилъ мальчуганъ, одѣтый въ нанковый, съ разодранными локтями, бешметъ. „Пусть войдутъ“‘ послышалось за дверью. Мы вошли. Это былъ кабинетъ профессора. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и курилъ папироску. На колѣняхъ его мурлыкалъ сѣрый котенокъ. Съ жаднымъ любопытствомъ осматривалъ я эту комнату, это недоступное мнѣ доселѣ святилище. Надъ диваномъ висѣли, въ деревянныхъ рамкахъ, за стеклами, засиженными мухами, портреты неизвѣст-

ныхъ мнѣ духовныхъ лицъ. Въ маленькомъ шкафѣ на одной только полкѣ стояло нѣсколько учебныхъ книгъ, двѣ остальныя полки были пусты. На столѣ лежали разбросанныя тетрадки и засохшія перья. Занавѣски на окнахъ потемнѣли отъ пыли. Вообще комната не отличалась особенною чистотою. „Садитесь, отецъ Иванъ, безъ церемоніи", сказалъ профессоръ, не трогаясь съ мѣста, не перемѣняя ни на волосъ своего покойнаго положенія, вѣроятно, изъ опасенія потревожить дремавшаго котенка. Батюшка, прежде нежели сѣлъ, указалъ на меня и поклонился въ поясъ профессору. „Отдаю его вамъ подъ ваше покровительство. Учите его добру и наблюдайте за его занятіями. Покорнѣйше васъ прошу!" и опять послѣдовалъ низкій поклонъ. — Хорошо, хорошо! Потакать не станемъ. Впрочемъ, онъ изъ лучшихъ учениковъ; слѣдовательно, при моемъ надзорѣ, вы можете быть спокойны насчетъ дальнѣйшихъ его успѣховъ.— „Покорнѣйше васъ благодарю!" отвѣчалъ батюшка и опять поклонился. Профессоръ всталъ и отворилъ дверь налѣво. „Вотъ комната, которую будетъ занимать вашъ сынъ". Комната оказалась не болѣе 4-хъ квадратныхъ аршинъ, съ тусклымъ окномъ, выходившимъ на задній дворъ. Подлѣ стѣны стояла узенькая кровать, когда-то окрашенная зеленою краскою. Своею отдѣлкою, она напоминала мнѣ кровати нашей семинарской больницы. Подъ задними ножками были подложены кирпичи, потому что онѣ были ниже переднихъ. Въ углу висѣлъ мѣдный рукомойникъ, подъ которымъ на черной табуреткѣ стоялъ глиняный тазъ, до половины налитый грязною водою. Стѣны были оклеены бумажками, которыя во многихъ мѣстахъ отклеились и висѣли клоками. „Приберется, хорошая будетъ комната", сказалъ профессоръ: „Пусть только занимается дѣломъ. Мѣшать ему здѣсь никто не станетъ..." — Это главное, это главное!—повторилъ батюшка: — объ удобствѣ не безпокойтесь. Мы люди привычные ко все-

му. — „И прекрасно! пусть съ Богомъ переѣзжаетъ“... — Когда прикажете? — „Хоть сейчасъ, мнѣ все равно. Скажите вашему сыну, чтобы онъ поприлежнѣе занимался, а голодать за моимъ столомъ онъ не будетъ: я люблю хорошо поѣсть. Что вы дѣлали во время каникулъ?“ Послѣднія слова относились ко мнѣ. Я покраснѣлъ. Сказать прямо, что я возилъ снопы, казалось мнѣ какъ-то неловко. „Почти ничего“, отвѣчалъ я. — Это дурно! Надо трудиться: безъ труда далеко не уѣдешь. — „И я ему то же внушаю“ — сказалъ батюшка. — „Такъ и слѣдуетъ. Вы думаете, мнѣ вотъ легко досталось, что я вышелъ въ люди? Нѣтъ, не легко! 16 лѣтъ я не разгибалъ спины, сидя за книгами, и никакой твари не обидѣлъ ни словомъ, ни дѣломъ. У насъ заносчивостію не возьмешь. Это, молодой человѣкъ, вы примите къ свѣдѣнію. Иначе цѣлый вѣкъ будете перезванивать въ колокола и распѣвать на клиросѣ“. Во время этой рѣчи профессоръ сидѣлъ и поглаживалъ рукою котенка. Мы почтительно стояли у порога. Батюшка тяжело вздыхалъ. „Прошу васъ не оставить его своимъ вниманіемъ“. — Хорошо, хорошо! — Затѣмъ мы поклонились и вышли. На обратномъ пути батюшка внимательно разсматривалъ огромныя вывѣски на каменныхъ домахъ, читалъ ихъ и торопливо давалъ дорогу всякому порядочно одѣтому человѣку. Мнѣ кажется, онъ немножко какъ бы одичалъ, живя безвыѣздно въ своей деревнѣ. Отдохнувъ нѣсколько въ горенкѣ нашей старой квартиры, гдѣ кромѣ насъ не было ни одной души, онъ сказалъ мнѣ: „Ну, Вася, тебѣ уже 19 лѣтъ, стало-быть ты можешь понимать, что хорошо и что дурно. Учись прилежно. Старшихъ слушай и береги деньги. Я ихъ не жалѣю и помѣщаю тебя къ профессору, желая тебѣ добра. Смотри же, не обмани моихъ надеждъ!“ Мнѣ было что-то очень грустно. „Батюшка“, сказалъ я: „Яблочкинъ ѣдетъ въ университетъ. Позвольте и мнѣ

съ нимъ туда же приготовиться". — Пусть онъ ѣдетъ. Часъ ему добрый. А ты пребывай въ томъ званіи, для котораго ты призванъ, и мечты свои оставь, если не хочешь меня обидѣть. — Я утеръ украдкою слезу и началъ собираться къ переѣзду на новую квартиру.

3.

Вотъ я и на новосельи. Батюшка отправился домой ночью, потому что спѣшилъ къ посѣву ржи. Сегодня въ первый разъ мнѣ пришлось обѣдать за однимъ столомъ съ профессоромъ. У меня недостаетъ словъ выразить, въ какое затрудненіе поставилъ меня этотъ обѣдъ! На столѣ стояли два прибора, и каждый былъ накрытъ особою салфеткою. Я рѣшительно не зналъ, что мнѣ съ нею дѣлать и куда мнѣ ее положить. Спасибо, что профессоръ вывелъ меня изъ замѣшательства своимъ примѣромъ. Далѣе дошло дѣло до серебряной ложки, похожей на лодочку, тогда какъ я привыкъ обходиться съ деревянною, круглою. Неловко безъ привычки, да и только! Того и смотри, что оболью щами или скатерть, или свой атласный черный жилетъ. Когда мнѣ пришлось взять на свою тарелку кусокъ жаренаго мяса и разрѣзывать его, я сдѣлалъ-таки глупость: брызнулъ на бѣлую скатерть подливкою и окончательно потерялся. Мои длинныя ноги, казалось, стали еще длиннѣе. Я не зналъ, куда ихъ дѣвать. Попробовалъ протянуть ихъ свободно подъ столомъ, — но, увы! — толкнулъ ножку стола и коснулся ноги профессора. Подумалъ, подумалъ — и съ величайшею осторожностію помѣстилъ ихъ подъ свой стулъ. Къ счастію, въ продолженіе обѣда профессоръ почти ничего не говорилъ, иначе какъ бы я могъ соображать отвѣтъ и въ то же время управляться съ ножомъ и вилкою?.. Прислуживала намъ старая кухарка, одѣтая опрятно и, какъ видно, хорошо знающая свое дѣло. Изъ-за стола я вышелъ

голоднымъ, потому что не смѣлъ дать воли своему аппетиту, не желая показаться человѣкомъ, никогда не видавшимъ порядочнаго куска. Проклятая застѣнчивость!...

„Ну, Бѣлозерскій, дай-ка мнѣ папироску; онѣ вотъ на окнѣ лежатъ“, — сказалъ мнѣ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, выходя изъ-за стола: „да, пожалуйста, будь поразвязнѣе и ужъ извини, братъ, что я начинаю съ тобой обращаться на ты. Смѣшно же намъ церемониться: ты проживешь у меня не одинъ день...“

Такъ, подумалъ я, вотъ и первое сближеніе ученика съ профессоромъ. Посмотримъ, что будетъ далѣе.

„Позвольте узнать, что вы посовѣтуете мнѣ прочитать по части философіи?“

Онъ рекомендовалъ мнѣ слѣдующее:

Опытъ науки философіи, Надеждина.

Опытъ системы нравственной философіи, Дроздова.

Опытъ философіи природы, Кедрова,

и нѣсколько разныхъ руководствъ по логикѣ и психологіи. „Все это, сказалъ онъ, вы можете спросить въ семинарской библіотекѣ“. Ну, подумалъ я: эта пѣсня потянется надолго. Библіотекарь, занимающій вмѣстѣ съ тѣмъ и должность профессора, когда попросишь у него какую-нибудь книгу, или отзывается недосугомъ, или тѣмъ, что ключъ отъ библіотеки забытъ имъ дома, или, когда бываетъ не въ духѣ, просто откажетъ такъ: „Вы просите книги, а навѣрное урока не знаете... Читатели!... Трепать берете, а не читать... ступайте, откуда пришли!...“

Въ продолженіе этого дня у Ѳедора Ѳедоровича не мало перебывало лицъ нашего духовнаго сословія. Онъ принималъ ихъ неодинаково. Однихъ приглашалъ въ гостиную и указывалъ на стулъ, говоря: „Садитесь безъ церемоніи. Ну, что у васъ новаго? Каково уродился хлѣбъ?“ (Послѣдній во-

просъ онъ предлагалъ почти всѣмъ. Желалъ бы я знать, что ему за дѣло до урожая?) Другіе останавливались на порогѣ гостиной и объясняли ему свои нужды въ такихъ робкихъ выраженіяхъ, сопровождая ихъ такими глубокими поклонами, принимали на себя такой уничиженный, раболѣпный видъ, что мнѣ вчужѣ становилось досадно и горько. Ѳедоръ Ѳедоровичъ ходилъ по комнатѣ, играя махрами своего шелковаго пояса (вѣроятно, онъ никогда не снимаетъ въ комнатѣ своего халата), нѣкоторымъ обѣщалъ свое покровительство; нѣкоторымъ говорилъ: „не могу, не могу! Тутъ не поможетъ мое ходатайство.“ Остальныхъ выслушивалъ въ передней и, бросивъ быстрый взглядъ на какое-нибудь замасленное, потертое полукафтанье, отрывисто восклицалъ: „некогда! приходи въ другое время!“ Наконецъ за однимъ дьячкомъ просто захлопнулъ дверь, сердито сказавъ: „надоѣли! всякая дрянь лѣзетъ!...“ Заглянувъ случайно въ кабинетъ, я увидѣлъ подъ письменнымъ столомъ нѣсколько бутылокъ рому, голову сахару, а на столѣ два фунта чаю. Кстати о чаѣ. Послѣ вечерни, когда былъ поданъ самоваръ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ послалъ меня за табакомъ. „Вотъ, говоритъ, 30 коп. сер.; возьми четвертку 2 сорта турецкаго, только смотри — средняго, а не крѣпкаго.“ Табаку я купилъ, но возвратился промокшимъ до костей, потому что дождь поливалъ, какъ изъ ведра.

„Ну, что“, сказалъ онъ: „промокъ?“

— Ничего, отвѣчалъ я.

„Выпей вотъ чашку чаю“.

Чай былъ уже холоденъ и такъ жидокъ, что походилъ на мутную воду; однакожъ я не смѣлъ отказаться, выпилъ и опрокинулъ чашку. „Не хочешь ли еще?“ Я поблагодарилъ и отказался. Ѳедоръ Ѳедоровичъ положилъ въ жестяную сахарницу возвращенный ему мною кусочекъ сахару, замкнулъ ее и приказалъ мальчику прибрать самоваръ.

Послѣ ужина, за которымъ я сидѣлъ уже нѣсколько смѣлѣе, Ѳедоръ Ѳедоровичъ вышелъ въ переднюю, остановилъ маятникъ стѣнныхъ часовъ, чтобы онъ не безпокоилъ его ночью своимъ стукомъ, и далъ мнѣ мѣдный подсвѣчникъ и сальную свѣчу. „Если нужно, можешь зажечь". Тутъ онъ замѣтилъ дремавшаго на стулѣ мальчугана, котораго зоветъ Гришкою, и дернулъ его за вихоръ. — „Пошелъ, чертенокъ, въ кухню. Видишь, нашелъ мѣсто, гдѣ спать!" Комната моя, при мѣсячномъ свѣтѣ сквозь тусклыя стекла, показалась мнѣ пустымъ, заброшеннымъ чуланомъ. Я попробовалъ отворить окно, съ задняго двора пахнуло навозомъ, и я съ досадою его закрылъ. Легъ на свою жесткую кровать, но заснуть не могъ: воображеніе мое работало неутомимо. Мнѣ вспомнились наши знакомыя поля, покрытыя желтою рожью, моя свѣтлая, уютная горенка и темный, кудрявый садъ. И вотъ яснѣе и яснѣе возникъ передо мною образъ улыбающейся женщины, забѣлѣлось ея открытое плечо, и я почувствовалъ крѣпкое пожатіе нѣжной руки. Что со мною, подумалъ я и приложилъ руку ко лбу, лобъ горѣлъ, какъ въ огнѣ. Неужели я простудился? Нечего сказать, не веселое мое новоселье. И медленно и тихо поднялся я съ кровати, чтобы не разбудить спавшаго профессора, зажегъ свѣчу и написалъ эти строки.

5.

Теперь снова за трудъ. Все начинаетъ входить въ свою обыкновенную колею. Сегодня поутру въ нашей семинарской церкви былъ торжественный молебенъ, на которомъ присутствовали профессора и почти всѣ ученики. Послѣ того, какъ дьяконъ провозгласилъ многолѣтіе всѣмъ учащимъ и учащимся, хоръ пѣвчихъ привелъ въ восторгъ большую часть слушателей своимъ чуть не сверхъестественнымъ крикомъ, въ особенности отличались басы.

Изъ церкви ученики разошлись по классамъ. Вслѣдъ за толпою моихъ товарищей вошелъ и я въ нашъ философскій классъ, дверь котораго отперъ намъ сѣдой сторожъ, отставной солдатъ съ лицомъ, изрытымъ оспою. Эти каменныя, громадной толщины стѣны, покрытыя зеленою краскою, эти бѣлые, мѣстами растрескавшіеся, своды потолка, эта высокая печь, никогда не затопляемая въ зимнее время и существующая неизвѣстно для какой цѣли, эти окна съ желѣзными рѣшетками, эти черные, изрѣзанные перочинными ножами, столы съ обтертыми скамьями и широкая, черная доска, утвержденная отлого на трехъ ножкахъ, — все это показалось мнѣ такъ знакомо, будто я былъ здѣсь назадъ тому не болѣе двухъ дней. Воздухъ сырой, какъ въ подвалѣ, и все вокругъ покрыто слоями густой пыли. На доскѣ кому-то вздумалось вывести пальцемъ: терпѣніе великая добродѣтель, и слова эти вышли чрезвычайно отчетливо. Въ классѣ начались, по обыкновенію, толкотня, пересаживанье съ мѣста на мѣсто, прыганье черезъ столы, ходьба по нимъ и смутный, безтолковый шумъ. Въ одномъ концѣ какая-то забубенная голова напѣвала вполголоса: „Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить“, въ другомъ кто-то выводилъ густымъ басомъ: „Многая лѣта! мно-га-я лѣ-ѣ-та!“ Куда ты къ чорту лѣзешь? раздается громкій крикъ: ногу отдавилъ! „А ты не разставляй ихъ“, отвѣчалъ сиплый голосъ. Я занялъ свое четвертое мѣсто на скамьѣ перваго стола. „Слышишь, Краснопольскій!“ сказалъ ученикъ, перегнувшись черезъ мою спину. „Ты, братъ, зачѣмъ же увезъ въ деревню моего Поль-де-Кока? — Забылъ отдать, ей Богу, забылъ! — отвѣчалъ Краснопольскій, торопливо доѣдая мучную булку. „Дай-ка, братъ, мнѣ булки-то немножко. Есть что ли?„ — На вотъ. — „А стоишь на прежней квартирѣ?“ — Нѣтъ, хозяйка отказала. — „Отчего отказала?“ — У меня, говоритъ, теперь дочь на возрастѣ. — Ученики за-

хохотали. Краснопольскій обратился ко мнѣ: „Ты куда пойдешь послѣ класса?“ — На квартиру, — сказалъ я. — „Пойдемъ-ка лучше въ трактиръ чай пить, вотъ что за нашею семинаріею, тамъ мало бываетъ народу.“ — Нѣтъ, не пойду, — отвѣчалъ я. „Ну, какъ хочешь. Ты гдѣ стоишь?“ — У нашего профессора. — Краснопольскій вытаращилъ на меня глаза. „У Ѳедора Ѳедоровича?“ — Да. — Товарищъ мой почесалъ за ухомъ и молчаливо отвернулся въ сторону. Странно! вотъ что значитъ покровительство наставника... Этакъ, пожалуй, и всѣ станутъ посматривать на меня недовѣрчиво... „Тссс... по мѣстамъ!“ сказалъ кто-то. И вдругъ все пришло въ порядокъ. Дверь отворилась, и Ѳедоръ Ѳедоровичъ вошелъ. Одинъ изъ учениковъ, среди глубокаго молчанія, прочиталъ „Царю Небесный“, послѣ чего нашъ наставникъ кивнулъ слегка на всѣ стороны головою: „садитесь!“ Смотря на выраженіе его лица, на его манеры и поступь, я никакъ не могъ понять, откуда явилась въ немъ эта перемѣна, Ѳедоръ Ѳедоровичъ дома и здѣсь — это двѣ совершенно противоположныя личности. Тамъ онъ и говоритъ просто, и ходитъ, какъ мы всѣ ходимъ, и на лицѣ его нѣтъ чувства собственнаго достоинства, а въ классѣ и лицо у него другое, и манеры другія, и поступь другая, и даже голосъ рѣшительно не его голосъ. Сію минуту видишь, что это профессоръ, а не простой человѣкъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ. И вотъ, поднявъ голову и помахивая правою рукою, въ которой держалъ шляпу, онъ прошелся взадъ и впередъ по классу, взъерошилъ свои волоса; всѣ тотчасъ смѣтили, что будетъ сказана рѣчь, и встали. Онъ началъ: „Господа! я не буду говорить вамъ объ отеческой заботливости и неусыпномъ попеченіи вашего начальства, благодаря которымъ вы такъ долго отдыхали послѣ учебныхъ занятій. Равнымъ образомъ, я не буду говорить о той важной обязанности, которая ожидаетъ васъ впереди, и къ которой мо-

жетъ привести васъ одно только безукоризненное поведеніе, неразрывно соединенное съ постояннымъ трудомъ. Все это вамъ самимъ должно быть извѣстно. Скажу одно: силы ваши теперь освѣжились. Итакъ — вамъ предстоитъ съ новымъ рвеніемъ взяться за трудъ, ожидающій васъ на широкомъ полѣ науки. Что касается меня, я употреблю всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы не пропало даромъ то время, которое вы проведете со мною въ этихъ стѣнахъ...“ И онъ торжественно указалъ лѣвою рукою на стѣны. „Садитесь!“ Мы сѣли. Сѣлъ и Ѳедоръ Ѳедоровичъ къ своему четырехугольному столику и вынулъ изъ бокового кармана своего сюртука небольшую тетрадку. Это были его собственныя или, лучше сказать, академическія записки о психологіи, по которымъ когда-то учился онъ самъ, и которыя передѣлываетъ и сокращаетъ теперь для насъ. Послѣдовало медленное чтеніе. Ѳедоръ Ѳедоровичъ взвѣшивалъ каждое слово, какъ иной купецъ взвѣшиваетъ на рукѣ червонецъ, пробуя, не попался ли ему фальшивый. „Самонаблюденіе, какого требуетъ психологія, повидимому, не представляетъ собою занятія труднаго, потому что предметъ самонаблюденія для каждаго человѣка есть онъ самъ. Но то самое обстоятельство, отъ котораго зависитъ, повидимому, легкость психологическихъ изслѣдованій, что каждый человѣкъ есть самъ для себя и предметъ и содержаніе психологическихъ наблюденій, составляетъ одну изъ главнѣйшихъ трудностей въ дѣлѣ самонаблюденія, потому что человѣкъ меньше всего знаетъ то, что онъ есть. Чтобы наша душа могла наблюдать самое себя, для этого ея мысль, ея сознаніе должны быть обращены на нее же саму, между тѣмъ: А) познаніе, пріобрѣтаемое нами такимъ образомъ о нашей душѣ, совсѣмъ не такъ ясно, какъ познаніе о внѣшнемъ мірѣ и другихъ предметахъ. Познаніе объ этихъ предметахъ можетъ быть намъ яснымъ оттого, что они

противупоставляются нашей душѣ, какъ отличное отъ нея, но наше я не можетъ противупоставить самого себя себѣ, какъ внѣшній предметъ. Правда, что при самонаблюденіи возможно раздвоеніе нѣкоторымъ образомъ и самопротивупоставленіе нашего сознанія, потому что, кромѣ акта наблюденія, должны также продолжаться дѣйствія наблюдаемыя, но при такомъ раздѣленіи сознанія обыкновенно ослабляется сила и живость наблюдаемыхъ имъ психологическихъ явленій. Тогда какъ во внѣшнемъ мірѣ предметы представляются намъ въ раздѣльности, міръ внутренній является предъ внутреннимъ окомъ въ совершенномъ смѣшеніи...“

Я привожу здѣсь этотъ отрывокъ изъ лекціи съ тою цѣлью, чтобы онъ поглубже, такъ сказать, засѣлъ въ мою голову. Объясненіе раздвоенія нашего сознанія и самопротивупоставленія нашего *я*, къ сожалѣнію, прервалось громкимъ смѣхомъ одного ученика, который не съумѣлъ удержаться, слушая какой-то уморительный анекдотъ потѣшавшаго его товарища. Ѳедоръ Ѳедоровичъ всталъ, изслѣдовалъ сущность дѣла до мельчайшихъ подробностей, виновныхъ поставилъ къ порогу на колѣни, и, казалось, все кончено. Напротивъ. Началось безконечное разсужденіе объ обязанностяхъ воспитанниковъ вообще, воспитанниковъ духовнаго сословія въ особенности. Половина слушателей зѣвала, другая слушала своего наставника по привычкѣ его слушать. Стоявшіе на колѣняхъ ученики, едва онъ оборачивалъ къ нимъ свою спину, или показывали ему кулакъ, или дразнили его языкомъ. Раздался звонокъ,—и у всѣхъ просіяли лица. Ѳедоръ Ѳедоровичъ указалъ въ тетрадкѣ на мѣсто, до котораго нужно было выучить къ слѣдующему дню урокъ, и классъ окончился. Это свободное и ненужное ни на что время, отъ 10 до 11 часовъ, покуда явится новый профессоръ,—у насъ въ нѣкоторомъ родѣ антрактъ. Ученики выходятъ въ корридоръ, толка-

ются въ классѣ, словомъ, происходитъ обычная неурядица. О профессорѣ исторіи, классъ котораго начался въ 11 часовъ, я скажу послѣ. Нельзя же вдругъ: хорошенькаго понемножку. Въ корридорѣ я встрѣтилъ Яблочкина. Онъ сердится, что я давно къ нему не захожу.

6.

Квартира Яблочкина не велика, но такая уютная и чистенькая, что прелесть! Стулья обиты новымъ ситцемъ. Столикъ полированный. Въ простѣнкѣ зеркало. На окнахъ разставлены цвѣты, которые, по словамъ Яблочкина, старушка-хозяйка любитъ до страсти. Когда я вошелъ въ переднюю, крѣпостной человѣкъ этой старушки снялъ съ меня шинель. Предупредительность его такъ меня смутила, что я покраснѣлъ до ушей. Мнѣ никогда не случалось пользоваться чужими услугами. Яблочкинъ что-то переводилъ изъ Горація. „Здравствуй, Вася!"—сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку: „насилу обо мнѣ вспомнилъ". И бросилъ въ сторону книгу. Лицо его, что случается рѣдко, было такое веселое и свѣтлое, что я не могъ удержаться и спросилъ, что это значитъ. „Да такъ, душа моя, ничего нѣтъ особеннаго. День ясный. Кругомъ тихо. Въ комнатѣ пахнетъ цвѣтами. На ногахъ у меня — видишь?" Онъ поднялъ со смѣхомъ одну ногу: „новые сапоги. Задачку я написалъ въ одинъ присѣстъ. Сталъ переводить Горація, переводится безъ труда,— вотъ я и радъ. Такъ-то пріятель!" Яблочкинъ обнялъ меня и ударилъ ладонью по плечу. Ну, каково поживаешь на новой квартирѣ?"

— Такъ себѣ, — сказалъ я: — ни хорошо, ни дурно. Дурно то, что нѣкоторые товарищи, благодаря моей новой квартирѣ, посматриваютъ на меня косо. —

„А ты этого не предвидѣлъ? Разумѣется съ этого времени тебя будутъ бояться, какъ пересказ-

чика, доносчика и тому подобное. Впрочемъ, это вздоръ!.. Что жъ ты просился у своего отца въ университетъ?"

— Просился. Я напередъ тебѣ говорилъ, что онъ откажетъ. —

„Вотъ, ей Богу, народъ! Видитъ пробитую дорогу и думаетъ, что лучше этой дороги и нѣтъ, и не должно быть... А все-таки у тебя нѣтъ воли; ну, отчего бы не сдѣлать по-своему?..."

— Это дѣло рѣшеное, — отвѣчалъ я. — Поговоримъ о другомъ. —

„Т.-е. о семинаріи? Изволь. Вчера, въ началѣ класса, было обращено къ намъ вступительное слово такого рода: „Теперь мы снова приступаемъ къ занятіямъ. На экзаменѣ, передъ каникулами, отцу-ректору угодно было замѣтить, что нѣкоторые изъ васъ отвѣчали ему вяло. На будущее время я требую, чтобы каждый, кого я ни спрошу, читалъ мнѣ лекцію безъ запинки. А кто во время чтенія будетъ посматривать на потолокъ, да выдѣлывать эти: гмъ, гмъ... того, хотя бы онъ стоялъ въ первомъ десяткѣ, я сопхну въ 3-й разрядъ. Вотъ вамъ и все!..." „Что ты на это скажешь?"

— Ужъ мы не разъ это слышали. Приказано,— стало-быть нужно исполнять. —

„Ну, нѣтъ, душа моя! Зубрить я не стану. И если бы въ самомъ дѣлѣ пришлось мнѣ во время отвѣта взглянуть на потолокъ или въ сторону — преступленіе было бы не важное. Экая бурса! Попала на одну ступень и окаменѣла: ни молодѣетъ, ни старѣется..."

Въ эту минуту, съ журналомъ въ рукѣ, вошелъ въ комнату гимназистъ, сынъ старушки. Яблочкинъ отрекомендовалъ ему меня, какъ своего лучшаго товарища. При постороннемъ человѣкѣ мнѣ тотчасъ сдѣлалось неловко, и я ломалъ свою голову изъ-за пустѣйшаго вздора: опять ли сѣсть мнѣ на прежнее мѣсто, или приличнѣе будетъ постоять. Гимназистъ

обратился къ Яблочкину. „Алексѣй Сергѣичъ! я прочиталъ вотъ въ этомъ нумерѣ „Отечественныхъ Записокъ“ одну изъ статей: разборъ сочиненій Пушкина. Что за языкъ! Что за энергія! Только, знаете ли, я не довѣряю похваламъ, которыя разсыпаются здѣсь его антологическимъ стихотвореніямъ. Они мнѣ не нравятся. Я люблю болѣе всего то, что берется прямо изъ окружающей насъ жизни.“

— Въ васъ мало поэтическаго чутья. Что жъ такое! Вамъ не нравится и „Каменный гость“ Пушкина.

Тутъ у нихъ начался споръ о художественномъ воспроизведеніи дѣйствительности въ поэзіи, объ образности, о пластикѣ. Изъ словъ ихъ я понималъ немногое, не хочу таиться; самолюбіе мое сильно страдало. Наконецъ старушка зачѣмъ-то кликнула своего сына, и онъ ушелъ.

„Этотъ господинъ, вѣрно, хорошо развитъ“, замѣтилъ я Яблочкину.

— Ничего. Онъ отличный малый. Трудится много, читаетъ съ толкомъ. Развитіемъ своимъ обязанъ, конечно, не гимназіи, отъ которой пахнетъ мертвечиною, а самому себѣ. —

„Нѣтъ ли у тебя чего-нибудь почитать? Дай пожалуйста“, сказалъ я.

— Насилу ты надумался. Бери, душа моя, — книгъ достанетъ. Вотъ „Мертвыя Души“ Гоголя, не читалъ? —

„Нѣтъ“.

— Ну, возьми. —

7.

Скоро будетъ полночь. На дворѣ шумитъ дождь. За стѣною храпитъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, и гдѣ-то изрѣдка чирикаетъ сверчокъ. Я только-что дочиталъ „Мертвыя Души“ и спѣшу сказать о нихъ нѣсколько словъ подъ вліяніемъ свѣжаго впечатлѣнія. Я взялся за книгу еще съ утра. Нечего гово-

рить, что я читалъ ее съ увлеченіемъ. Время, проведенное мною за обѣдомъ, казалось мнѣ безконечно-длиннымъ, и я вертѣлся на стулѣ, придумывая, подъ какимъ бы предлогомъ выйти изъ-за стола, чтобы снова приняться за чтеніе. „Или ты нездоровъ?“ сказалъ мнѣ Ѳедоръ Ѳедоровичъ. — Нѣтъ, ничего. — „Что жъ ты вертишься?“ — Такъ. Ѣсть что-то не хочется.—„Ну, выходи. Кто жъ мѣшаетъ“. И я вышелъ. Такъ вотъ кто этотъ Гоголь!.. И объ этомъ-то Гоголѣ одному изъ нашихъ наставниковъ угодно было выразиться, что произведенія его пахнутъ кухнею и конюшнею, что имъ выведены на сцену какіе-то обжоры и разная сволочь, что все это уродливо и безобразно. Ну, нѣтъ, почтеннѣйшій наставникъ! Ужъ на этотъ разъ позвольте съ вами не согласиться, Чичиковъ, Плюшкинъ, Собакевичъ, Ноздревъ... это такія личности, которыя никогда не выйдутъ изъ моей памяти. Читая книгу, мало того, что я ихъ вижу, — мнѣ кажется, я ихъ осязаю, мнѣ кажется, я чувствую ихъ дыханіе. Жизнь ключомъ бьетъ изъ каждой строки! Господи, да какой же я дуракъ! Прожить 19 лѣтъ и не прочитать ни одной порядочной книги!.. Все живое до того мнѣ чуждо, какъ будто я существую на другой планетѣ, и нѣтъ у меня ни костей, ни плоти. Но, слава Богу! этотъ день не пропалъ у меня даромъ. Яблочкинъ далъ мнѣ еще нѣсколько книгъ. Но читать почти некогда: такъ много времени отнимаютъ классы и затверживанье наизусть разныхъ уроковъ,—право, досадно! Иногда сидишь, сидишь въ классѣ и задашь себѣ, ради скуки, вопросъ: „Изъ-за чего я тутъ сижу?“ И никакъ не рѣшишь этого простого вопроса. Сегодня, напр., въ 11 часовъ утра, явилась въ классъ высокая, тощая и блѣдная фигура, одѣтая, по своему обыкновенію, въ длиннохвостый фракъ со свѣтлыми пуговицами. Это былъ наставникъ, читающій намъ геометрію. Послѣ молитвы „Царю Небесный“, черный фракъ двигался

нѣсколько минутъ изъ угла въ уголъ по классу, затѣмъ послѣдовали старческій кашель, щелчокъ по табакеркѣ, нюханье табаку и вытираніе носа платкомъ. Мы ко всему этому привыкли и ждали, что будетъ далѣе. „Дайте мнѣ мѣлу!“ Ученикъ подалъ ему кусокъ мѣлу и вытеръ грязною тряпкою черную доску. Такъ какъ тряпка была въ мѣлу и выпачкала ему руки, онъ ударилъ ладонью объ ладонь и при этомъ, разумѣется, счелъ нужнымъ, на потѣху товарищей, скорчить рожу. И вотъ на доскѣ появились углы и треугольники. Геометрія не считается у насъ въ числѣ главныхъ предметовъ преподаванія, и потому на черченіе наставника никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Онъ останавливалъ время отъ времени свою работу, нюхалъ табакъ, поглядывалъ наискось на изображенные имъ круги и треугольники и снова продолжалъ: AB+AC=AD+AC=S и притомъ уголъ BAC и такъ далѣе. Позади меня два ученика преспокойно играли въ три листика, искусно пряча подъ столомъ избитыя, засаленныя карты. Вдругъ одинъ изъ нихъ, вѣроятно, въ порывѣ восторга, крикнулъ: „флюстъ!“ Наставникъ вздрогнулъ и обернулся. „Какой флюстъ? Кто это сказалъ?“ И, подойдя къ нашему столу, ни съ того ни съ сего, напалъ на сидѣвшаго подлѣ меня товарища. „А, въ карты играть?.. хорошо!.. Пойдемъ къ инспектору“. Бѣднякъ струсилъ и указалъ на виновнаго. „Это вотъ онъ что-то сказалъ.“ — А, это ты! крикнулъ наставникъ: хорошо!.. пойдемъ къ инспектору.—„Помилуйте, отвѣчалъ съ улыбкою ученикъ: я сказалъ: плюсъ, а не флюстъ.“—Пошелъ на середину класса!.. ну, стой тутъ. Гдѣ карты?—„У меня никакихъ нѣтъ картъ“.—А, нѣтъ... выворачивай карманъ. Такъ... Выворачивай другой... Гм!.. нѣтъ... разстегни жилетъ.— Картъ нигдѣ не нашлось: онѣ уже давно были переданы въ десятыя руки. „Ну, чортъ васъ разберетъ! Зачѣмъ ты нарушаешь порядокъ?“ — Виноватъ! Я увлекся вашею задачею; вы,

кажется, хотѣли поставить минусъ, а мнѣ показалось, что нужно плюсъ, я и крикнулъ: плюсъ! — „То-то увлекся... Пошелъ на мѣсто!“ Динь, динь, динь! Пробило 12 часовъ. „Уже?“ спросилъ наставникъ. Обратился къ журналисту и подписалъ въ журналѣ свою фамилію. „Дайте-ка мнѣ геометрію...“ Книга была подана. „Отъ сихъ до сихъ“, сказалъ онъ и провелъ своимъ острымъ ногтемъ на поляхъ страницы двѣ черты.

Я такъ спѣшилъ на квартиру, что рубашка моя взмокла отъ пота: мнѣ страшно хотѣлось ѣсть. Послѣ обѣда опять пришлось тащиться въ семинарію, чтобы перевести полстранички изъ Лактанція. И какой переводъ!.. Тянутъ слово за словомъ; иного хоть убей, не знаетъ, въ какомъ времени стоитъ глаголъ и не различитъ подлежащаго отъ сказуемаго. Только время пропадаетъ даромъ!

15.

Однако мнѣ невозможно вести дневникъ свой, какъ бы хотѣлось, т.-е. заносить въ него впечатлѣнія свои ежедневно: и времени свободнаго у меня мало, и боюсь, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ нечаянно отворитъ дверь въ мою комнату и поймаетъ меня на мѣстѣ преступленія, съ поличнымъ въ рукахъ. Жаль! Знаю, что лица, которыя я здѣсь вывожу, очерчены блѣдно, что языкъ припахиваетъ бурсою, но все-таки эта работа доставляетъ мнѣ удовольствіе. Она нисколько меня не стѣсняетъ, она не походитъ на извѣстное разсужденіе изъ заданной темы, гдѣ необходимы приступъ, дѣленіе, доказательства, сравненія, примѣры и заключенія. Пишу то, что вижу, что проходитъ у меня въ головѣ, что затрогиваетъ меня за сердце. Матеріаловъ у меня не слишкомъ много, потому что среда, въ которой я вращаюсь, уже черезчуръ тѣсна. Не спорю, что она имѣетъ свою физіономію, что на ней лежитъ своя оригинальная печать, но для меня-то нѣтъ въ ней новаго ни

на волосъ. Какъ бы то ни было, буду писать, когда случится, безъ особенной послѣдовательности и строгой связи. Быть-можетъ, кто-нибудь прочтетъ эти строки черезъ 20 или 30 лѣтъ и скажетъ: такъ вотъ при какой обстановкѣ шло воспитаніе нашихъ отцовъ!.. Прочтетъ,—и не броситъ въ насъ камня. Нынѣшній день была у насъ лекція французскаго языка, который, за неимѣніемъ профессора, читается ученикомъ Богословія, такъ называемымъ лекторомъ. Этотъ богословъ, въ пестрыхъ клѣтчатыхъ штанахъ и въ яркомъ разноцвѣтномъ жилетѣ, держитъ себя важнѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ нашихъ наставниковъ. „Ну-съ", говоритъ онъ подслѣповатому ученику, голова котораго покрыта золотушными струпьями: „переводите"... И стоитъ, покачивая своимъ вытянутымъ до невозможности корпусомъ. Лѣвая нога его картинно отставлена впередъ, одна рука занята книгою, другая играетъ бронзовою цѣпочкою. Ученикъ моргаетъ и посматриваетъ исподлобья налѣво и направо: „подскажите, молъ, анаѳемы!.." И вотъ слышится шопотъ: человѣкъ, любящій добродѣтель... „Не подсказывать господа!" замѣчаетъ лекторъ. „Вы, я думаю, и склонять-то не умѣете, а?" Ученикъ молчитъ. „Склоняйте l'homme".

— „Именительный l'homme,
Родительный... " —

„Довольно, довольно! Какой тутъ ломъ? Экое произношеніе! Оно и видно, что вамъ приличнѣе держать ломъ въ рукахъ, а не книгу". Въ классѣ раздается сдержанный хохотъ. Лекторъ радъ, что сказалъ острое словцо. „Слѣдующій!" — „Я нездоровъ", пробасилъ плечистый верзило, лѣниво поднимаясь со скамьи съ заспаннымъ лицомъ и закрывая широкою ладонью зѣвающій ротъ. „Желудокъ, вѣрно, обременили?" Въ классѣ опять раздается хохотъ. И такимъ образомъ проходитъ время съ пользою для учащихся, съ пріятностію для наставника.

20.

Вчера Ѳедоръ Ѳедоровичъ праздновалъ день своего рожденія. Къ этому событію онъ приготовлялся за недѣлю впередъ. Вотъ, молъ, и тотъ-то меня посѣтитъ, и такой-то у меня будетъ, и записывалъ для памяти, что ему нужно купить. Подчасъ сидитъ съ латинскимъ лексикономъ въ рукахъ, приготовляя изъ христоматіи переводъ странички къ слѣдующему классу, и вдругъ положитъ его въ сторону и скажетъ: „Ахъ, паюсной икры еще надобно, чуть не забылъ!“ И замѣтитъ на бумагѣ: 1 фунтъ паюсной икры. „Икры“, повторитъ онъ и задумается, потупивъ голову; посмотритъ на цифры, сдѣлаетъ сложеніе и плюнетъ: „Вотъ оно что! Десяти руб. сер. не хватитъ, несмотря на то что чай, сахаръ и ромъ у меня не купленные“. Даже со мною онъ заводитъ объ этомъ рѣчь: „Вотъ, молъ, каково теперь содержаніе! на все такая дороговизна, что смерть!“ Ужъ не намекалъ ли онъ, что дешево взялъ съ меня за квартиру?... Григорій, иначе называемый Гришкою, сбился съ ногъ, бѣгая на рынокъ и съ рынка. Покупка разныхъ разностей, по неизвѣстной причинѣ, не дѣлалась разомъ. Потребовалось луку — и Григорій бѣжитъ; понадобилось горчицы — и Григорій опять бѣжитъ. Только что возвратится, облитый горячимъ потомъ, „Гришка!“ раздается изъ кабинета: „пошелъ сюда! Ступай возьми уксусу на 10 коп.“ И Григорій опять бѣжитъ, повторяя дорогою: „Уксусу на 10 коп., уксусу на 10 коп.“ Вечеромъ, подъ этотъ, въ нѣкоторомъ родѣ, торжественный день Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ у всенощной и возвратился оттуда съ двумя большими просфорами и тотчасъ же вывелъ крупными буквами на одной: за здравіе, на другой: за упокой. Усталый мальчуганъ дремалъ въ передней. Ѳедоръ Ѳедоровичъ вошелъ въ нее и потянулъ въ себя воздухъ. „Вишь, какъ онъ тутъ навонялъ по́томъ. Пошелъ, чертенокъ, въ кухню!“ и дернулъ

его за вихоръ. Не прошло двухъ минутъ, онъ уже стоялъ въ своемъ кабинетѣ на молитвѣ, съ кіевскими святцами въ рукахъ. Передъ иконою теплилась лампадка. Наступившее утро ознаменовалось тѣмъ, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ надѣлъ на себя новый сюртукъ. Постороннихъ лицъ съ поздравленіями не было никого. Приходили только три ученика изъ нашего класса, которые принесли ему въ подарокъ серебряную солонку, конечно, купленную ими на складчину. Знаю я этихъ ословъ, извѣстныхъ своимъ тупоуміемъ и проказами на квартирѣ, въ домѣ подозрительнаго поведенія хозяйки... впрочемъ, это не мое дѣло. Ѳедоръ Ѳедоровичъ ихъ обласкалъ и поблагодарилъ. Едва затворилась за ними дверь, онъ началъ вертѣть въ рукахъ подаренную ему вещь, разсматривалъ ее сверху, снизу, съ боковъ и, наконецъ, сказалъ вслухъ: „84-й пробы". Въ передней кто-то кашлянулъ. „Кто тамъ?" — Я-съ, — отвѣчалъ знакомый Ѳедору Ѳедоровичу сапожникъ: — честь имѣю поздравить васъ со днемъ рожденія. Вотъ не угодно ли-съ принять кренделекъ!...—Крендель былъ испеченъ въ видѣ какого-то мудренаго вензеля и кругомъ осыпанъ миндалемъ. „Спасибо, братецъ, спасибо! Ну, что жъ выпьешь рюмку водки?" — Грѣшный человѣкъ! пью-съ. — И рюмка была выпита. — А вы, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, ужъ того-съ... замолвите за меня слово въ вашей семинаріи, вы ужъ тамъ знаете кому. Насчетъ лаковыхъ сапоговъ не извольте сомнѣваться: я сказалъ, что ихъ сошью — и сошью-съ. Такіе удеру, — мое почтеніе!—„Хорошо, хорошо — я постараюсь".

Вечеромъ собралось нѣсколько профессоровъ. Прежде всего мнѣ бросилась въ глаза та самая черта, которую я замѣтилъ недавно въ Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ: всѣ они вели себя здѣсь совершенно не такъ, какъ ведутъ себя въ семинаріи. Величія не было ни тѣни. Смѣхъ, шутки, пересыпанье изъ пустого въ порожнее — все это сильно меня изум-

ляло. „Отчего жъ, думалъ я, эти люди на насъ, учащихся, смотрятъ съ какой-то недоступной высоты? Отчего ни къ одному изъ нихъ я не смѣю подойти съ просьбою: будьте такъ добры, потрудитесь мнѣ вотъ это растолковать?...“ Поневолѣ вспомнишь слова Яблочкина, который сказалъ мнѣ однажды, что молодости нужно дыханіе любви, что она не можетъ развиваться подъ холодомъ и грозою, или развивается медленно и уродливо, что она замираетъ отъ ледяного прикосновенія непрошенныхъ объятій.

Мнѣ приказано было разносить чай. Мое новое положеніе въ качествѣ прислуги немножко меня смущало. На подносѣ всѣ чашки приходили въ движеніе, когда я проходилъ съ ними по комнатѣ. Послѣ раздачи чашекъ я молчаливо останавливался у притолки; порою, по приказанію кого-нибудь изъ гостей, набивалъ трубку, при чемъ не одинъ разъ говорили мнѣ съ какою-то двусмысленною улыбкою: „А ваша милость вкушаетъ отъ этого запрещеннаго плода?“—Нѣтъ,—отвѣчалъ я. И въ груди моей пробуждалось чувство непонятной досады. Разговоръ оживлялся все болѣе и болѣе. Громче всѣхъ говорилъ профессоръ словесности, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, украшенный сѣдинами и лысиною.

„Что вы не женитесь, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, а? Ну, что вы не женитесь?“ (У него, видите ли, дочь невѣста, такъ нельзя же о ней не позаботиться: родительское сердце!)

Ѳедоръ Ѳедоровичъ пріятно улыбнулся. „Найдите хорошее мѣсто, порядочный приходъ, словомъ: вѣрное обезпеченіе въ будущемъ,—вотъ и женюсь“.

„Отчего жъ бы вамъ не остаться въ свѣтскихъ?“

— Это опять зависитъ отъ простой причины: найду выгоднымъ—и свѣтскимъ останусь, мнѣ все равно.

„И семинарію, пожалуй, покинете?"

— Почему не такъ. Завиднаго тутъ немного. Что вы успѣли выиграть, преподавая 18 лѣтъ свою риторику?

„Ничего-съ. Былъ сынъ дьякона, теперь надворный совѣтникъ—это, я вамъ скажу, не маковое зернышко. Потянемъ еще лямку,—пансіонъ дадутъ,—вотъ и выигрышъ. Ну-съ, а это бездѣлица! Вѣдь, здѣсь сто глазъ на васъ смотритъ, сто ушей васъ слушаетъ. Вы имѣете вліяніе на молодые умы, даете имъ направленіе... вотъ вамъ еще выигрышъ. Да что вы думаете о семинаріи, а? Позвольте васъ спросить? Развѣ не изъ семинаріи выходятъ люди съ крѣпкою грудью, объ которую разбиваются всѣ житейскія невзгоды? Развѣ не семинарія вырабатываетъ эти желѣзныя натуры, которыя терпѣливо выносятъ всякій долголѣтній, усидчивый трудъ? Развѣ не въ семинаріи слагаются характеры, которые впослѣдствіи дѣлаются предметомъ удивленія на всѣхъ поприщахъ общественной и государственной жизни? Кто былъ митрополитъ Платонъ, украшеніе трехъ царствованій? А митрополитъ Евгеній? А графъ Сперанскій — этотъ великій государственный мужъ, это свѣтило умственнаго міра? То-то и есть! Вотъ вы и замолчали... Правду ли я говорю, Иванъ Ермолаичъ?"

Иванъ Ермолаичъ сидѣлъ за столомъ въ числѣ 4-хъ своихъ товарищей по службѣ, игравшихъ по 1/4 коп. въ карты. Онъ выкуривалъ трубку за трубкою и запивалъ табачный дымъ крѣпкимъ пуншемъ. Лицо его носило на себѣ отпечатокъ какой-то внутренней боли, глаза смотрѣли задумчиво и тоскливо. Этому человѣку у насъ не очень посчастливилось. Вступивъ прямо изъ академіи въ должность профессора, онъ хотѣлъ было ввести въ своемъ классѣ новый методъ преподаванія, совѣтовалъ ученикамъ знакомиться съ русскою литературою и выписывать общими силами журналы. Ученики его полюбили.

Начальство поставило ему на видъ, что онъ читаетъ не въ свѣтскомъ учебномъ заведеніи, и приказало ему впередъ не умничать. Иванъ Ермолаичъ покорился не вдругъ. Ему снова сдѣлали замѣчаніе. Онъ рѣшился оставить семинарію и занять мѣсто гражданскаго чиновника; къ сожалѣнію, мѣста не нашлось, и бѣдняга притихъ, сталъ запивать и заниматься дѣломъ, спустя рукава. Но бываютъ часы, когда онъ пробуждается отъ сна. И льется свободно его одушевленное, увлекательное слово; въ классѣ наступаетъ такая тишина, что ухо слышитъ жужжанье бьющейся о стекло мухи; но вдругъ онъ приложитъ руку ко лбу, будто припоминаетъ что-то забытое, вздохнетъ и замолчитъ, какъ порванная струна.

„Такъ, такъ! Вы говорите правду", отвѣчалъ Иванъ Ермолаичъ: „въ особенности меня утѣшаютъ ваши слова: мы даемъ направленіе молодымъ умамъ, что нисколько не мѣшаетъ мнѣ спрягать глаголъ сплю: я сплю, ты спишь..."

— Ну, ужъ это извините! При нашемъ отцѣ-ректорѣ не заснешь, — замѣтилъ сидѣвшій противъ него гость. „Онъ еженедѣльно посѣщаетъ всѣ классы; примѣрный, можно сказать, начальникъ: на волосъ не позволитъ отступить отъ положеннаго имъ однажды навсегда правила. Вчера сижу я спокойно за своимъ столикомъ, глядь — онъ идетъ. Я вскочилъ, застегнулъ въ торопяхъ на всѣ пуговицы фракъ и подошелъ къ нему подъ благословеніе. „Продолжайте", сказалъ онъ, „продолжайте..." — Не угодно ли вамъ кого-нибудь спросить? — говорю я.— „Ну, что жъ, пожалуй. Ну, ты... читай!" Онъ указалъ на одного ученика. Ученикъ-то попался бойкій, какъ, бишь, онъ прозывается?.. да! Яблочкинъ. Всталъ онъ и началъ объяснять лекцію своими словами, и ничего, такъ, знаете, свободно. Объяснилъ и стоитъ — улыбается. „Кончилъ?", спросилъ его отецъ-ректоръ. — Кончилъ. — „Ну что жъ, вотъ и

дуракъ... И забудешь все черезъ полгода". Яблочкинъ поблѣднѣлъ, я тоже немножко потерялся. Отецъ-ректоръ обратился ко мнѣ. „У васъ въ классѣ 80 человѣкъ. Этакъ нельзя, нельзя! Если каждый изъ нихъ будетъ сочинять отвѣты изъ своей головы, вавилонское столпотвореніе выйдетъ, непремѣнно выйдетъ..." Я хотѣлъ оправдываться. „Нѣтъ, говоритъ, этакъ нельзя. Пусть основательно знаютъ то, что для нихъ напечатано, или написано; въ ихъ возрастѣ и этого достаточно, очень достаточно..." Повернулся — и ушелъ. Я и остался, какъ оплеванный, и съ досады такъ пробралъ Яблочкина, что у него брызнули слезы. (Бѣдный Яблочкинъ! подумалъ я: чего ему стоили эти слезы!) Вотъ вамъ и сонъ. Нѣтъ, у насъ, кого хочешь, разбудятъ.

„Такъ, такъ, отвѣчалъ Иванъ Ермолаичъ: вамъ бы слѣдовало наказать этого вольнодумца Яблочкина. Ѣшь, молъ, вареное, слушай говореное."

— Знаемъ мы эти остроты! знаемъ!.. Вотъ вы хотѣли сдѣлать по-своему, а что?.. сдѣлали?.. —

„Обо мнѣ нечего говорить. Все молодость: увлекся — и образумился и пою теперь: „Пріидите и поклонимся."

— Эхъ, ну васъ! — раздалось нѣсколько голосовъ: — изъ-за чего вы бились? Чего вы хотѣли? —

Иванъ Ермолаичъ молчалъ и, облокотясь одною рукою объ столъ, задумчиво смотрѣлъ на свои карты. Болѣзненное выраженіе его лица ясно говорило, что думаетъ онъ вовсе о другомъ.

Сидѣвшій въ углу экономъ не принималъ почти никакого участія въ разговорѣ и вообще держался въ тѣни. Онъ у насъ ничего не читаетъ и, слѣдовательно, не имѣетъ никакого значенія, но личность его такъ оригинальна, что пріобрѣла себѣ популярность во всей семинаріи. Онъ положительно убѣжденъ, что всѣ мы такъ уже созданы, что не можемъ чего-нибудь не украсть у своего ближняго, не можемъ не надуть его такъ или иначе, а потому

и говоритъ онъ объ этомъ — съ дровосѣкомъ, съ водовозомъ, съ поставщикомъ коноплянаго масла — словомъ, съ людьми всѣхъ сословій, лишь бы пришлось ему вступить съ ними въ какія-либо сношенія по его экономической части. Голова его постоянно занята работой: кому и какъ сподручно украсть. Благодаря этой работѣ, онъ сдѣлался рѣдкимъ учителемъ воровства. Увидитъ, что водовозъ ѣстъ на дворѣ калачъ, — „Поди, говоритъ, сюда". Тотъ пойдетъ. „Ну, что, калачъ ѣшь?" — Калачъ. — „А гдѣ взялъ?" — Купилъ. — „Побожись". Тотъ побожится. „Не вѣрю, братъ, — укралъ". — Да какъ же я его укралъ? — „Извѣстно, какъ воруютъ. За водою рано ѣздилъ? — На разсвѣтѣ. — „Ну, вотъ, такъ и есть. Вотъ, значитъ, ты продалъ кому-нибудь бочки двѣ воды, а потомъ ужъ привезъ ее и сюда. Вотъ и ѣшь теперь калачъ... А дровъ не воровалъ?" — Какія тамъ черти дрова! скажетъ разсерженный водовозъ. У воротъ-то день и ночь стоитъ сторожъ, какъ же я ихъ украду? — „Да, да! Ты не придумаешь, какъ украсть!... Накладешь въ бочку полѣньевъ и поѣдешь со двора, и обмѣняешь ихъ на калачи, или на что другое. Вотъ и вся хитрость. Ужъ я тебя знаю!" Водовозъ почешетъ у себя затылокъ и пойдетъ прочь: ну, молъ, ладно! И послѣ въ самомъ дѣлѣ ѣстъ краденые калачи. Подобная исторія повторяется и съ другими.

„Господа! Кто получаетъ вѣдомости? Нѣтъ ли чего новаго?" спросилъ кто-то изъ гостей. Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Я просмотрѣлъ у отца-редактора одинъ нумеръ, — отвѣчалъ экономъ: — ничего нѣтъ особеннаго. Пишутъ, что умеръ стихотворецъ Лермонтовъ. — „А, умеръ? ну, царство ему небесное! Мнѣ помнится, я гдѣ-то читалъ стихи Лермонтова, а гдѣ, — не припомню".

Между тѣмъ началось приготовленіе къ закускѣ. На столѣ появились бутылки. Кухарка хлопотала

въ другой комнатѣ: разрѣзывала холодный говяжій языкъ, холоднаго поросенка, жаренаго гуся и прочее. Въ это время Иванъ Ермолаичъ, никѣмъ не замѣченный, вышелъ въ переднюю и сталъ отыскивать свои калоши. Я подалъ ему его шинель. „Вы семинаристъ?“ спросилъ онъ меня. — Да, семинаристъ. — „А къ лакейской должности не чувствуете особеннаго призванія? — Нѣтъ, отвѣчалъ я съ улыбкою. — „Ну, слава Богу. Что жъ вы третесь въ передней? Шли бы лучше въ свою комнату и на досугѣ читали бы тамъ порядочную книгу... до свиданія“. Онъ надвинулъ на глаза свой картузъ — и ушелъ. Я не оставался безъ дѣла: помогалъ кухаркѣ перетирать тарелки, сбѣгалъ однажды за квасомъ, котораго оказалось мало, и за которымъ кухарка отказалась идти въ погребъ, сказавъ, что по ночамъ она ходить всюду боится и не привыкла, и ломать своей шеи по скверной лѣстницѣ не намѣрена. Потомъ опять взялся перетирать тарелки и, по неумѣнію съ ними обходиться, одну разбилъ. Кухарка назвала меня разинею, а Ѳедоръ Ѳедоровичъ крикнулъ: „нельзя ли поосторожнѣе?“ Наконецъ каждому гостю поочередно я розыскалъ и подалъ калоши, накинулъ на плечи верхнее платье и, усталый, вошелъ въ свою комнату. Сальная свѣча нагорѣла шапкою и едва освѣщала ея непривѣтныя стѣны. Ѳедоръ Ѳедоровичъ заглянулъ ко мнѣ въ дверь. „Вотъ видишь, мы тамъ сидѣли, а тутъ цѣлая свѣча сгорѣла даромъ. Ты, пожалуйста, за этимъ смотри...“

Эхъ-ма! Vanitas vanitatum et omnia vanitas!

30.

Именно: omnia vanitas! На квартирѣ не весело, въ классѣ скучно, скучно не потому, что я невнимателенъ къ своему дѣлу, а потому, что товарищи мои слишкомъ со мною необщительны, слишкомъ холодны. Вотъ, ей Богу, чудаки! Неужели они ду-

маютъ, что я въ самомъ дѣлѣ рѣшусь пересказывать Ѳедору Ѳедоровичу все, что я вокругъ себя вижу и слышу? Но тогда я презиралъ бы самого себя болѣе, нежели кто-нибудь другой. Желалъ бы я, однако, знать, въ чемъ заключается наблюденіе Ѳедора Ѳедоровича за моими занятіями и что разумѣетъ онъ подъ словами: слѣдить за ходомъ моихъ успѣховъ? Ужъ не то ли, что иногда отворитъ мою дверь и спроситъ: „чѣмъ занимаешься?“ Вотъ тѣмъ-то, отвѣчу я. „Ну, и прекрасно. Пожалуйста, не болтайся безъ дѣла.“ И начнетъ разгуливать по своей комнатѣ, поигрывая махрами шелковаго пояса и напѣвая вполголоса свой любимый романсъ:

Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ,
Ты мнѣ милъ навсегда.

Или присядетъ на корточки средь пола и тѣшится съ сѣрымъ котенкомъ. „Кисинька, кисинька!... Эхъ-ты!..“ И поднимаетъ его за уши. Котенокъ замяучитъ. „Не любишь, шельма, а? не любишь?“ Положитъ его къ себѣ на колѣни, или прижметъ къ груди и ласково поглаживаетъ ему спину и даетъ ему разныя нѣжныя названія. Котенокъ мурлычетъ, жмуритъ глаза и вдругъ запускаетъ въ ласкающія его руки свои острые когти. „А чтобъ тебя чортъ побралъ!“ крикнетъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ и такъ хватитъ объ полъ своего любимца, что бѣдное животное ошалѣетъ, проберется въ какой-нибудь уголъ и, растянувшись на полу, долго испускаетъ жалобное: мяу! мяу!

Я замѣтилъ, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ бываетъ въ наилучшемъ расположеніи духа въ праздничные дни, послѣ сытнаго обѣда, который оканчивается у него объемистою мискою молочной каши, немедленно запиваемой кружкой густого, краснаго квасу. Въ прошлое Воскресенье, едва кухарка успѣла убрать со стола посуду и подмести комнату, Ѳедоръ Ѳедоровичъ легъ на диванъ, подложилъ себѣ подъ ло-

коть пуховую подушку, приказалъ мнѣ подать огня для папиросы и крикнулъ: „Гришка! — Ась! — отвѣчалъ Григорій изъ передней. — „А ну-ка, поди сюда“. Мальчуганъ вошелъ и остановился у притолки. Посмотрѣлъ я на него, — смѣхъ да и только: волосы всклокочены, лицо неумыто, рубашка въ сальныхъ пятнахъ, концы старыхъ сапоговъ, подаренныхъ ему Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ, загнулись на его маленькихъ ногахъ въ родѣ бараньихъ роговъ. Но молодецъ онъ, право: какъ ни дерутъ его за вихоръ, всегда веселъ! „Ну, что жъ, ты былъ сегодня у обѣдни?“ спрашиваетъ его Ѳедоръ Ѳедоровичъ. — А то будто нѣтъ. — „И Богу молился?“ Григорій почесался о притолку и ухмыльнулся. — Какъ же не молиться, на то церковь. — „Ну, гдѣ жъ ты стоялъ?“ Григорій смѣется. „Чему ты смѣешься, stultus?“ Звукъ незнакомаго слова такъ удивилъ мальчугана, что онъ фыркнулъ и убѣжалъ въ переднюю. „Ты не бѣгай, рыжая обезьяна! Пошелъ, сними съ меня сапоги!“ Григорій повиновался. Между тѣмъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ лѣниво зѣвалъ и осѣнялъ крестомъ свои уста. „Ну, рыжій! хочешь взять пятакъ!“ — Хочу, отвѣчалъ рыжій и протянулъ за пятакомъ руку. „Э, ты думаешь — даромъ? Представь, какъ продаютъ черепенники, тогда и дамъ“. Мальчуганъ остановился средь комнаты, прищурилъ глаза и, медленно размахивая правою рукою, затянулъ тонкимъ голосомъ:

Эхъ, лей кубышка,
Поливай, кубышка,
Не жалѣй, кубышка,
Хозяйскаго добришка;
За хозяйской головою
Поливаемъ, какъ водою.
Кто мои черепенники беретъ,
Тотъ здравъ живетъ.
Подходи!..

При послѣднемъ словѣ онъ бойко повернулся на каблукѣ и топнулъ ногою объ полъ. Вслѣдъ за

тѣмъ я получилъ приказаніе остановить маятникъ часовъ, и Ѳедоръ Ѳедоровичъ погрузился въ безмятежный сонъ.

Октября 6.

Заходилъ я, ради скуки, къ Яблочкину и засталъ его, какъ и всегда, за книгою. Онъ сидѣлъ передъ окномъ, подперевъ руками свою голову, и такъ былъ углубленъ въ свое занятіе, что не слыхалъ, какъ я вошелъ. „Ты, братъ, все за книгами", сказалъ я, положивъ руку на его плечо. Онъ вздрогнулъ и быстро поднялся со стула. — Тьфу, какъ ты меня испугалъ! Отчего ты такъ рѣдко у меня бываешь? Или боишься своего наставника? — „Что за вздоръ!" отвѣчалъ я: „нашлось свободное время, вотъ я и пришелъ. „Нѣтъ ли чего почитать?" — Я тебѣ сказалъ: только бери, книги найдутся. — Яблочкинъ вздохнулъ и прилегъ на кровать. „Грудь, душа моя, болитъ, сказалъ онъ, смотря на меня задумчиво и грустно: вотъ что скверно! Ахъ, если бы у меня было твое здоровье, чего бы я ни сдѣлалъ! чего бы я ни перечиталъ! Лѣнтяй ты, Вася! — Нѣтъ, Яблочкинъ, ты меня не знаешь. — отвѣчалъ я нѣсколько горячо: — я такъ зубрю уроки, что другой на моемъ мѣстѣ давно бы слегъ отъ этого въ могилу, или сдѣлался идіотомъ. — Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. — Откуда же въ тебѣ эта любовь къ мертвой буквѣ? — „Тутъ нѣтъ никакой любви. Я смотрю на свои занятія, какъ на обязанность, какъ на долгъ. Я знаю, что этотъ трудъ со временемъ дастъ мнѣ возможность принести пользу тѣмъ, въ средѣ которыхъ я буду поставленъ. Знаешь ли, другъ мой, продолжалъ я воодушевляясь: санъ священника — великое дѣло. Эта мысль приходила мнѣ въ голову въ безсонныя ночи, когда, спрятавъ учебныя книги, усталый, я бросался на свою жесткую постель. Вотъ, думалъ я: наконецъ, послѣ долгаго труда я

удостоиваюсь сана священнослужителя. Падаетъ ли какой-нибудь бѣднякъ, убитый нуждою, я поддерживаю его силы словомъ Евангельской истины. Унываетъ ли несчастный, безчестно оскорбленный и задавленный, — я указываю ему на безконечное терпѣніе Божественнаго Страдальца, Который, прибитый гвоздями на крестѣ, прощалъ своимъ врагамъ. Вырываетъ ли ранняя смерть любимаго человѣка изъ объятій друга, я говорю послѣднему, что есть другая жизнь, что другъ его теперь болѣе счастливъ, покинувъ землю, гдѣ царствуетъ зло, и льются слезы... И послѣ этого, быть можетъ, я пріобрѣтаю любовь и уваженіе окружающихъ меня мужичковъ. Устраиваю въ своемъ домѣ школу для дѣтей ихъ обоего пола, учу ихъ грамотѣ; читаю и объясняю имъ Святое Евангеліе. Эти дѣти становятся взрослыми людьми, разумными отцами и добрыми матерями... И я, покрытый сѣдинами, съ чистою совѣстью ложусь на кладбищѣ, куда, какъ духовный отецъ, проводилъ уже не одного человѣка, напутствуя каждаго изъ нихъ живымъ словомъ утѣшенія...“

Яблочкинъ пожалъ мнѣ руку. „У тебя прекрасное сердце! Но, Вася, нужно имѣть желѣзную волю, мало этого, нужно имѣть свѣтлую, многосторонне развитую голову, чтобы устоять одиноко на той высотѣ, на которую ты думаешь себя поставить, и гдѣ же? Въ глуши, въ какой нибудь деревушкѣ, среди грязи, бѣдности и горя, въ совершенномъ разъединеніи со всякимъ умственнымъ движеніемъ. Вспомни, что тебѣ еще придется заработывать себѣ насущный кусокъ хлѣба своими руками...“

— На все воля Божія, — отвѣчалъ я и молчаливо опустилъ свою голову.

„Отчего это жизнь идетъ не такъ, какъ бы хотѣлось?“ сказалъ Яблочкинъ съ досадою и горечью.

Послѣ долгаго, взаимнаго молчанія, у насъ снова зашелъ разговоръ о семинаріи.

„Я слышалъ, сказалъ я, что тебѣ досталось за объясненіе лекціи. Помнишь?..“

— Еще бы не помнить! — Яблочкинъ вскочилъ съ кровати. — Это не бѣда, это въ порядкѣ вещей, что я былъ оскорбленъ и уничтоженъ моимъ наставникомъ. Ему все простительно. Его уже поздно передѣлывать. Но эта улыбка, которую я замѣтилъ на лицахъ моихъ товарищей въ то время, когда у меня брызнули неумѣстныя, проклятыя слезы, — эта глупая улыбка довела меня до послѣдней степени стыда и негодованія. Дѣло не въ томъ, что здѣсь пострадало мое самолюбіе, а въ томъ, что эта молодежь, которая, казалось бы, должна быть воспріимчивою и впечатлительною, успѣла уже теперь, въ стѣнахъ учебнаго заведенія, сдѣлаться тупою и безчувственною. Вотъ мнѣ что больно! Что же выйдетъ изъ нея послѣ, въ жизни? — „Охота тебѣ волноваться“, сказалъ я: „а говоришь, что грудь у тебя болитъ? — Какъ, Вася, не волноваться? Я опять попалъ было недавно въ бѣду: на-дняхъ, въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ, я имѣлъ неосторожность высказать свое мнѣніе насчетъ одной извѣстной тебѣ іезуитской личности, поставившей себѣ главною задачею въ жизни пресмыкаться предъ всѣмъ, что имѣетъ нѣкоторую силу и нѣкоторый голосъ, и давить все безсильное и безотвѣтное. — „Инспектора?“ прервалъ я его въ испугѣ. — Ну, да! Черезъ два часа слова мои были ему переданы, и онъ позвалъ меня къ себѣ... — „Ты говорилъ вотъ то и то?“ спросилъ онъ меня. Представь себѣ мое положеніе: отвѣтить да, — значило обречь себя на погибель, — я подумалъ, подумалъ и сказалъ рѣшительно: нѣтъ! „А если, продолжалъ онъ, я призову двухъ сторожей и заставлю тебя сказать правду подъ розгами?“ Я молчалъ. Сторожа явились. „Признавайся“, говорилъ онъ, „прощу...“ Замѣть: какая невинная хитрость: проститъ!... „Не въ чемъ!“ отвѣчалъ я, смотря ему прямо въ глаза и давъ себѣ

слово скорѣе умереть на мѣстѣ, чѣмъ лечь подъ розги. „Позовите тѣхъ, при комъ я говорилъ“. Я чувствовалъ въ себѣ какую-то неестественную силу. Глаза мои, навѣрное, метали искры. Инспекторъ отвернулся и крикнулъ: „вытолкните его, мерзавца, вонъ и отведите въ карцеръ...“ И я просидѣлъ до вечера въ карцерѣ безъ хлѣба, безъ воды, едва дыша отъ нестерпимой вони... ну, ты знаешь нашъ карцеръ“. Яблочкинъ снова прилегъ на свою кровать. Грудь его высоко поднималась. Лицо горѣло. Я понялъ, что мнѣ неловко было упрекать его за неосторожныя слова. Мало ли мы что болтаемъ! и кто, спрашивается, отъ этого терпитъ? Ровно никто. Жаль, что онъ такъ впечатлителенъ, еще больше жаль, что у него такое слабое здоровье.

14.

Вотъ и рѣшай, кто тутъ правъ и кто виноватъ, и суди, какъ знаешь. Яблочкинъ сказалъ необдуманное слово и чуть не погибъ, а другіе доходятъ до безобразія, и все остается шито и крыто. Пошелъ я сегодня, послѣ вечерни пошататься по городу; иду по одной улицѣ, вдругъ слышу — стучатъ въ окно: „зайди на минуту; дѣло есть“, раздался голосъ знакомаго мнѣ философа Мельхиседекова, который учится вмѣстѣ со мною и принадлежитъ къ самымъ лучшимъ ученикамъ по своему поведенію и прилежанію. Я зашелъ. Гляжу — кутежъ! Мельхиседековъ стоитъ среди комнаты, молодцовато подпершись руками въ бока. Трое его товарищей, безъ галстуховъ, въ толстыхъ холстинныхъ рубашкахъ и въ нанковыхъ панталонахъ сидятъ за столомъ. На столѣ — полштофъ водки, рюмка, груши въ тарелкѣ и какая-то старая, въ кожаномъ переплетѣ, книжка. Четвертый, уже упитанный, спитъ на лежанкѣ, лицомъ къ печкѣ. Подъ головою его, вмѣсто подушки, лежатъ творенія Лактанція и Латинскій лексиконъ Кронеберга. „Пей!“ сказалъ мнѣ Мельхиседековъ прежде,

нежели я успѣлъ осмотрѣться, куда попалъ. „Что у тебя за радость?“ спросилъ я. — Деньги отъ отца получилъ и кстати именинникъ. Посмотри въ святцы и увидишь: мученика Протасія. — „Я не пью“. — „Стало-быть, ты ханжа, а не товарищъ. Ну, ступай — донеси, кому слѣдуетъ, о всемъ, что здѣсь видѣлъ... Такъ поступаютъ подлецы, а не добрые товарищи. Знаемъ мы, у кого ты живешь!.. Извини, братъ, что я тебя позвалъ. Я думалъ о тебѣ лучше...“ У меня мелькнула мысль, что отказъ мой непремѣнно дастъ поводъ заподозрить меня въ наушничествѣ и поведетъ къ глупымъ росказнямъ; я послушался и выпилъ. Мельхиседековъ меня поцѣловалъ. „Вотъ спасибо! Теперь садись въ рядъ и будемъ говорить въ ладъ“. — „Такъ-то такъ, сказалъ я: а если, сохрани Боже, заѣдетъ сюда субъ-инспекторъ...“ Мельхиседековъ засмѣялся и свистнулъ. „Видали мы эти виды“. — „Видали, братъ, видали!“ подхватили со смѣхомъ ученики, сидѣвшіе за столомъ: „пусть явится. Въ секунду все будетъ въ порядкѣ; возьмемся за тетрадки, за книги и встрѣтимъ его особу глубокими поклонами. Къ этой комедіи намъ не привыкать“.

„Слышишь, Мельхиседековъ“, сказалъ рябой ученикъ, взъерошивая на головѣ рыжіе волосы: „я, братъ, еще выпью. Нельзя не выпить. Послушай, что вотъ напечатано въ поэмѣ: Елисей“.

— Ступай ты съ нею къ чорту! Ты 20 разъ принимался ее читать, отвѣчалъ Мельхиседековъ: и надоѣлъ, какъ горькая рѣдька. —

„Нѣтъ, не могу. Сердись, какъ угодно, а я прочту: мы обязаны читать все поучительное...“ И онъ уткнулъ носъ въ книгу.

Когда печальный мужъ чарчонку выпиваетъ,
Съ чарчонкой всю свою печаль позабываетъ.
И воинъ, водочку имѣючи съ собой,
Хлебнувши чарочку, смѣлѣе идетъ въ бой.
Но что я говорю о малостяхъ такихъ?
Спросите вы о томъ духовныхъ и мірскихъ,

Спросите у дьяковъ, спросите у подъячихъ,
Спросите у слѣпыхъ, спросите вы у зрячихъ,
Я думаю, что вамъ отвѣтствуютъ одно:
Что лучшій въ свѣтѣ даръ для смертныхъ есть вино.

„Вотъ что, братъ? Слышишь?“

— Такъ, — сказалъ Мельхиседековъ, — а если дадутъ тебѣ тему: пьянство пагубно, я думаю, ты не станешь тогда приводить цитатъ изъ поэмы: Елисей.

„Кто, я-то? homo sum ergo... напишу такъ, что иная благочестивая душа прольетъ слезы умиленія. Приступъ: взглядъ на пороки вообще, на пьянство въ частности. Дѣленіе: 1-е) пьянство низводитъ человѣка на степень безсловесныхъ животныхъ; 2-е) пьяница есть мучитель и стыдъ своей семьи; 3-е) вредный членъ общества, и, наконецъ, 4-е) пьяница есть самоубійца... Что, братъ, ты думаешь, мы сробѣемъ?“

— Молодецъ! а что ты напишешь на тему, которая дана намъ теперь; можно ли что-нибудь представить внѣ формъ пространства и времени, какъ напримѣръ — ничто или вездѣсущество? Ну-ка, скажи! —

„Вдругъ не напишу, а подумавши, можно. Я, братъ, что хочешь напишу, ей Богу, напишу! вотъ ты и знай!“ И рыжій махнулъ рукою и плюнулъ.

Остальные два ученика не обращали ни малѣйшаго вниманія на этотъ разговоръ и продолжали горячій споръ:

„Ты погоди! Ты не тутъ придаешь силу своему голосу... Да! Слушай!

Грянулъ внезапно
Громъ надъ Москвою...

Вотъ ты и сосредоточивай всю силу голоса на словѣ: грянулъ, а у тебя выходитъ громче слово: внезапно, — значитъ, ты не понимаешь дѣла. Далѣе:

Выступилъ съ шумомъ
Донъ изъ бреговъ...
Ай, Донцы!
Молодцы!

Послѣднія два слова такъ пой, чтобы окна дрожали. У тебя все это не такъ".

— И не нужно. Я больше не буду пѣть. Все это глупости. Ты, братъ, смотри на пѣсню съ нравственной точки зрѣнія. Но такъ какъ тебѣ эта точка недоступна, слѣдовательно, ты поешь чепуху и празднословишь. —

„Я тебѣ говорю: пой!"

— Не буду я пѣть! —

„Ну, твоя воля! Стало-быть, ты глупъ..."

„Эй, чижикъ!" крикнулъ Мельхиседековъ. Изъ темнаго угла вышелъ блѣдный, остриженный подъ гребенку мальчуганъ и несмѣло остановился среди комнаты. На плечахъ его былъ полосатый, засаленный халатишко. Руки носили на себѣ признаки извѣстной между нами болѣзни, появляющейся вслѣдствіе неопрятности и нечистоплотности. Это былъ ученикъ духовнаго училища. „Вотъ тебѣ посуда; вотъ тебѣ четвертакъ; ступай туда... знаешь... и возьми косушку". Мальчуганъ повернулся и пошелъ. „Стой, стой!" сказалъ Мельхиседековъ: „знаешь свой урокъ?"—Знаю.—„Посмотримъ. Какъ сыскать общій дѣлитель?" Мальчуганъ поднялъ къ потолку свои глазенки и началъ однозвучно читать: „Должно раздѣлить знаменателя данной дроби на числителя, когда не будетъ остатка, то сей дѣлитель будетъ общій дѣлитель..." — „Довольно... Ты скажи, чтобы не обмѣривали; меня, молъ, приказный послалъ... Этотъ чижикъ отданъ мнѣ подъ надзоръ, вотъ я его и пробираю", сказалъ мнѣ Мельхиседековъ. Едва за мальчуганомъ затворилась дверь, въ комнату вошла хозяйка дома, дородная, краснощекая женщина, и закричала, размахивая руками: „перестаньте, безстыдники, горло драть! Что вы

покою не даете добрымъ людямъ!“ — „Не сердитесь, почтеннѣйшая женщина!“ отвѣчалъ Мельхиседековъ: „Вамъ это вредно при вашемъ полнокровіи...“ — Гуляемъ, Акулина Ивановна! Гуляемъ! — сказалъ рыжій и положилъ на столъ свои ноги. „Вотъ изволите ли видѣть? Свобода царствуетъ!...“ — „Ну, ты-то что еще безобразничаешь? Ахъ, ты, молокососъ, молокососъ! Погоди, — дай только твоему отцу сюда пріѣхать, ужъ я тебя распишу!..“ Я воспользовался тѣмъ, что вниманіе всѣхъ обратилось на хозяйку, и незамѣтно ускользнулъ за дверь. Экіе кутилы!

Декабря 10.

Давно я не брался за перо. И слава Богу. Небольшая потеря... Итакъ, слова Яблочкина, что у насъ найдутся средства познакомиться со всѣми произведеніями нашихъ лучшихъ писателей, сбылись вполнѣ. Въ продолженіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ я перечиталъ столько книгъ, что мнѣ самому кажется теперь непонятнымъ, какимъ образомъ достало у меня на этотъ трудъ и силы и времени. Я читалъ въ классѣ украдкою отъ наставниковъ. Читалъ въ моей комнаткѣ украдкою отъ Ѳедора Ѳедоровича, который удивлялся, зачѣмъ я пожигаю такую пропасть свѣчъ, но свѣчи, тоже украдкою, я сталъ покупать на свои деньги, и покамѣстъ все обстоитъ благополучно... Ну, мой милый, безцѣнный Яблочкинъ! Какъ бы ни легли далеко другъ отъ друга наши дороги, куда бы ни забросила насъ судьба, я никогда не забуду, что ты первый пробудилъ мой спавшій умъ, вывелъ меня на Божій свѣтъ, на чистый воздухъ, познакомилъ меня съ новымъ прекраснымъ, доселѣ мнѣ чуждымъ, міромъ... Какая теплая, какая чудная душа у этого человѣка! Мало того, что онъ давалъ мнѣ всѣ лучшія книги, онъ дѣлился со мною многими рѣдкими рукописями, которыя доставалъ съ величайшимъ трудомъ у своихъ знакомыхъ. И освѣ-

тились передо мною разные темные закоулки нашего грѣшнаго міра, и развѣнчались и пали нѣкоторыя личности, и загорѣлись передо мною самоцвѣтными камнями доселѣ мнѣ невѣдомыя сокровища нашей народной поэзіи. Вотъ, напримѣръ, начало одной пѣсни. Не знаю, была ли она напечатана.

Ахъ, ты, степь моя, степь широкая,
Поросла ты, степь, ковылемъ-травой,
По тебѣ ли, степь, вихри мечутся,
У тебя ль орлы на пескахъ живутъ,
А вокругъ тебя, степь родимая,
Синей ставкою небеса стоятъ!
Ахъ, ты, степь моя, степь широкая,
На тебѣ ли, степь, два бугра стоятъ,
Безъ крестовъ стоятъ, безъ примѣтушки,
Лишь небесный громъ въ бугры стукаетъ!...

Да, вотъ это пѣсня! Она не походитъ на ту, которую распѣваетъ такъ часто Ѳедоръ Ѳедоровичъ:

Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ,
Ты мнѣ милъ навсегда...

Въ моихъ понятіяхъ, въ моихъ взглядахъ на вещи, совершается теперь переворотъ. Давно ли я смотрѣлъ на грязную сцену кутежа моихъ товарищей спокойными глазами? Въ эту минуту она кажется мнѣ отвратительною. Воспоминаніе о робкомъ мальчикѣ, котораго посылали за водкою, возмущаетъ мою душу и поселяетъ во мнѣ отвращеніе къ жизни, среди которой могутъ возникать подобныя явленія. И все съ большею и большею недовѣрчивостію осматриваюсь я кругомъ, все глубже и глубже замыкаюсь въ самомъ себѣ. Съ этого времени я понимаю постоянное раздраженіе Яблочкина противъ дикаго мелочного педантизма, противъ всякой сухой схоластики и безжизненной морали, противъ всего коснѣющаго и мертваго. Не скажу, чтобы я сдѣлался лѣнивымъ отъ того, что пристрастился къ чтенію. Уроки выучиваются мною попрежнему. Но все это дѣлается ex officio, а ужъ никакъ не con

amore. Ни одно слово изъ безчисленнаго множества остающихся въ моей памяти словъ не проникаетъ въ мою душу, ни одно слово не вѣетъ на меня освѣжительнымъ дыханіемъ жизни, близкой моему уму или сердцу...

Однако, волею-неволею, мнѣ опять нужно положить перо и взяться за урокъ. А Ѳедоръ Ѳедоровичъ спитъ безпробудно... Тяжело мнѣ мое одиночество въ чужомъ домѣ. Не съ кѣмъ мнѣ обмѣняться ни словомъ, ни взглядомъ. Молчаливо смотрятъ на меня невзрачныя стѣны. Тускло горитъ сальная свѣча. На дворѣ завываетъ вьюга. Бѣлые хлопья снѣгу, пролетая мимо окна, загораются огненными искрами и пропадаютъ въ непроницаемомъ мракѣ. Тяжело мнѣ подъ этою чужою кровлею...

14.

Вотъ и экзамены наступили. Нашъ классъ принялъ на нѣкоторое время какъ бы праздничный видъ. По полу прошла метла, по столамъ тряпка. Печь истопили съ вечера, и дровъ, разумѣется, не пожалѣли. Впрочемъ, истопить ее въ годъ два-три раза расходъ не великъ. Для отца-ректора стояло заранѣе приготовленное покойное кресло. Для профессоровъ были принесены стулья. Казалось, все придумали хорошо, а вышло дурно: промерзшія стѣны отошли, и воздухъ сдѣлался нестерпимо тяжелъ и непріятенъ. На это обратили вниманіе и позвали сторожа съ курушкою. Сторожъ покурилъ,—и воздухъ пропитался запахомъ сосновой смолы. Ѳедоръ Ѳедоровичъ, вѣроятно, чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко въ ожиданіи прихода своего начальника. Онъ торопливо ходилъ по классу, потирая руки и, время отъ времени, поправляя на себѣ черный фракъ, хотя, правду сказать, поправлять его было нечего: онъ былъ застегнутъ по формѣ, отъ первой до послѣдней пуговицы. Сидѣвшій у порога на заднемъ столѣ ученикъ, съ лицомъ,

въ половину обращеннымъ къ двери, съ безпокойнымъ выраженіемъ въ глазахъ, напрягалъ чуткій слухъ, стараясь уловить звуки знакомой ему поступи, чтобы отворить во-время дверь, что удалось ему сдѣлать какъ нельзя лучше. „Гм... гм... У васъ тутъ что-то скверно пахнетъ...“ сказалъ отецъ-ректоръ, опираясь на свою камышевую трость и оборачивая голову налѣво и направо. „Да-съ, есть немножко“, почтительно отвѣчалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ и тоже, вѣрно по сочувствію, оборотилъ голову налѣво и направо и пододвинулъ къ столу покойное кресло. Одежда отца-ректора была на лисьемъ мѣху и на мѣху просторная обувь. Онъ отдалъ одному ученику свою трость, который поставилъ ее въ передній уголъ, и осторожно опустился въ кресло, придерживаясь обѣими руками за его выгнутые бока. „Удобно ли вамъ сидѣть? не прикажете ли поправить столъ?“ сказалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.—Нѣтъ, ничего. Ну, что жъ, начнемъ теперь, начнемъ.—Въ эту минуту пришли еще два профессора и, послѣ обычныхъ поклоновъ, скромно заняли свои мѣста. Отецъ-ректоръ развернулъ списокъ учениковъ и положилъ на столъ билеты. Начались вызовы. Мнѣ пришлось отвѣчать третьимъ, а именно: о памяти. Отличусь, думалъ я, взглянувъ на билетъ, и дѣйствительно отличился: прочиталъ нѣсколько строкъ такъ бѣгло, что отецъ-ректоръ пришелъ въ изумленіе. „Погоди, погоди! Я ничего не разберу. Говори раздѣльнѣе“. Я повиновался. „Ну что жъ, хорошо, весьма хорошо! Повтори о достоинствахъ памяти“.

— Достоинства памяти рѣдко соединяются между собою въ одинаковой мѣрѣ, особенно легкость съ крѣпостію и вѣрностію, но постояннымъ упражненіемъ памяти они могутъ быть пріобрѣтаемы до извѣстной степени и часто доводимы до необыкновеннаго совершенства. Въ древнія и новыя времена встрѣчались примѣры...

„Чей ты сынъ?“

— Священника.

„Ну, что жъ, учись, учись. Хорошо! Вотъ и выйдешь въ люди. Ступай!“

Я повернулся.

„Погоди! Зачѣмъ у тебя волосы такъ длинны? Щегольство на умѣ, а? Такъ, такъ! Остригись, непремѣнно остригись. Сколько тебѣ лѣтъ?“

— 19 лѣтъ.

„Такъ, щегольство. Ну, смотри, учись“.

Онъ обратился къ Ѳедору Ѳедоровичу и спросилъ его вполголоса: „Каковъ онъ у васъ?“

— Поведенія и прилежанія примѣрнаго. Способностей превосходныхъ, — послѣдовалъ отвѣтъ вполголоса. Я боялся, что улыбнусь, и прикусилъ губы. „Хвали“, подумалъ я: „понимаю, въ чемъ тутъ дѣло“. Какъ бы то ни было, сѣвъ на свое мѣсто, я порадовался, что отдѣлался благополучно.

Ученики выходили по вызову другъ за другомъ. И вотъ одинъ, малый, впрочемъ, не глупый (относительно), замялся и всталъ втупикъ.

„Ну, что жъ. Вотъ и дуракъ! Повтори, что прочиталъ.“

— Хотя творчество фантазіи, какъ свободное преобразованіе представленій, не стѣсняется необходимостію строго слѣдовать закону истины, однакожъ, показуясь представленіями, взятыми изъ дѣйствительности, оно тѣмъ самымъ примыкаетъ уже къ міру дѣйствительному. Оно только расширяетъ дѣйствительность до правдоподобія и возможности...

„Что ты разумѣешь подъ словомъ: показуясь?“

— Слово: проявляясь.

„Ну, хорошо. Объясни, какъ это расширяется дѣйствительность до правдоподобія?“

Ученикъ молчалъ.

„Ну что жъ, объясни“. Опять молчаніе.

„Вотъ и дуракъ. Вѣдь тебѣ объясняли?“

— Объясняли.

„Ну что жъ ты молчишь?“

— Забылъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ двигалъ бровями, дѣлалъ ему какіе-то непонятные знаки рукой. Ничто не помогало. Не утерпѣлъ онъ—и слова два шепнулъ.

„Нѣтъ, что жъ, подсказывать не надо.“

— Вы напрасно затрудняетесь,—сказалъ одинъ изъ профессоровъ.—„Юрія Милославскаго“ читали?

— Читалъ.

— Что жъ тамъ дѣйствительность или правдоподобіе?

— Дѣйствительность.

— Почему вы такъ думаете?

— Это историческій романъ.

„Нѣтъ, что жъ, дуракъ! Положительный дуракъ“, сказалъ отецъ-ректоръ и махнулъ рукою.

Исторія въ этомъ родѣ повторилась со многими. Едва доходило дѣло до объясненій и примѣровъ, ученики становились втупикъ.

Въ числѣ другихъ вышелъ ученикъ второго разряда очень молодой, красивый и застѣнчивый, за что товарищи прозвали его „прелестною Машенькой“. Онъ робко читалъ по билету, который ему выпалъ, и во время чтенія не поднималъ рѣсницъ. „Такъ, такъ“, говорилъ отецъ-ректоръ: „продолжай!“ И затѣмъ онъ обратился съ улыбкой къ профессорамъ: „Какой онъ хорошенькій, а? не правда ли? Какъ тебя зовутъ?“

— Александромъ.

„Ну, вотъ, вотъ!... И имя у тебя хорошее...“

Ученикъ краснѣлъ. Сидѣвшій подлѣ него профессоръ предложилъ ему вопросъ. — „Нѣтъ, нѣтъ! замѣтилъ отецъ-ректоръ: вы его не сбивайте. Пусть читаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какой онъ хорошенькій!“ И экзаменаторъ взглянулъ на списокъ. — „Ты здѣсь невысоко стоишь, невысоко. Вотъ я тебя поставлю повыше... Ты будешь заниматься, а?“

— Буду.

„Ну и хорошо. Ступай!“

Къ концу экзамена отецъ-ректоръ, какъ видно, утомился. Сталъ смыкать свои глаза и пропускать нелѣпые отвѣты мимо ушей. Ученики не преминули этимъ воспользоваться, однако одинъ попалъ впросакъ: заговоривъ объ органахъ чувствъ, онъ приплелъ сюда и память, и творчество, и прочее, и прочее, лишь бы не молчать. Вотъ, сколько мнѣ помнится, образчикъ на выдержку: „Органы чувствъ суть: глаза, уши, носъ, языкъ и вся поверхность тѣла. Заучиваніе бываетъ механическое и разумное... однакожъ, бываютъ случаи, фантазія можетъ создать крылатую лошадь, но только тогда, когда мы уже имѣемъ представленіе о лошади и крыльяхъ и сверхъ того... и... напрасно строгіе эмпирики отвергаютъ въ насъ дѣйствительность ума, какъ высшей познавательной способности...“

— Такъ, такъ, — говорилъ отецъ-ректоръ, безсознательно кивая головою. Ѳедоръ Ѳедоровичъ не перебивалъ этой галиматьи, что было очень понятно.

„Вы просто городите безобразную чепуху“, замѣтилъ сидѣвшій налѣво профессоръ.

— А? что, что? Повтори! — и отецъ-ректоръ широко раскрылъ глаза. Ученикъ сталъ втупикъ.

— Ну, что жъ, дуракъ! Вотъ я тебѣ и поставлю нуль. Пошелъ!...

Несмотря на эти маленькія непріятности, Ѳедоръ Ѳедоровичъ остался вообще нами доволенъ и, садясь со мною обѣдать, весело потеръ руки и сказалъ: „Ну, слава Богу! экзаменъ нашъ сошелъ превосходно... какъ ты думаешь?“

— Хорошо,—отвѣчалъ я съ улыбкою.

„Промахи, конечно, были, но... пододвинь ко мнѣ горчицу“. Я пододвинулъ... „Гдѣ жъ это не бываетъ?“

„И въ самомъ солнцѣ пятна есть“...

17.

Экзамены продолжаются. Въ общихъ чертахъ они похожи одинъ на другой и только отличаются

нѣкоторыми оттѣнками; смотря по тому, кто экзаменуетъ—отецъ-ректоръ или инспекторъ. Послѣдній не дремлетъ за своимъ столомъ, нѣтъ!... Лицо его выражаетъ какое-то злое удовольствіе, когда ему удастся сбить кого нибудь съ толку. И, Боже сохрани, если онъ не благоволитъ къ наставнику экзаменующихся! Тогда вся его злоба обращается на учениковъ, которыхъ онъ мѣшаетъ съ грязью, и въ то же время язвитъ ихъ наставника разными ядовитыми намеками и двусмысленною учтивостію. Къ счастію, онъ не экзаменуетъ по главнымъ предметамъ, но по исторіи, языкамъ и т. д.

„Переводи!“ говоритъ онъ ученику, который стоитъ передъ нимъ съ потупленною головою и съ Лактанціемъ въ рукахъ. „Переводи! что жъ ты молчишь, какъ стѣна?...“ И впивается въ него своими сѣрыми, сверкающими глазами.

— Душа, буду... будучи обуреваема страстями и... и...

„Далѣе!“

— Страстями... и...

„Что жъ далѣе?“

— И не находя опо... опоры.—Ученикъ чуть не плачетъ.

„Оселъ! У тебя и голосъ-то ослиный!“ И онъ передразниваетъ ученика: „Обуреваема... Гдѣ ты нашелъ тамъ обуреваема? Лѣнь тебя, осла, обуреваетъ, вотъ что! Почему ты цѣлую недѣлю не ходилъ въ классъ?“

— Боленъ былъ. —

„Видишь, какой у него басище... боленъ былъ...“ Опять передразниванье. „Отчего же ты не явился въ больницу?“

— Я полагалъ... я думалъ, что на квартирѣ мнѣ будетъ покойнѣе... У малаго навертываются слезы.

— Ей Богу я былъ боленъ лихорадкою. Спросите у моихъ товарищей и, если я солгалъ, накажите меня, какъ угодно.

„А! ты покой любишь... хорошо! Вотъ тебя исключатъ къ вакаціи, тогда насладишься покоемъ: цѣлый вѣкъ будешь перезванивать въ колокола.“

И вслѣдъ за этимъ предлагается вопросъ наставнику:

„Онъ у васъ всегда таковъ, или, можетъ-быть, на него періодически находитъ одурѣніе?“

— Что дѣлать! Особенныхъ способностей онъ не имѣетъ, но трудится усердно и успѣваетъ, сколько можетъ. Кажется, онъ сробѣлъ немного...

„Все это прекрасно, т. е. вы очень великодушны, но все это ни къ чему не ведетъ. Мнѣ кажется (по крайней мѣрѣ, я такъ думаю, вы меня, пожалуйста, извините: можетъ-быть, я ошибаюсь), мнѣ кажется, было бы сообразнѣе съ дѣломъ видѣть его въ началѣ не 2-го разряда, какъ онъ у васъ стоитъ, а въ концѣ 3-го. Впрочемъ, вѣроятно, вы имѣете на это свое основаніе“.

Наставникъ проглотилъ позолоченную пилюлю и сталъ извиняться, что онъ ошибся, и увѣрялъ, что на будущее время онъ постарается быть болѣе осмотрительнымъ.

Послѣ класса я заходилъ за книгою къ своему товарищу, который живетъ въ семинаріи на казенномъ содержаніи. Мнѣ случилось быть въ первый разъ въ нумерѣ бурсаковъ. Это огромная высокая комната, по наружности похожая на наши классы, съ тою разницею, что она, хоть и экономно, но все же ежедневно отапливается. Вокругъ обтертыхъ спинами стѣнъ стоятъ деревянныя, топорной работы, кровати. Простынь на нихъ нѣтъ; подушки засалены; старые, сплюснутые матрацы покрыты изношенными, изорванными одѣялами. На полу пыль и соръ. И какой полъ! Доски стерты каблуками, и только крѣпкіе суки упорно противятся сапогамъ и времени и подымаются со всѣхъ сторонъ бугорками. Между досокъ щели. Въ углу — отверстіе: смѣлыя голодныя крысы не побоя-

лись прогрызть казенное добро!... Окна запушены снѣгомъ и такъ плотно, что самому зоркому глазу невозможно видѣть, что дѣлается на улицѣ и даже есть ли здѣсь улица. Сквозь разбитыя и кое-какъ смазанныя стекла порядочно подуваетъ холодомъ, но я не слышалъ, чтобы кто-нибудь жаловался: кажется, здѣсь ко всему привыкли. Покамѣстъ мой товарищъ доканчивалъ выписку изъ моей книги, я присѣлъ на его кровать. Ничего! матрацъ не жестче доски, стало-быть, на немъ еще можно спать. Ученики сновали взадъ и впередъ по комнатѣ. Одинъ полураздѣтый, въ толстомъ и грязномъ бѣльѣ, лежалъ на своей кровати съ глазами, устремленными на тетрадку, и съ видимымъ удовольствіемъ доѣдалъ кусокъ чернаго хлѣба. Другому захотѣлось покурить. Курить не велятъ, поневолѣ поднимешься на хитрости. Онъ подставилъ къ печкѣ скамью, открылъ вверху заслонку и, стоя на скамьѣ пускалъ дымъ въ трубу. Вотъ я почувствовалъ что-то непріятное у себя на шеѣ, хвать — клопъ! Этакая мерзость! Воображаю, какъ было бы покойно провести здѣсь ночь...

„Ты докончилъ выписку? спросилъ я у своего товарища.

— Докончилъ.

„Каково вы тутъ поживаете?“

— Ничего. Семья, братъ, большая: 20 человѣкъ въ одной комнатѣ.

„А какъ у васъ распредѣлено время?“

— Утромъ бываетъ общая молитва, и мы всѣ поемъ. Потомъ одинъ становится къ налою и прочитываетъ нѣсколько молитвъ. Послѣ класса позволяется немного отдохнуть. Уроки учимъ въ залѣ. Вечеромъ опять общая молитва. Кто хочетъ, и послѣ ужина можетъ заниматься, прочіе ложатся спать. Ты никогда не былъ у насъ въ столовой?

„Никогда. Я думаю тамъ почище, чѣмъ здѣсь?“

— Чистота одинакова. А воздухъ тамъ хуже: изъ кухни, вѣрно, чѣмъ пахнетъ. Просто — вонь!

„Какъ же вы тамъ садитесь за столы?“

— Извѣстно какъ, по классамъ; словесники особо, мы особо, богословы тоже особо. Богословы ѣдятъ изъ каменныхъ тарелокъ, мы и словесники изъ оловянныхъ; ложки деревянныя, да такія, братъ, прочныя, что въ каждой будетъ полфунта вѣсу. Сторожа разносятъ щи и кашу. Вотъ тебѣ и все.

„Кушанье, стало-быть, всѣмъ достается поровну?“

— Ну, нѣтъ. У богослововъ бываетъ побольше говядины, у насъ поменьше, у словесниковъ чуть-чуть. Первые ѣдятъ кашу съ коровьимъ масломъ; у насъ она только пахнетъ коровьимъ масломъ; у словесниковъ ничѣмъ не пахнетъ. Каша, да и только.

„А въ постные дни что же подаютъ?“

— Кислую капусту съ квасомъ. Щи изъ кислой капусты. Къ кашѣ выдается конопляное масло въ томъ же родѣ, какъ и коровье.

„А блины на сырной бываютъ?“

— Иногда бываютъ. Крупны ужъ очень пекутъ: однимъ блиномъ сытъ будешь.

„И съ коровьимъ масломъ?“

— Съ коноплянымъ. Иногда съ коровьимъ — для запаху.

„Это, вѣрно, не то, что дома...“

— Ничего. Былъ бы хлѣбъ, живъ будешь. У меня и дома-то ѣдятъ не больно сладко. Отецъ у меня понамарь; доходы извѣстные: копейка да грошъ, да и тотъ не сплошь.

Послѣ этого разговора я шелъ въ раздумьи вплоть до моей квартиры, и комната моя, послѣ нумера, въ которомъ я былъ, показалась мнѣ и уютною и чистою.

21.

У насъ производится теперь раздача билетовъ, безъ которыхъ ученики не имѣютъ права разъѣзжаться по домамъ. Мнѣ всегда бываетъ пріятно толкаться въ это время въ корридорѣ, въ толпѣ товарищей, всматриваться въ выраженіе ихъ лицъ и угадывать по немъ невидимую работу мысли. Получившіе билеты весело сбѣгаютъ по широкой, грязной лѣстницѣ отъ инспектора, который ихъ выдаетъ. Вотъ одинъ останавливается на бѣгу и съ безпокойствомъ ощупываетъ свой боковой карманъ: тутъ ли его дорогая бумага? не обложился ли онъ какъ-нибудь второпяхъ? И вдругъ оборачивается назадъ и вновь бѣжитъ наверхъ; вѣрно, еще что-нибудь забыто. Другой спускается съ лѣстницы съ потупленною головою и нахмуренными бровями. „Ну что?“ спрашиваетъ его товарищъ. „Послѣ велѣлъ прійти. Говоритъ, некогда“... „А за тобою прислали изъ дома?“ — То-то и есть, что прислали. Работнику дано на дорогу всего 30 коп., вотъ лошадь и будетъ стоять безъ сѣна, если тутъ задержатъ. — Подлѣ меня разговариваютъ два ученика: „Что жъ ты, пріятель, не ѣдешь домой?“ — Зачѣмъ? Пьянства я тамъ не видалъ? Мнѣ и здѣсь хорошо. — „Нашелъ хорошее! Что жъ ты будешь дѣлать?“ — Спать — кромѣ ничего. У меня, братъ, на квартирѣ... — Онъ пошепталъ своему пріятелю что-то на ухо. „Въ самомъ дѣлѣ?“ — Честное слово. — „И хорошенькая?“ — Ничего, не дурна. — „Вотъ онъ!“ сказалъ Мельхиседековъ, показывая свой билетъ. — Часъ добрый, отвѣчалъ я: — а что инспекторъ не сердитъ? — „Ни то, ни се: говоритъ, какъ водится, напутственныя слова. Ты, дескать, лѣнтяй и часто не ходилъ въ классы; тебя нужно бы не домой отпустить, а посадить для праздника на хлѣбъ и на воду. Ты на прошлой недѣлѣ смѣялся въ классѣ.

Помни это! я до тебя доберусь". А меня называлъ умнымъ малымъ. „Ты, говоритъ, ведешь себя скромно. Это я люблю. Смотри, не заразись дурными примѣрами." Я выслушалъ его съ видомъ глубочайшаго почтенія, отдалъ низкій поклонъ, да и вонъ.

И поѣдутъ они теперь въ разныя стороны, въ разныя деревушки и села. Какъ-то невольно представляются мнѣ знакомыя картины. Широко, широко раскинулось снѣжное, безлюдное поле. По краямъ сѣрое, туманное небо. Въ сторонѣ чернѣется обнаженный лѣсъ. На косогорахъ качаются отъ вѣтра сухія былинки. Надъ оврагами уродливыми откосами нависъ сугробъ. По лугамъ неправильными рядами поднимаются снѣжныя волны. Вокругъ печальная безжизненная тишина. Слышенъ только скрипъ полозьевъ и туго натянутой дуги. Среди этой пустыни ѣдетъ иной горемыка въ легкомъ и тонкомъ тулупишкѣ. Морозъ пробираетъ его до костей. На бровяхъ и рѣсницахъ наростаетъ иней. Жгучій вѣтеръ колетъ иглами открытое лицо. Сани медленно ныряютъ изъ ухаба въ ухабъ. Тощая кляча съ трудомъ вытаскиваетъ изъ глубокаго снѣга свои косматыя ноги. И вотъ наступаетъ холодная, холодная ночь. Синее небо усѣяно звѣздами. По снѣгу, при яркомъ свѣтѣ мѣсяца, перебѣгаютъ голубые и зеленые огоньки, и видны свѣжіе слѣды недавно пробѣжавшаго зайца. Безконечная даль пропадаетъ въ туманѣ, и сквозь этотъ туманъ тускло мерцаетъ одинокая красная точка: вѣрно, еще не спятъ въ какой-нибудь дымной и сырой избенкѣ. Тпрръ! говоритъ кучеръ и съ бранью оставляетъ свое мѣсто. „Что тамъ такое?" спрашиваетъ сѣдокъ. „Супонь лопнула"...— Ахъ, Господи! что это за наказанье!...— Бѣдняга выскакиваетъ изъ саней и бѣгаетъ около нихъ, похлопывая окостенѣвшими руками, покамѣстъ исправляется старая, истасканная упряжь.

Я остаюсь здѣсь потому, что ѣхать слишкомъ далеко. Книгъ у меня будетъ довольно, а съ ними я не соскучусь. И какъ бы сталъ я коротать въ деревнѣ праздничные дни? Батюшка, по обыкновенію, съ утра до ночи ходитъ со двора на дворъ съ крестомъ и святою водою и возвращается усталый съ собранными курами и чернымъ, печенымъ хлѣбомъ. Со стороны матушки немедленно слѣдуютъ вопросы: кто, какъ его принялъ и что ему далъ. Куры взвѣшиваются на рукахъ и при этомъ, разумѣется, не обходится безъ нѣкоторыхъ замѣчаній. „Вотъ, молъ, смотри: что это за курица? Воробей воробьемъ!... Матрена, говоришь, дала?“ — Она, она,—отвѣчаетъ батюшка, насупливая брови. „Экая выжига! экая выжига!“ Христославнаго хлѣба у насъ собирается довольно. Часть его обращается на сухари для собственнаго употребленія, часть идетъ на кормъ домашней скотинѣ.

Когда-то и я вмѣстѣ съ батюшкой ходилъ по избамъ мужичковъ въ качествѣ Христославца и бойко читалъ наизусть какія-то допотопныя вирши, Богъ вѣсть, когда и кѣмъ написанныя, со всевозможными грамматическими ошибками и переходящія изъ рода въ родъ безъ малѣйшаго измѣненія. „Вишь, какъ тачаетъ!“ бывало, скажетъ иной мужичокъ: „сейчасъ видно, что поповичъ. Нечего дѣлать, надо и ему дать копеечку...“

Впрочемъ, къ чему я объ этомъ говорю? Воспоминанія, изволите ли видѣть, воспоминанія... Это, что называется, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

29.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: я надѣялся провести все праздничное время за книгами, а вышло не такъ. Григорій заболѣлъ наканунѣ Рождества простудою и слегъ въ постель, которую пришлось ему занять въ сырой, угарной

кухнѣ, на жесткой сосновой лавкѣ. На больного никто не обращалъ особаго вниманія. Кухарка тотчасъ послѣ обѣда наряжалась въ пестрое, ситцевое платье, завивала на вискахъ косички, уходила въ гости къ какому-нибудь свату или куму и возвращалась уже вечеромъ румяною, веселою и разговорчивою. „Вставай!“ говорила она мальчугану, который съ трудомъ переводилъ свое горячее дыханіе: „что ты все лежишь, какъ колода? Не хочешь ли щей?“ Больной отрицательно качалъ головою и оборачивался къ стѣнѣ. „Ну, наплевать! была бы честь приложена, отъ убытку Богъ избавилъ...“ И баба запѣвала вполголоса не совсѣмъ пристойную пѣсню. Ѳедоръ Ѳедоровичъ раза два посылалъ меня къ нему съ чашкою спитого, жиденькаго чая. „Пусть, говоритъ, выпьетъ. Это здорово. Скажи, что я приказываю.“ Но малый не слушался и со слезами на глазахъ просилъ у меня холоднаго квасу. Ключъ отъ погреба постоянно хранился въ кабинетѣ Ѳедора Ѳедоровича: я спѣшилъ къ нему съ докладомъ, вотъ, молъ, такъ и такъ. „Нѣтъ,—отвѣчалъ мнѣ мой наставникъ,— скажи ему, что онъ глупъ. Больному пить квасъ нездорово.“ И этимъ оканчивалось все попеченіе о бѣдномъ мальчуганѣ. Такимъ образомъ, волею-неволею, мнѣ пришлось замѣнить его должность, т.-е. состоять на посылкахъ и исполнять разныя приказанія и прихоти моего наставника. Только что я возьмусь за книгу, „Василій! — раздается знакомый мнѣ голосъ, — сходи-ка на рынокъ и купи мнѣ орѣховъ, да смотри, выбирай, какіе посвѣжѣе.“ Орѣхи принесены, молотокъ, чтобы разбивать ихъ, поданъ, я опять берусь за книгу и читаю при громкомъ стукѣ молотка. „Василій! подика собери скорлупу и вынеси ее на дворъ.“ Скорлупа вынесена—я снова принимаюсь за книгу. „Василій! поди-ка вычисти мнѣ сапоги.“ И вотъ я развожу на старомъ чайномъ блюдечкѣ ваксу и чищу сапоги, а наставникъ мой покоится на диванѣ, за-

ложивъ подъ голову свои руки, куритъ папироску и смотритъ на потолокъ.

Теперь я окончательно убѣжденъ, что онъ строго слѣдитъ за ходомъ моего развитія. Сегодня за обѣдомъ у меня съ нимъ былъ слѣдующій разговоръ.

„Чѣмъ ты занимаешься?“ спросилъ онъ меня, накладывая себѣ на тарелку новую порцію жаренаго поросенка.

— Читаю Фонъ - Визина.

„Читалъ бы ты что-нибудь серьезное, если ужъ есть охота къ чтенію, вотъ и была бы польза. Эти Фонъ - Визины съ братіею отнимаютъ у тебя только время. Что это за сочиненіе? Вымыселъ, и больше ничего. Кажется, я говорилъ тебѣ, какія книги ты долженъ взять изъ нашей библіотеки.“

Да, подумалъ я: просьбою о выдачѣ мнѣ этихъ книгъ я надоѣлъ библіотекарю такъ же, какъ надоѣдаетъ иной заимодавецъ своему должнику объ уплатѣ ему денегъ. Кончилось тѣмъ, что побѣда осталась на моей сторонѣ. Библіотекарь, выведенный изъ терпѣнія, плюнулъ и крикнулъ съ досадою: возьми ихъ, возьми! Отвяжись, пожалуйста!...

— Я читалъ Опытъ Философіи Надеждина. Сухо немножко, — сказалъ я, стараясь, по возможности, смягчить вертѣвшійся у меня въ головѣ отвѣтъ: темна вода во облацѣхъ.

„Смыслишь мало, оттого и выходитъ для тебя сухо. А ты дѣлай такъ: если прочиталъ страницу и ничего не понялъ, опять ее прочитай, опять и опять... вотъ и останется что-нибудь въ памяти и не будетъ сухо.“ На послѣднемъ словѣ онъ сдѣлалъ удареніе. Очевидно, отвѣтъ мой ему не понравился.

„Чтеніе журналовъ“, продолжалъ онъ: „тоже напрасная трата времени. Ты видишь, я самъ ихъ не читаю, а развѣ проигрываю отъ этого? Тебѣ, напримѣръ, дается тема: знаніе и вѣдѣніе суть ли тождественны, или въ чемъ состоитъ простота души, ну, что же почерпнешь изъ журналовъ для

своихъ разсужденій на обѣ эти темы? Ровно ничего. Нѣтъ, ты читай что-нибудь дѣльное, а не занимайся пустяками."

Послѣ этого разговора передо мною яснѣе обрисовалась личность моего почтеннаго наставника. Я мысленно поблагодарилъ себя за то, что пряталъ отъ него почти всякую книгу, и рѣшился, для устраненія между нами какихъ бы то ни было недоразумѣній, никогда не заводить съ нимъ разговора о томъ, на что онъ имѣетъ свой особенный взглядъ. Этотъ взглядъ и эта должность прислуги, которую здѣсь несу, до того мнѣ надоѣли, что я писалъ къ своему батюшкѣ, чтобы онъ, подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, перемѣнилъ мою квартиру, говоря, что я настолько выросъ и настолько понимаю все бѣлое и черное, что могу обойтись безъ посторонней нравственной опеки.

Января 6.

Здоровье Григорія поправилось. Онъ вынесъ тяжелую горячку и всталъ, несмотря на всѣ, такъ сказать, благопріятныя условія къ переселенію въ лучшій міръ, какъ-то: скверное помѣщеніе, дурную пищу и отсутствіе необходимыхъ лѣкарствъ... „Отвалялся!" говоритъ о немъ наша кухарка, и это слово я нахожу очень умѣстнымъ и вѣрнымъ. Однакожъ онъ еще такъ слабъ, что не можетъ исполнять своей обязанности, и я до сихъ поръ занимаю его мѣсто. Богъ съ нимъ, пусть поправляется! Мнѣ пріятно думать, что мои хлопоты доставляютъ ему покой.

Передняя и гостиная моего наставника снова оживлены присутствіемъ извѣстныхъ личностей... Не знаю, какъ ихъ точнѣе назвать... просителями, посѣтителями или гостями, — право, не знаю. Иной вовсе ни о чемъ не проситъ: скажетъ только, что сынъ его прозывается Максимъ Часовниковъ, а онъ, отецъ его, принесъ вотъ пару гусей, и это короткое объясненіе закончитъ глубочайшимъ поклономъ:

„извините, что, по своей скудости, не могу васъ ничѣмъ болѣе возблагодарить.“ Ему отвѣтятъ: „спасибо.“ Мѣсто удалившейся личности заступаетъ другая, которая подобострастно склоняетъ свою лысую голову и робко и почтительно протягиваетъ мозолистую руку, изъ которой выглядываетъ на Божій свѣтъ тщательно сложенная бумажка. „Осмѣливаюсь васъ безпокоить, благоволите принять...“ — Напрасно трудились. Впрочемъ, я не забуду вашего вниманія, — равнодушно говоритъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ и, въ свою очередь, протягиваетъ руку. Онъ дѣлаетъ это такъ естественно, какъ будто о бумажкѣ тутъ нѣтъ и помину, а просто пожимается рука доброму знакомому, при словахъ: „мое почтеніе! какъ ваше здоровье?“ Мое присутствіе нисколько не стѣсняетъ моего наставника; и какъ же иначе? Все это дѣло обыкновенное, не притязательное: хочешь — давай, не хочешь — не давай, по шеѣ тебя никто не бьетъ. Притомъ мнѣніе ученика (если бы, сверхъ всякаго чаянія, онъ осмѣлился имѣть какое-либо мнѣніе) слишкомъ ничтожно. Иногда меня забавляетъ нелѣпая мысль: что, думаю я, если бы въ одну прекрасную минуту я предложилъ моему наставнику такой вопросъ: въ какую силу принимаются имъ всѣ эти приношенія, и указалъ бы ему на разное явствіе и питіе? Мнѣ кажется, весь съ ногъ до головы, онъ превратился бы въ живой истуканъ, изображающій изумленіе, и, — увы! — потомъ разразились бы надо мною молнія и громы...

Съ наступленіемъ сумерекъ передняя опустѣла. Я вошелъ въ свою комнату и взялся за книгу.

„Василій!“ крикнулъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Что вамъ угодно? —

„Прибери эти бутылки подъ столъ... знаешь тамъ — въ моемъ кабинетѣ, а гусей отнеси въ чуланъ, запри его и ключъ подай мнѣ.“

Я все исполнилъ въ точности и снова взялся за свое дѣло, а мой наставникъ, въ ожиданіи ужи-

на, занялся игрою съ своимъ сѣрымъ котенкомъ. За ужиномъ, между прочимъ, онъ спросилъ меня:

„Что ты теперь читалъ?“

Этотъ, часто повторяемый вопросъ, ей Богу, мнѣ надоѣлъ.

— Слова и Рѣчи на разные торжественные случаи, — отвѣчалъ я, удерживая улыбку, потому что безсовѣстно лгалъ! Я читалъ, по указанію Яблочкина, переводъ Венеціанскаго купца Шекспира, напечатанный въ Отечественныхъ Запискахъ, а Слова и Рѣчи лежали и лежатъ у меня на столѣ, служа своего рода громоотводомъ.

„Это хорошо. Однако ты любишь чтеніе!“

— Да, люблю. —

Онъ обратился къ кухаркѣ: „завтра къ обѣду приготовь къ жаркому гуся. Сало, которое изъ него вытопится, слей въ горшочекъ и принеси сюда. Мы будемъ ѣсть его съ кашею.“

Авось хоть теперь Ѳедоръ Ѳедоровичъ успокоится, думалъ я, ложась на свою кровать и продолжая чтеніе Венеціанскаго купца. Но за стѣною еще слышалась мнѣ протяжная зѣвота и полусонныя слова: Господи, помилуй! что это на меня напало?.. И вотъ я пробѣгаю эти потрясающія душу строки, когда жидъ Шейлокъ требуетъ во имя правосудія, чтобы вырѣзали изъ груди Антоніо фунтъ мяса. По тѣлу пробѣгаетъ у меня дрожь, на головѣ поднимаются волосы... „Василій! Василій! Или ты не слышишь?“ раздается за стѣною громкій голосъ моего наставника.

— Слышу! — отвѣчалъ я съ тайною досадою: — что вамъ угодно? —

„Ты куда положилъ гусей?“

— Въ чуланъ.

„Да въ чуланѣ-то куда?“

— На лавку.

„Ну, вотъ, я угадалъ. Это выходитъ на съѣденіе крысамъ. Возьми ключъ и все, что тамъ есть,

гусей и поросятъ, развѣшай по стѣнамъ. Тамъ увидишь гвозди. Съ огнемъ, смотри, поосторожнѣе.“ И положилъ я Шекспира и пошелъ развѣшивать гусей и поросятъ. Не правда ли, хорошъ переходъ?..

9.

Наша семинарія опять закипѣла жизнью или, по рѣзкому выраженію Яблочкина, шестисотоголовая, одаренная памятью, машина снова пущена въ ходъ. Все это прекрасно, не хорошо только то, что стѣны классовъ, стоявшихъ нѣсколько времени пустыми, промерзли и покрылись инеемъ, а теперь согрѣтыя горячимъ дыханіемъ молодого люда, заплакали холодными слезами. Пусть плачутъ! Отъ этого не будетъ легче ни имъ, ни тѣмъ учащимся толпамъ, которыя приходятъ сюда въ извѣстный срокъ и потомъ также въ извѣстный срокъ, въ послѣдній разъ, уходятъ и разсыпаются по разнымъ городамъ и селамъ...

И вотъ я сѣлъ и обращаю вокругъ задумчивые взгляды.

Опять всѣ скамьи заняты плотно сдвинутыми массами народа. На столахъ разложены тетрадки и книги; едва отворится дверь, — изъ класса бѣлымъ столбомъ вылетаетъ влажный паръ и медленно рѣдѣетъ подъ сводами корридора. Холодно, чортъ побери! Бѣдныя ноги такъ зябнутъ, что сердце щемитъ отъ боли, и послѣ двухчасового, неподвижнаго сидѣнья, когда выходишь изъ-за стола, онѣ движутся подъ тобою какъ-будто какія-нибудь деревяшки.

Я помню, что въ училищѣ мы до нѣкоторой степени облегчали свое горькое положеніе въ этомъ случаѣ такимъ образомъ: когда продрогшіе ученики теряли уже послѣднее терпѣніе и замѣчали, что, наконецъ, и самъ учитель, одѣтый въ теплую енотовую шубу, потираетъ свои посинѣвшія руки и пожимаетъ плечами, — изъ отдаленнаго угла разда-

вался несмѣлый возгласъ: „позвольте погрѣться!..“ Позвольте погрѣться! вторили ему въ другомъ углу, и вдругъ все сливалось въ одинъ громкій, умоляющій голосъ „позвольте погрѣться!..“ И учитель удалялся иногда въ корридоръ, а чаще въ комнату своего товарища, который занималъ казенное помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ. Вслѣдъ за нимъ сыпались дружные звуки оглушительной дроби. Это-то и было согрѣваніе: ученики, сидя на скамьяхъ, стучали во всю мочь своими окостенѣлыми ногами объ деревянный, покоробившійся отъ старости полъ. Между тѣмъ какой-нибудь шалунъ, просунувъ въ полуотворенную дверь свою голову, зорко осматривалъ корридоръ. „Гдѣ учитель? Въ корридорѣ?“ спрашивали его позади. „Нѣтъ. Ушелъ внизъ“.—„Валяй, братцы! Валяй!“... И ученики прыгали черезъ столы на середину класса.

„Ну, ты! мокроглазый! Становись на поединокъ“... восклицаетъ одна голоостриженная бойкая голова и размахиваетъ кулаками передъ носомъ своего товарища.

— Становись! — говоритъ мокроглазый, притопывая ногой, — становись!

Разъ-два! разъ-два! и пошла кулачная работа.

Къ нимъ присоединяется новая пара горячихъ бойцовъ, еще и еще,—и вотъ валитъ уже стѣна на стѣну. Неучаствующіе въ бою и тѣ, которые успѣли получить подъ свои бока достаточное число пироговъ, стоятъ на столахъ и тѣлодвиженіями, и крикомъ одушевляютъ подвизающихся среди класса рыцарей. Избранный часовой стоитъ у дверей и сторожитъ приходъ учителя. „Тсс... тсс...“ говоритъ онъ, и ученики бѣгутъ на свои мѣста.

Учителя встрѣчаетъ въ дверяхъ облако густой пыли.

„А!“ восклицаетъ онъ: „опять бились на кулачки!“ и внимательно смотритъ по сторонамъ и замѣчаетъ у одного подбитый глазъ.

„Какъ ты смѣлъ биться на кулачки? А?“

— Я не бился, ей Богу, не бился! — отвѣчаетъ плаксивый голосъ.

„Врешь, бестія! Пошелъ къ порогу“.

И виновный безъ дальнѣйшихъ объясненій отправляется, куда ему приказано, распоясывается, разстегиваетъ свой нанковый сюртучишко и такъ далѣе и ложится на холодный полъ. Сидѣвшій у порога ученикъ, такъ называемый сѣкуторъ, съ гибкою лозою въ рукѣ, усердно принимается за свою привычную работу.

„Простите! простите!“ разносится на весь классъ жалобный крикъ.

— Прибавь ему, прибавь!—

И сѣкуторъ прибавляетъ.

Операція кончилась, и наказанный, какъ ни въ чемъ не бывало, встаетъ, утираетъ слезы, подпоясывается, отдаетъ по заведенному порядку своему наставнику низкій поклонъ — благодарность за поученіе—и отправляется на мѣсто, замѣчая мимоходомъ одному изъ своихъ товарищей: я говорилъ тебѣ, такой-сякой, не бей по лицу: синякъ будетъ... вотъ и выдрали.

Та же самая потѣха повторяется и на слѣдующіе дни съ предварительнымъ условіемъ: „Смотрите, братцы, по лицу чуръ не бить!“ У насъ этого, благодареніе Богу, нѣтъ.

Но, возвращаюсь къ дѣлу.

Что это за милый человѣкъ нашъ Яковъ Ивановичъ, профессоръ, читающій намъ русскую исторію!

Онъ смотритъ на исполненіе своей обязанности, какъ на что-то священное, и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ безукоризненную похвалу. Въ классъ онъ приходитъ своевременно, спустя двѣ-три минуты послѣ звонка, при чтеніи молитвы молится усердно и, плотно запахнувъ свою поношенную шубу, скромно садится за столъ. И вотъ развязываетъ свой клѣтчатый платокъ, и мы видимъ его неизмѣннаго спут-

ника, можно сказать, его вѣрнаго друга, — старую, почтенной толщины книгу, въ прочномъ кожаномъ переплетѣ, съ краснымъ обрѣзомъ. Яковъ Ивановичъ вынимаетъ изъ кармана очки, дышитъ на нихъ, протираетъ платкомъ и осторожно надѣваетъ на свой носъ. Все это дѣлается не спѣша, не какъ-нибудь: сейчасъ видишь, что человѣкъ приступаетъ къ исполненію трудной обязанности, къ рѣшенію великой задачи. „Гм!... гм!...“ откашливается мужъ, посѣдѣвшій въ наукѣ, и развертываетъ книгу именно тамъ, гдѣ нужно. Ошибиться ему нельзя, потому что недочитанная страница каждый разъ закладывается продолговатою, нарочно для этого вырѣзанною, бумажкою; мѣсто же, гдѣ ударомъ звонка было закончено чтеніе, отмѣчается слегка карандашомъ, который вытирается потомъ резиною. Какъ видите, все разсчитано благоразумно и строго. И начинается тихое, мѣрное чтеніе. Читаетъ онъ полчаса, читаетъ часъ, порою снова протираетъ очки, вѣроятно, глаза несчастнаго подергиваются туманомъ, и опять безъ умолку читаетъ. И нѣтъ ему никакого дѣла до окружающей его жизни, точно такъ же, какъ никому изъ окружающихъ его нѣтъ до него ни малѣйшей нужды. Ученики занимаются тѣмъ, что имъ нравится, или что они считаютъ для себя болѣе полезнымъ. Нѣкоторые ведутъ разсказы о своихъ взаимныхъ похожденіяхъ и проказахъ, нѣкоторые переписываютъ лекціи по главному предмету, а нѣкоторые сидятъ за романами. Тутъ вы увидите разные романы, напр.: „Шапка юродиваго“, „Таинственный монахъ“, „Фра-діаволо“, „Японча — Татарскій наѣздникъ“ и т. под., но чаще всего увидите Поль-де-Кока и Дюма. Они пользуются у насъ особенною извѣстностью. Если чей-нибудь неосторожный возгласъ или смѣхъ прерветъ мѣрное чтеніе почтеннаго наставника, онъ поднимаетъ свои вооруженные глаза на окружающую его молодежь и громко скажетъ: „Пожалуйста, не мѣшайте мнѣ чи-

тать!"... И продолжаетъ: „Ахъ, странно и дивно есть, ежели шли братъ на брата, сынове противо отцовъ, рабы на господъ, другъ друга ищутъ умертвить и погубить, забывъ законъ Божій и преступя заповѣди Его, единаго ради властолюбія, ища братъ брата достоянія лишить, не вѣдуще, яко премудрый глаголетъ: ищай чужаго о своемъ возрыдаетъ! Изшедше же Юрій съ Ярославомъ и меньшими братіями, сталъ на рѣкѣ Гзѣ" (Рос. Исторія Татищева, изданіе 1774 г., кн. III, стран. 389).

Если шумъ не унимается, наставникъ покраснѣетъ и громче прежняго повторитъ: „Не шумите! пожалуйста, не шумите! Не то, честное слово, я пущу кому-нибудь въ голову своею книгою"... Эта угроза, конечно, никого не пугаетъ, тѣмъ болѣе, что она никогда не приводится въ исполненіе. Но Яковъ Ивановичъ все-таки достигаетъ своей цѣли, т.-е. въ классѣ наступаетъ непродолжительная тишина. Его боятся потому, что своимъ смиреніемъ и безотвѣтностію онъ успѣлъ себѣ снискать расположеніе нашего инспектора.

20.

Бѣдный Иванъ Ермолаичъ! Онъ совсѣмъ спился съ кругу. Грустно было смотрѣть, въ какомъ видѣ пришелъ онъ сегодня вечеромъ къ Ѳедору Ѳедоровичу. Шинель истаскана, просто—дрянь! Подкладка порвалась, изъ-подъ изношеннаго коленкора выглядываютъ клочки грязной ваты. Сапоги на немъ — безъ калошъ. Этого мало: одинъ сапогъ лопнулъ, и оказывается, что онъ въ трескучіе морозы носитъ нитяные чулки. Какъ онъ терпитъ эту нужду,—ей Богу, не понимаю!

Ѳедоръ Ѳедоровичъ принялъ его чрезвычайно холодно или, лучше сказать, грубо, не только не подалъ ему руки, даже не пригласилъ его сѣсть и ходилъ изъ угла въ уголъ, поигрывая махрами своего пояса и напѣвая себѣ подъ носъ какую-то пѣсню,

какъ будто въ комнатѣ, кромѣ его, не было ни одной живой души.

„Знаете ли что, Ѳедоръ Ѳедоровичъ", сказалъ незваный гость, потирая свои синія, озябшія руки: „дайте мнѣ, пожалуйста, рюмку водки. Я мочи нѣтъ озябъ!"

— У меня ни капли нѣтъ водки. Я почти никогда ея не имѣю—Иванъ Ермолаичъ подошелъ къ печкѣ, прикладывалъ свои руки къ теплымъ кафлямъ и, обернувшись, прислонился къ ней спиною.

„Что же у васъ есть? Дайте хоть одну рюмку. Авось, убытку будетъ немного".

— Рому, пожалуй, я дамъ: есть немножко. Вѣдь вы ужъ гдѣ-то выпили... довольно бы кажется.—

„Да ну,—ради Бога, безъ наставленій! Давать,— такъ давай; нѣтъ,—Богъ съ тобою."

Ѳедоръ Ѳедоровичъ пошелъ въ свой кабинетъ и вынесъ оттуда рюмку рома. Иванъ Ермолаичъ ее выпилъ и сѣлъ, облокотившись на столъ. Нѣсколько времени прошло въ молчаніи.

„Глупая исторія", сказалъ Иванъ Ермолаичъ: „глупѣйшая исторія!"

— Что такое? — спросилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

„А вотъ что: на-дняхъ я имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ отцомъ-ректоромъ и остался въ дуракахъ."

— Я думалъ, случилось что-нибудь особенное,— отвѣчалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, закуривая папиросу и растягиваясь во весь свой ростъ на мягкомъ диванѣ.

„Теперь я все спрашиваю себя: за какимъ чортомъ я къ нему ходилъ?"

— Совершенно справедливо. Онъ уже не разъ намыливалъ вамъ голову; пора бы оставить его въ покоѣ.—

„Но помилуйте! что жъ это такое? Чѣмъ я виноватъ?" вскричалъ Иванъ Ермолаичъ, поднимаясь со стула и вдругъ воодушевляясь. „Вотъ слушайте:

ученики собрали 30 руб. сер. и просили меня, чтобы я составилъ имъ по своему выбору библіотечку, которою они могли бы постоянно пользоваться и, отъ времени до времени, ее увеличивать. Мысль прекрасная, не правда ли? Я пошелъ къ отцу-ректору и объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

„Вы", сказалъ онъ, „спросились бы прежде у того, кто постарше васъ, тогда и собирали бы деньги."

— Деньги,—отвѣчалъ я,—мнѣ принесли собранными.

„Такъ, такъ. Ну, что жъ вы хотите купить?"

— Конечно, говорю я, что-нибудь для легкаго чтенія, напр., соч. Пушкина, романы Вальтеръ-Скотта, Купера...—

„Ну, вотъ-вотъ! Пушкина... стишки, больше ничего, стишки. Опять вотъ Купера... Кто это такой Куперъ? О чемъ онъ писалъ? Нѣтъ, нѣтъ! романы намъ не годятся."

— Да вѣдь у насъ читаютъ Поль-де-Кока и т. под. Вѣдь это помои! Не лучше ли дать ученикамъ что-нибудь порядочное.—

„Нѣтъ, что жъ... Намъ это не годится. Вы ужъ, пожалуйста, не ходите ко мнѣ впередъ съ такими пустяками. А деньги отдайте назадъ, непремѣнно отдайте."

— Помилуйте! — возразилъ я, — устройство библіотеки...—

„Занимайтесь своимъ дѣломъ, вотъ что! Мнѣ некогда пересыпать съ вами изъ пустого въ порожнее. До свиданія!..."

„Скажите по совѣсти, что жъ это такое?" заключилъ Иванъ Ермолаичъ.

— Не мое дѣло, — отвѣчалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ. — Всякъ Еремѣй про себя разумѣй.—

„И только?"

— Больше ничего. —

Гость постоялъ въ раздумьи и сказалъ, какъ-то принужденно улыбаясь: „Честь имѣю кланяться, Ѳедоръ Ѳедоровичъ!..."

— Будьте здоровы...—Иванъ Ермолаичъ ушелъ.

„Гришка!“ крикнулъ Өедоръ Өедоровичъ.

— Ась, — отвѣчалъ мальчуганъ изъ передней.

„Ты видѣлъ вотъ этого барина, что сейчасъ отсюда вышелъ?“

— Видѣлъ.

„Если когда-нибудь онъ опять придетъ, скажи ему, что меня нѣтъ дома. Слышишь?“

— Слышу. —

О, мой мудрый наставникъ! Если бъ ты зналъ, какъ ты упалъ теперь въ моихъ глазахъ!...

25.

Я сейчасъ получилъ отъ батюшки письмо. Вотъ что, между прочимъ, онъ пишетъ: „Ты поменьше предавайся мечтательности. О перемѣнѣ своей квартиры до твоего перевода въ Богословіе думать не смѣй; ибо наставникъ твой приметъ сію перемѣну за обиду, и тебѣ придется тогда плохо. Ты пишешь, что онъ скупится давать тебѣ свѣчи, посылаю тебѣ денегъ; купи на нихъ свѣчъ, но по пустому ихъ не трать; пустяковъ не читай и веди себя такъ, чтобы я былъ тобою доволенъ и чтобы худого о тебѣ ни отъ кого не слышалъ. Насчетъ того, что ты ему прислуживаешь, я тебѣ скажу, что это еще не бѣда, ибо старшимъ себя повиноваться ты обязанъ...“

Итакъ, терпѣніе и терпѣніе. Объ этомъ говорятъ мнѣ не только всѣ окружающіе меня люди, но книги и тетрадки, которыя я учу наизусть, и кажется, самыя стѣны, въ которыхъ я живу. Будемъ терпѣть, если нѣтъ другого исхода.

Далѣе батюшка пишетъ, что дьячокъ нашъ, Кондратьичъ, выѣхавшій куда-то со двора, подъ хмелькомъ, во время метели, — пропалъ, и два дня не было о немъ ни слуху, ни духу. Лошадь его возвратилась домой съ пустыми санями. На третій день Кондратьича нашли въ полѣ, въ логу. Онъ

замерзъ и лежалъ на боку, подогнувъ подъ себя ноги. Спину его занесло снѣгомъ. Изъ-за пазухи его тулупа вынута стклянка съ виномъ и недоѣденный блинъ. Миръ его праху! говоритъ батюшка и прибавляетъ: впрочемъ, худая трава изъ поля вонъ...

Миръ его праху! и я скажу въ свою очередь. Какъ знать? Можетъ-быть, и онъ былъ бы порядочнымъ человѣкомъ, если бы его окружала другая обстановка, другія лица. Умѣлъ же онъ сработать отличную телѣгу, выстругать раму, связать красивую, узорчатую клѣтку, никогда не учившись этому ремеслу.

Февраль 1.

И когда этотъ Яблочкинъ отдохнетъ хоть на минуту отъ своего безпрестаннаго горячаго труда? Онъ изучаетъ теперь нѣмецкій языкъ и началъ уже переводить Шиллера.

„Что ты, братъ, дѣлаешь", говорю я ему: „пожалѣй хоть немного свое здоровье..."

— Ничего, — отвѣчалъ онъ, медленно поднимаясь со стула. Лицо его было блѣдно и грустно. А грудь, душа моя, у меня все болитъ да болитъ. Боль какая-то глухая. Не понимаю, что это значитъ. — И онъ прилегъ на свою кровать.

„Давно ли ты сталъ заниматься нѣмецкимъ языкомъ?" спросилъ я его, перелистывая отъ нечего дѣлать книгу Шиллера, въ которой не понималъ ни одного слова.

— Мѣсяца три. Выучилъ склоненія и глаголы и прямо взялся за переводъ. Трудно, Вася. По правдѣ сказать, мы не избалованы судьбою. Потомъ и кровью приходится расплачиваться намъ не только за каждый шагъ, но и за каждый вершокъ впередъ.

„А какъ идутъ твои занятія по семинаріи?"

— Можно бы сказать — не дурно, если бы къ нимъ не примѣшивались исторіи о тросточкахъ и

тому подобное. Какъ ты думаешь? Ужъ не написать ли мнѣ по этому поводу, конечно, въ видѣ подражанія нашимъ темамъ, разсужденіе на тему своего собственнаго изобрѣтенія: „Зависитъ ли любовь къ занятіямъ отъ рода и обстановки самыхъ занятій, или можетъ быть возбуждаема исторіями разныхъ тросточекъ и тому подоб.?...“

„Какая тросточка?“ спросилъ я съ удивленіемъ: „что это за исторія?“

— Исторія очень простая. Одинъ изъ моихъ добрыхъ знакомыхъ заходилъ ко мнѣ за своею книгою, заговорился и забылъ у меня свою тросточку. Что ему за охота ходить зимою съ тростью, это ужъ его дѣло. На другой день я пошелъ къ нему за новою книгою и кстати захватилъ съ собою забытую имъ у меня вещь. Какъ видишь, все случилось весьма естественно. Только иду я по улицѣ, вдругъ навстрѣчу мнѣ попадается субъ-инспекторъ, въ своемъ неизмѣнномъ засаленномъ картузѣ и въ старенькихъ саняхъ. „Стой!“ сказалъ онъ, толкнувъ въ спину своего кучера, и подошелъ ко мнѣ величественнымъ шагомъ. „Что это у васъ въ рукѣ?“ спросилъ онъ меня, указывая перстомъ на несчастную тросточку. Я улыбнулся и пожалъ плечами. „Это камышевая трость“, отвѣчалъ я. „Чему ты смѣешься?“ сказалъ онъ, нахмуривая брови и перемѣняя множественное число личнаго мѣстоименія на единственное. „Чему? Развѣ ты не знаешь, что ты не смѣешь съ нею ходить? что это запрещено, а?“ Дѣлать нечего: я разсказалъ ему, почему эта трость очутилась въ моей рукѣ. „Отчего жъ ты не завернулъ ее въ бумагу, чтобы отнести ее просто подъ мышкою? Ясно, что ты врешь.“ Я извинился, что не догадался это сдѣлать, онъ нѣсколько успокоился, и мы разстались. Что ты на это скажешь?—спросилъ меня Яблочкинъ въ заключеніе своего разсказа.

„Что жъ тутъ такое?“ отвѣчалъ я: „случай весьма обыкновенный...“

— Нѣтъ ты представь себѣ подробности этой сцены! — сказалъ Яблочкинъ, вскочивъ съ своей кровати, и на щекахъ его загорѣлись два красныя пятна. — Вѣдь это происходило на тротуарѣ, по которому шелъ народъ. Во все продолженіе нашего разговора я долженъ былъ стоять съ открытою головой и говорить почти шопотомъ, чтобы не привлечь на себя вниманія зѣвакъ. Неужели все это ничего не значитъ?

„Довольно, довольно!“ сказалъ я съ улыбкою: „перестань горячиться“, и незамѣтно склонилъ разговоръ на его будущую, университетскую жизнь. Лицо Яблочкина просіяло. Онъ сталъ говорить мнѣ, съ какою любовью онъ возьмется тогда за новый трудъ; какъ весело и быстро будетъ пролетать его рабочее время; какъ усердно займется онъ уроками, которые обезпечатъ его существованіе и которыхъ навѣрное найдется у него много; съ какимъ удовольствіемъ, послѣ этихъ уроковъ, сядетъ онъ въ своей маленькой квартирѣ за кипящій самоваръ, съ стаканомъ чая въ одной рукѣ, съ книгою — въ другой. „А когда“, продолжалъ онъ, „окончу курсъ и поступлю на службу (куда и чѣмъ, — я самъ еще не знаю, но все равно), когда у меня будутъ хоть какія-нибудь средства для жизни, первое, что я сдѣлаю,—составлю себѣ прекрасную, избранную библіотеку. У меня будутъ свои собственные Пушкинъ и Гоголь, у меня будутъ Гете и Шиллеръ въ подлинникѣ, лучшіе французскіе поэты и прозаики. Если останутся свободныя минуты отъ службы, выучусь по-англійски, и у меня будутъ въ подлинникѣ Байронъ и Шекспиръ... А главное, душа моя, даю тебѣ мое честное слово, куда бы я ни попалъ, гдѣ бы я ни служилъ, никогда не буду мерзавцемъ. Останусь безъ хлѣба, умру нищимъ, но сдержу это честное слово. Вася! заключилъ онъ, крѣпко стиснувъ меня въ своихъ объятіяхъ: вѣдь это будетъ рай, а не жизнь! понимаешь ли?..“ Онъ говорилъ, глаза его сіяли, на

рѣсницахъ навертывались слезы. Я подумалъ о своемъ будущемъ, вспомнилъ слова Яблочкина: „Нужно имѣть желѣзную волю, чтобы одиноко устоять на той высотѣ, и прочее...“ и стало мнѣ грустно, грустно! И вотъ давно уже ночь, а я все еще не могу сомкнуть своихъ глазъ и не могу взяться за какое-нибудь дѣло.

2.

Пословица говоритъ: утро вечера мудренѣе. Такъ или нѣтъ, но въ минувшую ночь я многое перечувствовалъ и многое передумалъ. Отчего жъ и мнѣ не ѣхать въ университетъ? Неужели отецъ мой не уважитъ моей справедливой, моей горячей мольбы?.. Ну, мой милый Яблочкинъ, примѣръ твой на меня подѣйствовалъ. Кончено! будь, что будетъ! Благослови меня, Господи, на честный трудъ. За дѣло, Василій Бѣлозерскій, за дѣло! Наверстывай теперь потерянное за зубреньемъ время безсонными ночами! А ты, мой безсвязный и прерывчатый дневникъ, бѣдная отрада моей скуки, покойся, впредь до усмотрѣнія. „Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра...“ Приведется ли мнѣ увидѣть въ тебѣ болѣе веселыя строки? . . . . . .
. . . . . .

27-го апрѣля.

Весна, весна! Зимнія рамы вынуты. Въ моей комнаткѣ, проходя въ окно и упираясь въ подошву стѣны, горитъ золотая полоса яркаго солнца. По стеклу ползетъ и жужжитъ проспавшая всю зиму муха. На дворѣ громко чирикаютъ воробьи... но, увы! изъ окна, съ этого проклятаго задняго двора, все-таки пахнетъ навозомъ. Вблизи нѣтъ ни кустика зелени. Только у сосѣда, склонивъ надъ досчатымъ заборомъ свои гибкія вѣтви, распускается одинокая старая ива.

Занятія мои подвигаются впередъ. Книгъ я прочиталъ много. Перевожу съ французскаго довольно

свободно. Разумѣется, всѣмъ этимъ я обязанъ моему безцѣнному Яблочкину, который безпрестанно помогалъ и помогаетъ мнѣ своими совѣтами. Но, какъ онъ, бѣдный, худъ! у него блѣдное, истомленное лицо!

Къ батюшкѣ я написалъ, что готовлюсь въ университетъ, что уже достаточно для этого сдѣлалъ. Просилъ у него благословенія на продолженіе начатаго мною дѣла, денегъ на покупку нѣкоторыхъ учебныхъ руководствъ, и на письмо это уронилъ двѣ крупныхъ слезы. Посмотримъ, что онъ скажетъ.

1-го мая.

Утромъ ученики ходили къ отцу-ректору просить рекреаціи. Эти рекреаціи существуютъ у насъ съ незапамятныхъ временъ. Въ корридорѣ обыкновенно собираются по одному или по два ученика изъ каждаго отдѣленія (классы раздѣляются на два отдѣленія, въ словесности иногда на три) и держатъ совѣтъ: какъ умнѣе приступить къ дѣлу? Черезъ кого бы узнать, — въ какомъ расположеніи духа находится теперь отецъ-ректоръ? И вотъ какой-нибудь богословъ отправляется развѣдывать, что и какъ, узнаетъ отъ келейника отца-ректора, или отъ другого близкаго къ нему лица, что все обстоитъ благополучно, что онъ веселъ и кушаетъ теперь чай. Богословъ съ сіяющимъ лицомъ сообщаетъ объ этомъ во всеуслышаніе толпы, и она подвигается впередъ. Богословы, какъ люди, имѣющіе болѣе вѣса, идутъ во главѣ: смиренные словесники образуютъ хвостъ. Отцу-ректору доложили. Онъ вышелъ въ переднюю и съ улыбкою выслушалъ просьбу учениковъ. „Ну, что? Май мѣсяцъ наступилъ, а? Погулять хочется, а? Хорошо, хорошо! Не будетъ ли дождя? все разстроится“... Онъ обертывается къ своему келейнику. „Посмотри-ка въ окно“. — Небо ясное, — отвѣчаетъ келейникъ — дождя, кажется, не будетъ. — „Поз-

вольте, отецъ-ректоръ, погулять въ рощѣ"... говоритъ съ поклономъ курчавый богословъ. „Позвольте"... съ поклономъ повторяетъ за нимъ нѣсколько голосовъ. „Ну, что жъ. Хорошо, хорошо! Только вы того... въ рощѣ не шумѣть, пѣсенъ не распѣвать... Вотъ и я пріѣду. А мячъ-то есть у васъ, а? и лапта есть?" — Есть, есть, — съ улыбкою отвѣчаютъ ученики. „Ну, ступайте съ Богомъ, погуляйте. Май наступилъ, а? Такъ, такъ! Хорошо!"

Мѣстность, на которой у насъ бываетъ рекреація, довольно живописна. На горѣ зеленѣетъ старая дубовая роща. Внизъ выгнутыми колѣнами течетъ свѣтлая рѣка. За рѣкою раскидываются луга, блестятъ окаймленныя камышомъ озера, въ которыхъ лозникъ купаетъ свои зеленыя вѣтви. Далѣе, поднимаясь надъ соломенными кровлями сѣрыхъ избушекъ, бѣлѣется каменная церковь. Ярко сверкаетъ на солнцѣ ея позолоченный крестъ, и весело блеститъ обитый бѣлою жестью шпиль. Это пригородное село. За селомъ широко развертываются ровныя, покрытыя молодою рожью, поля; волнистою, необъятною скатертью уходятъ они вдаль и сливаются съ синевою безоблачнаго неба. Подлѣ рощи, со стороны города, мѣстность совершенно открыта. Подъ ногами песокъ или мелкая трава. Въ сторонѣ тамъ-и-сямъ поднимаются кусты и мшистые пни срубленныхъ деревъ, но они такъ далеко, что мячъ, посланный самою сильною и ловкою рукою, никогда до нихъ не долетаетъ и падаетъ на виду. Здѣсь-то и бываетъ у насъ рекреація.

Словесники являются на мѣсто дѣйствія ранѣе всѣхъ, нѣкоторые тотчасъ послѣ обѣда. Къ 4 часамъ пополудни вы видите уже цѣлую толпу, которая разсыпается по всѣмъ направленіямъ, и въ молчаливой доселѣ рощѣ перекликаются громкіе голоса. „Многая лѣта!" гремитъ протяжно въ одномъ концѣ, и эхо отвѣчаетъ въ далекой, темной чащѣ:

лѣта! „Ахъ, что жъ это за раздолье, семинарское житье!...“ слышится съ противоположной стороны, и пробужденное эхо снова отвѣчаетъ: житье! А небо такое безоблачное, такое синее и глубокое. Солнце льется золотомъ на вершины деревъ, по которымъ перелетаютъ испуганныя людскими голосами птички. Старые дубы перешептываются другъ съ другомъ и бросаютъ отъ себя узорчатую тѣнь. Вотъ одинъ ученикъ становится на избранное мѣсто, лѣвою рукою подбрасываетъ слегка мячъ и ударяетъ по немъ со всего размаха увѣсистою лаптою. „Лови!“ кричитъ онъ своимъ товарищамъ, которые стоятъ отъ него сажень на сто. Нѣсколько ловцовъ бросаются на полетъ мяча, который, описавъ въ синемъ небѣ громадную дугу, быстро опускается внизъ. „Поймаемъ!“ отвѣчаетъ голоостриженная голова, поднимая на бѣгу свои руки, и... мячъ падаетъ за его спиною. „Эхъ, ты розиня!“ упрекаютъ его сзади: „и тутъ-то не умѣлъ поймать“. — „Чортъ его знаетъ! Мячъ вѣрно легокъ: его относитъ вѣтромъ.“ Направо, между кустами, краснѣется рубаха молодого парня, который, въ ожиданіи поживы, явился сюда изъ города съ кадкою мороженаго. Его низенькая шляпенка надѣта на бекрень. За поясомъ виситъ мѣдный гребешокъ и бѣлое полотенце. Парня окружаютъ ученики. „А ну-ка, братъ, давай на копейку серебромъ. Да ты накладывай верхомъ... скупъ ужъ очень“...—Кваску, кваску!—и торопливо подошедшій квасникъ бойко снимаетъ съ своей головы наполненную бутылками кадку и утираетъ грязнымъ платкомъ свое разгорѣвшееся, облитое потомъ лицо. Число играющихъ въ мячъ постепенно увеличивается и раздѣляется на нѣсколько кружковъ, каждый съ своею лаптою и своимъ мячомъ. Но вотъ на дорогѣ, сопровождаемый облакомъ сѣрой пыли, показался знакомый намъ экипажъ. Его неуклюжій кузовъ, что-то среднее между коляскою и бричкою, неровно качался на

высокихъ, грубой работы рессорахъ. Это былъ экипажъ отца-ректора. Плечистый, бородатый кучеръ, крѣпко натянувъ ременныя возжи, едва удерживалъ широкогрудыхъ вороныхъ, которые, съ пѣною на удилахъ, быстро неслись по отлогой равнинѣ. На запяткахъ, при всякомъ толчкѣ колеса, подпрыгивалъ бѣлокурый богословъ, любимецъ отца-ректора, бездарнѣйшее существо. Онъ, впрочемъ, добрый малый и не ханжа, что въ его положеніи большая рѣдкость. Позади, на трехъ дрожкахъ, ѣхали профессора. Отецъ-ректоръ вышелъ изъ экипажа, опираясь на руку своего любимца, который откинулъ ему подножку, и направился къ ближайшей группѣ учениковъ. Профессора слѣдовали за нимъ въ почтительномъ разстояніи. „Ну, что? играете, а? Играете? Это хорошо. Вотъ и деревья тутъ есть, и трава есть... такъ, такъ. Играйте себѣ, — это ничего“. Онъ обернулся съ улыбкою къ профессорамъ: „Развѣ подать имъ примѣръ, а? Примѣръ подать?“ — Удостойте ихъ... это не мѣшаетъ... отвѣтило нѣсколько голосовъ. „Хорошо, хорошо! Давайте лапту“. Кто-то изъ учениковъ бросился за лежавшею въ сторонѣ лаптой и такъ усердно торопился вручить ее своему начальнику, что, разбѣжавшись, чуть не сбилъ его съ ногъ. „Радъ, вѣрно, а? Ну, ничего, ничего...“ сказалъ начальникъ и взялъ лапту. „Извольте бить. Я подброшу мячъ!“ сказалъ одинъ изъ профессоровъ, и мячъ былъ подброшенъ. Послѣдовалъ неловкій ударъ — промахъ! другой — опять промахъ! Въ третій разъ лапта ударила по мячу, но такъ неискусно, что онъ принялъ косое направленіе, полетѣлъ внизъ, сдѣлалъ нѣсколько безтолковыхъ прыжковъ и успокоился на желтомъ пескѣ. „Нѣтъ, нѣтъ! вы мячъ нехорошо подбрасываете, нехорошо... А бить я могу, право, могу.“ — Не угодно ли еще попробовать? — отвѣчалъ профессоръ. — „Нѣтъ, что жъ... пусть молодежь играетъ. Мы лучше походимъ по

рощѣ. Играйте, дѣти, играйте"... и вмѣстѣ съ профессорами онъ скоро скрылся за стволами старыхъ дубовъ. „Многая лѣта!" грянулъ въ рощѣ чей-то басъ, и опять отвѣчало эхо: „лѣта!" „Это непремѣнно Поповъ оретъ... экое горло! Достанется ему за это", замѣтилъ стоявшій подлѣ меня ученикъ: „побѣгу его предупредить"... И смѣтливый, добрый товарищъ полетѣлъ, какъ стрѣла, въ ту сторону, откуда пронесся звукъ, знакомый его слуху. Кучеръ одного изъ профессоровъ, переваливаясь съ боку на бокъ и загребая песокъ своими пудовыми сапогами, лѣниво шелъ къ опушкѣ рощи. Въ рукахъ онъ держалъ завернутый въ бѣлую скатерть самоваръ и большой кулекъ съ закусками. Ученики продолжали игру въ мячъ, бѣгали взапуски, хохотали, спотыкались и падали, стараясь другъ друга посалить [1]), и, за неимѣніемъ лучшаго, находили во всемъ этомъ большое удовольствіе. Съ наступленіемъ сумерекъ усталая толпа побрела въ разныя стороны домой, Яблочкина на рекреаціи не было. Въ эти дни онъ особенно жаловался на боль въ своей груди.

5.

Яблочкинъ лежитъ въ больницѣ. Докторъ сказалъ, что жить ему остается недолго. Кажется, немного сказано... но нѣтъ я не могу продолжать! Наконецъ и моя крѣпкая натура не выдержала. Черною кровью облилось мое бѣдное сердце, и сижу я, поникнувъ головой, и плачу, какъ ребенокъ. Жить ему остается недолго... Зачѣмъ я не могу отогнать отъ себя этой мысли? Нѣтъ, я не долженъ ее отгонять! Я былъ бы не человѣкъ,

---

[1]) Посалить — ударить. Ударившій лаптою мячъ бѣжитъ въ сторону; поймавшій его, или просто поднявшій съ земли, наноситъ бѣглецу ударъ во что придется, — это и называется посалить. Случается, что подъ этотъ ударъ подвертывается и какой-нибудь профессоръ.

если бы позабылъ скоро это нежданное, неисправимое горе. Дитя, начавшее лепетать, дитя, страстно привязанное къ своей матери и брошенное ею въ темномъ лѣсу, не можетъ такъ плакать, какъ я теперь плачу. Оно не можетъ такъ ясно понять свое безпомощное положеніе, сознать и представить себѣ весь ужасъ своего одиночества, какъ я теперь все это сознаю и понимаю. Вѣдь, Яблочкинъ — моя нравственная опора! Это — свѣтъ, который сіялъ передо мною во мракѣ, свѣтъ, за которымъ я подвигался впередъ по моей тяжелой и узкой тропѣ. Это любовь, которая вѣяла на мою душу всѣмъ, что есть на землѣ прекраснаго и благороднаго... Господи! какъ же мнѣ не плакать!

Вотъ что вчера случилось: Яблочкинъ уже давно подалъ прошеніе и на-дняхъ долженъ былъ получить увольненіе изъ духовнаго званія. Эта мысль заставила его держать себя нѣсколько независимѣе ко всѣмъ его окружающимъ. Вчера, во время перемѣны классовъ, онъ закурилъ въ корридорѣ папиросу и стоялъ, облокотившись рукою на перила лѣстницы, которая ведетъ въ комнаты инспектора. Меня тамъ не было. Говорятъ, что инспекторъ его увидѣлъ и позвалъ къ себѣ. Черезъ четверть часа Яблочкинъ вышелъ отъ него блѣдный, какъ полотно. „Принесите мнѣ, ради Бога, немножко воды“... сказалъ онъ первому попавшемуся ему на глаза товарищу и прислонился головою къ стѣнѣ, и все кашлялъ, кашлялъ; наконецъ, ноги его подкосились, изъ горла показалась кровь. Его взяли подъ руки и отвели въ больницу.

Я узналъ объ этомъ только сегодня, попросилъ у Ѳедора Ѳедоровича позволенія оставить классъ и бросился къ моему другу. Онъ лежалъ на кровати въ бѣлой рубашкѣ. Ноги его были прикрыты сѣрымъ суконнымъ одѣяломъ. Глаза смотрѣли печально и тускло. Бѣлокурые волосы въ безпорядкѣ падали на блѣдный лобъ.

„Здравствуй, Вася! Вотъ я и боленъ...“ сказалъ онъ, усиливаясь улыбнуться, и медленно протянулъ ко мнѣ свою ослабѣвшую руку. Голосъ его звучалъ какъ разбитый.

— Что жъ такое! Богъ дастъ, выздоровѣешь, — отвѣчалъ я, чувствуя, что слезы подступали къ моимъ глазамъ, и сознавая, что говорю глупость. Я давно подозрѣвалъ въ немъ чахотку и рѣшительно не зналъ, что сказать ему въ утѣшеніе. А развлечь его чѣмъ-нибудь я не умѣлъ, и къ чему? Яблочкинъ безконечно умнѣе меня и навѣрное лучше всѣхъ знаетъ свое положеніе. Мы молчали. Въ комнатѣ лежало нѣсколько больныхъ. Одинъ изъ нихъ, съ пластыремъ на ногѣ, читалъ вслухъ „Выходъ сатаны“ и громко смѣялся. На прочихъ и вообще на обстановку больницы я не обратилъ вниманія: не до того мнѣ было.

Яблочкинъ поднялъ на меня свои грустные глаза: „У меня уже три раза шла горломъ кровь“, и снова опустилъ свою голову и о чемъ-то задумался. Я хотѣлъ было остановить этого дурака, хохотавшаго за книгою, но побоялся, что онъ заведетъ со мною какой-нибудь пошлый, грубый споръ и потревожитъ этимъ моего больного друга, и потому оставилъ свое намѣреніе.

Вошелъ докторъ, добрый и умный старикъ, котораго, за исключеніемъ наставниковъ, уважаетъ и любитъ вся семинарія. Онъ пощупалъ у Яблочкина пульсъ. Больной поднялъ на него вопросительный взглядъ. „Ничего, молодой человѣкъ. Все пройдетъ! бросьте на нѣкоторое время свои занятія, — и будете молодцомъ“. Онъ что-то ему прописалъ и отдалъ рецептъ фельдшеру. „Что прописано?“ спросилъ я у послѣдняго. „Лавро-вишневыя капли.“ Лѣкарство самое невинное, подумалъ я: видно, нѣтъ никакой надежды. Докторъ сталъ осматривать другихъ больныхъ и, проходя мимо меня, уронилъ свою перчатку. Давъ ему время удалиться въ сторону,

я поднялъ ее и, приблизившись къ нему, едва слышно сказалъ, указывая глазами на Яблочкина: „Позвольте узнать, каково положеніе вонъ этого больного?“—„Ему жить недолго“, отвѣчалъ онъ, принимая отъ меня перчатку и слегка кивая мнѣ головой. „Организмъ его слишкомъ истощенъ, да кромѣ того, вѣроятно, съ нимъ было какое-то потрясеніе“...—„Что тебѣ говорилъ докторъ?“ спросилъ меня Яблочкинъ, внимательно всматриваясь въ выраженіе моего лица, которое измѣняло моему спокойному голосу. „Говоритъ“, отвѣчалъ я, „что болѣзнь твоя не опасна...“—„Солгалъ ты, Вася, да все равно... Зайди, душа моя, на мою квартиру и попроси старушку, чтобы она прислала мнѣ немножко чаю и сахару. Ѣсть я ничего не хочу; все пить хочется. А ты будешь меня провѣдывать?“

„Буду, буду...“ отвѣчалъ я и поспѣшилъ отвернуться, чтобы скрыть отъ него текущія по щекамъ моимъ слезы.

16.

Болѣзнь Яблочкина развивается быстро. Онъ едва, едва поднимаетъ отъ подушки свою голову. Сегодня я поилъ его чаемъ изъ своихъ рукъ. Бѣдняга шутилъ, называя меня своею нянею. „Только“, говоритъ онъ, „ты не смотри такъ тоскливо; больные не любятъ печальныхъ лицъ. Видишь, здѣсь и безъ того не весело.“ Онъ указалъ мнѣ на грязный полъ, на мрачныя, Богъ вѣсть когда, покрытыя зеленою краскою стѣны и на тусклыя, засиженныя мухами, окна.

Я получилъ отъ батюшки письмо. „Ты“, пишетъ онъ, „со мною не шути! (Эти слова имъ подчеркнуты). Какъ я ни добръ, но исполнять твоихъ прихотей не стану. И никогда тебѣ не дамъ моего родительскаго благословенія ѣхать въ университетъ. Какой дуракъ внушилъ тебѣ эту мысль, и что ты нашелъ въ ней хорошаго? Я тебѣ сказалъ: ты долженъ пребывать въ томъ званіи...“ и такъ да-

лѣе, и такъ далѣе... Батюшка, батюшка! „Ты говоришь: призванъ... А если у меня недостанетъ силъ на исполненіе моего святого долга? Если, почему бы то ни было, я утрачу сознаніе своего высокаго назначенія, заглохну и окаменѣю въ окружающей меня горькой средѣ? Чей голосъ тогда меня ободритъ? Чья рука меня подниметъ? На чью голову ляжетъ отвѣтственность за мои проступки? Я не могу ни за что взяться: голова моя идетъ кругомъ. Между тѣмъ у насъ начались повторенія къ годовому экзамену. Что со мною будетъ—не знаю.

23.

„Тебя зоветъ Яблочкинъ", сказалъ мнѣ фельдшеръ, вызвавъ меня изъ класса: „иди скорѣе!..." Сердце мое дрогнуло, я побѣжалъ въ больницу и осторожно подошелъ къ постели больного.

„Ты здѣсь?" сказалъ онъ, открывая свои впалые глаза, подъ которыми образовались синіе круги. „Умираю, Вася... все кончено!" Онъ хотѣлъ протянуть мнѣ свою руку, но безсильная рука, какъ плеть, упала на постель. Я сѣлъ подлѣ него на табуретку. Въ комнатѣ была тишина. Пасмурный день слабо освѣщалъ ея мрачныя стѣны. На дворѣ шелъ дождь, и его крупныя капли, заносимыя вѣтромъ, звонко ударялись объ стекла. Яблочкинъ дышалъ тяжело и неровно.

„Коротка была", сказалъ онъ, „моя жизнь, и эта бѣдная жизнь обрывается въ самую лучшую пору, какъ недопѣтая пѣсня на самомъ задушевномъ стихѣ. Прощай, университетъ! Прощай, мои молчаливые друзья, мои дорогія, любимыя книги!... Ахъ, какъ мнѣ тяжело!... Дай мнѣ, Вася, свою руку..."

Я понялъ, что приближается страшная минута.

„Другъ мой", сказалъ я, не удерживая болѣе своихъ слезъ и тихо пожимая его холодные пальцы: „теперь тебѣ не время думать о земномъ:

видно такъ угодно Богу, что выпадаетъ намъ та или другая доля. Его безконечная любовь имѣетъ свои цѣли...“

„Помоги мнѣ сѣсть“. Я поднялъ его и подложилъ ему сзади подушку.

„Хорошо“, сказалъ онъ: „спасибо... Вася, Вася! У меня нѣтъ даже матери, которой я послалъ бы свой прощальный вздохъ. Я—круглый сирота! На что мнѣ они—эти лица, которыя меня здѣсь окружаютъ? Какая у меня съ ними связь?“

— А развѣ я тебя не люблю? развѣ я не буду тебя помнить и за тебя молиться?

„Я знаю, знаю. У тебя добрая душа...“ Голова его была свѣшена на грудь, неопредѣленный взглядъ устремленъ въ сторону. Онъ говорилъ:

„Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы,
Но, Боже! и вѣрѣ
Могила темна...“

— Алеша! другъ мой! — сказалъ я — зачѣмъ это сомнѣніе?

Онъ посмотрѣлъ на меня задумчиво. „Что ты сказалъ?“

— Зачѣмъ это сомнѣніе? — повторилъ я.

„Это такъ. Грустно мнѣ, мой милый! Слышишь, какъ шумитъ вѣтеръ? Это онъ поетъ мнѣ похоронную пѣсню... Скажи моей доброй старушкѣ, что я ее любилъ и за все ей благодаренъ. То же скажи ея сыну. Пусть онъ учится. Тебѣ я дарю всѣ мои книги и тетрадки. Ахъ, какъ мнѣ грустно!... Дай мнѣ карандашъ и клочокъ бумаги.“ У меня было въ карманѣ то и другое, и я ему подалъ и положилъ на его колѣни какую-то попавшуюся мнѣ подъ руки книгу, чтобы ему удобнѣе было писать. Онъ сталъ неразборчиво и медленно водить карандашомъ. Послѣ пяти или шести написанныхъ имъ строкъ на бумагу упала съ его рѣсницы крупная

слеза. Больной отдохнулъ немного и снова взялся за карандашъ.

„Усталъ я...“ сказалъ онъ, прикладывая ко лбу свою руку. „Возьми себѣ это на память о моихъ послѣднихъ минутахъ. Прочтешь дома.“

— Спасибо тебѣ,—отвѣчалъ я и положилъ бумагу въ карманъ.

Вдругъ Яблочкинъ вздрогнулъ и остановилъ на мнѣ испуганный взглядъ.

„Кто это сюда вошелъ? Выгони его!“

— Здѣсь никого нѣтъ, мой милый.—Я сѣлъ къ нему на кровать и обнялъ его одною рукой.—Здѣсь никого нѣтъ... —

„Какъ нѣтъ? Видишь, стоитъ весь въ черномъ... Выгони его!...“ Больной дрожалъ съ головы до ногъ. Я всталъ, прошелся до двери и снова сѣлъ на свое мѣсто. „Я его вывелъ“, сказалъ я.

„Ну, хорошо“. Яблочкинъ положилъ ко мнѣ на плечо свою голову. Бредъ его усиливался.

„Горитъ!...“ вдругъ онъ крикнулъ во весь голосъ и протянулъ впередъ свои исхудалыя руки. „Спасите!...“

— Что ты, что ты? успокойся!... — отвѣчалъ я, прижимая его къ своей груди.

„Стѣны горятъ... Мнѣ душно въ этихъ стѣнахъ!.. Спасите!“

— Опомнись, опомнись, — говорилъ я, и грудь моя надрывалась отъ рыданій. — Здѣсь все мирно. И чужихъ здѣсь никого нѣтъ. Это я сижу съ тобою, я — Василій Бѣлозерскій, другъ твой, готовый за тебя лечь въ могилу. —

Дыханіе Яблочкина становилось все тише и тише. Руки холодѣли, но глаза приняли болѣе опредѣленное выраженіе.

„Это ты, Вася?“

— Я, мой милый. —

„Ступай въ университетъ, а здѣсь...“

Голова его упала ко мнѣ на плечо. Я послушалъ, — не дышитъ... И тихо я опустилъ его на

подушку, перекрестилъ, закрылъ ему глаза и склонился на колѣни у изголовья его кровати. И долго, долго текли изъ глазъ моихъ горькія слезы.

Вотъ что онъ написалъ мнѣ на память:

„Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая—
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла.

Что же? Усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только однимъ человѣкомъ убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!..

Вотъ она — слышится пѣснь беззаботная —
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише!.. О жизни покончен вопросъ, —
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!“

. . . . . .

24 августа.

Сейчасъ между моими учебными книгами мнѣ попался случайно забытый мною дневникъ. Первою моею мыслью было сжечь эти страницы, напомнившія мнѣ столько горькаго. Но когда я пробѣжалъ нѣсколько строкъ, когда подумалъ, что въ нихъ положена часть моей жизни, — рука моя не поднялась на истребленіе этой бѣдной измятой тетради. Много протекло времени съ той минуты, когда умеръ мой незабвенный Яблочкинъ. Этотъ человѣкъ имѣлъ на меня непостижимое вліяніе. Онъ заставлялъ меня жить напряженною, почти поэтическою жизнію. Умолкли его огненныя рѣчи, положили его въ могилу, и, кажется, навсегда улетѣла отъ меня поэзія моей внутренней, духовной жизни. Все пришло въ обыкновенный порядокъ: мечты мои остыли, желанія не переходятъ за извѣстную черту. Успокойся!

сказалъ я своему сердцу, — и оно успокоилось. Только на лбу у меня осталась рѣзкая морщина, только голова моя клонится теперь ниже прежняго.

Въ домѣ у насъ не весело. Поля выжжены палящимъ зноемъ; всѣ хлѣба пропали. Неурожай въ полномъ смыслѣ этого слова. По улицѣ не скрипятъ, какъ бывало, съ снопами воза. При вечерней зарѣ никто не поетъ беззаботной пѣсни. Батюшка ходитъ печальный и угрюмый.

По пріѣздѣ моемъ сюда, я заговорилъ съ нимъ о моемъ намѣреніи поступить въ университетъ. „Видишь?“ сказалъ онъ, указывая мнѣ на обнаженныя поля и на пустое наше гумно. „А до будущаго урожая еще далеко. Пожалуйста, не серди меня пустяками: безъ тебя тошно...“

Переводный экзаменъ въ Богословіе я выдержалъ не совсѣмъ хорошо. Вдругъ послѣ смерти Яблочкина мнѣ трудно было взяться за дѣло. Батюшка остался мною недоволенъ. „Жилъ ты, говоритъ, подъ надзоромъ профессора и едва удержался въ первомъ разрядѣ“. Однакожъ я переведенъ. Прощаніе мое съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ, у котораго жить болѣе я уже не буду, было довольно холодно. Онъ, конечно, ожидалъ отъ меня глубочайшей благодарности за всѣ его заботы о моихъ дальнѣйшихъ успѣхахъ, но благодарить его, право, не стоило.

Моя будущая судьба теперь окончательно опредѣлилась. Пройдутъ еще два года трудовой однообразной жизни, и я приму на себя званіе духовнаго врача. Видитъ Богъ, намѣренія мои всегда были чисты. Если я заблуждался, мечтая о другой дорогѣ, заблужденіе мое было безкорыстно, мысль не заходила далеко и...

Я слышу голосъ батюшки, который зоветъ меня заплетать плетень, говоря: „Все равно — ты сидишь безъ дѣла“.

Довольно! Дневникъ мой оконченъ.

Назадъ тому недѣли три... *).

... Назадъ тому недѣли три приходитъ ко мнѣ господинъ средняго роста, съ толстымъ брюшкомъ, въ очкахъ, рябой, остриженный подъ гребенку, съ окладистою рыжеватою бородою, въ которой уже замѣтна сѣдина, широкоплечій, одѣтый въ теплое пальто съ бобровымъ воротникомъ. Прищуривъ глаза, онъ посмотрѣлъ сначала на полки, уставленныя книгами, при чемъ сдѣлалъ такую гримасу, какъ будто нюхалъ, — нѣтъ-ли чего-нибудь подозрительнаго въ воздухѣ, и потомъ обратился ко мнѣ съ лаконическимъ вопросомъ:

— Никитинъ?

— Точно такъ, отвѣчалъ я; къ вашимъ услугамъ.

— А, очень радъ! очень радъ!—И рыжебородый господинъ такъ сильно потрясъ мою руку, что всѣ кости и суставы заходили въ моемъ тѣлѣ.

— Честь имѣю рекомендоваться, — генералъ N. Давно желалъ васъ видѣть. Много слышалъ... Ну-съ, что подѣлываете?

— Какъ видите,—стою за прилавкомъ и продаю книги.

— О..! — и голосъ его превосходительства изъ скромнаго тенора вдругъ перешелъ въ густой порывистый басъ.

---

*) Разсказъ этотъ является отрывкомъ изъ письма Никитина отъ 21 марта 1860 г. къ Второву. Де-Пулэ приводитъ его въ главѣ пятой біографіи Никитина подъ заглавіемъ „Генералъ-Либералъ“.

— О-о! Промышленность, торговля, l'industrie!.. Этимъ скоро займется и наше, такъ называемое благородное сословіе... Ахъ, да! кстати: въ какой степени сочувствуете вы современному вопросу?

— Какому вопросу?

— Фу, чортъ возьми! Разумѣется, вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Говорите откровенно...

— Я радъ всему доброму,—отвѣчалъ я.

— Я радъ... я радъ... Да что такое — я радъ? Недостаточно, милостивый государь! — И генералъ схватилъ меня за бортъ сюртука.

— Вы, м. г., писатель! Вы должны имѣть европейскій взглядъ на эти вещи. L'esclavage à bas!.. Вы понимаете по-французски?

— Немножко.

— Да-съ, à bas, чортъ меня возьми! Въ этой груди — генералъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь — таится не одно благородное чувство. Еще до поднятія вопроса объ освобожденіи крестьянъ, я принималъ самыя гуманныя мѣры къ улучшенію ихъ семейнаго и общественнаго быта. Вы читали что-нибудь въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ о Пенсильванцахъ и Каролинцахъ?.. Этотъ журналъ немножко англоманъ; впрочемъ, ничего: я его уважаю... Каролинцы, м. г., защищаютъ невольничество; но я... я въ душѣ Пенсильванецъ, жена у меня тоже Пенсильванка, эманципаторка въ высшей степени. Сынъ (онъ служитъ въ гвардіи) — одинъ изъ передовыхъ людей настоящаго времени... Что стоитъ дюжина этихъ красныхъ карандашей?

Я сказалъ цѣну.

— Прикажите ихъ для меня завернуть... Такъ-то, м. г.! Я, напримѣръ, на-дняхъ отпустилъ на волю всѣхъ своихъ дворовыхъ, да вѣдь не дармоѣдовъ... нѣ-ѣ-тъ!..—и генералъ снова принялъ величественную позу и при концѣ каждой фразы билъ кулакомъ о прилавокъ.—Я отпустилъ кузнецовъ, слесарей, столяровъ, каретниковъ, поваровъ — замѣтьте,

поваровъ, чортъ возьми! Я гастрономъ, люблю хорошо поѣсть,—но свобода прежде всего... la liberté... Да здравствуетъ свобода!..

Личность этого господина сильно меня заинтересовала. Я старался продлить нашъ разговоръ; къ счастію, намъ никто не мѣшалъ.

— Ваши сосѣди-помѣщики, сказалъ я, я думаю не очень-то долюбливаютъ васъ за ваши гуманныя идеи.—Генералъ презрительно улыбнулся.

— Тьфу! вотъ мой отвѣтъ сосѣдямъ. Мнѣ дорого мое внутреннее убѣжденіе въ правотѣ моего взгляда, на все прочее я плюю. Я люблю de tout mon coeur нашъ добрый простой народъ и люблю, знаете, иногда съ нимъ сблизиться, поговорить. Par exemple! Подъ Новый годъ я приказалъ своему старостѣ извѣстить моихъ крестьянъ, чтобы заутра они собрались всѣ въ церковь, потому что я имѣю имъ нѣчто сказать. И вотъ наступилъ Новый годъ. Заблаговѣстили къ обѣднѣ. Вхожу въ церковь; народу—яблоку негдѣ упасть: внѣ церкви десятки тысячъ, — сошлись, знаете, изъ окрестныхъ деревень. Ну, хорошо-съ. Отслушали мы съ женою литургію, отслушали молебенъ. Я подхожу къ священнику и говорю: „Батюшка, позвольте мнѣ сказать крестьянамъ нѣсколько словъ?“—Сдѣлайте милость, ваше пр—ство! — отвѣчалъ онъ. Я сталъ на амвонъ и обратился къ крестьянамъ: — „Поздравляю васъ, братцы, съ Новымъ годомъ, желаю вамъ всякаго блага, желаю, чтобы исполнились ваши желанія. Вы желаете свободы, — свобода будетъ вамъ дана. Но воля и свобода — два понятія, совершенно противоположныя: свобода — это жизнь въ благоустроенномъ гражданскомъ обществѣ, огражденная закономъ; воля — это значитъ — птица летаетъ въ воздухѣ, звѣрь рыскаетъ въ лѣсу, Черкесъ грабитъ въ своихъ неприступныхъ ущельяхъ... Ну, и такъ далѣе“... Теперь я не могу припомнить всѣхъ подробностей, а вышло очень недурно, скажу безъ самохвальства.

Барщину я теперь послалъ къ чорту; у меня работаютъ одни вольнонаемные. Сдѣлайте одолженіе,— присылайте ко мнѣ конторщиковъ, бухгалтеровъ, управителей, агрономовъ,—всѣмъ дамъ мѣсто, всѣмъ дамъ жалованье! Свобода труда — первое условіе народнаго благосостоянія. A propos: у васъ есть въ продажѣ записныя приходо-расходныя книги?

— Есть.

— Покажите... хорошо; годятся. Цѣна?

Я сказалъ цѣну.

— Прикажите завернуть четыре книги. У меня, знаете, приходъ и расходъ каждаго зернышка записывается въ книгу. Я гляжу на этотъ предметъ съ экономической точки зрѣнія,—иначе и невозможно. Какъ жаль, что у насъ еще такъ мало развита политико-экономическая наука! Познакомьтесь, пожалуйста, съ сочиненіями П. Фуше, Молинари и пр. Вы найдете въ нихъ много хорошаго... Ну-съ, однако, что же вы не скажете мнѣ: что вы теперь подѣлываете, что пописываете?

— Право, ничего: все нездоровится; да и некогда.

Его превосходительство покачалъ головою.

— Эхъ, молодые люди, молодые люди! Какъ у васъ мало одушевленія, этой внутренней силы, что называется énergie! Господи, Боже мой! Что если бы я родился поэтомъ!.. А! какъ вы думаете?

И онъ вдругъ сдѣлалъ шагъ назадъ, закинулъ голову и забасилъ, тыкая указательнымъ перстомъ въ воздухѣ:

— ты знаешь самъ,
Какое время наступило:
Въ комъ чувство долга не остыло,
Кто сердцемъ неподкупно прямъ...

— Ну, и проч., помните?

Проснись, громи пороки смѣло!

— Да, громи ихъ, чортъ побери! — И генералъ топнулъ ногой. Вотъ ваше назначеніе!.. Позвольте, нечаянно вспомнилъ... Вы знаете помѣщика С-ва?

— Знаю немного.

— Комедія! Ей Богу, комедія. Съ нимъ совершилось нѣчто въ родѣ Овидіевыхъ превращеній. Представьте: умнѣйшій человѣкъ, кандидатомъ кончилъ курсъ въ университетѣ. До поднятія вопроса объ освобожденіи крестьянъ былъ прогрессистъ въ полномъ смыслѣ этого слова, врагъ отсталости, рутины, застоя, etc., etc... Но, заговорили о свободѣ крестьянъ, взялись за святое дѣло ихъ освобожденія,—и нашъ горячій прогрессистъ, нашъ глашатай великихъ идей—ррр!!!

Генералъ зарычалъ наподобіе голодной собаки, у которой отнимаютъ кость, даже физіономію, насколько умѣлъ, сдѣлалъ собачью.

— Вотъ вамъ,—продолжалъ онъ,—и современные люди! Правду сказалъ Лермонтовъ:

И прахъ нашъ съ строгостью судьи и гражданина
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ...

— Parbleu! Стоитъ, ей-ей стоитъ!.. Теперь спрашивается, откуда взялась у насъ эта нетвердость убѣжденій? Отчего она? Оттого, что воспитаніе у насъ варварское; оттого, что depuis l'enfance, такъ сказать, съ матернимъ молокомъ мы всасываемъ въ себя произволъ; оттого, что безправіе... Да, вотъ вамъ примѣръ превращенія. Я служилъ полковникомъ въ штабѣ. Замѣтьте—служилъ! т.-е. былъ не цифрой безъ значенія, а старался принести возможную пользу своею дѣятельностію. Вы, впрочемъ, не подумайте, что я говорю все это изъ хвастовства... Dieu m'en préserve... Вотъ, знаете, и дѣлаешь, бывало, наблюденія. Возьмешь хоть вахмистра. Вахмистръ, sans doute, бывшій когда-то мужикомъ, любимъ и уважаемъ подчиненными ему солдатами, обращался съ ними кротко, входилъ въ ихъ нужды и проч. Но едва этотъ вахмистръ, этотъ выслужившійся солдатъ, получаетъ офицерскіе эполеты, — баста! Превращеніе!.. У него является напыщенность, надмен-

ность, онъ дѣлается извергомъ, варваромъ, тираномъ, le tyran, да-съ—le tyran...

Вѣроятно, его пр—ству понравилось это слово: онъ повторилъ его не разъ и съ какимъ-то особеннымъ носовымъ протяжнымъ звукомъ—le tyra-an!

— Однако я съ вами заговорился, — заключилъ генералъ: до свиданія! Au revoir, M-eur Nikitin, au revoir!.. И его превосходительство оставилъ меня, насвистывая какую-то веселую пѣсенку. — Съ тѣхъ поръ мы больше не видались; а право, жаль!

Городъ нашъ бѣлится... *).

... Городъ нашъ бѣлится, румянится, охорашивается. Если бы были архитекторы — парикмахеры, кажется, онъ завилъ бы себѣ кудри. Удивительный щеголь! Повидимому, приготовляется къ чему-то торжественному, а къ чему? неизвѣстно. Рынокъ иногда обращается въ театръ, гдѣ разыгрываются небольшія піесы, впрочемъ, богатыя по содержанію. Напримѣръ. Сцена представляетъ утро. Накрапываетъ мелкій дождь. Торговки согнулись и дрожатъ отъ холода. Передъ ними: груши, яблоки, дули, грибы и т. п.—Идетъ! Идетъ!—кто-то отрывисто и въ полголоса восклицаетъ въ толпѣ, — и торговый людъ робко смотритъ по направленію протянутой руки бородатаго кулака. — Вонъ онъ! — замѣчаетъ послѣдній, — и лицо, почтительно сопровождаемое свитой, является на сценѣ. Размѣреннымъ шагомъ подходитъ оно къ торговкѣ, беретъ изъ ведра груздь и отвѣдываетъ.

„Это что?

— Грузди, батюшка!

---

*) Этотъ разсказъ является отрывкомъ изъ письма Никитина къ Второву, 1857 г. Де-Пулэ приводитъ его въ главѣ третьей біографіи Никитина.

„А въ груздѣ что?

— Ничего, батюшка.

„Такъ ты такіе-то продаешь грузди! Съ червями! Въ полицію ихъ!.. Эй, С.! возьми!“

— Такъ нѣтъ же! Пропадай они тутъ! —И старая торговка опрокидываетъ въ грязь свой свѣжепросоленный товаръ. Главное лицо піесы плюетъ и удаляется размѣреннымъ шагомъ. Окружающіе изумлены; зѣваки его сопровождаютъ.

„Это что?“ — нахмурившись, восклицаетъ то-же лицо и отвѣдываетъ мягкую грушу.

— Гру... Гру — ши! — трепетно отвѣчаетъ торговка.

„Гнилыя!“

Торговка хочетъ раскусить другую грушу, показать, что „гнилья“ тутъ нѣтъ и не было, но груша летитъ и расплющивается объ ея щеку. Лотокъ съ товаромъ опрокидывается нѣмыми лицами піесы. Повелѣвающая ими плотная особа проходитъ по разсыпаннымъ грушамъ; другая тоже плотная, но поменьше ростомъ, топчетъ ихъ; остальная свита, идя почти въ присядку, окончательно ихъ уничтожаетъ.

— — —

Письма.

Къ Ѳ. А. Кони.

Милостивый Государь
Ѳедоръ Алексѣевичъ!

Ваша извѣстность въ литературномъ мірѣ, уваженіе къ Вамъ просвѣщенной публики и свойственная Вамъ снисходительность, съ помощію которой въ самыхъ первыхъ опытахъ являющихся на судъ публики произведеній такъ искусно Вы умѣете находить нѣкоторыя достоинства и такъ деликатно указывать на недостатки,—заставили автора прилагаемыхъ здѣсь стихотвореній обратиться къ Вамъ съ просьбою о напечатаніи ихъ въ Вашемъ журналѣ, если Вы, по своему великодушію, не захотите отказать этому неизвѣстному автору въ глубокой для него чести, — Вашемъ покровительствѣ.

Можетъ быть, просьба моя окажется для Васъ странною. Пусть такъ; но я увѣренъ въ Вашемъ благородствѣ: Вы не захотите заклеймить язвительною насмѣшкою бѣднаго провинціала, не имѣющаго въ своихъ рукахъ вѣрныхъ средствъ, съ которыми онъ могъ бы дѣйствовать благоразумнѣе, не ставя себя въ двусмысленное положеніе. Я даже осмѣливаюсь предполагать, что мое двусмысленное положеніе скорѣе возбудитъ въ Васъ участіе, нежели холодность.

Вотъ моя краткая біографія. Будьте моимъ судьею.

Я мѣщанинъ. Кругъ моихъ знакомыхъ не великъ и не завиденъ. Образованіе получено мною весьма недостаточное, но съ ранняго дѣтства въ душу мою запала глубокая любовь къ литературѣ. Помню, какъ всякое произведеніе, запечатлѣнное талантомъ, приводило меня, еще ребенка, въ восторгъ, который я не могъ себѣ объяснить. Какъ тогда билось мое сердце! Какъ быстро обращалась кровь въ моихъ жилахъ! Этой любви я не утратилъ и доселѣ. Въ моей грустной дѣйствительности единственное для меня утѣшеніе — книги и природа: въ бесѣдѣ съ нею я забываю все меня окружающее. Она — мой первый наставникъ, научившій меня знать и любить Бога. Она моя мать, утѣшающая меня въ минуты тоски и сомнѣній. Изумляя меня своею тишиною и величіемъ, она заставляетъ меня слагать задумчивую пѣснь и проливать сладкія слезы. Быть можетъ, все это одинъ бредъ моего раздраженнаго воображенія, потому-то я снова повторяю: будьте моимъ судьею, покажите мнѣ мое собственное значеніе или мою ничтожность. Я не имѣю чести знать Васъ, но такъ много слышалъ о Васъ, что совершенно полагаюсь на Вашъ приговоръ. Если же изъ приложенныхъ здѣсь стихотвореній Вы увидите во мнѣ жалкаго ремесленника въ дѣлѣ искусства, тогда сожгите этотъ безсмысленный плодъ моего напраснаго труда. Тогда я пойму, что дорога, по которой я желалъ бы идти, проложена не для меня; что я долженъ всецѣло погрузиться въ тѣсную сферу мелкой торговой дѣятельности и навсегда проститься съ тѣмъ, что я называлъ моею второю жизнью.

Съ глубочайшимъ къ Вамъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Никитинъ.

1853 года Ноября 6.
Воронежъ.

Къ В. А. Средину *).

Милостивый Государь
Валентинъ Андреевичъ!

Назадъ тому четыре года, при письмѣ, подписанномъ буквами И. Н., я посылалъ вамъ два стихотворенія для напечатанія въ издаваемой вами газетѣ. Вы были такъ снисходительны, что нашли въ нихъ нѣкоторыя достоинства, и единственное препятствіе къ ихъ печатанію заключалось, по вашимъ словамъ, въ неизвѣстности имени автора.

Въ настоящее время, не считая нужнымъ скрывать свое имя, я осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ подобною же просьбой. Вотъ причина моей новой просьбы. — Я увѣренъ, что она не покажется вамъ смѣшною, потому что я знаю васъ, хотя по отзывамъ другихъ, съ одной стороны, какъ человѣка отлично образованнаго, а съ другой, какъ человѣка въ высшей степени благороднаго.

Я здѣшній мѣщанинъ. Не знаю, какая непостижимая сила влечетъ меня къ искусству, въ которомъ, можетъ быть, я ничтожный ремесленникъ! Какая непонятная власть заставляетъ меня слагать задумчивую пѣснь, въ то время, когда горькая дѣйствительность окружаетъ жалкою прозою мое оди-

---

*) Де-Пулэ „Ив. Сав. Ник.", гл. I. В. А. Срединъ — редакторъ *Вор. Губ. Вѣд.*

Посланы были стих.: „Русь", „Поле", „Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный". Въ октябрѣ 49 г. посланы были „Лѣсъ" и „Дума".

Въ № 45, отъ 5 ноября 49 г., было напечатано слѣдующее:

„На-дняхъ присланы намъ отъ неизвѣстнаго лица, при письмѣ, подписанномъ буквами И. Н., два стихотворенія, которыя мы по прочтеніи, нашли такъ замѣчательными, что готовы были на этотъ разъ, изъ уваженія къ дарованію, отступить отъ принятой нами программы и помѣстить ихъ въ нашей газетѣ. Единственное препятствіе, которое удерживаетъ насъ—это незнаніе нами имени автора!"

нокое незавидное существованіе! Скажите, у кого мнѣ просить совѣта и въ комъ искать теплаго участія? Кругъ моихъ знакомыхъ слишкомъ ограниченъ и составляетъ со мною рѣшительный контрастъ во взглядахъ на предметы, въ понятіяхъ и желаніяхъ. Быть можетъ, мою любовь къ поэзіи и мои грустныя пѣсни вы назовете плодомъ раздраженнаго воображенія и смѣшною претензіею выйти изъ той сферы, въ которую я поставленъ судьбою. Рѣшеніе этого вопроса я предоставляю вамъ, и скажу откровенно, буду ожидать этого рѣшенія не совсѣмъ равнодушно: оно покажетъ мнѣ или мое значеніе, или мою ничтожность, мое нравственное— быть или не быть?

Какое бы то ни было мое званіе, я увѣренъ, оно не будетъ служить цѣлью для вашихъ сарказмовъ; причина этому—свойственное вамъ благородство и безусловная къ вамъ довѣренность человѣка, не имѣющаго ни сильныхъ покровителей, ни случайныхъ связей.

Съ просьбою о напечатаніи своихъ стихотвореній въ одномъ изъ современныхъ журналовъ я не обращаюсь къ кому-либо по своей неизвѣстности и неувѣренности въ силѣ своего дарованія. Пусть прежде вашъ высоко цѣнимый мною приговоръ рѣшитъ однажды навсегда: смѣшонъ или нѣтъ мой трудъ, который я называю своимъ призваніемъ.

Могутъ ли быть приложенныя здѣсь стихотворенія по своему достоинству помѣщены въ вашей газетѣ (напр.: въ Смѣси, или гдѣ вамъ угодно), — я полагаюсь на вашъ просвѣщенный взглядъ и съ глубочайшимъ уваженіемъ ожидаю вашего суда.

Имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Иванъ Никитинъ.

Ноября 12 1853 г.
г. Воронежъ.

Къ гр. Д. Н. Толстому *).

Ваше Сіятельство,
Милостивый Государь
Графъ Дмитрій Николаевичъ!

Вамъ угодно было изъявить свое желаніе, переданное мнѣ Николаемъ Ивановичемъ Второвымъ, о присылкѣ къ Вамъ для напечатанія моихъ стихотвореній. Не знаю, чѣмъ и какъ мнѣ благодарить Васъ за Ваше лестное для меня вниманіе, не знаю тѣмъ болѣе, что совершенно понимаю разстояніе, раздѣляющее Графа и мѣщанина. Здѣсь нѣтъ мѣста словамъ. И что бы я ни сказалъ, я не выразилъ бы даже и тѣни того чувства, которое наполняетъ мою душу въ настоящія минуты, когда я имѣю честь писать къ Вамъ эти строки. Быть можетъ, другой на моемъ мѣстѣ и въ подобномъ случаѣ сказалъ бы много и удачно. Но я выросъ въ глуши. Я не привыкъ говорить краснорѣчиво. Скажу только одно, что я никогда не забуду Вашего участія при первомъ моемъ вступленіи на новую для меня дорогу и съ восторгомъ и гордостію буду вспоминать о немъ во всю мою жизнь.

Прилагая при этомъ письмѣ собраніе моихъ стихотвореній (посвященныхъ мною Николаю Ивановичу Второву и Константину Осиповичу Александрову-Дольнику, въ знакъ моей къ нимъ признательности за все, чѣмъ я имъ обязанъ), я осмѣливаюсь передать эти слабые опыты моего труда въ Ваше полное распоряженіе и просить для нихъ Вашего высокаго покровительства.

---

*) *Всем. Вѣстн.* 904, кн. 9 сообщено Алексѣемъ Путинцевымъ. Находится въ Ворон. Губ. Музеѣ. Толстой былъ тогда чиновн. особ. поруч. Мин. В. Д., а потомъ Ворон. губернаторомъ (съ 4 сент. 59 г. по 12 апр. 61 г.).

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и совершеннѣйшей преданности имѣю честь пребыть

Вашего Сіятельства
Милостиваго Государя
всепокорнѣйшимъ слугою

Иванъ Никитинъ.

1854 г. 5 Апрѣля
г. Воронежъ.

Къ А. А. Краевскому *).

I.

Милостивый Государь,
Андрей Александровичъ.

Позвольте мнѣ принести Вамъ глубокую благодарность за январьскую книжку Вашего прекраснаго журнала. Я принялъ Вашъ подарокъ какъ милаго гостя, нечаянно посѣтившаго мой скромный уголокъ и вполнѣ цѣню то вниманіе, которымъ Вамъ угодно было меня удостоить. Позвольте мнѣ также выразить искреннюю благодарность за помѣщеніе моихъ стихотвореній въ іюньской книжкѣ „Отеч. Записокъ" прошлаго года, за эту, сдѣланную мнѣ, честь и, наконецъ, за Вашу лестную обо мнѣ рекомендацію, которой я обязанъ моимъ первымъ знакомствомъ съ публикой. Смѣю увѣрить Васъ, Милостивый Государь, что всего этого я никогда не забуду; у меня покамѣстъ нѣтъ ничего кромѣ страстной, безкорыстной любви къ искусству и пламеннаго желанія

---

*) Письма хранятся въ И. Спб. Публ. Библ.

Подъ I-мъ письмомъ приписка карандашомъ: По 50 р. листъ.

На II-мъ письмѣ помѣтка карандашомъ: NB: Проситъ что-нибудь за стихи.

жертвовать для него всѣми моими способностями, всею моею жизнію, тогда какъ Ваше имя произносится съ уваженіемъ на необъятномъ пространствѣ Руси,—все это я знаю—и тѣмъ болѣе мнѣ дорого Ваше участіе.

Г. Авдѣевъ, во время своего проѣзда черезъ Воронежъ 18 октября минувшаго года, взялъ у меня для Вашего журнала шесть стихотвореній: „Упрямый отецъ“, „Жена ямщика“, „Вечеръ послѣ дождя“, „Купецъ на пчельникѣ“, „Неудачная присуха“, „Бурлакъ“. Изъ нихъ одно: „Жена ямщика“ какимъ-то образомъ попало въ Современникъ и напечатано не въ томъ видѣ, въ какомъ отдано мною г. Авдѣеву; ясно что редакція Современника получила стихотвореніе не отъ него, а отъ кого-то другого, и получили ли Вы отъ Г. Авдѣева мои стихотв... я тоже не знаю. Если мои пьесы Вамъ извѣстны и признаны почему либо неудобными къ напечатанію, не угодно ли Вамъ будетъ принять отъ меня, прилагаемыя здѣсь, новыя, которымъ, если Вы найдете ихъ стóящими вниманія, не откажитесь, по свойственной Вамъ снисходительности, дать мѣсто на страницахъ Вашего журнала. Что касается меня, я поставлю себѣ въ особенную честь постоянно для него трудиться, если это Вы позволите. При этомъ одна моя покорнѣйшая просьба: если при напечатаніи моихъ стихотвореній найдете что-либо требующее исключенія, умоляю Васъ это исключеніе обозначать точками, а не замѣнять словами. Въ стихотвореніяхъ простонародныхъ всякое искусственное слово легко можетъ нарушить гармонію цѣлой пьесы, уже по тому одному, что оно искусственное, чему и былъ примѣръ: редакція „Библіотеки для Чтенія“ внесла цѣлыя строки въ мои стихотворенія и, обезобразивъ ихъ, отозвалась, что не позволено ставить точекъ на мѣстѣ исключенныхъ стиховъ. Я говорю это рѣшительно не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ мой упрекъ „Библіотекѣ

для Чтенія“ вышелъ какимъ бы то ни было образомъ наружу, говорю, потому что мнѣ больно.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершеннѣйшею преданностію имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Вашъ покорнѣйшій слуга

Иванъ Никитинъ.

21 февраля 1855 г.
Воронежъ.

II.

Милостивый Государь,
Андрей Александровичь.

Поставляю себѣ пріятною и лестною обязанностію принести Вамъ глубочайшую благодарность за благосклонный отзывъ, помѣщенный въ Вашемъ журналѣ о недавно вышедшей книгѣ моихъ стихотвореній. Позвольте мнѣ при этомъ сказать нѣсколько словъ, нѣчто въ родѣ оправданія, которое съ перваго взгляда можно принять за слѣдствіе затронутаго авторскаго самолюбія, но смѣю увѣрить Васъ въ противномъ. Я выражу здѣсь одно мое личное убѣжденіе, ошибочно оно, или нѣтъ,—это другой вопросъ. „Современникъ“ при первомъ появленіи моихъ стихотвореній въ журналахъ былъ такъ добръ—замѣтилъ въ авторѣ признаки дарованія; этотъ отзывъ повторился раза два или три съ разными варіаціями, иногда не совсѣмъ удачными. Выходитъ въ свѣтъ собраніе моихъ стихотвореній, мой первый опытъ, изданный безъ сомнѣнія преждевременно, что я и самъ теперь вижу и чего не могъ видѣть за два года прежде, когда отдалъ свою рукопись издателю,—и вотъ неизвѣстный сотрудникъ „Современника“ становится въ трагическую позу и даетъ бѣдному автору—мѣщанину за-

очно публичную пощечину, называя его бездарнымъ существомъ, хотя, замѣтимъ въ скобкахъ, тотъ же „Современникъ“ удостоилъ не такъ давно передъ этимъ помѣщенія на своихъ страницахъ одного изъ стихотвореній бездарнаго существа безъ его прозьбы и вѣдома. Г. рецензентъ такъ силится доказать взятую тэму, какъ будто отъ ея рѣшенія зависитъ его собственное быть, иль не быть. Онъ называетъ автора подражателемъ всѣхъ бывшихъ, настоящихъ и чуть-чуть не будущихъ поэтовъ. Шутка очень остроумная, но вѣдь въ авторѣ, какъ бы онъ ни былъ глупъ, предполагается какое нибудь самолюбіе. Не всякій же стихокропатель для него образецъ, идолъ, поставленный имъ на пьедесталъ. Г. рецензентъ говоритъ, что авторъ не видитъ окружающаго его міра, сомнѣвается даже есть ли у него сердце, иначе, дескать, оно сочувствовало бы окружающему міру, а это сочувствіе вызвало бы наружу нѣчто новое, невѣдомое г. рецензенту. Но, во первыхъ онъ позабылъ извѣстную фразу: ничто не ново подъ луною. Люди на всякой общественной ступени все тѣ же люди. Та же въ нихъ свѣтлая сторона въ формахъ, можетъ быть, болѣе грубыхъ и та же мерзость, совершенно не новая. Во вторыхъ, почему не сдѣлали и не дѣлаютъ доселѣ подобнаго упрека другимъ писателямъ, ну хоть Жуковскому, который почти во всю жизнь ѣздилъ на чертяхъ и вѣдьмахъ, оставляя въ сторонѣ окружающій его міръ? Въ третьихъ, всеобъемлющій г. рецензентъ упустилъ изъ виду примиреніе автора съ горькою дѣйствительностію: оно совершается не такъ скоро. Не вдругъ колодникъ запоетъ о своихъ цѣпяхъ: физическая боль, мракъ и сырой воздухъ тюрьмы остановятъ до извѣстнаго времени поэтическое настроеніе. Воображеніе бѣдняка по неволѣ перенесется за крѣпкія стѣны и нарисуетъ картины иного, свѣтлаго быта. Попробовалъ бы г. рецензентъ пройдти по уши въ грязи по той самой дорогѣ, по которой

идетъ авторъ—мѣщанинъ. я послушалъ бы тогда, какъ онъ воспѣлъ эту грязь и скоро ли взялся за пѣнье! Наконецъ, гдѣ и у кого всякое отдѣльное стихотвореніе безъукоризненно? На требованіе такого изключенія способна одна редакція „Современника", по мнѣнію которой Пушкинъ много сдѣлалъ для стиха и мало для поэзіи. Взглядъ міровой, быстро умѣющій замѣчать темныя стороны у всѣхъ и всюду. По неволѣ вспомнится басня Крылова: свинья на барскій дворъ и проч... Конечно, въ настоящее время я сознаю смѣшную сторону моего заоблачнаго полета, но онъ былъ естественъ, онъ былъ неизбѣженъ, покуда не явилось это сознаніе. Не весело погружаться ежедневно въ зловонный омутъ, надобно привыкнуть къ его зловонію. Другое дѣло если бы вся тина со дна этого омута была поднята и не оказалось въ ней ни одной песчинки, пригодной къ массѣ общаго труда въ искусствѣ, ну тогда можно бы смѣло давать пощечины трудолюбивому гряземѣсителю, но рѣшеніе этого вопроса въ будущемъ, о чемъ тоже не умѣлъ подумать всеобъемлющій г. рецензентъ. Вотъ все, что я могу кратко сказать въ оправданіе недавняго высокаго строя своей мѣщанской лиры и неумышленнаго подражанія нѣкоторымъ изъ нашихъ поэтовъ, изъ которыхъ каждый въ свою очередь испыталъ это на себѣ болѣе или мѣнѣе. Вы скажете: для чего я пишу объ этомъ именно Вамъ? Да кому же, Боже мой! Вы редакторъ прекраснаго журнала; Вы имѣете голосъ, Вы образованный человѣкъ, Воронежъ не Петербургъ, не говорить же мнѣ о подобныхъ вещахъ съ моимъ дворникомъ. Впрочемъ простите, что я отнялъ у Васъ минуту или двѣ на чтеніе вылившихся изъ души строкъ. Я могъ бы сказать здѣсь многое; стихотворцы, кто бы они ни были, даже мѣщане не до такой степени глупы, какъ иногда о нихъ думаю(тъ) всеобъемлющіе рецензенты, но я не смѣю отнимать у Васъ вре-

мени. Еще разъ покорнѣйше прошу извинить меня за невольное многословіе.

При этомъ имѣю честь представить Вамъ нѣсколько стихотвореній, которымъ, если Вы по своей снисходительности ихъ одобрите, дозвольте занять хотя скромное мѣсто на страницахъ Вашего журнала. Жаль, если цензура не пропуститъ Пахаря! Я какъ умѣлъ, смягчилъ истину, не такъ бы нужно писать, но лучше написать что нибудь, нежели ничего о нашемъ бѣдномъ пахарѣ.

Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и совершеннѣйшей преданности

имѣю честь быть,
Милостивый Государь,
Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Никитинъ.

1856 20 Авгу.
Воронежъ.

Къ Н. И. Второву*).

1854 — 1861.

I.

Я стою теперь передъ столомъ. Книги на столѣ въ порядкѣ; гляжу на нихъ, улыбаюсь самодовольно и думаю: фу, чортъ возьми! Ужъ въ самомъ дѣлѣ, не великій ли я человѣкъ! вѣдь пять книгъ!.. Но

---

*) Письма И. С. Никитина къ Н. И. Второву (числомъ 120 №№) въ 1865 г. были переданы адресатомъ М. Ѳ. де Пуле при сопроводительной запискѣ, отъ 20 Мая 1865 г., изъ которой М. Ѳ. де Пуле приводитъ въ своей статьѣ „Ив. Сав. Ник.“ (гл. II) два слѣдующихъ отрывка:

„Съ первой поры моего знакомства съ Никитинымъ я привязался къ нему всею душою. Я полюбилъ въ немъ просто человѣка, человѣка съ благороднѣйшею душою, съ тонкимъ, изящнымъ чувствомъ, какого рѣдко встрѣтить не только

вдругъ, о ужасъ! какой-нибудь извощикъ выводитъ меня изъ самозабвенія крикомъ: „Савеличъ! овса!.. Э, малый! да ты острыгся! Вишь виски-то, щетина щетиной!

II.

Я сегодня ѣздилъ въ поле. Боже! какъ хорошо! Ручьевъ тысячи, звуковъ тысячи! Все кипитъ, начинаетъ жить. Видѣлъ и слышалъ жаворонковъ, грачей, скворцовъ, утокъ. Теперь въ ушахъ шумъ, въ глазахъ — видѣнная картина.

въ той средѣ, въ которой онъ воспитывался, но даже и въ такъ называемой благовоспитанной.

Мнѣ всегда казалось, — несмотря на то, что я былъ старше его лѣтъ на восемь, — что я переживу его и мнѣ придется когда-нибудь, если не быть его біографомъ, то, по крайней мѣрѣ, отдать отчетъ о личныхъ отношеніяхъ моихъ къ этому, во всякомъ случаѣ, замѣчательному человѣку, съ которымъ судьба связала меня такою тѣсною дружбою. Вотъ почему я тщательно сберегалъ всѣ, даже ничтожныя записки его ко мнѣ, письма и другія бумаги, которыя могли сколько-нибудь характеризовать его.

Предчувствіе мое сбылось. Вотъ уже болѣе трехъ съ половиною лѣтъ какъ не стало Никитина. Потеря его до сихъ поръ съ болью отзывается въ моемъ сердцѣ... Умирая, онъ завѣщалъ мнѣ издать его сочиненія съ тѣмъ, чтобы вырученную отъ продажи ихъ сумму употребить на какое либо доброе дѣло. Теперь, благодаря великодушному предложенію одного изъ почитателей таланта покойнаго Никитина, представляется возможность исполнить его волю...

Я увѣренъ, что внутреннее чувство и тактъ укажутъ вамъ, что́ именно въ этихъ бумагахъ можетъ быть обнародовано и о чемъ должно быть умолчано. Собственно въ отношеніи меня я желалъ бы, чтобы моя личность при выпискахъ изъ нихъ осталась совершенно въ сторонѣ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда почему-либо неизбѣжно было бы нужно упомянуть о ней, то ограничиться однѣми начальными буквами (В. или Н. И. В.) какъ и о всѣхъ еще живыхъ лицахъ".

Изъ всѣхъ 120 писемъ сохранилось только то, что заблагоразсудилось М. Ѳ. де Пуле процитировать въ своей статьѣ „Ив. Сав. Ник.", большей частью въ отрывкахъ, часто безъ указанія точной даты, по тому или иному случайному поводу.

III.

P. S. Конечно, вы замѣчаете своего рода прогрессъ въ моихъ запискахъ?.. Ничего, ничего... Молчаніе! —

IV.

14 Апрѣля 1855 г.

... я боленъ. Ноги, поясница, желудокъ... бѣда! Впрочемъ, я живущъ — это не въ первый разъ!

V.

Здѣсь я одинъ, и это уединеніе убиваетъ меня не менѣе болѣзни. Тоска страшная! Родныхъ нѣтъ никого, не на комъ остановить глазъ. Быть можетъ, эта тоска ребячество, — я не спорю; но выше моихъ силъ съ нею бороться, не видя надежды къ лучшему. Впереди представляется мнѣ картина: вижу самого себя медленно умирающаго, съ отгнившими членами, покрытаго язвами, потому что такова моя болѣзнь!

Сухіе Гаи. 1855 (лѣто).

VI.

13 Октября 1855 г.

Вчера для меня былъ страшный день. Я думалъ, треснетъ мой черепъ, — такъ болѣла голова отъ разстройства желудка!

VII.

Милый Николай Ивановичъ,

Ура!! Отъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны сію минуту имѣлъ счастіе получить золотые часы. Пожалуйте ко мнѣ. Я прибѣгъ бы къ вамъ самъ, но у меня И. А. Придорогинъ и сей часъ будетъ Л — къ. Приходите посмотрѣть. Цѣлую васъ заочно. Рука дрожитъ. Извините!

1856 г. числа не помню.

Вашъ И. Никитинъ.

VIII.

Вы не читали „Сѣверной Почты“? Ѳ. Булгаринъ, говорили мнѣ, изволилъ сдѣлать вотъ какой взглядъ на мою книжонку:—что вотъ-де самородка произведеніе, исправленное и изданное гр. Д. Н. Толстымъ, на котораго смѣло можно положиться; что-де въ самомъ дѣлѣ книжка вышла премилая, что у меня-де есть кипы подобныхъ самородныхъ произведеній, да все, знаете, некогда взяться за исправленіе и т. д.

IX.

1856 г.

Простите, что не зашелъ къ вамъ отъ князя. Только успѣлъ выйти изъ его воротъ, какъ знакомый купецъ сообщилъ мнѣ новость, что мой другъ, извѣстный вамъ Дураковъ, умеръ. Это меня такъ поразило, что я и теперь не соберу мыслей. Ради Бога простите!

X.

15 Апрѣля 1857 г.

Я не могу начать моего письма къ вамъ, какъ обыкновенно начинается большая часть писемъ: Милостивый Государь NN.! Вѣетъ холодомъ отъ этого начала, и оно кажется мнѣ страннымъ послѣ тѣхъ отношеній, которыя между нами существовали. Я готовъ назвать васъ другомъ, братомъ,— если позволите,—и никакъ Милостивымъ Государемъ...

Что дѣлать! поневолѣ пришлось обратиться къ перу и бумагѣ, чтобы перемолвиться съ вами словомъ! Не замѣнятъ эти бѣдныя строки нашихъ изустныхъ рѣчей!.. Признаться, я не могу похвалиться счастьемъ своихъ привязанностей: вы третье лицо, которое я теряю, лицо для меня самое дорогое, потому что ни съ кѣмъ другимъ я не былъ такъ откровененъ, никого другого такъ не любилъ.

Силу этой привязанности я понялъ только теперь, сидя въ четырехъ стѣнахъ, не зная, куда и выйти, хотя многіе меня приглашаютъ. Если и выйду, обыкновенно между мною и встрѣтившимся мнѣ знакомымъ начинается, что называется, пересыпанье изъ пустого въ порожнее; оно и естественно: мой характеръ раскрывается не передъ каждымъ. Я душевно люблю Придорогина, бываю у него почти всякій день; но потому ли, что и онъ упалъ духомъ такъ же какъ и я, наши бесѣды не облегчаютъ, а давятъ насъ своимъ содержаніемъ.—А что, братъ, говоритъ онъ, подпирая рукою свою большую голову: — видно приходится умирать! Зачѣмъ жить, — неизвѣстно! А жизнь скверно прожита! — Жалоба заключается горькой улыбкой. Я молча смотрю въ окно изъ его третьяго этажа. Весело гремятъ по мостовой пролетки; весело снуютъ пѣшеходы; пестрѣютъ кровли зданій, трубы; зеленѣются кое-гдѣ сады; красная полоса зари догораетъ на синевѣ неба. Обстановка, кажется, недурна, но что за тяжесть на сердцѣ! что за скука на душѣ!.. Послѣ долгаго молчанія, разговоръ переходитъ на общее мѣсто — разную современную гадость, и, право, чувствуешь себя точно разбитымъ, окунувшись въ этотъ зловонный омутъ. Прохожу мимо вашей бывшей квартиры, — она пуста. Не видно знакомыхъ мнѣ бѣлыхъ занавѣсокъ; вечеромъ не горитъ огня въ кабинетѣ, гдѣ такъ часто я думалъ, читалъ, бесѣдовалъ, — словомъ благодаря вашему дружескому, разумному вниманію, находилъ средства забывать всѣ дрязги моей домашней жизни. Какъ же мнѣ не любить васъ! Какъ мнѣ о васъ не думать! Второе — неизбѣжное слѣдствіе перваго, въ особенности теперь. Саади сказалъ правду: Quand on est seul, on est plus que jamais avec ceux, qu'on aime. Богъ вѣсть, гдѣ и когда мы встрѣтимся! и встрѣтимся ли, это вопросъ! Не понимаю, что дѣлается со мною съ нѣкотораго времени. Все мнѣ

опротивѣло: мой домъ, выходъ изъ дома, разговоры съ кѣмъ бы то ни было, трудъ, даже книги. Если это болѣзнь, пусть бы она поскорѣе проходила. Единственная книга, которую я теперь читаю и которая меня завлекла, Le Dernier des Mahicans Купера увлекла, можетъ быть, потому, что дѣйствительность, въ ней воспроизведенная, совершенно противуположна тому, что меня окружаетъ. Кажется, вмѣстѣ съ героями романа я слышу величавый шумъ водопадовъ, брожу въ дѣвственныхъ лѣсахъ, упиваюсь воздухомъ пустынь новаго свѣта. Все-таки легче, когда забудешься, хотя не надолго. Разъ десять начиналъ я новую работу, поэму, но разрывалъ въ мелкіе куски. Жалкое начало! Дрянь выходитъ изъ-подъ пера! Нѣтъ, придется, вѣрно, отказаться отъ міра искусства, въ которомъ когда-то мнѣ жилось такъ легко, хотя этотъ міръ и былъ ложный, созданный моимъ воображеніемъ, хотя чувства, изъ него выносимыя, были большею частію „плѣнной мысли раздраженье". Придется, видно, по словамъ Пушкина:

Ожесточиться, очерствѣть
И, наконецъ, окаменѣть.

Грустная будущность! Но что же дѣлать! Видно, я ошибся въ выбранной мною дорогѣ! Искра дарованія, способная блестѣть впотьмахъ и чуждая силы грѣть и освѣщать предметы, не разгорится пожаромъ, потому что она жалкая искра... А свѣтящимся червячкомъ я быть не хочу. Можетъ быть, я бы и трудился, и вышло бы что-нибудь изъ-подъ пера сносное; но воздухъ, которымъ я дышу, отравилъ мое дыханіе. У Пушкина книгопродавецъ говоритъ поэту, что его несчастія — источникъ пѣсней. Правда; но въ такомъ только случаѣ, если эти несчастія дѣйствуютъ на поэта, какъ шпоры на коня, побуждая его къ бѣгу; но когда шпоры обращаются въ ударъ ножомъ, бѣдный конь откажется отъ бѣга и упадетъ на землю, истекая кровью. Бури внѣ се-

мейства, каковы бы онѣ ни были, еще сносны; но неумолкаемая гроза и гроза отвратительная, грязная, подъ родною кровлей — невыносимая битва, потому что она — уродливость въ природѣ, вопль тамъ, гдѣ по естественному ходу вещей ожидаешь невозмутимаго міра, гдѣ надобно бы черпать силу для борьбы съ внѣшнимъ зломъ, котораго такъ много и которое такъ разнообразно. Да ниспошлетъ мнѣ Господь духа мудрости, смиренномудрія, терпѣнія и любви! Иглы, ежедневно входящія въ мое тѣло, искажаютъ мой характеръ, дѣлаютъ меня раздражительнымъ, доводятъ иногда до желчной злости, за которою немедленно слѣдуютъ — раскаяніе и слезы, увы! слезы тоски и горя, жалкія безсильныя слезы!!!..

XI.

2-го Августа 1857 г.

„Кулакъ“ сегодня отправляется въ Москву подъ покровительство Константина Осиповича. Я сдѣлалъ весьма незначительныя перемѣны въ нѣкоторыхъ главахъ. Довольно, покуда не марать!... К. О. пишетъ, что Таракановъ въ сценѣ, когда Лукичъ проситъ у него помощи, напоминаетъ Подхалюзина. Я рѣшительно съ нимъ не согласенъ и всю сцену оставилъ нетронутою. Такимъ образомъ можно сказать: Лукичъ похожъ на Чичикова, Скобѣевъ еще на кого-нибудь и т. д. Если бы и были черты случайнаго сходства, что же это доказываетъ? Ровно ничего! Я могу походить на васъ, имѣть одинаковый вкусъ и проч., но изъ сходства вкусовъ не слѣдуетъ, что вы и я одно и то же... Покуда мнѣ сомнѣваться и въ „Кулакѣ“ и въ самомъ себѣ!... Въ продолженіи этого времени я кое-что читалъ. Право, произведенія à la Щедринъ наводнили литературу. Немного скучно: это выстрѣлы на воздухъ, холостые заряды... Много грома и мало пользы!

XII.

20-го Сентября 1857 г.

...Мои дѣла идутъ, слава Богу. Если бы вы были въ Воронежѣ, я кое-что прочиталъ бы вамъ. Некрасовъ у меня есть, не утерпѣлъ — добылъ. Да ужъ какъ же я его люблю. А жаль, что онъ не сократилъ „Поэта и Гражданина", въ особенности въ описаніи бури, да и начало того... не приготовляетъ къ цѣлому, а вещь все-таки превосходная! Теперь полеживаю на диванѣ съ Шекспиромъ (перев. Кетчера). Какое славное лицо по отдѣлкѣ Фольстафъ! Въ „Отеч. Записк.", я думаю, вы скоро увидите разныя разности извѣстнаго вамъ стихокропателя...

XIII.

14-го Апрѣля 1858 г.

„Я читаю теперь Études sur l'avenir de la Russie. Видно, что писано помѣщикомъ... Ну, да пусть себѣ разглагольствуетъ! Дѣло идетъ своимъ чередомъ... Хозяйство мнѣ просто шею переѣло. Нѣтъ ни одного дня, чтобы не слышалъ я толковъ о горшкахъ, кочергахъ, щахъ и проч., да иди въ кухню, да посмотри, да помири кухарку съ дворникомъ, которые побранились за какую-то дрянь. Дворникъ говоритъ: — я жить не хочу. — Кухарка легла на печь. — Я, — говоритъ, стряпать не хочу, хоть всѣ оставайся безъ обѣда. Записки Семинариста подвигаются впередъ тихо, даже слишкомъ тихо!...

XIV.

27-го Іюня 1858 г.

...Вотъ уже болѣе мѣсяца я живу по сосѣдству съ А. Р. Михайловымъ на дачѣ, если только можно назвать дачею сальные заводы, гдѣ все есть: и страшное зловоніе, и тучи мухъ, и ночью лай собакъ, и къ несчастію, сквернѣйшая погода...

Читаю много, но ничего не дѣлаю и, право, не отъ лѣни. Нѣсколько дней тому назадъ я заглянулъ домой; тамъ кутежъ! Сказалъ было старику, чтобы онъ поберегъ свое и мое здоровье, поберегъ бы деньги — вышла сцена, да еще какая! Я убѣжалъ къ Придорогину и плакалъ навзрыдъ... Вотъ вамъ и поэзія! Природа надѣлила меня крѣпкимъ организмомъ: хотя я задыхаюсь, а все еще живъ.

XV.

25-го Іюля 1858 г.

...Здоровье мое плохо. Докторъ запретилъ мнѣ на время работать головою. Вотъ уже съ мѣсяцъ ничего не дѣлаю и пью исландскій мохъ. Скука невыносимая! Книгъ нѣтъ, да и такую дрянь печатаютъ въ журналахъ! Отъ бездѣлья берусь за Нѣмецкій языкъ. Придорогинъ подарилъ мнѣ Словарь Рейфа, и вчера вечеромъ мы начали съ нимъ переводить Заговоръ Фіеско, Шиллера. А помните стихотвореніе Шиллера „Идеалы"? Боже мой! Какъ сравнивалъ я его съ нашими переводами, что за дрянь послѣдніе! За Жуковскаго просто стыдно: онъ не понялъ подлинника и не умѣлъ удержать—не говорю—картинъ и красоты выраженія—даже мыслей...

XVI.

5-го Сентября 1858 г.

...Я все боленъ и боленъ болѣе прежняго. Мнѣ иногда приходитъ на мысль: не отправиться ли весною на воды, испытать послѣднее средство къ возстановленію моего здоровья? Но вопросъ: доѣду ли я до мѣста? Болѣзнь отравляетъ мою жизнь, не даетъ мнѣ работать, отнимаетъ у меня всякую надежду на будущее...

XVII.

19-го Сентября 1858 г.

...Если я могу надѣяться на полученіе Шиллера и Гейне, то... я такъ радъ, что путаюсь въ словахъ,

Вы вообразите: вѣдь я тогда буду богачъ! У меня составится порядочная библіотека. А сколько наслажденія предстоитъ мнѣ впереди при чтеніи! „Идеалы“ Шиллера я уже знаю наизусть; „Море и Сердце“ Гейне—тоже. Это стихотвореніе попалось мнѣ въ одной Нѣмецкой хрестоматіи. Теперь я все читаю разныя серьезныя вещи на Французскомъ языкѣ, отысканныя мною въ библіотекѣ г. Потапова, помѣщика Землянскаго уѣзда. Между прочимъ я недавно познакомился съ Шенье. Какія у него картины въ антологическомъ родѣ! Но его предсмертныя стихотворенія такъ и хватаютъ за душу! Какое присутствіе духа! Писать стихи въ то время, когда жизнь виситъ на волоскѣ, когда въ корридорѣ тюрьмы уже слышны шаги солдатъ, идущихъ за поэтомъ!..

XVIII.

6-го Октября 1858 г.

За отсутствіемъ дворника я отпускаю извощикамъ овесъ и сѣно и распоряжаюсь помѣщеніемъ ихъ телѣгъ на моемъ дворѣ, Это занятіе, при невозможности взяться за лучшій трудъ, развлекаетъ меня, — и слава Богу! Чего болѣе?.. Утомившись порядочно за день, въ сумерки я зажигаю свѣчу, читаю какой-нибудь журналъ. Когда же чувствую себя нѣсколько здоровѣе, берусь за Шиллера и копаюсь въ лексиконѣ, покамѣстъ зарябитъ въ глазахъ. Часовъ въ 12 засыпаю и просыпаюсь въ 4, иногда въ 3 часа. Разсвѣтъ уже застаетъ меня за чаемъ, который подкрѣпляетъ меня и оживляетъ на нѣкоторое время. Но передъ обѣдомъ я снова чувствую непріятное разслабленіе въ тѣлѣ, и тогда принимаю холодную ванну, послѣ которой бѣгаю по улицамъ или по двору, въ теплой шубѣ, а въ ясный солнечный день бѣгаю до того, что подкашиваются ноги, и едва-едва согрѣваюсь. Вотъ какъ много осталось крови въ вашемъ покорнѣйшемъ слугѣ, или лучше сказать, какъ дурна его кровь. — Скучно!..

Сколько я видѣлъ порядочныхъ молодыхъ людей, краснорѣчиво и громко защищавшихъ всѣ благія стремленія впередъ, и—увы! какая-нибудь тамъ пошлая женитьба, грошевый интересъ перевертывали имъ голову, каменили ихъ сердце! Грустно, когда подумаешь, что все доброе, общечеловѣческое лежитъ, такъ сказать, не въ основѣ нашего характера, невытекаетъ изъ него естественно и разумно, какъ слѣдствіе изъ причины, а приходитъ къ намъ извнѣ, при однихъ извѣстныхъ условіяхъ, приносимое благопріятнымъ вѣтромъ, при другихъ приносимое противнымъ. Общество наше или слишкомъ молодо, или уже слишкомъ развращено, такъ что не въ силахъ выработать человѣка въ широкомъ смыслѣ этого слова (кажется, то и другое вмѣстѣ). Конечно, встрѣчаются исключенія, но много ли ихъ?.. Переселеніе мое изъ Воронежа должно остаться для меня неосуществимымъ, хотя я и не прочь отъ него, ради своего душевнаго спокойствія. Но могу ли я оставить старика его судьбѣ? Притомъ мое здоровье не вынесетъ ни продолжительной дороги, ни перемѣнъ въ образѣ жизни. Принять на себя какую-нибудь обязанность?.. но при плохомъ здоровьи — плохая служба. Жить не работая, или, что то же, жить, работая дурно, слѣдовательно, получать плату выше труда—я не могу; такого рода плата походила бы на милостыню, а милостыня меня умертвитъ.

XIX.

12-го Декабря 1858 года.

...Векселя Василію Александровичу я не посылаю. Противъ этого страшно возстали М. Ѳ. и Н. С. Они говорятъ: поступокъ Василія Александровича такъ безкорыстно благороденъ, что неловко было бы съ моей стороны бросить на него нѣкотораго рода тѣнь! Вексель какъ бы выражалъ мою слѣдующую заднюю мысль: Я долженъ вамъ, м. г., но

я заплачу,— будьте увѣрены. Я не хочу даже одолжаться безъ законнаго документа,—и вотъ честь имѣю его вамъ представить. Это замѣчаніе я нашелъ справедливымъ. Мнѣ доводилось уже быть въ щекотливомъ положеніи, именно при займѣ денегъ у А. Р. М—ова. Я вручилъ ему росписку: онъ покраснѣлъ и разорвалъ ее, я покраснѣлъ и подобралъ клочки разорванной бумаги, что, разумѣется, не помѣшало мнѣ честно и своевременно съ нимъ раздѣлаться. Кстати объ А. Р. Видя мое горячее желаніе устроить книжный магазинъ, онъ сочувствовалъ мнѣ всею душою и, между прочимъ, сказалъ, что если бы въ этомъ году не было у него свадьбы дочери и раздѣла съ братомъ, онъ съ удовольствіемъ ввѣрилъ бы мнѣ 1500 руб. Спасибо ему за теплое слово! Кромѣ этого человѣка, ни одной души не нашлось въ Воронежѣ, сочувствующей моему предпріятію.

Изданіе моихъ стихотвореній я предоставляю на волю Василія Александровича; но прошу у него позволенія выбросить нѣкоторую дрянь изъ первой книжки. Дорогой мой Николай Ивановичъ! Перемолвите съ нимъ объ этомъ предметѣ. Чѣмъ скорѣе состоится предполагаемое изданіе, тѣмъ менѣе останется заботъ на моихъ плечахъ. Прежнія стихотворенія, съ прибавленіемъ новыхъ и „Кулака“, составятъ или два томика, или одну объемистую книжку, слѣдовательно, можно обойтись безъ дряни. Зачѣмъ пачкать дрянью и мое имя, и имя издателя моего труда: то и другое равно для меня дорого. Но главное, главное,—чтобы поскорѣе состоялось изданіе...

XX.

1858 г.

Вѣрите ли, за обѣдомъ я почти ничего не ѣлъ, вечеромъ почти не могъ пить чая,—вотъ до какой степени я былъ потрясенъ!.. Ура, мои друзья!.. Прощай, постоялый дворъ! Прощайте, пьяныя пѣсни

извощиковъ! Прощайте, толки объ овсѣ и сѣнѣ! И ты, старушка Маланья, будившая меня до разсвѣта вопросомъ—вотъ въ такомъ-то, или въ такомъ горшкѣ варить горохъ, потому что на дворъ пріѣхало вотъ только-то извощиковъ? — прощай, моя милая! Довольно вы всѣ унесли у меня здоровья и попортили крови! Ура, мои друзья! Я плачу отъ радости.—Позвольте на минуту бросить перо!..

XXI.

9-го Апрѣля 1859 г. Воронежъ.

...Знаете ли, мой другъ? Въ первые дни, когда я, едва держащійся на ногахъ, сталъ являться въ свой книжный магазинъ, меня неотступно преслѣдовала одна мысль: „Вотъ ты былъ дворникъ, жилъ въ грязи, слушалъ брань извощиковъ; теперь ты хозяинъ порядочнаго магазина, всегда въ кругу порядочныхъ людей...“ И много, много мнѣ тогда приходило на умъ, какъ приходитъ и въ эту минуту (я пишу въ магазинѣ),—и хочется мнѣ плакать, — да, мой другъ! плакать и молиться... О, зачѣмъ я не могу васъ обнять, мое безцѣнное сокровище! Да будетъ благословенъ тотъ день, когда въ первый разъ васъ встрѣтилъ! Да будутъ благословенны всѣ часы, которые я проводилъ въ вашемъ миломъ семействѣ!

XXII.

...Курбатовъ добрый и честный человѣкъ, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; но характеры наши, взгляды на то, какъ вести нужно дѣло, совершенно противоположны.

XXIII.

8-го Мая 1859 года.

...Мои торговыя дѣла идутъ такъ себѣ, не дурно; но здоровье: вотъ вамъ доказательство — мой по-

черкъ. Вѣрите ли — едва хожу, едва владѣю руками. Если настанетъ тепло и не поможетъ мнѣ купанье, тогда останется одно: умереть...

XXIV.

22-го Іюня 1859 года.

...Если бы была возможность, съ какою радостію я отправился бы теперь въ Петербургъ, и какъ бы горячо и крѣпко обнялъ васъ при свиданіи! Но, къ несчастію, желаніе это рѣшительно для меня неосуществимо: едва я началъ оправляться отъ одной болѣзни — простуды, явилась другая — скорбутъ. Ноги мои распухли, покрылись красносиними пятнами и окончательно отказываются мнѣ служить. Словомъ повторяется та же исторія, которая была со мною назадъ тому три года. Впрочемъ я не теряю присутствія духа и не бросаю дѣла, проводя цѣлые дни въ своемъ книжномъ магазинѣ. Тамъ у меня есть отдѣльная комната, гдѣ я постоянно читаю, лежа на диванѣ. Если является покупатель, мнѣ даютъ тотчасъ объ этомъ знать, — и я, прихрамывая и морщась отъ боли, выхожу къ нему и, какъ могу и умѣю, удовлетворяю его требованія. Доктора единогласно совѣтуютъ мнѣ пользоваться чистымъ воздухомъ, прогулками въ полѣ и въ лѣсу; съ своей стороны я вполнѣ понимаю, какъ бы было хорошо для меня пожить нѣкоторое время безъ заботъ и занятій. Но обстоятельства сложились такъ, что мнѣ остается отказаться отъ подобной жизни, или насладиться ею въ самой ничтожной мѣрѣ. Причина этому — необходимость моего присутствія въ моемъ книжномъ магазинѣ.

XXV.

6-го Іюля 1859 года.

Возобновляя въ памяти прошлую мою жизнь, такъ богатую разнообразною горечью, всматриваясь во все,

окружающее меня въ настоящее время,—и тамъ, и тутъ я нахожу для себя мало утѣшительныхъ явленій. Впрочемъ, я не хочу повторять старой плачевной пѣсни о томъ, какъ мнѣ жилось прежде и какъ живется теперь, на васъ она навела бы тяжелую скуку, на меня — невыносимую тоску. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, счастливый случай свелъ меня съ нѣсколькими личностями, которыя имѣли благодѣтельное вліяніе на развитіе моей нравственной стороны,—вотъ о нихъ-то я хочу сказать два-три слова. Эти дорогіе для меня люди были — вы, мой другъ Николай Ивановичъ, Нордштейнъ, Придорогинъ и Д. Но никто изъ этого небольшого кружка не могъ узнать меня на столько, на сколько должны узнать меня вы, потому что я вполнѣ раскрылъ передъ вами мою душу, и въ радости, и въ горѣ, вамъ одному высказывалъ мои сокровеннѣйшія мысли, по которымъ безъ всякаго затрудненія вы могли судить о свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ моего характера. Къ сожалѣнію оказывается, что и вы знаете меня недостаточно. Доказательство — ваше письмо, которое глубоко меня опечалило и задѣло за живое.

Вы ставите меня въ разрядъ торгашей, которые, ради пріобрѣтенія лишняго рубля, не задумаются пожертвовать своею совѣстью и честью. Неужели, мой другъ, я упалъ такъ низко въ вашихъ глазахъ? Неужели такъ скоро я сдѣлался негодяемъ изъ порядочнаго человѣка? (Если бы во мнѣ не было признаковъ порядочности, я увѣренъ, вы не сошлись бы со мною ближе). Грустное превращеніе!—Вотъ къ чему привело меня открытіе книжнаго магазина! Итакъ мои слова: „пора мнѣ удалиться и отдохнуть отъ сценъ, обливающихъ мое сердце кровью“—были ложью; мое желаніе принести нѣкоторую долю пользы на избранномъ мною поприщѣ — было ложью; моя любовь къ труду безукоризненному и благородному— была ложью... Неужели, мой другъ, все это справедливо?

Вы говорите, что я гублю свое здоровье, съ утра до ночи замкнутый въ стѣнахъ своего книжнаго магазина. Вы зовете меня въ Петербургъ, надѣясь, что поѣздка меня исцѣлитъ и разсѣетъ. Но что же я тамъ буду дѣлать безъ денегъ, и какъ я доѣду туда безъ денегъ? Книжная торговля идетъ такъ вяло, что я никакъ не соберусь уплатить А. Р. М—ову мой долгъ, состоящій изъ 200 руб. Наконецъ, допустимъ, что, благодаря добрымъ людямъ, деньги на дорогу у меня найдутся; что станется со мною, если въ продолженіе пути желудокъ мой разстроится еще болѣе? Замѣтьте, что здѣсь, на мѣстѣ, при жизни совершенно регулярной, я счастливъ, если проходятъ двѣ недѣли безъ появленія слизей, какъ слѣдствія воспаленія кишечнаго канала. Дорожная тряска, безпокойство и несвоевременный пріемъ пищи для меня убійственны; это я испытывалъ, проѣзжая какихъ-нибудь сто верстъ. Далѣе, вы говорите, что изъ-за книжнаго дѣла я бросилъ свои стихи, т.-е. что я черствѣю сердцемъ, тупѣю умомъ. Нѣтъ, мой другъ, обвиненіе это, высказанное вами изъ любви ко мнѣ, неосновательно. Не въ книжномъ магазинѣ я сижу съ утра до ночи, увиваясь не около покупателей (которыхъ, скажу кстати, приходитъ очень мало), а просто въ особой, смежной съ магазиномъ комнатѣ, лежа на диванѣ, читаю все, что нахожу подъ рукою дѣльнаго. Не читать — для меня значитъ не жить... гдѣ же тутъ торгашество?

Нанять гдѣ-нибудь въ деревнѣ квартиру я не рѣшаюсь, потому что не привыкъ къ затворнической жизни, не могу обойтись безъ кружка двухъ-трехъ близкихъ мнѣ, мыслящихъ людей. И кто будетъ ухаживать за мною въ деревнѣ? Кто будетъ обвертывать на ночь дрожжами мои ноги? Кто приготовитъ мнѣ мой діэтическій столъ, до крайности мнѣ надоѣвшій, между тѣмъ необходимый при сильномъ разстройствѣ моего желудка? Кухарка, живущая у меня нѣсколько лѣтъ, хорошо знаетъ, что и когда

нужно мнѣ варить и жарить, но ей невозможно оставить дворъ, гдѣ, во время моего отсутствія, она замѣняетъ хозяйку. Деревенская баба не замѣнитъ мнѣ моей кухарки, имѣть повара не позволяетъ мнѣ мой карманъ. Быть можетъ, въ послѣднихъ словахъ вы замѣтите мою страсть къ гнуснымъ рублямъ; какъ быть! пишу, что думаю: входить въ долги ради повара я не намѣренъ. Прежде я имѣлъ временное пристанище у Плотникова, но домъ его глядитъ теперь уже не такъ. Старикъ Плотниковъ умеръ, дочь его вышла замужъ, въ семействѣ явились новыя отношенія лицъ одного къ другому... притомъ больной гость надоѣстъ скоро хозяевамъ; я знаю примѣры, что больные надоѣдаютъ родному отцу или родной матери.

Что касается моего молчанія, моего бездѣйствія, которое, по вашимъ словамъ, губитъ мое дарованіе (если, впрочемъ, оно есть), вотъ мой отвѣтъ: Я похожъ на скелетъ, обтянутый кожей, а вы хотите, чтобы я писалъ стихи! Могу ли я вдуматься въ предметъ и овладѣть имъ, когда меня утомляетъ двухчасовое серьезное чтеніе? Нѣтъ, мой другъ, сперва надобно освободиться отъ болѣзни, до того продолжительной и упорной, что иногда жизнь становится немилою, и тогда уже браться за стихи! Писать ихъ, конечно, легко; печатать, благодаря множеству новыхъ журналовъ, еще легче; но вотъ что скверно, если послѣ придется краснѣть за строки, подъ которыми увидишь свое имя. Мнѣ кажется, и вы не одобрили бы всякой написанной мною дряни... Повторяю, мой другъ, надобно сперва выздоровѣть,— иначе: „плохая пѣсня соловью въ когтяхъ у кошки!“

XXVI.

20-го Іюля 1859 года.

...Небольшое улучшеніе моего здоровья дало мнѣ возможность взяться за трудъ. Теперь я занятъ поправкой своихъ мелкихъ стихотвореній. Думаю,

что въ концѣ августа пришлю ихъ вамъ непремѣнно. Признаюсь вамъ, я почти ничѣмъ не доволенъ, что ни прочитаю — все кажется риторикою. Грустно!.. видитъ Богъ, многое писалось отъ души. Знаю, что вы будете недовольны моею строгостію къ роднымъ моимъ дѣтищамъ, да что же дѣлать! И радъ бы глядѣть на нихъ съ любовію, но увы! они ея не заслуживаютъ. Впрочемъ, такъ и быть! Какъ видно, природа не слишкомъ щедра на свои дары: но надо поневолѣ довольствоваться немногимъ.

XXVII.

11-го Сентября 1859 года.

...На замѣчаніе ваше, почему я не выставилъ годовъ подъ стихотвореніями, скажу вотъ что: выставка подобнаго рода имѣетъ смыслъ подъ произведеніями Пушкина, Лермонтова и т. п., вообще подъ произведеніями людей, за развитіемъ таланта которыхъ читатель слѣдитъ съ особеннымъ любопытствомъ. Вашъ покорнѣйшій слуга не имѣетъ на это претензіи, не желаетъ сказать о себѣ: смотри, молъ, любезный читатель, видишь, какъ я шелъ прогрессивно; видишь, какъ я развивался. Боже сохрани! Гдѣ оно, это развитіе? Все суета, суета!.. Если я въ самомъ дѣлѣ подвинулся сколько-нибудь впередъ, замѣтятъ и безъ цифръ.

XXVIII.

13-го Ноября 1859 г.

Не знаю, съ чего и какъ начать свое письмо къ вамъ, мой милый другъ, Николай Ивановичъ!.. Сердце мое облито кровью; ударъ еще такъ недавно разразился надо мною, что я рѣшительно не могу привести въ порядокъ своихъ мыслей; въ головѣ моей все перемѣшалось и перепуталось... Общій нашъ добрый знакомый, или, лучше сказать, общій нашъ другъ И. А. Придорогинъ вчерашній день

окончилъ свое земное поприще. Онъ до конца жизни сохранилъ ясность разсудка и силу памяти. Послѣднія слова его были, между прочими, слѣдующія: „Скажите Второву, Никитину и Д., что я горячо ихъ любилъ“. Семейство покойнаго совершенно потерялось; вопль и рыданіе слышны по всему дому. Бѣдная Евпраксія Алексѣевна, эта сестра милосердія, посвятившая себя всецѣло на служеніе своимъ ближнимъ, убита печалью. Не знаю, достанетъ ли у нея силы перенести эту печаль. Къ несчастію, я не могу сказать ей въ утѣшеніе ни одного слова, не могу отдать послѣдняго поклона и поцѣлуя моему усопшему другу, потому что самъ лежу боленъ.

Вчера заѣхалъ ко мнѣ Д., сообщилъ мнѣ нѣчто о послѣднихъ минутахъ покойника и замолчалъ. Такъ сидѣли мы около двухъ часовъ. О чемъ было намъ говорить? Горе еще слишкомъ свѣжо; мы не могли усвоить себѣ мысли, что Придорогинъ болѣе не существуетъ!.. Итакъ, теперь въ Воронежѣ меньше однимъ изъ самыхъ лучшихъ людей. Я хорошо зналъ моего друга: зналъ его горячую любовь къ добру, любовь ко всему прекрасному и высокому, его ненависть ко всякой пошлости и произволу, его младенческую впечатлительность, и—что же? Какой плодъ принесло ему все это въ жизни? Увы! Жизнь ничѣмъ его не вознаградила, ничего не дала ему, кромѣ печали,—и страдалецъ умеръ съ полнымъ сознаніемъ, что самъ онъ не зналъ, зачѣмъ жилъ... Теперь въ городѣ идетъ говоръ: „Придорогинъ умеръ!.. Умеръ Придорогинъ!..“ Опомнитесь, умные купчики!.. А давно ли?.. впрочемъ, Богъ имъ судья: не вѣдали, что творили... Дня черезъ два будетъ жениться какой-нибудь богачъ — и Придорогина забудутъ среди толковъ о новой свадьбѣ...

О, родъ людской, достойный слезъ и смѣха!

Простите, не могу болѣе писать.

XXIX.

Конецъ 1859 г.

Семейныя мои дѣла текутъ попрежнему, съ прибавленіемъ одной новости: на мнѣ лежатъ всѣ расходы по дому, содержанію прислуги и т. д., и т. д. Весь доходъ съ дома (до 300 руб. сер.) получаетъ старикъ, и увы! этой суммы ему недостаетъ! На возраженіе мое, что я не въ силахъ выносить на своихъ плечахъ всю домашнюю обузу, онъ отвѣчалъ: „А кто тебя родилъ, поилъ и кормилъ? Кто тебя воспиталъ? Ну, ступай и живи себѣ, гдѣ хочешь". — Не слѣдовало бы мнѣ говоритъ объ этомъ, да сердце черезчуръ наболѣло... Отсутствіе незабвеннаго Ивана Алексѣевича сильно замѣтно въ нашемъ небольшомъ кружкѣ; замолкли веселыя рѣчи и воодушевленные споры. Собственно говоря и кружка-то теперь не существуетъ: остался Де-Пуле и я. Ни Милашевича, ни Придорогина замѣнить некѣмъ.

XXX.

4-го Января 1860 г.

... Вы полагаете для меня необходимымъ бросить книжную торговлю, убивающую мое здоровье и поглощающую все мое свободное время, купить хуторокъ и жить въ тиши, въ самомъ близкомъ соприкосновеніи съ природою. Да, это было бы хорошо и для меня самого, и для успѣха моихъ небольшихъ занятій; но, увы! отъ подобной мечты надобно отказаться при первомъ ея зарожденіи. Гдѣ взять деньги, чтобы обзавестись хуторомъ, хозяйствомъ, жильемъ, земледѣльческими орудіями, рабочими лошадьми, прислугой и проч., и проч.? Если бы книгопродавецъ Г—нъ и согласился принять отъ меня мой книжный магазинъ, спрашивается, на какихъ условіяхъ онъ его приметъ? За всѣ мои книги едва ли онъ дастъ третью часть той суммы,

которая израсходована мною на пріобрѣтеніе, тѣмъ болѣе, что онѣ растрепаны читателями. Оттого-то и плохо идетъ моя книжная торговля, что, по ограниченности моихъ средствъ, я не могу отдѣлить собственно книжнаго магазина отъ библіотеки для чтенія и увеличить для продажи число предметовъ, что непремѣнно содѣйствовало бы успѣху моихъ дѣлъ. Далѣе, жизнь моя сравнительно съ прежнею, все-таки до настоящаго времени довольно покойна. Въ продолженіе цѣлаго дня я не слышу и не вижу ничего возмущающаго меня до глубины души; остается только одна ночь, — ну, что же дѣлать?.. Съ этимъ зломъ я еще кое-какъ мирюсь. Если же снова я буду принужденъ взяться за грязную торговлю на постояломъ дворѣ, поить водкою извощиковъ, зазывать ихъ на дворъ съ улицы, вставать съ постели въ полуночную пору для шумныхъ съ ними разсчетовъ, короче — быть въ постоянной пыткѣ, въ постоянномъ раздраженіи, тогда — лучше умереть! Нѣтъ, мой милый другъ, будь что будетъ, а книжную торговлю, по всѣмъ соображеніямъ, оставить мнѣ невозможно, И куда бы я ушелъ отъ тревогъ и печалей? Спросите самихъ себя: много ли найдется въ нашей жизни безоблачныхъ дней? Итакъ, будемъ биться съ невеселою долею, а тамъ, какъ и водится, смерть положитъ всему конецъ.

XXXI.

1860 г.

Тошно слушать эти заученные возгласы о гласности, добрѣ, правдѣ и прочихъ прелестяхъ. Царь ты мой небесный! Исключите два-три человѣка, у остальныхъ въ перспективѣ карманныя блага, хорошій обѣдъ, вкусное вино etc., etc. А знаете, я прихожу къ убѣжденію, что мы преподленькіе люди, едва ли способные на какой-либо серьезный, обдуманный, требующій терпѣнія и самопожертвованія трудъ. Право такъ!..

XXXII.

Апрѣль 1860 г.

... Быть можетъ, подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, силы мои укрѣпились бы въ продолжительной дорогѣ. Главное, я увѣренъ, что я успѣлъ бы въ Москвѣ или Петербургѣ вступить въ сдѣлку съ кѣмъ-либо изъ книгопродавцевъ, промѣнявъ или продавъ ему моего „Кулака", а потребность на него въ Воронежѣ сильная.

XXXIII.

11 Ноября 1860 г.

Я взялся было написать для Воронежскаго Сборника „Дневникъ Семинариста" и листовъ шесть мельчайшимъ почеркомъ уже написалъ; но книжная торговля такъ поглощаетъ все мое время, что едва ли я успѣю сдѣлать что-либо путное. А жаль! Изъ „Дневника" могла бы выйти недурная вещь!

XXXIV.

26 Декабря 1860 г.

Время проходитъ у меня скверно. Въ магазинѣ мечусь, какъ угорѣлый, а другого исхода нѣтъ, нужно метаться! Думалъ сдѣлать что-нибудь на праздникахъ, но, увы! кутежъ, и проч. — вы знаете. Иногда такая нападаетъ тоска, что въ пору бритвой хватить по горлу! Ну, да посмотримъ! Бился больше, — авось отдохну. Посылаю вамъ два стихотворенія... „Портной" — это фактъ, случившійся на дняхъ. Я зналъ его лично; но я, къ сожалѣнію, не зналъ о его страшномъ положеніи. Вотъ что бываетъ на свѣтѣ, а нашъ братъ еще смѣетъ жаловаться!

XXXV.

3-го Апрѣля 1861 г.

... Я отправился бы въ Петербургъ сію же минуту, если бы дѣло не остановилось за компаньономъ, котораго никакъ не могъ отыскать.

Къ неизвѣстному *)

I.

Любовь къ родной литературѣ, къ родному русскому слову не угасала во мнѣ среди новой, совершенно незнакомой мнѣ дѣятельности. Окруженный людьми, лишенными малѣйшаго образованія, не имѣя руководителей, не слыша разумнаго совѣта, за что и какъ мнѣ нужно взяться, я бросался на всякое сколько-нибудь замѣчательное произведеніе, бросался и на посредственное за неимѣніемъ лучшаго. Продавая извощикамъ овесъ и сѣно, я обдумывалъ прочитанныя мною и поразившія меня строки, обдумывалъ ихъ въ грязной избѣ, нерѣдко подъ крикъ и пѣсни разгулявшихся мужиковъ. Сердце мое обливалось кровью отъ грязныхъ сценъ; но, съ помощію доброй воли, я не развратилъ своей души. Найдя свободную минуту, я уходилъ въ какой-нибудь отдаленный уголокъ моего дома. Тамъ я знакомился съ тѣмъ, что составляетъ гордость человѣчества, тамъ я слагалъ скромный стихъ, просившійся у меня изъ сердца. Все написанное я скрывалъ, какъ преступленіе, отъ всякаго посторонняго лица, и съ разсвѣтомъ сожигалъ строки, надъ которыми я плакалъ во время безсонной ночи. Съ лѣтами любовь къ поэзіи росла въ моей груди, но вмѣстѣ съ нею росло и сомнѣніе: „есть ли во мнѣ хотя искра дарованія?

II.

Если бы вы знали, какія сцены окружали меня съ дѣтства, какая мелочная, но тѣмъ не менѣе страшная драма, разыгрывалась передъ моими глазами, драма, гдѣ мнѣ доводилось играть роль, возмущавшую меня до глубины души!

*) Эти два отрывка де-Пулэ приводитъ въ I главѣ своей статьи „Ив. Сав. Ник.“, не указывая ни даты ихъ, ни адресата.

Къ графинѣ А. И. Толстой.

Ваше Сіятельство,
Милостивая Государыня
Графиня Анастасія Ивановна.

Спѣшу отвѣтить на Вашъ вопросъ о моемъ здоровьѣ. Да, я теперь, слава Богу, здоровъ. Но Ваше продолжительное молчаніе поставило меня въ глубокое недоумѣніе. Можетъ быть, я въ чемъ-нибудь виноватъ передъ Вами, или Вы были заняты, или наконецъ путешествовали за границей, объясните ради Бога! Все это рѣшительно непонятно. Бываютъ же подобные случаи! Небо было такъ ясно, яркое солнце такъ пригрѣвало и оживляло и—вдругъ картина перемѣняется: находитъ темная туча, подымается пыль, вѣтеръ обрываетъ и кружитъ листья, и пошелъ мелкій дождь, долгій, неистощимый, наводящій тоску и уныніе. Въ жизни тоже какъ въ природѣ... Вы, конечно, меня поймете. Болѣе покамѣстъ я не смѣю Вамъ сказать ни слова. Прошу Васъ объ одномъ; скоро появится въ печати моя поэма „Кулакъ", о которой я Вамъ когда-то говорилъ; смѣю надѣяться Вы не откажетесь принять ее отъ меня на память. Это было бы для меня отрадно и утѣшительно. Мнѣ хочется сказать много и много, но... я долженъ взглянуть на нѣсколько строкъ Вашего почерка, а безъ того грустно продолжать это письмо.

Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и совершеннѣйшей преданности

имѣю честь быть
Вашимъ
покорнѣйшимъ слугою

1857 г.
Дек. 16
Вор...ъ.

И. Никитинъ.

Къ И. И. Брюханову*).

1856 — 1861.

I.

Я напередъ былъ увѣренъ въ твоемъ сочувствіи, мой дорогой Иванъ Ивановичъ. Да и кому же было бы естественнѣе выразить это сочувствіе, если не малому кругу близкихъ, равныхъ мнѣ по общественному положенію людей? Знаешь ли, что я думалъ, когда князь Ю. А. Долгорукій передалъ мнѣ драгоцѣнный знакъ Высочайшаго вниманія? Первая моя мысль была о нашемъ миломъ Дураковѣ. Я увѣренъ, что его радость была бы глубже моей; я только теперь оцѣнилъ его ко мнѣ любовь, безкорыстную преданность, всегдашнюю готовность служить почти рабски... Бѣдный Дураковъ! Мнѣ тѣмъ болѣе грустно, что настоящее время я почитаю какимъ-то свѣтлымъ исключеніемъ въ моей жизни. Представь: кромѣ перстня и рескрипта Великаго Князя Константина Николаевича я имѣлъ удовольствіе получить полное собраніе соч. Пушкина отъ генералъ-маіора Комсена изъ Кременчуга и „Мертвыя Души“ Гоголя въ золотомъ переплетѣ отъ другой почтенной особы.

За твой разсказъ о Лукичахъ очень благодаренъ. Собирай, пожалуйста, типическія черты, привози ихъ въ Воронежъ. Кстати: почему это ты такъ долго у насъ не былъ? А вѣдь обѣщался, бестія! Впрочемъ ты держишься теперь у меня на

---

*) *Филол. Зап.* 1901, вып. IV—V. Письма хранятся въ Вор. Губ. Музеѣ и были доставлены редакціи членомъ Вор. Учен. Архив. Ком. Свящ. о. Ст. Звѣревымъ. Въ Арх. Ком. поступили отъ Е. Л. Маркова, который ихъ получилъ изъ Спб. отъ Мих. Ив. Алтухова 8—XII—1900.

Письма адресованы были такъ:

Въ Нижнедѣвицкъ
на имя милостив. государя
Ивана Ивановича Брюханова.

благородномъ разстояньи, не считаешь даже нужнымъ передать мнѣ то, что знаетъ и разсказываетъ о тебѣ какой-нибудь рыжій дьяволъ. Жаль! Впрочемъ вольному воля; я въ наперстники не навязываюсь. Но за твою тиранію надъ Анной Ивановной я непремѣнно сверну тебѣ шею. Ты скажешь, что это значитъ? А вотъ посмотри черезъ нѣсколько строкъ и увидишь, что значитъ, да собственно говоря тебѣ то и смотрѣть не слѣдуетъ, я не съ тобою буду имѣть дѣло...

Книжку стихотвореній тебѣ посылаю, насилу отыскалъ: было 150, всѣ до тла распроданы. Въ маѣ еще получу изъ Петербурга. Передъ Гавриловымъ меня извини, ей Богу, книгъ нѣтъ, потому и не прислалъ ему. Да! чортъ знаетъ, мѣшаютъ... совсѣмъ было забылъ... Вчера вечеромъ я имѣлъ счастіе получить отъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны золотые часы съ таковой же цѣпью. Замѣть, это письмо пишется два дня. Вотъ каковы дѣла! До свиданья. Теперь съ твоего позволенія я скажу нѣсколько словъ Аннѣ Ивановнѣ.

Милостивая Государыня,
Анна Ивановна!

Глаза мои съ особеннымъ удовольствіемъ остановились на Вашихъ первыхъ собственноручныхъ строкахъ. Но Вы безъ сомнѣнія это предвидѣли и благоразумно удержали порывъ моего восхищенія словами въ родѣ слѣдующихъ: „позвольте, позвольте М. Г. благодарю Васъ не я, моею рукою водитъ другая рука: я покоряюсь необходимости изъ уваженія къ мужу". Позвольте же и мнѣ въ свою очередь сказать вотъ что: покорность дѣло прекрасное, но должна имѣть свои границы и не ставить насъ въ неловкое положеніе — писать благодарности противъ убѣжденія. Вы благодарите меня за радушный пріемъ. Честью увѣряю, что я при-

нималъ Васъ радушно, разумѣется какъ умѣлъ: я человѣкъ не получившій паркетнаго образованія. Но согласитесь, къ чему было говорить объ этомъ пріемѣ, ставя его на ряду съ концертомъ? Положимъ за память о послѣднемъ Васъ отъ души благодарятъ и ждутъ перваго случая, чтобы грянуть по клавишамъ въ Вашемъ присутствіи, но я не люблю фальшивой монеты, смѣю Васъ увѣрить. Я былъ бы истинно счастливъ если бъ Ваша приписка обошлась безъ оговорокъ, но такъ какъ Вы нашли это нужнымъ, да будетъ по Вашему. Ради Бога не подумайте что я читаю Вамъ мораль! Слова просто вырвались изъ души; можетъ быть и не умѣстно, но мое къ Вамъ уваженіе глубоко и неизмѣнно. Повѣрьте, пиша это я не покоряюсь никакой необходимости.

Честь имѣю быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою,

И. Никитинъ.

NB. Стихотворенія „Новой Утраты" нѣтъ времени переписать: вчера не приготовилъ, сію минуту ѣду къ князю Ю. А. Долгорукову.

1856 г.
Апрѣля 10.

II.

Воронежъ 1858 г. Февр. 27.

Благодарю, мой милый Иванъ Ивановичъ, за твое письмо и за нѣкоторыя подробности о личности Скар... Я желалъ бы знать о немъ поболѣе. Постарайся о немъ поразвѣдать, но имѣй въ виду одно: свѣдѣнія свои черпай изъ достовѣрнаго источника, факты болѣе замѣчательные на память запиши. Но вотъ тебѣ мой дружескій совѣтъ: въ письмахъ своихъ о литературѣ извѣстнаго рода не распространяйся, причину я тебѣ скажу при свиданіи. Что

же ты молчишь о своихъ дѣлахъ, о своей торговлѣ, о своихъ удачахъ или неудачахъ. Пріѣзжай, пожалуйста, въ Воронежъ, наговоримся досыта. Признаюсь, братъ, я страшно скучаю, и, что хуже того, бѣшусь, ничего не дѣлаю, потому что дѣлать невозможно: старая исторія!

Скажи, пожалуйста, самъ ли Гавриловъ говорилъ тебѣ, что я подарилъ ему „Кулака“ или кто другой? Но какъ же, чортъ возьми, я ему подарю, когда и самъ я не видалъ изданной книжки? Процессъ печатанія совершается, какъ видишь, мѣсяца четыре, а дѣло не подвигается ни взадъ, ни впередъ. На-дняхъ я получилъ письмо изъ Москвы, что „Кулакъ“ скоро выйдетъ изъ типографіи, но когда онъ будетъ въ Воронежѣ, рѣшительно не знаю, и эта медленность выхода до того мнѣ насолила, что и говорить о ней недостаетъ терпѣнія. Стихотворенія я бы радъ тебѣ прислать, да новыхъ нѣтъ, старыя тебѣ извѣстны. Плохота, братъ, большая плохота! Иногда возьмешься за работу, глядь тутъ и есть запятая... Ты спрашиваешь какъ я поживаю, очень просто, какъ живутъ многіе, т. е. ты хочешь нá гору, а чортъ тебя зá ногу — вотъ и все! Лѣтомъ непремѣнно у тебя побываю, если буду живъ да здоровъ; Май думаю провести въ деревнѣ, не знаю, удастся ли, а хорошо если бы удалось. Новостей особенныхъ нѣтъ. Н. И. Второвъ прожилъ въ Воронежѣ цѣлый мѣсяцъ, обѣдалъ у меня, квартировалъ у сосѣда, поелику... и такъ далѣе... Чулки при семъ тебѣ посылаются. Засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе твоей женѣ, да пиши ко мнѣ когда вздумаешь, скучно! меня за лѣность извини.

Любящій тебя И. Никитинъ.

NB. А Гаврилову скажи, что онъ вретъ! и на какой дьяволъ ему нуженъ „Кулакъ“? Онъ самъ почище „Лукича“.

III.

Ну, мой милый Иванъ Ивановичъ, невесело твое письмо!

Твои отношенія къ отцу напомнили мнѣ Дуракова, его трагическую судьбу, — и признаюсь, я цѣлый день былъ грустно настроенъ. Ты знаешь, какую я проходилъ и прохожу школу, слѣдовательно, опытность у меня есть, вотъ тебѣ мой совѣтъ: будь строже къ самому себѣ, не предпринимай никакихъ мѣръ въ раздражительномъ состояніи, даже избѣгай въ это время разговаривать съ отцомъ, если не чувствуещь себя достаточно твердымъ сохранить къ нему сыновнее почтеніе. Такой образъ дѣйствія доставитъ тебѣ внутренній покой, а съ нимъ, какова бы не была жизнь, жить будетъ легче. Я говорю не въ видѣ морали, ты можешь быть увѣренъ въ искренности и чистотѣ моего совѣта.

Угрозы твоего отца я думаю, не больше какъ вздоръ. Но все таки странно: что заставляетъ его грозить? Развѣ вліяніе какихъ нибудь мерзавцевъ, которые готовы мѣшаться во все и пакостить всѣмъ иногда не по чувству злости, а просто отъ нечего дѣлать. О мѣщанство, мѣщанство! да, мой другъ! воздухъ, въ которомъ мы живемъ, не очень свѣжъ, общество, которымъ мы окружены, не подѣйствуетъ освѣжительно на душу, а какъ ни горько, надо держать себя умно, тихо и осторожно въ отношеніи этого общества. Низкопоклонничать передъ нимъ было бы подло, но и задирать его опасно. По моему мнѣнію ты напрасно погорячился съ бургомистромъ; твое дѣло отъ этого не подвинулось, а бургомистръ, я думаю, не забудетъ твоей выходки. Вообще о подобныхъ вещахъ нужно бесѣдовать лично, на бумагѣ такія разсужденія много займутъ мѣста и, что всего досаднѣе, могутъ походить на поученія, которыя никто не любитъ, которыя и мнѣ грѣшному страшно надоѣли.

Что касается твоей просьбы — быть воспріемникомъ твоего будущаго дитяти, я исполнилъ бы ее съ величайшимъ удовольствіемъ, если бы между нами не легло порядочное число верстъ. Пріѣхать въ Нижнедѣвицкъ конечно не трудно, но на-дняхъ я отправляюсь на житье въ деревню, въ этомъ дано мною слово одному помѣщику; долго ли тамъ пробуду, не знаю, но полагаю возвратиться въ Воронежъ не ранѣе послѣднихъ чиселъ Мая.

Поклонись отъ меня твоей женѣ и пожелай ей здоровья. Письмо, адресованное тобою въ Казенную Палату, передастся сегодня непремѣнно, вчера не было присутствія (день рожденія Государя)

Любящій тебя

И. Никитинъ.

1858 г.
Апрѣля 18.

IV.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ.

Сдѣлай милость, пришли ко мнѣ по первой почтѣ три стихотворенія слѣдующія: 1) Пряха, 2) Смерть извощика и 3) Гуляющій въ деревнѣ купчикъ, я самъ не понимаю, какъ они у тебя очутились, мнѣ нужно немедленно ихъ исправить и отослать въ Петербургъ. Чтобы письмо не было тяжело, что найдешь нужнымъ ко мнѣ написать, напиши на этихъ же стихотвореніяхъ. Я помню они на клочкахъ и переписывать ихъ все равно придется. Яковъ Петровичъ такъ добръ, что принялъ на себя коммиссію доставить тебѣ это письмо, я нарочно думалъ писать тебѣ по почтѣ. Пожалуйста пришли. Новостей нѣтъ — ни хорошихъ, ни дурныхъ.

Весь твой И. Н.

1858 г.
Ноября 2 дня.

V.

Отъ души сожалѣю, мой милый другъ, что твои дѣла не измѣняются къ лучшему. Я слышалъ о нихъ отъ одного изъ вашихъ Нижнедѣвицкихъ жителей. Что дѣлать? Терпѣніе и осторожность. Пожалуйста не грусти и не волнуйся, иначе потеряешься, тебѣ необходимо присутствіе духа для правильнаго хода твоей торговли и спокойствія твоей кроткой подруги.

Я поручилъ Я. П. Гаврилову передать тебѣ мое письмо, не знаю, сдѣлалъ ли онъ это. Отыщи, сдѣлай милость, мои стихотворенія, написанныя кажется, на клочкахъ: Смерть извощика, Пряху, Купчикъ гуляющій въ деревнѣ, начало Городского головы и статью въ прозѣ объ извощикахъ. Эти вещи мнѣ очень нужны въ настоящее время, запечатай ихъ въ пакетъ и вручи подателю этого письма. Новаго въ Воронежѣ нѣтъ. Небо проясняется... Передай мое глубочайшее почтеніе Аннѣ Ивановнѣ.

Весь твой И. Никитинъ.

1858 г.
Декабря 1.

VI.

Мой милый Иванъ Ивановичъ!

Ты говорилъ моему человѣку и писалъ мнѣ, что послалъ ко мнѣ три стихот.— слѣдъ простылъ... по полученіи сего письма, въ туже минуту французскія книги возврати мнѣ, зашей ихъ въ одинъ мѣшокъ и зашей хорошенько; кучеру прикажи за ними смотрѣть, какъ можно не потерять... оставшееся у тебя кое-что написаннаго мною въ годы глупостей, какъ нестоющее вниманія, ради Бога сожги; къ чему тебѣ и мнѣ заниматься дрянью, я тебя прошу объ этомъ, понимаешь? теперь мнѣ некогда разсказывать и тѣло болитъ, а главное болитъ душа, страшно болитъ. Если ты списалъ для себя купчика, смерть

извощика и пряху, пришли мнѣ, нужно отослать въ Петербургъ, а я рѣшительно не помню этихъ стихотвореній, такая невыносимая досада. Гдѣ то они гуляютъ? Исполни, мой милый, до малѣйшей точности мою просьбу и безъ всякой отсрочки, если я къ тебѣ посылаю нарочно стало быть нужно. Родственника твоего я еще не видѣлъ; нужны будутъ ему деньги, я могу дать, покамѣстъ онѣ у меня есть. Касательно твоего отца — не горячись. Не знаю дома ли ты, если нѣтъ, все о чемъ я здѣсь прошу я надѣюсь исполнитъ глубоко уважаемая мною Анна Ивановна. Не пріѣдешь ли ты Иванъ Ивановичъ въ Воронежъ? Я былъ бы радъ.

Весь твой И. Никитинъ.

1858 г.
8 Декабря.

VII.

Воронежъ 1859 г. 17 Марта.

Мой милый другъ Иванъ Ивановичъ!

Позволь обратиться къ тебѣ съ покорнѣйшею просьбою: у васъ въ г. Нижнедѣвицкѣ есть священникъ Андрей Александровъ, какъ говорятъ, родственникъ покойнаго Преосвященнаго Инокентія, нашего знаменитаго проповѣдника. Этотъ отецъ Андрей, по дошедшимъ до меня слухамъ, имѣетъ будто бы у себя подъ рукою всѣ сочиненія Инокентія и продаетъ ихъ. Итакъ вотъ въ чемъ дѣло: по полученіи сего письма, ради Бога, немедля отправься къ отцу Андрею и разузнай, дѣйствительно ли у него упоминаемыя мною сочиненія, если есть, то непремѣнно купи, именно вотъ что: Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа, посмотри, всѣ ли части, заплати 3 р. даже 4 р. серебр. Что касается до проповѣдей Инокентія дорого не давай, а за сходную цѣну купи всѣ. Если Послѣдніе дни земной жизни І. Хр. въ 2-хъ экземплярахъ или

въ 3-хъ всѣ бери, лишь бы части были полны и листы не вырваны. Да нѣтъ ли у отца Андрея другихъ дѣльныхъ книгъ духовнаго содержанія. За сходную цѣну все куплю; разумѣется мнѣ нуженъ ихъ списокъ, пусть онъ его сдѣлаетъ и дастъ тебѣ, назначивъ цѣну на серебро каждому сочиненію отдѣльно. Бога ради, мой другъ, купи то, о чемъ я тебя прошу: эти книги мнѣ необходимы для моего магазина. Деньги, которые ты затратишь, я вышлю тебѣ съ первою почтою.

А когда же ты пріѣдешь взглянуть на мое хозяйство? Какъ идутъ твои дѣла? Пиши, мой другъ обо всемъ. Если купишь книги, тотчасъ же пришли мнѣ ихъ по почтѣ.

Аннѣ Ивановнѣ засвидѣтельствуй отъ меня мое глубочайшее почтеніе.

А я братъ, полтора мѣсяца былъ боленъ при смерти и теперь только начинаю выѣзжать въ свой магазинъ.

Весь твой Иванъ Никитинъ.

VIII.

Воронежъ 1859 Апрѣля 17.

Благодарю тебя, мой милый Иванъ Ивановичъ, за исполненіе моей просьбы. Жаль только, что ты понапрасну убилъ и трудъ и время, выслушивая глупѣйшую болтовню мнимаго владѣтеля сочиненій Инокентія. Но довольно объ этой особѣ. Что касается твоего выѣзда изъ Нижнедѣвицка, я скажу: медлить нечего, ступай съ Богомъ, удались отъ грѣха и принимайся за новую дѣятельность. По моему мнѣнію торговля желѣзомъ въ Эйскѣ представляетъ для тебя болѣе благородную дорогу, хотя надобно сознаться она вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ болѣе риска: Богъ вѣсь какъ она пойдетъ! Занятія по откупу, хотя они вознаграждаются прекраснымъ жалованьемъ, но совсѣмъ чисты и пожа-

луй, незамѣтно для тебя самого, внесутъ въ твои характеръ и образъ мыслей много такого, на что ты самъ теперь смотришь съ презрѣніемъ и съ чѣмъ потомъ, вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ и обстановки, освоишься и присмотришься. Впрочемъ я не совсѣмъ противъ службы по откупу. Послужишь два-три года, не бѣда, но не больше. Вообще объ этомъ дѣлѣ я желалъ бы поговорить съ тобою лично. Твое счастье и твое человѣческое достоинство мнѣ такъ же дороги, какъ мои собственныя. Ульи, о которыхъ ты пишешь, я не прочь купить, въ особенности если мѣстоположеніе пчельника хорошо и не слишкомъ удалено отъ города. Эта покупка, по крайней мѣрѣ, будетъ напоминать мнѣ тебя. Пріѣзжай въ Воронежъ и мы потолкуемъ о многомъ. Извини, что пишу кратко: сегодня почтовый день, работы бездна, а письмо твое я получилъ только вчера.

Весь твой И. Никитинъ.

IX.

Отъ души благодарю тебя, мой другъ, за исполненіе моей просьбы. Пришло менѣе бумаги, нежели я ожидалъ, ну да что дѣлать! и № 8-й съ необрѣзанными краями просто дрянь, впрочемъ сойдетъ по немногу.

За пріобрѣтеніе „Кто виноватъ“ крѣпко жму тебѣ руку, пришли его Христа ради скорѣе. „Дворянское гнѣздо“ къ тебѣ отправляется. Засвидѣтельствуй мое глубочайшее почтеніе Аннѣ Ивановнѣ Дай Богъ Вамъ обоимъ счастья и здоровья.

80 стопъ бумаги получено въ исправности. Извощику я денегъ не давалъ.

Весь твой И. Никитинъ.

1859 Декабря 15 дня.

X.

Отъ души благодарю тебя, мой милый, Иванъ Ивановичъ, за исполненіе моей просьбы. Скажи по-

жалуйста, отцу мальчика, чтобы онъ немедленно отправлялся съ нимъ въ Воронежъ, потому что дѣло не терпитъ отсрочки. Право, душа моя, скучно; на минуту нельзя оставить магазина. Миша окончательно теряется въ мое отсутствіе, малый онъ не дурной, но лишенный совершенно смѣтливости и живости.

Вотъ тебѣ новость: 9 Апрѣля въ экзаменной залѣ Кадетскаго корпуса было публичное чтеніе въ пользу нуждающихся литераторовъ и ученыхъ (объявленіе о немъ при семъ прилагаю) публика, спасибо ей, приняла меня хорошо и мое стихотвореніе заставила меня прочитать два раза. За всѣми расходами собрано и отослано въ С.-Петербургъ въ Общество вспомоществованія нуждающимся литераторамъ 416 руб. серебр. Затѣяли это я и Де-Пуле. Но если бы ты зналъ какой шумъ подняла Воронежская аристократія! Сколько оказалось затронутыхъ самолюбій, сколько взбѣсилось лицъ, неприглашенныхъ нами участвовать въ чтеніи. И теперь еще все идутъ разговоры: что за чтеніе? зачѣмъ оно? для кого оно? и прочее и проч. Но публика не обратила вниманія на этотъ крикъ: въ залѣ не достало мѣстъ. Вотъ такъ Воронежъ!

Передай мое глубочайшее почтеніе Аннѣ Ивановнѣ.

Преданный тебѣ Иванъ Никитинъ.

Воронежъ
13 Апрѣля 1860.

XI.

Воронежъ. 1860 маія 10 дня.

Спасибо тебѣ, мой другъ, за твои хлопоты объ отправленіи ко мнѣ мальчика. Пожалуйста его поторопи, потому что я скоро ѣду въ Москву и не желалъ бы оставить своего магазина на одного Михайлу.

Ну, какъ ты себѣ поживаешь и что гласитъ твоя торговля? А я мечусь какъ угорѣлый, отыскивая денегъ. Впрочемъ, обѣщали въ двухъ мѣстахъ по тысячѣ руб. сер.; не знаю, что то Богъ дастъ; если не откажутъ, дѣло въ Москвѣ можно повести хорошо, да и ѣхать туда съ большимъ кушемъ будетъ веселѣе.

Толки о нашемъ литературномъ вечерѣ до сихъ поръ не умолкли въ Воронежѣ. Обижены, изволите ли видѣть, аристократы, но за то они отлично отдѣланы въ 93 № „Сѣверной пчелы". Театръ нашъ, кажется, уничтожается. Въ послѣдній разъ я видѣлъ „Гамлета", котораго сломали непостижимымъ образомъ: Короля Клавдія игралъ Борисовъ, ну можешь себѣ представить, какъ былъ онъ хорошъ. Особенныхъ новостей нѣтъ.

Будь здоровъ и счастливъ

весь твой И. Никитинъ.

XII.

Воронежъ. 1860 октября 21.

Мой милый другъ Иванъ Ивановичъ!

Извини, что я тебѣ надоѣдаю своими просьбами: пожалуйста прими на себя трудъ, о чемъ я уже просилъ тебя лично, купить мнѣ сѣрой бумаги Русанова стопъ 60 или болѣе или менѣе № 7-й мнѣ все равно; какъ устроить покупку, — это я предоставляю твоему благоразумію. За деньгами дѣло не станетъ, можешь быть вполнѣ увѣренъ, что они вышлются тебѣ съ первою почтою.

Пишу къ тебѣ изъ новой моей резиденціи, сирѣчь новой квартиры, на которую перешелъ третьяго дня. Повѣришь ли, всѣ кости болятъ отъ работы при постановкѣ книгъ.

Весь твой И. Никитинъ.

XIII.

Воронежъ.

Книжный магазинъ
и
библіотека для чтенія
НИКИТИНА.

Продажа русскихъ и французскихъ книгъ, географическихъ картъ, атласовъ и письменныхъ принадлежностей.

Октября 21. 1860

Отъ души благодарю тебя, мой другъ, за покупку бумаги. Деньги 75 р. 50 к. отданы тому, кто доставилъ мнѣ бумагу. Я послалъ сегодня къ тебѣ письмо съ просьбою купить ее, но теперь, слѣдовательно не нужно. Еще разъ спасибо. Прощай! Некогда.

Весь твой И. Никитинъ.

XIV.

Ноября 4
1860.
Воронежъ.

Виноватъ душа моя! Я забылъ увѣдомить тебя о полученіи мною прочитанныхъ тобою книгъ. Что дѣлать! Поневолѣ одурѣешь, когда ни на минуту нѣтъ отдыха.

Книгъ не посылаю къ тебѣ съ тѣмъ господиномъ, который привезъ мнѣ бумагу потому, что ты самъ писалъ о скоромъ своемъ пріѣздѣ въ Воронежъ и о личномъ выборѣ. Теперь онѣ посылаются къ тебѣ съ г. Потеряхинымъ. „Тысячу душъ“ возьмешь въ другой разъ, потому что всѣ экземпляры въ чтеніи. „Исторія Петра“ только и есть въ печати, что ты читалъ и что теперь отправляется, т. е. 1,

2, 3 и 6-й томы. Богдановича, душа моя возьмешь въ слѣдующій разъ.

Пріѣзжай пожалуйста въ Воронежъ и, разумѣется, прямо ко мнѣ въ домъ. Я радъ тебѣ буду отъ души.

Торгуемъ по маленьку—ни хорошо, ни дурно.

Весь твой Ив. Никитинъ.

XV.

Воронежъ.
1861
Января 17.

Спасибо тебѣ, мой другъ за твое письмо. Дѣло, о которомъ ты пишешь, дѣйствительно вопіющее, но помочь ему путемъ гласности невозможно. Сказать объ этомъ Графу? Но какъ? Если бы старуха пошла съ жалобою, я бы сказалъ. Пожалуйста пріѣзжай въ Воронежъ денька на два, всего, братъ, не перекупишь; умремъ—и послѣ насъ будутъ покупать—ну ее къ черту эту коммерцію. Я за это время заработалъ много денегъ, писалъ стихами и прозою, но... одно душевное потрясеніе. кажется, окончательно, добило мое здоровье. Будь, что будетъ! посылаю все къ черту, даже деньги, къ которымъ, сказать правду, я не имѣлъ пристрастія.

Пріѣзжай, душа моя, право я буду тебѣ радъ.

Если пропуститъ цензура написанный мною „дневникъ семинариста" вопросъ о семинарскомъ воспитаніи, кажется подвинется впередъ. Дай только Богъ, чтобы пропустила. Но цензура свирѣпствуетъ. Улучшеніе быта крест. отложено до осени —передаю тебѣ, что слышалъ. Пріѣзжай! прочитано многое и многое... до свиданья. Кланяйся женѣ и не сердись, что скверно пишу—некогда.

Весь твой И. Никитинъ.

P. S. Бумаги покамѣстъ не нужно. Богдановича ей-ей, нѣтъ подъ рукою. Погоди пожалуйста. Еще

забылъ: мнѣ присланы изъ Спб-а два стихотв. Одно уже было въ печати т. е. въ станкѣ типографіи, но увы! прихлопнуты... пропало 50 руб. сер. и теплое слово за бѣдныхъ.

XVI.

Милостивая Государыня
Анна Ивановна!

Искренно благодарю Васъ за Ваше ко мнѣ участіе. Здоровье мое плохо. Портретъ свой я далъ бы Вамъ съ удовольствіемъ, но у меня только одинъ и есть хорошій т. е. вѣрный, съ нимъ я не могу разстаться. Другой же такая дрянь, что хоть брось. Ивану Ивановичу передайте мой поклонъ. Писать болѣе право нѣтъ мочи.

Глубоко уважающій Васъ
И. Никитинъ.

1861 21 іюля.

XVII.

Воронежъ.
Окт. 10.

Благодарю тебя, душа моя, за присылку „рус. вѣстника". Очень радъ, что дѣла твои, по твоимъ словамъ, принимаютъ лучшій видъ. Ничего, мой милый, перемелится,—все будетъ мука или прахъ, даже и мы сами. Графъ Д. Н. Толстой пріѣхалъ, я былъ у него и, разумѣется, какъ старый его знакомый, имѣлъ честь говорить съ нимъ долгое время. Онъ вообще, по отзывамъ людей его знающихъ, добрый человѣкъ. Что-жъ, добрыхъ людей дай намъ Господи. Когда же ты пріѣдешь въ Воронежъ? ужъ какъ бы я былъ тебѣ радъ! Ну, братъ, дѣлъ пропасть! Книгъ извини—нѣтъ, подписчиковъ 128 чел. все расхватали. Богъ дастъ получу новые транспорты и тогда къ твоимъ услугамъ.

Весь твой И. Никитинъ.

Къ В. А. Кокореву.

I. *)

1858 г.

...Я берусь за книжную торговлю, — не въ видахъ чистой спекуляціи. У меня есть другая, болѣе благородная цѣль: знакомство публики со всѣми лучшими произведеніями русской и французской литературы, въ особенности знакомство молодежи, воспитанниковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній... Помощь, которую Вы мнѣ оказываете, — не простое участіе, не мимолетное состраданіе къ тяжелому положенію другого лица, нѣтъ! это въ высшей степени благотворная, живительная сила, которая обновляетъ все мое существованіе. До тѣхъ поръ я былъ страдательнымъ нулемъ въ средѣ моихъ согражданъ; теперь Вы выводите меня на дорогу, гдѣ мнѣ представляется возможность честной и полезной дѣятельности: Вы поднимаете меня, какъ гражданина, какъ человѣка!

II.

Милостивый Государь
Василій Александровичъ!

Позвольте еще разъ принести Вамъ мою глубокую, сердечную благодарность за сдѣланное мнѣ Вами великое добро. Мнѣ очень прискорбно, что по окружающимъ меня обстоятельствамъ, я лишенъ счастія засвидѣтельствовать ее Вамъ лично.

Честь имѣю рекомендовать Вамъ моего будущаго сотрудника по книжной торговлѣ Николая Павловича Курбатова. Онъ воспитывался въ Московскомъ Университетѣ, читалъ въ продолженіе года законовѣдѣніе въ Воронежскомъ Михайловскомъ кадетскомъ корпусѣ, но отказался отъ этой должности,

*) Де-Пуле „Ив. Сав. Ник.", гл. III.

отчасти вслѣдствіе семейныхъ дѣлъ, требовавшихъ его непосредственнаго надзора, а главное потому, что выработанныя имъ убѣжденія относительно воспитанія не могли подходить подъ извѣстную, казенную мѣрку. Меня сближаетъ съ нимъ одинаковая цѣль: принести обществу частичку пользы на томъ пути, который мнѣ открыло Ваше великодушіе. Если желаніе мое увѣнчается успѣхомъ, я могу умереть съ отраднымъ сознаніемъ, что жизнь моя не пропала даромъ, и послѣднимъ моимъ словомъ будетъ благословеніе Вашего имени.

Съ чувствомъ глубочайшаго
уваженія и совершеннѣйшей
преданности
имѣю честь быть,
Милостивый Государь,
Вашимъ
покорнѣйшимъ слугою
Иванъ Никитинъ.

1858 г.
Декабрь 21.

Къ Л. П. Блюммеру.

I.

....О себѣ не могу сказать Вамъ не только ничего добраго, но и просто веселаго. Грудь болитъ, и на этихъ дняхъ я два раза харкалъ кровью. Какъ быть!

II.

....Одновременное изданіе двухъ воронежскихъ сборниковъ произвело у насъ, какъ это Вамъ уже извѣстно, нѣкоторое волненіе. Проснулась зависть, зашипѣли самолюбія, выползли на свѣтъ разныя микроскопическія гадины. Де-Пуле ненавидимъ. Меня побраниваютъ изъ-за угловъ. Но я утыкаю ихъ хлѣ-

бомъ-солью, если только напечатаютъ написанный мною для сборника Мих. Ѳед. „Дневникъ семинариста". Ахъ, если бы напечатали! Безъ шутокъ, мнѣ крѣпко будетъ жаль, если пропадетъ мой небольшой трудъ. Вѣдь я самъ учился въ бурсѣ, знаю ее вдоль и поперекъ. Нѣкоторый свѣтъ, брошенный въ эту бурсу, навѣрное принесъ бы свою пользу.

III.

6 января 1861 г.

... Г. Плещееву я очень благодаренъ за его предложеніе, но, къ сожалѣнію, онъ написалъ ко мнѣ очень поздно. Часть сочиненій Тургенева мною уже получена, часть находится въ дорогѣ. Что касается стихотвореній, я скажу Вамъ вотъ что: мнѣ выслано 30 экземпляровъ Лермонтова, тотчасъ же по выходѣ ихъ изъ печати, и доселѣ продано 15 экземпляровъ. Слышите ли! Лермонтова... Честное слово, я не могу объ этомъ равнодушно говорить... Ну, можно ли до такой степени сдѣлаться апатичными!.. Однакожъ мы сдѣлались, и ничего себѣ, живемъ, покуда Богъ грѣхамъ терпитъ.

Къ А—ной *).

... Осуществилась ли моя завѣтная мечта? вы спрашиваете. Покамѣстъ нѣтъ. Скоро ли она осуществится—навѣрное сказать не могу. Для того, чтобы мечта эта перешла въ дѣйствительность, мною положено много труда; но мнѣ кажется, все-таки я далекъ отъ цѣли. Быть-можетъ, я имѣлъ бы возможность приблизиться къ ней съ помощію побочныхъ средствъ; но побраните вашего покорнѣйшаго слугу за его упрямство—я во всемъ хочу быть обязаннымъ только своимъ собственнымъ силамъ, только своей собственной энергіи. Такимъ образомъ

*) См. примѣчаніе къ письмамъ къ Н. А. М—ой.

шла до этого дня моя жизнь. Если въ дни моей молодости я не задохся, не погибъ въ окружающемъ меня воздухѣ, если я сгладилъ съ себя печать семинарскаго образованія, если я вошелъ въ кругъ порядочныхъ людей,—всѣмъ этимъ я обязанъ одному себѣ. Итакъ, или до конца надобно выдержать испытаніе, выпить чашу до дна,—или, при неудачѣ, остаться по крайней мѣрѣ съ безукоризненною совѣстью, съ мыслью, что я поступилъ благородно, что я смѣло смотрѣлъ не только на улыбающееся мнѣ счастіе, но и на суровое, грозящее мнѣ горе. За неимѣніемъ лучшаго, и это можетъ быть утѣшеніемъ, впрочемъ, такимъ, которое изрѣжетъ морщинами мое лицо и сдѣлаетъ сѣдыми нѣсколько моихъ волосъ. Какъ видите, я не жаркій мечтатель!... Въ эту минуту мнѣ пришли на память слова Пушкина, вложенныя имъ въ уста Ленскаго:

Писалъ темно и вяло.

Въ самомъ дѣлѣ, я пишу темно. А что до вялости... Ахъ, если бы я далъ волю своему перу, клянусь Богомъ, огонь брызнулъ бы изъ этихъ строкъ; но... Довольно, почтеннѣйшій Иванъ Савичъ, довольно!—Слушаю-съ!

A propos: у васъ по платью встрѣчаютъ, или по чинамъ? Сохрани Богъ, если вы скажете: по письмамъ. Тогда я пропащій человѣкъ!

Къ Н. А. М—ой *).

1860—1861.

I.

19 Марта 1860 г. Воронежъ.

Вѣтеръ; снѣгъ; въ магазинѣ холодно; мнѣ нездоровится; расположеніе духа наисквернѣйшее, про-

*) Письма къ Н. А. М—ой составляютъ VI главу статьи М. Ѳ. де-Пуле „Ив. Сав. Ник.“. По поводу ихъ М. Ѳ. де-Пуле въ главѣ V сообщаетъ слѣдующее:

сто— безвыходная тоска; но вдругъ я получаю Вашу записку. Вы представить себѣ не можете, какое наслажденіе принесли мнѣ написанныя Вами строчки! Мое воображеніе тотчасъ перенесло меня въ Ваши края. Я вспомнилъ и темный садъ А. А., и свѣтлый прудъ, и покрытыя золотистою рожью поля, по которымъ я подъѣзжалъ когда-то къ Вашему дому, одиноко стоящему на совершенно открытой мѣстности. Я очень хорошо помню этотъ гостепріимный, маленькій домъ, въ которомъ все привѣтливо улыбается: стѣны глядятъ весело, на стеклахъ лежитъ тѣнь цвѣтовъ, даже стоящее у окна кресло такъ, кажется, и говоритъ очарованному гостю:—„сдѣлайте одолженіе, садитесь, пожалуйста, безъ церемоніи!“ Не сердитесь, Н. А., что слишкомъ заговорился. Въ Вашемъ краѣ такъ много привлекательнаго! Но перейду къ дѣлу. Histoire de la littérature française у меня нѣтъ, есть только Cours de la littérature générale par Thery, 2 тома, in folio, цѣна 6 р. сер. Это не то, что Вамъ нужно, и потому я отложилъ посылку книгъ до Вашихъ новыхъ распоряженій. Жаль, право, что книги для чтенія не выбираете Вы сами: я все боюсь Вамъ не угодить. Книги Ваши, по прошествіи нѣкотораго времени, Вы можете обмѣнить на тѣ, которыя отправлены къ г-ну Д—ому; такимъ образомъ у Васъ будетъ достаточный запасъ для чтенія, а весною я, можетъ быть, самъ привезу кое-что, и будемъ читать вмѣстѣ, разумѣется, если Вы позволите.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

И. Никитинъ.

„Какъ-то въ Январѣ 1861 года я зашелъ въ книжный магазинъ. Никитинъ былъ одинъ.— Знаете ли что, сказалъ онъ мнѣ: всѣ мы подлецы ужасные!

— Это почему? говорю.

— Да такъ... Вотъ хоть бы и я. Совѣстно признаться, а вѣдь мнѣ нравится серьезно М—а.

II.

1861 г. Января 25-го дня.

По милости моего Акиндина (эта личность теперь, кажется, сдѣлалась историческою, благодаря своему имени), я остался передъ Вами дуракомъ въ полномъ смыслѣ этого слова: онъ не приготовилъ для Васъ „Мертвое Озеро“ и „Три страны свѣта“ и не сказалъ мнѣ о томъ, что ихъ нужно для Васъ приготовить. Простите мнѣ мою невольную вину. Я посылаю Вамъ „Томъ Джонсъ“ въ 2 томахъ и pour votre papa „Очерки“ Кокорева, 3 тома. Ради Бога, что будетъ Вамъ нужно, приказывайте чрезъ кого-нибудь. Изъ Вашего края навѣрно часто бываютъ у насъ знакомые Вамъ люди; что до меня,—я весь къ Вашимъ услугамъ.

Между прочимъ Вы говорите: „вѣдь Вамъ теперь извинительно быть разсѣяннымъ“... Нѣтъ не извинительно. Повторяю Вамъ въ сотый разъ: у меня нѣтъ и не было особенной причины быть разсѣяннымъ. Если и есть во мнѣ этотъ недостатокъ,—смѣю Васъ увѣрить,—онъ природный.

Я былъ бы радъ, еслибъ Ваше желаніе имѣть мнѣ успѣхъ всегда, и во всемъ, и вездѣ исполнилось хотя отчасти: да, я былъ бы очень радъ, потому что, къ сожалѣнію, почти ни въ чемъ не имѣю успѣха. За примѣромъ ходить не далеко: я желалъ отъ всей души побывать у Васъ прошлой осенью; но обстоятельства сложились такъ, что это желаніе осталось безплодною мечтой. Далѣе: я желалъ бы... впрочемъ боюсь навести на Васъ скуку и потому умолкаю. „Развлеченіе“, этотъ паршивенькій журналъ я не получаю, слѣдовательно, и не знаю, что тамъ писано о Воронежѣ, равно и о воронежскомъ

Такъ что же? говорю.

Какъ что же? Да вѣдь это подло: а А—на то?... Эхма!...

Этимъ разговоръ нашъ и кончился“.

журналѣ въ 12 коп. сер. безъ пересылки. Охота же Вамъ читать подобные литературные осадки. Ахъ, еслибы сутки состояли изъ 48 часовъ,—сколько бы можно было прочитать хорошаго! Знаете ли,—тогда, не смотря на зимнія вьюги, я прилетѣлъ бы къ Вамъ и прочиталъ бы (разумѣется, если бы Вы захотѣли меня слушать), прочиталъ бы... ну, что-нибудь порядочное. А вѣдь я читаю не дурно, je vous assure!...

Пожалуйста, не браните меня за мою болтовню. Мнѣ страстно хочется съ Вами поговорить; но, увы! не смѣю, боюсь, что Вы нахмурите свои прекрасныя брови, и радъ не радъ—ставлю точку.

Глубоко уважающій Васъ

И. Никитинъ.

III.

1861 г. Февраля 10-го.

Ваше письмо начинается упрекомъ за мою разсѣянность. Этотъ упрекъ не совсѣмъ справедливъ: смѣю Васъ увѣрить, что, когда я писалъ къ Вамъ письмо, я думалъ только о томъ лицѣ, къ которому писалъ, болѣе ни о комъ и ни о чемъ. Прошу Васъ согласиться со мною хоть въ этомъ, если Вы не хотите согласиться въ чемъ-либо другомъ (что, замѣчу въ скобкахъ, немножко оскорбляетъ мое самолюбіе). „Мертвое Озеро“ и „Три Страны Свѣта“ не были Вамъ посланы потому, что я не имѣлъ ихъ у себя подъ рукою. Послѣдняя книга теперь возвратилась отъ одного изъ моихъ читателей и отправляется къ Вамъ съ нѣсколькими другими книгами, за выборъ которыхъ умоляю Васъ меня извинить, если онъ неудаченъ. Въ переводахъ Берга *) рекомендую Вамъ прочитать стихотворенія: „Муравей“ и

*) „Сборникъ Стихотвореній Иностранныхъ Поэтовъ“. Переводы В. Д. Костомарова и Ѳ. Н. Берга. Москва, 1860 г. Означенныя ниже пьесы носятъ названіе „Муравьи“ (стран. 112) и „Крестъ“ (стран. 118).

„Когда распнутъ они тебя“, — вообще, Вы найдете въ этой книжкѣ много хорошаго. „Мертвое Озеро“ пришлю Вамъ въ слѣдующій разъ; ей Богу, теперь его нѣтъ! Наконецъ, вѣрите ли мнѣ, а? Помилуйте, довели меня до божбы!.. Не понимаю, откуда и какимъ образомъ родилось у Васъ желаніе со мною браниться!.. Неужели Вы находите въ этомъ наслажденіе? Впрочемъ, о желаніяхъ, какъ и о вкусахъ, не спорятъ. Я, напримѣръ, желалъ бы теперь отъ души крѣпко пожать Вашу милую руку (странное желаніе, не правда ли?), сѣсть подлѣ Васъ. Вы, конечно, это позволите, — ну, хоть во имя дружбы, если Вы не шутите этимъ словомъ, — наговориться съ Вами, наслушаться Васъ, чтобы потомъ долго, долго жить воспоминаніемъ всего слышаннаго. Неужели судьба откажетъ мнѣ и въ этомъ наслажденіи? Замѣтьте: слово судьба я подчеркиваю. Подъ этимъ названіемъ я разумѣю не какое-нибудь разумное существо, могучее и самовластное, а просто стеченіе болѣе или менѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, которыя наперекоръ нашей волѣ толкаютъ насъ не въ ту сторону, куда летятъ наши радужныя надежды, гдѣ живетъ наше беззаботное счастье. О, если бы мы могли распоряжаться этими обстоятельствами по своему произволу, тогда наша жизнь была бы раемъ, тогда бы ея строй совершенно измѣнился и не надрывалъ бы нашего сердца своимъ безобразіемъ, пошлостью и безсмысліемъ! Есть счастливцы, которымъ счастіе само дается въ руки, — я не принадлежу къ числу ихъ. Вы говорите, что я долженъ быть доволенъ, „потому что одаренъ“ и проч. и проч. Пожалуйста, безъ комплиментовъ! Языкъ друга долженъ быть прямъ и чистосердеченъ. Если дѣйствительно я не такъ глупъ, какъ дурачекъ Емеля, то жизнь, которая удовлетворяетъ его, не можетъ удовлетворить меня. Кажется, это очень ясно. Въ письмѣ Вашемъ привело меня въ недоумѣніе слѣдующее выраженіе: „чтобъ эта

галиматья не валялась въ магазинѣ, сожгите ее"... Нечего сказать, достаточное довѣріе къ моему уму и чувству такта! Правда, я однажды сжегъ письма дорогихъ мнѣ лицъ; но Вы навѣрное не осудили бы меня, если бы узнали причину этого истребленія. Очевидно, что Вы еще слишкомъ мало меня знаете, если предполагаете, что письмо Ваше будетъ валяться... Богъ съ вами!.. Что касается до меня, я чувствую истинное наслажденіе въ эту минуту, при мысли, что веду съ Вами заочную бесѣду, и ужъ никакъ не думаю, что письмо мое будетъ валяться гдѣ-нибудь въ Вашемъ домѣ, напримѣръ, въ передней, подъ ногами горничной и т. п. Кстати о письмахъ. Развѣ я не могу писать Вамъ по почтѣ? Перемолвиться словомъ только при оказіи,—это просто несносно! Нужно Вамъ сказать, что письма, полученныя на мое имя, всѣ безъ исключенія распечатываются мною самимъ; въ случаѣ же моего отъѣзда, хранятся неприкосновенными въ самой конторѣ. Если можно, тогда сообщите подробный адресъ; если нѣтъ, да будетъ такъ, какъ угодно судьбѣ (употребляю это слово не безъ намѣренія)! Я не помню такого тихаго, такого благословеннаго вечера, какимъ обязанъ я Вашимъ милымъ строкамъ (теперь 10 часовъ). Представьте: передо мною лежитъ Ваше письмо, съ правой стороны остываетъ стаканъ чая, въ глубинѣ комнаты полумракъ, и въ этомъ полумракѣ, мнѣ кажется, я узнаю знакомый, улыбающійся образъ... ай! ай! заговорился.

Всею душою преданный Вамъ

И. Никитинъ.

P. S. (Поутру.) Не могу утерпѣть, чтобы не написать еще нѣсколько строкъ. Пожалуйста, отвѣчайте съ почтою. Этотъ городишко, въ которомъ я живу, до того мнѣ скученъ и до того мнѣ надоѣлъ, что я радъ бы изъ него убѣжать на край свѣта. Но ради Бога, пишите безъ пышныхъ фразъ и безъ на-

мековъ. Въ Васъ и во мнѣ достаточно, кажется, ума, чтобы намъ понять другъ-друга, даже если бы намъ вздумалось маскироваться. Помните: вся прелесть въ простотѣ и правдѣ. Будьте здоровы и веселы.

IV.

1861 г. 17-го Февраля.

Наконецъ, что же это такое? Вѣдь это просто нестерпимо!.. Вы за перо, — къ вамъ гости... Честное слово, я произведу скандалъ, — да, скандалъ! тѣмъ болѣе, что въ настоящее время скандалы въ ходу, даже въ литературѣ, представительницѣ, какъ говорятъ, всего благороднаго. Итакъ, когда Вы возьметесь за перо, и когда въ эту минуту явятся къ Вамъ непрошенные гости, — я (замѣчайте, какое у меня горячее воображеніе: мнѣ кажется, что моя особа присутствуетъ теперь въ селѣ В—мъ) — я спокойно затворю дверь Вашей комнаты и крикну во весь голосъ: „не принимаютъ!“ Пусть себѣ сплетничаютъ на мой счетъ, я все-таки останусь въ выигрышѣ, потому что услышу нѣсколько лишнихъ, дорогихъ моему сердцу словъ изъ Вашихъ милыхъ устъ; все прочее имѣетъ для меня цѣну прошлогодняго снѣга. Впрочемъ, и мои письма походятъ на какіе-то безсвязные отрывки, что происходитъ отъ того, что меня ежеминутно, такъ сказать, тормошатъ. Напримѣръ, хоть бы теперь. „Но, согласитесь, однакожь, говоритъ мнѣ мой знакомый, господинъ съ крашеными волосами и поддѣльнымъ зубомъ (послѣднимъ онъ обязанъ г-ну Wahenheym, который называетъ себя célébre dentiste, чему я вѣрю), согласитесь, что если Пушкинъ замѣчателенъ, какъ художникъ, то Гоголь замѣчателенъ еще болѣе, какъ соціалистъ, не правда ли?“ — 1 руб. 50 коп. сер., отвѣчаю я, оборачивая голову направо. Поддѣльный зубъ смотритъ на меня съ удивленіемъ, не понимая, что общаго между 1 руб. 50 коп. и Гого-

лемъ, а мнѣ это очень понятно: я назначаю цѣну китайской туши — вотъ и вся исторія безтолковщины. Въ это же самое время мнѣ суютъ въ руку записку, заключающуюся въ слѣдующемъ: „M—r! Nikitin, (пожалуйста, замѣтьте: послѣ M—r знакъ восклицанія, послѣ Nikitin запятая) donnez moi quelque ouvrage de Paul de Kok; — я не люблю серьезныхъ“... и такъ далѣе... Вотъ тутъ и угоди каждому! Но довольно. Даже я начинаю заражаться смѣсью французскаго съ нижегородскимъ...

У насъ чуть-чуть не весна. Небо такое безоблачное, такое голубое; въ окно заглядываетъ веселое солнце, которому я радъ, какъ муха, всю зиму проспавшая мертвымъ сномъ и теперь начинающая понемногу оживать и расправлять свои помятыя крылья. А когда же придетъ въ самомъ дѣлѣ теплая, зеленая, благоухающая весна, съ ея синими ночами, мерцающими звѣздами и съ соловьиными пѣснями? Ахъ, если бы она поскорѣе пришла! Но вѣдь у Васъ нѣтъ сада, — слышите ли Вы меня? У Васъ сада нѣтъ! Счастливы Д—ie, — и я имъ завидую: у нихъ тѣнистый садъ и прудъ и прочія блага... Ну-съ, хорошо. А если я пріѣду весной въ Вашъ край, — какъ тогда и что тогда? Отъ имѣнія Д—ихъ до Вашего 20 верстъ: такое пространство неудобно обратить въ мѣсто прогулки, на которомъ было бы отрадно встрѣтиться съ знакомымъ (эпитетъ здѣсь я хотѣлъ поставить другой, да ужь такъ и быть, если онъ подвернулся) человѣкомъ; слѣдовательно мнѣ остается пріѣхать къ Вамъ съ утреннимъ визитомъ, пожать Вашу ручку при первой встрѣчѣ, потомъ на прощаньи — и за симъ отправиться въ нашъ богоспасаемый градъ. Помилуйте! Вѣдь это изъ рукъ вонъ! О подобной... гм... гм... какъ бы это поточнѣе выразиться? просто о подобной штукѣ я не хочу и думать, не только говорить.

Въ среду на нашей сценѣ шелъ Гамлетъ. Можете себѣ представить, что изъ него сдѣлали! Ка-

кой-то Горевъ вздумалъ, вѣроятно, удивить воронежскую публику, — и удивилъ! — Впрочемъ, семинаристы, — обыватели поднебеснаго райка, остались довольны, ну, а на всѣхъ угодить трудно, — дѣло понятное! Мой адресъ по почтѣ: Ив. Сав. Н. въ книжный магазинъ, больше ничего. Повторяю: всѣ получаемыя на мое имя письма остаются неприкосновенными, гдѣ бы я ни былъ. Пишите!

Прочитавъ это письмо, я мгновенно подумалъ: какія мы съ Вами дѣти; не такъ ли? Напишемъ другъ-другу по нѣскольку строкъ и воображаемъ, что это для насъ какъ бы праздникъ! — Для меня, дѣйствительно, праздникъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе дни я порядочно поболѣлъ, стало-быть, поскучалъ и прочее... Если Вы пріѣдете въ Воронежъ, не знаю, какъ у меня достанетъ смѣлости Вамъ показаться: сухъ, какъ грибъ, тонокъ, какъ спичка, — короче: гадокъ до послѣдней степени. Впрочемъ, объ этомъ послѣ.

У меня къ Вамъ просьба: ради Христа, избавьте меня отъ громкихъ выраженій въ своихъ письмахъ: они рѣжутъ мой слухъ, какъ рѣжетъ глаза прописная буква, употребляемая Вами при словѣ: Вы. Я пишу прописную потому, что въ лицѣ Вашемъ уважаю женщину, а для меня-то эти прописныя!.. Ахъ, Господи! Что это за Русь! Одолѣли насъ десять тысячъ китайскихъ церемоній!.. До свиданія! Больше писать негдѣ. Не браните же меня за откровенность. Всею душою преданный Вамъ

И. Никитинъ.

P. S. Исторіи Испаніи и Португаліи нѣтъ. Объ Испаніи лучше посылаемой Вамъ книги я не знаю.

V.

1861 г. 25 февраля.

Вѣрно такъ судьбѣ угодно, что письма наши не совсѣмъ чужды обличительнаго характера: то Вы

сдѣлаете мнѣ замѣчаніе, то я съ застѣнчивою робостію предлагаю Вамъ вопросы: Это зачѣмъ? Это для чего? А вѣдь я правъ. Говорю это не подъ вліяніемъ эгоистическаго чувства (по крайней мѣрѣ въ эту минуту), а по безкорыстному и безпристрастному убѣжденію въ дѣйствительности моей правоты. Ну, зачѣмъ, напримѣръ, Вы написали эти строки: „не надоѣли ли уже вамъ мои посланія?“ Какимъ образомъ, при Вашемъ умѣ, сорвались съ Вашихъ устъ такія слова? Болѣе я не скажу ничего, для того, чтобы вопросъ мой заставилъ Васъ нѣсколько подумать... Но какъ Вы умны! Ваше послѣднее письмо просто — прелесть, наслажденіе! Клянусь Богомъ, — говорю правду. Только это наслажденіе раздражаетъ мои нервы—вотъ что дурно: мнѣ мало нѣсколькихъ строкъ, брошенныхъ на бумагу, мнѣ нуженъ бы теперь длинный устный разговоръ. А когда сбудется мое желаніе, Богъ вѣсть!.. Я такъ рѣдко встрѣчаюсь съ Вами, такъ мало говорю, а если говорю, то такими общими мѣстами, благодаря обстановкѣ, окружающей наши встрѣчи, что отъ одного воспоминанія о нихъ на щекахъ моихъ выступаетъ краска стыда, что, надобно замѣтить, случается со мной не очень часто. Пожалуйста, пишите больше, какъ можно больше о чемъ хотите, о чемъ бы то ни было: что Вы ни напишете—все выйдетъ хорошо и все будетъ для меня дорого. Мнѣ иногда по неволѣ приходится писать мало, какъ, напр., теперь, когда я пишу въ магазинѣ. Я положилъ писать въ особой комнатѣ, но отъ этого мнѣ мало легче, потому что меня отрываютъ отъ пера ежеминутно. Звонъ колокольчика окончательно меня бѣситъ; кажется, я сдѣлаюсь больнымъ отъ его неумолкаемыхъ, не дающихъ мнѣ покоя, пронзительныхъ звуковъ... Представьте, у меня теперь двѣсти человѣкъ подписчиковъ на чтеніе. Несмотря на Г-на В—ія С-го, печатавшаго въ „Развлеченіи“, что „магазинъ Никитина-поэта и проч. проч.“, не смотря

на его чахоточное усиліе блеснуть базарнымъ остроуміемъ, съ цѣлію уронить во мнѣніи мѣстной публики мой магазинъ, онъ, какъ видите, на зло его беззубыхъ завистниковъ, цвѣтетъ и крѣпнетъ. Mais voila assez! Перейдемъ къ другому. Вы говорите, что весною мнѣ слѣдуетъ пріѣзжать не къ Д—мъ, а прямо къ Вамъ. Ахъ, какъ бы это было хорошо! До какой усталости бы мы набѣгались съ Вами въ саду! А потомъ музыка, пѣсни... окна раззолочены вечернею зарею! Вы разливаете чай, сидя за столомъ, я хотѣлъ было читать какую-то книгу, но заслушался Васъ, и книга полетѣла въ сторону... Рай, а не жизнь! Только все это, къ сожалѣнію, однѣ розовыя мечты. Вникните въ сущность моихъ словъ, и Вы согласитесь, что я говорю правду. Какъ же я пріѣду къ Вамъ, когда Вы знаете очень хорошо, что мое знакомство avec votre papa ограничивается нѣсколькими мимолетными встрѣчами, что я едва успѣлъ сказать ему пять-шесть словъ, — послѣ этого мой пріѣздъ въ Вашъ домъ будетъ похожъ на неожиданное паденіе снѣга изъ облаковъ. Д—іе дѣло другое: я и былъ у нихъ не одинъ разъ, и покойникъ В. Ив. бывалъ въ моемъ домѣ тоже не одинъ разъ, короче: я съ ихъ домомъ старый, близкій знакомый, чего никакъ не смѣю сказать о Вашемъ домѣ. Вотъ почему меня не тянетъ особенно въ Вашъ край. Я уже говорилъ Вамъ, что мнѣ было бы грустно переступить Вашъ порогъ затѣмъ только, чтобы сказать: „честь имѣю свидѣтельствовать свое всенижайшее почтеніе“, или что-нибудь въ этомъ родѣ и потомъ переброситься нѣсколькими словами мѣстныхъ новостей и отправиться во-свояси. Помочь моему горю я рѣшительно не вижу средствъ. Пріѣхать къ Вамъ у меня не достанетъ смѣлости... ей-ей, неловко! Ну, войдите въ мое положеніе и скажите: правду ли я говорю? Эта мысль: пріѣхать къ Вамъ—преслѣдуетъ меня постоянно и... и... рѣшительно становитъ втупикъ! Какъ бы это при-

мирить мое желаніе погостить подъ Вашею кровлею съ глупыми условіями нашей провинціальной жизни, съ этими требованіями жителей трущобъ и заросшихъ бурьяномъ пустырей? Наказаніе да и только! Придумывайте, какъ лучше сдѣлать: Вы умнѣе меня, что и скажу Вамъ при первомъ же свиданіи и что готовъ подтвердить крестнымъ цѣлованіемъ, такъ какъ на-слово Вы мнѣ не вѣрите. Къ Вамъ, или не къ Вамъ—это шекспировское быть или не быть?.. Есть надъ чѣмъ поломать голову!

Ваше предположеніе на счетъ того, что садъ Д—хъ можетъ доставить мнѣ много пріятныхъ воспоминаній, не совсѣмъ вѣрно, если Вы слову воспоминаніе придаете-какое нибудь особенное значеніе. Дѣйствительно, я былъ всегда ими радушно принимаемъ, жилъ у нихъ какъ родной, кричалъ и спорилъ съ ними по моей привычкѣ безъ всякаго опасенія, чуть не до забытія приличій—и только! За все это я, конечно, имъ очень благодаренъ, но зачѣмъ же на мой счетъ острить?.. Грѣхъ вамъ, Н. А., тѣмъ болѣе, что Вы такъ добры! Впрочемъ, я и не думаю, чтобы намёкъ Вашъ имѣлъ серьезное значеніе—Вы просто шутите. Посылаю Вамъ литературную новость: „Разсказы и Повѣсти“ Бестужева, только что полученные, и двѣ французскихъ книги — L'esclave blanc, прочтите — стòитъ! Пожалуйста, назначайте, чтò Вы желали бы прочитать! На время же распутицы требуйте книгъ поболѣе, чтобы у Васъ было и другое занятіе—кромѣ танцевъ и кромѣ свадебнаго бала. На послѣднемъ желаю Вамъ веселиться, но не думаю, чтобы тамъ въ самомъ дѣлѣ Вамъ было весело. Причина очень простая: Вы переросли цѣлою головою окружающую Васъ толпу знати и незнати... Впрочемъ, да будетъ это сказано между нами, чтобы не раздразнить гусей. До слѣдующаго письма. Всею душою преданный Вамъ

И. Никитинъ.

VI.

1861 г. 10-го Марта.

Если я сказалъ Вамъ, что пріѣздъ мой въ Вашъ домъ нѣсколько меня стѣсняетъ, нѣкоторымъ образомъ ставитъ въ неловкое положеніе, то сказалъ это не потому, чтобы боялся чьихъ-либо пересудовъ, а потому, что мое знакомство съ Вашимъ рара не слишкомъ коротко—вотъ единственная причина моей нерѣшительности въ такомъ дѣлѣ, которое такъ близко моему сердцу. Ваше предположеніе устроить пріѣздъ мой къ Вамъ такимъ образомъ, чтобы я при первой встрѣчѣ съ А. А. попросилъ ее отправить къ Вамъ гонца съ извѣстіемъ, что Н. прибылъ въ благословенный З—скій край, смѣю Васъ увѣрить, неприложимо къ дѣлу: Д—іе и m-me П—ова пришли бы, навѣрно, отъ подобной просьбы съ моей стороны въ величайшее недоумѣніе и, чего добраго, залились бы громкимъ смѣхомъ... Я отъ всего сердца желаю погостить подъ Вашею кровлею, но устроить это надобно какъ-нибудь иначе. Мнѣ кажется, что было бы гораздо удобнѣе извѣстить Васъ о моемъ пріѣздѣ къ Д—мъ, послѣ двухъ-трехъ дней моего у нихъ пребыванія, не такъ ли? Эхъ, да будь, что будетъ! Ужь я постараюсь съ Вами увидѣться, наговориться, и, слѣдовательно, быть нѣкоторое время счастливымъ.

Не знаю, о какомъ моемъ пріятелѣ изъ военныхъ упоминаете Вы въ своемъ письмѣ; А. А. и Н. В., сколько мнѣ помнится, дѣйствительно встрѣчали у меня въ магазинѣ одного изъ близкихъ мнѣ людей, только онъ не принадлежалъ къ военнымъ. Помню также, что, при одной изъ этихъ встрѣчъ, шелъ разговоръ о перепискѣ, но разговоръ этотъ заключается въ слѣдующемъ; Н. В. писала мнѣ о принятіи мною въ услуженіе сынишка ея экономки; я исполнилъ ея просьбу, но на ея письмо за недосугомъ не отвѣчалъ. Поэтому-то и былъ сдѣланъ мнѣ

выговоръ m-me Д—ой, дескать это милостивый государь, неучтиво, и потомъ прибавлено: мы знаемъ, что нѣкоторымъ Вы сочли бы за преступленіе не отвѣчать. Я понялъ намёкъ и отвѣчалъ: да,—не понялъ только одного: какъ m-me Д—ой извѣстно, что я къ Вамъ пишу? Впрочемъ, мнѣ нѣтъ ни охоты, ни надобности добираться до источниковъ, откуда разныя лица черпаютъ для себя разныя свѣдѣнія. Пусть ихъ черпаютъ, если это доставляетъ имъ удовольствіе: о вкусахъ не спорятъ, — это первое. Второе –не могу никакъ догадаться, на какомъ основаніи построено Ваше предположеніе, будто бы я былъ влюбленъ въ m-lle N.., никакъ не могу, но думаю, что на весьма зыбкомъ. Вѣроятно, когда-нибудь, какъ услужливый человѣкъ, я предложилъ ей во время обѣда, или въ ту минуту, когда ей хотѣлось пить, стаканъ воды: изъ этого и вывели заключеніе, что я влюбленъ. Это бываетъ. Объяснимъ примѣромъ. Извѣстное лицо, вслѣдствіе естественной потребности, чихнетъ: кажется тутъ нѣтъ ничего особеннаго: но вдругъ другое лицо замѣчаетъ ему весьма серьезно: позвольте узнать, м. г., на чей это счетъ вы чихнули? Мало ли что бываетъ на свѣтѣ! Далѣе, Вы говорите: „Вспомните, какъ вы ее встрѣчали въ послѣдній ея пріѣздъ въ Воронежъ?“ Очень просто: поклонился, спросилъ о здоровьѣ, о томъ, нѣтъ ли чего новаго въ ихъ краѣ, и такъ далѣе; встрѣтилъ, можно сказать, обыкновеннымъ образомъ до пошлости. Если и въ этомъ найдено что-нибудь особенное, тогда... тогда я не удивлюсь, если услышу трактатъ о способѣ добыванія ароматическаго сока изъ стараго желѣза или приготовленіе камней въ видѣ пирожнаго. Простите, добрая Н. А., что я говорю такую дичь! Вольно же было Вамъ вызвать меня на то, о чемъ не стоитъ думать даже въ самое праздное, самое безполезное время. Тѣмъ болѣе непріятно говорить объ этомъ на бумагѣ, да еще съ Вами, да еще въ то время, когда

секунды нѣтъ свободной, потому что Вашъ знакомый обѣщался притти за письмомъ черезъ два-три часа. Кстати о письмахъ. На будущее время ужь будьте такъ добры, пожалуйста, не повторяйте одно и то же, что написанныя Вашею рукою строки могутъ быть прочитаны кѣмъ бы то ни было. Послѣ этого Вы сами себѣ противорѣчите, считая меня за порядочнаго человѣка. Порядочные люди, мнѣ кажется, не только уважаютъ другихъ, но и себя также, а вѣдь послѣ сдѣланной мерзости уважать себя какъ-то трудно. Что касается Вашего замѣчанія, что я будто бы пишу къ Вамъ bon gré—mal gré, не распространяясь о томъ, что Ваше замѣчаніе рѣшительно не справедливо, я прибавлю, что Васъ одолѣваютъ десять тысячъ китайскихъ церемоній... такъ, такъ, mille fois такъ! Иначе Вы не сказали бы ничего, похожаго на это. Богъ съ Вами! Пожалуй сердитесь, а я все-таки правъ. Визитную карточку я постараюсь Вамъ доставить, но времени для этого опредѣлить не могу.

№ 238 „Сѣверной Пчелы“ за прошлый годъ при семъ Вамъ посылается и отдается въ вѣчное владѣніе. Ваше желаніе мнѣ было весьма легко исполнить, потому что почти всѣ газеты и журналы мною получаются, конечно, исключая „Развлеченія“, о мнимыхъ достоинствахъ котораго я всегда буду радъ поспорить съ Вашимъ дядею. Вѣрно, онъ очень силенъ въ логикѣ, если надѣется доказать, что глухіе отъ рожденія способны имѣть представленіе о звукахъ и, пожалуй, могутъ воспроизводить ихъ и доставлять этимъ удовольствіе другимъ.

Ноты для Вашей сестры—„Я люблю твои глаза“ будутъ высланы. Книги держите — сколько Вамъ угодно времени и не сердитесь, если выборъ мой неудаченъ; — вѣдь уже говорилъ Вамъ это и просилъ Васъ объ этомъ. О, Боже, Боже! опять китайскія церемоніи!.. да оставьте ихъ въ покоѣ разъ навсегда.

Простите меня за безтолковое, отрывочное, безсвязное письмо: ей-ей, спѣшу, какъ угорѣлый. Сегодня у меня по преимуществу много народа, потому что сегодня читается Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Это, разумѣется дастъ поводъ къ толкамъ; ну, и знакомыхъ-то у меня не заниматьстать,—слава Богу, довольно! Въ это мгновеніе, заглянувъ въ Ваше письмо, я прочиталъ слѣдующее: „пожалуйста, не давайте читать моихъ писемъ вашему пріятелю“.—Хорошо!.. Да еще подчеркнуто!!! Ну, ужь развѣ я буду такъ несчастиливъ, что Васъ не увижу,—не то, при первомъ же свиданіи, по выраженію Крылова дамъ волю словъ теченью... Знаете ли что? Теперь за распутицею, я полагаю, посылки отъ Васъ будутъ рѣдки; между тѣмъ я такъ привыкъ къ Вашему слову, чтобы не сказать болѣе... Всею душою преданный Вамъ

И. Никитинъ.

P. S. Я предполагаю ѣхать въ Петербургъ; но если поѣду, то или въ 1-хъ числахъ Апрѣля, чтобы возвратиться къ маю, или осенью. Увы! мнѣ такъ хочется пожить въ деревнѣ, а удастся ли? Пожалѣйте обо мнѣ...

Потрудитесь передать мое глубочайшее почтеніе Вашему папашѣ и Вашимъ сестрамъ. Прочитайте, пожалуйста, Бѣлинскаго. Въ его разборѣ сочиненій Пушкина Вы познакомитесь со взглядомъ на женщину самого Бѣлинскаго и передовыхъ людей его времени.

VII.

1861 г. Марта.

Письмо мое, посланное Вамъ 10-го марта, я считалъ слишкомъ недостаточнымъ, слишкомъ краткимъ, потому что оно было писано въ торопяхъ, въ то время, когда вокругъ меня толкались, разсуждали, спорили и смѣялись разныя лица. Поэтому

я хочу поговорить съ Вами на досугѣ, съ намѣреніемъ извлечь изъ этой бесѣды двоякую для себя выгоду: пріятное и полезное. Перваго я уже достигаю тѣмъ, что веду съ Вами рѣчь, второго, — что разбиваю въ прахъ Ваше предположеніе, будто бы я пишу къ Вамъ всегда bon gré — mal grè, тогда какъ доказательство противнаго у Васъ передъ глазами: эти строки были написаны волею и охотою. Ну-съ, кто изъ насъ правѣе, — я, или Вы?... Извольте, извольте!... я молчу. Скромный вообще, съ недавняго времени и въ особенности теперь, въ дни Великаго поста и молитвы, я скроменъ до того, что изъ устъ моихъ не выходитъ ни одного празднаго слова: вѣроятно, вслѣдствіе моей безпрестанной молитвы: „духъ празднословія не даждь ми"... вѣроятно такъ! Къ несчастію, я перестаю думать и о святой молитвѣ, и о тяжести грѣха, словомъ — забываю о всемъ, когда веду рѣчь съ Вами. Жаль мнѣ Васъ! Вы единственная причина моихъ прегрѣшеній: Вы, слѣдовательно, за все должны отдать отчетъ Богу, чего однако я никакъ не желаю. Я готовъ принять на одного себя всю отвѣтственность за свои и даже за Ваши ошибки, если только Вы можете ошибаться, готовъ перенести великое наказаніе подъ условіемъ видѣть Васъ и говорить съ Вами, когда мнѣ вздумается... Не сдвигайте Вашихъ бровей: все это шутка не болѣе, но шутка для меня горькая, для Васъ безвредная. Не знаю самъ, зачѣмъ я все это говорю. Просто— я радъ свободной минутѣ. Я похожъ теперь на человѣка, который, послѣ долгаго заключенія въ душныхъ и темныхъ стѣнахъ, вышелъ наконецъ на свѣжій воздухъ и спѣшитъ наглядѣться на синее небо, на широкое поле, цвѣты и деревья. Все его существо какъ-будто возродилось, зажило новою жизнью, полною наслажденій и счастья. Онъ даже не думаетъ о томъ, что снова можетъ попасть въ тѣ стѣны, изъ-за которыхъ вышелъ, что счастье его по-

хоже на сонъ, который можетъ быть перерванъ случайнымъ шумомъ или крикомъ... Да и стоитъ ли въ самомъ дѣлѣ объ этомъ думать? Вѣдь если каждую минуту удовольствія встрѣчать вопросомъ — какъ и почему? если подкапываться подъ каждое чувство, допрашиваясь, что оно такое, откуда пришло и куда ведетъ? если все отравлять сомнѣніемъ, тогда жизнь превратится въ пытку. Выносить пытку за святое дѣло, за благородную идею, конечно, должно. Эта пытка заслуживаетъ и похвалы, и подражанія, потому что она — подвигъ: но обреченіе себя на безплодныя, безцѣльныя страданія — чисто безуміе! Вотъ поэтому-то я хочу извлечь изъ настоящаго мгновенія все, что оно можетъ дать мнѣ лучшаго. Простите, что я вдался въ это quasi философское разсужденіе; эта старая истина, можетъ быть, нѣсколько припахиваетъ гнилью (если только истины могутъ чѣмъ-нибудь припахивать), тѣмъ не менѣе она истина. И почему-жь ее не высказать, когда насъ слушаютъ безъ зѣвоты? Что за наказаніе! Я просто сдѣлался старымъ болтуномъ, который, не обращая вниманія на время, мѣсто и на то, хотятъ ли его слушать, въ сотый разъ повторяетъ извѣстную всѣмъ исторію. Несчастная слабость! Я уже писалъ Вамъ, что 10 числа этого мѣсяца у насъ былъ читанъ во всѣхъ церквахъ Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Жаль, что мнѣ не извѣстно, какъ это важное извѣстіе было принято сельскимъ населеніемъ, но городское приняло его довольно равнодушно. Вечеромъ, по распоряженію мѣстнаго начальства, городъ былъ иллюминованъ, но особеннаго движенія не было замѣтно въ освѣщенныхъ улицахъ. Дѣло другое, если бы иллюминація была вызвана самымъ событіемъ, какъ выраженіе общей радости; къ сожалѣнію, это было не такъ. Мнѣ кажется, это произошло оттого, что народъ слишкомъ утомился ожиданіемъ рѣшенія вопроса, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь. Есть и дру-

гія причины; но изложеніе ихъ потребовало бы слишкомъ много времени и мѣста, а потому я считаю его неудобнымъ. Согласитесь,—вѣдь есть чему порадоваться: такія дѣла, какъ уничтоженіе кантонистовъ, устройство желѣзныхъ дорогъ и наконецъ это послѣднее великое дѣло — освобожденіе крестьянъ, могутъ не затронуть только человѣка крайне тупоумнаго или бездушнаго; но все живое, все способное мыслить и чуствовать, пойметъ ихъ значеніе и не можетъ не радоваться. Эти дѣла будутъ лучшею страницею въ исторіи Императора Александра II-го, страницею блистательною. Снимать цѣпи съ милліона подобныхъ себѣ, разумныхъ существъ—такая доля выпадаетъ не многимъ монархамъ. Народъ еще хорошо не понялъ, какъ много для него сдѣлано; когда онъ пойметъ это, Вы увидите, что изъ него выйдетъ, какъ онъ переродится! Его апатія имѣетъ историческій смыслъ; но она уступитъ духу новаго времени, духу просвѣщенія и развитія. Поймите, какое свѣтлое будущее ожидаетъ наше потомство, какая лежитъ передъ нами широкая дорога! У меня дыханіе захватываетъ отъ восторга, когда я объ этомъ думаю!... Теперь носятся слухи о преобразованіяхъ, имѣющихъ быть въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Проектъ преобразованія, говорятъ, уже написанъ и напечатанъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ для лицъ, которыя будутъ засѣдать въ особомъ, нарочно устроенномъ, по этому поводу, комитетѣ. Лишь бы позволили говорить о нашемъ духовенствѣ,—тогда литература сдѣлаетъ свое дѣло — точно также, какъ она сдѣлала его въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ. Можетъ быть, я кстати появлюсь на сценѣ. Надобно Вамъ сказать, что я написалъ довольно большую по объему статью — „Записки Семинариста". Статья эта напечатается въ „Воронежской Бесѣдѣ", издаваемой Глотовымъ, подъ редакціею Де-Пуле. Воображаю, какимъ сюрпризомъ покажется она на-

шему духовенству, въ особенности лицамъ учащимъ! Впрочемъ, я человѣкъ не совсѣмъ робкій, и чѣмъ болѣе будетъ противъ меня криковъ, тѣмъ болѣе я буду радоваться: эти крики послужатъ доказательствомъ, что я прямо попалъ въ цѣль, задѣлъ за больное мѣсто. Если бы Вы знали, какой теплый, какой солнечный день у насъ былъ вчера. Представьте, —я слышалъ утромъ пѣніе жаворонка: 10 марта — это рѣдкость. За то какъ же я былъ радъ его пѣснѣ! Я люблю этого предвѣстника весны едва ли не болѣе, чѣмъ соловья. Вы не удивляйтесь этому: жаворонокъ какъ-то необыкновенно поэтически умѣетъ себя обстановить. Слыхали Вы его пѣсню въ степи, передъ восходомъ солнца, когда края неба горятъ въ полымѣ, по краямъ степи еще прозрачный утренній туманъ, когда Вы видите передъ собою только степь да небо и подлѣ ни одной живой души. Серебряные звуки льются съ синей выси, на встрѣчу медленно восходящаго солнца, и провожаютъ Васъ, куда бы Вы ни ѣхали, съ горы или на гору. О, мнѣ знакома эта пѣсня, и я не могу ее не любить! Простите, что я немножко заговорился. Мнѣ, знаете ли, сдѣлалось отъ чего-то немножко скучно, — вотъ я и повелъ съ Вами рѣчь. Если минута для этой рѣчи выбрана мною не совсѣмъ кстати, — пожалуй, побраните меня — чтожь такое! Я никогда не слыхалъ, какъ говоритъ раздраженная женщина — вѣроятно, очень хорошо. Право, побраните, только ради Бога поскорѣе. Ваша молчаливая досада была бы чистымъ наказаніемъ для меня, всегда готоваго васъ слушать. Всѣмъ сердцемъ преданный Вамъ

И. Никитинъ.

VIII.

Марта 27-го.

Вотъ видите, какъ Вы строги, какъ искусно Вы умѣете ловить меня на словѣ! Я сказалъ, что мнѣ

скучно, что мнѣ не съ кѣмъ обмѣняться словомъ — и написалъ Вамъ нѣсколько строкъ; Вы поймали мое слово и даете ему обратный смыслъ, такъ что я, употребившій его, чуть не попадаю въ родные братья тѣхъ милыхъ людей, на мѣдныхъ лбахъ кокоторыхъ выступаетъ крупными буквами неизгладимая надпись: „дуракъ!“ Кому же охота читать строки, написанныя отъ скуки? Это справедливо. Но позвольте нѣсколько оправдаться. Я думаю, Вамъ извѣстно, что есть скука, происходящая отъ праздности, отъ нечего дѣлать, отъ неспособности что-либо дѣлать, тѣмъ болѣе порядочное, умное, и есть скука другого рода — это тяжелое состояніе души, чувство чего-то непріятнаго, какой-то тупой нравственной боли. Она не похожа на грусть: въ грусти бываетъ подъ часъ много прелести, стало быть, и поэзіи; въ скукѣ, о которой я говорю, нѣтъ ея и тѣни. Итакъ Вы не угадали моей скуки и напрасно упрекнули меня за это слово. Вообще оцѣнка чужой личности, составленіе о ней понятія, что она такое, на основаніи однихъ предположеній, — дѣло довольно трудное и рѣдко можетъ быть удачнымъ, или удачнымъ только случайно. Вы, напримѣръ, можете предположить, что я люблю пѣсню жаворонковъ потому, что привыкъ ихъ слушать вблизи „того сада, который и проч...“ но, позвольте! Вы дѣлаете ошибку на первомъ шагу: я полюбилъ эту пѣсню давнымъ-давно, въ то время, когда бродилъ въ степи или въ поляхъ съ ружьемъ, не ради охоты, а ради того, чтобы надышаться чистымъ воздухомъ, послѣ долгаго заключенія въ четырехъ стѣнахъ, чтобы налюбоваться зеленью травъ, румянцемъ утренней и вечерней зари и яркимъ блескомъ солнечныхъ лучей, разсыпанныхъ по гладкой поверхности озеръ и заливовъ... Садовъ тамъ никакихъ не было; но случалось мнѣ заходить подъ тѣнь лѣса, съ говоромъ котораго я такъ сроднился съ младенчества, что слышу въ немъ что-то род-

ное, понятное моему сердцу, будто ласкающую рѣчь милаго друга... Изъ Вашихъ словъ видно, что Вы любите природу, стало быть, Вы меня поймете и не скажете, что я мечтаю отъ бездѣлья. Мнѣ, выросшему въ удушливомъ воздухѣ, нельзя было ее не полюбить: она была моею нравственною опорою, поддержкою моихъ силъ, свѣтлою стороною моей жизни, она замѣняла мнѣ живыхъ людей, которыхъ вокругъ меня было такъ мало, или лучше сказать — вовсе не было. Она никогда мнѣ не измѣняла, всегда оставалась одинаковою ея божественная, вѣчная красота... Въ одномъ изъ своихъ писемъ Вы сказали, между прочимъ, что Вамъ нѣтъ никакого дѣла до сплетенъ, что Вы стоите выше этихъ пустяковъ, а теперь говорите, что эти сплетни уложили Васъ въ постель. А отчего-жь Вы не отвѣчали на нихъ презрѣніемъ? И что Вамъ за охота употреблять слово разочарованность, это старое, избитое, истасканное до смѣшного слово? Люди — всюду люди: есть въ нихъ много хорошаго, много есть и подленькаго, низкаго, грязнаго. Вините въ послѣднемъ ихъ воспитаніе, окружающую ихъ среду и проч., и проч., — только менѣе всего вините ихъ самихъ. Они нерѣдко болѣе жалки, чѣмъ злы, потому что дѣйствуютъ безъ сознанія, потому что рубятъ съ плеча, не задумываясь, куда или на кого падутъ эти удары и что изъ этого выйдетъ... Пусть потеряли бы Вы терпѣніе, поддались сильному гнѣву, — все это было-бы ничего, но заболѣвать отъ сплетни, не только безсознательной, даже намѣренной, — просто не стоило. Ваше равнодушіе убило бы наповалъ эту отвратительную гадину; оно было бы для нея сильнымъ, мучительнымъ наказаніемъ, потому что злая сплетня именно на то и разсчитываетъ, что ее примутъ къ сердцу. Будто Вы не знаете, что въ глухой сторонѣ сплетня раждается также легко, какъ насѣкомыя въ грязной избѣ, что сплетня для нѣкоторыхъ нужнѣе насущнаго хлѣ-

ба, слаще млека и меда? Ну, помилуйте, ради Бога, стоило ли Вамъ заболѣвать изъ-за этой дряни? А все таки мнѣ за Васъ грустно. Что сказать Вамъ о нашихъ новостяхъ? Нѣтъ, о нихъ лучше послѣ, потому что есть кое что болѣе дорогое, болѣе близкое моему сердцу. Вы упрекаете меня въ привязанности къ китайскимъ церемоніямъ, вздержанности выраженій, въ какой-то вѣчной arrière pensée, между тѣмъ сами постоянно употребляете слова въ родѣ слѣдующихъ: извините, мое письмо, быть можетъ, вамъ... и такъ далѣе. Ваши варіаціи на эти слова безконечны. Грѣхъ вамъ! Оставьте все это и говорите со мною просто. Ваши слова безъ украшеній, безъ яркаго наряда будутъ для меня понятны и — главное — всегда будутъ мнѣ дороги. Яркая пестрота почти всегда удивляетъ, не рѣдко отталкиваетъ. Для того, чтобы крѣпко, горячо пожать Вашу милую руку, какъ руку друга, на нее не нужно надѣвать душистую модную перчатку съ изысканнымъ махорчикомъ и съ блестящею застежкою, — увѣряю Васъ, что это такъ. Игра словъ, разныя извиненія и оговорки — это своего рода pas des deux, фигура, можетъ быть, умѣстная на сценѣ, но не примѣнимая въ обыкновенной, обыденной жизни. Представьте, что я вхожу въ Вашъ домъ и вмѣсто того, чтобы подойти къ Вамъ прямо и сказать: „добрый день, или добрый вечеръ“ — дѣлаю шагъ налѣво, шагъ направо, шагъ впередъ, шагъ назадъ, — вѣдь Вы захохотали бы непремѣнно... То-то и есть!.. авось на будущее время Вы оставите ваши оговорки, отъ которыхъ мнѣ становится грустно и больно. Кому же пріятно недовѣріе? Какъ бы было хорошо, если бы Вы пріѣхали въ Воронежъ! Какъ я былъ бы этому радъ! Конечно, разныя разности помѣшали бы поговорить намъ на свободѣ, но лучше что-нибудь, чѣмъ ничего. А знаете ли? У насъ устраивается въ пользу „Общества распространенія грамотности“ литературно

музыкальный вечеръ. Если онъ состоится, то будетъ сдѣланъ въ залѣ дворянскаго собранія на шестой недѣлѣ Великаго поста, такъ, по крайней мѣрѣ, предполагается. Я приглашенъ читать, но буду ли участвовать въ чтеніи, не знаю. „Общество распространенія грамотности“ имѣетъ цѣлію устройство публичныхъ библіотекъ, образованіе низшаго класса народа, проведеніе въ массу дешевыхъ изданій книгъ и тому подобное. Цѣль, какъ видите, благая. Проектъ подобнаго общества Костромичи уже представили на утвержденіе правительства. Я знаю это потому, что переписываюсь съ его учредителями. Распространеніе грамотности можетъ принести огромную пользу; разумѣется, все это впереди: мы не доживемъ до счастливыхъ результатовъ народнаго образованія, но хорошо уже и то, что увидимъ начало благого дѣла. Васъ удивляетъ теперь неразвитость сельскаго населенія; Вы даже находите ее болѣе между государственными крестьянами, нежели между бывшими крѣпостными, и потому заключаете, что уничтоженіе крѣпостного права не принесетъ такихъ плодовъ, на которые надѣются передовые люди нашего времени и вообще всѣ тѣ, кому дорога наша родная сторона. Ясно, что Вы не давали себѣ труда поглубже вникнуть въ причины, которыя стали непроходимою стѣною на нашемъ пути. Изъ Вашихъ словъ выходитъ, что народъ нашъ не способенъ къ развитію. Нѣтъ, Вы подумайте сперва о томъ, что надъ нимъ тяготѣло, о томъ, какое его окружаетъ чиновничество, каковы его наставники — какъ бьется онъ изъ-за насущнаго куска, таская во всю жизнь на плечахъ своихъ зипунъ, а на ногахъ лапти... впрочемъ, объ этомъ не удобно говорить на бумагѣ, я утомилъ бы васъ разными печальными подробностями. Поднимемте этотъ вопросъ тогда, когда мнѣ удастся побывать въ Вашемъ краѣ, я постараюсь доказать Вамъ справедливость моихъ словъ.

Ваше письмо я получилъ 26-го вечеромъ, т. е. на седьмой день послѣ его отправленія изъ З.! О, благодатныя сообщенія! Кажется, и не далеко живемъ другъ отъ друга, а выходитъ такъ, что между нами ложится пространство въ тысячу верстъ... Кстати о письмахъ: если, дѣйствительно, Васъ сколько-нибудь затрудняетъ русская рѣчь, благодаря полученному Вами воспитанію, пишите по французски. Ухо мое не привыкло къ этому языку, и я не могу на немъ говорить, потому что узналъ его слишкомъ поздно и изучилъ самоучкою; но тѣмъ не менѣе я его знаю на столько, что письмо Ваше пойму отъ перваго до послѣдняго слова. Только, пожалуйста, не повторяйте такихъ или подобныхъ фразъ: il faut enfin cesser les jéremiades, или galimatias, или — ну. Вы сами знаете, что далѣе... я не буду напоминать Вамъ того, чѣмъ высказывалось и высказывается Ваше недовѣріе къ людямъ, преданнымъ... Вотъ же Вамъ! Charge en revanche... Посмотримъ, долго ли еще будете Вы мучить меня Вашими церемоніями. Ухъ, что это за слово! походитъ на скрипъ ножа по каменной тарелкѣ, что, какъ извѣстно, нравится канарейкамъ, и отъ чего затыкаютъ уши люди, не привыкшіе къ подобнымъ раздирательнымъ звукамъ. Вы говорите, что у Васъ прекрасная погода, что Вы часто гуляете и слышите пѣсню жаворонка. Радуюсь за Васъ. Вспоминайте иногда о тѣхъ людяхъ, которые, живя въ грязномъ городѣ, думаютъ о деревнѣ, скучаютъ по ней и ждутъ минуты подышать ея воздухомъ, полюбоваться на ея поля и... c'est assez! Всею душою преданный Вамъ.

И. Никитинъ.

IX.

1861 г. Апрѣля 19-го.

Вы уѣхали, — и въ жизни моей остался пробѣлъ; меня окружила пустота, которую я не знаю чѣмъ наполнить. Мнѣ кажется, я еще слышу Вашъ

голосъ, вижу Вашу кроткую, привѣтливую улыбку, но, право, мнѣ отъ этого не легче: все это тѣнь Ваша, а не Вы сами. Какъ до сихъ поръ живы въ моей памяти — ясный солнечный день и эта длинная, покрытая пылью улица, и эта несносная, одѣтая въ темномалиновый бурнусъ дама, такъ некстати попавшаяся намъ на встрѣчу, и эти ворота, подлѣ которыхъ я стоялъ съ поникшей головой, чуждый всему, что вокругъ меня происходило, — видя только одну Васъ и больше никого и ничего! Какъ не хотѣлось, какъ тяжело было мнѣ идти назадъ, чтобы приняться за свою хлопотливую, безтолковую работу, обратившись въ живую машину, безъ ума и безъ сердца! Какъ живо все это я помню!

На лицо твое солнечный свѣтъ упадалъ,
Ты со взоромъ поникшимъ стояла;
Крѣпко руку твою на прощаньи я жалъ,
На устахъ моихъ рѣчь замирала.

Я не могъ отъ тебя своихъ глазъ отвести.
Одна мысль, что намъ нужно разстаться,
Поглощала меня. Повторялъ я: „Прости!“
И не могъ отъ тебя оторваться.

Понимала ли ты мое горе тогда?
Или только, какъ ангелъ прекрасна, —
Покидала меня безъ нужды и труда,
Будто камень холодный, безстрастна?..

Вотъ затихъ стукъ колесъ средь безлюдныхъ равнинъ,
Улеглась за нимъ пыль за тобою;
И, какъ прежде, я снова остался одинъ
Съ безпощадной, безсонной тоскою.

Догорѣла свѣча. Бродитъ сумракъ въ углахъ,
Полъ сіяетъ отъ луннаго свѣта;
Безконечная ночь! Въ этихъ душныхъ стѣнахъ
Зарыдай, — не услышишь отвѣта...

Видите ли: я наконецъ ударился въ стихи. Плохой признакъ!.. И стихи-то плохіе, да чтожь такое? Будемъ живы, напишемъ и лучше. Можетъ быть, мнѣ и не слѣдовало бы говорить такимъ языкомъ, но чтожь дѣлать? Эти стихи вырвались невольно.

Простите моему увлеченію. Здѣсь нѣтъ, по крайней мѣрѣ, притворства. И виноватъ ли я, что мое воображеніе не даетъ мнѣ покоя? Позднею ночью, когда я лежалъ съ книгою въ рукахъ, мнѣ все еще вспоминался ясный солнечный день. Между строками этой книги я читалъ другія строки, и онѣ-то были для меня полны смысла, — увы! грустнаго смысла! Я содрогаюсь, когда оглядываюсь на пройденный мною, безотрадный, длинный-длинный путь. Сколько на немъ я положилъ силы! А для чего? Къ чему вела эта борьба? Что я выигралъ въ продолженіе многихъ годовъ, убивъ свое лучшее время, свою золотую молодость? Что я выигралъ? Вѣдь я не сложилъ, не могъ сложить ни одной беззаботной, веселой пѣсни во всю мою жизнь! Неужели въ душѣ моей не нашлось бы живо трепещущихъ струнъ? Неужели на лицѣ моемъ только забота должна проводить морщины? Неужели оно должно окаменѣть съ своимъ холоднымъ, суровымъ выраженіемъ и остаться навсегда чуждымъ улыбкѣ счастья? Кажется, это такъ и будетъ! Съ разбитою грудью какъ-то неловко, неблагоразумно мечтать о красныхъ дняхъ. А какъ будто, на зло всему, съ мечтами трудно разстаться. Такъ колодникъ до послѣдней минуты казни не покидаетъ надежды на свободу; такъ умирающій въ чахоткѣ вѣритъ въ свое выздоровленіе. Тотъ и другой ждутъ чуда: но чудеса въ наше время невозможны. Жизнь не измѣняетъ своего естественнаго хода, и если кому случится попасть подъ ея тяжелый жорновъ, она спокойна закончитъ свое дѣло, обративъ въ порошокъ плоть и кости своей жертвы. Теперь вопросъ: зачѣмъ я написалъ Вамъ эти строки? Мало ли кому грустно, да Вамъ что за дѣло до всѣхъ скорбящихъ и чающихъ движенія воды? Но будьте немножко внимательны: у меня нѣтъ любимой сестры, на колѣни которой я могъ бы склонить свою голову, милыя руки которой я могъ бы по-

крыть, въ тяжелую для меня минуту, поцѣлуями и облить слезами. Чтожь, представьте себѣ, что Вы моя нѣжная, моя дорогая сестра, и Вы меня поймете. Не то назовите все это пустяками, увлеченіемъ впечатлительной, но не совсѣмъ разумной натуры и тому подобное... Cela dépendra de vous. Je ferai tout ce que vous m'ordonnerez, такъ сказано, не помню, въ какомъ-то романѣ. Не правда ли, вѣдь я не послѣдній мастеръ заканчивать печальный разсказъ нелѣпою шуткой? Что за глупое настроеніе души? Вѣроятно, это зависитъ отъ скверной погоды, отъ холоднаго, сѣраго дня и великопостнаго выраженія окружающихъ меня лицъ?.. Мнѣ хотѣлось бы долго-долго съ Вами говорить; но... вотъ бѣда: я боюсь навести на Васъ скуку и тоску. Мнѣ кажется, что, пробѣгая эти строки, Вы теряете терпѣніе и притопываете вашей прекрасной ножкой, восклицая: „несносный человѣкъ!“ Вотъ ужь, и несносный... А я думаю, Вы не выходите изъ терпѣнія, когда несетесь въ галопѣ съ какимъ-нибудь раздушеннымъ господиномъ, разсыпающимъ предъ вами яркіе цвѣты восточнаго краснорѣчія. Вотъ Вы устали и сѣли отдыхать. Дыханіе Ваше горячо; щеки покрыты румянцемъ; неровно поднимается грудь, — а этотъ господинъ стоитъ за Вашимъ стуломъ, и, картинно изгибая свою спину, снова сыплетъ передъ Вами цвѣты восточнаго краснорѣчія и дышитъ на Ваше полуоткрытое плечо. Позвольте же Вамъ сказать, только не вслухъ, а на ушко: „теперь уже не Вы, а я теряю терпѣніе“; я постараюсь найти случай пробить насквозь мѣдный лобъ этого полотера неотразимой эпиграммой... Ухъ, какимъ холодомъ пахнуло отъ вашего лица! Понимаю, понимаю...

Я Васъ не смѣю раздражать
И повинуюсь молчаливо,
И хоть совсѣмъ не радъ молчать,
Молчать я буду терпѣливо.

„Но, ради самого Христа,
Къ чему вся эта пестрота,
Вся эта смѣсь стиховъ и прозы,
Все это шутки, или слезы?“

Меня Вы спросите. — „Увы!
Отчасти плодъ тяжелой скуки,
Отчасти плодъ душевной муки
И нездоровой головы“.

Притомъ, скажу чистосердечно,
На Васъ мнѣ трудно угодить;
Едва шутить начну безпечно, —
Сейчасъ упрекъ: „зачѣмъ шутить!“

Не веселъ я, — опять укоры,
Опять нахмуренные взоры;
Но какъ же быть мнѣ, мой Творецъ!..
Assez! Довольно, наконецъ.

За то, что вралъ на пропалую,
За то, что мучилъ этимъ Васъ,
Склонивъ колѣни, въ этотъ часъ
Прахъ вашей ножки я цѣлую.

А ручку можно-ли пожать?
Нельзя? Такъ что и толковать?
Къ чему излишняя награда?
Такая милая отрада

Меня съ ума бъ теперь свела,
А Вы... Вы не творите зла.
Мнѣ остается передъ Вами,
Принявъ видъ скромности святой,

Стоять съ поникшей головой
И съ потупленными глазами,
Или забыть весь свѣтъ, — и вдругъ
Воскликнуть . . . . . .

Угадайте, что я хотѣлъ сказать? Держу пари, что не угадаете. Ну-съ, а я не докончу стиха ни за что на свѣтѣ, изъ опасенія навлечь на себя Ваше нерасположеніе, что было бы для меня очень грустно.

Я думаю, по случаю наступающаго праздника, Вы находитесь теперь въ страшныхъ хлопотахъ: отдаете разныя приказанія вашей прислугѣ, торопливо переходите изъ комнаты въ комнату, гремя связками ключей, какъ хозяйка, серьёзно озабоченная своимъ дѣломъ, и такъ далѣе. То ли дѣло вотъ я: по мнѣ

хоть травушка не рости: какъ себѣ знаютъ, такъ тамъ и дѣлаютъ; я рѣшительно ни въ чемъ не принимаю участія, только время отъ времени раскрываю бумажникъ при докладахъ; вотъ то-то нужно купить, да вотъ этого недостаетъ.

Сейчасъ получилъ отъ Гагена свой портретъ и укупорилъ его съ тѣмъ, чтобы отправить къ Вамъ. Портретъ вышелъ очень удаченъ: мое обыкновенное выраженіе лица схвачено совершенно (первый портретъ не удался и брошенъ); какъ видите личность печальная и весьма некрасивая. Положите ее куда-нибудь подалѣе въ уголокъ, чтобы она не всѣмъ бросалась въ глаза и не наводила на добрыхъ людей тоски задумчивымъ выраженіемъ своихъ глазъ. Но съ Вашей стороны эта грустная личность, правс, заслуживаетъ нѣкоторой симпатіи. На этой бумагѣ, въ этихъ неподвижныхъ чертахъ, мнѣ кажется должно быть что-нибудь живое, быть можетъ, лучшая часть моей души, по весьма простой причинѣ: въ то время, когда снимали съ меня портретъ, я думалъ о Васъ; поймите, что я хочу сказать, и повѣрьте моему слову, только объ однихъ Васъ. Мнѣ будетъ очень больно, если, по прошествіи нѣкотораго времени, онъ будетъ Вами заброшенъ и окончательно забытъ, какъ забываются всѣ старыя, безполезныя вещи. Неужели это можетъ случиться такъ скоро?.. Почему же и не такъ! отвѣчаетъ мнѣ какой-то насмѣшливый голосъ. Но когда же Вашъ-то портретъ я буду имѣть счастіе получить? Когда же? Онъ хранился бы всегда около моего изголовья. Первая моя мысль, при наступленіи дня, была бы о немъ. Онъ глядѣлъ бы на меня во время поздней ночи, когда въ домѣ замираетъ малѣйшій шорохъ, и я остаюсь совершенно одинъ съ моею неразлучной книгой. Доставите ли Вы мнѣ это наслажденіе? Если нѣтъ — Богъ съ Вами. Замѣтьте: это письмо писано до полученія Вашего; я не могъ утерпѣть, чтобы не взяться за перо, и теперь снова берусь за него еще съ большимъ удовольствіемъ,

когда прочиталъ написанныя Вами ко мнѣ строки. А то, которое Вы писали въ З., гдѣ оно, это бѣдное, милое письмо? Не дѣлайте этого въ другой разъ и пожалуйста, не подозрѣвайте меня въ томъ, на что я вовсе не способенъ. Если когда-нибудь и почему бы то ни было взглядъ Вашъ на меня совершенно измѣнится; если наконецъ Вы захотите это сдѣлать для другой, извѣстной вамъ цѣли, — скажите мнѣ слово, сдѣлайте одинъ намёкъ, и всякій клочокъ, къ которому прикоснулось Ваше перо, будетъ Вамъ возвращенъ немедленно и въ цѣлости. Довольны ли Вы? Болѣе этого, можетъ быть, грубѣе этого я ничего не могъ сказать. Но развѣ въ лицо друзей бросаютъ такія горькія обвиненія?.. Миръ, миръ! Да мимо идетъ отъ Вашего милаго лица всякое облачко досады. Если бы, провожая Васъ отъ Гагена, я зналъ, что Вы еще не такъ скоро оставите нашъ городъ, я зашелъ бы непремѣнно къ Вамъ на квартиру; но я боялся помѣшать Вашему отъѣзду, не смѣлъ Васъ удержать и, какъ ни было мнѣ грустно,—поплелся домой.

Что-то теперь, именно въ эту секунду, когда я спрашиваю Васъ, Вы подѣлываете? Теперь 11 часовъ утра. Навѣрное Вы уже отслушали литургію. Позвольте же поздравить Васъ съ принятіемъ Св. Таинъ. Будьте здоровы и счастливы на всю Вашу жизнь. Это мое задушевное, самое пламенное желаніе. Что до меня,—я предчувствую, что праздникъ будетъ проведенъ мною не весело. Я просижу дома въ четырехъ стѣнахъ. Куда мнѣ итти? Знакомыхъ у меня, пожалуй чуть не половина города, да что мнѣ за дѣло до нихъ и что имъ за дѣло до меня! Сходиться съ кѣмъ-нибудь для того только, чтобы поболтать, чтобы провести какъ-нибудь время,—къ этому я не привыкъ. Зачѣмъ я не имѣю Вашего портрета? Тогда, на первый день Пасхи, послѣ заутрени, я положилъ бы его передъ собою и долго съ любовью... какъ видите, голова моя немножко разстроена. Простите

меня за это длинное, безтолковое, написанное въ разное время письмо. Мнѣ не хочется отъ него оторваться; но нужно же когда-нибудь кончать и уже пора. Нѣтъ, еще два слова. Если я буду у Васъ, Вы не обращайте вниманія... Позвольте, совсѣмъ не то... Я знаю только одно, что Вы окружены такою атмосферой, которая вѣетъ жизнью и счастіемъ на всякаго къ ней приближающагося. Я говорю это потому, что испыталъ на самомъ себѣ... За послѣднее Ваше письмо я благодаренъ Вамъ до слезъ. Какая у Васъ должна быть прекрасная душа! Какимъ тепломъ вѣетъ отъ Вашихъ словъ, идущихъ прямо къ сердцу! Ей-ей, у меня теперь страшный хаосъ въ головѣ, иначе я написалъ бы еще много, много... Впрочемъ, что жь такое? Вѣдь мы увидимся, не такъ ли? Да хранитъ Васъ Богъ! Всею душою преданный Вамъ

И. Никитинъ.

P. S. Я еще успѣю получить Вашъ отвѣтъ до 5-го мая, только не замедлите отвѣчать.

X.

1861 г. Мая 5-го.

Ваше письмо я получилъ 1-го Мая, у Васъ надѣялся быть 7-го или 8-го, потому что 5-го непремѣнно хотѣлъ выѣхать изъ Воронежа. Моей злой судьбѣ было угодно распорядиться иначе: встрѣчая первый день Мая за городомъ, въ саду, въ одномъ знакомомъ мнѣ семействѣ, я пилъ на открытомъ воздухѣ чай, бродилъ по саду до поздняго вечера и получилъ воспаленіе дыхательныхъ органовъ. Теперь сижу на діэтѣ и микстурѣ. Докторъ на шагъ не выпускаетъ меня изъ комнаты. Вы не можете себѣ представить, какая напала на меня невыносимая тоска! Господи! нужно же мнѣ было заболѣть въ такое время, какъ я представлялъ себѣ впереди столько задушевной радости, столько отрадныхъ, дорогихъ сердцу дней!.. Какъ бы то ни было, я прі-

ѣду къ Вамъ при первой возможности, хотя полубольной, все-таки пріѣду. Вы покамѣстъ не пишите мнѣ ничего; если же получите отъ меня второе письмо, — тогда дѣло другое, тогда мнѣ нужно будетъ Ваше теплое слово.

За Ваше послѣднее письмо я не благодарю Васъ потому, что какъ бы горячо я ни высказалъ Вамъ эту благодарность, — она все равно окажется недостаточною на бумагѣ; нѣтъ, ужь лучше я ее выскажу Вамъ лично. Неужели я Васъ не увижу?.. Быть не можетъ! Судя потому, что я имѣю и что хочу Вамъ сказать, мнѣ кажется, что это письмо я могъ бы распространить на десять листовъ, но отлагаю этотъ разговоръ до нашей встрѣчи. Мнѣ будетъ дышаться легче въ Вашемъ присутствіи, подъ обаяніемъ Вашего свѣтлаго взгляда; а теперь и рука дрожитъ отъ слабости и грудь дышитъ не ровно. Не браните меня: мнѣ и безъ того теперь не весело.

Сію минуту получилъ письмо отъ Д — хъ. Они приглашаютъ меня къ себѣ, за что разумѣется, я имъ очень благодаренъ. Что касается моихъ словъ m-me Д—ой, будто бы я обѣщалъ пріѣхать въ ихъ края — я ихъ что-то не помню, едва ли это было мною когда-нибудь сказано. Повторяю еще разъ: я пріѣду къ Вамъ при первой возможности и, какъ знать, быть можетъ, успѣю опередить это письмо. Будьте здоровы и веселы. Клянусь Вамъ Богомъ, — я насильно отрываю перо отъ этого письма. Всѣмъ сердцемъ преданный Вамъ

И Никитинъ.

XI *).

26-го Мая 1861 года.

Благодарю Васъ отъ всей души за Ваше письмо. Я молчалъ долго потому, что не могъ все это время поднять отъ подушки голову. Теперь мнѣ нѣсколько

*) Это и слѣдующія письма писаны дрожащею рукою.

легче, по крайней мѣрѣ, я кое-какъ усѣлся въ постели и царапаю эти строки. Боже мой! какъ мнѣ тяжело болѣть въ такое благодатное время, когда все цвѣтетъ и поетъ! Видно, такъ нужно;—могъ-ли я предвидѣть, что 1-е Мая принесетъ мнѣ столько несчастія? Трое лѣчившихъ меня докторовъ (теперь ѣздитъ ко мнѣ уже одинъ) положили, чтобы я, какъ скоро поднимусь на ноги, все лѣто провелъ бы въ деревнѣ,—это, дескать, лучшее для Васъ лѣкарство. Такъ-то такъ, но скоро ли я встану? А тутъ, какъ на горе, отвратительная, сырая, холодная погода, такъ что я топлю комнату и лишенъ возможности проѣхаться по улицѣ въ экипажѣ, чтобы вздохнуть на четверть часа чистымъ воздухомъ. Когда Богъ приведетъ мнѣ быть въ деревнѣ, не знаю. Вы, ради Бога, оставьте Вашу мысль о посѣщеніи Воронежа (кромѣ многихъ другихъ причинъ) уже по тому одному, что мнѣ запрещено строжайше всякое душевное волненіе. Нервы у меня до того раздражены, что я вздрагиваю отъ неосторожнаго скрипа дверей, или отъ нечаяннаго приближенія кого-либо изъ домашнихъ къ моей постели. Всякое сильное сердечное ощущеніе для меня можетъ имѣть дурныя послѣдствія. Богъ милостивъ, у насъ еще есть впереди время. Я не могу выразить, какъ я благодаренъ моимъ друзьямъ и знакомымъ за то участіе, которое они во мнѣ принимаютъ. А что до Васъ... неужели Вы думаете, что я Васъ не понимаю, что я не вижу въ Васъ женщины, способной возвышаться до подвига. Я бы сказалъ Вамъ многое, но и рука ослабѣла, и голова моя будто сжата въ тискахъ. Простите, если здѣсь что-нибудь сказано не такъ. Когда просвѣтлѣютъ мои мысли, я напишу къ Вамъ длинное-длинное письмо, всего же лучше, если бы мнѣ удалось поскорѣе увидѣть Васъ въ вашей деревнѣ. О днѣ моего къ Вамъ пріѣзда я извѣщу Васъ особымъ письмомъ. Это, конечно, можетъ быть только по моемъ выздоровленіи.

Читать я понемногу могу, само собою въ постели, помѣстивъ книгу передъ глазами. Настроеніе моего духа до того не естественно, что на меня всякая книга наводитъ невыносимую тоску. Еще разъ примите отъ меня мою задушевную благодарность за Вашу обо мнѣ память. Всѣмъ сердцемъ преданный Вамъ

И. Никитинъ.

XII.

4-го Іюня.

Отъ всей души благодарю Васъ за все Ваше участіе. Мнѣ теперь, слава Богу нѣсколько лучше. Не писалъ я Вамъ потому, что позабылъ, гдѣ Вы квартируете, хотя Вашъ кучеръ и сказалъ мнѣ фамилію хозяина дома. Но голова моя еще очень слаба, я все забылъ. Еще разъ и глубоко благодарю Васъ и буду тогда только счастливъ, когда буду имѣть возможность видѣть Васъ, быть можетъ, скоро; дай-то Господи! Въ пятницу я напишу къ Вамъ.

И. Никитинъ.

XIII.

Іюня 23-го.

Давно я къ Вамъ не писалъ. Но, Боже мой! Что мнѣ было писать? Вотъ уже восьмая недѣля, какъ я лежу на одномъ боку, и если выѣзжаю на полчаса, то эта прогулка удается рѣдко: для нея, во-первыхъ, я долженъ чувствовать себя нѣсколько лучше; во вторыхъ, день долженъ быть жаркій, ясный и совершенно безвѣтреный. Все это трудно согласить и потому я лежу, и лежу убитый, кромѣ болѣзни, невыносимою тоскою. Впрочемъ, теперь мнѣ немного легче, потому что дыханіе становится свободнѣе. Я не стану благодарить Васъ за Ваше приглашеніе: Вы, конечно, понимаете, что я цѣню вполнѣ всю прелесть деревенской жизни съ ея удобствами, всю ея пользу для больного; но при-

глашеніемъ Вашимъ къ несчастію, я не могу воспользоваться. Для этого мнѣ нужно окрѣпнуть и потверже встать на ноги. Согласитесь, что я правъ: на это есть много причинъ и въ числѣ главныхъ отсутствіе доктора, совѣты котораго мнѣ покамѣстъ необходимы. Итакъ мысль о деревенской жизни волею-неволею я принужденъ оставить до болѣе благопріятнаго времени, а когда оно настанетъ, — извѣстно Богу. Но довольно о моей болѣзни, право, тошно... О новостяхъ нашихъ я не могу вамъ ничего сообщить, потому, что если онѣ до меня и доходятъ, то я пропускаю ихъ мимо ушей. Какъ-то не до нихъ, тѣмъ болѣе, что замѣчательнаго не слышно ничего. „Воронежская Бесѣда" напечатана, но еще не получена изъ Петербурга, что очень мнѣ досадно. Мнѣ хочется, чтобы она была поскорѣе въ Вашихъ рукахъ для того, чтобы, между прочимъ, Вы прочитали помѣщенныя мною въ ней разныя разности и сказали о нихъ свое мнѣніе. Журналы идутъ такъ слабо, что нечѣмъ отвести душу. Между тѣмъ чтеніе въ моемъ положеніи остается единственною отрадою. Всѣмъ сердцемъ преданный вамъ

И. Никитинъ.

XIV.

7-го Іюля.

Не судите меня строго за безпорядочность моихъ отвѣтовъ. Лежа третій мѣсяцъ въ четырехъ стѣнахъ, безъ надежды на лучшее, не имѣя силъ даже ходить по комнатѣ, потому что захватываетъ дыханіе,—трудно сохранить душевное спокойствіе. Говорить мнѣ тяжело, писать тѣмъ болѣе. Иногда приходятъ минуты такой тоски, что Божій свѣтъ становится не милымъ. Доктора рѣшили, что у меня ревматизмъ, который можетъ протянуться на долгое время. Я покорился, молчу и принимаю лѣкарства,— но, увы! они не помогаютъ. Впрочемъ, я не теряю надежды; со мною бывало и хуже.

Отъ всей души желаю Вамъ здоровья и счастья. Писать болѣе, право, нѣтъ мочи, довольно и того, что я сказалъ Вамъ: что мнѣ хотя и плохо, но все еще живется. Всѣмъ сердцемъ преданный Вамъ

И. Никитинъ.

Къ П. М. Вицинскому *).

Милостивый Государь
Павелъ Михайловичъ.

Грѣшно Вамъ думать, что я забылъ Васъ почему бы то ни было. Мое молчаніе происходило отъ весьма простой причины: я затруднялся адресовать свое письмо, не зная мѣста Вашего жительства въ Костромѣ; мнѣ казалось, что письмо безъ полнаго и точнаго адреса затеряется на почтѣ, если я ошибался, пожалуйста мнѣ извините! Повторяю: я Васъ не забылъ потому, что не въ моемъ характерѣ забывать близкихъ мнѣ людей. А Ваши заботы о моемъ здоровьѣ? я тоже ихъ помню и заочно крѣпко пожимаю Вамъ руку.

Увы! Павелъ Михайловичъ! я не имѣю ничего, или почти ничего сообщить Вамъ новаго о нашемъ городѣ.

Знакомое Вамъ зданіе Пал. Госуд. Им. по прежнему сохраняетъ свой грязный видъ; по прежнему извѣстная Вамъ личность, курносый Василій Ѳедотычъ, занимаетъ ея нижній этажъ и попиваетъ на доброе здоровье зелено́ винцо на счетъ почтеннѣйшей публики, щедро имъ надѣляемой произведеніями родной ему Тулы. Театральная трупа, никогда не заслуживавшая названія порядочной, теперь по справедливости можетъ назваться безобразнымъ

*) *Мирный Трудъ*. 905, № 1. Харьковъ. Сообщено В. П. Вицинскимъ, сыномъ адресата. Адресатъ, одинъ изъ врачей Никитина, служилъ въ Пал. Гос. Им.

сбродомъ. На сценѣ Вы ничего не увидите кромѣ фарса, однакожь большинство невзыскательной публики хлопаетъ и фарсу. Что дѣлать! о вкусахъ не спорятъ. За то какая литературная дѣятельность пробудилась у насъ съ нѣкотораго времени! Всѣ сдѣлались прогрессистами, всѣ пишутъ и о всемъ пишутъ.

Г. Хованскій написалъ: „Молитвы за усопшихъ", Горденинъ ихъ напечаталъ и продаетъ православному люду. Но „Филологическія Записки" издав. Г. Хованскимъ находятся при послѣднемъ издыханіи. Знаете ли, онъ, между прочимъ, хотѣлъ напечатать въ нихъ разборъ книги Гумбольдта, кажется, „О вліяніи организма на языкъ" и прочее... Представьте себѣ Хованскаго, разбирающаго книгу Гумбольдта, чѣмъ, подумаешь, чертъ не шутитъ! „Воронежскій Сборникъ" издаваемый Горденинымъ выйдетъ такимъ сумбуромъ, что самый добросовѣстный рецензентъ не проглотитъ его до послѣдней страницы. Въ немъ, между прочимъ, помѣщена будетъ драма изъ англійскаго быта, ей-ей не лгу! Слышите ли? въ „Воронеж. Сборникѣ" драма изъ англійскаго быта... Это очень, очень оригинально! Въ „Воронежской бесѣдѣ", редактируемой Де-Пуле, участвуетъ и Вашъ покорнѣйшій слуга, дерзнувшій, кромѣ стиховъ, на прозу. Да-съ, милый Павелъ Михайловичъ! я написалъ „Дневникъ семинариста" и если только цензура пропуститъ его цѣликомъ, въ чемъ я крѣпко сомнѣваюсь, — вопросъ о воспитаніи въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ едва ли не будетъ затронутъ...

Но довольно о quasi литературѣ.

Здоровье мое плоховато. Опять съ нетерпѣніемъ жду весны и купанья. Хотѣлось бы пожить въ деревнѣ, но не на кого оставить книжный магазинъ. Число подписчиковъ на чтеніе у меня возрасло до 180 человѣкъ. Можете себѣ представить легко ли угождать мнѣ разнообразнымъ вкусамъ при бѣдности нашей литературы...

Вчера я видѣлъ Де-Пуле. Онъ посылаетъ Вамъ поклонъ. А какъ теперь поживаетъ Софья Михайловна? Поклонитесь ей, когда будете писать.

Всею душою уважающій Васъ

И. Никитинъ.

Воронежъ 1861 г.
Февраля 3-го дня.

Къ М. Ѳ. де Пуле.

I.

13 іюня 1860 года.

Ну, вотъ, мой милый другъ, я и въ Москвѣ! Сперва скажу Вамъ нѣсколько словъ о дорогѣ, вообще, о томъ, какъ я ѣхалъ, потомъ уже передамъ вамъ впечатлѣнія, произведенныя на меня Москвою. Ѣзда по шоссе отъ Воронежа до Задонска похожа скорѣе на катанье, нежели на путешествіе, которое обыкновенно представляется намъ соединеннымъ съ извѣстными непріятностями и неудобствами. Недостатка въ лошадяхъ вплоть до Москвы не встрѣчается нигдѣ, хотя подъ Москвою гоньба имъ бываетъ страшная: такъ мнѣ говорили, что съ одной предпослѣдней станціи отправляется въ продолженіе сутокъ съ разными проѣзжающими до трехъ сотъ лошадей. Станціонные дома, по мѣрѣ приближенія ихъ къ столицѣ, становятся все лучше и лучше; нѣкоторые снабжены мягкою мебелью, изысканнымъ буфетомъ и т. п. Въ дорогѣ, право, много хорошаго. Вы не можете себѣ вообразить, какъ весело ѣхать съ ухарскимъ ямщикомъ! Надвинувъ на бекрень шляпу, сидитъ онъ на передкѣ и слегка поводитъ кнутомъ. Лошади бѣгутъ скорою рысью, а онъ посвистываетъ и приговариваетъ; „Ну, ну! выноси! Эхъ, вы!“ Вотъ крутая гора. Молодецъ подобралъ вожжи, влѣпилъ по нѣскольку ударовъ кнута каждому коню, прикрикнулъ: „Эхъ, выручай! Гра-

бятъ!" - и бойкая тройка понеслась, окруженная облакомъ густой пыли. Встрѣчающіеся извощики даютъ вамъ дорогу; испуганная богомолка торопливо отбѣгаетъ въ сторону; сидѣвшій на канавѣ грачъ улетаетъ на дальнія пашни. Между тѣмъ кнутъ все чаще и чаще взвивается въ воздухѣ; только и слышна трескотня колесъ по мостовой; ттррр... тукъ, тукъ, тукъ! А вокругъ такая гладь, такіе чудные переливы свѣта и тѣни по зелени волнующейся ржи!.. Въ одной изъ Тульскихъ гостинницъ вы можете очень недурно пообѣдать за умѣренную плату; въ Серпуховѣ обѣдъ ни то, ни се, но зато видъ Оки превосходенъ. На станціяхъ почти нигдѣ нѣтъ холодной воды, хоть умирайте отъ жажды; и вотъ тутъ-то, проѣхавъ полтораста верстъ въ сутки, понимаешь вполнѣ, что за благотворный напитокъ чай! Но предупреждаю Васъ, если Вы хотите ѣхать съ нѣкоторымъ удобствомъ и если сколько-нибудь дорожите своимъ душевнымъ спокойствіемъ,—берите съ собою какъ можно болѣе денегъ. Проклятыя слова: „пожалуйте на водку"—на разстояніи пятисотъ верстъ будутъ раздаваться въ Вашихъ ушахъ съ утра до вечера, съ вечера до утра. Вамъ придется платить за всякіе пустяки, за самую ничтожную мелочь. Въ Ефремовѣ взяли съ меня за перетяжку трехъ колесъ 3 руб. 90 коп.; въ Воронежѣ они стоили бы не болѣе 75 коп., что положительно мнѣ извѣстно. На послѣдней станціи подъ Москвою сломался шкворень, за сварку котораго я заплатилъ 1 руб. 50 коп., тогда какъ его можно пріобрѣсти за 75 коп. новый. Завяжутъ или развяжутъ какую-нибудь веревку на вашемъ экипажѣ, — давайте на водку; помажутъ колеса, кромѣ положенныхъ за это 12 коп..—опять давайте на водку... Вѣрите ли, наконецъ приходишь въ бѣшенство, когда является какая-нибудь глупая рожа старосты, подстаросты, дворника, почтоваго сторожа и т. д. и т. д. и ни за что, ни про что, съ наглѣйшею улыбкой произно-

ситъ свое обычное: „пожалуйте на водку!“ Короче, если вы въ дорогѣ будете кротки и терпѣливы, васъ оберутъ какъ липку... Въ Москву я пріѣхалъ вчера, въ четвертомъ часу утра. Особеннаго впечатлѣнія видъ Москвы на меня не произвелъ; но Кремль—чудо какъ хорошъ! Я уже успѣлъ побывать въ Успенскомъ Соборѣ, видѣлъ гробы великихъ князей, Кремлевскій царскій дворецъ, садъ, французскія пушки, знаменитый колоколъ и пр. и пр. Пестрота, шумъ, движеніе до того мнѣ были новы, что съ перваго раза я рѣшительно потерялся и попривыкъ ко всему этому только къ вечеру. Квартира моя находится въ 94 № гостинницы братьевъ Чижовыхъ, недалеко отъ Кремля, гдѣ лавкамъ и жильцамъ нѣтъ числа. На книжныя лавки я успѣлъ взглянуть только мелькомъ; хорошихъ немного, двѣ-три,—остальныя похожи на балаганы. Вышелъ VII томъ Бѣлинскаго—вотъ Вамъ новость. У Берга (Ѳ. Н.) и Бартенева (П. И.) думаю побывать сегодня. Право, не знаешь, куда кинуться; хотѣлось бы познакомиться и съ тѣмъ, и съ другимъ, и съ третьимъ.—Прикащикъ Щепкина принялъ меня радушно; не знаю, каково-то приметъ меня хозяинъ, котораго никакъ не поймаешь, потому что онъ является въ магазинъ на полчаса, не болѣе.—Еще два слова о дорогѣ. Берите подорожную также, какъ и я, т.-е., отъ станціи Николаевки до станціи Лопатковой и обратно, да смотрите, чтобы экипажъ вашъ былъ крѣпокъ и проченъ, иначе Вы проклянете свою судьбу, когда онъ начнетъ разлагаться на свои составныя части, какъ это сдѣлалось съ моимъ. Ахъ, если бы Богъ далъ мнѣ успѣшно и счастливо окончить свои торговыя операціи!

II.

1-го Сентября 1861 г.

Другъ мой! Пріѣзжайте ко мнѣ сегодня въ свободные для Васъ часы. Нужно писать духовное за-

вѣщаніе. Теперь ужъ, пожалуйста безъ возраженій; по окончаніи этого дѣла мнѣ будетъ легче. Васъ позвольте просить быть моимъ душеприкащикомъ. Не откажитесь! Кому же кромѣ? Кого бы пригласить изъ священниковъ, — право, не знаю; не придумаете-ли? Пріѣзжайте, если можно, съ Чеботаревскимъ, и будьте со мною похладнокровнѣе при свиданіи, — иначе я не выдержу. Бумаги гербовой, если нужно, возьмите; деньги найдете въ магазинѣ.

Весь Вашъ И. Никитинъ.

Къ А. А., В. И. и Н. В. Плотниковымъ и др. [1]).

1856 — 1861.

I.

Незабвенные Вечеславъ Ивановичь и Авдотья Александровна, Наталья Вечеславовна и Павелъ Александровичь.

Въ настоящую минуту я сижу у нашей дорогой высокоуважаемой матушки-игуменьи, и такъ-какъ узналъ отъ матушки Митрофаніи, что на дняхъ къ Вамъ посылается письмо, за счастіе почитаю засвидѣтельствовать Вамъ свое нижайшее почтеніе; каково-то Вы проводите время? Нравятся ли мои книги. Да кстати! за французскіе Вамъ очень и очень благодаренъ. На Васъ, Наталья Вечеславовна позвольте возложить порученіе: передайте мой поклонъ безконечной аллеѣ и высокой березѣ, недалеко отъ нея растущей. Правда, странная фантазія, но Дмитревка точно передъ глазами у меня въ эту пору и какъ-то невольно вырвалось у меня желаніе чѣмъ-нибудь поблагодарить ее за гостепріимство — вотъ причина порученія. Совѣстно писать долго, расписался бы до невозможности.

Всею душою преданный Вамъ нижайшій рабъ

Ив. Никитинъ.

1856 Вторникъ (число забылъ).

Ея Высокоблагородію Натальѣ Вечеславнѣ Плотниковой.

---

[1]) *Щукинскій Сборникъ*, вып. IV, М. 1905.

II.

Милостивая Государыня
Авдотья Александровна.

Нѣсколькими минутами я опоздалъ въ отосланіи къ Вамъ портрета, который, кажется, хорошъ, хотя и есть маленькая натянутость въ позѣ. Мнѣ очень жаль, что я опоздалъ! Жаль потому, что мой человѣкъ могъ бы принести мнѣ Вашъ отвѣтъ на мою покорнѣйшую прозьбу. Эта прозьба заключала въ себѣ мое пламенное желаніе перемолвиться съ Вами иногда на почтовой бумагѣ, если Вы не найдете это почему-либо неприличнымъ и неумѣстнымъ. Но такъ какъ, повидимому, самой судьбѣ не угодно осуществить моей надежды, я покорюсь моей необходимости и буду молчать. Пріймите на себя трудъ передать глубочайшую благодарность Матушкѣ-Игуменьѣ за книги и въ особенности за лестную для меня надпись. До свиданія! Засвидѣтельствуйте мое искреннее почтеніе Натальѣ Вечеславной. Вечеславъ Ивановичь отправился въ 8½ часовъ.

Вѣчно готовый къ услугамъ и душевно преданный Вамъ

И. Никитинъ.

1856 г. 14 іюня.

Ея Высокоблагородію, Милостивой Государынѣ, Авдотьѣ Александровной Плотниковой.

III.

Милостивый Государь,
Вечеславъ Ивановичь.

Нѣсколько дней тому назадъ я хотѣлъ написать къ Вамъ письмо по крайней мѣрѣ листа въ три, хотѣлъ наговориться съ Вами до сыта, Вы очень добры и навѣрное не отказались бы прочитать длинное посланіе, не правда ли? Но теперь и тѣло болитъ и на душѣ не весело, къ чему же утомлять чужое вниманіе печальнымъ вытьемъ... Оставимъ это. Позвольте лучше узнать каково Ваше здоровье. Я спрашиваю объ этомъ не по долгу учтивости, а по чувству искренняго участія. И какъ-то Вамъ живется теперь въ Вашей Дмитревкѣ? Я думаю очень весело. Впрочемъ Ваше милое семейство по истинѣ стоитъ всего лучшаго; оно въ цѣломъ и порознь умѣетъ какъ-то вносить съ собою всюду теплый свѣтъ ласки, добра и мысли. Честное слово я не фразирую, если не вѣрите пожалуй замолчу. Богъ съ Вами!

О Вашемъ кузнецѣ честь имѣю донести слѣдующее: цѣну могутъ дать отъ 200 до 350 руб. ассиг. Говорятъ, что нужно

видѣть его въ дѣлѣ: что онъ такое? Ковачь ли собственно лошадей, или можетъ работать и въ каретной мастерской и до какой степени можетъ? Тутъ, знаете, народъ разсчетливый. Распорядитесь какъ угодно. Если вздумаете прислать его въ Воронежъ, я къ Вашимъ услугамъ и вмѣстѣ съ нимъ поднимемъ на ноги кузнецовъ и каретниковъ, но условія касательно наема потрудитесь передать подробнѣе, чтобы не было недоразумѣнія послѣ.

Авдотьѣ Александровной, Павлу Александровичу и Натальѣ Вечеславной честь имѣю засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе.

Съ чувствомъ уваженія и преданности имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

И. Никитинъ.

1856 Іюля 17.

IV.

Милостивый Государь
Вечеславъ Ивановичь.

Позвольте пожать Вамъ заочно руку, (если заочно это возможно) за то, что Вы доставили мнѣ случай быть чѣмъ-нибудь Вамъ полезнымъ. Не знаю, приведетъ ли мнѣ Богъ присутствовать у Васъ на праздникѣ: здоровье очень дурно! Впрочемъ, если бы я имѣлъ несчастіе не быть, вѣрьте — въ Воронежѣ останется мое тѣло, душа прилетитъ на пиръ въ Дмитревку, она послушаетъ духовнымъ слухомъ веселый говоръ гостей, она полюбуется прекрасной именинницей, дорогою Вашей радостью, царицею праздника. Я говорю не такъ-себѣ, отъ бездѣлья, мнѣ нѣтъ нужды передъ Вами лицемѣрить, я къ этому не привыкъ, говорю прямо отъ сердца, и мнѣ будетъ очень больно отказаться отъ счастія — посѣтить Вашъ домъ, развѣ злая необходимость удержитъ меня крѣпкими цѣпями въ пыльномъ, душномъ, несносномъ, оглушенномъ съ всѣхъ четырехъ концовъ дурною музыкою — Воронежѣ. Ахъ, кстати! Что Жига Натальи Вечеславны? я думаю не забыта? Боже сохрани, просто поссорюсь. (Гмм... замѣчаю въ скобкахъ; воображаю, какъ дорожатъ моими замѣчаніями...). Ну-съ, что театръ? Какая пьеса? Башмачки, или другое? Все пойдетъ прекрасно, увѣренъ напередъ: при участіи Павла Александровича и прекрасной именинницы не можетъ быть пошлой пьесы въ русскомъ репертуарѣ. Я хотѣлъ писать къ Вамъ много, но ей Богу некогда, только возвратился изъ хода купца М... и усталою рукою, ночью, мараю кое-какъ это письмо, извините за безтолковщину. Вамъ незабвенная Авдотья Александровна и Вамъ, царица будущаго праздника, и Вамъ дорогой Павелъ Александровичь мое глубокое почтеніе. Если

у Васъ не буду, передайте Вячеславъ Ивановичъ, мой нижайшій поклонъ Матильдѣ Ивановнѣ, au reste elle a oubliée pauvre poete, который ее помнитъ.

Съ чувствомъ уваженія и преданности имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Никитинъ.

NB. Скажите ради Бога, ну можно ли присылать одну подводу для такого количества покупокъ? И фонари тутъ, и разныя разности... Право нужно родиться съ особенною способностью укладывать, чтобы уложить все это хорошенько, Павелъ не будетъ виноватъ, если все не доставится въ цѣлости. Я говорю это серьезно. Надъ сухарями я съ часъ ломалъ голову, хотѣлъ набить ими фонари, но вѣдь и фонари нужны, пожалуй разорвутся. Помѣстили кое-какъ... Потрясутся они дорогой, бѣдные сухари! Замѣтьте, я пишу это по утру, вечеромъ не могли ничего сдѣлать съ укладкой.

1856 г. Ав. 22.

V.

Милостивая Государыня
Авдотья Александровна.

Наконецъ-то Вы удостоили меня нѣсколькихъ собственноручныхъ строкъ! Ваше письмо поступило въ особый ящикъ и будетъ храниться вмѣстѣ съ другими дорогими для меня письмами, которыхъ впрочемъ у меня очень мало. Все это прекрасно, но зачѣмъ болѣть? Помните ли нашъ разговоръ наканунѣ моего отъѣзда? Рѣчь зашла о смерти.

Предметъ, безъ сомнѣнія, не веселый, но такъ случилось. Мы говорили объ этой страшной гостьѣ, которая является большею частію не во время и безъ зову. Я Вамъ доказывалъ, что каждый членъ Вашего милаго семейства долженъ жить долго, очень долго, сколько по крайней мѣрѣ дозволитъ это слабая природа человѣка; долженъ жить, потому что Ваше семейство есть въ нѣкоторомъ родѣ исключеніе въ своемъ родѣ. Въ немъ, т. е. въ Вашемъ семействѣ, существуетъ тѣсная, почти непрерывная связь, которая образуетъ прекрасную гармонію въ цѣломъ. Порвись или ослабѣй одна струна — гармонія будетъ нарушена, следовательно пострадаетъ все цѣлое. Болѣзнь, какъ бы ни была она ничтожна, во всякомъ случаѣ дѣйствуетъ на нашъ организмъ; силы непримѣтно, такъ сказать, улетучиваются, а вмѣстѣ съ этимъ сокращается жизнь. Если бы это благо сократилось на едва-видимую точку — и тогда не бездѣлица, потому что оно благо и само по себѣ и для другихъ. Зубы ли, горло ли, другое ли что начинаетъ страдать — все равно зло — а зло непремѣнно должно быть устраняемо. А Вы, я думаю, посѣщаете свое

гумно... извините за медицинскіе совѣты. Другому я не написалъ бы объ этомъ. Вотъ иное дѣло — нашъ братъ, хоть напримѣръ я: кому нуженъ, кому дорогъ и кому какое горе, что въ одинъ прекрасный день понесутъ Вашего покорнѣйшаго слугу въ сосновомъ ящикѣ на новоселье! А кладбище со мною по сосѣдству, рѣшительно не встрѣтится трудности въ переселеніи... Скажите, ради Бога, почему это съ нѣкотораго времени о чемъ бы я ни разсуждалъ, начну за здравіе, сведу за упокой? Неужели предчувствіе?.. Признаюсь, предчувствіямъ я не слишкомъ довѣряю, но, но... оставимъ лучше этотъ разговоръ. Богъ, говоритъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ,

Создавшій міръ въ порядкѣ строгомъ,
Сказалъ созданію: живи!

такъ будемъ жить. Съ боя возьмемъ радость, если она не дастся добровольно, не то — и безъ нея обойдемся, точно такъ какъ обходится нищій безъ вкусныхъ блюдъ.

Перейдемъ къ покупкамъ.

Вижу самъ, что стручки дурны. Побранитъ меня Наталья Вечеславовна, а ей-ей не за что! Былъ всюду, искалъ повсемѣстно лучшихъ, нѣтъ какъ нѣтъ! Помню, въ одной повѣсти Марлинскаго солдатъ выразился такимъ образомъ о Грузіи: „скверный климатъ — иголка десять копѣекъ!“ Нѣчто подобное, хотя не столько безсмысленное, подумалъ и я, покупая стручки: хорошъ Воронежъ: не найдешь порядочныхъ стручковъ!.. Опасаюсь и за шерсть: хороша ли она? Послѣднюю взялъ у Добрынина. У Попова спрашивалъ, отвѣчалъ: „не имѣется! Въ скорости ожидаемъ-съ!“ А каковы горшки? Просто работа художника, не правда ли? Отчетъ въ покупкѣ при семъ прилагается. За Вашу муку земно кланяюсь. У матушки Игуменьи я былъ уже два раза, вотъ какъ-съ!

А, Матильда Ивановна! мое Вамъ почтеніе! Здоровье Ваше? Je vous en fais mon compliment съ освобожденіемъ изъ-подъ ига. За счастіе почелъ бы воспользоваться votres leçons, но человѣкъ — рабъ обстоятельствъ (мысль эта повторяется мною 100.000 разъ) иногда по-неволѣ идешь туда, куда тянетъ ихъ желѣзная рука. Вы скажете: все вздоръ! Je n'ai pas le temps de discuter avec vous, но чувствую, что я правъ, хотя отъ этого мнѣ нисколько не легче. Надобно сознаться, во франц. языкѣ я сдѣлалъ огромный прогрессъ. Прочиталъ уже половину комедіи Скриба: Les indépendants. Вы, конечно, не забудете Воронежъ? Говорю не потому, что разсчитываю на Ваши уроки, а просто отрадно было бы встрѣтить знакомое лицо. Гостепріимная кровля Вечеслава Ивановича удержитъ Васъ, безъ сомнѣнія, надолго. Подъ нею какъ-то теплѣе, уютнѣе, веселѣе становится гостю, нежели подъ другою какою-нибудь кровлею. По крайней мѣрѣ я въ высшей степени испыталъ это на себѣ.

Ну, Вы, Вечеславъ Ивановичь, Вы, Павелъ Александровичь, какъ поживаете? Я думаю, все занимаетесь сельскимъ хозяйствомъ, разсчитываете какъ бы повыгоднѣе продать хлѣбъ въ Ельцѣ... Ну Богъ съ Вами! Я Вамъ не завидую, не завидую и тому, что всѣ Вы веселы, дай Богъ Вамъ веселиться больше и больше. А Вы, Наталья Вечеславовна, ужъ пожалуйста не исполняйте моей прозьбы, о которой Вы узнаете по полученіи письма отъ Матушки Митрофаніи: Вы больны. Виноватъ! просилъ не кстати и не буду, ей Богу никогда не буду, только простите!.. Жаль, что Вашъ Николай спѣшитъ ѣхать, перо едва разгулялось... Хотѣлъ было Вашему Николаю дать стаканъ вина, но вспомнилъ его слабость, не надѣлалъ бы онъ чепухи, подумалъ я, — и оставилъ свое намѣреніе. До свиданія!

Всею душою преданный Вамъ

И. Никитинъ.

1856. Сент. 7.

VI.

Милостивый Государь
Вечеславъ Ивановичь!

Отъ кого это письмо? Вотъ первый вопросъ, который представляется Вамъ, когда Вы распечатываете конвертъ довольно почтеннаго объема. За тѣмъ Вы смотрите на подпись въ концѣ письма и видите фамилію Вашего покорнѣйшаго слуги... „Нечего видно ему дѣлать, онъ и сидитъ себѣ пописываетъ письма“, думаете Вы и ошибаетесь: я желалъ бы, чтобы день состоялъ, по меньшей мѣрѣ, изъ 48 часовъ, такая пропасть дѣла! Но въ эту минуту оставляю все для пріятной съ Вами бесѣды. Захотите-ли Вы-то бесѣдовать со мною, вотъ въ чемъ дѣло. Уѣзжая изъ Воронежа, Вы не удостоили меня своимъ прощальнымъ визитомъ, доказательство, что сердитесь на Вашего покорнѣйшаго слугу за какую-нибудь неумышленную вину. Гдѣ и какъ я могъ Васъ обидѣть, рѣшительно не придумаю. Развѣ вечеромъ у Матушки Игуменьи отпустилъ безъ намѣренія капитальную глупость? Можетъ быть, я человѣкъ не comme il faut, подобная вещь отъ меня станется. Если такъ, прошу извиненія и постараюсь воспользоваться на будущее время даннымъ мнѣ урокомъ. Но теперь позвольте перемолвить съ Вами нѣсколько словъ, не согласны? Ну позвольте хоть заглянуть въ Вашу комнату. За 60 верстъ это не совсѣмъ удобно, но мнѣ поможетъ услужливое воображеніе.

Время предъ-обѣденное. Я являюсь къ Вамъ безъ доклада, неучтиво немного со стороны порядочнаго человѣка, но что

дѣлать! Мнѣ не хочется помѣшать Вашимъ занятіямъ и я вхожу тихо, незамѣченный никѣмъ изъ Вашего семейства и занимаю скромное мѣсто въ углу: здѣсь такъ уютно и такъ удобно дѣлать наблюденія, и вотъ онѣ начинаются.

Вы сидите въ покойномъ креслѣ, на Васъ сѣренькое пальто, и курите трубку, на которой оправа въ родѣ серебряной, конецъ чубука въ трубкѣ съ небольшимъ поврежденіемъ, что доказываетъ положенный на это мѣсто сургучъ. Семейство Ваше, не исключая и Матильды Ивановны, занято работою ковра. Что за чудные цвѣты! Въ особенности вонъ тѣ, надъ которыми трудились Наталья Вечеславовна и Матильда Ивановна. Просто живые!

Въ комнатѣ ненарушимое молчаніе. Но вдругъ Павелъ Александровичъ относится съ какимъ-то вопросомъ, котораго, къ несчастію, я не могу разслышать, къ Матильдѣ Ивановнѣ и дѣлаетъ удивительно смѣшную гримасу. Слѣдуетъ общій хохотъ. Матильда Ивановна смѣется звонче всѣхъ и, между прочимъ, говоритъ: „Оставьте пожалуйста! Вы мѣшаете работать!"—Что такое?—отвѣчаетъ Павелъ Александровичъ, и лицо его принимаетъ серьезное выраженіе;—я и не думалъ Вамъ мѣшать, напротивъ, Вы отрываете меня отъ дѣла своимъ смѣхомъ. И какъ ни въ чемъ не бывало, наклоняетъ голову надъ неоконченнымъ узоромъ. Матильда Ивановна молчитъ и подаетъ Натальѣ Вечеславовнѣ шерсть, замѣчая, что вмѣсто розовой, тутъ лучше бы употребить блѣдно-розовую и показываетъ рукою куда именно по ея мнѣнію нужно употребить. Вечеславъ Ивановичъ встаетъ, подходитъ къ Евдокіи Александровнѣ и изъявляетъ желаніе помочь общему труду. Ему дозволяютъ. Но работа его идетъ какъ-то плохо, шерсть путается и Евдокія Александровна говоритъ съ своей обычной, доброю улыбкой: „Оставь Ве"... (я не смѣю докончить имени... Впрочемъ, знаю очень хорошо, что оно уменьшительное). Вечеславъ Ивановичъ не въ претензіи и отходитъ прочь, снова накладывая трубку, по меньшему счисленію 15-ю съ того времени, когда онъ поднялся съ постели. „Грудь, мамаша, больно"... — говоритъ Наталья Вечеславовна и медленно выпрямляется, прислоняя голову къ спинкѣ дивана. „Брось, мой другъ!—отвѣчаетъ Евдокія Александровна:—ты устала".—„А что,—спрашиваетъ вдругъ Вечеславъ Ивановичъ, относясь къ Натальѣ Вечеславовнѣ, и называя ее уменьшительнымъ именемъ:—ты записала вчера въ книжку расходъ, Викторъ все-ли сказалъ, что нужно?"—„Запишу сегодня,—слышится отвѣтъ:—а мы, папаша, видно не поставимъ на сцену пьесы: Иванъ Саввичъ обѣщался прислать „Неутѣшную вдовушку", да не сдержалъ своего слова... Несносный человѣкъ!.."

Несносный человѣкъ краснѣетъ, хочетъ что-то сказать въ свое оправданіе, но разсуждаетъ, что оправданіе ни къ

чему не поведетъ и остается почтительно въ углу, сохраняя краснорѣчивое молчаніе.

Вдругъ является въ дверяхъ серьезное лицо Павла, брови насуплены, взглядъ не отличается особенною привѣтливостію и въ добавокъ потупленъ въ землю. „Шиловъ пріѣхалъ",— докладываетъ онъ угрюмо, какъ будто докладываетъ о томъ, что онъ потерялъ рубль серебромъ, который далъ ему баринъ для извѣстной надобности.—„Проси!"—говорятъ, и въ комнату входитъ почтенный Петръ Матвѣевичъ, поддерживаемый своимъ человѣкомъ, дѣтиной средняго роста, съ усами и въ черномъ сертукѣ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій и рукожатій Г. Шилову подаютъ кресло, въ которое онъ садится, отдавая свою неразлучную палку слугѣ. Завязывается разговоръ о погодѣ. Г. Шиловъ замѣчаетъ, что пророчество луковицъ въ отношеніи къ ней совершенно оправдалось (въ чемъ я имѣю основаніе сомнѣваться) и дѣлаетъ вопросъ Натальѣ Вячеславовнѣ: „А что вашъ ройяль?" Наталья Вечеславовна въ небольшомъ затрудненіи, старается по возможности его скрыть и отвѣчаетъ съ улыбкою: кое-что играли, но мы теперь болѣе заняты отдѣлкою ковра.—Г. Шиловъ покачиваетъ головою и думаетъ: грѣшно барышня. „Сыграемте что-нибудь",— говоритъ Наталья Вечеславовна. Г. Шиловъ изъявляетъ совершенное согласіе. Подаютъ скрипку въ красномъ футлярѣ весьма незавидной работы. Кресло вмѣстѣ съ Г. Шиловымъ придвигаютъ къ ройялю. Придвигаютъ къ нему и черный на тоненькихъ ножкахъ столикъ, на которомъ тотчасъ же помѣщаются ноты. Скрыпка является отъ заключенія на Божій свѣтъ; Г. Шиловъ надѣваетъ очки въ серебряной оправѣ, очки, которые бывали съ нимъ въ походахъ, и беретъ смычокъ, предварительно натирая его смолянистымъ веществомъ для извѣстной цѣли. Послѣ краткаго взаимнаго совѣщанія, что̀ играть— играютъ карнавалъ. Наталья Вечеславовна фальшивитъ, (извините, я люблю откровенность). Г. Шиловъ, въ свою очередь, дѣлаетъ тоже. Но пьеса сходитъ съ рукъ. За нею разыгрывается другая, за другою третья и такъ далѣе... Пальцы Натальи Вечеславовны съ трудомъ бѣгаютъ по клавишамъ, отъ утомленія она переходитъ къ зѣвотѣ, причемъ слѣдуетъ полуоборотъ головы налѣво и Г. Шиловъ не подозрѣваетъ искусснаго маневра, его неутомимый смычокъ работаетъ попрежнему внимательно, быстро и одушевленно. Но вотъ раздаются затрогивающіе звуки „Барыни". Вечеславъ Ивановичъ подергиваетъ плечомъ, Матильда Ивановна употребляетъ всевозможныя усилія усидѣть спокойно на мѣстѣ. Павелъ Александровичъ и Евдокія Александровна улыбаются. Я, незамѣчаемый никѣмъ, тоже улыбаюсь. Между тѣмъ въ полуотворенную дверь изъ комнаты барышни (какъ обыкновенно называютъ Наталью Вечеславовну обитательницы перед-

ней) выглядываетъ полное, красное, вѣчно смѣющееся лицо Эжени. Она сдерживаетъ широкою мясистою ладонью готовый вырваться хохотъ изъ ея безцеремонно открытаго рта, и это усиліе принуждаетъ ее дѣлать что-то въ родѣ поклоновъ, въ слѣдствіе чего синее набойчатое платье Эжени образуетъ живописныя складки. Вотъ она посмотрѣла на Павла Александровича, послѣдній повелъ бровью, можетъ быть, совершенно неумышленно, и Эжени, фыркнувъ, пропала за дверью. Варя, напротивъ, слушаетъ болѣе хладнокровно, хотя тоже не безъ сочувствія къ музыкѣ. „Браво!!!"—кричитъ Вечеславъ Ивановичъ, хлопая въ ладони. Г. Шиловъ улыбается и медленно кладетъ свой смычокъ и скрипку на черный съ тонкими ножками столикъ. „А двадцатки не хотите Петръ Матвѣевичъ?"—спрашиваетъ Вечеславъ Ивановичъ.—Пожалуй, немножко, ничего, говоритъ онъ укладывая въ футляръ съ серебряной оправой долговѣчные очки.

„На столъ подано!"—угрюмо докладываетъ Павелъ.

Всѣ отправляются въ столовую. Г. Шиловъ идетъ, опираясь на своего человѣка. Матильда Ивановна мимоходомъ взяла нѣсколько аккордовъ и обхвативъ потомъ талію Наталіи Вечеславовны, что-то заговорила съ нею по-французски и быстро направилась къ двери столовой. Но тутъ, какъ гость не приглашенный къ столу, я не смѣю слѣдовать за другими и оканчиваю мои наблюденія, со вздохомъ выходя на крыльцо, съ крыльца на дворъ. Здѣсь меня соблазняетъ садъ, въ особенности безконечная аллея... Хотѣлось бы по ней пройдти, но безъ дозволенія г. хозяина неловко и—я отказываю себѣ въ этомъ удовольствіи.

„Вотъ оригинальное письмо!"—восклицаетъ Матильда Ивановна.

— Глупости!—утвердительно говоритъ Вечеславъ Ивановичъ.

„Капризъ плохого стихотворца"... — добавляетъ Павелъ Александровичъ.

Наталья Вечеславовна молчитъ и насмѣшливо улыбается.

Одна Евдокія Александровна возражаетъ всѣмъ со своею неизмѣнно доброю снисходительностью: „Богъ съ нимъ! Вѣдь онъ ничѣмъ насъ не оскорбляетъ. Вѣроятно скучно, ну и вздумалъ перемолвить съ нами два-три слова". Благодарю Васъ, если Вы угадаете причину моего письма, она именно такова. Побраните, Богъ съ Вами. Впередъ не осмѣлюсь безпокоить. Я желалъ бы получить отъ васъ нѣсколько строкъ, хотя коротенькую вѣсть о вашемъ житьѣ-бытьѣ, но едва-ли вы примите на себя трудъ исполнить мое желаніе. „Къ чему это?"—скажутъ нѣкоторые члены семейства. Ну, если не къ чему, такъ и быть.

На-дняхъ побываю у Матушки-Игуменьи и постараюсь узнать, за что Вечеславъ Ивановичъ на меня разсердился.

Кстати!.. Отъ А. П. Нордштейна я получилъ два письма: пишетъ, что 10 числа этого мѣсяца ѣдетъ въ Москву. Въ Воронежѣ есть кое-что новое, но Вы видите, гдѣ мнѣ писать объ этихъ новостяхъ. Бумага вся безъ того изчерчена каракулями. А главное, боюсь надоѣдать болтовнею. Если взятыя Вами пьесы Вамъ не нужны, возвратите ихъ при случаѣ.

Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Никитинъ.

Воронежъ
1856 г. Ноября 9.

Одинъ изъ дѣтей Вашего сосѣда М... ва часто посѣщаетъ моего квартиранта, у нихъ Вы нашли бы веселые разговоры, оригинальную музыку и мнѣ кажется... Это кажется при личномъ свиданіи скажется.

VII.

Милостивый Государь
Вечеславъ Ивановичь.

Вчерашній день Вы, по своему обыкновенію, не сдержали даннаго мнѣ Вами слова — не побывали у меня на минуту. Этимъ я не хочу сказать, что я на Васъ претендую, мнѣ только жаль, что я лишился удовольствія видѣть Васъ еще одинъ разъ. Безъ сомнѣнія вчерашній день Вы передали мою покорнѣйшую просьбу, мое горячее желаніе Евдокіи Александровнѣ. Смѣю надѣяться Вы посѣтите мой скромный уголокъ. Прошу Васъ покорнѣйше пожаловать завтра на вечерній чай. Часъ своего пріѣзда Вы назначите сами. Чтобы не было скучно Евдокіи Александровнѣ, я пригласилъ одну даму; Вы увидите въ ней знакомую Вамъ, добрую, безъ всякихъ претензій женщину. Я принимаю на себя смѣлость пригласить вмѣстѣ съ Вами и Наталью Вечеславовну. Разумѣется, рѣшеніе утвердительное или отрицательное зависитъ отъ Васъ, но предупреждаю Васъ, что отрицательное рѣшеніе будетъ для меня больно. Плохой поэтъ, я во всякомъ случаѣ, не злой человѣкъ (замѣтьте комплиментъ самому себѣ). Уважить просьбу не злого человѣка — не предосудительно. Вы его одолжаете, а одолженіе—дѣло чисто христіанское, и тѣмъ болѣе я имѣю надежды на его осуществленіе, что оно подходитъ къ духу наступившихъ дней. И такъ завтра вечеромъ я Васъ жду и заранѣе торжествую. Боже Васъ сохрани, если Вы обманете мою надежду, да нѣтъ! Это невозможно: Вы такъ добры! Поцѣлуйте за меня ручку глубокоуважаемой мною Матушки-Игуменьи. Повторяю я Васъ жду, и никакихъ отказовъ, никакихъ пред-

логовъ, хотя бы высказанныхъ съ краснорѣчіемъ Цицерона, рѣшительно не принимаю.

Весь Вашъ Иванъ Никитинъ.

1857. Февр. 18.

Его Высокоблагородію Вечеславу Ивановичу
Г. Плотникову.

VIII.

Милостивый Государь
Вечеславъ Ивановичь.

Начни я свое письмо нѣсколько дней тому назадъ, я конечно, имѣлъ бы честь поздравить Васъ и Ваше глубокоуважаемое мною семейство съ Свѣтлымъ праздникомъ, но такъ какъ оно получится Вами по окончаніи праздника, слѣдовательно поздравленіе будетъ позднимъ. Увы! Своевременно я не могъ исполнить своего долга и потому довольствуюсь теперь увѣренностію, что праздникъ проведенъ Вами весело, хотя, я думаю, 7 Апрѣля было у Васъ также холодно и пасмурно, какъ въ Воронежѣ. Дѣло другое я — самъ себѣ не дамъ отчета почему первый день Св. Пасхи навелъ на меня невыносимую тоску. Представьте: по выходѣ изъ церкви (литургія у насъ окончилась очень рано) я, какъ водится напился чаю и легъ въ постель, заперевъ предварительно на крючокъ свою дверь, не дѣлалъ самъ визитовъ и не принималъ никого изъ гг. визитеровъ, этого мало: наканунѣ праздника я далъ слово Н. И. Второву вмѣстѣ съ нимъ обѣдать и не сдержалъ его, такъ было мнѣ скучно, такая напала на меня лѣнь, что тронуться съ дивана было для меня дѣломъ рѣшительной невозможности. На другое утро, отслушавъ обѣдню въ женскомъ монастырѣ, я имѣлъ удовольствіе видѣть Матушку-Игуменью. Она немного жаловалась на свое здоровье, впрочемъ ничего особеннаго нѣтъ, полагаю это произошло отъ перемѣны пищи. Матильда Ивановна весела по обыкновенію, но я сдѣлался до того незначителенъ въ ея глазахъ, что при каждой новой нашей встрѣчѣ она даетъ мнѣ новое имя, напр... Иванъ Тарасычь, Петръ Терентьичъ, Кузьма Федоровичь и т. под. Впрочемъ это не рѣдкость: у меня есть одинъ знакомый, онъ видится со мною почти ежедневно и ежедневно перемѣняетъ мое имя. Матильда Ивановна по крайней мѣрѣ не затрудняется: она съ обычною живостію ведетъ свою рѣчь, пересыпая ее Иванами Тарасычами и пр., но господинъ, о которомъ я говорю, человѣкъ вообще солидный, взвѣшивающій каждое свое слово, и что же? Въ жару какого-нибудь спора, когда онъ приходитъ въ азартъ, что съ нимъ случается рѣдко, крикнетъ неожиданно: „да что вы тутъ мнѣ

толкуете! Эхъ... Ва... Ва... Си... Си...“ И какъ бы съ отчаянія махнетъ рукою, чортъ, дескать, тебя возьми, все равно какъ ни назвать и брякнетъ: „Титъ Титычь!...“ Право не шучу. Вы скажете: къ чему же все это онъ (т. е. я, Вашъ покорнѣйшій слуга) все это говоритъ? Виноватъ-съ! Такъ. Особенной цѣли не имѣется. Надобно же говорить, коли чувствуется потребность. Тутъ кстати бы передать Вамъ нѣсколько Воронежскихъ новостей, но на бумагѣ это не совсѣмъ удобно и такъ обращаюсь собственно къ Вашему Семейству. Я думаю съ появленіемъ весны Ваша доселѣ замкнутая въ четырехъ стѣнахъ жизнь дѣлается разнообразнѣе, весенній воздухъ чаще и чаще вызываетъ Васъ на Божій свѣтъ. Вотъ напримѣръ утро. Въ своей сѣрой шинели и съ своею неразлучною трубкой или сигарой Вы отправляетесь въ садъ, проходите по прямой аллеѣ до пруда и замѣчаете насколько противу вчерашняго дня упала въ немъ вода. Между тѣмъ Николай тутъ и тамъ обчищаетъ деревья и особенное свое вниманіе, разумѣется въ слѣдствіе Вашего приказанія, обращаетъ на знакомыя мнѣ рамы, на прикрытую ими почву и проч. и проч... Втроемъ у Васъ составляется совѣтъ какого рода и въ какомъ количествѣ нужно посадить семянъ. Кстати о посаживаніи. Скажите пожалуйста: осуществилось ли намѣреніе Павла Александровича провести двѣ кривыя линіи сирени передъ фасадомъ Вашего дома? Право было бы недурно! Евдокія Александровна, разумѣется, улыбнется на мое замѣчаніе находя его въ нѣкоторой степени похожимъ на совѣтъ, но замѣчаніе высказалось невольно, не изъ желанія давать совѣты, а просто по желанію видѣть Вашъ, и безъ того прекрасный домъ, еще болѣе лучшимъ. Обращаюсь снова къ пруду. Какъ онъ хорошъ! Посмотрите, какъ отражены въ немъ эти обнаженные дубы и ивы! А вотъ, одна изъ нихъ, купаетъ въ его влагѣ свои кудрявыя вѣтки. По ту сторону кузница съ ея станкомъ и дымомъ, на плотинѣ мельница съ ея неумолкающимъ шумомъ. Вонъ я даже вижу, благодаря нѣсколькимъ оторваннымъ тесинамъ внутренній механизмъ мельницы. Мнѣ кажется, зимою ужасъ сколько висѣло сосуль, выражаясь изящнѣе — остроконечныхъ хрустальновидныхъ застывшихъ каплей, надъ этимъ безъискусственнымъ окномъ. Но живописнѣе былъ и есть, по моему мнѣнію, самъ мельникъ. Не говоря уже о его наружности, о его всклокоченныхъ волосахъ, покрытыхъ бѣлою мучною пылью, — мельникъ замѣчательное лицо самъ по себѣ; по своему внутреннему я, какъ говорятъ философы, мельникъ непремѣнно долженъ быть колдунъ. Васъ удивляетъ это открытіе? Да-съ, колдунъ! Если онъ не знаетъ Вашего прошедшаго и будущаго, по крайней мѣрѣ обладаетъ сверхъестественной силой повелѣвать жерновами, водою, обманывать православный людъ и такъ далѣе.

Если мнѣ доведется побывать у Васъ, непремѣнно обращусь къ вамъ съ нижайшею прозьбой, о содержаніи которой я умалчиваю до времени. Я самъ, впрочемъ, имѣю таинственную силу невидимымъ образомъ присутствовать тамъ, гдѣ мнѣ хочется. Напримѣръ, въ настоящую минуту я спускаюсь съ Вашего крыльца въ садъ. Первое мое вниманіе обращаю на вишню, прислоненную къ одной сторонѣ крыльца, вишню, цвѣтокъ съ которой и доселѣ хранится у меня въ книгѣ Пушкина, неправда ли, какъ это сантиментально? Но, такъ какъ вишня въ настояшее время обнажена, стало быть мало занимательна, я дѣлаю полуоборотъ направо и глаза мои останавливаются на березѣ памятной мнѣ, потому что на ней почти постоянно вертѣлась галка, имѣвшая однако свою резиденцію подъ крыльцомъ. Тамъ, кажется, было ея гнѣздо. Да, да! Позвольте! А что, не пора ли позаботиться — положить яйца въ гнѣзда, скрытыя въ гущѣ елей? Согласитесь этой стороной хозяйства не надобно пренебрегать. Она кромѣ существенной пользы представляетъ много удовольствія. Я не могу забыть восторга Натальи Вечеславовны, когда она держала въ своихъ рукахъ снятаго съ высоты цыпленка. Вы не сердитесь, Наталья Вечеславовна. Смѣю Васъ увѣрить, я вспоминаю объ этомъ не равнодушно. И можно ли иначе? Вотъ Вы стоите посереди аллеи. Голова Ваша наклонена. Глаза съ дѣтскою радостію и любовью остановились на красивой, покрытой желтымъ пухомъ малюткѣ, безсознательно поднимающей и опускающей свои крошечный носикъ, а между тѣмъ лучь солнца, прорѣзываясь сквозь зеленую чащу елей, освѣщаетъ профиль Вашего лица и разсыпаетъ золото на гребнѣ небрежно удерживающемъ Вашу косу. Налѣво и направо несутся свистъ и раскаты соловьиной пѣсни, тамъ ослѣпительно сверкаетъ поверхность пруда, здѣсь, какъ бѣлымъ снѣгомъ, усыпаны цвѣтами вершины вишней, а благоуханіе, которымъ насквозь пропитанъ воздухъ, сладкимъ хмѣлемъ опьяняетъ голову. Не ужели дурно все это? Какъ Вы думаете? Но позвольте мнѣ отворить рѣшетчатыя ворота, перейдти дорогу, и заглянуть въ Вашъ другой садъ. Вы позволяете, Вечеславъ Ивановичь? Очень благодаренъ! Скажите, ради Бога, какое назначеніе имѣетъ этотъ покрытый соломою курень, неуклюже прижавшійся къ плетню подлѣ воротъ? Въ немъ попрежнему я вижу что-то похожее на кровать, но цѣли существованія этой кровати рѣшительно не понимаю. Вотъ я и въ другомъ Вашемъ саду. Здравствуйте, нагіе дубы и липы! Здравствуйте, знакомые свѣжіе пни! Бѣдныя деревья! Ихъ употребили на постройку... какъ оплакивалъ васъ (впрочемъ безъ слезъ) Вечеславъ Изановичь! Но въ сторону воспоминанія. Однако, позвольте Вамъ замѣтить, дорожки не совсѣмъ чисты: тутъ и тамъ желтѣютъ и сѣрѣютъ прошлогоднія листья. Прикажите пожалуйста все

это подмести, терпѣть не могу... Все отжившее на меня наводитъ тоску. Вотъ и безконечная аллея. Она мила и въ самой наготѣ. Съ удовольствіемъ по ней иду. Жаль, что нѣкоторыя смѣлыя вѣтки ударяютъ по лицу, какъ видно онѣ не очень рады незванному гостю. Погодите, дерзкія! Доберется до васъ всесокрушающій топоръ Николая и тогда — тогда вы сгорите въ печи возобновленной кухни. Скажите, что значитъ дурное расположеніе духа въ слѣдствіе удара по лицу вѣтокъ! Я не могу равнодушно смотрѣть на этотъ обшитый тесомъ домъ. Кровля—красная точно кровь, стѣны—дикія и къ довершенію непріятнаго какая-то особа женскаго пола (что я съ достовѣрностію заключаю по накинутой на плечи кацавейкѣ) прогуливается передъ крыльцомъ. Пусть ее прогуливается! Я не намѣренъ мѣшать уединенному размышленію благородной особы, тѣмъ болѣе... Позвольте Вечеславъ Ивановичь Вашу зрительную трубу... ухъ, какой видъ у этой особы! какой взглядъ! какое сознаніе собственнаго достоинства въ манерахъ! Прочь смертный отъ этого холоднаго полюса: опоздалъ на почту, поэтому и пишу скверно. Да, забылъ! У Васъ, Евдокія Александровна, проситъ извиненія Madame Второва. Она не могла вамъ сдѣлать визита, потому что была удержана пріѣздомъ какой-то дамы, засидѣвшейся у ней черезъ-чуръ долго. Это было, сколько я помню, во вторникъ, на слѣдующій день она хотѣла ѣхать, но я сказалъ, что Вы уже въ дорогѣ.

Имѣю честь быть Вашимъ покор. слугою

Иванъ Никитинъ.

1857. Апр. 12.

Простите за болтовню, право скучно, не съ кѣмъ перемолвить слова.

IX.

Милостивая Государыня
Евдокія Александровна.

Матушку Анастасію я засталъ на порогѣ: она отправлялась въ Задонскъ, разумѣется вручилъ ей Ваше письмо и получилъ деньги, въ чемъ и расписался. Какъ я ни старался выжать что-нибудь изъ нѣмца — хозяина коляски, нѣтъ! не уступилъ ни гроша! Толкуетъ, что она изъ бука, и при этомъ долго вертѣлъ указательнымъ пальцемъ подъ самымъ моимъ носомъ, ей Богу не понимаю, что же тутъ общаго между букомъ и моимъ носомъ? Впрочемъ нѣмецъ можетъ быть и знаетъ: по словамъ князя Вяземскаго

Нѣмецъ такъ глубокомысленъ,
Что провалишься въ него.

Починки сдѣлано мало — одна гайка (1 ру. 22 ко.). Ключа, винтовъ и какой-то ваги нѣтъ; едва ли скоро довезутъ ваши лошади этотъ экипажъ, даже по Дворянской улицѣ чуть-чуть тащили. Очень жалѣю о непріятномъ произшествіи въ Вашемъ домѣ. Я думаю тутъ-то наѣхало разныхъ лицъ, тутъ толковъ, спросовъ и т. подоб. Если бы не починка на дворѣ и не ломка на улицѣ отправился бы тотчасъ же къ Вамъ посмотрѣть на уморительныя сцены.

Изъ присланныхъ Вами мнѣ денегъ истрачено:

За гайку	1 ру.	22.
За овесъ и сѣно	1.	40.
За сало	—	35.
Соду	1.	75.
Конфекты	1.	5.
На дорогу	1.	23.

Остальные при семъ прилагаются.

Честь имѣю свидѣтельствовать нижайшее почтеніе всему Вашему семейству Вашъ всепокорнѣйшій слуга

И. Никитинъ.

12-го Іюля 1857 года.

Милостивой Государынѣ Евдокіи Александровнѣ Г-жѣ Плотниковой.

X.

Милостивый Государь,
Вечеславъ Ивановичь.

Комодъ при семъ препровождается. О деньгахъ пожалуйста не заботьтесь; Вы напрасно о нихъ и упоминали. Да мало того о нихъ, Вы заговорили о какой-то гречихѣ; вѣдь этакъ могло дойти до овса, пшеницы и прочее, и прочее, и прочее; я въ хлѣбахъ не знатокъ, Богъ съ Вами!

Прошу Васъ принять отъ меня въ знакъ моего глубочайшаго уваженія и на память et cetera моего „*Кулака*". Только что получилъ его съ послѣднею почтой, въ числѣ 5 экземпляровъ; у меня не осталось теперь ни одного. Даже матушкѣ Игуменьѣ нечего дать. Вы пожалуйста въ письмахъ своихъ къ ней не упоминайте о томъ, что я Вамъ подарилъ экземпляръ. Богъ знаетъ, можетъ быть она обидится, можетъ быть скажетъ: почему же ему, а не мнѣ? Я просто разорванъ на части. Тому нужно, другому нужно, а изъ Москвы не шлютъ, два письма уже туда отправилъ одно вслѣдъ за другимъ и все безплодно, получу развѣ на Пасхѣ, да и то подъ сомнѣніемъ. Ахъ, дорого бы я далъ, что бы подмѣтить первое впе-

чатлѣніе на всѣхъ лицахъ Вашего семейства, — въ то время, когда, послѣ внимательнаго обзора наружности комода, открывается (надобно прибавить со звономъ) одинъ изъ его ящиковъ и „Кулакъ“ является на сцену! Жаль, спѣшитъ Вашъ кучеръ, сейчасъ бы нарисовалъ здѣсь эту маленькую картину, этотъ переходъ „Лукича“ изъ рукъ въ руки, спокойный взглядъ Павла Александровича, снисходительную улыбку къ глупостямъ стихотворцевъ вообще и меня въ частности доброй Евдокіи Александровной, протянутую ручку Матильды Ивановной съ возгласомъ: „montrez!“ О Натальѣ Вечеславовной я не смѣю говорить, такъ какъ я слышалъ, что она не совсѣмъ выздоровѣла, больные, говорятъ, раздражительны; а на ней-то именно я и хотѣлъ сосредоточить искуство своего пера. „Почему же это именно на мнѣ?“ восклицаетъ она съ изумленіемъ. Ну вотъ-съ, видите! Я недаромъ говорилъ о раздражительности... Нѣтъ на свѣтѣ нестерпимѣе Вашего кучера!... не далъ договорить мнѣ.

Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія имѣю честь быть Вашимъ слугою

И. Никитинъ.

NB. Сумка цѣла, а другая, для которой нѣтъ рус. названія, остается безъ замка, ибо не берутся сдѣлать остальное.

1858 г. Марта 4.

XI.

Милостивый Государь,
Вечеславъ Ивановичь.

Неожиданный случай доставилъ мнѣ удовольствіе написать къ Вамъ это письмо, а Вамъ скуку его прочитать.

Я имѣю до Васъ покорнѣйшую просьбу.

Нашъ новый книгопродавецъ Горденинъ вошелъ со мною въ нѣкоторыя сдѣлки относительно книгъ: Вы сдѣлали бы мнѣ величайшее одолженіе, если бы, при первой отправкѣ кого-либо изъ Вашихъ людей въ Воронежъ, переслали мнѣ мои *„Отечественныя Записки“*. Этотъ литературный хламъ мнѣ очень нуженъ, иначе я не смѣлъ бы безпокоить Васъ своей корреспонденціей. Прочія книги пусть у Васъ, если читаете. Будете пересылать, пожалуйста прикажите человѣку позаботиться о моихъ толстѣющихъ (какъ говорятъ наши купчихи о своихъ мужьяхъ, а я здѣсь о книгахъ) *„От. Запискахъ“*, т. е., не подмочить ихъ и прочее. Вся эта пудовая литература поступитъ въ вѣчное владѣніе Monsieur Горденина.

Новостей въ журналахъ по поводу современнаго вопроса довольно. Нѣсколько дней назадъ заговорили о немъ гласно—

называя вещи собственными ихъ именами, а не какъ было доселѣ. Вчера я читалъ одинъ печатный проэктъ, въ которомъ подробно предлагаются мѣры о возможномъ примиреніи той и другой стороны въ дѣлѣ освобожденія пом. крестьянъ.

Свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе всему Вашему семейству и желаю здоровья и побольше веселья теперь и въ дни наступающаго праздника Пасхи.

Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

И. Никитинъ.

1858 г. Марта 10.

XII.

Милостивая Государыня
Евдокія Александровна.

Вы на меня сердиты, и потому къ Вамъ первой я обращаюсь съ покорнѣйшей просьбой: простите! Виноватъ! Напишу на заглавномъ листѣ *„Кулака“* или гдѣ вы прикажете все,—что Вамъ будетъ угодно. Мнѣ извѣстно, что *„Кулакъ“* поступилъ въ исключительно владѣніе одной, любимою Вами, особы. Авторъ почитаетъ себя вполнѣ вознагражденнымъ за свой трудъ, зная, что этотъ слабый трудъ находится въ такихъ прекрасныхъ рукахъ. Жаль, что поспѣшный отъѣздъ г. Имзина поставляетъ меня въ невозможность написать Вамъ длиннѣйшее письмо! О многомъ хотѣлось бы поговорить, потому что говорить съ Вами такъ хорошо, такъ отрадно! Въ настоящее время я въ сквернѣйшемъ расположеніи: медленность К. О. Александрова-Дольника въ присылкѣ мнѣ книгъ подымаетъ всю мою жолчь. Денегъ отъ Имзина за комодъ я не взялъ: въ нихъ покамѣстъ нѣтъ нужды. Нравится ли Вамъ Некрасовъ? Какъ нашли Наталья Вечеславовна и Матильда Ивановна Гюго? Есть у него не дурныя мѣста, но вообще онъ болтунъ. Ахъ, Наталья Вечеславовна! если бы Вы прочитали Байрона! Сколько у него стихотвореній, изъ которыхъ ключемъ бьетъ опьяняющая, чудная поэзія!

Сертукъ Вашъ Павелъ Александровичь остается покуда въ Воронежѣ, хотя могъ бы быть высланъ, если бы Имзинъ подождалъ два часа.

Свидѣтельствую глубочайшее почтеніе всему Вашему семейству.

Душевно преданный Вамъ

И. Никитинъ.

1858. 13 Марта.

XIII.

Милостивая Государыня
Евдокія Александровна.

Я радъ отъ души, что здоровье Вечеслава Ивановича поправляется. Радъ, что у Васъ миръ и тишина. Если бы не моя болѣзнь, а въ особенности діэта, на которую посадилъ меня докторъ, я бы непремѣнно пріѣхалъ къ Вамъ, хотя на короткое время. Поправляйтесь, Вечеславъ Ивановичъ! Вы нужны своимъ и любимы чужими.

Все, что было Вами поручено мнѣ купить, я купилъ; счетъ при семъ прилагаю. Но, смѣю сказать, Вы, Евдокія Александровна, разсѣянная хозяйка: отправили человѣка и не дали ему ни мѣшка, ни ящика для свѣчей и мыла, даже не написали какихъ нужно свѣчей т. е: сколько на фунтъ и стеариновыхъ или сальныхъ; я уже взялъ наудачу; не угадалъ—извините. Боюсь, какъ бы Вашъ вѣрный Ричардъ, свирѣпыя очи не испортилъ часовъ; по полученіи тотчасъ ихъ заведите. Идутъ они вѣрно. Телятина ухъ—какъ дорога!

Свидѣтельствую всѣмъ Вамъ мое душевное, глубочайшее и вѣчно-неизмѣнное почтеніе

И. Никитинъ.

1858 г. Сент. 28.
Воронежъ.

Ея Высокоблагородію Евдокіѣ Александровнѣ Г-жѣ Плотниковой.

XIV.

Милостивая Государыня
Евдокія Александровна.

Порученіе Ваше я имѣлъ удовольствіе исполнить. Жаль, что часы доселѣ не готовы; впрочемъ деньги за нихъ я оставилъ и при первомъ случаѣ Вы ихъ получите; можно бы даже сегодня вечеромъ, но мнѣ не хотѣлось удерживать Вашего человѣка, напротивъ я торопилъ его какъ могъ. Чтожъ Вы, добрѣйшій Вечеславъ Ивановичъ, не поправляетесь? Пора бы! Главное—поменьше заботъ, волненій и все пойдетъ во благо. Какъ бы я хотѣлъ теперь пожать Вашу руку и побесѣдовать подъ Вашею гостепріимною кровлей; мѣшаютъ этому и дѣла и нездоровье—ужасно досадно. Новаго у насъ въ Воронежѣ ничего нѣтъ, развѣ вотъ что: планъ на памятникъ Петру I-му утвержденъ и Государь Императоръ изволилъ пожаловать на этотъ предметъ 2500 руб. серебр. Есть еще слухъ, что съ будущей весны у насъ начнется устройство набережной. Это

было бы превосходно. Вотъ Вамъ и всѣ новости съ прибавленіемъ слѣдующей: Кулакъ мой распроданъ. Въ Москвѣ и Петербургѣ не осталось ни одного экземпляра; но денегъ еще не получалъ. Кстати. Для кого Вы взяли Кулака? 1 ру. 50 к. сер. я за него оставилъ изъ Вашихъ денегъ. Если же онъ окажется для Васъ ненужнымъ въ такомъ случаѣ я возвращу Вамъ эти 1 ру. 50 к. Вотъ и счетъ покупокъ и прочаго.

За лекарство	7 ру. 52.
За мыло	3 ру. 20 к.
Свѣчи	4 ру. 20 к.
За часы	3 — 50.
За Кулака	5 — 25 к.
Прежнихъ денегъ было за Вами.	8 — 80.
Итого . .	32 ру. 47.

Остальные 2 ру. 53 присемъ прилагаются.

Свидѣтельствуя мое глубочайшее почтеніе Вашему семейству имѣю честь быть

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

И. Никитинъ.

1858 г. Окт. 25.

NB. Извините, что скверно пишу: у меня гость, съ которымъ я и отправляюсь сію минуту по одному спѣшному дѣлу...

XV.

Милостивый Государь
Ѳедоръ Богдановичъ! *)

Честь имѣю принести Вамъ глубочайшую благодарность за присланный мнѣ Вами Вашъ журналъ. Ваше сочувствіе къ успѣху моего книжнаго предпріятія поистинѣ меня порадовало. Вы знаете, всякій начинающій нечуждъ нѣкотораго рода сомнѣнія — пойдетъ или нѣтъ его дѣло, и потому голосъ одобренія въ эту пору много значитъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте мнѣ изъявить искреннее сожалѣніе, что я не могу принять на себя сотрудничества въ Вашемъ журналѣ: вотъ уже четвертая недѣля я боленъ и теперь пишу къ Вамъ лежа въ постели, да и вообще я никогда не могу похвалиться своимъ здоровьемъ. Между тѣмъ у меня уже столько обязательствъ съ нѣкоторыми редакціями! А тутъ домашнія заботы, торговыя заботы и право никакъ

*) Миллеръ.

не выберешь дня, чтобы отдохнуться трудомъ литературнымъ.

Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и совершеннѣйшей преданности имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Никитинъ.

1859 г. Февраля 9.
Воронежъ.

XVI.

Воронежъ. 1861 Апрѣля 5.

Милостивый Государь
Рудольфъ Ивановичъ.

Пользуясь пріѣздомъ Вашего человѣка въ нашъ Богоспасаемый градъ Воронежъ, считаю пріятнымъ для себя долгомъ засвидѣтельствовать Вамъ мое глубокое, искреннее почтеніе.

Ну-съ, что у Васъ новаго и какъ Вы поживаете? Или лучше сказать: какъ Вамъ не наскучитъ Ваша глушь. Вы, я думаю, всей душою погрузились въ свое сельское хозяйство, въ тайны агрономіи и т. подоб. О, матерьялизмъ! Вотъ оно — несчастное, индустріальное направленіе нашего вѣка! То ли дѣло нашъ братъ - горожанинъ. Насъ, изволите ли видѣть, занимаютъ нѣкоторымъ образомъ духовные, высшіе интересы (Вы ужь извините, что я сказалъ самому себѣ диѳирамбъ: это находитъ на меня планидами). Мы, напримѣръ, устраиваемъ 9-го Апрѣля, въ Воскресенье, музыкально-литературный вечеръ въ пользу „Воскресныхъ школъ“ а изъ сего Вы можете видѣть, какъ дорого, какъ близко нашему сердцу просвѣщеніе родной страны. Однако скажу безъ шутокъ: не придетъ ли Вамъ на умъ благая мысль пріѣхать для этого вечера въ Воронежъ? Вѣль это было бы хорошо. Вечеръ, если я не ошибаюсь, сойдетъ не дурно и посѣтителей навѣрное соберется довольно. При этомъ я прилагаю программу вечеру, — имѣя въ головѣ заднюю мысль: не соблазнитесь ли Вы и не воскликнете ли по прочтеніи ея: „эй! человѣкъ! Скажи, чтобы закладывали лошадей!..“ Впрочемъ, Богъ съ Вами. Творите, что вѣдаете. Особенныхъ новостей у насъ нѣтъ. Манифестъ объ освобожденіи крест. былъ принятъ довольно холодно. Изъ этого Вы можете заключить о степени нашего развитія. Губернское Правленіе для производства по крестьянскимъ дѣламъ устраивается, но выборъ чиновъ еще не оконченъ. Мнѣ кажется, при новыхъ отношеніяхъ нашихъ крестьянъ къ помѣщикамъ вслѣдствіе безграмотности первыхъ въ нѣкоторыхъ закоулкахъ нашей Святой Руси не обойдется

безъ бо́льшихъ или меньшихъ волненій, а это было бы грустно.

Вашъ человѣкъ спѣшитъ и потому я поневолѣ долженъ окончить письмо.

Примите на себя трудъ передать мой нижайшій поклонъ Вашей супругѣ Натальѣ Вечеславовнѣ и Евдокіи Александровнѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Никитинъ.

XVII.

Милостивый Государь
Вечеславъ Ивановичъ.

Мука Ваша продана. Вышло 29 1/2 четвертей, следовательно 2 четверти примѣру. Цѣна за четверть 7 ру. 25 коп. Деньги шесдесятъ одинъ рубль серебр. при семъ прилагаются. Если бы Вы прислали двумя недѣлями ранѣе, можно бы продать 8 ру. за четверть.

Пріѣзжайте пожалуйста въ Воронежъ. Я соскучился по всѣхъ Васъ. Извините за фамильярность выраженія, дѣло не въ выраженіи, а въ правдѣ, которая водитъ моимъ перомъ, а правда, даже неискусно высказываемая, имѣетъ свою цѣну. Да-съ! Вечеславъ Ивановичь! Теперь я съ Вами попью чайку-съ на просторѣ: квартиранта я выжилъ. Разскажу при свиданіи, какимъ образомъ, цѣлая исторія. Глубокій мой поклонъ, Вамъ Евдокія Александровна и Вамъ Наталья Вечеславовна.

Всею душою преданный Вамъ рабъ

И. Никитинъ.

Его высокоблагородію Вечеславу Ивановичу Г. Плотникову. Г. Воронежъ.

Къ К. О. Александрову-Дольнику *).

Милостивый Государь,
Константинъ Осиповичъ.

Простите ради Бога, что я надоѣдаю Вамъ своими письмами. Но какъ быть? что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Вотъ три мѣсяца о „Кулакѣ“ ни слуху, ни духу; живъ ли онъ и какъ проходитъ сквозь цензуру? Будьте такъ

*) *Путь* 911, № 1.

добры, примите на себя трудъ увѣдомить меня двумя-тремя строками о его положенiи. Я желалъ бы также знать, въ какомъ количествѣ экземпляровъ, по Вашему мнѣнiю, должно выйти изданiе, и сколько нужно мнѣ прислать Вамъ денегъ на печатанiе; (объ этомъ я уже имѣлъ честь къ Вамъ писать). Во всякомъ случаѣ, если книжка, по крайней мѣрѣ, около новаго года не появится въ свѣтъ, тогда необходимо будетъ отложить изданiе до слѣдующей зимы, такъ какъ предпрiятiя подобнаго рода въ другое время у насъ оказываются неудачными; это я слышалъ отъ людей хорошо знакомыхъ съ книжной торговлей и частiю знаю по опыту. Покупатели постоянные, такъ называемые дилетанты литературы, у насъ очень рѣдки. А право жаль, если несчастному „Кулаку“ придется ждать другого новаго года! ужъ скорѣе бы съ нимъ покончить, посмотрѣть и послушать, что и какъ, и— тогда за новую работу; до сихъ поръ что-то не работается. Забота плохой двигатель труда, если она не о самомъ трудѣ. Я знаю, что у Васъ мало, можетъ быть, и вовсе нѣтъ свободнаго времени и потому по возможности сокращаю мое письмо.

Съ чувствомъ глубочайшаго уваженiя и совершеннѣйшей преданности имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Иванъ Никитинъ.

1857 г. 1 ноября.
Воронежъ.

Варіанты *).

Къ 1-ой редакціи „Кулака.“

112,5 : По гати тянется обозъ.

113,1 : Вонъ коршунъ плылъ подъ облаками,
Да вдругъ и замеръ въ вышинѣ.

„ 5 : Макушками-то внизъ ростутъ.

„ 16 : Равнину пройденной дороги
Покрыли сумерки и пыль!..
Теперь... Теперь стоитъ вонъ зданье.

„ 36 : Подросъ и городъ. Въ изголовьѣ
Полей широкое приволье.

114,5 : На мѣсто сора и травы.

„ 17 : И мычетъ горе нашъ кулакъ.

„ 26 : Калачникъ, окна кабака.

„ 29 : Стой! Вотъ и домикъ кулака.

115,12 : Она опрятна. Икона, печка.

„ 17 : 1) Все старина, но ни на чемъ
Нѣтъ пятнышка или пылинки.
2) Все старина, за то соринки
Тутъ не увидишь ни...
3) Все старина, за то соринки
Тутъ не замѣ...

„ 20 : Ты вѣчно съ варежкой сидишь.

„ 25 : 1) Нужда, домашнія невзгоды,
Кручина горькая да годы!
2) Печаль, домашнія невзгоды
Заботы тяжкія да годы.

„ 30 : И побѣлѣлъ твой русый волосъ.

---

*) Въ варіантахъ соблюдается правописаніе рукописи. Цифры жирнымъ обозначаютъ стр. и строки наст. изд., значеніе мелкихъ цифръ и скобокъ см. въ примѣчаніяхъ.

115,34 : Сидишь, какъ мать, передъ окномъ,

116,4—11 : Потухъ румянецъ на щекахъ
И спицы движутся сонливо,
И дремлетъ варежка въ рукахъ.
О чемъ тоска? Откуда скука?
Глаза—огонь, коса—смола.
Какъ бѣлый воскъ, рука бѣла...
Душа болитъ? Неволя—мука?..
Постой, недолго погрустишь.

„ 13 : Не знаешь, Сашенька-сь?—Не знаю—

„ 30 : Горою темной повалилась

118,6 : О-охъ, бѣда со старикомъ.

„ 7 : Однако темно. Свѣчку надо.

„ 13—17 : Вошелъ кулакъ. Его лицо
Отъ зноя солнца загорѣло.
Угрюмъ и зорокъ смѣлый взглядъ,
Щетиной жесткою торчатъ
Густыя брови.

„ 19—23 : И черенъ волосъ, но сѣда
Подстриженная борода.
Ростъ не великъ, въ плечахъ просторенъ,
Упруги жилы крѣпкихъ рукъ,
Картузъ расплющенъ и засаленъ.

„ 31 : Кулакъ за столъ не торопился

119,16 : Такъ Сашѣ дѣвкою остаться.

„ 22 : Опять. Вы дайте хоть поѣсть.

120,11—12 : Другимъ, къ примѣру, вотъ дается
Казна и счастье, словно кладъ.

„ 17—19 : 1) Тутъ дочь невѣста... я не спорю,
Помочь бы тутъ бѣдѣ и горю:
Сосѣдъ и честенъ и хорошъ.
2) Вотъ дочь невѣста... Я не спорю. (1)

„ 23—26 : Одной душѣ да сердцу мука:
Передъ зажиточнымъ плутомъ
И честный спину гнетъ кольцомъ,
Нужда мудреная наука...

21,2 : Давно я сваху поджидаю.

„ 3 : И тяжело кулакъ вздохнулъ,

122,4—6 : Еще ребенкомъ окруженный
. . . . . жизни обыденной
Кулакъ бездѣлье полюбилъ.

123,34 : Старикъ въ восторгѣ былъ.

125,31 : Приманка яркая для глазъ.

126,3 : Впередъ... Впередъ... Лотки, лопаты

„ 19 : За нимъ какой-то шарлатахъ (описка)

„ 20 : 1) Весь красный, въ мишурѣ и блесткахъ.
2) Весь розовый, въ мишурныхъ блесткахъ.

„ 21 : Кривляясь въ курткѣ на подмосткахъ...

„ 26 ; Вотъ (мимо) на конѣ верхомъ.

„ 35 : Торчатъ вокругъ, поверхъ головъ.

127,19 : И то вишь я не захотѣла.

128,7—10 И холстъ свернувъ, онъ положилъ
Подъ мышку. Съ бабою разсчелся,
Пяти грошей не доплатилъ
И въ сторону, къ возамъ поплелся.

„ 11 : Ей, голова! Почемъ мука?

„ 15 : Ты и намедни покупалъ.

„ 21 : Съ знакомымъ бариномъ столкнулся.

„ 35 : Какъ уголь черный—заглядѣнье!

129,1—2 : Смотри, не врешь ли ты, Лукичъ,
Давно твои продѣлки знаю.

„ 24 : Вотъ вамъ купить бы... Радъ душою.

„ 31 : И тростью черною играя.

130,2 : Лукичъ помѣщику сказалъ.

„ 4 : 1) Аршиномъ молча показалъ.
2) Аршиномъ бойко показалъ.

„ 15 : Поди и покажи пока.

„ 28 : Господъ нерѣдко за носъ водитъ.

„ 29 : 1) Охъ, плутъ ты—Климъ.
2) Ну, плутъ! - помѣщикъ отвѣчалъ.

„ 31 : Войдя въ конюшню торопливо.

131,1—2 : Лукичъ промолвилъ: живо! (криво!)
Въ карманъ свой деньги опустилъ
И кнутъ у кучера....

131,3	:	Вѣдь конь съ запаломъ, зареветъ.
„ 5—7	:	Отвѣдай плети. Такъ! Вотъ такъ! На дворъ его, на дворъ скорѣе!
„ 8	:	И конь на дворъ черезъ порогъ.
„ 12—13	:	Кулакъ назадъ посторонился, И молвилъ: эдакой лихой!
„ 28—29	:	Вы не забудьте, что рысакъ, Сказалъ вполголоса кулакъ.
132,29—30	:	Ѳому Петровича я знаю, Кулакъ учтиво подтвердилъ.
„ 32	:	Старикъ со зла развелъ руками.
133,1—3	:	„Я не обидѣлъ васъ словами, Цѣна не дорогая, да-съ! Я ни за нихъ и ни за васъ.
„ 3—4	:	. . . . . И кулакъ руками Развелъ и думалъ: вишь хитритъ.
135,21	:	Хоть гривенникъ.—Опять все нѣтъ.
„ 23—25	:	Хоть грошъ, сударь, побойтесь Бога! Ступай, ступай! Простылъ обѣдъ, Упустишь время за грошами,
„ 28—29	:	Кулакъ вздохнулъ, пожалъ плечами, Махнулъ аршиномъ и ушелъ.
„ 30—32	:	Люблю я часъ зари вечерней Какъ будто (ало) и деревни Огнемъ охвачены въ дали.
„ 34	:	Выходитъ пламя языками.
136,3	:	И расширяться полосами
„ 6	:	По желтымъ жнивьямъ дымъ сѣрѣетъ.
„ 9	:	Едва то видный, онъ синѣетъ.
„ 13	:	1) Вокругъ не тронется трава. 2) Вокругъ притихнула трава.
„ 18—34	:	Стучатъ пролетки. Подъ шарманку Лучину въ сторонѣ поютъ. Слѣпцы съ вожаками бредутъ, Затѣявъ споръ и перебранку, Шумитъ толпа у кабака. Со скрыпомъ тряской таратайки Слилися звуки балалайки

И бойкій топотъ трепака.
Богъ вѣсть откуда донеслися
Отрывки брани. У воротъ
Кухарки, кучера сошлися
И сплетничаютъ про господъ.
Медвѣдя, цѣпью сотрясая,
Цыганъ оборванный ведетъ.
Съ двора на дворъ перебѣгая,
Отсталый жеребенокъ ржетъ
. . . . . мужикъ бѣжитъ съ арканомъ...
И тамъ и сямъ огонь блеснулъ,
Дома окутались туманомъ —
Въ туманѣ городъ не заснулъ.

137,1 : Вращая мутные глаза.

„ 32 : Кулакъ на лавку опустился.

138,7 : Когда кулакъ отъ мухъ проснулся.

„ 12 : Въ глубокой мисѣ. Самоваръ.

„ 22—23 : Съ похмѣлья чувствуя усталость,
Кулакъ свалилъ вину на старость.

140,35—36 } : Вотъ грѣхъ—то. Батюшки, изъ рукъ
141,1—4 } Валится все... Ты что жъ ни съ мѣста,
Старикъ! Надѣнь скорѣй сюртукъ...
Да спрячься ты—то... Охъ, невѣста!
„Ну струсила—сказалъ кулакъ:
Небось, не попадемъ впросакъ".

„ между ст. 13 и 14: Внезапно за столомъ въ гостяхъ
Умершей съ пирогомъ въ рукахъ.

„ 16—17 : По цвѣту братъ незрѣлой сливы,
Глаза косые, взглядъ пытливый.

„ 28 : Сказалъ кулакъ: вотъ чашку чаю

142,14 : Кулакъ подумалъ и смолчалъ

„ 21—22 : Дородствомъ намъ не любоваться,
А былъ бы съ честною душой.

„ 28 : Хоть князь живи! Свѣтло, просторъ!

143,11 : Почти вѣдь до свѣту придетъ.

„ 33 : Ты будешь съ нимъ и торгъ имѣть.

„ 36 : Ну такъ, къ примѣру, повѣрнѣе.

144,7 : И свадьбамъ счетъ-то потеряла.

„ 12 : За то къ ко...

145,11—12 : Умно, дескать; тутъ смотришь въ оба,
Тутъ думать думу не шутя.

„ 32 : Ползетъ въ дома черезъ порогъ.

146,1 : Зачѣмъ? Откуда? Судитъ Богъ!

„ 17 : Прохватитъ съ ногъ до головы

„ 30 } : Не оскорбляй святыни сердца:
147,1 } Какъ херувимъ любовь свята;
Въ лицѣ весна, душа младенца,
Во взглядѣ рай и чистота.
Она идетъ — и небомъ вѣетъ!
Среди зимы тепло стоитъ.
Пусты..... садикъ зеленѣетъ,
Тюрьма отраднѣе глядитъ.

„ 6 : Не этотъ смыслъ въ твоей печали.

„ 30 : Нетронутая топоромъ
Сирень нависла надо рвомъ.
Макушки жосткаго бурьяна
Покрыты тучей воробьевъ,
Сквозь сѣтку трепетныхъ листовъ
То яблоко щекой румяной
На полдень весело глядитъ,
То дуля золотомъ горитъ.

150,16 : Шумятъ — купаются мальчишки.

„ 26 : Воды лѣниво почерпнула.

„ 31 : Веселый взглядъ всегда спокоенъ.

151,9 : За мной прислали чуть лишь свѣтъ...

152,1 : Или за трудъ ночной порою.

„ 14—17 : 1) Упрямствомъ Саши разсерженный
Кулакъ, въ заботу погруженный,
Въ рубашкѣ, съ трубкой закуренной
И разгорѣвшимся лицомъ
2) Упрямствомъ Саши разсерженный
Кулакъ сидѣлъ передъ окномъ
Въ рубашкѣ, съ трубкой закуренной
И разгорѣвшимся лицомъ.

„ 29 : Сказалъ отецъ: не въ мочь терпѣть.

153,11—16 : . . . . . .
Что хочешь, не окончилъ спора
За косы взяться? Визгъ пойдетъ.
И жаль!.. Охота не беретъ,

Такъ погоди же, я сумѣю
Поговорить иначе съ нею.

153,29 : — У васъ всегда одни догадки...
Мнѣ къ бѣдности не привыкать:
Я стану шить, вязать перчатки.

154,32 : Да плачешь... Вотъ она причина!

155,16 : Утѣха ты моя и радость.

„ 19 : Старушка бѣдная. Она

„ 28 : И долго дѣвушка крѣпилась.

162,4—6 : Великій день. Тутъ мало спятъ,
Безъ устали кипитъ работа,
Столы и стулья говорятъ.

„ 14 : Свое любимое дитя.

„ послѣ ст. 18 было:
1) Рука тряпицей занята,
Вода въ двухъ мисахъ налита.
2) Вода въ двухъ чашахъ налита. (2)

„ 20—23 : 1) Графины, рюмки и бутыли,
Сбродъ разныхъ чашекъ, пузырьковъ
Пришли изъ царства тьмы и пыли,
Ждутъ омовенья отъ грѣховъ.
2) Сбродъ разнородныхъ пузырьковъ. (2)

„ 26 : 1) И шкапъ и жизнь навѣкъ прощай!
2) Нашъ старый шкапъ тогда прощай!
3) Бѣда! И шкапъ тогда прощай!

„ послѣ ст. 26 было:
1) Но Саша опытной рукою
За омовеніе взялась,
И скоро съ новой красотою
Вся сволочь въ шкапъ перебралась.
2) Но Саша опытной рукою
За омовенье принялась. (1—2)
3) Но Саша опытной рукою
Поочередно ихъ брала,
И скоро съ новой красотою
За стекла въ шкапъ перенесла.

„ сбоку, у ст. 27:
1) Столы и стулья, окна, лавки
Въ простѣнкѣ зеркало, комодъ—
2) Всѣ окна, двери, стулья, лавки,
Въ простѣнкѣ зеркало, столы,—

Все дождалось воды и тряпки...
Скребетъ косарь, скрыпятъ полы.

162, послѣ ст. 30 было:
И солнце въ горенкѣ трудится:
На печку глянуло въ окно,
Да видитъ: даромъ пыль кружится,
Ну ткать изъ пыли полотно.

163,5 : Кулакъ былъ тоже озабоченъ.

„ 19 : 1) И молча къ чорту ихъ послалъ:
Дескать, анаѳемскія штуки.
2) Сталъ ихъ снимать и бормоталъ:
Ахъ вы, анаѳемскія штуки.
3) И съ сердцемъ про себя сказалъ:
Ахъ вы, анаѳемскія штуки.

„ послѣ ст. 26 было:
Кулакъ охотно и нерѣдко
Свой небогатый капиталъ
Съ слѣпцомъ, съ какимъ-нибудь калѣкой
На перекресткахъ раздѣлялъ.

„ 36 : Объ урожаѣ гречи новой

164,8 : Кулакъ, нахмурясь, отвѣчалъ.

„ 12—14 : Изюмъ, орѣхи, черносливъ,
Чай съ сахаромъ и сотня сливъ.
„Бери-ко, Саша. Все исправно...
Да, голый охъ, а съ голымъ Богъ:
Поторговалъ сегодня славно,—
Вотъ—вишь добра-то приволокъ—
А ты, къ примѣру, поскромнѣе

„ 18—23 : Всѣ стулья заняты гостями:
Смотрушки въ горенкѣ давно.
Румяный, съ русыми кудрями,
Женихъ сидитъ подъ образами,
И говоромъ оживлено
Собранье.

165,6—12 : Привстали чинно, не спѣша
И молча потянулись въ сѣни
Для приговора и сужденій—
Была ль невѣста хороша?
Кулакъ въ углу шепталъ съ женою,
Съ дороднымъ кумомъ и кумою,
Дочь выслалъ въ кухню напередъ;
Теперь, молъ, торгъ у насъ пойдетъ,

„ 14 : Поклонъ, и два—и рѣчь заводитъ.

165,23—25 : Ты слушай вотъ что: жемчугу
И денегъ дать я не могу
. . . . . .

166,17—21 : Покинувъ теплыя постели,
Подруги Саши.....
Пришли на зовъ, къ сторонкѣ сѣли
И до разсвѣта пѣсни пѣли
Одну печальнѣе другой.

„ 27 : Вино лилось. Кулакъ плясалъ.

167,1—4 : Одѣтъ пестро, лицомъ пріятенъ
И въ обхожденьи великатенъ...
Межъ тѣмъ женихъ ей говорилъ:
Вы танцы любите?
—Танцую.

„ противъ ст. 8—14 написано карандашомъ, но въ текстъ не внесено:
Брысь!
— Что вы?—
„Кошка подъ ногами...
Повѣрите-ль, мнѣ въ дѣтствѣ разъ
Котъ чуть не выцарапалъ глазъ,
А въ руки такъ впился когтями,
Что просто, смерть! Изъ-за чего
(Я, знаете-ли), сѣкъ его.
Съ тѣхъ поръ ихъ не терплю...“
— Прекрасно!
Вы злой!.. —
„Напротивъ, добръ ужасно!“
(Добръ)?—„Какъ бы вамъ сказать...
Позвольте васъ поцѣловать.“

„ противъ ст. 24—27 написано карандашомъ, но въ текстъ не внесено:
„Вотъ поцѣлуй! Одинъ и только—
Прибавь, прибавь! Лукичъ...
Вишь и вино не пьется: горько,
Эхъ, братецъ, мало подсытилъ.

„ передъ ст. 29 было еще четыре стиха написано карандашомъ и потомъ стерто.

„ 29—31 : . . . . . ой пляской утомленный
И (крѣпкимъ) хмѣлемъ подкошенный
Упалъ и бормоталъ сквозь сонъ:
Стой, смирно! Убирайтесь вонъ!

168,4 : И руку кулаку пожалъ

„ 20 : Женихъ за дверью былъ давно,

168,21 : Не замолкалъ кулакъ равно.

169,13 : Купецъ, обману недоступный

„ 35 : Вотъ твой кулакъ-то! Вотъ онъ, плутъ!

170,27 : Кулакъ и голь—и отказалъ.

„ 37 } : Черезъ плетень въ садъ кулака:
171, 2 } Вражда сосѣдская покуда
Была чужда для бѣдняка.

„ 4 : У кулака напѣвъ печальной.

„ 23—26 : 1) Подсѣкли дубъ однимъ ударомъ...
Ужъ зналъ бы я, по комъ грустилъ;
Рвалось бы сердце, да не даромъ...
Живую куклу полюбилъ!
2) Убить бы грусть однимъ ударомъ...(1)
Ужъ зналъ бы я, о комъ тужилъ.(2)

„ 34 } : Семьи родимой нищета,
172, 5 } Отца тяжелая работа
За верстакомъ по смертный часъ,
И голубиная охота
И при смерти его наказъ—
Трудиться честно, помнить Бога...
Послѣдній Саши разговоръ,
Вся мелочь, горечь—разный соръ—

171,35 : О Сашѣ дума и забота.

172,11 : Столяръ промолвилъ:—Фу, ты вздоръ!

173, 5 : Міръ уходилъ какъ будто въ даль.

174,25 : И скоро. Дѣвушка рѣшила

„ 31 : И глупый стыдъ былъ подавленъ.

178, 1 : Одѣтъ къ примѣру, вишь, не такъ.

179,22—24 : Вѣтеръ злился.
Лилъ крупный дождь. Кулакъ промокъ.

„ 29 : И вдругъ нечаянно столкнулся.

180, 4 : Куда-то гнали въ путь далекой.

„ 12 : Кулакъ подумалъ: да, ступай.

181, 1 : Угрюмъ и проченъ.

„ 4—7 : Досками крѣпко заколоченъ
Сосновый ставень кладовой,
Косматый сторожъ, песъ цѣпной,
Въ конурѣ дремлетъ у забора.

181,9 : Ихъ двери отъ ночного вора.

„ 11—12 : Едва глядятъ лучи дневные
Сквозь окна въ комнаты пустыя:
Хозяинъ не имѣлъ дѣтей
И рѣдко принималъ гостей.

„ 14 : Пріюты пауковъ въ углахъ.

„ 35 : Скулы торчатъ, глаза косые.

182,2—4 : Сынъ бѣдняка, онъ жилъ трудами,
Водилъ въ ребячествѣ слѣпцовъ,
Ходилъ на рынкѣ вверхъ ногами.

„ 6—9 : Нѣмымъ, калѣкой притворялся,
Для нищей братьи по ночамъ
За „Еруслана" принимался
(Читать онъ выучился самъ)

„ 14—27 : 1) Мальчишка взросъ и за услугу
Оставилъ нищимъ старика;
Купецъ спился отъ горя съ кругу
И умеръ подлѣ кабака,
Полночной вьюгою отпѣтый,
То былъ простой, но горькій плачъ;
А трупъ, въ больницѣ отогрѣтый,
Разсѣкъ ножемъ ученый врачъ.
2) Кругомъ ограбилъ старика (2)
Купецъ не вынесъ (3)

„ 31 : О чести умный проповѣдникъ.

„ 32—35 : Не кушалъ рыбы по постамъ,
Молился долго по ночамъ,
Передъ нетлѣнными мощами
Въ слезахъ колѣни преклонялъ,
На церковь подавалъ грошами
И грабилъ бѣдныхъ наповалъ.

183,7—9 : Оплакивалъ онъ грѣшный міръ,
И говорилъ: вотъ наша радость,
Указывая на Псалтирь,
И Библію, хотя нимало
То и другое не мѣшало
Ему язвить изподтишка
И умнаго и дурака.

„ 10 15 : Кулакъ вошелъ. Сказалъ учтиво:
Погода, молъ, дурна-съ, промокъ...
Прибавилъ: грязно-съ! И умолкъ.
Хозяинъ поглядѣлъ пытливо,

183,18 : И отвѣчалъ: „да, дождь сегодня".

„ 22—27 : „Какъ будто бы припоминаю,
А впрочемъ нѣтъ... едва ли знаю"
— Я вотъ на дняхъ просваталъ дочь...
И разсказалъ кулакъ въ чемъ дѣло.

184, 6 : Просить и мучиться напрасно.

„ 27 : Клади мнѣ золото на столъ.

„ 29 : Пучковъ вскочилъ. „И ты мнѣ смѣешь!"

„ 33—36 : 1) Купецъ позеленѣлъ. Нѣмой,
Грозя приподнятой рукой,
Онъ въ мраморное изваянье
Вдругъ превратился. Есть одно
Востока чудное сказанье,
Руси знакомое давно:
Въ глуши таинственная сила
Три дива на горѣ хранила.
Столбомъ надъ почвою сухой,
Вставалъ ключъ влаги золотой,
Разумно птица говорила,
И пѣло дерево. Межъ скалъ
Завѣтный путь туда лежалъ,
Въ глушь не одинъ пройти пытался,
Но по пятамъ текла гроза,
Гремѣли громомъ голоса,
Весь воздухъ кличемъ наполнялся,
Смѣльчакъ запретъ позабывалъ:
Лицо въ испугѣ обращалъ
Назадъ—и камнемъ оставался.
На мигъ едва-ли не таковъ
Въ безсильномъ гнѣвѣ былъ Пучковъ.
2) Три дива сказочныхъ хранила: (8)
Высоко надъ горой крутой (9)
И не одинъ пройти пытался (14).

185, противъ ст. 1—4, карандашомъ:
„Боишься вѣрно... что жъ не бьешь?"
— Вонъ, извергъ!—
„Не бранись со мною!
Я выйду честью, не шуми!
Не то я, прахъ тебя возьми...
Не стоишь правда... Богъ съ тобою."
Пучковъ отъ злобы застоналъ.
И голову руками сжалъ.

„ 11 -12 : Межъ тѣмъ какъ дождь ему хлесталъ
Лицо.

185,13—17 : Кулакъ, дескать, кулакъ и есть,
Ну, стало, та ему и честь...
Ну, а вотъ эти, стало, святы—
Чужимъ добромъ набьютъ сундукъ
И припѣваючи живутъ.

„ 23—32 : Съ перомъ присядетъ, поскрипитъ,
Богатый выйдетъ изъ острога,
Бѣднякъ—въ невидимой винѣ,
И плетъ засвищетъ по спинѣ?
И тотъ вонъ не торгуетъ честью:
Межъ знатныхъ трется съ подлой лестью,
Мѣшаетъ съ грязью мужиковъ...
Да мало-ли насъ, кулаковъ!
Кулакъ въ энотѣ, въ полушубкѣ,
При саблѣ, въ золотѣ и юбкѣ.

186,18—19 : Веселой свадьбы пиръ умолкъ,
Затихъ о ней сосѣдей толкъ.

„ 21—25 : 1) Въ-свояси гости разбрелись;
Переколоченной посуды
Въ домахъ осколки убрались.
Кулакъ покоенъ: дни позора
Онъ прожилъ. Полно плутовать!
Ему поможетъ добрый зять:
Зятья надежная опора,
Одна Арина у окна
Сидитъ за варежкой грустна:
2) Родня—надежная опора (7)

„ 28 : 1) Тѣнистый садъ глядитъ скучнѣе.
2) Безъ Саши домъ... скучнѣе.

„ 29 : 1) Часы ей кажутся длиннѣе.
2) Минуты тянутся длиннѣе.
3) И время тянется длиннѣе.

„ 30 : И котъ-то тоскуетъ; спитъ въ углу.

187,2-11 : 1) И мужа ждетъ. И спицы снова
Звенятъ, безъ умолку звенятъ;
Межъ тѣмъ, все къ ужину готово,
Ужъ ложки на столѣ лежатъ.
Въ грозу закроетъ боязливо
Трубу, всѣ окна и платкомъ
Завяжетъ уши торопливо;
Все, дескать, меньше слышенъ громъ;
Затеплитъ свѣчку восковую
И Бога на помочь зоветъ.

Покуда тучу громовую
Далеко вѣтеръ унесетъ.
2) У ней задвижутся въ рукахъ (²),

187,13 : Съ глухой кумою покричитъ.

„ 20—21 : Насѣдку, да (нести) пора:
Уходитъ лѣто со двора.

188,9 : Сквозь наклонившійся плетень.

„ 18—19 : Тьфу, вотъ вамъ! Вотъ народъ продажный!
Возьмите! И махоръ бумажный.

„ 25—26 : Но приходилъ онъ непремѣнно
Къ разумнымъ толкамъ о дѣлахъ.

189,19 : Настала осень. Скученъ городъ.

„ 23—34 : Мостовыя
Покрыты грязью. Пѣшеходъ
Съ досадой нехотя бредетъ.
Слезами капли дождевыя
Текутъ по кровлямъ, по стѣнамъ,
По окнамъ и по воротамъ,
Другъ другу грустные поклоны
Въ садахъ деревья отдаютъ,
Ихъ шапки на землѣ гніютъ.

„ 27—34 : Какъ туча бѣлыхъ мухъ, кружится;
Минута—ливнемъ онъ смѣнится...
Вотъ время! Двери на крючокъ,—
Зажги веселый огонекъ,
Бесѣдуй съ другомъ цѣлый вечеръ.
Пусть льется дождь, голоситъ вѣтеръ,—
Тепло въ затворенномъ углѣ,
За самоваромъ на столѣ.
Но каково сидѣть съ тоскою
И одному и взаперти?
Пошелъ бы—не къ кому пойти,
Читалъ бы—нечего порою;
Заснуть—счастливъ, кто можетъ спать,
Не то, хоть петлю надѣвать!

190,32 } : Дождь каплетъ. Синими клоками
191,20 } Плывутъ на сѣверъ облака.
Невеселъ домикъ кулака
Съ его измокшими стѣнами;
Въ болото обратился дворъ,
По серединѣ кучи соръ!
Но садъ грустнѣй: вокругъ молчанье.
Замолкло птичекъ щебетанье...

Огнемъ онъ точно обожженъ,
Весь почернѣлъ и обнаженъ.
Покинутыя колыбели,
На ивахъ гнѣзда опустѣли;
Жильцы разсѣялись. Мертва
Къ землѣ припадшая трава,
И съ непокрытою макушкой
Въ измокшей, бѣлой простынѣ
Стоитъ береза въ сторонѣ.
Кулакъ въ саду. Онъ на топливо
Деревья взглядомъ выбиралъ,
Топоръ подъ мышкою держалъ.
Но что рубить? Подъ этой ивой
Вздремнуть, бывало, онъ любилъ
На свѣжей травкѣ, въ полдень знойный.
Иныя самъ отецъ покойный
Ему на память посадилъ.
И жаль, и дровъ нѣтъ ни полѣна...
Вонъ, правда, есть пока замѣна...
И засучилъ онъ рукава:
Пошла береза на дрова.

191,26—29 : Мужское дѣло—не твое—
„Я все про Сашино житье...
Богъ знаетъ, и за богачами
Живутъ да мучатся...“

192,11 : Ну что погода? Вѣтеръ сильный?

„ 34 : Изъ кошелька кулакъ досталъ.

193,6 : Кулакъ подумалъ и вздохнулъ.

„ 14 : Путекъ въ сугробахъ прокладать.

„ 33 : Когда кулакъ на печкѣ спалъ.

194,5—6 : Ознобъ и жаръ ее объемлетъ,
Едва забудется, задремлетъ,—

„ 11 : А въ теплой колыбели дочь.

„ 24 : И солнце въ горенку глядитъ.

195,32 : И свой плачъ удержать хотѣла.

196,1 : Послѣдній признакъ тяжкихъ мукъ.

„ 4 : Вдругъ на колѣни преклоняя

„ 7—9 : Невнятный крикъ
Раздавшись, замеръ, и языкъ
Умолкъ.

196,21—29 : Итогъ сведенъ,
Посмотримъ, что-то скажетъ онъ;
Не много! Скромное желанье
Безъ хлѣба завтра не пробыть,
Возня съ горшками, да съ насѣдкой,
Вязанье варегъ день и ночь,
Отъ скуки разговоръ съ сосѣдкой,
Тревога, что тоскуетъ дочь.

„ 32 : Про бытъ чужой невинный шепотъ.

„ 35 : Изъ жилъ по каплѣ кровь пила?..

197,22 : Глядѣла мертвая жена.

„ 24 : Перемѣнилася она.

198,33 : Что жъ дѣлать? Надо хоронить.

199,1 : Зять кулака сидѣлъ въ рубашкѣ.

„ 11 : Кровать и шкапъ, горшокъ съ цвѣтами.

„ 16 : Хозяйкою оставленныя спицы.

„ 19 : Кулакъ вошелъ, перекрестился.

200,19—20 Торговля—круговой обманъ.
Вамъ горько лѣзть въ чужой карманъ.

„ 21 : Ну, а просить теперь не горько?

„ 28 : Дай дѣло мнѣ! Вотъ Богъ порука.

„ 34 : И съ головою посѣдѣлой.

201,14 } : 1) Саша встала,
202,11 } Въ другую комнату пошла,
Тихонько мужа позвала
И на ухо ему сказала:
„На похороны надо дать:
Насъ, душка, будутъ осуждать,
Что вотъ, дескать, зятекъ богатый...
—Не дамъ я. Пьяница проклятый!
Вотъ навязалася родня!—
„Да, ну! Уважь хоть для меня!
Старикъ тамъ разному народу
Пойдетъ—разскажетъ...“
—Съ камнемъ въ воду!
Пускай! Намъ всѣхъ похоронять,—
Суму придется надѣвать.—
„Ну вотъ что: помнишь, въ воскресенье
Ты далъ мнѣ деньги на платокъ?
—Нѣтъ, въ пятницу...—

„Возьми, дружокъ,
Назадъ...",—
— Назадъ! Вотъ это удивленье!—
„Отдай ихъ, душка, старику;
Ты видишь—онъ вдался въ тоску,
И мнѣ-то, знаешь, съ нимъ остуда..."
Мужъ головою покачалъ,
Затылокъ жирный почесалъ
И согласился.
„Вотъ-съ, покуда".
Съ досадой тестю онъ сказалъ:
„Извольте! Это Богъ послалъ,
Вотъ Саша сжалилась надъ вами..."
2) Украдкой мужа позвала ([3]).
Ну, какъ же быть-то бѣдняку ([20])

202,17—20: 1) „Вамъ, батенька, теперь не радость,
Сказала дочь: пора, того...
Оно для васъ-то ничего,
А для родныхъ-то просто гадость.
Пойдете тамъ по кабакамъ,
На улицѣ васъ встрѣтить срамъ."
2) А для родныхъ-то это срамъ ([4]).

„ 21 : Кулакъ смолчалъ и вышелъ вонъ.

„ 24 : Былъ оглушенъ: на рынокъ шелъ.

„ 27 : Да вдругъ опомнился потомъ.

„ 30 : Давно кулакъ рублей десятокъ.

203,9—10 : И сѣлъ, облокотясь, на столъ.
Дымился ладонъ. Все молчало.

„ 14—15 : Вставалъ надъ краснымъ огонькомъ,
То

204,12 : 1) Давнымъ-давно, когда весною
2) Я помню, раннею весною

„ 19 : И молча Богу помолился.

205,3 : Что счастьемъ...

„ 9 : Какъ чистый воздухъ, имъ лишь нуженъ.

206,7 : И мирно въ...

„ 12 : Ея бояться онъ не могъ.

„ 21 : И жизнь и смерть борьбу ведутъ.

„ 23 : Въ могилу мертвеца несутъ.

206,26—27 : Костями землю удобряй,
Пируй и плачь... О, время, время!

„ 33 } **207**,4 } : До нашихъ слезъ, страстей и бѣдъ
Твоей могучей, вѣчной силѣ.
Ты дашь широкій оборотъ, —
И поколѣніе въ могилѣ,
На прахѣ новое цвѣтетъ,
Чтобъ умереть...

„ 4—23 : Прошло два года. Нѣтъ прохода
На шумномъ рынкѣ отъ народа,
Заутра праздникъ рождества,
Желудкамъ полная свобода.
Тащатъ гусей, везутъ дрова,
(Въ ситахъ — все —) свиньи, поросята,
Индѣйки, мерзлые цыплята,
Добро съѣстное — тамъ и тутъ...
Отмститъ за постъ голодный людъ!
Святая Русь! Тебѣ не вредны
Излишки.

„ 36 : Посереди толпы зѣвакъ.

„ Противъ стиховъ 34—36
208, „ „ ст. 1— 5 карандашомъ:
Лицо отъ холода краснѣетъ.
На кудряхъ иней. Впереди
Толпа зѣвакъ. Она густѣетъ.
Бѣднякъ Лукичъ посереди.
Взбѣшенный, жилистой рукою
Мужикъ въ широкой бородѣ

„ 7 : И больно билъ и повторялъ.

„ 26—29 : Не то, ей-ей, въ тюрьму запрячемъ!
Сейчасъ солдата позовемъ!
Чего ты, Карпъ Лукичъ? Пойдемъ!
Проваливай, мы не заплачемъ.

209,8—14 : — Саша помогаетъ...
Въ постели... Кровью все перхаетъ!—
Ой, больно! Заломило бокъ!—
„Эхъ, Карпъ Лукичъ!“
— Молчи! Я знаю
Сгубилъ я дочь свою, сгубилъ —
„Нѣтъ я не то, не попрекаю
Мнѣ жаль тебя... сосѣдомъ былъ...

„ 16 : Зимой въ халатѣ безъ перчатокъ.

„ 17—18 ; Слышь, Карпъ Лукичъ, (не по) сердися,
Вотъ есть деньжонки, не стыдися.

210,2—23 : Неловко... Стой! Господь съ тобою.
Ты плачешь? — Ничего, пройдетъ.
Я такъ... озябъ... Вода течетъ.
Сегодня въ воровствѣ поймали
Прибили... Милостыню дали
И Саша при смерти. Прощай!
(А зять... зять)

„ 23—30 : Да брось его!....
Вѣдь завтра праздникъ...
Ты заверни въ мой уголокъ,
. . . . . (какъ бываетъ)
Разрѣжемъ эдакой пирогъ.
(Ты просто приходи къ обѣду,
Ровно... къ старому сосѣду.
Онъ руку дружески пожалъ
И на прощанье шапку снялъ)

„ 25 : Мы посидимъ, напьемся чаю.

„ 31 : Кулакъ съ разорванной полою.

211,1 : Прощай, кулакъ! Не разъ съ тобою.

„ 6—8 : Когда я жизнь твою раскрылъ
И не одной слезой невольно
Я эти строки омочилъ

„ 20 : Едва ли сердцемъ содрогнется.

Къ „Тарасу“.

I.

Сорока.

Безоблаченъ денекъ святой недѣли,
Рѣка подъ огороды подошла;
Веселою толпою подъ качели
Валитъ народъ за гумна изъ села.

Пестрѣютъ кички бабъ и вьются ленты
У красныхъ дѣвокъ въ шелковыхъ косахъ,
Горятъ на шляпахъ парней позументы,
И зипуны бѣлѣютъ на плечахъ.

И старъ и младъ избушки покидаютъ;
Всѣ рады гостьѣ—золотой веснѣ...
А жаворонки звонко распѣваютъ;
Надъ озимью въ прозрачной вышинѣ...

Съ зеленой травкою на косогорѣ
О чемъ-то шепчетъ теплый вѣтерокъ,
Все ожило, все дышетъ на просторѣ...
Въ одномъ лѣсу бѣлѣется снѣжокъ.

Одна изба въ селѣ глядитъ угрюмо.
Въ ней мужичокъ не дожилъ до весны.
И нѣтъ нужды покойнику до шума,
И дѣла нѣтъ до мирной тишины;

Оконченъ споръ съ заботою печальной...
Вотъ, говорятъ, разгулъ-то кто любилъ.
Все о степяхъ, да о сторонкѣ дальной
Безъ умолку пѣвалъ онъ и твердилъ:

„Эхъ! если бы махнуть мнѣ въ степи на-Донъ,
Иль погулять на Волгѣ бурлакомъ!
Тутъ что за жизнь! Такъ... дышешь все на ладонъ...
Горюешь, да не ладишь съ старикомъ",

Отецъ его мужикъ былъ и не глупый,
Да вотъ бѣда: вино любилъ бѣднякъ!
Какъ подгульнетъ—халаты и тулупы,
Что попадется, все несетъ въ кабакъ;

И все ворчитъ, кропочется на сына,
До полночи шатаясь по избѣ:
„Опомнися, дѣтина ты, дѣтина!
Вѣдь домъ-атъ мой! Бревна не дамъ тебѣ!"

Подчасъ за печь свои деньжонки спрячетъ,
Забудется—никакъ ихъ не найдетъ,
Кричитъ: „разбой!" и сядетъ, горько плачетъ:
„Хорошъ-де сынъ, послѣднее беретъ!"

А сынъ стоитъ, краснѣетъ и блѣднѣетъ;
—Эхъ, батюшка! ну что ты пристаешь?
Собака вѣдь и та покой имѣетъ,
А ты всю ночь уснуть мнѣ не даешь!—

Но черезъ часъ самъ на себя пеняетъ:
„Ну, что бы мнѣ смолчать передъ отцомъ!
Не вытерпишь... вѣдь сердце замираетъ,
Когда старикъ бранится подъ хмѣлькомъ.

Эхъ, ты житье! Не радъ, да загорюешь!
Что вздумаешь сказать—все невпопадъ,
Коли грустишь—кричитъ: о чемъ тоскуешь?
А запоешь—упрекъ: чему ты радъ!"

И нехотя завидуетъ онъ людямъ:
„Что вотъ, дескать, живутъ же безъ заботъ!"

И проведетъ рукой по русымъ кудрямъ,
Да свой таланъ изподтишка ругнетъ.

Два раза въ путь съ досады онъ сбирался;
Отецъ его и честью-то просилъ,
И палкой билъ,—все сынъ не унимался
И старину о паспортѣ молилъ:

—Пусти, родной! изнылъ я отъ печали...
Не то уйду, куда глядятъ глаза!—
Но сокола безъ клѣтки удержали
Рѣчь дѣвичья и дѣвичья краса...

Бывало, чуть заря на небѣ вспыхнетъ,—
Сгоняетъ онъ лошадокъ со двора;
„Куда это?" отецъ въ оконце крикнетъ.
—Да вотъ скотину напоить пора!—

И парень шляпу на бекрень надѣнетъ,
Скрипучія ворота распахнетъ,
По улицѣ посвистывая ѣдетъ,
А за угломъ его красотка ждетъ...

Кругомъ безлюдно. Тепелъ лѣтній вечеръ;
При мѣсяцѣ сіяя, прудъ молчитъ...
И знаетъ только перелетный вѣтеръ,
О чемъ мой парень съ милой говоритъ.

И страшны-ль тутъ завистливые люди,
Когда стоитъ онъ съ дѣвицей-душой,
Когда она, краснѣя, къ полной груди
Его прижала бѣлой рукой.

И весело идетъ его работа:
Снопы ли съ поля въ сумерки везетъ,
Все на умѣ любимая забота,
Что милый другъ навстрѣчу попадетъ.

На пашнѣ ли онъ съ бороной зубчатой,
Въ лугу ль съ косой, съ цѣпомъ ли на гумнѣ,
Красавицу въ поневѣ полосатой
Онъ далеко завидитъ въ сторонѣ.

Зимой въ своей избѣ передъ лучиной
Присядетъ онъ, бывало, вечеркомъ,
И тѣшитъ сердце пѣснью соловьиной,
И думаетъ про милую тайкомъ.

И все плететъ корзины, да лаптишки,
Иль, нарубивъ въ лѣсу березняку,
Весь до прута уложитъ на дровнишки,
Да въ городокъ оттащитъ по снѣжку;

Глядишь, и есть подарокъ ненаглядной—
То башмаки, то лента, то платокъ...
Ходи-молъ, другъ, красавицей нарядной,
Мнѣ незачѣмъ сбирать себѣ домокъ...

Но вдругъ въ селѣ пошли о немъ разсказы...
Отецъ кричалъ: „уймись, молокососъ!
Оставь свои безумныя проказы
И не срами моихъ сѣдыхъ волосъ!"

—Плевалъ бы я на росказни народа!
Жени на ней...—сынъ смѣло говорилъ.
Старикъ молчалъ, упрямился съ полгода,
И нехотя его благословилъ.

Два лѣта сынъ работалъ не скучая;
Но весь, какъ листъ, бывало онъ дрожитъ,
Когда его хозяйка молодая
Безъ умысла на парней поглядитъ.

Начнутся тутъ упреки и угрозы...
И загрустила бѣдная жена;
Ночной порой тайкомъ глотала слезы,
Днемъ посмотрѣть боялась изъ окна.

—Ну, полно, Дуня! Перестань крушиться...
Говаривалъ ей мужъ: я самъ не радъ;
Такой мой нравъ... А мнѣ-ль съ тобой браниться?—
И на жену бросалъ печальный взглядъ.

Но часто вслѣдъ за грустной мировою
Являлся новой ревности укоръ,
И наконецъ мужикъ махнулъ рукою
И молвилъ:—нѣтъ, пора мнѣ на просторъ!—

„Ну, Богъ съ тобой! Иди, куда ты знаешь...
Сказалъ отецъ, прощаясь съ бѣднякомъ:
Жену, меня подъ старость покидаешь,—
Попомни, другъ, не кончишь ты добромъ!"

—Охъ, батюшка! знать, такъ угодно Богу;
Сынъ отвѣчалъ: не наводи тоску,
Благослови, родимый, на дорогу!—
И поклонился въ ноги старику.

Надѣлъ зипунъ, взялъ шляпу, рукавицы,
Въ послѣдній разъ поцѣловалъ жену,
И поплелся въ привольныя станицы
Косить траву, да наживать казну.

О, Господи! Что-жъ это за раздолье!
Любуяся на степь, онъ говорилъ.

А передъ нимъ—сверкающее взморье,—
Все двигался серебряный ковыль.

Во всѣхъ концахъ безъ умолку звучало:
Жужжанье, говоръ, пѣсни, трескотня,—
Все въ чудный гулъ сливалось, утопало
Въ сіяніи безоблачнаго дня.

Смеркается... и говоръ затихаетъ.
Пылаютъ небеса и степь горитъ.
Встаетъ туманъ и даль въ немъ пропадаетъ,
Ночь крадется, травы не пробудитъ.

Все спитъ... но степь какъ будто дышетъ,
Сквозь сонъ и грезы звуки издаетъ:
То чей-то крикъ порою путникъ слышитъ,
То гдѣ-то свистъ раздастся и замретъ.

Зажглась звѣзда, затеплилась другая,
И вотъ онѣ блестятъ со всѣхъ сторонъ,
Вотъ мѣсяцъ всталъ, курганы освѣщая,
И въ темнотѣ сверкнулъ широкій Донъ.

Смѣнялася одна заря другою,
За темной ночью бѣлый день вставалъ,—
Все шелъ косарь, все дальше за собою
Родимыя поля онъ оставлялъ.

Порой, усталый, на траву приляжетъ,
Со лба и щекъ горячій потъ отретъ,
Ремни котомки кожаной развяжетъ
И завтракать съ молитвою начнетъ.

Его лицо отъ зноя загорѣло,
Покрытъ онъ пылью съ головы до ногъ,
Плечо отъ палки съ платьемъ онѣмѣло,
Зато въ груди—и нѣтъ слѣда тревогъ.

Вотъ въ сторонѣ станица показалась,
Сидитъ она на берегу крутомъ,
Зелеными садами увѣнчалась,
Рѣкою опоясалась кругомъ.

Идетъ косарь, съ садовъ не сводитъ взгляда,
Все для него тутъ диво—вдалекѣ
И крыши бань подъ сѣнью винограда,
И смуглая казачка въ колпакѣ.

Отъ радости вся кровь въ немъ закипѣла,
Когда въ степи онъ размахнулъ косой;
Что взмахъ—коса при солнышкѣ блестѣла,
Подъ ней трава ложилась полосой.

Тамъ, въ вышинѣ, орелъ иль кречетъ вьется,
То, смотришь, туча крылья развернетъ,
И буйный вихорь мимо пронесется,—
Косарь глядитъ—и нехотя поетъ.

Но скоро все бѣднягѣ приглядѣлось;
О чемъ-то онъ задумываться сталъ
Опять идти куда-то захотѣлось,
Куда, зачѣмъ? онъ самъ не понималъ...

Плыветъ надъ степью мѣсяцъ. Близъ дороги
Разведены на травкѣ огоньки,
Въ густомъ дыму чернѣются треноги,
На каждомъ крюкъ, на крючьяхъ котелки.

Въ водѣ пшено съ бараниной варится,
И косари сидятъ себѣ, поютъ;
Одинъ косарь лежитъ, не веселится,
А спать ему заботы не даютъ.

—Ну, кто меня идти сюда заставилъ?—
Онъ думаетъ, глядя тоскливо въ даль:
Покинулъ домъ, съ женою не поладилъ,
А безъ жены замучила печаль...

Съизмала ли я далъ себѣ поблажку,
Наслушался ль разсказовъ удальцовъ,—
Вотъ хочется пожить мнѣ на распашку,
Все тянетъ вотъ куда-то отъ дворовъ...

Какъ вихорь мечешься, куда—не знаешь:
Не попадешь на путь, на вѣрный слѣдъ...
Охъ, сердце, сердце! что ты изнываешь?
Чего ты ищешь, коли счастья нѣтъ?

Болитъ душа,—никто про боль не знаетъ...
А что теперь жена тамъ говоритъ?
Чай, бѣдная, все мужа проклинаетъ,
Да бѣлое лицо свое сушитъ...—

Шумятъ лѣса, шумитъ и день осенній—
Идетъ косарь въ родимое село;
Оставилъ онъ съ утра ночлегъ послѣдній
И у него на сердцѣ отлегло.

Межъ черныхъ пашенъ торная дорожка,
Широкій лугъ, песчаный косогоръ,
На бугоркѣ кудрявая березка—
Все радуетъ его веселый взоръ.

—Принесъ меня Господь въ свою сторонку...
Привѣтитъ ли жена-то бѣдняка!—

И видитъ онъ знакомую избенку
И у воротъ родного старика.

—Ну, батюшка, вотъ я и воротился;
Здоровъ ли ты?—сынъ кланяясь сказалъ:
„Аль по женѣ, сердечный, загрустился?"
Отецъ ему сердито отвѣчалъ.

—„Да что таить! сгрустнулося немного.—
„Смотри-ка ты... вишь нѣженка какой!
Добро, добро! ступай къ ней, вотъ дорога."
И на погостъ онъ указалъ рукой.

Сынъ поблѣднѣлъ, ни слова не отвѣтилъ.
Когда-жъ онъ дверь избушки отворилъ
И сѣлъ въ углу,—старикъ ему замѣтилъ:
„Ты-бъ, дуралей, хоть лобъ перекрестилъ!.."

Не вдругъ печаль бѣднягу подкосила,
Грусть о женѣ онъ твердо перенесъ,
Иная боль, какъ червь, его точила,
И эта боль была не въ переносъ.

Разъ у отца на Волгу онъ просился.
„Будь проклятъ ты, коли пойдешь съ двора!"
Сказалъ старикъ; и сынъ угомонился,
И на сердце его легла гора.

День ото дня въ кручину онъ вдавался,
Все думалъ, думалъ... мало ѣлъ и спалъ,
Подчасъ совсѣмъ некстати улыбался,
И все про степь, да Волгу толковалъ.

Бывало, вдругъ съ сосѣдомъ рѣчь завяжетъ.
И заспѣшитъ—Богъ знаетъ, что плететъ...
„Сорока ты!"—сосѣдъ съ досадой скажетъ:
„Народъ тебя недаромъ такъ зоветъ."

1855, Октябрь.

II.

Тарасъ.

Безоблаченъ денекъ святой недѣли,
Рѣка подъ огороды подошла,
Веселою толпою подъ качели
Валитъ народъ за гумна изъ села.

Пестрѣютъ кички бабъ, и вьются ленты
У красныхъ дѣвицъ въ шелковыхъ косахъ.

Горятъ на шляпахъ парней позументы
И зипуны бѣлѣютъ на плечахъ.

И старъ, и младъ избушки покидаютъ,
Всѣ рады гостьѣ — золотой веснѣ,
А жаворонки звонко распѣваютъ
Надъ озимью въ прозрачной вышинѣ.

Снуютъ грачи по чернымъ пашнямъ въ полѣ,
Журчитъ въ оврагѣ свѣтлый ручеекъ, —
Все ожило и дышетъ на просторѣ,
Въ одномъ лѣсу бѣлѣется снѣжокъ.

Одна изба въ селѣ глядитъ угрюмо:
Въ ней мужичокъ не дождался весны;
И нѣтъ нужды покойнику до шума,
И дѣла нѣтъ до мирной тишины.

Оконченъ споръ съ заботою печальной...
Вотъ, говорятъ, разгулъ-то кто любилъ!
Все о степяхъ, да о сторонкѣ дальной
Безъ умолку пѣвалъ онъ и твердилъ:

„Эхъ! если бы мнѣ въ степи закатиться,
Или на Волгѣ силку испытать,
Покуда кровь кипитъ, повеселиться,
Хоть голову сложить, да погулять!“

Два раза онъ въ дорогу собирался.
И честью-то отецъ его просилъ,
И палкой билъ, все сынъ не унимался,
Одинъ отвѣтъ: „я съ горя тутъ изнылъ!“

Иная жизнь ему съизмала снилась...
Старикъ отецъ, бывалъ-ли онъ сердитъ,
Иль веселъ,—въ немъ какъ будто страсть таилась —
Онъ не здоровъ, когда не покричитъ.

На пересуды мастеръ и охотникъ
И молодецъ на красныя слова,
Онъ за сохою былъ плохой работникъ,
За чаркой — взбалмошная голова.

Бывало, гостя потчуетъ, ласкаетъ:
„Ты, дескать, кто! ты другъ мой дорогой!
Я вотъ тебѣ...“ и въ ноги упадаетъ.
Гость молвитъ: — Полно! вотъ чудакъ какой! —

„Кто, я чудакъ? А... ты богатъ! ты баринъ!
И говорить не хочешь съ бѣднякомъ;

Нѣтъ, врешь!.. и ты мужикъ, мужикъ-крестьянинъ“ —
И хватитъ друга по-лбу кулакомъ.

Испуганный сынишка встрепенется
И матери украдкою шепнетъ:
„Охъ, матушка! опять отецъ дерется...
Уйдемъ отсюда; онъ и насъ прибьетъ.“

— Ступай-ка за грибами... вотъ лукошко, —
Отвѣтитъ мать, — тутъ и пирогъ лежитъ...
И въ темный лѣсъ знакомою дорожкой
Мальчишка безъ оглядки побѣжитъ.

И ляжетъ тамъ онъ на травѣ росистой,
И слушаетъ и смотритъ... Вотъ запѣлъ
Зеленый чижъ подъ липою душистой,
Вотъ пестрый дятелъ на березу сѣлъ

И застучалъ. Куда-то по тропинкѣ
Пронесся заяцъ около сорокъ.
Тутъ стрекоза вертится на былинкѣ.
Вотъ жукъ подъ листикъ что-то поволокъ;

Тревожно шепчетъ робкая осина...
А сквозь просѣку видны вдалекѣ:
Сіяющаго озера равнина,
Рыбакъ съ сѣтями въ легкомъ челнокѣ,

Луга, стада овецъ, пески, заливы,
Лѣса по берегамъ, въ водѣ лѣса,
За берегами золотыя нивы
Вокругъ—безоблачныя небеса.

На все мальчишка молча любовался...
Все чаще онъ избушку покидалъ,
Отъ старика тайкомъ въ лѣсу слонялся.
Къ бездѣлью незамѣтно привыкалъ...

Когда прозрачный ледъ корою тонкой
Ложился на поверхности озеръ, —
Иной пріютъ манилъ къ себѣ ребенка, —
Родного дяди постоялый дворъ.

Тамъ онъ узналъ привольной жизни тайну
Изъ росказней купцовъ и косарей
Про бурлаковъ, про теплую Украйну,
Про хутора въ глуши донскихъ степей.

Тамъ слушалъ онъ, какъ косари пѣвали, —
Въ тѣхъ пѣсняхъ мало словъ онъ понималъ,
Ему напѣвы въ душу западали
И безотчетно ихъ онъ заучалъ.

И брань отца была ему больнѣе.
Избушки сумракъ скуку наводилъ,
И какъ-то тѣсный дворъ глядѣлъ скучнѣе,
Когда домой парнишка приходилъ.

Старикъ-отецъ все пилъ, старѣлъ съ годами...
Сынишка выросъ; сталъ онъ молодецъ, —
Красивый парень съ русыми кудрями,
Въ борьбѣ и пляскѣ первый удалецъ.

Со стороны смотрѣть бывало любо,
Когда зимой онъ молотить начнетъ;
Морозъ трещитъ, ему тепло безъ шубы,
Ручьями потъ со лба его течетъ.

Но молодецъ копейку трудовую
Про черный день не опускалъ въ карманъ:
То покупалъ онъ шляпу щегольскую,
То сапоги съ гвоздями, то кафтанъ.

Упрямъ и вспыльчивъ, онъ любилъ замашку —
Ругнуть зажиточнаго мужика,
Зато готовъ былъ снять съ себя рубашку,
Когда въ нуждѣ онъ видѣлъ бѣдняка.

„Мотыга ты!“ отецъ, бывало, скажетъ, —
Да перестань ты деньги-то сорить,
У насъ вонъ рига скоро на бокъ ляжетъ.
Покуда мнѣ добру тебя учить!“

„Эхъ, батюшка! — отвѣтитъ сынъ съ досадой, —
Коли учить, училъ бы ты путемъ...
Тебѣ-то и подавно пить не надо.
У насъ-бы домъ-атъ не стоялъ вверхъ дномъ“.

„Вотъ это такъ! Взростилъ кормильца-сына, —
Кричитъ старикъ, шатаясь по избѣ, —
Съ двора долой! Опомнися, дѣтина!
Вѣдь домъ-то мой! Щепы не дамъ тебѣ!“

И кошелекъ съ деньжонками онъ спрячетъ,
Забудетъ, ищетъ, — „нѣту кошелька!“
И сядетъ въ темный уголъ, горько плачетъ:
„Хорошъ-де сынъ! Ограбилъ старика!“

Сынъ молча покачаетъ головою,
Работу броситъ, на крыльцо пойдетъ,
По русымъ кудрямъ проведетъ рукою
И о чужой сторонкѣ запоетъ.

И пѣснь далеко по зарѣ несется...
Заслушается пѣсни мужичокъ,

И дѣвица за прялкой улыбнется
И призадумается на часокъ...

Но у него уже была прилука.
Недаромъ въ хороводѣ онъ плясалъ.
Недаромъ парня сокрушала скука,
Когда онъ тамъ сосѣдки не встрѣчалъ.

Онъ позабылъ до времени о степи,
За мелочи не споритъ съ старикомъ,
И больно молодцу, да носитъ цѣпи:
Все думаетъ про милую тайкомъ.

Послѣдній грошъ онъ копитъ ненаглядной:
То ленту ей онъ купитъ, то платокъ;
Ходи, молъ, другъ, красавицей нарядной,
Мнѣ незачѣмъ сбирать себѣ домокъ.

И не спорится у него работа:
Снопы ли съ поля на гумно везетъ,
Все на умѣ любимая забота,
Что милый другъ навстрѣчу попадетъ.

На пашнѣ ли онъ съ бороной зубчатой,
Въ лугу ль съ косой, съ цѣпомъ ли на гумнѣ.
Красавицу въ поневѣ полосатой
Онъ далеко завидитъ въ сторонѣ.

Чуть смеркнется, и въ небѣ зорька вспыхнетъ,
Сгоняетъ онъ лошадокъ со двора;
„Куда это!—старикъ въ оконце крикнетъ;
„Да вотъ скотину напоить пора".

И парень шляпу на бекрень надѣнетъ,
Скрыпучія ворота распахнетъ,
По улицѣ посвистывая ѣдетъ,
А за угломъ его подруга ждетъ.

Кругомъ безлюдно. Тепелъ лѣтній вечеръ.
При мѣсяцѣ сіяя, прудъ молчитъ,
И знаетъ только перелетный вѣтеръ,
О чемъ мой парень съ милой говоритъ.

И страшны-ль тутъ завистливые люди,
Когда стоитъ онъ съ дѣвицей-душой,
Когда она, краснѣя, къ полной груди
Его прижала бѣлою рукой.

Любовь не долго парня утѣшала:
Опять про степи онъ заговорилъ,
И дѣвица напрасно повторяла,
Что на́-вѣки ее онъ погубилъ...

„Я самъ не радъ, голубка дорогая!
Мнѣ скучно тутъ!.. Женюсь же на тебѣ —
Свяжу себя, свяжу тебя, родная;
Ужъ мнѣ не вить гнѣзда въ своей избѣ..“

Но съ милою-ль разстаться было больно,
Съ приданымъ ли за милой сиротой —
Надёжою съ женой пожить привольно, —
Простился парень съ жизнью холостой.

Взялась жена хозяйничать по дому:
Снимала паутину съ образовъ,
Перемѣняла на полу солому,
Сметала пыль и съ лавокъ, и съ столовъ,

Горшки и чашки къ мѣсту прибирала,
Подъ праздники заваривала квасъ,
Свекрови, свекру, мужу угождала
И берегла копейку, какъ свой глазъ.

„А ну-ка, Дуня; спрячь вотъ эту тряпку, —
Подчасъ молодкѣ свекоръ говорилъ, —
Тутъ семь грошей... да отыщи мнѣ шапку,
Зипунъ сперва, вѣдь я тебя училъ!

Ну, опоящь теперь меня, касатка,
Не туго! Эхъ-ты! А твой мужъ дуракъ;
У дурака дурацкая ухватка!
Я вижу все, хоть и хожу въ кабакъ.“

Блестятъ, мерцаютъ звѣзды надъ полями;
Ночь холодна. Сосѣдская изба
Чуть не биткомъ набита косарями;
Въ избѣ идетъ веселая гульба.

Дубовый столъ подъ хлѣбомъ-солью гнется,
Ломти арбузовъ грудою лежатъ,
Черезъ края вино въ стаканы льется,
Среди стола два ночника горятъ.

Поютъ и пляшутъ косари степные
И хвалятся серебряной казной.
Растрепаны ихъ кудри молодыя,
Въ глазахъ огонь отваги удалой.

Тарасъ сидитъ угрюмый и печальный.
Онъ по-сердцу товарища сыскалъ,
И про любовь свою къ сторонкѣ дальной,
Про жизнь и грусть ему поразсказалъ.

„Эхъ ты, соко́лъ!“—товарищъ вскрикнулъ громко—
Ну, гдѣ тебѣ летѣть въ далекій путь!

Въ курной избѣ сидишь съ женой-бабенкой
И крыльями боишься размахнуть!

Гулялъ бы ты, дружокъ, какъ я гуляю,
Лѣтъ десять сряду на Дону прожилъ,
Теперь на Волгу лыжи направляю,
Про домъ, семью и думать позабылъ!

„Жену-де жаль!“ Вишь важная находка,
Умѣетъ щи хорошія варить!
Для молодца отыщется красотка,
За удаль станетъ сокола любить...“

И долго говорилъ косарь кудрявый,
Хвалилъ казачекъ и степей просторъ
Товарищей разгульныя забавы, —
И пѣснею закончилъ разговоръ.

Тарасъ вскочилъ. Лицо его пылало.
„Вина давай!“—сказалъ онъ косарю, —
Давай вина! авось не все пропало!
Живъ буду—и на степи посмотрю...“

—Невѣстка!.. Полно прясть-то: разсвѣтаетъ,—
Проснувшись ночью, свекоръ проворчалъ;
Жди мужа-то!.. Онъ видно гдѣ гуляетъ:
Недаромъ эти дни все тосковалъ... —

Тарасъ пришелъ домой передъ обѣдомъ
И прямо въ клѣть. Чекмень суконный снялъ;
Позвалъ жену и дверь за нею слѣдомъ
Мочальною веревкой завязалъ.

За ужиномъ старушка увидала
На лбу у Дуни синее пятно,
Въ раздумьи головою покачала
И съ горя плакать сѣла подъ окно...

Упалъ снѣжокъ. Повѣялъ зимній холодъ,
Раскинулись дорожки по рѣкамъ,
Изъ деревень ползутъ санишки въ городъ,
Метелица гуляетъ по полямъ.

Привѣтствуетъ крещеный людъ морозы,
За дѣло дружно взялся мужичекъ;
Пошли по матушкѣ-Руси обозы
Во всѣ концы—и вдоль, и поперекъ.

Кипитъ на гумнахъ спѣшная работа,
Въ лѣсу звенитъ увѣсистый топоръ...
А у Тараса все своя забота,
Не милъ ему покрытый снѣгомъ дворъ.

По цѣлымъ днямъ онъ гдѣ-то пропадаетъ,
Работы вовсе въ руки не беретъ;
Скотина безъ призору пропадаетъ;
Жена груститъ, отецъ его клянетъ;

Старушка плачетъ, больше всѣхъ горюетъ:
„Испорченъ сынъ, куда бѣдняжка плохъ!
И день, и ночь касатикъ мой тоскуетъ,
Съ женой не ладитъ, самъ-атъ весь изсохъ.“

И ходитъ баба по селу съ кручиной:
„Нельзя-ли, дескать, знахаря сыскать,
Разсталась бы съ послѣднею холстиной,
Коли бы знахарь пòмочь могъ подать.“

А сынъ придетъ домой и нà-печь ляжетъ.
„Вставай, Тарасъ! я щей вонъ налила;
Поужинай...“ жена печально скажетъ.
—Проваливай! пристала какъ смола!—

И больше слова мужъ не отвѣчаетъ.
—Когда я матушки-весны дождусь!—
Онъ про себя съ досадой разсуждаетъ,—
И съ бабою постылой развяжусь.—

И какъ бѣдняга ожилъ, разгулялся,
Когда и ледъ на рѣчкѣ зашумѣлъ,
И ландышъ изъ-подъ снѣга показался,
И ранній жаворонокъ прилетѣлъ.

День ото дня дорога просыхала...
Вотъ, наконецъ, и травка подросла,
Одѣлся лѣсъ, и пчелка зажужжала,
И съ луга полая вода сбыла.

День разсвѣталъ. Пылалъ востокъ румяный.
Тарасъ изъ дому съ вечера пропалъ.
Семья въ избушкѣ поднялася рано;
Старикъ былъ трезвъ и лапоть починялъ;

Свекровь за прялкой на скамьѣ сидѣла;
Невѣстка въ печь поставила горшокъ
Со щами и, задумавшись, глядѣла
На сѣрый дымъ и красный огонекъ...

„Эхъ! Дуня, Дуня! что ты исхудала?—
Промолвилъ свекоръ,—али мужъ того?“
—„Бьетъ, батюшка!..—и баба зарыдала,—
Все говоритъ, связала я его...“

Старикъ умолкъ и жилистой рукою
По лысинѣ съ досадою провелъ;

Старушка покачала головою...
Дверь отворилась и Тарасъ вошелъ...

„Ну что, дружокъ!—сказалъ отецъ: явился...
Гуляй, гуляй! я этого и ждалъ,
Для этого заботился, трудился,
Училъ тебя, кормилъ и одѣвалъ.

Ужъ ты скажи мнѣ прямо,—что стыдиться,—
Околѣвай, молъ, старый чортъ—пора!
Вольнѣе, молъ, мнѣ будетъ веселиться...
Или коломъ сгони меня съ двора."

—Да пусть сейчасъ сквозь землю провалюся,
Коли объ этомъ думать я посмѣлъ!
Вотъ какъ тебѣ, родимый, я божуся!—
Отвѣтилъ сынъ и побѣлѣлъ, какъ мѣлъ.

„Божись, божись! тебѣ повѣрить можно...
Ну, а жену-то ты за что же бьешь?
За что ее-то ты крушишь, безбожный?
Ну, что молчишь?.. отвѣта не найдешь?..."

—Билъ, батюшка! прости! я не скрываю...
Вотъ шепчетъ кто-то мнѣ и день, и ночь,
Что я изъ-за нея тутъ пропадаю...
А мнѣ тутъ тѣсно... Мнѣ тутъ жизнь не въ мочь..

И радъ бы я работать: нѣтъ терпѣнья!
Давно я въ сторону чужую загадалъ...
Дай мнѣ, родной, свое благословенье!—
И, плача, на колѣни сынъ упалъ.

„Врешь, пьяница!"—отецъ сказалъ сурово.
—О, Господи! да какъ же мнѣ просить!
Слышь, матушка, хоть ты замолви слово!
Жена, проси! я не могу тутъ жить.—

„Касатикъ мой!—старушка завопила,
Усиливаясь сына приподнять:
Встань! вспомни ты, какъ я тебя любила...
Зачѣмъ насъ ты задумалъ покидать?"

—Родимые мои, я самъ не знаю!
Постыла мнѣ жена, постылъ нашъ дворъ,
Постыло все! Христомъ васъ умоляю:
Благословите: дайте мнѣ просторъ!—

„Что-жъ, батюшка!—Авдотья подтвердила:
Благослови, ты вишь—онъ самъ не свой"...
И рукавомъ глаза она закрыла
И къ печкѣ прислонилась головой.

Старикъ привсталъ съ поднятою рукою,
Не прежній—взбалмошная голова,
То былъ отецъ, покрытый сѣдиною,
Обиженный, воздержный на слова.

„Господь съ тобой, Тарасъ! благословляю:
Иди куда задумалъ; такъ и быть.
Живи какъ знаешь, я не запрещаю...
Ты выросъ; поздно мнѣ тебя учить...“

И распростясь съ родимыми полями,
Пошелъ Тарасъ въ дырявомъ зипунѣ,
Съ косой въ рукѣ, съ котомкой за плечами,
Искать разгула въ дальней сторонѣ.

Одна заря смѣнялася другою,
За темной ночью бѣлый день вставалъ,—
Все шелъ косарь, все дальше за собою
Родимыя поля онъ оставлялъ.

Подчасъ усталый на траву приляжетъ,
Со лба и щекъ горячій потъ отретъ,
Ремни котомки кожаной развяжетъ,
И завтракать съ молитвою начнетъ.

На немъ отъ пыли платье почернѣло,
Избилися подошвы сапоговъ,
Отъ солнышка лицо позагорѣло,
За то ужъ какъ онъ веселъ и здоровъ!

И шелъ онъ бодро. А надъ нимъ порою
То журавлей развертывалась цѣпь,
То проносились облака толпою,
И наконецъ онъ углубился въ степь.

„О, Господи! что-жъ это за раздолье!
Любуяся на степь, онъ повторялъ:
Вотъ гдѣ косой-то работать привольно!
Такой травы во снѣ я не видалъ.“

Межъ тѣмъ трава клонилась, поднималась,
Ей теплый вѣтеръ кудри завивалъ,
По длиннымъ кудрямъ тѣнь переливалась
И солнца яркій лучъ перебѣгалъ.

Средь моря зелени цвѣты пестрѣли,
Вдали песокъ, какъ золото, блестѣлъ,
Съ нимъ рядомъ волны ковыля бѣлѣли,
За ковылемъ крутой курганъ синѣлъ.

Вокругъ съ утра безъ умолку звучало:
Жужжанье, пѣсни, пискъ и трескотня —

Все въ чудный гулъ сливалось, утопало
Въ сіяніи безоблачнаго дня.

Смеркается... и говоръ затихаетъ.
Пылаютъ небеса, и степь горитъ;
Встаетъ туманъ, и даль въ немъ пропадаетъ;
Ночь крадется — травы не пробудитъ.

Зажглась звѣзда... затеплилась другая...
И вотъ онѣ блестятъ со всѣхъ сторонъ;
Вотъ мѣсяцъ всталъ, равнину освѣщая,
И въ темнотѣ сверкнулъ широкій Донъ.

Все стихло... спитъ... но степь какъ-будто дышетъ,
Сквозь сонъ и грезы звуки издаетъ;
То чей-то крикъ порою путникъ слышитъ,
То гдѣ-то свистъ раздастся и замретъ.

Рѣдѣютъ тѣни... Звѣзды исчезаютъ...
Плывутъ пурпуровыя облака;
Блѣднѣютъ... постепенно померкаютъ...
Трава проснулась, движется слегка.

Востокъ бѣлѣетъ... вспыхнулъ, солнце встало.
Степь потонула въ золотомъ огнѣ...
И снова все запѣло, зазвучало
Въ травѣ, и на землѣ, и въ вышинѣ.

Вотъ въ сторонѣ станица показалась;
Сидитъ она на берегу крутомъ,
Зелеными садами увѣнчалась,
Рѣкою опоясалась кругомъ.

Вошелъ Тарасъ въ станицу, и дивится:
Вотъ стройная казачка въ колпакѣ
На скакунѣ верхомъ куда-то мчится
Съ дубовою баклагою въ рукѣ;

Тутъ баня высится въ саду кудрявомъ;
На жердочкахъ зеленый виноградъ
Виситъ и спѣетъ; а подъ виноградомъ
Два казака на войлокѣ лежатъ.

„А видно казаки народъ лѣнивый,
Тарасъ подумалъ; любятъ барски жить...“
И поутру косарь нетерпѣливый,
Перекрестившись, косу сталъ точить.

Отъ радости вся кровь въ немъ заиграла,
Когда въ степи онъ размахнулъ косой;
Какъ молнія его коса мелькала,
Подъ ней трава ложилась полосой.

Тамъ въ вышинѣ орелъ иль кречетъ вьется,
То разомъ туго крылья развернетъ
И — буйный вихорь — мимо пронесется, —
Тарасъ глядитъ, и коситъ, и поетъ.

Плыветъ надъ степью мѣсяцъ. Близъ дороги
Разведены на травкѣ огоньки,
Въ густомъ дыму чернѣются треноги,
На каждомъ крюкъ, на крючьяхъ котелки.

Въ водѣ пшено съ бараниной варится;
Передъ огнями косари сидятъ:
Одинъ поетъ, другому сидя спится,
Иные про казачекъ говорятъ.

Изъ сумрака за ними выступаетъ
Шалашъ, покрытый плотно камышемъ;
Надъ ними мѣсяцъ весело сіяетъ,
Мильоны звѣздъ разсыпаны кругомъ.

„Эхъ-ма! сказалъ косарь плечистый,
Потягиваясь на травѣ сырой:
„Умолкъ соловьюшко нашъ голосистый...
Тарасъ! уважь, братъ, — пѣсенку пропой!“

— Да ну, отстаньте! что вы всѣ пристали?—
Тарасъ съ досадой молвилъ и вздохнулъ.
—Вотъ мнѣ про степи люди толковали:
„Ужъ тамъ разгулъ!“ Какой тутъ чортъ разгулъ.—

„Къ женѣ, пріятель, видно захотѣлось!..
Давно ли ты степной просторъ хвалилъ?“
— Хвалить-то я хвалилъ, да приглядѣлось...
Все лѣто съ утра до ночи косилъ.

Я думалъ, тутъ Богъ знаетъ, что такое!
Все то же: знай — работай, не лѣнись,
Смотри на глушь... вотъ и житье степное!“
„Да кто мѣшаетъ? ну, повеселись!

Вотъ я на балалайкѣ поиграю:
Тиринь-диринь... пляши что ль? я готовъ!“
— Ну, полно! Слышь, я вотъ что помекаю:
Наняться въ бурлаки пойти въ Ростовъ —

„Подъ лямкою-то, парень, заперхаешь,
И грязи доведется помѣсить.“
— Зато, братъ, на привалахъ погуляешь;
Ужъ съ вами видно каши не сварить. —

„А нашъ Тараска любитъ полѣниться;
Косарь тайкомъ товарищу шепнулъ:

Ты косишь, на оброкъ не чаешь сбиться,
А у него все на умѣ разгулъ."

Садится солнце. Вечеръ тихъ и жарокъ.
Румянцемъ алымъ свѣтлыи Донъ покрытъ;
Пестрѣютъ флаги плоскодонныхъ барокъ,
На пристани веселый людъ кишитъ.

Снуютъ и пляшутъ бурлаки толпами,
Снуютъ осанистые казаки,
Мальчишки съ виноградомъ и блинами,
Запачканные дегтемъ чумаки,

Армяне, греки, смуглые калмыки,
Оборванные нищіе-слѣпцы,
И ловкіе цыганы-горемыки,
И русскіе дородные купцы.

Гортанный крикъ татаръ, игра шарманокъ,
Бурлацкій смѣхъ, и рѣзкій скрипъ колесъ,
И брань, и пѣсни буйныя цыганокъ, —
Все въ смутный гулъ надъ берегомъ слилось ..

Подъ лѣсомъ, да подъ хлѣбомъ берегъ гнется:
Хлѣбъ въ балаганахъ, на возахъ, въ бунтахъ,
Повсюду хлѣбъ... Откуда онъ берется!..
Недаромъ Русь почила на поляхъ!

Вкругъ вольницы борьба, и шумъ, и давка...
Крещеный людъ умѣетъ погулять;
Какъ развернется,—такъ держися шапка,
Пойдетъ горстями серебро метать!

„Ухъ, прахъ его возьми, какъ пляшетъ бойко!"
Дивилися Тарасу бурлаки:
„Нѣтъ, на кулачки какъ онъ бьется стойко,
Попробуй-ка, какъ гири кулаки!..

—Вотъ гдѣ разгулъ! Вотъ милая сторонка!—
Кричитъ Тарасъ—Стой! Не хочу плясать!
Вина, ребята! Вотъ моя мошонка!
Да грянемъ пѣсню... нечего дремать!

Ну, внизъ по матушкѣ по Волгѣ... дружно!—
Онъ затянулъ, всѣ подхватили вдругъ,
И отозвался берегъ весь окружный,
И слушалъ Донъ разгульной пѣсни звукъ.

А небо все темнѣло, померкало,
Шла съ юга туча черной полосой,
Извилистая молнія сверкала
И глухо громъ постукивалъ порой...

Одѣты сѣрые луга туманомъ;
То снѣгъ покажется, то дождь шумитъ;
Кругомъ все глушь. На берегу песчаномъ
Угрюмо обнаженный лѣсъ стоитъ.

Въ лицо сырой, осенній холодъ вѣетъ...
Лѣниво барка по рѣкѣ идетъ;
На бурлакахъ одежда леденѣетъ;
Подъ лямкою Тарасъ едва бредетъ.

Зипунъ въ клочкахъ, лаптишки-то избиты,
Надвинулась шляпенка на глаза,
И серебристымъ инеемъ покрыты
Намоченные пóтомъ волоса.

„Бери причалъ! живѣе! аль заснули!"...
Продрогшій кормщикъ громко закричалъ:
И бурлаки веревки натянули,
И барка стала.—Вотъ намъ и привалъ.

Ну, ну!—сказалъ Тарасъ,—да это мука!—
„Небось,"—товарищъ молвилъ,—не умрешь!
Не мука, братъ, вамъ, новичкамъ, наука;
Ты думалъ, даромъ деньги тутъ возьмешь."

Средь барки, крымской солью нагруженной,
Огонь давно дымился подъ котломъ;
И кашеваръ, весь дымомъ окруженный,
Въ котлѣ пшено помѣшивалъ весломъ.

Вотъ бурлаки съ плечъ лямки поснимали
И сѣли грѣться около огня;
А двое гуся нàскоро щипали,
Дрожащими руками сѣменя.

— Эхъ, братцы! гдѣ вы гуся-то добыли?—
Сказалъ Тарасъ. „На бережку крутомъ;
По палкѣ взяли, сразу подстрѣлили,
У насъ подъ-часъ корова ни почемъ."

„Вотъ шельма лихорадка-то напала!"
Сказалъ бурлакъ весь желтый, испитой,—
„Терпѣнья нѣтъ! Всѣ кости изломала!
А тутъ какъ нá-пропасть зипунъ худой."

—Вотъ у меня есть свита запасная,
Одѣнься; я промаюсь какъ-нибудь—
Тарасъ промолвилъ, руки потирая,
Да изрѣдка почесывая грудь.

—Ну, ну!—онъ думалъ,—холодъ пробираетъ!..
А что теперь жена тамъ говоритъ?..

Чай, бѣдная, все мужа проклинаетъ,
Да бѣлое лицо свое сушитъ.

Эхъ, ты житье! Вѣдь дома было-бъ любо...
Когда то бы я тамъ помолотилъ;
А тутъ, ой, ой!.. ужъ пусть была бы шуба...
Жаль, денегъ нѣтъ! Винца бъ теперь хватилъ...

Съ чѣмъ въ домъ-атъ показаться—я не знаю:
Зипунъ изорванъ, кошелекъ пустой...
Спасибо, свиту я поберегаю,
Не то поплелся бъ нагишемъ домой.—

Молчатъ поля. Снѣгъ всюду разостлался.
Идетъ Тарасъ въ родимое село;
Вотъ крестъ знакомой церкви показался,
И у него на сердцѣ отлегло.

Дорога, проложонная санями,
Кустарникомъ одѣтый косогоръ
И гумна, заваленныя снопами,
Все радуетъ его веселый взоръ.

—Принесъ меня Господь въ свою сторонку:
Привѣтитъ ли жена то бѣдняка?—
И видитъ онъ знакомую избенку
И у воротъ родного старика.

—Ну, батюшка, вотъ я и воротился;
Здоровъ ли ты?—сынъ, кланяясь, сказалъ,
„Вишь ты... по Дунѣ видно загрустился...
А я вотъ выпилъ... съ горя загулялъ.“

—Да, что таить, сгрустнулося немного.—
„Добро, добро! Да опоздалъ родной...
Вонъ Дунюшка-то гдѣ, вонъ къ ней дорога...“
И на погостъ онъ указалъ рукой.

Взялся было Тарасъ за умъ, за дѣло;
Онъ по женѣ недолго погрустилъ,
Но дѣло какъ то скоро надоѣло;
Опять онъ про разгулъ заговорилъ.

Старушка на него не наглядится.
Отецъ скончался. Некому кричать.
А все бѣднягѣ дома не сидится,
И жалко мать, да надо покидать.

Подумалъ, и извозничать пустился,
Два года по Святой Руси гулялъ,
На море въ Таганрогѣ подивился,
Въ Иркутскѣ на тунгусовъ позѣвалъ.

Все какъ-то скучно... все разгула мало!
Всѣ любятъ трудъ, вездѣ живутъ трудомъ;
На вѣчный трудъ Тараса не достало,—
Гульнулъ онъ—и пришелъ домой съ кнутомъ.

И день отъ дня въ тоску-печаль вдавался;
—Что, дескать, я? пропащій человѣкъ...
Все нѣтъ талана, гдѣ я ни шатался.—
И короталъ за чаркою свой вѣкъ.

„Испорченъ сынъ!"—старушка голосила,
„Тоскуетъ, пьетъ!"—Да!—сватъ ей говорилъ.
Отецъ былъ слабъ, мать дѣлу не учила,
Вотъ бѣдный сынъ отъ порчи и пропалъ.

1855, ноябрь.

Рукопись „Кулака" *)

Рукопись поэмы „Кулакъ", хранящаяся въ И. СПБ. Публ. Библ., представляетъ собою переплетенную тетрадь въ 48 листовъ—всѣ одной и той же бумаги — исписанную мелкимъ почеркомъ, съ обѣихъ сторонъ каждый листъ.

Судя по стр. **113**,4—6, гдѣ шестой стихъ (Мартышки, ласточки снуютъ) написанъ первоначально вмѣсто пятаго, требуемаго смысломъ (Макушками всѣ внизъ ростутъ), потомъ зачеркнутъ и замѣненъ пятымъ, а также по другимъ, довольно частымъ, опискамъ, и по характеру почерка, эта рукопись не является первороднымъ черновикомъ поэмы, а въ начальныхъ своихъ главахъ имѣетъ видъ переписаннаго на-чисто экземпляра. Послѣ VI главы прекращается нумерація главъ, но на всемъ протяженіи рукописи встрѣчаются страницы совсѣмъ или почти безъ помарокъ.

Поля этой рукописи испещрены замѣтками, написанными карандашомъ и Никитину не принадлежащими. Большинство ихъ, точно такъ же, какъ и заключеніе на послѣдней страницѣ рукописи, должно быть приписано М. Ѳ. де Пуле.

Въ этомъ убѣждаютъ насъ какъ подробное сличеніе почерковъ автора большинства примѣчаній съ автографомъ М. Ѳ. де Пуле, извѣстнымъ намъ по надписи на экземплярѣ сочиненій И. Никитина, изд. М., хранящемся въ библіотекѣ И. СПб. Университета и по письму М. Ѳ. де Пуле къ гр. Д. Н. Толстому, хранящемуся въ Вор. Губ. Музеѣ, такъ и над-

---

*) Ссылки всѣ сдѣланы сообразно страницамъ и стихамъ наст. изд..

пись, сдѣланная на первой страницѣ этой рукописи и гласящая: „принадлежитъ М. де Пуле".

Нѣсколько же примѣчаній, написанныхъ инымъ, болѣе косымъ, почеркомъ и отличающихся, кромѣ того, отъ примѣчаній М. Ѳ. де Пуле и характеромъ своего содержанія и обращеніемъ къ автору поэмы на „ты", принадлежатъ лицу, намъ неизвѣстному. А именно: **148**,34; **149**,19—**150**,2; **150**,9—**151**,3; **154**,4; **155**,27; **156**,1—36; **166**,22—24; **167**,9.

Текстъ самой поэмы во многихъ мѣстахъ подвергался измѣненіямъ, часто значительнымъ.

По меньшей мѣрѣ, можно установить три слоя въ этихъ варіантахъ. Во-первыхъ, они распадаются на двѣ группы: на написанныя чернилами и на написанныя карандашомъ.

Въ большинствѣ случаевъ самыми поздними поправками являются поправки второй группы, т. е. написанныя карандашомъ.

Группа варіантовъ, написанныхъ чернилами, въ свою очередь, распадается на двѣ части: на поправки, сдѣланныя чернилами, которыя къ нашему времени выцвѣли въ рыжій цвѣтъ, и на поправки, сохранившія черный цвѣтъ.

Разобраться въ хронологіи этихъ подраздѣленій помогаетъ анализъ стиха **145**,7 (Лукичъ любилъ потолковать). Первоначально было написано: Лукичъ. Надъ этимъ стоитъ поправка черными чернилами: Кулакъ. Затѣмъ опять поправлено уже рыжими чернилами: Лукичъ.

Такъ какъ мысль о возможности замѣны слова „кулакъ" словомъ „Лукичъ", нашедшая, какъ показываютъ многочисленныя въ этомъ направленіи поправки, глубокій откликъ въ гуманистически настроенной душѣ Никитина, подана была М. де Пуле въ примѣчаніи къ стиху **114**,17 (И мычетъ горе нашъ кулакъ), то, очевидно, всѣ поправки, сдѣланныя рыжими чернилами, должны быть отнесены къ тому времени, когда М. Ѳ. де Пуле уже прочиталъ рукопись, и считаться позднѣйшими, чѣмъ сдѣланныя черными чернилами.

Въ такой послѣдовательности поправокъ: 1) черныя чернила, 2) рыжія чернила, 3) карандашъ,— убѣждаетъ и порядокъ внесенія ихъ въ текстъ, поскольку можно его прослѣдить въ рукописи.

Впрочемъ, нѣсколько поправокъ карандашомъ, не выдѣляемыхъ нами въ особую группу въ виду ихъ незначительности и малочисленности, должны быть оговорены, какъ исключеніе, и датированы, какъ предшествовавшія поправкамъ, сдѣланнымъ рыжими чернилами.

Замѣтки, сдѣланныя на поляхъ рукописи (см. Примѣчанія), могутъ быть раздѣлены на нѣсколько группъ.

Къ первой можно отнести соображенія здраваго смысла, устанавливающія мелкія противорѣчія автора съ самимъ со-

бой или съ бытомъ въ инсценировкѣ отдѣльныхъ мѣстъ поэмы, происшедшія вслѣдствіе разсѣянности или забывчивости, и потому безспорныя, а также замѣчанія, касающіяся грамматики и синтаксиса. Таковы указанія на то, напр., что мать Саши не сидѣла передъ окномъ (**115**,34), что квасъ дѣло хозяйки, а не хозяина (**119**,1), что род. пад. отъ слова „ковшъ" будетъ „ковшей" (**126**,6), что Саша должна любить лукъ (**147**,15), что сирень не рубятъ топоромъ (**147**,30) и т. п. (**145**,11—12, **151**,5, **151**,8—12, **157**,28, **173**,32—33, **176**,25, **177**,5, **177**,8, **179**,12).

Никитинъ по большей части тутъ-же выправлялъ указанныя мѣста, а въ изд. „Кулака" 58 г. исправилъ все.

Вторую группу замѣтокъ составляютъ соображенія, продиктованныя литературнымъ вкусомъ автора ихъ и потому очень спорныя. Сюда относится, во-первыхъ, выправленіе языка, которое старается избавить поэму отъ „областныхъ" (де Пуле) и „слишкомъ простонародныхъ" (второй авторъ примѣчаній) словъ, причемъ таковыми считаются: миса (Никитинъ замѣняетъ корытцемъ), прикладать, листва; во-вторыхъ, сюда относится вытравленіе образовъ, имѣющихъ сильный, динамическій характеръ, въ которыхъ Никитинъ шелъ по стопамъ Гоголя. Описаніе мостовой (**114**,3—5), крыши (**114**,33), бровей (**118**,16) выхода Скобѣева (**131**,34—36), зари (**135**,34), оконъ избушекъ (**115**,5—8) вызываетъ энергичныя реплики, а послѣднее, особенно удачное, даже разсужденіе теоретическаго характера, что сравненія „недурно" употреблять только „изрѣдка и кстати".

Повидимому, Никитинъ не безъ сожалѣнія разставался съ этими плодами своего воображенія. По крайней мѣрѣ, на рукописи онъ ничего изъ нихъ не исправилъ, но въ изд. 58 года, въ окончательной редакціи, „Кулакъ" явился все-таки лишеннымъ этихъ красотъ.

Въ третьихъ, сюда относится борьба съ лирическимъ паѳосомъ поэта и съ нѣкоторой склонностью его морализировать. Описаніе временъ Петра (**113**,14—**114**,4) кажется автору примѣчаній „вычурнымъ"; гуманистическія разсужденія Никитина на основную его тему („Добра зародышъ неразвитый"), пропѣтыя съ большимъ подъемомъ, — похожими на „избитую мораль" (**121**,5—**122**,3), „лишнимъ" (**145**,23—33), „ходулями" (**159**,15—22); предположеніе молитвеннаго экстаза въ столярѣ кажется излишней идеализаціей (**172**,31—**173**,1), любимая мысль поэта о борьбѣ, о „стремленьи вѣчномъ впередъ" просто „не совсѣмъ нравится" автору примѣчаній (**205**,3—29).

Никитинъ пропускаетъ или неузнаваемо перерабатываетъ эти мѣста въ изд. „Кулака" 58 г.

Въ четвертыхъ, сюда относится уничтоженіе повтореній (**149**,29), причемъ иногда исправленіе ведетъ за собой осла-

бленіе и искаженіе образа, какъ напр., въ стихѣ 24, стр. **156**, показавшемся автору примѣчаніи „однообразнымъ".

Третью группу составляютъ немотивированныя оцѣнки, въ родѣ „разговоръ... немножко... того..." (**116**, 13—23), ироническія восклицанія (**116**,31—33; **118**,3, **138**,22; **149**,7), вопросительные знаки.

Наконецъ, четвертую группу замѣтокъ составляютъ выраженія одобреній (**114**,8—13; **150**,29—**151**,3; **156**,1—36), причемъ два изъ нихъ принадлежатъ неизвѣстному.

За исключеніемъ чуть ли не одной замѣтки (**151**,18), Никитинъ принялъ къ свѣдѣнію всѣ ихъ и переработалъ поэму, какъ ему рекомендовалось.

Благодаря существованію этой рукописи, мы имѣемъ, собственно говоря, три текста „Кулака": 1) первоначальный текстъ, какъ онъ лежитъ подъ сѣтью поправокъ; 2) первую его редакцію, какъ она дается послѣднимъ моментомъ правки рукописи; 3) вторую и послѣднюю его редакцію, въ которой Никитинъ и напечаталъ самъ свою поэму въ отдѣльномъ ея изданіи 58 г.

Въ абсолютно чистомъ видѣ нельзя добыть ни первоначальнаго текста, ни первой его редакціи изъ-за невозможности прочесть слишкомъ черно зачеркнутыя или, наоборотъ, слишкомъ легко нанесенныя и стершіяся мѣста (**155**,2; **166**,17—21; **167**,29—31.).

Обыкновенно издатели Никитина дѣлали попытки дать первоначальный текстъ.

Положивъ за правило всюду давать позднѣйшій текстъ, какъ въ уваженіе къ работѣ Никитина, такъ и для большаго удобства изученія этои работы, мы даемъ не первоначальный текстъ, а первую его редакцію (стр. 112).

При прочтеніи рукописи мы всюду старались взять самый послѣдній ея фазисъ, относя въ варіанты всѣ предыдущіе, и нумеруя ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. См., напр., вар. **115**,17. Причемъ, когда второй или третій варіантъ являлся только частичнымъ по отношенію къ первому, мы показываемъ цифрой въ скобкахъ ту строчку перваго варіанта, къ которой онъ относится. См., напр., вар. **120**,17—19.

Исключеніемъ служатъ мѣста явно недоработанныя, какъ напр. **116**,4—11, гдѣ, подъ вліяніемъ приписки де Пуле, Никитинъ началъ переработку, но не довелъ ее до конца, хотя успѣлъ уже измѣнить къ худшему строки 4 и 5. Явность недоработанности заключается въ томъ, что ст. 11 не сриѳмованъ съ 12. Причемъ мы всегда имѣли въ виду сохраненіе цѣльности каждаго отдѣльнаго момента работы Никитина. Поэтому отсутствіе послѣдняго удара служитъ намъ достаточнымъ основаніемъ для признанія всего отрывка недоработаннымъ, какъ въ приводимомъ примѣрѣ. Иногда эта недора-

ботанность бываетъ еще болѣе явной, какъ напр. **115**,12, гдѣ пришедшее, вѣроятно, при переписке въ голову слово „опрятно" не вмѣщается въ размѣръ стиха. Недоработаны также слѣдующія мѣста: **131**,1—2; **152**,11—16 (стихъ 11-й стерся, и поправка не соединена со слѣдующими стихами); **167**,8—14, 24—27 (не внесено въ текстъ); **185**, противъ стиховъ 1—4 (неизвѣстно, куда отнести два послѣдніе стиха); **185**,13—17; **187**,20—21; **196**,4; **203**,9—15; **207**,4—23 и весь конецъ гл. XX. Всѣ эти недоработанныя или неподдающіяся прочтенію мѣста отнесены въ варіанты, хотя они и принадлежатъ къ печатаемой нами, первой редакціи поэмы. Слова неразборчивыя и читаемыя съ нѣкоторой сомнительностью поставлены въ скобки.

Замѣтки на страницахъ рукописи „Кулака" (1 ред.).

112,21—24: „Мнѣ казалось бы лучшимъ оставить въ сторонѣ личность автора".

113,25: „Эпитетъ неутомимый по отношенію къ Петру слабъ. Его надобно замѣнить другимъ".

„ 26—29: „Неясно и нѣтъ связи съ послѣдующимъ. Что почтилъ купецъ".

114,3—5: „Дѣло идетъ объ мостовой, но не всякій это пойметъ, да при томъ это совсѣмъ лишнее".

113,14—**114**,4: „Все это очень вычурно. Простоты побольше, батюшка Иванъ Савичъ, простоты!"

114,8—13: „Прекрасное сравненіе и прекрасно выражено".

„ 17: „Вмѣсто—кулакъ—здѣсь лучше назвать герой разсказа или иначе".

„ 33: „Не скорченная, а покоробившаяся".

115,5—8: „Зачѣмъ столько сравненій? Изрѣдка и кстати употреблять ихъ бываетъ недурно, но здѣсь мнѣ кажется, чуть ли сравненіе не лишнее".

„ 34: „Выше не говорится, что мать сидитъ передъ окномъ".

116,4—5: „Неловкое противуположеніе".

„ 13—23: „Разговоръ... немножко... того..."

„ 31—33: „Тѣни подошли, вползли и стали тамъ, гдѣ и днемъ была уже тѣнь".

117,4: „Этотъ стихъ не годится, замѣни другимъ".

118,3: „Будто ей неизвѣстно".

„ 13: „Лучше—хозяинъ".

„ 16: „Сравненіе бровей со щетиною неудачно".

119,1: „Квасъ—дѣло хозяйки, а не хозяина и потому выраженіе старушки и отвѣтъ старика мнѣ кажутся неумѣстны".

120,30: „Вотъ здѣсь—кулакъ—очень умѣстно, и далѣе только въ подобныхъ случаяхъ слѣдовало бы употреблять это прозвище"

121,3: „А здѣсь неумѣстно".

121,5—**122**,3: „Эту тираду слѣдовало бы помѣстить нѣсколько ниже и притомъ обработать ее такъ, чтобы по возможности не было въ ней ничего похожаго на избитую мораль".

121,11—12: „Вычурно".

122,10—16: „Такъ-ли? Самый дурной отецъ внутренно сознаетъ, что лучше было бы, если бъ сынъ его чему нибудь научился. Скорѣе предположить можно, что мальчишка остался бездѣльникомъ не вслѣдствіе особаго взгляда на воспитаніе, а просто по безпечности отца".

122,23: „Неясно".

„ 34—**123**,16: „Приличнѣе было бы вмѣсто обыкновенныхъ дѣтскихъ шалостей разсказать здѣсь случаи дѣтскаго плутовства".

124,9—10: „Отцовскій что-ли дворъ и домикъ? Выше слѣдовало бы объ этомъ сказать".

126,6: „Говорятъ не ковшовъ, а ковшей".

„ 37: „Лукичъ"

130,10: „Странно, какъ кучеръ могъ позволить такое обращеніе съ собою со стороны кулака".

131,34—36: „Довольно каррикатурно и потому несовсѣмъ натурально".

133,33: „Во-первыхъ, цѣлковый въ самомъ дѣлѣ мало, во-вторыхъ, не выдержанъ характеръ кулака: что хочешь дай, ему все будетъ маловато".

135,28—29: „Развѣ кулакъ и привелъ помѣщика къ Скобѣеву безъ просьбы его о томъ? Едва-ли. Чтобы получить выгоду, кулакъ не сталъ бы такъ прислуживать неосмотрительно, особенно зная Скобѣева за такого же кулака, какъ онъ самъ" (Никитинъ въ отвѣтъ на эту реплику вставилъ стихи **135**,16—19.)

„ 34: „Пламя языками только о пожарѣ, о зарѣ же выраженіе это не свойственно".

138,12: „Надо будетъ объяснить хоть въ примѣчаніи значеніе этого областного слова, если нельзя замѣнить его общеупотребительнымъ".

138,22: „Усталость вы чувствуете послѣ похмѣлья?"

141,13—14 (см. вар.): „Чуть ли не лишняя прибавка".

144,36—**145**,6: „Что-то ужъ слишкомъ... Мнѣ кажется невѣроятнымъ подобное разсужденіе. А впрочемъ, быть можетъ".

145,11—12: „Надобы согласить—смотришь и думать. Смотри тутъ въ оба, тутъ думу думай."

145,23—33: „Лишнее".

146,4: „Прикладать—областное слово"

„ 22: „Нейдетъ здѣсь это слово" (исправно).

„ 25: „Выше не видно, чтобы Саша проклинала сваху".

„ 30: „Къ кому это обращено?

146,30—**147**,1: „Мысль хороша, но выражена не совсѣмъ ясно".

147,15: „Развѣ для Саши это можетъ быть предметомъ отвращенія? Она сама, кажется, не брезгала лукомъ".

147,30: „Во первыхъ, въ саду и такъ для топора мало дѣла, а во вторыхъ, къ сирени это и совсѣмъ нейдетъ".

148,34: „Ужъ слишкомъ простонародно выраженіе (на листву), тѣмъ болѣе, что это говорилъ ты самъ".

149,1: „Какой рынокъ въ послѣполуденный жаръ?"

„ 7: „Можетъ быть потому, что уже выспалась въ саду?"

„ 29: „Повтореніе."

149,19—**150**,2: „Я бы выкинулъ все, что отчеркнуто. Во 1-хъ потому, что это ровно ничего не придаетъ цѣлому, а напротивъ, напрасно удлиняетъ его; во вторыхъ, потому, что и самый разсказъ какъ-то вялъ, а въ третьихъ какой день скучнѣе для бѣдной мѣщанской дѣвушки—лѣтній или зимній—это еще вопросъ, и объ томъ, что зимній день веселый можно поспорить и поспорить основательно".

150,2—6: „Лучше бы сказать: постой, я иначе съ нею поговорю, иную рѣчь поведу съ нею".

150,8. „Тутъ пламень для риѳмы".

„ 9—**151**,3: „Очень хорошо, коротко, характеристически вѣрно и выпукло, однимъ словомъ это эскизъ художника".

151,5 „Какая бѣда? Саша собиралась еще только передать ему о сватаньи".

151,8—12: „Зачѣмъ столяру было съ ранняго утра и почти до вечера сидѣть у вдовы, когда ему заказанъ гробъ, и слѣдовало бы поспѣшить работой".

151,14: „Какая же?"

„ 18: „По смыслу упрямъ".

152,19: „Это непохоже на притворную болѣзнь".

154,4: „Какъ неловокъ стихъ, потому что неясенъ".

155,27: „Вотъ здѣсь совсѣмъ нейдетъ, а просто надобно сказать и."

155,30: „Мнѣ кажется, тутъ нѣсколько круто свернуто. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что отношенія Саши къ столяру слишкомъ блѣдно обрисованы, такъ что читатель нисколько не заинтересованъ ими. Хотя Саша и не пламенно любила столяра, но всетаки она любила его, почему въ ней и происходила борьба между привязанностью къ столяру и желаніемъ сдѣлаться богатой; эту-то борьбу и слѣдовало бы изобразить автору прежде, нежели онъ передастъ о рѣшимости Саши."

156,1—36: „Прекрасно: здѣсь простая картина, но картина прямо взятая изъ природы и одушевленная мыслію художника".

156,24: „Не однообразно-ли?"

157,28: „Въ глухую полночь-то! Ребенку пора бы давно уснуть."

158,12: „Въ чемъ?"

„ 12—19: „Къ чему это?"

„ 20: „Какой и съ кѣмъ?"

159,9: „?"

„ 15—22: „Зачѣмъ становиться на такія ходули?"

160,9: „Авторъ нѣсколько иначе рекомендуетъ свою героиню."

165,3: „Развѣ это дѣлается?"

„ 8—9: „Правильнѣе: для сужденія и приговора".

166,22—24: „Да объ чемъ же онѣ плакали? Развѣ ихъ кто нибудь поколотилъ?"

167,9: „Отличьно, хорошо".

172,31—**173**,1: „Во 1-хъ, напоминаетъ сладость молитвы и т. п. Во 2-хъ, идеализируетъ личность столяра."

173,22—27: „Нѣтъ, ужъ позвольте вамъ не повѣрить въ этомъ."

173,32—33: „Шутки, зависть, досада—развѣ трудъ."

175,19—28: „Къ этому разсужденію не мѣшало бы присоединить слѣдующее: что вотъ де теперь у меня будетъ зять не то что какой нибудь столяръ, нищій, отъ котораго нечѣмъ будетъ поживиться, а человѣкъ съ достаткомъ, который и меня на старости вѣрно не оставитъ; такъ ужъ во что бы то ни стало, а надо устроить эту свадьбу."

176,5: „Такъ-ли? Скобѣевъ всетаки баринъ"

„ 25: „Если у кого заведется такая сестрица, то жена уже удаляется изъ дома".

177,2: „Люстры покрываются не парусиной".

„ 5: „Это выраженіе здѣсь не совсѣмъ умѣстно. Говорятъ: въ своей тарелкѣ, большей частью въ отношеніи расположенія духа. Притомъ это выраженіе переводъ съ французскаго être dans son assiette и потому едва ли народное."

177,8: „Куда? Въ переднюю."

„ 29: „Не говорятъ такъ."

178, 2—12: „Хотя, какъ вы говорите, кулаки народъ грубый, но всетаки страненъ подобный разговоръ при настоящемъ случаѣ, когда кулакъ является просителемъ".

179, 12: „Странная забывчивость со стороны Скобѣева. Мнѣ кажется, лучше бы объясненіе Скобѣева съ кулакомъ поставить назади; тогда онъ могъ бы подслушать разговоръ нечаянно".

186, 10—12: „Тутъ пропускъ. Не мѣшало бы показать, какъ именно вышелъ кулакъ изъ затруднительнаго положенія".

205, 3—29: „Признаюсь, мнѣ не совсѣмъ нравится это".

206. 20—**207**,3: „Можно бы и безъ этого обойтись".

208, 29: „Не заплачемъ“, кажется, нейдетъ здѣсь“.
210, 23: „ ? “
211, 20: „Кто?“

На послѣдней страницѣ рукописи тѣмъ же почеркомъ, что и большинство примѣчаній, написано слѣдующее заключеніе:

„Я исполнилъ Ваше желаніе, милый Иванъ Саввичъ, прочиталъ со вниманіемъ вашу поэму и испестрилъ ее своими замѣтками. Многіе изъ этихъ замѣтокъ, можетъ быть, покажутся вамъ слишкомъ придирчивыми; быть можетъ, что я, принимая искреннее участіе въ судьбѣ вашего Кулака и желая видѣть его возможно лучшимъ, кое гдѣ и пересолилъ, но во всякомъ случаѣ да не будетъ судъ мой вамъ во осужденіе.

Еще одно замѣчаніе. Желательно, чтобы вы, внимательно пересмотрѣвъ вашу поэму, уравновѣсили ея части, пополнили нѣкоторые пропуски, выкинули мѣстами встрѣчающіяся излишнія разсужденія..... получше..... и вообще все хорошенько провѣрили съ натурою; тогда поэма ваша весьма много можетъ выиграть, и я увѣренъ, что она займетъ замѣчательное мѣсто въ нашей литературѣ. Главное: ne vous горяче pas и не спѣшите ее печатать; чрезъ нѣсколько времени недостатки ея вамъ самимъ будутъ ярче бросаться въ глаза“.

Примѣчанія.

Къ „Кулаку“.

О „Кулакѣ“ см. письма: къ Н. И. Второву, XI (защита самостоятельности типовъ „Кулака“), XIX (предположеніе включить „Кулака“ во второе изданіе стихотвореній), XXXII, къ гр. А. И. Толстой; къ Н. И. Брюханову, I (собираніе типическихъ чертъ), II; къ Плотниковымъ, X, (выходъ въ свѣтъ „Кулака“), XII, XIV (сообщеніе о томъ, что „Кулакъ“ распроданъ).

„Кулакъ“ вышелъ въ Москвѣ въ 1858 г. (Въ типографіи Каткова и К⁰. 158 стр. in 8⁰). Рецензіи появились въ томъ же году въ слѣдующихъ журналахъ: *Атеней* (№ 58), *Изв. Имп. Акад. Наукъ, по отд. рус. яз. и слов.*, т. VII (Отчетъ академика Я. К. Грота); *Современникъ*, т. LXIX.

Къ „Поѣздкѣ на Хуторъ“.

„Поѣздка на Хуторъ“ является единственнымъ сохранившимся отрывкомъ изъ задуманной и въ значительной части написанной поэмы „Городской Голова“, въ которой Никитинъ, такъ же, какъ и Гоголь во второй части „Мертвыхъ Душъ“, хотѣлъ дать положительные типы современной ему русской дѣйствительности. Въ V гл. своей статьи „Ив. Сав. Ник.“ М. Ѳ. де Пуле говоритъ объ этой поэмѣ: „Въ это время (начало 1861 г.) онъ думалъ возвратиться къ своему „Городскому Головѣ“, давно начатой, но неоконченной поэмѣ. — и, кажется, возвращался, но, по словамъ его, порвалъ все написанное и теперь, и прежде; „дрянь!“ отвѣчалъ Никитинъ на укоръ пріятелей. Ни одной строчки этой „дряни“ мы не нашли въ бумагахъ поэта послѣ его смерти.“

Къ „Тарасу.“

„Тарасъ“ имѣетъ три редакціи. 1-ю, подъ названіемъ „Сорока“, и вторую см. въ варіантахъ. Рукописи первой и вто-

рой хранятся въ Москвѣ у Щукина. Рукопись третьей, окончательной редакціи,—въ Вор. Губ. Музеѣ. Напечатанъ „Тарасъ“ впервые былъ вмѣстѣ съ „Дневникомъ Семинариста“ и двумя стихотвореніями („Портной“ и „За прялкою баба въ понявѣ сидитъ“) въ *Воронежской Бесѣдѣ* на 1861 г. (Изд. М. де Пуле и П. Глотова).

Къ „Дневнику Семинариста“.

О „Дневникѣ Семинариста“ см. письма: къ Н. И. Второву, XII, XXXIII (сообщеніе о томъ, что Никитинъ „взялся было написать для Воронежскаго Сборника „Дневникъ Семинариста“ и листовъ шесть мельчайшимъ почеркомъ уже написалъ); къ И. И. Брюханову, XV (окончаніе работы); къ П. М. Вицинскому; къ Л. П. Блюммеру, II; къ Н. А. М—ой, VII. Вездѣ Никитинъ говоритъ объ общественномъ значеніи, которое онъ придаетъ этому произведенію.

Рукопись „Дневника Семинариста“ хранится въ Вор. Губ. Музеѣ.

Напечатанъ онъ былъ въ *Вор. Бес.* на 1861 г.“

СОДЕРЖАНІЕ.

Эпосъ Никитина *Ред.* . . . . . 5—18

Кулакъ 1
Кулакъ (1-ая ред.) 112
Поѣздка на Хуторъ 212
Тарасъ 221
Дневникъ Семинариста 238
Назадъ тому недѣли три 345
Городъ нашъ бѣлится 350

Письма:

Къ Ѳ. А. Кони 352
„ В. А. Средину 354
„ гр. Д. Н. Толстому 356
„ А. А. Краевскому 357
„ Н. И. Второву 362
„ Неизвѣстному 384
„ гр. А. И. Толстой 385
„ И. И. Брюханову 386
„ В. А. Кокореву 401
„ Л. П. Блюммеру 402
„ А—ной 403
„ Н. А. М—ой 404
„ П. М. Вицинскому 440
„ М. Ѳ. де-Пуле 442
„ Плотниковымъ 445
„ К. О. Александрову-Дольнику 465

Варіанты:

Кулака 467
Тараса 485
Рукопись „Кулака“ *Ред.* 506
Примѣчанія *Ред.* 514

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3337
N7
1910
t.2

Nikitin, Ivan Savvich
Polnoe sobranie sochinenii